
ЛУЧШЕЕ
ОБОРОТНИ
АНТОЛОГИЯ
Клайв БАРКЕР, Ким НЬЮМАН,
Адриан КОУЛ, Грэм МАСТЕРТОН
и многие другие

ОБОРОТНИ

АНТОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
Издательство «ФАНТАСТИКА»
2008

УДК 82/89
ББК 84.4 Вл
О 22

The GIANT BOOK OF WEREWOLVES
Edited by Stephen Jones
Collection copyright © Stephen Jones, 1994

Публикуется с разрешения редактора через
Dorian Literary Agency (Великобритания)
и Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
О. Александровой, Н. Алешиной, И. Богданова,
В. Двининой, Т. Казаковой, Н. Киктенко, Е. Ластовцевой,
В. Полищук, И. Русаковой, И. Тарасенко, С. Теремязевой

Оформление А. Золотухина

О 22 **Оборотни**: Антология / Пер. с англ. О. Александровой, Н. Алешиной, И. Богданова и др. — СПб.: Фантастика, 2008. — 640 с.

ISBN 978-5-91377-046-2

Антология «Оборотни» — новый сборник из серии «Лучшее» — собрала под своей обложкой поистине уникальные образцы жанра хоррор, как современные, так и ставшие уже классическими. Клайв Баркер, Скотт Брэдфилд, Грэм Мастертон, Марк Моррис, Ким Ньюман и другие замечательные авторы представляют на суд читателей свои рассказы, многие из которых были написаны специально для этой антологии и на русском языке выходят впервые.

Кто они, скрывающиеся под личиной зверя, разрушающие, убивающие тех, кого любят? Кто они, терзаемые угрызениями совести в человеческом облике? Обреченные меняться и полнолуние, ведомые своими инстинктами, они рядом, они живут среди нас, и ты никогда не узнаешь, кто следующий...

© Н. Александрова, Н. Алешина, И. Богданов, В. Двинина, Т. Казакова, Н. Киктенко, Е. Ластовцева, В. Полищук, И. Русакова, И. Тарасенко, С. Теремязева, перевод, 2008
ISBN 978-5-91377-046-2 © «Фантастика», 2008

Майку и Джен, которые, надеюсь,
никогда ни в кого не превратятся...

ВСТУПЛЕНИЕ

Даже тот, кто сердцем чист...

Ликантропы... оборотни... лун-гаро... вервольфы... — люди (чаще всего мужчины, но порой и женщины), которые прячутся под маской зверей, и звери, которые убивают измученную душу человека. Из всего пантеона чудовищ в жанре хоррор (вампиров, зомби, Франкенштейна) вервольф, пожалуй, самый трагический образ. Обреченные (причем в подавляющем большинстве случаев не по собственной воле) на то, чтобы в полнолуние превращаться в зверя-убийцу, который уничтожает тех, кого любит, оборотни представляют собой классическую дихотомию Добра против Зла — ту самую, что с момента выхода в свет «Странной истории доктора Джекилла и мистера Хайда» Роберта Льюиса Стивенсона стала краеугольным камнем всех великих современных произведений в жанре хоррор.

Оборотням, как и их ближайшим «родственникам» и соседям по пантеону чудовищ, а именно вампирам, посвящено множество литературных произведений, начиная со ставших уже классикой, — «Парижский оборотень» Гая Эндора (The Werewolf of Paris by Guy Endore, 1933), «Мрачнее, чем вам кажется» Джека Уильямсона (Darker Than You Think by Jack Williamson, 1940), «Вторжение из тьмы» Грейе Ла Спины (Invaders from the Dark by Greye La Spina, 1925/1960) — и до более современных историй, например «Волк Св. Петра» Майкла Каднума (Saint Peter's Wolf by Michael Cadnum, 1991) и трилогии Брайана Стейблфорда «Лондонские оборотни» (The Werewolves of London by Brian Stableford, 1990).

Разумеется, кинематограф тоже не мог не отреагировать на увлечение публики трагическим образом волка-оборотня. Среди самых ранних экранных воплощений истории о вервольфе назовем канадский фильм 1913 года «Оборотень» — более чем вольную экранизацию «Оборотней» Генри Бог-

ранда (Henry Beaugrand, The Werewolves), и немую французскую ленту «Луп-гаро» (Le Loup-Garou, 1923).

Голливуд заразился темой оборотней только в 1935 году, когда вышел фильм «Лондонский оборотень» (The Werewolf of London), основанный на рассказе Оливера Ониона «Хозяин дома» (The Master of the House by Oliver Onion), написанном в 1929 году. В этом фильме роль сумасшедшего ученого сыграл Генри Халл (Henry Hull). В 1941 году, опять-таки на студии «Universal», вышел фильм «Человек-волк» (The Wolf Man), в котором Лон Чени-младший (Lon Chaney Jr) сыграл обреченного Лоренса Тальбота. Образ оборотня стал популярным, и впоследствии на экран выходили фильмы, в которых оборотни по сюжету сталкивались с Дракулой, Франкенштейном и разнообразными чокнутыми профессорами. Через десять лет образ поистерся и прискучил публике настолько, что уже превратился в объект для пародий. За этот же период появились куда более интересные произведения на тему оборотней — малобюджетный фильм Вэла Льютона «Люди-кошки» (Val Lewton, The Cat People, 1942) и его продолжение «Проклятие людей-кошек» (The Curse of the Cat People, 1944). Как явствует из названия, режиссер нашел новый поворот темы.

Кинематограф на достигнутом не остановился, и за последующие годы экран заполонило огромное количество фильмов об оборотнях, в частности «Неумирающее чудовище» (The Undying Monster, 1942), экранизация одноименного романа Джесси Дугласа Керриша (Jessie Douglas Kerruish), написанного в 1922 году, «Я был оборотнем-подростком» (I Was a Teenage Werewolf, 1957), «Оборотень в девичьей спальне» (Werewolf in a Girls' Dormitory, 1961), «Проклятие оборотня» (The Curse of the Werewolf, 1961), фильм по мотивам книги «Парижский оборотень»; «Оборотни на колесах» (Werewolves on Wheels, 1971), «Вашингтонский оборотень» (The Werewolf of Washington, 1973), «Легенда об оборотне» (Legend of the Werewolf, 1974), «Вой» (The Howling, 1980) — по мотивам романа Гарри Брандера (Gary Brander) и многочисленные сиквелы: «Американский оборотень в Лондоне» (An American Werewolf in London, 1981), «Волчонок» (The Wolfen, 1981) — по мотивам романа Уитли Штрайбера (Whitley Strie-

ber), «Волк-подросток» (Teen Wolf, 1985) и его продолжение... и так вплоть до телевизионного фильма «Полное затмение» Ричарда Кристиана Метьюсона (Richard Christian Matheson, Full Eclipse, 1993) и знаменитого «Волка» (Wolf, 1994) с великолепным Джеком Николсоном и Мишель Пфайффер.

Как обычно происходит с литературными чудовищами, самое большое количество воплощений образ оборотня получил в жанре новеллы или рассказа. Однако, в отличие от предыдущих составленных мной антологий («Ужасы», «Вампиры» и «Зомби»), в антологии об оборотнях я несколько изменил принцип отбора произведений. Если в предыдущих антологиях я старался представить тему во всем ее разнообразии, от классики до новейших вариаций, то на сей раз решил уделить больше внимания именно старым, классическим рассказам об оборотнях — так сказать, обратиться к корням. Именно поэтому в данной антологии вы найдете классические бульварные новеллы, например «И косматые будут скакать там...» Мэнли Уэйда Веллмана и «Шептунов» Хью Б. Кейва, наряду с современными шедеврами на тему оборотней — скажем, «Клетка» Дэвида Кейса, «Сумерки над башнями» Клайва Баркера и «Сиськи» Сюзи Макки Чарнас, удостоившиеся литературной премии. Увы, ограничения по объему антологии вынудили меня скрепя сердце отказаться от включения произведений моих любимых авторов, поэтому я по крайней мере назову их имена, чтобы читатель знал, кто еще писал об оборотнях: Роберт Блох, Г. Уорнер Манн, Кларк Эштон Смит, Роберт Э. Ховард, Сибюри Куинн, Эттони Бушер, Джеймс Блиш, Алджернон Блэквуд и Амброз Бирс. Это далеко не полный список. Возможно, если эта антология будет иметь успех, я составлю вторую, также посвященную оборотням, и включу туда всех своих любимцев.

В данный том вошли произведения современных мастеров жанра — Рэмси Кэмпбелла, Бэзила Коппера, Рональда Четвинд-Хейса, Карла Эдварда Вагнера, Дэнниса Этчисона, Леса Дэниэлса, Стивена Лауза и Скотта Брэдфилда. Из классики я выбрал такие блестящие образцы: рассказы Грэма Мастертона, Майкла Маршалла Смита, Марка Морриса, Питера Тримейна, Роберты Лэннес, Николаса Ройла, Адриана Коула, Дэвида Саттона, Брайана Мупи и замечатель-

ное новое произведение Кима Ньюмана «Ночью, в сиянии полной луны...».

Итак, дорогие читатели, вновь наступает полнолуние и волчий вой оглашает окрестности, приготовьте весь ваш запас серебряных пуль и начертите защитную пентаграмму, ибо в сердце человека пробуждается зверь. Сейчас вы взвоете от ужаса, навеянного двадцатью тремя рассказами и одним стихотворением. Все они посвящены кошмарному превращению человека в волка. Но, как говорится, перемена — это разнообразие, а разнообразие деятельности — лучший отдых...

Стивен Джонс,
Лондон, Англия

КЛАЙВ БАРКЕР

Сумерки над башнями

Писателя, драматурга, киносценариста, художника и кинорежиссера Клайва Баркера (Clive Barker) вполне можно было бы самого назвать оборотнем — так много у него разных обличий. После выхода в свет цикла его произведений под общим названием «Книги крови» (Books of Blood, 1984–1985) Клайв Баркер опубликовал еще восемь романов: «Проклятая игра» (The Damnation Game), «Сотканный мир» (Weaveworld), «Сердце ада» (в другом переводе «Сердце Хэллбонда» —The Hellbound Heart), «Кабаль» (Cabal), «Великое и тайное представление» (в другом переводе «Явление тайны») (The Great and Secret Show), «Имаджика» (Imajica), «Вечный похититель» (The Thief of Always), «Эвервилль» (Everville), а также снял фильмы «Восставший из ада» (Hellraiser, 1987) и «Племя тьмы» (Nightbreed, 1990).

Кроме того, Клайв Баркер написал сценарии к фильмам «Подземный мир» (Underworld, 1985) и «Голый мозг» (Rawhead Rex, 1986), был исполнительным продюсером фильмов «Восставший из ада-2» (Hellbound Hellraiser II, 1988) и «Восставший из ада-3: Ад на Земле» (Hellraiser III: Hell on Earth, 1992), а также фильма «Кэндимэн» (Candyman, 1992), снятого по рассказу «Запретное» (The Forbidden). В настоящее время Клайв Баркер снимает анимационную версию романа «Вечный похититель», рассказов «Хозяин иллюзий» (Lord of Illusions) и «Полночный поезд с мясом» (Midnight Meat Train), снимает мини-сериал для телевидения по роману «Сотканный мир», продолжение фильма «Кэндимэн» и четвертую серию «Восставшего из ада».

За последние два года в нью-йоркской галерее Бесс Катлер (New York's Bess Cutler Gallery) были с успехом проведены две выставки его картин и рисунков. Кроме того, являясь автором множества комиксов, Клайв Баркер еще и находит время для написания рассказов. О Клайве Баркере можно прочитать: «Тени в раю Клайва Баркера» Стивена Джонса (Clive Barker's Shadows in Eden by Stephen Jones), «Клайв Баркер. Иллюстратор-2: искусство Клайва Баркера» Фреда Бурка (Clive Barker Illustrator II: The Art of Clive Barker by

Fred Burke) и «Пандемониум-2: Миры Клайва Баркера» Майкла Брауна (Pandemonium II: The Worlds of Clive Barker by Michael Brown).

Рассказ, который мы хотим вам представить, не вполне обычный шпионский триллер, написанный в годы «холодной войны», где автор высказывает свое мнение по поводу возможного использования оборотней в качестве лучших — и смертельно опасных — тайных агентов. Не такая уж и странная мысль, если подобные создания действительно существуют...

Фотографии Мироненко, которые Боллард показали в Мюнхене, оказались далеко не лучшего качества. Только на одной или двух хорошо было видно лицо человека из КГБ; на остальных расплывчатое и зернистое изображение выдавало способ, которым их сделали, — скрытой камерой. Впрочем, Боллард отнесся к этому спокойно. По своему большому, подчас горькому опыту он знал, что обмануть человеческий глаз — дело нехитрое, однако на свете существует и кое-что другое — способность (практически уничтоженная современной действительностью) улавливать малейшие оттенки человеческих чувств, вернее, то, что от них осталось. Он научился использовать эту способность, чтобы распознавать ложь и предательство. Именно к этой способности он прибегнет при встрече с Мироненко. Она поможет ему вытянуть правду из этого человека.

Правду? В том-то и загвоздка, ибо, выражаясь языком церкви, разве искренность не есть праздник, не имеющий определенной календарной даты? В течение одиннадцати лет Сергей Захарович Мироненко был руководителем одного из подразделений отдела «С» КГБ и обладал правом доступа к секретнейшей информации, касающейся советских нелегалов на Западе. Тем не менее за последнее время он не раз выражал неудовольствие по адресу своего начальства и даже поговаривал о желании перейти на сторону противника, о чем немедленно стало известно британской разведке. В обмен на помощь с выездом из страны Мироненко обещал в течение трех месяцев работать на иностранную

разведку и лишь после этого броситься в объятия демократии, чтобы навсегда укрыться от мести своих бывших хозяев. Вот для чего Боллард должен был встретиться с русским лицом к лицу — чтобы проверить подлинность его заявлений по поводу полного разочарования в советской идеологии. Разумеется, сам Мироненко мог говорить все, что угодно, и Боллард это понимал; его задача заключалась в выявлении малейших нюансов в поведении Мироненко, распознать которые можно было лишь с помощью природного чутья.

В другое время Боллард пришел бы в восторг от этой задачи и тут же принялся бы ее обдумывать. Однако раньше подобное поручение выполнял бы агент, уверенный, что действует в интересах всего человечества. Теперь же Боллард поумнел. Из года в год секретные агенты Востока и Запада занимались своим делом. Они плели интриги; они халтурили; время от времени (хотя и редко) они проливали кровь. Были провалы и измены, были и ничтожные тактические победы, но в конечном счете результат оказывался один и тот же.

Взять, к примеру, этот город. Впервые Боллард приехал в Берлин в апреле 1969-го. Ему тогда было двадцать девять лет, он еще не устал от работы и желал немного развеяться. Однако это оказалось куда как сложно. Город ему не понравился — унылый и даже мрачный. Оделлу, его коллеге на ближайшие два года, потребовалось немало усилий, чтобы доказать, что Берлин сохранил свое былое очарование, и когда Боллард это понял, то был потерян для мира навсегда. Теперь этот разделенный на две части город был ему роднее и ближе, чем Лондон. Витающее в воздухе ощущение тревоги, не оправдавший надежд идеализм и — возможно, более всего — ужасающее одиночество — вот что было так созвучно внутреннему состоянию Болларда. Он и этот город, они оба пытались поддерживать иллюзию своего существования посреди пустыни погибших амбиций.

Боллард нашел Мироненко в Национальной картинной галерее. Да, фотографии лгали: русский выглядел гораздо старше своих сорока шести лет и даже казался больным, чего на тех скверных снимках Боллард не разглядел. Мужчины сделали вид, что не знают друг друга. Целый час они

бродили по музею, при этом Мироненко проявлял к картинам острый и явно искренний интерес. Только удостоверившись, что за ними не следят, русский вышел из здания и повез Болларда на окраину города, в чистенький район Далем, где находился условленный для их встречи дом. Они сели за стол в маленькой нетопленой кухне и приступили к беседе.

Английским Мироненко владел слабо или делал вид, что слабо. Правда, у Болларда возникло ощущение, что трудности в выражении своих мыслей были вызваны у русского скорее тактическими соображениями, нежели плохим знанием английской грамматики. Впрочем, на его месте Болларда повел бы себя так же: к чему сейчас щеголять знаниями? И все же, несмотря на трудности с языком, Мироненко ясно давал понять, что говорит совершенно искренне.

— Я больше не коммунист, — просто заявил он, — я им вообще никогда не был. Вот здесь, — он прижал кулак к груди, — здесь я никогда не считал себя коммунистом.

Вытащив из нагрудного кармана некогда белый носовой платок, он стянул с руки перчатку и, развернув платок, достал оттуда баночку с таблетками.

— Извините, — сказал Мироненко, вытряхивая на ладонь несколько таблеток. — У меня боли. В голове, в руках.

Подождав, пока русский примет таблетки, Болларда спросил:

— Почему вы вдруг начали сомневаться?

Русский положил в карман банку и платок; его широкое лицо осталось совершенно бесстрастным.

— Как человек теряет свою... веру? — спросил он. — Я видел это слишком часто; или, возможно, наоборот — слишком редко.

Он взглянул в лицо Болларда, желая проверить, какое впечатление произвели его слова. Решив, что Болларда его не понял, он попытался объяснить еще раз:

— Я считаю, что человек, который не верит, что запутался, что он погиб, в конечном счете действительно погибает.

Парадоксальное заявление, выраженное весьма изящно. Подозрения Болларда относительно того, что Мироненко неплохо владеет английским, подтвердились.

— А сейчас вы — запутались? — поинтересовался Боллард.

Мироненко не ответил. Он стянул вторую перчатку и принялся разглядывать свои руки. Таблетки, по-видимому, не ослабили боли. Он сжимал и разжимал пальцы, как страдающий артритом человек, который проверяет состояние суставов. Не глядя на Болларда, Мироненко произнес:

— Меня учили, что Партия знает ответы на все вопросы. Поэтому я ничего не боялся.

— А сейчас?

— Сейчас? Сейчас у меня появились странные мысли. Они приходят ниоткуда...

— Продолжайте, — сказал Боллард.

Мироненко натянуто улыбнулся:

— Вы хотите узнать всю мою подноготную, да? Даже мои мысли?

— Да, — сказал Боллард.

Мироненко кивнул.

— У нас было бы то же самое, — сказал он и после некоторого молчания добавил: — Иногда я думал, что не выдержу. Вы меня понимаете? Я думал, что взорвусь изнутри, потому что во мне кипела ярость. И это меня пугает, Боллард. Я думал, что когда-нибудь они заметят, как я их ненавижу. — Он взглянул на своего собеседника. — Поторопитесь, иначе меня обнаружат. Я стараюсь не думать о том, что со мной сделают. — Он снова помолчал. Слабая улыбка, промелькнувшая было на его губах, мгновенно исчезла. — В нашем отделе есть такие службы, о которых даже я ничего не знаю. Спецбольницы, доступ в которые категорически запрещен. Они умеют разрывать душу человека на мелкие кусочки.

Даже прагматичный Боллард удивился, как возвышенно начал выражать свои мысли Мироненко. Попади Боллард в руки КГБ, вряд ли он стал бы думать о своей душе. В конце концов, нервные окончания располагаются в теле, а не в душе.

Они проговорили больше часа. Разговор переходил от политики к личным воспоминаниям и снова возвращался

к политике, они говорили о разных пустяках и исповедовались друг другу. Под конец беседы Боллард уже не сомневался, что Мироненко ненавидит своих хозяев. Он был, как он сам выразился, человеком без веры.

На следующий день Боллард встретился с Криппсом в ресторане отеля «Швайцерхоф» и доложил ему о встрече с Мироненко.

— Он готов и ждет. И просит нас поторопиться с решением.

— Еще бы, — сказал Криппс.

Сегодня его стеклянный глаз доставлял ему массу неудобств; из-за холодного воздуха, как объяснил Криппс, глаз все время запотевал и двигался медленнее, чем здоровый, а потому время от времени его приходилось слегка подталкивать пальцем.

— Мы не станем торопиться, — сказал Криппс.

— Но почему? Лично у меня нет никаких сомнений относительно его намерений. Или его отчаяния...

— Посмотрим, — ответил Криппс. — Как насчет десерта?

— Вы что, и во мне теперь сомневаетесь? Вы это хотите сказать?

— Давайте съедим чего-нибудь сладкого. Меня от всего этого тошнит.

— Вы считаете, что относительно Мироненко я ошибаюсь, так? — упорствовал Боллард. Криппс не ответил, и Боллард слегка перегнулся через стол. — Вы так считаете, не правда ли?

— Я просто хочу сказать, что нужно проявлять осторожность, — сказал Криппс. — Если мы и в самом деле заберем Мироненко к себе, русские очень расстроятся. Мы должны быть уверены, что наши действия будут стоить той бучи, которая тут же поднимется. В настоящий момент все висит на волоске.

— А когда у нас было иначе? — спросил Боллард. — Скажите, когда у нас вообще было спокойно? — Откинувшись в кресле, он попытался заглянуть в лицо Криппса, чей стеклянный глаз, казалось, излучал более честный взгляд, чем настоящий. — Мне опротивела вся эта возня, — буркнул Боллард.

Стеклянный глаз повернулся в его сторону.

— Из-за русского?

— Возможно.

— Поверьте, — сказал Криппс, — у меня есть все основания не доверять этому человеку.

— Назовите первое.

— Мы ничего о нем не знаем.

— Так уж и ничего? — не унимался Боллард.

— Всего лишь слухи, — ответил Криппс.

— А меня почему не спросили?

Криппс покачал головой.

— Это уже из области теории, — сказал он. — Вы предоставили хороший отчет, и я хочу, чтобы вы поняли: если ситуация складывается не так, как вы предполагали, то это вовсе не потому, что вам перестали доверять.

— Понятно.

— Вы ничего не поняли, — сказал Криппс. — Вы чувствуете себя мучеником; что ж, вас винить не в чем.

— И что мне теперь делать? Забыть о встрече с этим человеком?

— А что, тоже неплохо, — сказал Криппс. — С глаз долой, из сердца вон.

Криппс явно не доверял Боллард у, иначе послушался бы его совета. Хотя всю следующую неделю Боллард продолжал потихоньку наводить справки о Мироненко, стало ясно, что людям из его ближайшего окружения было приказано молчать.

В общем, следующие новости о своем подопечном Боллард получил из утренних газет. В статье говорилось, что недалеко от станции Кайзердамм, возле дома был найден труп. Боллард не связал этот случай с Мироненко, однако кое-что в этой истории привлекло его внимание. Во-первых, дом, указанный в статье, иногда использовался службой разведки для встреч с агентами; во-вторых, там говорилось, что на месте преступления едва не удалось схватить двоих мужчин, пытавшихся спрятать тело; далее в статье отмечалось, что преступление было совершено явно не из мести или ревности.

В полдень Боллард отправился в офис Криппса, чтобы заставить его дать объяснения, но Криппс оказался занят и в ближайшее время, как заявил его секретарь, вряд ли будет свободен — дела вызвали его в Мюнхен. Боллард оставил записку, в которой просил Криппса о встрече, как только тот вернется.

Выйдя из офиса и снова оказавшись на холоде, он внезапно почувствовал, что за ним наблюдают: какой-то тип с узким лицом и голым черепом, на котором не осталось ничего, кроме нелепого завитка на макушке, шел за ним. Боллард знал, что это человек из окружения Криппса, но вспомнить его имя не мог. Впрочем, долго гадать ему не пришлось.

— Саклинг, — сказал тип.

— Ну разумеется, — ответил Боллард. — Привет.

— Мне кажется, нам следует поговорить, если, конечно, у тебя найдется минутка, — сказал человек. Голос у него был такой же резкий, как и черты лица; Боллард, которому вовсе не хотелось выслушивать разные сплетни, уже собрался отклонить предложение, но тут Саклинг сказал:

— Ты, наверное, слышал, что случилось с Криппсом.

Они медленно пошли по Кантштрассе по направлению к зоопарку. Наступило обеденное время, и на улицах было много прохожих, но Боллард никого не замечал. История, которую ему поведал Саклинг, оказалась крайне интересной.

На первый взгляд, все было очень просто. Криппс договорился с Мироненко о встрече, чтобы самолично провести с ним беседу. Дом в Шенеберге уже не раз использовался для подобных встреч и давно считался одним из самых надежных мест в городе. Однако в тот вечер оказалось, что это не так. Скорее всего, агенты КГБ выследили Мироненко и проникли за ним до самого дома, после чего попытались прервать встречу. Никто не видел, что там произошло, — оба агента, сопровождавшие Криппса — одним из которых был давний коллега Болларда Оделл, — были убиты; сам Криппс находился в коме.

— А Мироненко? — спросил Боллард.

Саклинг пожал плечами.

— Вероятно, его увезли на родину, — сказал он.

Боллард почувствовал — в воздухе словно пронеслась волна, от которой несло ложью.

— Я тронут, что ты стараешься держать меня в курсе, — сказал он. — Только вот зачем?

— Но ведь вы с Оделлом были друзьями, разве не так? — последовал ответ. — Если Криппс уйдет со сцены, ты останешься практически в полном одиночестве.

— Вот как?

— Ты не обижайся, — поспешно добавил Саклинг, — но тебя считают потенциальным диссидентом.

— Ближе к делу, — сказал Боллард.

— А никакого дела и нет, — возразил Саклинг. — Я просто подумал, что тебе нужно знать о том, что случилось. Учти, я рискую головой.

— Очень мило, — сказал Боллард и остановился.

Саклинг прошел еще пару шагов, а когда обернулся, то увидел, что Боллард улыбается.

— Кто тебя прислал?

— Никто, — ответил Саклинг.

— Умный ход — дать мне знать, что обо мне болтают в руководстве. Я тебе чуть не поверил. Ты ужасно убедителен.

Саклинг не смог скрыть нервного тика, от которого сразу задергалась его щека.

— В чем меня подозревают? Они что, думают, что я вступил в сговор с Мироненко? Нет, не думаю, они же не дураки.

Саклинг грустно покачал головой, словно доктор, обнаруживший у пациента неизлечимую болезнь.

— Тебе нравится заводить себе врагов? — спросил он.

— Издержки профессии, понимаешь ли. Ничего, я к этому привык. А лишние враги мне не нужны.

— Кажется, нас ждут перемены, — сказал Саклинг. — Уверен, у тебя уже готовы все ответы.

— Да пошел ты со своими ответами, — любезно сказал Боллард. — Мне кажется, что пришло время задавать нужные вопросы.

Чтобы выведать его намерения, к нему подослали Саклинга — это уже попахивает паникой. Им крайне нужна информация, но о чем? Неужели они серьезно считают, что

он как-то связан с Мироненко или, того хуже, с КГБ? Боллард с трудом сдерживал негодование; нет, сейчас не стоит копаться в грязи, сейчас как раз нужно, чтобы все было предельно четко и ясно, раз уж ему предстоит выбираться из этой передряги. В одном Саклинг прав: у него действительно много врагов, и без Криппса он становится уязвим. Из этой ситуации есть только два выхода: либо вернуться в Лондон и залечь на дно, либо остаться в Берлине и ждать, что будет дальше. Боллард выбрал второй вариант. Очарование игры в прятки осталось для него в прошлом.

Свернув на Лейбницштрассе, Боллард заметил в витрине магазина отражение какого-то человека в сером пальто. Отражение сразу исчезло, но Боллард этот человек показался знакомым. Значит, к нему уже приставили «хвост»? Резко обернувшись, Боллард посмотрел человеку в лицо. Тот явно смутился и отвел взгляд. Может быть, ему показалось? А может быть, и нет. «Да какая разница? — подумал Боллард. — Хотят следить, пусть следят». Он ни в чем не виноват. Если, конечно, такое состояние существует. По эту сторону безумия.

Сергея Мироненко охватило странное ощущение полного счастья; оно накатило на него внезапно, без всякой причины, наполнив собой сердце.

Еще вчера обстоятельства складывались хуже некуда. Боли в руках, голове и позвоночнике усилились, но теперь к ним добавился страшный зуд, от которого хотелось рвать кожу ногтями. Казалось, его тело решило восстать против своего хозяина. Это он и пытался объяснить Болларду: он чувствует, что словно раздваивается, и боится, что скоро может вообще разорваться напополам. Но сегодня страх исчез. Страх, но не боль. Во всяком случае, по сравнению со вчерашним днем она усилилась. Связки и сухожилия болели так, словно испытывали страшную перегрузку, на которую не были рассчитаны; на суставах от внутренних кровоизлияний появились синяки. Однако внезапно это страшное состояние прошло, и все успокоилось, и ему захотелось спать. А сердце наполнилось невыразимым счастьем.

Когда он пытался вспомнить недавние события, желая понять, что могло вызвать у него столь странные ощущения,

память отказывалась ему служить. Его вызвали на встречу с начальником Болларда; это он помнил. Состоялась та встреча или нет — это стерлось у него из памяти. Вместо воспоминаний о той ночи — пустота.

Он подумал, что Боллард, наверное, знает, что случилось. Этот англичанин понравился ему с самого начала; он сразу понял, что, несмотря на различия, у них много общего. Интуиция подсказывала ему, что Болларда нужно поскорее найти. Конечно, увидев его, англичанин очень удивится; возможно, сначала даже рассердится. Но когда он расскажет Болларду о своем счастье, то, конечно же, будет прощен.

Боллард обедал поздно, а потом пил до позднего вечера в «Кольце», маленьком баре, где собирались трансвеститы, куда его впервые привел Оделл почти двадцать лет назад. Несомненно, коллега просто хотел продемонстрировать свое глубокое знание жизни, показывая новичку признаки упадка Берлина, однако Боллард, не испытывая никакой тяги к завсегдатаям «Кольца», внезапно почувствовал себя здесь как дома. Он сохранял нейтралитет, и за это его уважали и никогда не приставали к нему. Ему давали возможность просто пить и наблюдать за демонстрацией полов.

В тот вечер перед его глазами стоял призрак Оделла, чье имя было уже забыто именно потому, что он был связан с делом Мироненко. История не прощает ошибок, если только ошибка не выливается в нечто грандиозное. Подобное Боллард уже наблюдал. Таких, как Оделл — честолюбивых мужчин, которые из-за своего небольшого просчета оказываются в полном тупике, из которого нет выхода, — таких мужчин не ждут ни красивые речи, ни награды. Их ждет лишь забвение.

От этих мыслей Болларду сделалось очень грустно, и, чтобы развеять меланхолию, он напивался все сильнее, и когда в два часа ночи вышел на улицу, от былой депрессии осталось лишь мрачное уныние. Добрые обыватели Берлина давно спали; завтра их ждет новый рабочий день. Стояла тишина, и только со стороны Курфюрстендамм слышался глухой гул проезжающих машин. Боллард пошел на этот звук; мысли в голове путались.

Внезапно сзади раздался смех. Молодой человек, одетый шикарно, как кинозвезда, пошатываясь шел по тротуару под руку со своим неулыбчивым сопровождающим. Боллард знал этого трансвестита, завсегдатая бара; его клиент — судя по скромному костюму, провинциал — наверняка сбежал от жены, чтобы за ее спиной утолить свое влечение к мальчикам, одетым в женское платье. Боллард ускорил шаг. Звонкий смех юноши, в котором звучало явно наигранное кокетство, заставлял Болларда стискивать зубы.

Мимо кто-то пробежал; краем глаза Боллард успел заметить лишь мелькнувшую тень. Скорее всего, это его «хвост». Алкоголь притупил его сознание, и все же Боллард почувствовал некоторое беспокойство, причину которого и сам не понимал. Он шел, не оглядываясь. Голова у него гудела.

Пройдя несколько ярдов, Боллард вдруг осознал, что смех за его спиной внезапно оборвался. Он обернулся, ожидая увидеть обнимающуюся парочку. Однако юноша и его спутник исчезли; наверное, шмыгнули в ближайший переулок, куда же еще, чтобы в темноте довести свою встречу до завершения. Где-то рядом бешено залаяла собака. Боллард напряженно всматривался в темноту, словно желал разгадать, что таит в себе эта пустынная улица. Гул в голове и пощипывание в ладонях — нет, все это не от простого беспокойства. С улицей, такой тихой и мирной с виду, что-то было не так, в ней таился ужас.

До ярких огней Курфюрстендамм оставалось не более трех минут ходьбы, но Боллард не захотел уйти, оставив нераскрытой тайну тихой улицы, и потому медленно пошел назад. Собака перестала лаять. Наступила тишина, слышны были только его шаги.

Дойдя до ближайшего переулка, он заглянул за угол. Темно — ни единого освещенного окна или фонаря у подъезда. Ни единой живой души в этой тьме. Боллард пошел к следующему переулку. Внезапно в нос ему ударила дикая вонь, которая сделалась еще сильнее, когда он свернул за угол. От этой вони гул в голове сменился настоящим громом.

В конце переулка слабо светилось одно-единственное окошко на верхнем этаже, бросающее отблеск на тротуар. В этом крошечном круге света Боллард увидел на земле

распростертое тело провинциала. Труп был изуродован до неузнаваемости: человека словно хотели вывернуть наизнанку. От вывалившихся на землю внутренностей исходил жуткий смрад.

Боллард видел смерть и раньше и считал, что давно уже привык ко всему. Однако то, что он увидел в переулке, заставило его содрогнуться от ужаса. Руки и ноги у него задрожали. Вдруг откуда-то из темноты раздался голос юноши.

— Ради бога... — простонал он.

В его голосе больше не было и намека на кокетливую женственность, это было невнятное бормотание парализованного ужасом человека.

Боллард двинулся на голос. Пройдя десять ярдов, он увидел картину, все объясняющую. Юноша лежал, привалившись к стене, возле мусорного контейнера. Все украшения и одежда были с него сорваны; его тело было бледным и обмякшим. Боллarда он, видимо, не заметил; глаза юноши были устремлены куда-то в самую глубину тьмы.

Боллард дрожал всем телом. Пытаясь взять себя в руки, он проследил за взглядом юноши и пошел в ту сторону, но не ради молодого человека (ибо героизм, как его учили, есть весьма сомнительное достоинство), а из любопытства, и даже более того — желая увидеть человека, способного на такую жестокость. Заглянуть в глаза самой ярости — вот что казалось в тот момент Боллarду самым важным в жизни.

Юноша заметил его и что-то жалобно произнес, но Боллард его не слышал. Он чувствовал на себе чей-то взгляд, тяжелый, давящий. Тупая боль в голове пульсировала в четком ритме, словно гул вертолета. Через несколько секунд гул перешел в оглушительный рев.

Боллард закрыл глаза руками и, согнувшись, прислонился к стене, смутно сознавая, что убийца вышел из укрытия (перевернутого мусорного контейнера) и теперь уходит. Что-то задело его, Боллард открыл глаза и увидел, что безумец быстро удаляется по переулку. В его фигуре было что-то неестественное — скрюченная спина и слишком большая голова. Боллард громко окликнул его, но человек лишь ускорил шаг, на секунду задержавшись, чтобы бросить взгляд на мертвеца, после чего бросился бежать.

Боллард отошел от стены и выпрямился. Шум в голове понемногу стихал, головокружение проходило.

За его спиной слышались рыдания юноши.

— Вы видели? — захлебываясь слезами, говорил он. — Вы это видели?

— Кто это был? Вы его знаете?

Юноша уставился на Болларда, словно испуганная лань; его густо подведенные глаза казались огромными.

— Кто?.. — сказал он.

Боллард хотел повторить вопрос, но вдруг раздался визг тормозов, за которым последовал глухой удар. Предоставив юноше самому натягивать разодранное trousseau[1], Боллард бросился на шум. Слышались голоса; у тротуара стояла большая машина с зажженными фарами. Водителю помогали выбраться из кабины, в то время как пассажиры — судя по вечерним платьям и раскрасневшимся лицам, участники вечеринки — шумно обсуждали, как все это произошло. Одна из женщин начала что-то говорить о животном, попавшем под колеса, но ее перебили. Тело, которое лежало в придорожной канаве, куда его отбросило ударом, принадлежало не животному.

Боллард был уверен, что это убийца, хотя он едва успел разглядеть его там, в переулке. Впрочем, все следы уродливой трансформации исчезли; перед ним был обычный человек в слегка потертом костюме; он лежал лицом вниз, в луже крови. Полиция была уже на месте, и офицер кричал, чтобы все отошли в сторону, но Боллард, не обращая на него внимания, подошел к убитому и перевернул его на спину. На лице человека не было следов той дикой ярости, которую надеялся увидеть Боллард. И все же он узнал его.

Это был Оделл.

Сказав полицейским, что ничего не видел, что по существу было правдой, Боллард поспешил покинуть место происшествия, пока полиция не обнаружила еще и тело в переулке.

Он возвращался домой. Казалось, за каждым поворотом его поджидал новый вопрос. И главным из них был один:

---

[1] Нижнее белье *(фр.)*. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иначе.*

почему ему сказали, что Оделл погиб? Что повлияло на разум человека, совершившего зверское убийство в переулке? Разумеется, ответов от своих коллег он не получит. Единственным человеком, который мог бы ему все объяснить, был Криппс. Боллард вспомнил их спор по поводу Мироненко; тогда Криппс говорил что-то о «необходимости соблюдать осторожность», когда имеешь дело с русскими. Уже тогда Стеклянный Глаз явно о чем-то догадывался, хотя вряд ли даже он предвидел, к каким чудовищным последствиям это приведет. Убиты два лучших агента. Сам Боллард — если верить Саклингу — ходит по лезвию ножа. И все это началось с Сергея Захаровича Мироненко, человека, затерянного в Берлине. Похоже, его печальная судьба заразна, как инфекция.

Завтра, решил Боллард, он разыщет Саклинга и выжмет из него все. А сейчас он ляжет спать, потому что его клонит в сон, да еще разболелись голова и руки. От усталости Боллард уже ничего не соображал и отчаянно мечтал об отдыхе. Однако, придя домой, он смог уснуть не раньше чем через час. Впрочем, этот сон не принес ему отдыха. Ему слышались чьи-то тихие голоса, заглушая которые, ревели двигатели вертолета. Дважды Боллард просыпался от дикой головной боли, и дважды страстное желание узнать, о чем шепчут те голоса, заставляло его снова уронить голову на подушку. Когда Боллард проснулся в третий раз, шум в висках был уже невыносим, от страшной боли путались мысли, и Боллард испугался, что сходит с ума. Едва различая предметы перед собой, он сполз с кровати.

— Пожалуйста... — простонал он, словно моля кого-то о помощи.

И тогда из темноты ему ответил холодный голос:

— Чего ты хочешь?

Боллард не стал ни о чем спрашивать; он только сказал:

— Убери эту боль.

— Ты можешь сделать это сам, — ответил голос.

Боллард прижался к стене, обхватив голову руками; от боли из глаз струились слезы.

— Я не знаю, как это сделать, — сказал он.

— Эту боль вызывают твои сны, — ответил голос, — забудь о них. Ты понимаешь? Забудь о них, и боль уйдет.

Боллард понял, что от него требуется, но не знал, как это сделать. Он не мог действовать во сне. Он стал слугой этих голосов; он слушался их, а не они его. Однако голос настаивал:

— Сны опасны для тебя, Боллард. Забудь о них. Спрячь их подальше в глубину своего сознания.

— В глубину?

— Представь их в своем воображении, Боллард. Нарисуй их себе во всех деталях.

Он сделал так, как ему велели. Он представил себе похоронную процессию, которая провожает некий ящик; в этом ящике — его сны. Тогда он постарался запрятать их как можно дальше, как велел ему голос, чтобы они больше никогда не могли его мучить. Он представил себе, как ящик опускают в яму, но вдруг послышался скрип досок. Сны не желали покоиться в могиле. Они бунтовали и требовали свободы. Доски ящика затрещали и начали ломаться.

— Быстрее! — приказал голос.

Рев двигателей перешел в оглушительный вой. У Болларда из носа пошла кровь; он чувствовал ее соленый привкус в горле.

— Кончай с ними! — перекрывая треск досок, завопил голос. — Засыпай землей ящик!

Боллард взглянул вниз, в могилу. Ящик ходил ходуном.

— Засыпай его, черт бы тебя побрал!

Боллард попытался заставить людей приступить к действиям; он умолял их взять лопаты и поскорее засыпать ящик, но его никто не слушал. Люди молча смотрели в могилу, наблюдая, как содержимое ящика отчаянно рвется к свету.

— Нет! — яростно приказал голос. — Не смотри туда!

Ящик плясал на дне ямы. От крышки начали отлетать щепки. Боллард успел заметить, как в щелях что-то блеснуло.

— Тебя это убьет! — сказал голос и, словно в доказательство, перешел на такой пронзительный визг, что заглушил все вокруг, стер похоронную процессию и ящик, утопив все в огне боли. Внезапно Боллард показалось, что голос был прав; это его убьет. Но убить его собирались не

сны, а часовой, которого они выставили между ним и собой: эту раскалывающую череп какофонию звуков.

Только сейчас Боллард понял, что лежит на полу, придавленный болью. Шаря перед собой руками, как слепой, он нащупал стену и пополз к ней, а в голове все так же ревели двигатели, и по лицу текла горячая кровь.

Выпрямившись во весь рост, Боллард, пошатываясь, двинулся в ванную. Голос за его спиной, справившись со своим буйным приступом, вновь взялся его увещевать и зазвучал так ласково и призывно, что Боллард обернулся, чтобы увидеть говорящего, — и не был в том разочарован. На несколько мгновений ему показалось, что он стоит в маленькой комнате без окон, стены которой выкрашены в белый цвет. Комната залита ровным мертвенным светом, озаряющим улыбающееся лицо, которое скрывалось за голосом.

— Сны причиняют тебе боль, — сказало оно. — Похорони их, Боллард, и боль пройдет. — Впервые за это время Боллард услышал приказ.

Боллард всхлипывал, как ребенок; лицо не отводило от него пристального взгляда, и Боллард было очень стыдно. Он отвернулся, чтобы строгий учитель не видел его слез.

— Верь нам, — сказал другой голос. — Мы твои друзья.

Он не верил их красивым словам. Они причиняли ему боль, от которой сами же обещали его избавить; это был их кнут, которым они хлестали бы его, если бы сны вернулись.

— Мы хотим тебе помочь, — сказал один из них.

— Нет... — пробормотал он, — нет, черт вас побери... я не... я не верю...

Комната исчезла, и он вновь оказался в своей спальне, где стоял, цепляясь за стену, словно альпинист за выступ на скале. Торопясь, пока к нему вновь не начали приставать с разговорами и пока вновь не начались боли, Боллард ощупью пробрался в ванную, где включил душ. Слепо шаря перед собой руками, он сначала страшно испугался, что не сможет найти краны, и тут на него хлынула вода. Она была жутко холодной, но Боллард подставил под струю голову, в которой грохотали двигатели, пытаясь расколоть ее пополам. Ледяная вода потекла по его спине, но он не отодвинулся от холодных струй, и постепенно рев вертолетов начал стихать. Боллард

стоял, не двигаясь, и трясся от холода, но не ушел, пока не наступила полная тишина; тогда он сел на край ванны, вытирая полотенцем лицо, шею и тело, и наконец, когда ноги смогли его держать, вернулся в спальню.

Он повалился на те же самые смятые простыни и лег в той же позе, в какой спал всегда; и все же что-то явно изменилось. Он не понимал, что с ним произошло и как он изменился, но все оставшиеся до рассвета часы Боллард пролежал, не смыкая глаз, и думал, пытаясь разгадать эту загадку, а незадолго до рассвета он вспомнил слова, которые произнес в бреду. Простые слова, но — о! — какая в них была сила!

«Я не верю»... — сказал он тогда; и те, кто отдавал ему приказы, дрогнули.

Около полудня Боллард пришел в маленький книжный магазинчик одной фирмы, занимающейся экспортом книг. Там работал Саклинг; магазинчик был его прикрытием. Несмотря на бессонную ночь, Боллард чувствовал себя прекрасно, а потому, с легкостью очаровав персонал магазинчика, быстро прошел в маленький кабинет Саклинга, пока никто не успел доложить о его приходе. Увидев, кто к нему пришел, Саклинг вскочил из-за стола как ужаленный.

— Доброе утро, — сказал Боллард. — Я думаю, нам нужно поговорить.

Взгляд Саклинга метнулся к двери, которую Боллард оставил приоткрытой.

— Извините, я не заметил, что у вас сквозняк, — сказал Боллард и мягко прикрыл дверь. — Я хочу видеть Криппса, — сказал он.

Стол Саклинга был завален бесчисленными книгами и рукописями.

— Ты что, с ума сошел, явился сюда среди бела дня!

— Ты можешь сказать, что я друг семьи, — предложил Боллард.

— Вот уж не думал, что ты способен на такой идиотский поступок.

— Скажи, где Криппс, и я уйду.

Саклинг его не слушал.

— Да ты понимаешь, что я два года потратил, чтобы войти к этим людям в доверие? — сказал он. Боллард за-

смеялся. — Слушай, я напишу на тебя рапорт, черт тебя возьми!

— Пиши, — ответил Боллард и взял в руки один из фолиантов. — А пока скажи: где Криппс?

Саклинг, очевидно решив, что перед ним безумец, попытался взять себя в руки.

— Ладно, — сказал он, — я свяжу тебя кое с кем; подожди, тебе скоро позвонят и отвезут к Криппсу.

— Не пойдет, — ответил Боллард и, быстро подойдя к Саклингу, схватил его за лацканы пиджака.

За десять лет службы он провел с Саклингом не более трех часов, но и этого ему оказалось достаточно, чтобы все это время испытывать желание сделать то, что он делал в данный момент. Оттолкнув руки Саклинга, Боллард прижал его к стене. Саклинг задел ногой стопку книг, и те посыпались на пол.

— Попробуем еще раз, — сказал Боллард, — давай, старина.

— Убери лапы, — в ярости прошипел Саклинг, еще более разозлившись оттого, что кто-то посмел к нему прикоснуться.

— Повторяю, — сказал Боллард, — мне нужен Криппс.

— За такие штуки тебя вызовут на ковер, можешь быть уверен. Тебя вышвырнут из разведки!

Боллард заглянул в красное от злости лицо и улыбнулся.

— Меня все равно вышвырнут, и без тебя. Люди погибли, помнишь? Лондону нужен жертвенный агнец; похоже, им стану я. — У Саклинга вытянулось лицо. — Так что терять мне уже нечего, верно? — Саклинг промолчал. Боллард крепче сжал лацканы его пиджака. — Верно?

Мужество оставило Саклинга.

— Криппс мертв, — сказал он.

Боллард не ослабил хватку.

— То же самое ты говорил насчет Оделла, — заметил он. При упоминании этого имени у Саклинга расширились глаза. — А я видел его не далее как прошлой ночью, — сказал Боллард, — за городом.

— Ты видел Оделла?

— О да.

Упоминание о мертвеце вызвало в памяти Болларда ту жуткую сцену в переулке. Трупный запах; рыдания юноши. И тогда Боллард подумал, что, наверное, существует какая-то иная вера, помимо той, которую когда-то исповедовало существо внутри него. Эта вера требует ярости и крови, ее догмы — это сны. И как же тогда лучше всего ему обратиться в эту веру, как не выкупавшись в крови врага?

Где-то в самом отдаленном уголке мозга Боллард услышал рев вертолетов, однако теперь он не позволит им взлететь. Теперь он стал сильным; его голова, его руки наполнены силой. Когда он поднес пальцы к глазам Саклинга, начала сочиться кровь. Из-под кожи на черепе Саклинга внезапно проступило чье-то лицо; сорвав с него кожу, Боллард увидел его сущность.

— Сэр?

Боллард обернулся через плечо. В дверях стояла приемщица.

— О, простите,— сказала она, поспешно отступая назад. Судя по тому, как залилось краской ее лицо, она скорее всего решила, что случайно подсмотрела любовную сцену.

— Останьтесь,— сказал Саклинг.— Мистер Боллард... уже уходит.

Боллард отпустил свою жертву. Ничего, у него еще будет возможность рассчитаться с Саклингом.

— Увидимся,— сказал Боллард.

Саклинг вынул из кармана носовой платок и прижал его к лицу.

— Посмотрим,— ответил он.

За ним обязательно придут, в этом он не сомневался. Теперь он стал отщепенцем, а это значит, что им нужно заставить его молчать, и чем скорее, тем лучше. Впрочем, подобные мысли не слишком его беспокоили. Что бы они там ни придумали для промывания его мозгов, с ним они уже не смогут справиться; сколько бы его ни учили, как нужно это подавлять, оно все равно выбиралось наружу. Он еще не видел его, но знал, что оно где-то рядом. Много раз, направляясь к себе, он чувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Возможно, за ним по-прежнему ходит «хвост»; однако интуиция подсказывала ему, что это не так. Он постоянно

чувствовал рядом чье-то присутствие — так близко, что, казалось, кто-то стоит прямо за его плечом — хотя, возможно, это было просто его второе «я». Он чувствовал, что этот «кто-то» защищает его, словно ангел-хранитель.

Возвращаясь домой, он был уверен, что его уже ждут люди из приемного комитета, но там никого не оказалось. Либо Саклинг решил пока не доносить на него, либо в высших эшелонах все еще дискутировали по поводу своих дальнейших действий. Прихватив с собой несколько вещиц, которые он хотел бы укрыть от посторонних глаз, Боллард вышел из здания; его никто не задерживал.

Ему было очень хорошо, потому что он был жив; ему нравился даже холод, от которого мрачные городские улицы казались еще мрачнее. Внезапно ему захотелось сходить в зоопарк, где за двадцать лет, проведенных в этом городе, он ни разу не был. По дороге к зоопарку он вдруг подумал о том, что никогда еще не был так свободен, как сейчас; он сбросил с себя чужую власть, как старое пальто. Неудивительно, что его боялись. На то были причины.

На Кантштрассе было полно народу, но он уверенно прокладывал себе путь среди прохожих, и люди расступались перед ним, словно чувствовали, что так нужно. Когда он подошел к входу в зоопарк, кто-то слегка толкнул его. Он обернулся, чтобы одернуть нахала, но заметил лишь затылок какого-то человека, который мгновенно растворился в толпе, направляющейся в сторону Харденбергштрассе. Решив, что это мог быть воришка, Боллард проверил карманы — и нашел в одном из них маленький клочок бумаги. Он знал, что читать записку на глазах у всех нельзя, а потому бросил лишь беглый взгляд по сторонам в надежде узнать того, кто ее подбросил. Но курьер уже исчез.

Решив отложить поход в зоопарк, Боллард направился в Тиргартен и там, в зарослях густо разросшегося парка, нашел место, где можно было прочитать записку. Она была от Мироненко: он просил о срочной встрече в одном доме в Мариенфельде. Запомнив все, о чем говорилось в записке, Боллард разорвал ее на мелкие клочки.

Разумеется, все это могло оказаться ловушкой, устроенной ему как собственными соратниками, так и противником.

Возможно, это был способ проверить его благонадежность или затянуть в такую ситуацию, из которой он бы не смог вывернуться. Однако у него не было выбора, оставалось только отправиться на эту встречу вслепую, надеясь лишь на то, что в доме его действительно будет ждать Мироненко. Впрочем, какие бы опасности ни таило в себе это рандеву, он к ним уже привык. И в самом деле, если учесть, как давно он сомневается в правильности своих действий, то разве все его встречи не были в некотором смысле свиданием вслепую?

К вечеру влажный воздух начал сгущаться, превращаясь в туман, и к тому времени, когда Боллард сошел с автобуса на Хильдбургхойзерштрассе, туман окутал весь город, отчего холод ощущался еще сильнее.

Боллард быстро шагал по тихим улицам. Этот район города он знал очень плохо, но где-то совсем рядом находилась Берлинская стена, и это полностью лишало местность хоть какого-то очарования. Здесь было много пустых домов; те же, в которых жили, стояли с плотно зашторенными окнами, словно отгородившись не только от ночи, но и от холода и огней, зажженных на старинных городских башнях. Крохотную улочку, указанную в записке Мироненко, Боллард нашел лишь с помощью карты.

Ни единого огонька в окнах дома. Боллард громко постучал в дверь, но шагов в коридоре не услышал. По дороге сюда он мысленно набросал несколько возможных сценариев развития событий, но того, что дом окажется пустым, среди них не было. Он постучал еще раз; потом еще. Наконец в доме послышалась возня, и дверь распахнулась. В холле, выкрашенном в серый и коричневый цвета, горела одна-единственная голая лампочка. Человек, чей силуэт вырисовывался на фоне убогой обстановки, был не Мироненко.

— Да? — спросил он. — Что вам нужно?

В его немецком явно чувствовался акцент жителя Москвы.

— Я ищу своего друга, — ответил Боллард.

Человек, по ширине плеч ничуть не уступавший дверному проему, качнул головой.

— Здесь никого нет, — сказал он, — кроме меня.

— Но мне сказали...

— Вы ошиблись домом.

Однако едва страж произнес эти слова, как откуда-то из глубины дома послышался шум. Загрохотала мебель; кто-то начал кричать.

Бросив взгляд через плечо, русский хотел захлопнуть дверь прямо перед носом Болларда, но тот успел поставить на порог ногу и, воспользовавшись замешательством, изо всех сил навалился плечом на дверь. Боллард уже находился в холле, когда русский сделал к нему первый шаг. Шум в глубине дома усилился, и вдруг послышался отчаянный человеческий вопль. Боллард бросился на этот звук; с трудом ориентируясь при тусклом свете лампочки, он побежал в заднюю часть дома. Он вполне мог бы и заблудиться, однако внезапно перед ним распахнулась какая-то дверь.

Боллард увидел комнату с ярко-красным дощатым полом, блестевшим так, будто он был только что выкрашен. И тут на сцену вышел сам дизайнер этого интерьера. Его туловище было разрезано от шеи до пупка. Человек пытался зажать руками страшную рану, но это не помогало остановить хлещущую кровь, вместе с которой на пол вывалились его внутренности. Боллард увидел глаза человека — в них была смерть, но тело еще не получило приказа лечь на пол и умереть; оно дрожало в своей последней жалкой попытке убраться подальше от места свершившейся казни.

От этого зрелища Боллард оцепенел. Русский силой выволок его обратно в холл, что-то крича ему в лицо. Что именно дико выкрикивал русский, Боллард не понял, однако руки, схватившие его за горло, в переводе не нуждались. Это была мертвая хватка. Русский навалился на него всем телом, но Боллард, чувствуя небывалый прилив сил, оторвал руки нападавшего от своей шеи и изо всех сил ударил его в лицо. Удар оказался предельно точным. Русский сразу обмяк, повалился на спину и умолк.

Боллард оглянулся на алую комнату. Мертвец уже исчез, но на пороге еще валялись куски человеческой плоти.

Из комнаты послышался смех.

Боллард обернулся к русскому.

— Ради бога, что здесь происходит? — спросил он, но русский лишь молча смотрел в открытую дверь.

Смех затих. В комнате мелькнула тень, и чей-то голос произнес:

— Боллард?

Голос звучал хрипло, словно его обладатель говорил день и ночь без остановки, и это был голос Мироненко.

— Не стойте на холоде, — сказал он. — Входите. И пропустите Соломонова.

Первый русский уже шагнул к двери, но Боллард задержал его.

— Не бойтесь, товарищ, — сказал Мироненко. — Пса больше нет.

Однако Соломонов, несмотря на спокойный тон Мироненко, разрыдался, когда Боллард подтолкнул его к двери алой комнаты.

Мироненко был прав: в комнате было теплее. И никакого пса. Была только кровь, очень много крови. Человека с распоротым туловищем, видимо, утащили с места бойни, пока Боллард и Соломонов дрались. Над ним поработали с извращенной жестокостью: череп был расколот, внутренности кучей валялись на полу.

И в углу этой ужасной комнаты, скорчившись, сидел Мироненко. Его сильно избили, судя по кровоподтекам на голове и торсе, однако на небритом лице русского расплылась улыбка, как только он увидел своего спасителя.

— Я знал, что вы придете, — сказал он и взглянул на Соломонова. — Они меня выследили. Думаю, хотели убить. Верно, товарищ?

Соломонов дрожал от страха, переводя блуждающий взгляд с круглого, как луна, покрытого синяками лица Мироненко на разбросанные по полу куски внутренностей, и нигде не находил спасения.

— Что же им помешало? — спросил Боллард.

Мироненко медленно встал. Увидев это, Соломонов вздрогнул.

— Расскажи мистеру Боллард, — сказал Мироненко. — Расскажи ему, что здесь произошло. — От ужаса Соломонов потерял дар речи. — Разумеется, он из КГБ, — сказал Мироненко. — Как и тот. Весьма опытные агенты, которым полностью доверяли. Но не настолько, чтобы предупредить, бедные

идиоты! Так что их послали убивать меня, снабдив только пистолетом и молитвой. — Эта мысль его рассмешила. — Которые в данных обстоятельствах оказались совершенно бесполезны.

— Умоляю... — пробормотал Соломонов, — отпустите меня. Я ничего не скажу.

— Ты скажешь то, что они захотят, товарищ, как и все мы, — ответил Мироненко. — Верно, Боллард? Мы все рабы нашей веры, разве не так?

Боллард внимательнее пригляделся к лицу Мироненко; оно как-то странно распухло, и дело тут было явно не в синяках. Его кожа словно двигалась сама по себе.

— Они сделали нас очень забывчивыми, — сказал Мироненко.

— И что же вы забыли? — поинтересовался Боллард.

— Самих себя, — последовал ответ, и Мироненко выбрался из своего темного угла на свет.

Что с ним сделали Соломонов и его погибший спутник? Все лицо Мироненко превратилось в сплошную массу мельчайших синяков, на шее и висках образовались мешки, наполненные сгустками крови, которые Боллард принял сначала за кровоподтеки, однако они пульсировали, словно под кожей находилось что-то живое. Тем не менее Мироненко это не беспокоило, когда он протянул руку к Соломонову. От его прикосновения незадачливый убийца намочил штаны, но Мироненко не собирался его убивать. Вместо этого он ласково стер слезинку с его щеки.

— Возвращайся к ним, — сказал он, — и расскажи все, что ты видел.

Соломонов либо не поверил своим ушам, либо — как и Боллард — заподозрил что-то неладное, видимо решив, что это ловушка, и, когда он пойдет к двери, случится что-то ужасное.

Однако Мироненко повторил:

— Иди. Оставь нас, пожалуйста. Или ты предпочитаешь остаться и поесть?

Соломонов сделал неуверенный шаг к двери. Увидев, что ничего не произошло, он сделал второй, затем третий, после чего выскочил на улицу и скрылся из виду.

— Расскажи им! — крикнул ему вслед Мироненко.

Хлопнула входная дверь.

— Что рассказать? — спросил Боллард.

— Что я все вспомнил, — сказал Мироненко. — Что я нашел кожу, которую у меня украли.

Впервые с того момента, как Боллард переступил порог этого дома, он почувствовал тошноту. И дело было не в крови и костях на полу, а во взгляде Мироненко. Такие яркие глаза он уже видел. Но где?

— Ты... — тихо проговорил Боллард. — *Это сделал ты.*

— Конечно, — ответил Мироненко.

— Как? — спросил Боллард, чувствуя, что в голове начинает звучать уже знакомый гул. Он попытался не обращать на него внимания. Нужно вытянуть информацию из этого русского. — Как, черт тебя возьми?

— Мы с тобой одно и то же, — сказал Мироненко. — Я чувствую в тебе его запах.

— Нет, — ответил Боллард.

Шум в голове нарастал.

— Все догмы — это просто слова. Важно не то, чему нас учат, а то, что мы знаем. В нашем мозгу; в нашей душе.

О душе они с Мироненко говорили и раньше; о таких местах, где его хозяева умеют расчленять человека на кусочки. Тогда Боллард думал, что все это лишь преувеличение; теперь *он не был в этом уверен.* Чем была та похоронная процессия, как не попыткой овладеть какой-то тайной частью его самого? Частью мозга, например; частью души.

Боллард не успел подобрать нужные слова, чтобы выразить свою мысль, — Мироненко внезапно застыл, и его глаза засверкали ярче обычного.

— Они там, — сказал он.

— Кто?

Русский пожал плечами.

— Какая разница? — сказал он. — Ваши или наши. В любом случае они попытаются заставить нас замолчать, если, конечно, смогут.

Вот уж что верно, то верно.

— Нужно спешить, — сказал Мироненко и вышел в холл. Боллард последовал за ним. Входная дверь была приоткрыта. Они выскользнули на улицу.

Туман сгустился. Он окутывал уличные фонари, приглушая их свет, превращая в укрытие каждый подъезд. Боллард не стал дожидаться, когда преследователи выйдут на свет; он побежал вслед за Мироненко, который ушел далеко вперед, двигаясь легко и быстро, несмотря на плотное телосложение. Чтобы не потерять его из виду, Боллард ускорил шаг. Фигура русского мелькнула и скрылась в густой завесе тумана.

Жилые дома вскоре сменились какими-то безликими зданиями, наверное, то были склады, чьи стены без окон терялись в ночной тьме. Боллард окликнул Мироненко, прося его подождать. Русский остановился и обернулся; в свете фонарей его неясная тень двигалась, как живая. Что это — фокусы тумана или Мироненко в самом деле так изменился после того, как они покинули дом? Казалось, его лицо стекает с черепа; вздутия на шее сделались еще больше.

— Не нужно бежать, — сказал Боллард. — Нас никто не преследует.

— Нас всегда преследуют, — ответил Мироненко, и словно в подтверждение его слов, Боллард услышал в тишине чьи-то приглушенные шаги.

— Нет времени на дискуссии, — пробормотал Мироненко и, повернувшись на каблуках, бросился бежать. Через несколько секунд его поглотил туман.

Боллард помедлил еще секунду. Неосторожно, конечно, но ему очень хотелось знать, кто их преследует: тогда он запомнил бы их лица. Но теперь, когда шаги Мироненко замерли в отдалении, шагов другого человека тоже не было слышно. Может быть, преследователи поняли, что он их ждет? Боллард затаил дыхание, но не услышал ни единого звука, не заметил ни одной тени. Предательский туман продолжал окутывать улицы. Боллард казалось, что во всем городе остался он один. Решив, что ждать больше не имеет смысла, он бегом бросился догонять русского.

Пробежав несколько ярдов, он увидел, что дорога расходится в разные стороны. Мироненко и след простыл. Проклиная себя за то, что отстал, Боллард выбрал ту дорогу, над которой гуще клубился туман. Это была узкая и короткая улочка, заканчивающаяся стеной, утыканной сверху острыми

железными зубьями; за стеной виднелся какой-то парк. Здесь туман опускался почти до самой земли, и Боллард видел не далее чем на четыре-пять ярдов — впереди была одна лишь влажная трава. Однако интуиция подсказывала ему, что он выбрал правильное направление, что Мироненко перебрался через стену и ждет его где-то поблизости. Туман за его спиной вносил свои коррективы — преследователи исчезли. То ли они его потеряли, то ли заблудились сами, а может быть, и то и другое. Боллард забрался на стену и, осторожно протиснувшись между зубьями, спрыгнул вниз, на мягкую землю.

Кругом стояла тишина, но в парке, казалось, было еще тише. Здесь туман был холоднее и гуще. Стена за спиной — его единственный путь к спасению в этой пустыне — медленно растворилась в тумане и вскоре совсем исчезла. Боллард сделал несколько неуверенных шагов, даже не зная, по прямой он идет или нет. Внезапно из пелены тумана выплыли очертания человеческой фигуры — кто-то ждал его всего в нескольких ярдах впереди. К этому времени набухшие синяки изуродовали лицо Мироненко до такой степени, что Боллард с трудом его узнал, однако глаза русского горели все так же ярко.

Человек не стал дожидаться Болларда, а тяжело заковылял вперед; англичанин последовал за ним, проклиная про себя и эту охоту, и самого зверя. Внезапно рядом что-то пошевелилось. Против густого тумана и ночного мрака Боллард был бессилен, но сейчас его обостренное до предела шестое чувство подсказало ему, что он не один. Кто это — Мироненко, который решил прекратить беготню и вернулся, чтобы его сопровождать? Боллард окликнул его, надеясь тем самым дать знать, где находится; впрочем, тот, кто скрывался где-то рядом, знал это и без него.

— Скажите что-нибудь, — позвал Боллард.

Из тумана не донеслось ни звука.

Затем — снова какое-то движение. В клубах тумана внезапно возник силуэт человека. «Мироненко!» Боллард вновь позвал его и сделал к нему несколько шагов, но тут фигура двинулась ему навстречу. Призрак мелькнул перед ним всего лишь на мгновение, и все же Боллард успел заметить светящиеся глаза и зубы настолько длинные, что они иска-

жали лицо, превращая его в уродливую маску. В том, что он это видел — глаза и зубы, — Боллард был полностью уверен. Что же касается всего остального — покрытой шерстью кожи, изуродованных конечностей, — в этом он слегка сомневался. Возможно, это игра воображения, измученного усталостью и головной болью, которое само рисует всякие ужасы, чтобы запутать его.

— Да пошли вы все, — сказал Боллард, обращаясь и к нарастающим в голове раскатам грома, и к призракам, бродившим вокруг него. И тогда, словно желая проверить его на прочность, туман впереди рассеялся, и оттуда выплыло существо, которое Боллард сначала принял за человека, однако это нечто стояло на четвереньках; мелькнув перед глазами Болларда, оно исчезло. Справа послышалось рычание; слева он успел заметить еще одно такое же существо. По-видимому, его окружили — то ли какие-то сумасшедшие, то ли дикие собаки.

Но Мироненко — где он? И кто он — участник этого странного сборища или его жертва? Услышав за спиной какие-то нечленораздельные звуки, Боллард резко обернулся и увидел фигуру, явно принадлежащую русскому; тот пятился, отступая в завесу тумана. Боллард не пошел, а побежал за ним, решив, что на этот раз он его догонит. Фигура русского мелькнула в двух шагах от него, и Боллард успел вцепиться в его пиджак. Он почувствовал, что добыча у него в руках, и тогда Мироненко, издав низкий рык, обернулся. При виде его лица Боллард чуть было не закричал от ужаса. Рот человека превратился в одну сплошную рану, из которой торчали зубы; глаза сузились и сверкали желтым огнем; опухоли на шее разрослись так, что голова русского больше не возвышалась над туловищем, а была вровень с ним, слившись с ним воедино; шеи не было вовсе.

— Боллард, — улыбнувшись, произнесло чудовище.

Зверь говорил с большим трудом, силясь отчетливо произносить слова, но Боллард все же уловил знакомые нотки, присущие Мироненко. Чем больше смотрел Боллард на булькающую, словно вода в котле, плоть, тем больший ужас охватывал его.

— Не бойся, — сказал Мироненко.

— Что это за болезнь?

— Единственная болезнь, которой я страдал, — это забывчивость, но я от нее уже излечился... — Говоря это, Мироненко морщился, словно его горло проделывало не свойственную ему работу.

Боллард притронулся рукой к голове. Как ни старался он унять боль, она только нарастала.

— ...Ты ведь это тоже помнишь, не так ли? Ты такой же, как я.

— Нет, — пробормотал Боллард.

Мироненко протянул свою заросшую жесткой шерстью руку, чтобы дотронуться до него.

— Не бойся, — сказал он. — Ты не одинок. Нас много. Братьев и сестер.

— Я вам не брат, — сказал Боллард.

Шум в ушах был невыносим, но еще хуже было лицо Мироненко. Желая избавиться от этого зрелища, Боллард повернулся к Мироненко спиной, но русский придвинулся ближе.

— Неужели ты не чувствуешь вкуса свободы, Боллард? И жизни. Сделай только один вдох. — Боллард упрямо шел вперед; из носа пошла кровь, но он не обращал на это внимания. Пусть идет. — Сначала будет немного больно, — говорил Мироненко. — Потом боль проходит...

Боллард шел, не поднимая головы, глядя в землю. Мироненко, видя, что его увещевания не производят впечатления, понемногу отстал.

— У тебя нет пути назад! — сказал он Болларду вслед. — Ты слишком много знаешь.

Рев вертолетов не смог заглушить этих слов. Боллард знал, что Мироненко прав. Он замедлил шаг и услышал, как тот произнес:

— Смотри...

Туман впереди рассеялся, и сквозь него проступила стена, окружавшая парк. Голос Мироненко перешел в рычание.

— Смотри, во что ты превратился.

Двигатели взвыли; у Болларда подкосились ноги, и он пополз вперед, стараясь добраться до стены. За спиной Мироненко что-то еще говорил, потом его речь оборвалась, и вмес-

то нее раздалось глухое рычание. Не удержавшись, Боллард оглянулся.

Туман снова окутал его, но полностью скрыть не смог. На какое-то мгновение, показавшееся ему вечностью, Боллард увидел того, кто когда-то был русским агентом, и в этот миг двигатели сменили рев на пронзительный визг. Боллард закрыл лицо руками. Внезапно раздался выстрел; еще один; затем началась частая стрельба. Боллард упал на землю — и от слабости, и от желания спасти свою жизнь. Открыв глаза, он увидел в тумане несколько человеческих силуэтов. Он уже забыл о своих преследователях, зато они его не забыли. Они проследили за ним до самого парка и забрались сюда, в это безумие, и теперь люди, полулюди и вообще нелюди метались в тумане, и повсюду лилась кровь и царила суматоха. Боллард видел, как человек выстрелил в какую-то тень, а потом оказалось, что он всадил пулю в живот своему товарищу; видел, как мимо пронеслось существо на четвереньках, которое затем встало на ноги и побежало дальше уже как человек; видел, как мимо него пробежало существо с мордой зверя, неся в зубах человеческую голову.

Звуки выстрелов стремительно приближались. Боясь за свою жизнь, Боллард бросился к стене. Крики, выстрелы и рычание продолжались; каждую минуту Боллард ждал, что сейчас на него наткнется либо стрелок, либо зверь. И все же ему удалось добраться до стены. Собрав все силы, Боллард попытался взобраться на нее, но собственное тело его не слушалось. Выход был один: пройти вдоль всей стены и добраться до ворот.

Сзади не прекращался шум бойни. Одни превращались в зверей, другие в людей, и все убивали друг друга. Боллард вспомнил о Мироненко. Переживет ли он или кто-то из его племени это нападение?

— Боллард, — послышалось из тумана.

Он не видел того, кто это сказал, но узнал его. Этот голос он слышал в бреду, этот голос лгал ему.

Боллард почувствовал, как к его шее прижалось что-то острое. Человек подошел к нему сзади и приставил к его шее иглу.

— Спи, — сказал голос. И вместе с этими словами пришло забытье.

Сначала он не мог вспомнить его имя. Разум блуждал, словно потерявшийся ребенок, хотя человек, допрашивающий его, называл его своим старым другом. И было что-то очень знакомое в этом блуждающем взгляде, когда один глаз реагировал быстрее, чем другой. Наконец он вспомнил это имя.

— Вы Криппс, — сказал он.

— Разумеется, я Криппс, — ответил человек. — Тебя что, память подводит? Ладно, не напрягайся. Я вкатил тебе дозу успокоительного, чтобы ты лежал смирно. Только, по-моему, зря. Ты с честью выбрался из жуткой передряги, Боллард, несмотря на провокации. Когда я думаю о том, как сломался Оделл... — Он вздохнул. — Ты помнишь ту ночь?

Сначала он ничего не мог вспомнить. Потом память начала возвращаться. Неясные тени в тумане.

— Парк, — сказал он.

— Я вытащил тебя оттуда. Бог знает, сколько их там погибло.

— Другой... тот русский... что с ним?

— Мироненко? — подсказал Криппс. — Не знаю. Понимаешь, я больше не у дел; в парке я просто попытался спасти хотя бы одного. Лондону мы еще понадобимся, рано или поздно. Особенно теперь, когда они узнали, что у русских есть такой же особый отряд, как и у нас. Разумеется, мы и раньше об этом догадывались, а после твоей встречи с Мироненко начали присматриваться к нему особо. Вот почему я устроил вам встречу. А когда я встретился с ним лицом к лицу, то все стало ясно окончательно. Это можно распознать по глазам. В них виден голод.

— Я видел, как он менялся...

— Да, впечатляющее зрелище, верно? Какая мощь... Понимаешь, поэтому мы и разработали специальную программу, чтобы взять эту силу под контроль, заставить ее работать на нас. Но это оказалось трудно. Потребовались годы работы, исследований, чтобы научить человека подавлять в себе желание трансформироваться, зато теперь мы получи-

ли людей со способностями животных. Волков в овечьей шкуре, так сказать. Правда, поначалу мы думали, что человека будут сдерживать если не его убеждения, то хотя бы боль. Но мы ошиблись. — Криппс встал и подошел к окну. — Так что теперь придется начинать все сначала.

— Саклинг говорил, что вас ранили.

— Нет. Просто понизили в должности. Приказали вернуться в Лондон.

— Но вы никуда не поехали.

— Теперь поеду; теперь, когда нашел тебя. — Он оглянулся на Болларда. — Ты мое оправдание, Боллард. Ты живое доказательство того, что мои идеи верны. Ты прекрасно осознаешь свое состояние, и вместе с тем лекарства держат тебя на поводке.

Криппс отвернулся к окну. Дождь бил по стеклу. Боллард ощущал почти физически, как капли стекают по его голове и спине. Приятный, прохладный дождь. На какое-то мгновение ему показалось, что он бежит под дождем, низко пригнувшись к земле, и вдыхает запахи, смытые с тротуаров водой.

— Мироненко сказал, что...

— Забудь о Мироненко, — сказал Криппс. — Он мертв. Ты последний из уничтоженного ордена, Боллард. И первый из нового.

Внизу раздался звонок. Криппс выглянул из окна.

— Так, — сказал он. — Какая-то делегация. Наверняка пришли, чтобы просить нас вернуться. Надеюсь, ты польщен. — Он направился к двери. — Сиди здесь. Сегодня мы тебя показывать не станем. Ты слишком слаб. Пусть подождут, ладно? Пусть попотеют.

Криппс вышел из душной комнаты, закрыв за собой дверь. Было слышно, как он спускается по лестнице. В дверь позвонили еще раз. Боллард встал и подошел к окну. Слабый дневной свет был созвучен его собственной слабости; он и город по-прежнему звучали в унисон, несмотря на проклятие, которое Боллард нес на себе. Возле дома стояла машина; из нее вышел человек и направился к входной двери. Даже из окна, откуда улица просматривалась очень плохо, Боллард узнал Саклинга.

В холле послышались голоса; с приходом Саклинга разгорелся какой-то спор. Боллард подошел к двери и прислушался, однако одурманенное лекарством сознание отказывалось ему служить. Боллард понимал очень немногое из того, о чем говорили спорщики, и молил небо только об одном: чтобы Криппс сдержал слово и не стал его никому показывать. Он не хотел превратиться в зверя, как Мироненко. Какая же это свобода — превратиться в жуткое чудовище? Это не свобода, а новая форма тирании. Однако становиться первым героем какого-то нового ордена Криппса Болларду тоже не хотелось. Он не принадлежит никому, даже самому себе. Нет, все-таки он безнадежно запутался. Как там говорил Мироненко? Когда человек не понимает, что пропал, он действительно погибает? Наверное, все-таки лучше жить вот так — существовать в сумерках между двумя состояниями и наслаждаться жизнью, не зная ни сомнений, ни разного рода неопределенностей, и не страдать от боязни, что твой оплот разрушится.

Спор внизу становился все яростнее. Боллард приоткрыл дверь. Он услышал голос Саклинга. В любезном тоне, которым тот увещевал своего собеседника, чувствовалась угроза.

— Все кончено, — говорил Саклинг, — или вы перестали понимать по-английски? — Криппс хотел что-то сказать, но Саклинг оборвал его. — В общем, так: или вы уйдете отсюда по доброй воле, как подобает джентльмену, или Гидеон и Шеппард выставят вас силой. Что вы предпочитаете?

— Послушайте, что происходит? — резко спросил Криппс. — Вы же никто, Саклинг. Вы шут гороховый.

— Я был им вчера, — ответил тот. — С тех пор кое-что изменилось. У каждого бывает его день, верно? Вы знаете это лучше любого из нас. На вашем месте я прихватил бы плащ. На улице дождь.

Последовало недолгое молчание, затем Криппс сказал:

— Хорошо. Я уйду.

— Вот и молодец, — сладким голосом сказал Саклинг. — Гидеон, проверь, что там наверху.

— В доме никого нет, — сказал Криппс.

— Верю, — сказал Саклинг. — Гидеон, проверь.

Боллард услышал шаги, и вдруг в холле поднялся шум. Криппс то ли бросился на Саклинга, то ли попытался сбежать.

Саклинг вскрикнул; послышался шум борьбы. И вдруг — одиночный выстрел.

Криппс закричал, затем раздался звук упавшего тела.

И вслед за этим — полный ярости голос Саклинга:

— Глупо! — сказал он. — Глупо.

Криппс что-то простонал, что именно, Боллард не уловил. Вероятно, он попросил, чтобы его никуда не отсылали, поскольку Саклинг ответил:

— Нет. Вы уедете в Лондон. Шеппард, перевяжи его. Гидеон — наверх!

Боллард попятился, когда услышал на лестнице шаги Гидеона. Он чувствовал себя вялым. Из этой ловушки нет выхода. Его загонят в угол и уничтожат. Он зверь, заплутавший бешеный пес. Он убил бы Саклинга, будь у него силы. А что потом? В мире полно таких, как Саклинг, людей, которые, затаившись, тихо ждут своего часа, чтобы потом вынести на свет божий всю свою мерзкую суть; подлые, тихие, скрытные люди. И вдруг в Болларде словно пробудился зверь; он внезапно вспомнил о парке, и тумане, и об улыбке на лице Мироненко, он почувствовал то, чего не испытывал никогда, — тоску по жизни в облике чудовища.

Гидеон уже поднялся по лестнице. Чтобы хоть как-то задержать неизбежное, Боллард заскочил обратно в комнату и открыл первую попавшуюся дверь. Это была ванная. На двери была защелка, и Боллард опустил ее.

Комнату наполнил шум льющейся из крана воды. В водосточной трубе не хватало одной секции, поэтому поток дождевой воды с шумом бил о подоконник. От этого звука, а еще от холода, царившего в ванной, в памяти Болларда вновь всплыли ночные видения. Он вспомнил кровь и боль; вспомнил душ — вода хлестала по его голове, снимая адскую боль. И вместе с этими воспоминаниями всплыли слова, которые он произнес, сам того не сознавая: «Я не верю».

Его услышали.

— Здесь кто-то есть! — крикнул Гидеон. В дверь ванной постучали. — Откройте!

Боллард слышал его совершенно отчетливо, но не ответил. Горло горело, в голове нарастал рев двигателей. Чув-

ствуя, как его охватывает отчаяние, Боллард прислонился спиной к двери.

В две секунды Саклинг взлетел по лестнице.

— Кто там? — крикнул он. — Отвечайте! Кто там?

Не получив ответа, Саклинг приказал привести Криппса. Из-за двери доносилась возня.

— Последний раз предупреждаю... — сказал Саклинг.

Что-то страшно давило на череп. Кажется, на этот раз он не выдержит; глаза болели так, словно вот-вот выскочат из орбит. Боллард заметил в зеркале чье-то отражение — на него глядело некое существо со сверкающими глазами, и тогда он снова произнес те же слова: «Я не верю», но на этот раз его горящее горло едва справилось с ними.

— Это же Боллард, — сказал Саклинг. В его голосе слышалось ликование. — Бог мой, мы поймали Болларда. Вот уж действительно повезло!

«Нет, — подумал человек в зеркале. — Здесь такого нет. Такого человека вообще нет, ибо разве имя не есть первый акт веры, первая доска ящика, в котором ты хоронишь свою свободу?» У твари, в которую он превращался, больше не будет имени; не будет ящика, в который ее посадят, не будет похорон. Больше — никогда.

На какое-то мгновение ванная исчезла, и он оказался у могилы, которую они заставили его выкопать; на дне могилы плясал ящик, который не желал, чтобы его закапывали. Боллард слышал, как трещат доски — или то был звук выламываемой двери?

Крышка ящика отскочила. На головы участников похоронной процессии посыпался град ногтей. Шум в голове внезапно стих, словно иссяк, и вместе с ним исчез и бред. Боллард стоял в ванной, лицом к открытой двери. Мужчины, которые смотрели на него, походили на слабоумных. Вытянувшиеся лица, отвисшие челюсти, вытаращенные глаза. Они увидели его морду, его шерсть, его золотистые глаза и желтые клыки. Ужас людей привел его в восторг.

— Убей его! — крикнул Саклинг, выталкивая вперед Гидсона. Тот уже достал из кармана пистолет и навел его на Болларда, но нажать на спусковой крючок не успел. Зверь схватил его руку зубами, почувствовав в пасти вкус плоти

и стали. Гидеон завопил не своим голосом и кубарем покатился по лестнице под отчаянные вопли Саклинга.

Когда зверь поднес к носу свою окровавленную ладонь, чтобы ощутить запах крови, мелькнула вспышка, и что-то ударило его в плечо. Выстрелить второй раз Шеппард уже не успел, ибо зверь бросился на него. Забыв о пистолете, Шеппард попытался бежать, но зверь одним ударом лапы раскроил ему череп. Стрелок повалился на пол; узкое помещение сразу наполнилось его запахом. Забыв об остальных врагах, зверь бросился на свою добычу и начал ее пожирать.

Кто-то произнес: «Боллард».

Зверь быстро, словно устриц, не прожевывая, проглотил глаза мертвеца.

И снова послышалось: «Боллард». Зверь не хотел отрываться от еды, но тут до него донеслись чьи-то всхлипывания. Зверь умер для самого себя, но не для чужого горя. Выронив из лап мясо, он взглянул вниз.

У человека, который плакал, слезы лились только из одного глаза; второй смотрел и не двигался. Но в здоровом глазе читалась настоящая, тяжелая боль. Зверь знал: это отчаяние. Такое страдание было хорошо ему знакомо, он сам испытывал страдания, пока их полностью не стерла эта приятная трансформация. Плачущий человек находился в руках другого человека, который прижимал к его виску дуло пистолета.

— Еще один шаг — и я стреляю, — сказал тот, другой человек. — Я прострелю ему голову. Ты меня понимаешь?

Зверь вытер лапой рот.

— Скажи ему, Криппс! Это же твое отродье. Сделай так, чтобы он меня понял.

Одноглазый человек попытался заговорить, но не смог. Из его раны на животе сочилась кровь.

— Ну зачем вам обоим погибать? — сказал человек с пистолетом. — Его голос зверю не понравился — пронзительный и лживый. — Лондону вы нужны живыми. Да говорите же, Криппс! Скажите, что я не причиню ему вреда.

Плачущий человек кивнул.

— Скажи, Боллард, — сказал он, — что ты чувствуешь?

Зверь не очень понял, о чем его спрашивают.

— Пожалуйста, скажи мне. Меня мучит любопытство...

— Да черт бы тебя... — сказал Саклинг, вжимая пистолет в тело Криппса. — Прекратите, мы не в научном обществе.

— Тебе хорошо? — спросил Криппс, не обращая внимания ни на пистолет, ни на человека.

— Заткнись!

— Ответь мне, Боллард. Что ты чувствуешь?

Глядя в отчаянные глаза Криппса, зверь понемногу начал понимать, что ему говорят; слова человека сложились вместе, как кусочки мозаики. «Тебе хорошо?» — спрашивал человек.

Боллард услышал, как из его горла вырвался смех, затем, с трудом складывая звуки в слова, он заговорил.

— Да, — сказал он плачущему человеку. — Да, хорошо.

Едва он закончил фразу, как Криппс мертвой хваткой вцепился в руку Саклинга. Чего он хотел — сбежать или покончить с собой, — этого уже не узнает никто. Сработал курок, пуля пробила голову Криппса, и отчаянный крик разнесся по комнате. Оттолкнув от себя тело, Саклинг снова взвел курок, но зверь был уже рядом.

Будь он человеком, Боллард, наверное, заставил бы Саклинга помучиться, но зверь не был столь порочен. Инстинкт подсказывал ему, что врага нужно уничтожить как можно скорее. Дело завершили два точных укуса. Когда с человеком было покончено, Боллард подошел к Криппсу. Его стеклянный глаз остался цел. Он, не мигая, смотрел в одну точку, полностью игнорируя бойню, происходившую в доме. Вынув этот глаз из пробитой пулей головы, Боллард положил его в карман; затем вышел под дождь.

Спустились сумерки. Он не знал, в какой район Берлина его притащили, но у него было внутреннее чутье, свободное от доводов рассудка, и оно вывело его по темным закоулкам к окраине города, прямо к развалинам какого-то здания. Никто не знал, что здесь когда-то было (аббатство? оперный театр?), но по случайному стечению обстоятельств здание осталось почти целым, в то время как все остальные строения в радиусе нескольких сотен ярдов были стерты с лица земли. Пробираясь среди куч мусора, уже заросших

сорняками, он внезапно ощутил знакомый запах — запах своего племени. Их было много, собравшихся в руинах. Одни сидели, привалившись спиной к стене, и курили, передавая друг другу сигарету; другие окончательно превратились в волков и шныряли поодаль, словно призраки, сверкая желтыми глазами; третьих можно было считать почти что людьми — если бы не их следы.

Опасаясь, что упоминание каких-либо имен здесь запрещено, он все же спросил у парочки любовников, которые предавались страсти под тенью стены, не знают ли они человека по имени Мироненко. У самки была ровная и гладкая спина, а на животе двенадцать набухших сосков.

— Слушай, — сказала она.

Боллард прислушался — из темноты раздавался чей-то голос, который то угасал, то звучал с новой силой. Боллард пошел на голос и вскоре вышел к открытой площадке, посреди которой стоял волк, окруженный внимательными слушателями. В передних лапах волк держал открытую книгу. При появлении Болларда некоторые слушатели обернулись к нему, сверкнув желтыми глазами. Чтец остановился.

— Тс-с! — сказал один из слушателей. — Товарищ читает.

Это был Мироненко. Боллард тихо уселся среди слушателей, и чтец продолжил:

— «...И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю»...

Эти слова Боллард слышал и раньше, но сегодня они звучали для него по-новому.

— «...и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными»...

Он взглянул на сидящих кольцом слушателей, а слова продолжали сплетаться в знакомую фразу:

— «...и над всяким животным, пресмыкающимся по земле».

Где-то рядом завыл зверь.

СКОТТ БРЭДФИЛД

Сон волка

Калифорниец Скотт Брэдфилд (Scott Bradfield) живет на два дома: в Лондоне и на Западном побережье Америки. Получив степень доктора философии по американской литературе в Калифорнийском университете в Ирвайне, он в течение пяти лет занимался преподавательской деятельностью. Именно тогда в различных журналах и антологиях появились его рассказы, рецензии и эссе. Он автор таких книг, как «Тайная жизнь домов» (The Secret Life of Houses), «Блаженные порывы» (The History of Luminous Motion), «Привет с Земли» (Greetings from Earth), «Что происходит с Америкой» (What's Wrong with America) .

«„Сон волка“ (The Dream of the Wolf) первоначально был задуман как типичный рассказ об оборотнях, — объясняет Брэдфилд, — но я скоро понял, что меня больше интересует не физическое перевоплощение, а эмоциональное. Это рассказ об одиночестве и, наверное, самая грустная история, которая тогда пришла мне в голову».

После появления в британском журнале фантастики «Интерзон» (Interzone) рассказ вошел в однотомник Брэдфилда, а также был напечатан в других изданиях, включая два учебника для колледжа. Он был адаптирован Патриком МакГратом (Patrick McGrath) для одной из серий — удостоившейся премии — телевизионного фильма «Тайная комната» (The Hidden Room). «Это одна из моих лучших вещей», — говорит автор. Надеюсь, что вы согласитесь...

Без сна
человек не имел бы никакого повода
для деления мира на две половины.
Ф. Ницше. Человеческое,
слишком человеческое.
Книга для свободных умов

— Прошлой ночью мне приснилось, что я превратился в аляскинского тундрового волка *Canis lupus tundarum*, — заявил Ларри Чамберс, глядя на тарелку горячей овсяной каши, чашку кофе и пончик с джемом. — Меня окружала бескрайняя белая равнина в заплатках скудной растительности. Я стремительно мчался, ощущая жаркое биение крови. Я чувствовал себя необычайно ловким, голодным, всемогущим. — Ларри схватил пончик — красный джем струйкой потек по руке. — У меня были огромные челюсти, мощные мозолистые лапы. — Он откусил еще кусочек пончика и начал жевать с открытым ртом. — Шкура моя была толстой, белой и теплой. Холодный ветерок доносил запахи лисы, кролика, оленя, грызунов, птиц, моллюсков...

— Кэролайн! — Шеррил Чамберс потянулась за мокрым полотенцем. — Я тебя очень прошу, сшь, пожалуйста, над столом. Ты только посмотри! Твои новые туфельки все в каше!

Кэролайн во все глаза смотрела на отца, уперев подбородок в край стола. В кулачке она крепко держала измазанную ложку.

— Я услышал шум за спиной и обернулся. — Ларри грел руки о белую кофейную чашку. — Мышь замерла — всего на какой-то миг, — и тогда я сделал бросок и придавил ее лапой. От ужаса ее глаза вылезли из орбит, сердце бешено колотилось. Ее страх наполнил воздух, словно пыльца...

— И что же ты сделал, папочка, что ты сделал с мышкой?

Ларри посмотрел на радиоприемник. Радио глухо вещало: «По данным наблюдений с вертолета нашей радиостанции на понедельник двадцать третьего марта, перевернув-

шийся бензовоз заблокировал движение по дороге в центр города...»

— Я ее съел, — ответил Ларри.

Часы показывали 8.15.

— Кэролайн, доедай скорее кашу, пока она не остыла.

— Но, мамочка! Папочка снова стал волком. Он поймал мышку и съел ее.

— Я абсолютно уверен, что это был *tundarum*, — произнес Ларри, натягивая спортивную куртку.

— Пожалуйста, Кэролайн! Я не буду повторять дважды.

— Но я хочу доесть папочкин пончик.

— Доедай свою кашу, а потом мы поговорим о папочкином пончике.

— Я, наверное, вечером снова заскочу в библиотеку. — Ларри поднялся из-за стола. Его ложка застыла в окаменевшей каше, словно реликт в Ла Бри[1].

— Конечно, дорогой. И, пожалуйста, купи на обратном пути молока. Постарайся не забыть!

— Я постараюсь, — сказал Ларри. — Я постараюсь, — добавил он, вспоминая сияющий белый лед и терпкий привкус крови во рту.

— Постой! Нагнись, пожалуйста. — Шеррил послюнила кончик салфетки. — У тебя все лицо в джеме.

— Это кровь, папочка! Эта мышкина кровь!

— Спасибо, — сказал Ларри и прошел в гостиную.

Кэролайн внимательно смотрела, как захлопывается кухонная дверь. Через пару секунд она услышала, как открылась и закрылась входная дверь.

— Папочка забыл поцеловать меня на прощание, — сказала она.

Шеррил свалила кастрюльки и сковородку в раковину.

— У папочки сегодня голова не тем занята.

Кэролайн подумала с минуту. Надкусанный пончик красовался в центре стола, словно обещание.

---

[1] Ла Бри — музей Ла Бри Тар Питс/Пэйдж. Знаменит своими палеонтологическими экспонатами.

— Папочка съел мышку, — наконец заявила она и торжествующе взмахнула ложкой.

«*Canis lupus youngi, canis lupus crassodon, canis niger rufus*, — думал Лари, влезая в городской автобус на Беверли-Хиллс и Фэрфакс. — Волк мечты, волк мира». Он предъявил водителю проездной. «Волки в Юте, в Северном Нью-Мексико, на Баффиновой Земле, даже в Голливуде. Волки тайно присутствуют везде», — размышлял Ларри, протискиваясь сквозь толпу в проходе.

Пожилые дамочки угнездились на своих местах, словно птички на проводах.

— Ларри! Привет, чудила! — Эндрю Притовски помахал ему своим «Уолл-стрит джорнэл». — Присаживайся. — Он положил портфель себе на колени, освобождая место у окна. — Дай отдых измученным мозгам. Они тебе еще пригодятся!

— Спасибо, — сказал Ларри и стал вспоминать экзотический послеобеденный сон. «*Canis lupus chanco*, тибетская газель, сумерки. Его стая завалила газель, кровь оросила серую пыль, словно капли дрожащей ртути».

— Это прибыль, Ларри. Это надежный доход. Это обеспеченная старость, летний домик, новая спортивная машина. — Эндрю потряс у него перед носом листком с последней информацией о биржевых индексах, словно делая внушение нашкодившему щенку. — Пятнадцать пунктов за две недели, как я и обещал. Ты меня слушаешь? Пятнадцать пунктов. «Консолидейтид Пластикс Инк.». Пластиковые пули — оружие будущего. Дешевые, легкие в производстве, минимум накладных расходов. Ты тоже сможешь урвать кусок, Ларри. Я даю тебе реальный шанс. Но тебе ведь одних моих слов мало, не так ли? У тебя ведь уже есть сберегательный счет, фиксированный процент, кредитные карты, бесплатные рекламные материалы. Ты приготовил себе гроб — вот что ты сделал. Фиксированный процент тебя погубит. Послушай меня, приятель. Я могу помочь. Давай поговорим о свободных от налогов муниципальных бондах.

Ларри вздохнул и уставился в закопченное окно. Около Музея естественной истории уличные торговцы продавали

хот-доги, лимонад и соленые крендельки, а за их спинами из ямы с булькающей нефтяной смолой время от времни показывались древние кости[1].

— В долгосрочной перспективе мы имеем только безопасность. Мы имеем различные виды дохода и хорошую ликвидность. — Притовски похлопал свернутой газетой. — Улавливаешь, чудила? Сколько тебе сейчас? Тридцать с хвостиком, слегка за сорок? Так и будешь до конца жизни витать в облаках? Или все же вернешься на грешную землю и хоть что-то урвешь от жизни? Твоя малышка, как бишь ее, Кэрол, Карен? Сейчас ей пять или шесть, приятель, но колледж уже не за горами. Уже завтра, чудила. А ты ведь хочешь, чтобы твоя малышка поступила в колледж, не так ли? Ну что? Конечно, хочешь! Конечно!

Светофор переключился на зеленый. Водитель автобуса с жутким грохотом врубил сцепление. Окно окутал маслянистый серый дым.

— А что насчет этой маленькой чертовки, твоей жены? Послушай меня, чудила. Женщины всегда ищут лужайки, где травка позеленее. Это не их вина, это их природа. Эй, Ларри! — Свернутая газета уткнулась Ларри в бок. — Ты меня слушаешь?

— Конечно, — сказал Ларри, и в этот момент автобус въехал в Беверли-Хиллс. Замысловатые купола сияли на солнце, как чаша Грааля. — Хорошая ликвидность, различные сферы интересов. Я подумаю. Обещаю. Просто сейчас у меня голова не тем занята. Короче, я еще вернусь к этой

---

[1] В центре Лос-Анджелеса, рядом с Музеем искусства графства Лос-Анджелес, находится одна из самых известных городских достопримечательностей, своеобразный музей истории данного района — так называемые смоляные ямы.

В районе Лос-Анджелеса расположены залежи нефти, которая вместе с сопутствующими ей газами выходит на поверхность. С течением времени образуются довольно глубокие ямы, заполненные нефтяными смолами, поскольку более легкие фракции нефти испаряются. Процесс этот длится вот уже 40 000 лет. В последний ледниковый период эти ямы стали ловушками для огромных мамонтов, саблезубых тигров и других животных.

И сегодня в подобные ямы, покрытые водой, пылью и опавшими листьями, попадают мелкие животные. Их кости, как и кости ископаемых животных, выталкивают на поверхность поднимающиеся из недр земли нефтяные газы.

теме. Непременно. «*Canis lupus arabs, pallipes, baileyi, nubilis, monstrabilis*, — думал он. — Волки мечты, волки мира».

— Тебя все еще мучат эти бредовые сны, чудила? Твоя жена рассказала моей. Тебе снится, что ты собака или типа того?

— Волк. *Canis lupus*. Волк и собака — представители совершенно разных подвидов.

— Ой-ой-ой! — Эндрю засунул газету под сиденье. — Конечно.

— Волк умнее любой собаки. Они лучшие охотники, верные спутники жизни. Возьми хотя бы их социальное устройство...

— Ладно, ладно. Я понял. Готов поспорить, что в своих снах ты реально оттягиваешься на всю катушку со своими дурацкими собаками. Эй, Ларри, дружок, — произнес Эндрю и, прихватив портфель, сошел на бульваре Вест-Вуд.

Когда автобус подъехал к 27-й авеню, Ларри протиснулся сквозь толпу пассажиров. Они стояли и сидели, уткнувшись в газеты и журналы или отрешенно жуя конфеты «Сертс», орешки из пакетиков, жвачку, словно стадо буйволов на лугу, в то время как волк — волк в голове Ларри — спокойно бродил среди них, отыскивая слабых, больных и раненых. Тех, что непременно себя выдают быстрым, озабоченным взглядом. Это и пожилая женщина с алюминиевыми ходунками, и застенчивый юнец с плохим цветом лица и гнилыми зубами. «Волки в Тибете, Монтане, Микронезии», — размышлял Ларри, высаживаясь на 25-й авеню и входя в цитадель компании «Покрышки и резина». Предъявив охраннику пропуск, он поднялся на дребезжащем лифте на двенадцатый этаж. Когда он вошел в приемную, секретарши, облепившие стойку администратора, обменялись быстрыми многозначительными взглядами, словно передавая служебную записку для внутреннего пользования. Ларри слышал, как они хихикают у него за спиной, пока шел по лабиринту высоких белых перегородок, отделявших рабочие места и делавших офис похожим на соты в улье. Ларри вошел в свой офис.

— Ну как, морально готов к понедельнику? — спросил Марти Кабрилло.

Ларри повесил пальто на вешалку и повернулся.

Директор по маркетингу стоял напротив алюминиевого стеллажа, рассеянно разглядывая корешки больших серых папок.

— По правде говоря, — сказал Марти, — я бы с бóльшим удовольствием оказался в Маунт-Шасте[1]. А как ты провел уик-энд?

— Прекрасно, просто прекрасно, — сказал Ларри, сел за стол и открыл верхний ящик.

— Я решил заскочить и проверить, готовы ли данные о продажах в графстве Оранж. Я, конечно, не хочу лезть не в свое дело. Ну, сам понимаешь.

— Пожалуйста. Не стесняйся. — Ларри сделал правой рукой неопределенный жест, продолжая левой рыться в ящике стола.

— Эд Конклин звонил из Коста-Месы и сообщил, что все еще не получил гудиировские рекламные проспекты. Я сказал ему, что нет проблем — ты с ними свяжешься. Хорошо?

— Хорошо. — Ларри задвинул один ящик и выдвинул другой. — Нет проблем. Ну вот... — Он достал большую книгу в твердом зеленом переплете. Уголок книги вздулся от загнутых страниц. Ларри вытер книгу о штаны, смахнув пыль. «Волки Северной Америки: Часть 1. Классификация волков».

Марти небрежно сунул руку в карман.

— Не пойми меня превратно, Ларри... То есть я хочу сказать, что не собираюсь на тебя давить. Но, может быть, ты постараешься быть чуть-чуть повнимательнее хотя бы неделю-другую. Прими это как дружеское предупреждение, хорошо?

Ларри оторвался от книги.

— Это не я, Ларри. — Марти многозначительно прижал руку к сердцу. — Ты ведь меня знаешь. Но региональные менеджеры уже начали жаловаться. Задержка с заказами,

---

[1] Маунт-Шаста, или просто Шаста, — живописный городок у подножия горы Шаста, самого большого (высота 4322 метра) вулканического пика в США. Это одно из красивейших мест — настоящая «приемная по вопросам души».

невыписанные счета ну и прочая чепуха. Ерунда, ничего страшного. Ничего такого, что я не мог бы прикрыть. Но те парни там, наверху, не такие терпеливые — вот все, что я хочу тебе сказать. Я имею в виду, что это и моя работа тоже. Договорились?

Ларри наконец нашел указатель подвидов *tundarum. Местообитание: мыс Барроу, Аляска. Подвид: No.16748, возможно женская особь, только череп, Национальный музей США; получен лейтенантом Р.Х. Рэйем.*

— Только, ради бога, не принимай на свой счет. Все не так страшно. У каждого бывают трудные дни — это закон жизни. Люди становятся, как бы это сказать, рассеянными.

— Я знал! — Ларри ткнул пальцем в книгу. — Так я и думал. Ты только послушай! *Tundarum* тесно связан с *pambisileus*. Именно это я и предполагал. Расположение зубов — вот подсказка.

Марти вытащил сигарету из кармана рубашки и зажигалку «Бик» из кармана слаксов.

— Хорошо, — сказал он, сделав длинную затяжку. Затем, помолчав с минуту, добавил: — Знаешь, Ларри, мы с Беатрис и сами неравнодушны к проблемам экологии. Ты должен непременно как-нибудь посетить наш домик в Шасте. Это нечто — чистый воздух, деревья, уединение. В прошлом году мы даже вступили в Сьерра-Клуб[1]. Но послушай меня! Я, конечно, тоже могу хоть целый день говорить о всех этих вещах, но нам с тобой — обоим — надо вернуться к работе, хорошо? — Марти чуть задержался у выхода. — Давай как-нибудь сходим вместе пообедать и все обсудим, ладно? И может быть, ты все же забросишь в мой офис данные о продажах чуть позже? Может, до обеда?

Этим вечером Ларри вернулся домой, когда посуда, оставшаяся после обеда, уже была вымыта. Он заглянул в комнату Кэролайн. Девочка спала. Игрушечные волки, их детеныши и мифический единорог были свалены вокруг нее

[1] Сьерра-Клуб — одна из сильнейших природоохранных организаций США. Создан в конце 1890-х годов Джоном Мьюром (1838–1914), известным ученым и исследователем, организатором американской службы национальных парков. — *Прим. ред.*

на постели, словно костяшки домино. Он нашел Шеррил в спальне. Она накручивала волосы на моментальные бигуди. На коленях у нее лежал черный прямоугольный приборчик.

Ларри присел на краешек кровати и бросил взгляд в мутное зеркало. Этим утром он забыл побриться. Глаза потемнели и опухли, взгляд мрачный. (Одинокий волк бежит по пустынной равнине. Вечереет. Небо голубое и ясное. Из-за горизонта выплывает бледный полумесяц. Где-то вдали воют волки.)

Ларри повернулся к жене:

— Я прошел пешком до Научной библиотеки Калифорнийского университета, затем нашел школьную библиотеку внутри квартала. Библиотека закрылась в пять.

— Ужасно, дорогой. Ты не мог бы включить эту штуковину?

Шеррил натянула на голову пластиковую шапочку. Два черных проводка соединяли шапочку с прямоугольной коробочкой. Ларри вставил штепсельную вилку в розетку, и черная коробочка зажужжала. Пластиковая шапочка стала медленно надуваться.

— Ларри, не знаю, как бы поделикатнее выразиться, но последнее время это не выходит у меня из головы. — Шеррил перевернула страницу каталога розничных товаров супермаркетов «Кей-Март». — Ты, конечно, можешь мне не поверить, но в этом мире остались люди, которые любят поговорить еще о чем-нибудь, кроме волков. Хоть однажды под грустной луной[1].

Ларри снова погрузился в размышления. Он забыл закончить отчет о продажах для Кабрилло. Завтра, успокоил он себя. Первым делом.

— Я помню, что мы когда-то могли нормально разговаривать. Время от времени мы куда-нибудь ходили. В кино, иногда даже на танцы. Ты можешь сказать, когда мы в последний раз выходили куда-нибудь вдвоем — я имею в виду из дому? Это была та ужасная встреча Родительской ассо-

---

[1] Слова из популяной песни «Однажды под грустной луной» *(One in a Blue Moon)*, хита 1985 года:

Но однажды под грустной луной я снова стану хорошим —
совсем как раньше.
И однажды под грустной луной ты найдешь со мной свое счастье.

циации прошлой осенью с этими жуткими тетками — горбатыми, в большущих очках. Ты помнишь? Что-то посвященное распродаже всякого барахла и новых семейных игр с мячом? Ты знаешь, как давно это было? И честно говоря, Ларри, я бы не отказалась куда-нибудь пойти.

Ларри легонько провел рукой по гладкому краю жужжащей черной коробочки.

— Послушай, солнышко, я знаю, что иногда становлюсь немножко неуправляемым. Я это знаю. Особенно в последнее время. — Он приложил руку ко лбу. Голова, казалось, постепенно набухала подобно надувавшейся пластиковой шапочке. — Я становлюсь забывчивым и прекрасно понимаю, что иногда кажусь чокнутым.

«Волки, — думал он, стараясь взять себя в руки. — Зов стаи, лунная дорожка, горячие, сильные толчки крови». Но волки внезапно оказались очень далеко.

— Я знаю, ты не понимаешь. Я и сам-то не понимаю... Но это не только сны. Когда я волк, я настоящий. Места, которые я вижу, чувства, которые испытываю, — все это *реально*, так же реально, как и то, что я сейчас с тобой говорю. Так же реально, как эта кровать. — Он сжал шелковое покрывало. — Я не выдумываю. И я попытаюсь быть повнимательнее. В эти выходные мы обязательно сходим куда-нибудь, обещаю. Но потерпи меня еще немножко. Поверь мне хоть чуть-чуть. Это все...

Шеррил подняла глаза. Она взяла у него из рук жужжащую коробочку.

— Ты что-то сказал, любимый? — Она погладила пластиковую шапочку. — Подержи, через минуту я буду готова.

Она перевернула страницу каталога. Затем жирным красным маркером обвела цену носовых платков.

Ларри прошел в ванную комнату и почистил свои блестящие белые зубы.

* * *

— Прошлой ночью мне снился плейстоцен.

— А где это, папочка?

— Это не место, солнышко. Это время. Много, много лет назад.

— Ты имеешь в виду динозавров, папочка? Тебе снилось, что ты динозавр?

— Нет, дорогая. К тому времени динозавры уже вымерли. Полагаю, я был *canis dirus*. Я проверю. Тундра была холоднее и пустыннее, чем раньше. Небо было затянуто фантастическим красным маревом, какого я никогда не видел, словно атмосфера чужой планеты. В стае нас осталось только трое. Моя подруга умерла накануне ночью под пологом льда, а остальные сгрудились вокруг, чтобы ее согреть. Я, как вожак стаи, повел остальных через белый лед. Хвост мой был слегка поднят. Мы ужасно замерзли, устали, проголодались...

— А разве там не было мышек, папочка? Или каких-нибудь улиток?

— Нет. Мы шли уже много-много дней. Мы не обнаружили никаких следов. За исключением одного.

— Это был олень, папочка? Ты убил оленя и съел его?

— Нет. Это был след человека. Мы искали стоянку людей. — Он обернулся. Шеррил разбивала яйца, выливала их в миску и смотрела по переносному телевизору выступление Дэвида Хартмана. — Шеррил, и тут началось самое странное. Я об этом читал. Антропологи выдвигали такую гипотезу: доисторическую, общинную связь между человеком и волком. Мы нисколько не боялись. Мы искали у них укрытия, еду, товарищеское общение, союзников в охоте.

Ларри внимательно следил за женой. Через секунду она сказала:

— Очень мило, дорогой.

Дэвид Хартман заявил: «В конце этого получаса мы встретимся с Лорной Бакус, чтобы обсудить ее новый хитовый альбом, а затем отправимся в идиллическое путешествие по живописному побережью Нью-Гэмпшира, штата садов. Это будет одна из серий нашего проекта „Штаты Америки". Пожалуйста, оставайтесь с нами».

— Я всегда хотела жить в Нью-Гэмпшире, — сказала Шеррил.

Каждый день, возвращаясь с работы домой, Ларри заходил в отделение библиотеки Фэрфакса. Многие из необходимых ему книг приходилось заказывать из межбиблиотеч-

ных фондов. Он прочитал труды Лопеса «О волках и людях», Фокса «Душа волка», Меша «Волк: Экология и поведение опасных видов», Пимлота «Мир волка», Моуэта «Не кричи: „Волки!"», Эвера «Хищники», а также специальные статьи и материалы конференций, опубликованные в журналах «Американский зоолог», «Американский ученый», «Журнал зоологии», «Журнал маммалиологии»[1], «Канадский полевой натуралист».

Как-то раз Шеррил перестилала постель, и из одеяла на пол вывалились три книжки.

— Мне бы очень хотелось, Ларри, чтобы ты убирал за собой. Ты же не Кэролайн. И посмотри — эту ты задержал почти на месяц.

В тот же вечер Ларри вернул книги в библиотеку, сдал еще три и отксерокопировал статью «Дикие собаки» из энциклопедии Гржимека «Жизнь животных».

Уже на выходе он заметил каталожную карточку три на пять, прикрепленную к доске объявлений: «Спиритические консультации, анализ снов, разумные цены, бесплатная парковка».

Ее звали Анита Луиз. Она жила на верхнем этаже обветшавшего особняка на бульваре Сансет и претендовала на дальние родственные связи с Типой Луиз, бывшей звездой, известной по сериалу «Остров Джиллигана». Ее гостиная была обставлена ветхими садовыми креслами и оранжевыми стеллажами. Она потребовала какую-нибудь личную вещь. Ларри отдал ей свои часы. Она закрыла глаза.

— Я вижу волка, — сказала она, погладила стекло циферблата, повернула заводную головку, проверила гибкий металлический браслет. — Когда он ведет вас через лес жизни, он предупреждает о тернистых путях. Когда придет время, он проводит вас в рай.

— Волк не ведет меня, — возразил Ларри. — Это я — волк. Иногда я — проводник, вожак моей стаи.

— Пути духов иного мира нередко неисповедимы и ведут в неизведанное, — сказала ему Анита. — Я принимаю

[1] Маммалиология — раздел зоологии, изучающий млекопитающих. — *Прим. ред.*

«Визу» и «Мастеркард», а также чеки, но мне необходимы как минимум два удостоверения личности.

Перед тем как уйти, Ларри напомнил ей о часах.

— Я не знаю, Эвелин. Я действительно не знаю. Я хочу сказать, что люблю Ларри и все такое, но ты даже представить себе не можешь, как тяжело стало жить в последнее время, особенно в последние несколько месяцев. — Шеррил держала трубку в левой руке, а в правой — чашку холодного кофе. Минуту она слушала собеседницу. — Нет, Эвелин, не думаю, что ты понимаешь. Это вовсе не хобби. Если бы Ларри собирал марки или увлекался боулингом или чем-то в этом роде... Это я еще могу понять. Это можно понять. Но Ларри говорит только о волках. Волки то, волки се. О волках за обедом, о волках в постели, о волках даже во время поездки в магазин. Он все время твердит, что волки — они везде. И если честно, Эвелин, иногда я готова ему поверить. Я начинаю оборачиваться. Я слышу лай собаки и проверяю, закрыта ли дверь... Конечно, я стараюсь проявлять понимание. Именно это я и пытаюсь тебе объяснить. Но мне надо думать и о Кэролайн, сама знаешь... Вот послушай, что вчера произошло. Мы сидели за завтраком, и Ларри начал рассказывать Кэролайн — обрати внимание: четырехлетней девочке, — что он где-то в лесах, одному богу известно где, и встречает самку собаки. Нет, не могу продолжать... Нет, просто не могу. Мне действительно неловко... Нет, Эвелин. Ты ничегошеньки не поняла. Это сезон спаривания, усекла? И Ларри начал во всех подробностях объяснять... Ну, может быть. Но это еще цветочки. Не вешай трубку, я тебе расскажу. Они, не знаю, как бы поделикатнее выразиться... Он насадил... Нет, Эвелин. Честно говоря, иногда мне кажется, что ты просто меня не слушаешь. Они сцепились в замок. Ты можешь себе представить? Что я хочу сказать? Кэролайн не получит психологическую травму. Это я тебе обещаю. — Шеррил услышала, как сзади открылась кухонная дверь. — Не вешай трубку, Эвелин, — сказала она и обернулась. Кэролайн придерживала дверь ногой.

— О чем это вы разговариваете?

В одной руке девочка крепко сжимала пластиковую мерную ложечку, а в другой держала за шею игрушечного койота Вилли[1]. Голова его бессильно болталась, изо рта торчала маленькая розовая таблетка.

— Это Эвелин, дорогая. Мы просто разговариваем.

Ротик Кэролайн покраснел и чуть припух; ее белое платьице было усеяно алыми пятнами. Она подумала с минуту, взяла конфету, сунула в рот и начала жевать. Наконец она сказала:

— Мне кажется, кто-то пролил виноградный сок на одну из папочкиных книг о волках.

Ларри прочел книги Гая Эндора «Оборотень в Париже», Гессе «Степной волк», Берил Роуланд «Животные с человеческим лицом», Полларда «Волки и оборотни», Лейна «Дикарь из Аверона», Мэлсона «Дети волков и проблемы человеческой природы». Марти дал ему визитку последователя учения Юнга[2] из Топанья-Каньон. Тот усадил Ларри в плюшевое кресло, несколько раз произнес слово «архетип», сообщил ему, что любого завораживает зло, садизм, боль — «это совершенно нормально, совершенно *по-человечески*», — порекомендовал ему книгу Роберта Эйслера «Человек в волке», взял плату в семьдесят пять долларов и предложил рецепт на валиум[3].

— Но когда я волк, я не знаю зла, — возразил Ларри, когда его выпроваживала белокурая секретарша. — Когда я волк, я чувствую только умиротворение.

— Не знаю, Ларри. У меня от этого мурашки ползут, — сказала Шеррил этим вечером, уложив Кэролайн в постель. — Это нелепо, просто нелепо. Запугивать бедных беззащитных

---

[1] Койот Вилли — герой популярного мультсериала «Веселые мелодии: Койот Вилли и другие», снятого в 1940 году. — *Прим. ред.*

[2] Юнг Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психолог, основоположник одного из направлений глубинной психологии — аналитической психологии. Юнг развил учение о коллективном бессознательном, в образах (архетипах) которого видел истоки общечеловеческой символики, в том числе мифов и снов.

[3] Валиум — легкий транквилизатор, лекарственное средство, уменьшающее тревогу, страх.

мышек и оленей, которые никому не причинили зла. Говорить об убийствах, и крови, и о льде, причем за завтраком.

Ларри не ложился спать до двух ночи. Он смотрел «Человек-Волк»[1] по пятому каналу. Клод Рейн сказал: «В душе каждого человека живут добро и зло. В таком случае зло принимает образ волка». «Нет, — подумал Ларри и прочел работу Фрейда „Случай Человека-Волка" и первую главу книги Мака „Ночные кошмары и конфликт человеческой личности". — Нет». Потом он пошел спать, и ему приснились волки.

— Принято считать, что душа волка *wakan*, то есть священна, в переводе с языка индейцев омаха, — сказал Голодный Медведь, положив ноги на стол. Он затушил сигарету о краешек металлической корзины для мусора и приготовился зажечь новую. — В большинстве племен считается, что волчий вой предвещает беду. Как говорят индейцы лакота, «человек, который мечтает о волке, нередко теряет бдительность, но человек, который бесстрашно закрывает глаза, всегда находится настороже». Не знаю, что это в точности означает, но где-то я это вычитал.

Голодный Медведь снова налил себе красного вина. Его замызганная футболка плотно обтягивала огромный живот, над ремнем виднелась полоска бледной кожи. Волосы были заплетены в косы, на голове красовался клетчатый ирландский котелок.

— Я стараюсь извлечь максимум пользы от чтения, — заявил он и потянулся за похудевшей пачкой «Салема».

— Я тоже, — согласился Ларри. — Может быть, вы порекомендуете...

— Не думаю, что волка когда-либо обожествляли, но я могу ошибаться. — Голодный Медведь задумчиво следил за дымком своей сигареты. — И все же вам не стоит особо беспокоиться. Дух животного очень часто овладевает человеком. Духи используют его тело, когда тот спит. Когда человек просыпается, то ничего не может вспомнить... Но постойте-ка. Это не совсем так, не правда ли? Вы сказали, что

[1] «Человек-Волк» — оригинальный классический фильм ужасов студии «Универсал», вышедший на экраны в 1941 году. — *Прим. ред.*

помните свои сны. Может, я ошибаюсь... Вы вполне могли помнить. Естественно, почему бы и нет, — подвел итог Голодный Медведь и плеснул себе еще красного вина.

— *Я* вселяюсь в тело *волка*, — сказал Ларри, постепенно теряя интерес, и оглядел грязный, захламленный офис. Жалюзи были пыльными и потрескавшимися, на полу валялись обрывки журналов для мужчин, пустые винные бутылки и скомканные сигаретные пачки. Подумав с минуту, он добавил: — Я даже не знаю, как мне вас называть. Мистер Медведь?

— Нет, конечно нет. — Голодный Медведь отмел рукой такую нелепую мысль, разогнав клубы дыма. — Зовите меня Джим. Это мое настоящее имя. Джим Придо. Я называю себя Голодным Медведем только для бизнеса. Если помните, «Голодный медведь» — так назывался отвратительный консервированный чили. Его перестали выпускать сразу после войны. — Он проверил карман рубашки. — Там где-нибудь случайно не завалялась пачка сигарет? Похоже, курево кончается.

— Так вы не индеец? — спросил Ларри.

— Конечно же, я индеец. На одну восьмую чистокровный шошон. Моя прабабка была дочерью шошонского вождя. Ну, может, и не вождя. Но *ее* отец был настоящим знахарем. Я унаследовал его дар. — Джим Придо порылся в бумагах на столе. — Вы точно не видите? Уверен, что купил пачку меньше часу назад.

— Это так приятно, — сказала Шеррил, проглотив последний кусочек рыбы. Она изящно вытерла рот салфеткой. — Как приятно выбраться для разнообразия из дому. Ты даже не представляешь себе насколько.

— Конечно, представляю, дорогая. — Эндрю Притовски налил еще немного белого вина.

— Нет, думаю, не представляешь, Энди. Ведь твоя-то жена, Даниэль, нормальная. Ты даже не знаешь, каково это — жить с кем-то таким... ну, неустойчивым, как Ларри, судя по его поведению в последнее время.

— Я понимаю, тебе пришлось нелегко.

— Марти Кабрилло, начальник Ларри, свел его с доктором, хорошим доктором. Ларри сходил к нему только раз,

а затем заявил, что с него довольно, больше он не пойдет. Я сказала Ларри: «А ты не думаешь, что он может тебе помочь?» А Ларри сказал, что нет, не может. Он говорит, что доктор — дурак. Представляешь?! А я говорю Ларри, что этот человек — доктор медицины. Разве можно просто так взять и назвать человека со степенью доктора медицины *дураком*! И тогда Ларри заявил, что *я* тоже не понимаю, о чем говорю. Ларри полагает, что знает больше, чем человек со степенью доктора медицины. Именно так он и думает.

— Послушай! Почему ты не пьешь? — Эндрю поставил пустую бутылку и посигналил официанту картой «Мастеркард».

— Прости, Энди. — Шеррил промокнула глаза салфеткой. — Я в последнее время сама не своя. Я ничего такого не прошу. Только нормальную жизнь. Это не так уж много! Хороший дом, нормального мужа, который мог бы хоть чуть-чуть помочь мне и поддержать меня. Разве это так уж много? Как думаешь?

— Конечно нет. — Эндрю подписал чек. Когда официант ушел, он сказал: — Я рад, что мы смогли это сделать.

Шеррил сложила салфетку и положила ее на стол.

— Спасибо, что позвонил. Было очень приятно.

— Мы обязательно сделаем это снова?

— Конечно, — сказала Шеррил. — Мы непременно должны это сделать.

Две недели спустя Ларри вернулся с работы домой и нашел на письменном столе записку.

«Дорогой Ларри!

Я знаю, ты можешь все неправильно понять, и только надеюсь, что ты представляешь, как мы с Кэролайн волнуемся за тебя. Но я много об этом думала и даже обратилась один раз за профессиональной консультацией, а потому считаю, что сейчас это для нас — единственно правильное решение. Особенно для Кэролайн, которая находится в самом нежном возрасте. Пожалуйста, не пытайся звонить, так как я велела маме какое-то время не говорить, где мы. Пожалуйста, пойми: я вовсе не хочу причинить тебе боль, а так,

возможно, будет лучше для нас обоих. Надеюсь, что ты справишься со своими трудностями, а я всегда буду мысленно с тобой.

Шеррил»

— Ларри, ты не должен постоянно хандрить. Все наладится — надо только немножко подождать. Я чувствую, в твоей жизни намечаются перемены к лучшему. Но сначала ты должен стать повнимательнее на работе.— Марти присел на краешек стола Ларри. Он автоматически теребил зажим на прозрачной пластиковой папке.— Я тебе говорил, что Хендерсон вчера спрашивал о тебе? Спрашивал о тебе персонально. Нет, я вовсе не хочу, чтобы у тебя крышу снесло, но если уж Хендерсон тобой интересуется, то наверняка и все остальные парни из руководства постоянно мусолят твое имя. Хендерсон — неплохой парень, Ларри. Совсем неплохой. Но возникло некоторое беспокойство... искреннее беспокойство относительно того, как ты в последнее время справляешься со своими обязанностями. И не думай, что я не понимаю. Ларри, я очень за тебя переживаю. Мы с Беатрис тоже пару раз были на грани развода. Мне даже страшно себе представить, что бы я делал без Бетти и ребятишек. Но ты должен держать хвост пистолетом, приятель. Полный вперед! И помни, я на твоей стороне!

Сидя за столом, Ларри сделал несколько аккуратных пометок на листе линованной бумаги. За последние пару недель повторяемость снов увеличилась: прямая на графике пошла вверх. Нередко три, иногда четыре раза за ночь он просыпался, включал ночник и тянулся за ручкой и блокнотом на тумбочке. Делал лихорадочные записи об особенностях местности и характеристиках подвидов, в то время как аромат леса, пустыни и тундры постепенно вытеснялся запахами грязных простыней, остатков готовых замороженных обедов и дезодоранта для дома «Джонсон и Джонсон».

— Я не шучу, Ларри. Я не могу постоянно тебя покрывать. Мне необходимы определенные обязательства. Мне надо наконец увидеть, что ты действительно стараешься. Тебе надо начать посещать Дейва Бодро на четвертом этаже. Это наш консультант по стрессам у работников. Но это вовсе не означает, что он какой-то там паршивый психоаналитик. Я знаю,

что ты о них думаешь. Дейв Бодро — нормальный парень, как ты или я, которому посчастливилось набраться опыта в такого рода делах. Ну что, договорились? Как тебе такая идея? Нормально?

— Конечно, Марти, — сказал Ларри. — Я ценю твою поддержку, правда, ценю. — Он достал еще один лист бумаги из пачки.

«Абсцисса, — думал он, — это реальное время. Ордината — время сна». Сверху листа он нацарапал слово *плейстоцен.*

— Мне теперь сны снятся чаще, чем когда-либо, — сказал Ларри Дейву Бодро в четверг. — Иногда по шесть раз за ночь. Посмотрите, я все записал. — Ларри открыл большую красную папку, порылся в кипе бумажек и достал лист линованной бумаги. — Вот, прошлая пятница. Шесть раз. — Он держал листок над столом и тыкал в него пальцем. — А в воскресенье — семь раз. И это еще не самая главная часть. Я еще до нее не добрался.

Дейв Бодро сидел за столом и слегка раскачивался на вращающемся стуле. Он ради приличия бросил взгляд на диаграмму. Затем стал рассеянно рассматривать постер, изображающий прибой на Таити. Он услышал, как снова звякнул держатель папки.

Ларри стал придвигаться к столу, пока ручки кресла не уперлись в него.

— Мне все чаще и чаще снится плейстоцен, ледниковый период. Великая охота, когда человек и волк охотились вместе — в одной стае, в одном сообществе — в поисках общей добычи на ледяных просторах под холодным солнцем. Это что-то значит? Может, это, и есть возвращение к истокам?

Бодро небрежно раскрыл картонную папку, лежавшую на столе.

ЧАМБЕРС ЛОУРЕНС
ОТДЕЛ СНАБЖЕНИЯ И СЕРВИСА
РОДИЛСЯ: 3–6–45. ГЛАЗА: ГОЛУБЫЕ

— Не поймите меня превратно. Да шучу я, шучу. Конечно, все эти архетипы — бред собачий. Все это совершенно разные вещи, даже рядом не стояли. Это, прости господи,

вовсе не воспоминания. Когда мне снится волк, я и есть волк. Я был волком в Нью-Йорке, Монтане и Бейруте. Это словно время и пространство, сон и явь, раскрываясь, соединяют меня со всем, со всем реальным. Я живу только одной жизнью, вы понимаете? Жизнью охотника и добычи, сном и явью, кровью и душой. Это так зрелищно, вы не находите? Вы когда-нибудь слышали нечто подобное?

В графе, оставленной для замечаний консультанта, Бодро нацарапал: «Псих, повернутый на волках», и три раза подчеркнул.

Когда в понедельник Ларри пришел на работу, охранник взял его пропуск и, проверив журнал, попросил минутку подождать. Он поднял трубку и связался с отделом по работе с персоналом.

— Это пост шесть. Мистер Лоуренс Чамберс только что появился.

Охранник спокойно выслушал все, что ему сказали на том конце провода. При этом он ритмично постукивал карандашом по столу. Наконец он положил трубку:

— Сожалею. Мне придется оставить у себя ваш пропуск. Следуйте за мной, пожалуйста.

Они прошли в бухгалтерию. Ларри получил чек со своей последней зарплатой и в отдельном конверте чек с минимальной компенсацией.

Когда Ларри вернулся домой, было всего лишь десять утра. Он поднял с крыльца кипу газет, развернул ту, что еще не успела пожелтеть, — одну из самых последних. С пять минут почитал, затем снова сложил газету и присоединил ее к остальным рядом с камином. Он взял книгу Харрингтона и Паке «Волки мира» и снова отложил в сторону. Встал и пошел на кухню. В раковине горой была навалена посуда, рядом четыре полных мешка мусора. Оставшаяся в посудомоечной машине пара-другая тарелок была покрыта белым известковым налетом. В холодильнике он обнаружил головку проросшего чеснока, пустую бутылочку из-под ворчестерского соуса и яйцо. Выпил прокисшего яблочного соку из зеленого пластмассового кувшина и продолжил обход по дому. В ванной комнате: зубная паста, зубная щетка, расческа,

стакан, глазные капли, размотанный бинт, шампунь Шеррил «Горный ручей», его электробритва. Из комнаты Кэролайн исчезли вся одежда и игрушки. С постера над кроватью на него смотрел волк. Глаза у зверя были колючие, умные, настороженные.

Он попытался посмотреть телевизор. На различных шоу народ выигрывал парусные лодки и прессы для бытовых отходов, в мыльных операх все друг друга обманывали и замышляли финансовые комбинации. Через какое-то время он снова встал, вернулся в ванную комнату и открыл аптечку-шкафчик. Аспирин «Джонсон бейби», задубевшая зубная щетка, полоскание для рта, заколка для волос. На верхней полке в бутылочке, недоступной для детей, секонал[1] Шеррил. Он принял две таблетки, затем отправился в постель.

На рассвете ему снова приснились волки, но на этот раз сон был отрывочным и несвязным. Он следил за волками с высокого утеса, возможно, из-за густых кустов — прямо как Джейн Гудолл[2]. Волки спустились в лощину и остановились у небольшого ручейка, чтобы попить. Два детеныша плескались и гонялись друг за другом по лужам. Остальные волки бесстрастно за ними наблюдали. Солнце садилось. Ларри проснулся. Было всего лишь начало седьмого.

Днем он сидел дома. По вечерам иногда ходил в угловой супермаркет для того, чтобы обналичить чек и купить молока, виски, готовые замороженные обеды. Иногда, вспоминая о Шеррил и Кэролайн, он делал телевизор погромче. Ему недоставало не их физического присутствия — он уже с трудом вспоминал их лица, — а скорее их звуков: звона посуды, периодического тарахтения и жужжания заводных игрушек. Лишенный звуков воздух казался тоньше, спертым, давящим. Ларри казалось, что его загнали внутрь стеклянной камеры. Тишина окутывала все кругом: стены, мебель, постепенно пустеющую бутылочку с секоналом, большие одинокие спальни и даже бессмысленную болтовню Флинстоу-

---

[1] Секонал — сильнодействующее снотворное, успокоительное средство, широко применяемое в США.

[2] Джейн Гудолл (род. 1934) — английский этолог и писатель. В течение десяти лет изучала повадки шимпанзе в Национальном парке Гомбе в Танзании.

нов[1] по телевизору. Он пил пиво, сидя у центрального окна, следил, как беззвучно кружится пыль в лучах света, и вспоминал волков. А еще безмолвие бескрайнего белого льда, когда не только звуки, но и запахи и текстура ландшафта, казалось, сочились из призрачной атмосферы, из трещин на куполах некоего подводного города. По утрам он уже с трудом вспоминал свои сны. Мимолетные отдельные картины волка, жертвы, неба, луны были склеены словно кадры какого-то сюрреалистического фотомонтажа. Он выкуривал за день три пачки сигарет — просто чтобы занять руки. Под воздействием виски и секонала он в течение дня так часто прикладывался к подушке, что ночью не мог заснуть. «Волки, — думал он. — Волки в Юте, на Баффиновой Земле, в Тибете и даже в Голливуде. Волки незримо присутствуют везде...» И постепенно сны полностью исчезли. Сон стал темным слепым местом, где ничего не происходило.

«Секонал», — понял он однажды утром и отправился в библиотеку. Он щурился от лучей солнца, и время от времени его мотало из стороны в сторону. Люди оборачивались на него. Книга под названием «Сон», принадлежащая перу Гая Гаера Льюка и Джулиуса Сигала, подтвердила его подозрения. Алкоголь и барбитураты подавляли фазу сновидений во время сна. Вернувшись домой, он вылил виски в раковину, а оставшийся секонал выбросил в унитаз. Он провел в постели весь вечер, ночь и следующее утро. Он беспокойно метался и ворочался. Он не мог закрыть глаза дольше чем на минуту. Сердце учащенно билось. Он попытался мысленно воспроизвести образ волка, но вспомнил только картинки из книг. Попытался представить струящуюся горячую кровь жертвы, но почувствовал во рту только вкус куриных макнагетов. Захотел мысленно увидеть небо, а обнаружил только влажный прямоугольник нависшего потолка спальни. Он встал и прошел в гостиную. Снова была ночь. Чтобы видеть сны, он должен спать. Чтобы вернуться к реальности, он должен рас-

[1] «Флинстоуны» — американский мультсериал о жизни семьи Флинстоунов в каменном веке. С 1960 по 1966 год шел на канале ABC. Позднее, в 1994 году, была снята комедия с тем же названием. Сделана в стиле наивных и захватывающих комедий 1950-х годов, действие которых погружено в мир детских фантазий. — *Прим. ред.*

сеять миражи: газеты, мебель, грязные ковры, письмо Шеррил, игрушки Кэролайн, журналы и книги. А затем он понял, что зло — это не волк, а скорее отрицание волка. «Жестокость не заложена в самой природе, но в систематическом подавлении природы. Безумие — это не сновидение, а мир, лишенный сновидений», — подумал он, достал из банки черствый соленый кренделек, разгрыз его и взглянул из окна на серую безлюдную улицу, где редкие фонари освещали притихшие пустые машины, припаркованные у тротуара. Луна слабо просвечивала сквозь завесу тумана. Где-то вдали завывала сирена, лаяла собака, а население беспокойно спало в своих домах — нередко с помощью секонала или дилантина[1], — проходя через расплывчатые, проницаемые фазы сна в поисках этого мимолетного полумира, где они отчаянно боролись за обретение сновидений под гнетом мрачной действительности.

Через несколько недель после того, как он подписал уведомление об увольнении Ларри Чамберса, Марти Кабрилло повез жену в Шасту. «Две недели вдвоем, — обещал он ей. — Мы оставим детей с твоей матерью. Только мы вдвоем, деревья, снова ужины при свечах. Я всегда говорил, что только так и должно быть». Однако во время долгой дороги Марти не проронил ни слова. Беатрис обняла его, но он отстранился.

— Прекрати, — сказал он. — Ты мне мешаешь.

Приехав, они расположились на открытой веранде. Марти лениво листал книгу в мягкой обложке, Беатрис читала журнал «Пипл». Уже через пару дней они вернулись домой.

— Прости, солнышко, — сказал Марти жене. — Все образуется. Я обещаю.

— Что с тобой в последнее время происходит?

— Ничего. Просто голова забита.

— Работа?

— Типа того.

Спустя какое-то время Беатрис произнесла: «Ларри», скрестила на груди руки и стала смотреть в окно на стоянку автомобилей.

---

[1] Дилантин — лекарственное средство, помогающее справляться со страхом, беспокойством, паникой, гневом.

В воскресенье Марти подъехал к магазинчику «У Ральфа» в Фэрфаксе, загрузил в «тойоту-универсал» четыре пакета всякой снеди и поехал к дому Ларри на бульваре Клифтон. Лужайка перед домом заросла бурой травой. Алюминиевые контейнеры для мусора, сплошь в потеках ржавчины, валялись посреди подъездной дорожки. Улитки усеяли фасад дома, их склизкие замысловатые следы поблескивали на солнце. Марти постучался, несколько раз нажал на кнопку звонка. Дверь была неплотно закрыта, и он толкнул ее, чтобы войти. Гора газетных пачек загораживала вход, и он с трудом протиснулся внутрь. В гостиной порванные журналы и заплесневелая посуда были разбросаны по дивану, валялись на стульях, устилали пол. Телефонная трубка была снята и слабо завывала, словно тревожная сирена где-то вдали. На первый взгляд, комната казалась странно непропорциональной, как будто вся мебель была передвинута. Затем он заметил Ларри, который спал на полу в центре комнаты. Его голова покоилась на диванной подушке, рука обвивала ножку журнального столика.

— Он, должно быть, потерял около сорока килограммов,— уже позже вечером рассказывал Марти Беатрис. — Одежда его вся провоняла. Уж не знаю, сколько дней он не брился и не мылся. И когда я стоял и смотрел на него, то думал только об одном: это моя вина. Моя, Марти Кабрилло.

Марти поехал в больницу Сент-Джонс вслед за машиной «скорой помощи», мысленно умоляя их включить сирену. «Обезвоживание»,— сказал ему доктор, когда Марти вносил задаток за отдельную палату. Ларри лежал на жесткой прямоугольной белой кровати, рядом с ним на штативе висела бутылочка с раствором глюкозы, белая трубка была прикреплена к его руке белым пластырем. Глюкоза тихо булькала.

— Мы будем выводить его из этого состояния постепенно, через пару дней начнем кормить твердой пищей. Думаю, с ним все будет в порядке, — сказал доктор и дал Марти подписать еще один бланк.

— Это я во всем виноват, — сказал Марти, когда на следующее утро Ларри пришел в себя. — Посмотри, я принес тебе пару книг почитать. И еще цветы — это от Шеррил. Беатрис связалась с ней вчера вечером, и она уже едет сюда. Худшее позади, приятель. Самое плохое осталось в прошлом.

Позднее Шеррил сказала ему:

— Мы по тебе скучали. Кэролайн по тебе скучала. *Я* по тебе скучала. Ох, Ларри! Ты выглядишь просто ужасно.

Шеррил положила голову на колени мужа и расплакалась, судорожно вцепившись в него. Ларри молча гладил ее длинные белокурые волосы.

Шеррил остановилась у своей сестры в Бербанке и устроилась секретарем на какую-то студию. Ее начальником был жизнерадостный тучный коротышка, который гладил ее по коленке, пока она записывала его распоряжения, или незаметно подкрадывался сзади и больно щипал. «Не зажимайся, расслабься! Жизнь коротка», — говорил он ей. Кэролайн ненавидела свой детский сад и почти каждый день плакала. Сестра Шеррил начала приносить домой бюллетени недвижимости, где можно было найти хорошие предложения залогов за их дом. Энди обещал помочь, но всякий раз, как она звонила ему в офис, секретарша отвечала, что он все еще не вернулся из деловой поездки. А затем лопнула покрышка на ее «вольво», и в этой круговерти она вдруг поняла, что куда-то засунула бумажник, и начала реветь прямо там, на обочине шоссе, — ей показалось, что у нее в жизни уже никогда не будет ничего хорошего.

— Ты нам нужен, Ларри, — сказала Шеррил. — Мы нужны тебе. Мне жаль, что так получилось, но я всегда тебя любила. Это все не потому, что я тебя не любила. А Марти считает, что тебя могут взять обратно на работу...

Марти наклонился вперед, что-то шепча.

— Он говорит, что не сомневается. Он не сомневается, что тебя возьмут обратно. Ты меня слышишь, солнышко? Все будет хорошо. Мы все снова будем счастливы, совсем как раньше.

Месяц спустя Шеррил привезла Кэролайн.

— А папочка дома? — спросила Кэролайн.

— Он сейчас на работе, солнышко. Но скоро вернется. Он скучал по тебе.

Кэролайн подождала, пока ей отстегнут ремень, и вылезла из машины. Лужайка перед домом выглядела зеленой и ухоженной, дом был перекрашен в желтый цвет. Место ка-

залось только смутно знакомым, словно фотография, что ей показывала мамочка, того места, где она родилась.

— Все игрушки в твоей комнате, родная. Будь хорошей девочкой и пойди немножко поиграй. Мамочка приготовит обед.

Комнату Кэролайн тоже перекрасили. Над ее кроватью висел новый яркий постер с Йосемитом Сэмом[1]. Она открыла дубовый комод с игрушками. Все игрушки были разложены по коробкам и аккуратно расставлены, прямо как на полках в магазине. Она прошла в спальню и бросила взгляд на папочкин книжный шкаф. Большие книги с картинками исчезли, а с ними и фотографии волков, и оленей, и кроликов, и лесов, и мужчин с ружьями, и волосатых, бесформенных первобытных людей. Их сменили дешевые издания. На обложках были изображены прекрасные мужчины и женщины, нацистские знаки различия, секретные досье, дети, в которых вселился дьявол, ковбои на лошадях, смертельное оружие.

Она услышала, как открылась входная дверь.

— Привет, солнышко. Извини, что опоздал. Я встретил в автобусе Энди Притовски — помнишь такого? Я познакомил вас на вечеринке в прошлом году. Ну да ладно. Я сказал ему, что завтра заскочу к нему в офис. Я так полагаю, что самое время начать откладывать деньги на колледж для Кэролайн. Меня это очень волнует. Энди сказал также, что может устроить нам небольшую налоговую льготу. Ой, совсем забыл — я купил нам вина. На вечер.

Кэролайн прошла до середины холла. Папочка с мамочкой стояли в дверях и целовались.

— А вот и она. Вот моя маленькая девочка.

Папочка поднял ее высоко в воздух. Его лицо казалось странным и незнакомым.

— Ну, как поживаешь, дорогая? — Папочка опустил ее вниз.

— Я закончу с обедом, — сказала Шеррил.

— Подойди и присядь. — Папочка подвел ее к дивану. — Расскажи, что ты делала. Тебе было весело у тети Джуди?

---

[1] Йосемит Сэм — персонаж мультфильмов американского мультипликатора Фриша Фреленга (1906—1995). — *Прим. ред.*

Кэролойн ковыряла болячку на коленке.

— Наверное.

— Чего бы тебе хотелось? А не пойти ли нам в кино? Как тебе такая идея?

Кэролайн обхватила руками колени. Вот колоколья, а вот и храм. Дверь открой, увидишь сам: ходят люди тут и там[1].

— А что ты сейчас будешь делать? Хочешь, поиграем? А хочешь, я почитаю тебе книжку доктора Сьюза?

Кэролайн подумала с минуту. Папочка большой шершавой ладонью взъерошил ей волосы. Она деликатно убрала его руку. Затем она сказала:

— Я хочу смотреть телевизор.

Три вечера в неделю Ларри ходил с Марти в Христианскую ассоциацию молодых людей[2]. Шеррил выписала журнал «Сансет», и за обедом они обсуждали их новый дом или хотя бы ремонт старого. В результате Марти предложил ему совместное владение домиком в Шасте. «Мы с Бети бываем там не чаще трех-четырех раз в год. Все остальное время он полностью в вашем распоряжении». Ларри взял еще одну закладную, отвалил Марти кучу денег и принял участие в ежемесячных платежах. Первые несколько месяцев они ездили туда практически каждый уик-энд. А затем Ларри получил повышение, что, правда, потребовало еженедельных поездок в Бейкерсфилд.

---

[1] Возможно, это отрывок из произведения д-ра Сьюза. Д-р Сьюз (Теодор Гейзел) (1904 — 1991) — один из лучших детских писателей Америки. Он автор более сорока книг для детей, которые характеризуются образностью и широким использованием рифмованной прозы. Наиболее известные книги, ставшие бестселлерами: «Зеленые яйца и ветчина» (*Green Eggs and Ham*), «Кошка в шляпе» (*The Cat in the Hat*), «Азбука д-ра Сьюза» (*Dr Seuss ABC*).

[2] Христианская ассоциация молодых людей (Young Men's Christian Association — YMCA) — одна из крупнейших молодежных организаций в мире. Основана в Лондоне в 1844 году. Распространяет и поддерживает общественные ценности через программы укрепления духа, ума и тела (спорт, тренинги, обучение).

Первая такая организация в России появилась в Санкт-Петербурге в 1900 году. В настоящее время в России успешно действует Межрегиональная ассоциация христианской молодежи и семьи (Российская ИМКА). — *Прим. ред.*

— Эти поездки на машине меня достали, — сказал он Шеррил. — Клянусь, мы обязательно отправимся в Шасту на следующий уик-энд.

Осенью Кэролайн пошла в подготовительную школу. Шеррил вступила в группу поддержки принятия поправки о равных правах женщин и два вечера в неделю была занята. Как-то раз Ларри заночевал в Бейкерсфилде и утром прямо оттуда поехал на работу.

— Я просто сказал Конклину, что в его магазине падают продажи. Уже три месяца подряд. Я ведь не называл его вором или типа того. Я просто потребовал объяснений. Это моя прямая обязанность, как ты считаешь? Это моя работа, так?

— Я уверена, он совсем не то имел в виду, Ларри. Он, может, просто расстроился. — Шеррил опустилась на диван и закурила.

— Конечно, расстроился. Ни капельки в этом не сомневаюсь. — Ларри уселся за обеденный стол. Стол был завален ведомостями, накладными компании и большими серыми папками. Рядом с ним на стуле стоял раскрытый портфель. — А сейчас *я* немножко расстроен, понятно? Тебе все понятно?

— Я в этом не сомневаюсь, Ларри. Я только хотела сказать, что, может быть, он совсем не это имел в виду. И только. Вот и все, что я сказала.

Ларри отложил карандаш:

— Нет, я не думаю, что это все, что ты сказала.

Шеррил бросила взгляд на телевизионную программку, лежавшую на журнальном столике. Затем ей показалось, что скрипнула дверь в комнате Кэролайн.

— Так ты говоришь, что я все придумываю. Так, что ли?

Шеррил раздавила сигарету:

— Ларри, мне бы очень хотелось, чтобы ты бросил эту манеру срывать на мне свое дурное настроение. — Она встала и прошла в конец холла. — Кэролайн? Тебе уже давно пора быть в постели!

Дверь в комнату Кэролайн со скрипом закрылась. Шеррил следила за тем, как квадратик света на полу постепенно превращался в тонкую желтую линию.

— И пожалуйста, выключи свет, юная леди. Ты меня прекрасно слышала. Прямо сейчас, — сказала Шеррил.

«В старших классах по мне сходил с ума Билли Мейсон, — думала она, — но я не дала ему ни единого шанса». Этим утром она увидела фотографию Билли на обложке «Компьютерного мира» в супермаркете.

— Ларри, я хочу сказать, что не у тебя одного бывают плохие дни...

Шеррил уже хотела повернуться к нему, но тут зазвонил телефон.

— *Моя* жизнь тоже не состоит из одних только удовольствий, — сказала она и подошла к телефонному аппарату. Сняла трубку:

— Алло!

— Привет, — ответил голос. — Я надеюсь... Извиняюсь, если побеспокоил, но хотелось бы узнать, дома ли мистер Чамберс? Мистер Ларри Чамберс? Я туда попал?

— Это его жена. А кто его спрашивает?

— Кто это? — спросил Ларри, доставая карандаш и записывая цифры в блокноте.

Шеррил бросила безразличный взгляд поверх головы Ларри в окно столовой. Голос в телефоне отдавался в ушах, как радиопомехи...

— Я хочу сказать, что у меня тут статья... Где ж она? Послушайте, передайте ему, что звонил Голодный Медведь. К тому времени, как он перезвонит, я постараюсь найти статью. Секундочку, похоже, нашел! Нет, извините, это не то. И все же передайте, Джим звонил. Джим Придо...

Шеррил оглядела кухню. Она забыла навести порядок после обеда. В раковине гора грязной посуды, столешница — вся в хлебных крошках. Кусочки мюсли «Чириоз», оставшиеся еще от завтрака, прилипли, словно ракушки, к складному столику. Она вытащила стул и села, внезапно почувствовав страшную усталость. Показывали телевизионный фильм, которого она с нетерпением ждала всю неделю, но к тому моменту, как она закончит с уборкой, кино почти закончится. Она уже готова была послать все к чертям собачьим, все к черту! Она просто хотела пойти спать. К черту Ларри, Кэролайн, посуду, пылесос — да пропади оно все пропадом! Голос в трубке

жужжал ей в ухо, словно комар. Что-то о волках, божествах племени навахо, священных тотемах, неуправляемых снах о волках... он точно не знает... «Волки, волки, волки везде», — подумала она и еще крепче сжала телефонную трубку.

— Послушайте, — сказала она. — Послушайте, мистер Медведь, или мистер Придо, или мистер Как-Вас-Там! Послушайте меня только одну минутку, и я все скажу, при этом постараюсь быть как можно более любезной. Пожалуйста, никогда больше сюда не звоните! Ларри это не интересно, мне это не интересно. Откровенно говоря, мистер Медведь, не думаю, что это хоть кому-нибудь было интересно. Не думаю, что это кого-нибудь действительно интересует.

Шеррил снилось, как люди и волки бежали вприпрыжку по белой равнине. Там были и Ларри, и Кэролайн, и Энди, и Эвелин, и Марти, и Беатрис. Шеррил узнала почтальона, разносчика газет, служащих супермаркета, бывших приятелей и любовников. Там даже были ее родители, которые бежали бок о бок с волками в холодном лунном свете. Все в обычной одежде: на мужчинах слаксы и накрахмаленные рубашки, они были в галстуках и с запонками на манжетах; женщины в юбках, блузках, в туфлях на высоких каблуках и с украшениями. Кэролайн несла одну из своих игрушек, Энди — свой портфель, Марти — теннисную ракетку, а Ларри — одну из своих серых папок. Шеррил держала в правой руке испачканную жиром лопатку, а в левой — потускневший кофейник. «Мы забыли записать Кэролайн к дантисту», — сказала она Ларри. «Когда я была ребенком, ты обращался со мной как с тупицей, — сказала она отцу, — но я вовсе не была тупой». «Сколько звезд на небе! — сказала она Дейви Стюарту, своему школьному бойфренду. — Вот Млечный Путь: След Волка». Но никто ей не отвечал, никто. Казалось, никто даже не замечал ее. В прозрачном воздухе витал запах оленя. Внезапно она почувствовала, как кто-то толкнул ее в спину локтем. Она повернулась — и проснулась в темной комнате, на жесткой кровати. «Я же забыла сходить в магазин», — подумала она. В доме не было ни молока, ни кофе.

В постели рядом с ней зашевелился мужчина.

Шеррил села в кровати, ее зрачки стали постепенно расширяться. Она начала различать чисто убранные углы комнаты в мотеле. Шаткий столик, стаканы для воды, завернутые в вощеную бумагу, тарелки, одноразовые пакетики какао.

— Что случилось, крошка? — Эндрю приподнялся, обняв ее за талию. — Ночной кошмар? Скажи мне, дорогая. Ты можешь своему любимому рассказать все. — Он поцеловал ее в шею и погладил по теплому животу.

— Пожалуйста, Энди. Не сейчас. Пожалуйста! — Шеррил вылезла из постели. Ее одежда была сложена на деревянном стуле.

— Извини. Забудь! — Эндрю откатился на другой бок, взбил свою подушку и прислушался к шелесту одежды Шеррил.

Шеррил стояла у окна, глядя сквозь жалюзи. Звезды и луна были окутаны дымкой света от фонарей. Она услышала отдаленное шипение уборочных машин и натянула блузку. Затем услышала, что пошел дождь, глухо забарабанивший по дешевой двери из клееной фанеры.

Эндрю взял часы с прикроватной тумбочки. Светящийся циферблат показывал два часа ночи.

— Я тебе перезвоню, — зевнул он.

— Нет, — сказала она. — Я сама тебе позвоню. Мне надо несколько дней, чтобы подумать.

Она открыла дверь и вышла под дождь. «Они всегда это делают, — размышляла она. — Они всегда хотят быть теми, кто звонит, кто первым говорит, когда они встретятся или куда пойдут».

Она подняла повыше воротник пальто, чтобы уберечь только что сделанную завивку, уцепилась за железные перила и, осторожно ступая на высоких каблуках, начала спускаться. На щербатых цементных ступеньках уже образовались лужи.

«Точно у нас своих мозгов нет. — Она представила себе, что разговаривает с Эвелин. — И я не сомневаюсь, что именно так они и думают. Что мы растеряли мозги, с которыми родились. Что нам надо все-все растолковывать».

К тому времени, когда она залезла в «вольво», дождь кончился, причем так неожиданно, точно кто-то резко по-

вернул выключатель. Ее пальто насквозь промокло, и она разложила его на заднем сиденье, чтобы хоть чуть-чуть просушить.

В этот час улицы были практически безлюдны. Она проехала мимо вереницы магазинчиков и ресторанов: «Бобз биг бой», «Лил пикл сандвичиз», «Элз экзотик бердз», «Ральфс маркет». Внутри супермаркета «Лонгз драгз» пустые проходы между полками со средствами по уходу за волосами, кормом для животных, хозяйственными товарами и витаминными добавками были освещены бледными водянистыми флуоресцентными лампами, словно в аквариуме.

«Как будто мы не могли бы прекрасно обойтись без них, — мысленно продолжила она, ожидая, что Эвелин будет кивать головой в знак согласия. — Мне уж точно совершенно необязательно было выходить замуж. Я и одна бы не пропала. Можно подумать, что кто-то из мужчин знает секрет, как получить пропуск в этот мир. Надо просто крепко стоять на ногах, смотреть на вещи трезво и не обманывать себя. Вот и все. Вот и весь большой секрет».

Когда она свернула на Беверли-Глен, габаритные огни ее машины, прочесывающие подъездную дорожку, отразились в паре внимательных красных глаз. «Будь реалисткой!» — подумала она и почувствовала присутствие волков. Волки возникали на подъездных дорожках, выходили из опустевших зданий, подземных парковок. Их черные загрубевшие лапы стучали по мокрым мостовым, словно капли дождя. Они бежали рядом с ее машиной. Иногда они отставали, чтобы схватить улитку или мышь, останавливались, чтобы выкусить блох. Она отказывалась смотреть и все ехала и ехала вперед по спящему городу. Мигающие огни светофоров отражались в мокром асфальте, образуя причудливые, постоянно меняющиеся узоры и окрашивая его в разные цвета, словно мигающие электрические лампочки на алюминиевых рождественских елках. Волки, мужчины, любовники, машины, улицы, города, миры, звезды. Действительность и миражи, правда и ложь. «Если вы потеряете бдительность, все это начнет казаться сном, покажется удивительно странным, практически невозможным», — подумала она, и волки в городе дружно завыли.

РЭМСИ КЭМПБЕЛЛ

Ночное дежурство

Рэмси Кэмпбелл (Ramsey Campbell) — один из самых уважаемых ныне живущих английских писателей, посвятивших себя жанру хоррор. Он — номинант премии Брэма Стокера (Bram Stoker Award), трехкратный обладатель Всемирной премии фэнтези (The World Fantasy Award) и семикратный — Британской премии фэнтези (The British Fantasy Award). Поработав на государственной службе и в публичных библиотеках, с 1973 года он полностью посвящает себя литературе и становится профессиональным писателем.

Кэмпбелл создал сотни рассказов, вошедших в недавно изданные сборники «Наедине с ужасами» (Alone With the Horrors) и «Странные вещи и еще более странные места» (Strange Things and Stranger Places), и такие романы, как «Кукла, съевшая свою мать» (The Doll Who Ate His Mother), «Лицо, которое должно умереть» (The Face That Must Die), «Паразит» (The Parasite), «Безымянный» (The Nameless), «Коготь» (The Claw), «Воплощение» (Incarnate), «Одержимость» (Obsession), «Голодная луна» (The Hungry Moon), «Влияние» (The Influence), «Древние образы» (Ancient Images), «Полуночное солнце» (Midnight Sun), «Считаю до одиннадцати» (The Count of Eleven), «Давно пропавший» (The Long Lost), «Одно безопасное местечко» (The One Safe Place). Он также выступает редактором нескольких антологий (в том числе и ежегодной антологии «Ужасы. Лучшее за год» (Best New Horror) совместно со Стивеном Джонсом)), рецензирует фильмы для BBC Radio Merseyside и сбивает с толку массу народу своими колонками в «Некрофиле» (Necrofile): «Обзор фантастики ужасов», «Бюллетень британского фэнтези» и «Шокирующий Икс-Пресс».

Нижеследующая история, на создание которой автора вдохновили EC-комиксы[1]*, публикуется впервые.*

---

[1] EC-комиксы — продукция известного американского издательства «Entertaining comics», специализирующегося на жанре криминальных историй, комиксов в жанре хоррор и милитари. — *Прим. ред.*

Эту выставку констебль Слоан посетил ровно три недели назад. А сейчас, посреди ночи, он стоял перед музеем и мысли его витали где-то далеко. Уличные фонари взбирались на холм, ватные столбы отбрасываемого ими света смягчал и распушал туман; машины, подвывая, карабкались вверх по проезжей части, достигали вершины и неслись во весь опор вниз, но констебль не замечал ни превышения скорости, ни номеров нарушителей, поскольку думал сейчас только об убийстве.

Это случилось ночью того дня, когда он заглянул на выставку. Дело, собственно, было в том, что тогда только-только начался первый месяц службы Слоана, и, когда его вызвали по рации осмотреть труп, валявшийся среди кирпичей темного проулка, старшему полицейскому, обнаружившему тело, пришлось отвезти новичка обратно в участок, где он и остался сидеть, белый и трясущийся, глотая крепчайший чай чашку за чашкой. Конечно, начальство проявило снисхождение: как-никак, молодой сотрудник, никогда раньше не видевший трупов, — его мягко отстранили от расследования, нити которого вели в порученный Слоану район, и велели временно ограничиться более-менее спокойным центром города. Слоан с трудом уговорил их не давать ему напарника, поскольку знал, что в дрожь его бросило не от вида изувеченного и окровавленного трупа. Когда он оглядывался на ту ночь, его колотило от стыда и ярости, потому что он мог бы привести следователей к убийце.

А еще он был в бешенстве потому, что понимал, что никто и никогда не одобрит его метод. Интуиция не является частью процедуры полицейского расследования. С самого детства он интуитивно чувствовал источник насилия и сейчас был абсолютно уверен в том, что вяло признавало начальство: насилие повсюду, оно окружает всех. Первое же дежурство провело его и по богатым предместьям, и по трущобам; каждая разбитая бутылка перед пивной вселяла в него ужас, но точно так же он ощущал удушливо-зловещие флюиды насилия на тихих пригородных дорогах, за рядами дремлющих машин, инстинктивно чуя, какие задернутые узорные занавески скрывают гневные крики, звон швыряемого на пол фарфора, исторгшийся стон боли. Иногда, чтобы быть честным с самим

собой, он допускал, что эти источники опознаёт насилие, скрытое в нем самом, что именно оно тянется к другим очагам зла. Но теперь это было забыто, поскольку никогда еще он не чувствовал приближения столь мощной угрозы, как здесь и сейчас. Когда его перевели в центр, ни начальство, ни он сам не подозревали, что наделали. Прошлой ночью Слоан прошел мимо музея и встревожился; сегодня он знал точно: источник убийства находится в музее.

Рация шипела и фыркала. На секунду констеблю захотелось вызвать на подмогу Центральную, но потом он горько улыбнулся: никаких доказательств у него нет и все только подумают, что убийство лишило его душевного равновесия. И все же Слоан твердо намеревался действовать; нужно только побороть страх перед затаившимся злом, и тогда его место займет стремление подавить это зло. К тому же тот первый труп, а вернее, реакция Слоана оставила пятно на его репутации в первое же дежурство. Слоан сунул рацию в карман и ступил на ведущую к музейному входу лестницу.

Он постучал, и стеклянные дверные панели задрожали. Слабоватая защита от разбухающего внутри насилия. Минуту спустя Слоан увидел свет, скачкообразно приближающийся к нему по широкому темному фойе. Яркий круг лампы обнаружил констебля и задержался на нем, в сумраке замаячил черный силуэт, из теней выплыло лицо, напоминающее сморщенный, почти сдувшийся воздушный шарик. Слоан вспомнил, что однажды на каком-то детском празднике ему, тогда еще совсем малышу, было скучно и тоскливо, и чем дольше тянулся вечер, тем молчаливее и угрюмее он становился; устав от стараний расшевелить буку и втянуть в игру, другие дети принялись колотить его шариками.

— В чем дело, сынок? — сварливо осведомился смотритель.

Теперь, когда двери музея открылись, ощущение угрозы стало еще сильнее; Слоан едва сообразил, что нужно соврать.

— Предписанная проверка, сэр, — ответил он.

— Кем это предписанная, сынок? Что такое-то?

— Недавно произошло несколько ограблений. Мне хотелось бы осмотреть помещение, если не возражаете. Просто на всякий случай.

Сторож хмыкнул, нахохлился и посторонился, впуская Слоана. Потолок высокого вестибюля терялся во мраке; полицейский буквально чувствовал холодный изгиб свода. Тьма обволакивала и стены; лишь лица на портретах маячили в пустоте размытыми пятнами.

— Нельзя ли включить свет? — вежливо осведомился Слоан.

— Этим ведает куратор, сынок. Только он уже дома, храпит в постели! — с явным злорадством заявил старик. Слоан нахмурился, поскольку смотритель шагнул к нему вплотную, ущипнул констебля за руку и вроде как извинился, изогнув губы в кривой улыбке алкоголика. — Можешь взять на пару минут мой фонарик, если хорошенько попросишь.

— Уверен, вы не хотите препятствовать закону. Кажется, сэр, вам как-то неможется, вероятно, вам стоит присесть.

— Но фиг бы ты его получил, кабы у меня не нашлось запасной батарейки. — Словно и не услышав слов полицейского, сторож бочком протиснулся в свою каморку за мраморной лестницей и принялся рыться в ящиках стола, над которым висел белый абажур, украшенный потрепанной каймой из какой-то прозрачной ткани, похожей на паутину — а может, это и была паутина; на столе, рядом с влажным неровным следом от днища пивной кружки, подозрительно попахивающим спиртным, лежал открытый экземпляр «Подлинных признаний уголовников». — Ты везунчик, — заявил наконец смотритель и протянул Слоану фонарь.

Констебль продолжал ощущать копящуюся в комнате угрозу.

— Я ненадолго, — сказал он.

— Не бери в голову, сынок. Тем паче что я отправлюсь с тобой.

Когда Слоан вышел из комнаты сторожа, луч фонарика скользнул по глобусу, установленному перед входом в планетарий. Над земным шаром балансировала на проволоке луна, выглядевшая сейчас тусклым полумесяцем. Слоан подошел к лестнице, и узкий серп расширился. Смотритель

шаркал следом за констеблем. Слоан передернулся, словно сбрасывая с плеч навалившийся на него витающий в воздухе зловещий и как будто сгущающийся страх.

Звенящие под ногами ступени висели над пустотой. Мрамор был скользок; Слоан оглянулся на сторожа и ускорил шаг. На верхней площадке укрепленный на колонне палец указывал направление к залу «ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА». Луч фонаря юркнул под арку и уткнулся в как будто бы смятую, а потом неумело разглаженную желтую бумажную маску: лицо мумии.

— Если эти субчики тут, то они тут, — пробормотал за спиной смотритель. — Где же прятаться ворам, сынок, если не среди тел, а?

Сторож передвигался проворнее, чем ожидал Слоан. Констебль уставился на старика, воняющего алкоголем, положившего руку на витрину, в которой хранилась потемневшая от времени челюсть кроманьонца. Воздух тут был густым, спертым; даже зло парило в пространстве как-то вяло, а сторож и сам выглядел забальзамированным, словно мумия.

— Нет, не здесь, — покачал головой Слоан.

Он зашагал по мраморному полу — подошвы ботинок клацали так, точно полицейский облачился в доспехи, — чувствуя, как зло словно разбухает, точно торопясь встретиться с ним. Страх завладел им, и полицейский остановился в нерешительности.

— Я покажу тебе одну комнатку, сынок, — сказал смотритель. — Я горжусь ею.

Косой луч фонаря обогнул фигуру сторожа, превратив его в пятиконечную — руки-ноги-голова — черную звезду; Слоан сделал шаг в сторону, чтобы разглядеть то, что скрывалось за второй аркой. Свет нырнул в помещение, и в стеклянных стеллажах заметались, прыгая по лезвиям мечей и секир, маленькие луны.

— И попробуй только заявить, что они не как новенькие! — прорычал сторож. — Никто не скажет, что я не надраиваю их до блеска, сынок, это факт. Если услышу вора, сразу пулей сюда. И снесу ему голову — еще и побыстрее той пули.

Зло тяжело заворочалось совсем рядом.

— Значит, я вам не понадоблюсь, — сказал Слоан.

— Когда повидаешь столько, сколько довелось мне, сынок, тогда и понадобишься, но не раньше.

Слоан чувствовал, как неуклонно растет тугая атмосфера зла, но все равно чуть не рассмеялся: вот они ссорятся среди обнаженных клинков, хотя ни одно слово не стоит удара. Ощущение жуткого морока вдруг схлынуло, и констеблю удалось наконец определить его источник. Он лежал прямо у него под ногами.

— У меня нет времени спорить, — сказал он и побежал.

Пустота за лестницей сомкнулась вокруг него; сторож закричал; рация Слоана запищала, вызывая его; проткнутые копьем света, задрожали и закачались картины, колонны, ступени. На трясущихся, ватных ногах Слоан заскользил по мраморному полу фойе. Он сразу кинулся в планетарий. Когда констебль пробегал мимо луны над глобусом, та завибрировала и начала вращаться.

Дуга луча кометой полоснула по искусственному небу; звезды на потолке вспыхнули и пропали. За стройными рядами скамеек Слоан увидел застекленный стенд. Воздух мгновенно натянулся, став тугим и упругим. Зло, насилие, похоть — что бы там ни было, оно гнездилось именно в витрине. Снаружи, в фойе, раздавались шаркающие торопливые шаги приближающегося смотрителя. Он яростно ругался и топал спадающими с ног тапками. Слоан выключил фонарик и на ощупь двинулся по проходу.

Он никогда не боялся темноты: в детстве его страшила луна, как в тот праздничный вечер. Но сейчас мрак, казалось, ломился от направленного на Слоана оружия, готового изувечить человека. Все тело полицейского покрылось колючими мурашками, каждый нерв чувствовал неотвратимость необъятной, готовой вырваться на свободу угрозы. Констебль слышал глухие шаги, но комнату переполняло эхо; преследователь мог находиться где угодно — далеко или близко, слева или справа. Слоан сбился со счета рядов. Ищущая рука оторвалась от спинки последней, по его предположению, скамьи. Ощупывающие тьму пальцы коснулись других, таких же трясущихся, кожу обдало влажным дыханием, и рука полицейского отдернулась от чужого лица.

Слоан отпрянул, сражаясь с фонариком, но наконец из его руки брызнул свет. Констебель находился совсем рядом со стеклянной витриной, но еще ближе к нему, в считаных дюймах, стоял сторож.

— Так и думал, что ты тут, сынок, — заявил смотритель. — Что за шутки? Решил провести старика?

Сторож заслонил собой стенд. Лицо его качалось перед Слоаном, точно воздушный шарик. Повинуясь очнувшемуся инстинкту, Слоан ударил вслепую, как отбивался от детей на вечеринке. Задохнувшись, старик рухнул возле витрины, и констебль разглядел табличку, которую до сих пор загораживало тело пьянчуги.

Он уже видел ее раньше, в день убийства. Прежде чем разум его был подавлен, он успел вспомнить и понять все. В прошлый раз это случилось при дневном свете; солнце помогло продержаться несколько часов, только что толку? Надпись уже потеряла значение; весь смысл сконцентрировался в лежащем в витрине под табличкой «ЛУННЫЙ КАМЕНЬ» сером булыжнике.

Слоан почувствовал, как что-то силой изнутри открыло его рот. Вся кожа вспыхнула, словно ее разом проткнули рвущиеся из плоти миллионы иголок. Но это была шерсть; плечи человека сгорбились, отягощенные повисшими, наливающимися мускулами руками, на которых стремительно росли когти, заодно потащив вниз и голову и заставив полицейского наконец-то опустить взгляд на лежащего без сознания смотрителя.

РОНАЛЬД ЧЕТВИНД-ХЕЙС

Оборотень

Последний роман Рональда Четвинда-Хейса (Ronald Chetwynd-Hayes) «Психический детектив» (The Psychic Detective), продолжающий серию произведений о Фреде и Френсис, был недавно приобретен возобновившей свою деятельность студией «Хаммер филмз» (Hammer Films).

Надо сказать, что он не чужой в мире кино, поскольку его произведения «Из могилы» (From Beyond the Grave, 1973) и «Клуб чудовищ» (The Monster Club, 1980) уже экранизировались студией «Амикус продакшнз» (Amicus Productions). Его перу принадлежат десять романов, две киноповести, девятнадцать сборников рассказов; он выступал в качестве редактора тридцати трех антологий; недавно его рассказы были опубликованы в сборнике «Странные истории, таинственные голоса» (Weird Tales, Dark Voices: The Pan Book of Horror), а также в различных переизданиях антологий.

Обветшалый дом на отшибе, явно построенный человеком, склонным к уединению, скрывался под пологом леса.

Хотя мистер Феррьер, как и большинство людей, очень любил общество себе подобных, денег у него было не слишком много, а «Приют отшельника» (названный так, видимо, за уединенное местоположение) продавался задешево. И он приобрел этот дом в собственность, перебрался в него со всем своим скарбом и домочадцами и принялся превозносить прелести сельской жизни.

— Какой простор кругом, — убеждал он скептически настроенную миссис Феррьер. — Можно хотя бы воздухом дышать, а не выхлопными газами.

— Но Алану будет далеко ходить в школу, — возражала его жена. — И ближайший магазин расположен в пяти милях. Я тебя предупреждала об этом, но только зря воздух сотрясала.

— Подумаешь, десять минут езды на машине, — нетерпеливо отмахивался от нее мистер Феррьер. — К тому же в фургоне коммивояжера найдется все необходимое.

— А как насчет общения? — не унималась миссис Феррьер. — Как мы найдем друзей в этой глуши?

— Разве у людей нет машин? И потом, почему бы просто не попробовать? Если через три месяца уединение нам наскучит, ну тогда, может, подыщу другой дом, поближе к городу.

Их сына Алана новый дом вполне устраивал. После стольких лет жизни в крупном промышленном центре холмистые просторы так и манили его. Он обследовал развалины фермерских домов без оконных рам и крыш, где на открытых всем ветрам стенах еще сохранились сиротливые клочки цветастых обоев. Он смотрел на них и мысленно представлял их последних обитателей, которые давно покинули эти места и оставили жилища разрушаться.

Однако один из таких реликтов оказался обитаемым. По старой карте, позаимствованной в местной библиотеке, Алан определил, что эти развалины когда-то носили название «Высокий курган». Имя прекрасно подходило дому, стоявшему на вершине довольно крутого холма, откуда открывался превосходный вид на всю округу. Алан вскарабкался по склону, перелез через невысокую ограду и очутился на поросшей сорняками площадке, которая в лучшие времена, по-видимому, служила палисадником.

Он поднялся по полуразрушенным ступеням, вошел через распахнутую настежь дверь по пыльному каменному полу в узкий холл. Огромная крыса, спрыгнув с подоконника, бросилась в соседнюю комнату. Потолок давно обвалился либо сам по себе, либо с чьей-то помощью, и Алан разглядел наверху помещение с камином, прилепившимся у стены. Еще выше виднелись массивные стропила в кружеве паутины — обнаженный костяк мертвого дома.

Алан уже собрался было уходить, чувствуя себя крайне неуютно в зловещей атмосфере этого места, как вдруг услышал шаги за дверным проемом, расположенным слева от разобранной лестницы. Шаги приближались; время от времени их сопровождал хриплый, лающий кашель.

Вскоре в проеме возник силуэт человека, еле передвигавшего ноги. Он вошел в холл, и глазам Алана предстал молодой мужчина. У него были густая борода, длинные сва-

лявшиеся волосы, свисавшие вдоль сутулой спины, глубоко ввалившиеся глаза, полные неописуемой скорби, и довольно крепкие зубы, которые он демонстрировал во время приступов ужасающего кашля.

Алан дождался, пока молодой человек отдышится, и вежливо сказал:

— Я и не думал, что здесь кто-нибудь живет. Просто забрел сюда из любопытства.

Молодой человек вытер лоб рукавом ветхой рубахи и заговорил на редкость хорошо поставленным голосом:

— Все в порядке. Я услышал, как вы вошли, и захотел узнать, кто же это мог быть. Здесь никто не появлялся уже много лет. Дом расположен в стороне от оживленных трасс.

— Вы здесь живете? — поинтересовался Алан.

Человек кивнул в сторону дверного проема:

— Да, внизу. Подвал еще сохранился, хотя там и сыровато. — Он глубоко вздохнул. — Мне больше негде жить.

Алан подумал, что, пожалуй, поселился бы где угодно, только не в сыром подвале разрушенного дома, да еще с такой простудой. И действительно, у хозяина дома были все симптомы бронхита, если не воспаления легких, потому что, несмотря на выступивший на лбу пот, он весь дрожал и еле держался на ногах. Алан даже посочувствовал этому странному, одинокому человеку, явно нуждавшемуся в уходе.

— Послушайте, это, конечно, не мое дело, но, может, вам стоит лечь в постель?

— Да, думаю, стоит. Но мои запасы подошли к концу, и мне надо как-то добраться до деревни, прежде чем...

Не успев договорить, он согнулся в очередном приступе кашля, и Алан сделал единственное, что можно было сделать в данных обстоятельствах. Он предложил:

— Хотите, я схожу в магазин вместо вас?

Мужчина стонал и дрожал так, что Алан еще больше забеспокоился.

— Слишком длинный путь туда и обратно, — сказал человек.

— У меня куча времени, — ответил мальчик, хотя перспектива возвращаться по бездорожью, да еще с тяжелой сумкой выглядела не слишком привлекательной.

— Хорошо, если вы действительно готовы. Пошли спустимся вниз, я дам вам денег и скажу, что купить.

Алан последовал за ним через дверной проем вниз по винтовой лестнице и оказался в просторном подвальном помещении. Насколько он мог разглядеть в тусклом свете старого фонаря, вся обстановка состояла из железной койки и шаткого стула.

— Ближайшая деревня называется Менвил, — сказал человек, вытаскивая из-под кровати жестяную коробку. — Около пяти миль по прямой. Купите каких-нибудь консервов: супы и тушенку. Сможете донести четырехлитровую канистру с керосином?

— Попробую, — уныло ответил Алан, давая себе зарок никогда в жизни больше не заходить в заброшенные дома.

— Был бы весьма вам благодарен. Иначе мне скоро придется лежать здесь в кромешной тьме. Вот пять фунтов. Этого должно хватить на все, что вы сможете донести.

— Хорошо. — Алан бросил взгляд на неприбранную постель. — Ложитесь, накройтесь одеялом и согрейтесь. Я постараюсь вернуться побыстрее.

— Благодарю вас, — сказал человек. — Очень любезно с вашей стороны.

В глубине души Алан был полностью с ним согласен, но вслух пробормотал:

— Что вы, не стоит благодарности.

И он направился к лестнице с кожаной сумкой для продуктов в одной руке и старой ржавой канистрой под керосин — в другой.

Прошло почти четыре часа, когда Алан вернулся к заброшенному дому.

Он сбежал вниз по ступенькам и обнаружил, что больной сидит в постели и облегченно улыбается.

— Я уже было подумал, что вы не вернетесь! И напрасно.

Алан нахмурился и поставил на пол канистру с керосином и тяжелую сумку.

— Вернулся, куда же я денусь. Просто я потерял кучу времени, пока нашел деревню, а на обратном пути и вовсе заблудился.

Человек сокрушенно покачал головой:

— Простите, мне не следовало так говорить. И вообще тащить эту тяжесть по холмам и кочкам было, наверное, нелегко. Что вы купили?

Алан начал вытаскивать банки с едой из сумки.

— Я истратил почти все пять фунтов. Вот банки с тушенкой, овощами, супы и еще питательный рисовый пудинг. Где здесь у вас плита?

Человек мотнул головой в сторону темного угла:

— Вон там. Есть сковородка и старая фаянсовая посуда.

Алан обнаружил примус, ужасно старый и вонючий, разжег его и разогрел немного супа из бычьих хвостов. Больной проглотил суп с явным удовольствием.

— Замечательно! — сказал он. — Теперь мне стало гораздо лучше.

— Может, я подогрею тушенку? — спросил Алан.

Человек покачал головой:

— Нет, пока мне хватит. Может, я сам попозже что-нибудь разогрею. Я так благодарен вам за заботу. В вашем возрасте редко кто на такое способен.

— Не стоит благодарности. — Алан направился к лестнице. — Пойду, пожалуй, а то родители будут беспокоиться. Хотите, я загляну завтра утром?

Человек помолчал и негромко произнес:

— Нет, думаю, не стоит. Определенно не стоит. Уходите и забудьте обо мне. Так будет лучше для всех.

Алану пришло в голову, что, возможно, этот человек совершил преступление и скрывается от полиции. Тогда понятно, почему он живет в таком жутком месте. Но он вовсе не походил на преступника и вел себя иначе. К тому же он ведь бывал в Менвиле, ходил в магазин. И прежде чем подняться наверх, Алан сказал:

— Не бойтесь, я никому не скажу, что вы здесь. Я еще зайду.

После посещения паба «Лоза и солод» мистер Феррьер привел в гости Чарли Бринкли, твердо решив подружиться с ближайшими соседями, пусть даже те живут за сотни миль от него. Чарли, сравнительно молодой краснощекий человек

с копной соломенно-желтых волос, веселый и бесцеремонный, произвел самое неблагоприятное впечатление на миссис Феррьер.

Он уселся на стул, взял кружку темного эля, подмигнул Алану и уставился на хозяйку.

— Должно быть, скучновато вам здесь, мэм. Вокруг никого и ничего. Моей бы точно не понравилось тут. Она любит повеселиться, ей-богу, любит.

— Люди все разные, — неприветливо заметила миссис Феррьер. — Не могут же все быть одинаковыми.

Чарли опустошил кружку и протянул ее за добавкой.

— Да, мэм, конечно, вы правы. Пивко в самый раз, очень даже ничего.

Мистер Феррьер дружелюбно улыбнулся и потер ладони, всем своим видом призывая жену быть поприветливее.

— Чарли собирается обзавестись овцефермой, — сообщил он с воодушевлением.

Миссис Феррьер проявила весьма сдержанный интерес к этой перспективе:

— Вот как? Очень интересно.

Чарли замотал головой с напускной скромностью:

— Ну, это слишком сильно сказано, мэм. Может, у меня и найдется сотня-другая овечек на торфяниках. Пасутся себе и все такое. Да какой нынче доход с овцы? Едва хватает на корку хлеба с маргарином, да, может, на ложку варенья по выходным.

— Да, туговато вам приходится, — заметила миссис Феррьер.

Какое-то время беседа продолжалась ни шатко ни валко, и тут мистера Феррьера осенило.

— Чарли, расскажи Этель об этой собаке. Ну, той, что задрала твоих овец.

— О да! Настоящее чудище, мэм. Огромная хитрая тварь. Представьте себе, за последние месяцы перегрызла глотку шести моим лучшим баранам!

Миссис Феррьер скорчила кислую физиономию, показав тем самым, как ей противны все эти разговоры. Но Чарли был не тот человек, чтобы отвлечься от темы, явно близкой его сердцу.

— А три овечки были просто разодраны в клочья, мэм. В жизни такого не видывал. Кругом шерсть и кровь, жуткое дело.

Миссис Феррьер ничего на это не ответила, но прижала к губам кружевной платок таким жестом, что Алан живо представил себе, какой разнос она устроит мистеру Феррьеру после ухода гостя.

— Ты ведь видел этого пса, Чарли, своими глазами? — настаивал мистер Феррьер.

— О да, как же! На прошлой неделе, аккурат в полнолуние, было так светло, что на целые мили вокруг все просматривалось. Я стоял на вершине Менстед-Тора и видел, как эта тварь скачет по торфяникам. Милях в двух от меня, так что не было ну никакой возможности прицельно выстрелить из моей старой пукалки.

Он отхлебнул эля из кружки и продолжил рассказ:

— Но дальше такое произошло! Когда я об этом рассказываю, парни в «Лозе и солоде» только рты разевают. Лопни мои глаза, если я вру. Эта тварь встала на задние лапы. Разрази меня гром, на задние лапы! Поднялась на задних лапах и...

— Завыла, разумеется, — прервала его миссис Феррьер. — Завыла на луну.

— Нет, мэм. Вы уж меня простите великодушно, что я возражаю такой здравомыслящей даме, но она — закашляла. На торфяниках, да еще при нужном ветре звуки разносятся далеко, и я прекрасно слышал хриплый, надсадный кашель. Словно у сильно простуженного мужика. А потом это страшилище повернулось и побежало по Хребту Висельника — все еще на задних лапах, мэм, — и исчезло из виду.

Миссис Феррьер взглянула на часы с наигранным удивлением:

— Боже мой! Уже так поздно? Вот уж даже не думала, что столько времени прошло.

Чарли, ничуть не обескураженный столь явным намеком, допил свое пиво и поднялся.

— Да, пора мне двигаться. А то моя еще подумает, что я куда-нибудь на сторону подался. Но я это страшилище достану, мэм, можете не сомневаться. Вот все рты-то поразевают!

— Разумеется, мы все желаем вам удачи, мистер Бринкли, — заметила миссис Феррьер, проходя по комнате, чтобы открыть гостю входную дверь. — Надеюсь, вы доберетесь домой целым и невредимым!

— Непременно, мэм. Если только моя развалюха не подкачает.

Чарли Бринкли удалился, а Алан, без лишних напоминаний, отправился к себе наверх. Ему было над чем поразмыслить.

Три дня спустя Алан Феррьер снова отправился к развалинам «Высокого кургана». Он думал, что никогда больше и близко не подойдет к зловещему месту, но воспоминания о больном человеке, который лежит один-одинешенек в сыром подвале, преследовали его и отравляли все удовольствие от летнего отдыха. Человек мог умереть — или лежать при смерти, — и все из-за того, что мальчишка наслушался глупых россказней и нарушил обещание.

И вот он перелез через ограду, медленно пробрался через заросший сорняками палисадник и вошел в дом.

— Простите... Можно мне спуститься к вам? — спросил он.

Сначала кто-то чиркнул спичкой, а затем донесся голос снизу:

— Да, сынок, спускайся.

Алан осторожно спустился по лестнице, не ведая, что его ждет, готовый удрать при малейшем признаке опасности и почувствовал сильное облегчение, увидев, что больной уже на ногах и поправляет фитиль керосиновой лампы.

Мужчина грустно улыбнулся в знак приветствия:

— Погулять выходил и только что вернулся. Кажется, я советовал тебе держаться подальше отсюда.

— Я беспокоился о вас, — ответил Алан, довольный тем, что больной явно выглядит вполне прилично. — Вам лучше?

— Как приятно, что ты обо мне беспокоишься. Да, мне гораздо лучше. Я не умру, во всяком случае, не от простуды.

Алан огляделся. Насколько он мог заметить, комнату явно убирали, пол был подметен, постель заправлена, а одеяла аккуратно свернуты.

— Как ваши запасы? — спросил он.— Хотите, схожу в магазин?

— Нет, спасибо, не нужно. Сам справлюсь. Я готовлю себе наверху, в одной из пустых комнат.

Алан перевел дух и заставил себя задать вопрос, мучивший его все эти три дня:

— Почему вы живете в этом ужасном месте? У вас ведь много денег. Я видел их, когда вы открывали жестянку.

Человек вздохнул и мягко подтолкнул мальчика к лестнице.

— Давай поднимемся наверх, а я попытаюсь объяснить все при свете дня.

Они поднялись в разрушенный холл и вышли в заросший сад. Человек подвел своего юного друга к ограде.

— Садись, сынок, и слушай внимательно. Когда-то я жил в этом доме вместе с родителями. Это было давно, много лет назад, и, поверишь ли, тогда это было очень уютное место. Мой отец владел всей этой землей, и мы, хоть и не самые богатые, располагали кое-какими средствами. Жили вполне прилично. И вот однажды сюда явился незнакомец.

Человек замолчал и печально уставился вдаль. Алан понял, что не следует его ни о чем спрашивать и надо ждать продолжения рассказа.

Наконец человек заговорил снова:

— Да, незнакомец! Высокий, смуглый человек с затравленным взглядом. Он заблудился. По крайней мере так он объяснил свое появление, и отец пригласил его переночевать у нас. На одну ночь. Ночь полнолуния. Никому еще не платили такой черной неблагодарностью за доброту.

Он снова погрузился в молчание, и Алан слегка поторопил его.

— И что произошло?

— Да уж, что произошло, то произошло! У незнакомца оказалось редкое заболевание. И в ту единственную ночь я... Милостивый Боже, помоги мне! Я подхватил заразу. Я стал таким же, как он. На следующее утро он ушел, а я остался. Остался, чтобы стать свидетелем того, как от горя и ужаса умирали мои родители, как наш старый дом медленно превращался в руины, как лето сменялось осенью... И так целое столетие.

— Сто лет! — изумился Алан.

— Да. Может, даже больше. Это заболевание оказывает странное воздействие на организм. Я не способен стареть. То есть, насколько я знаю, не способен умереть естественной смертью. Конечно, ты можешь мне не верить.

— Тогда... — Алан поколебался, но потом выпалил то, что считал ужасной истиной: — Тогда, выходит... вы оборотень!

Человек резко повернулся с потрясенным видом:

— Значит, ты веришь в это! Ты способен распознать, что я отмечен проклятием — знаком пентаграммы! Да, поистине ваше поколение обладает глубокими познаниями!

— Я смотрел фильмы ужасов,— пояснил Алан,— но всегда думал, что это выдумки. Человек по имени Чарли Бринкли рассказывал, что видел, как он говорит, огромную собаку, стоявшую на задних лапах, и что она капляла, совсем как вы. Ну вот, я сложил два и два... Ужасно, наверное, быть оборотнем.

Человек кивнул и прочитал четверостишие:

Человек может быть сердцем чист
И молитвы читать от души,
Только волком становится он
В полнолунье, в полночной тиши.

— Но вы ведь не убивали *людей,* правда? — спросил Алан.

Человек нахмурился:

— Нет, людей не убивал. Волки не нападают на людей, разве что с голодухи, когда нет другой дичи. Но я, похоже, специалист по овцам. Отвратительно, не так ли?

«Конечно, — подумал Алан, — раздирать в клочья овцу отвратительно, но, возможно, ее, по крайней мере, сначала приканчивают». Вслух он тихо сказал:

— Вы же ничего не можете с этим поделать. Но человек по имени Чарли Бринкли заявил, что намерен подстрелить вас. Он должен воспользоваться серебряной пулей?

Мужчина покачал головой:

— Не думаю. Оборотня вполне можно подстрелить и обычной пулей — по крайней мере ранить. Теперь ты знаешь мою историю и понимаешь, что не должен сюда приходить.

— Но ведь вы, э... превращаетесь в волка только в полнолуние, — возразил Алан. — Поэтому днем-то я могу вас навещать.

— Уверен, что твои родители не одобрили бы знакомства с оборотнем, — строго сказал человек. — Я бы ни за что не одобрил, будь ты моим сыном. Так что еще раз спасибо за помощь и доброту. А теперь — уходи!

Не сказав больше ни слова, он поднялся и быстро направился к дому. Алан перелез через ограду и уныло поплелся вниз по холму и дальше через торфяники.

Летние деньки пролетели незаметно, и луна, вначале напоминавшая ломтик сыра «Эдам», постепенно по форме приближалась к спелой дыне. Каждый вечер Алан смотрел на неуклонно растущий диск и пытался вообразить, что может сейчас чувствовать его друг из разрушенного дома, зная, что ему предстоит вскоре превратиться в монстра.

И вот наступила ночь, когда в безоблачном небе взошла круглая полная луна, а Чарли Бринкли нанес еще один визит в «Приют отшельника».

— Этот ужасный тип только что припарковался на подъездной аллее, — сообщила мужу миссис Феррьер. — Я увидела его из окна спальни. По-моему, он пьян. А, вот и он, звонит у двери. Скажи ему, что у меня мигрень.

Чарли был не пьян, но сильно возбужден.

— Снова видел эту тварь! — выпалил он. — Скачет через Черную пустошь. Пришлось возвращаться за ружьишком: прихватил даже два. Подумал, может, вы, старина, захотите принять участие. Вы можете расположиться на Менстед-Торе, а я буду следить с Хребта Висельника, и тогда один из нас уж точно прикончит гада.

У мистера Феррьера даже глаза заблестели.

— Рассчитывайте на меня. Подождите минутку, я скажу жене и присоединюсь к вам. Моя машина нужна?

— Нет, идти придется пешком.

Алан слышал все из холла и ни секунды не колебался. Он выскользнул через заднюю дверь и помчался по узкой тропинке в сторону торфяников.

В этой дикой местности ветер завывал и метался, словно привидение, трепал волосы Алана и, казалось, пытался остановить его невидимыми руками. Но мальчик продолжал бе-

жать изо всех сил, хотя сердце колотилось как бешеное, а прерывистое дыхание говорило о том, что сил хватит ненадолго. Мальчик не представлял себе, что произойдет, когда — или если — он окажется лицом к лицу с кровожадным оборотнем. Алан думал только о том, что надо предупредить друга о двух охотниках, вооруженных винтовками и жаждущих застрелить его.

Увенчанная травянистым гребнем гора Менстед-Тор выделялась на фоне залитого лунным светом неба, волной вздымаясь над зарослями вереска. Напротив нее, на расстоянии примерно в четверть мили, располагался Хребет Висельника: высокий, длинный холм, согласно местным преданиям, некогда служивший местом казней.

Алан остановился, увидев отару овец. Они сбились в кучу у подножия холма и напоминали одну большую серую тень. Когда мальчик подошел поближе, овцы тревожно задвигались. Внезапно он сообразил, что надо сделать.

Единственной приманкой для оборотня в этой части торфяников были овцы. Если удастся отогнать их отсюда до того, как появятся отец и Чарли Бринкли, его друг может еще спастись. Алан закричал, наломал пучок вереска и принялся размахивать им из стороны в сторону.

Овцы бестолково толкались и жалобно блеяли, постепенно спускаясь все ниже в долину под истошные вопли Алана. Заставить их двигаться в нужном направлении было нелегко, потому что испуганные животные норовили ходить кругами, а некоторые вообще не шевелились и лишь с жалобным видом смотрели на Алана.

Наконец ему удалось сдвинуть их с места, и, может быть, он сумел бы увести их из этой долины, как вдруг со стороны Хребта Висельника донесся леденящий душу вой. И тут овцы стали совершенно неуправляемыми. Они кинулись в разные стороны; одни углубились в заросли вереска, другие, натыкаясь друг на друга, носились вниз и вверх по склону. Алан поднял глаза — и сам бросился прочь в полном смятении.

Впоследствии он пришел к выводу, что ни один постановщик фильмов ужасов в жизни не видел оборотня, поскольку тварь, скачками приближавшаяся к нему, ничем не напоминала киношных чудовищ.

У оборотня была круглая голова, огромные шерстистые уши, заостренные на концах. Узкая, длинная морда заканчивалась оскаленной пастью и тоже была покрыта густой свалявшейся черной шерстью. Глаза оборотня ужаснули Алана больше всего и заставили пожалеть о том, что он вообще вышел из дома. Они глубоко ввалились и пылали, словно раскаленные угли, источая свирепую ненависть. Телом тварь напоминала калеку-уродца: сгорбленные плечи, длинные руки с острыми когтями, мертвенно-бледная кожа, местами поросшая пучками рыжеватой шерсти. Оборотень был одет в драную рубаху и грязные серые брюки.

Чудовище мчалось вперед, загребая когтями траву, и остановилось в нескольких футах от ошеломленного мальчика. Безобразная голова откинулась назад, челюсти медленно раздвинулись, обнажая острые клыки, и тихое, клокочущее рычание перешло в оглушительный рев.

Алан испустил отчаянный вопль:

— Нет, нет! Я ведь твой друг! Разве ты меня не помнишь?

Рев утих, и чудовище на мгновение застыло: черное, зловещее, оно выглядело так, будто вот-вот прыгнет в последнем смертельном броске. Затем оборотень шагнул вперед, наклонился — и принялся обнюхивать Алана. Алан дрожал от ужаса, пока длинная морда касалась сначала руки, потом груди, а потом замерла возле правого уха.

И тогда оборотень жалобно заскулил.

Такие звуки могла бы издавать собака, которая просит, чтобы ее приласкали, накормили или взяли на прогулку. А еще — несчастная тварь, без всякой вины приговоренная к вечному проклятию и обреченная стать чудовищем. Все страхи Алана испарились, и сердце его исполнилось жалостью. Вот его друг: добрый, мягкий человек с печальными глазами, заключенный, как в клетку, в это отвратительное обличье, и он взывает к пониманию — прощению — сочувствию.

Алан уже собрался было погладить чудовище по вызывающей омерзение голове, как вдруг прозвучал выстрел из винтовки. Единственный. Приглушенный расстоянием звук долетел с дальней гряды холмов. Оборотень дернулся, из-

дал отчаянный вопль, скачками пересек долину и скрылся позади Менстед-Тора.

Когда подбежали Чарли Бринкли и мистер Феррьер, Алан плакал. Отец обнял его за плечи и принялся утешать:

— Славу богу, сынок, ты цел и невредим. Когда я увидел эту тварь рядом с тобой...

— Я попал в него! — вмешался Чарли Бринкли дрожащим от возбуждения голосом. — Прямо промеж лопаток. Долго он не протянет. В жизни не видел такого громадного пса... Вы заметили? Он-таки стоял на задних лапах! Вы ведь подтвердите это всем этим болванам в «Лозе и солоде»? На задних лапах!

— По-моему, — сказал мистер Феррьер, — чем меньше мы станем об этом болтать, тем лучше. Я прямо глазам своим не поверил.

Алан без конца повторял:

— Он не по своей воле стал оборотнем. Он бы ни за что не причинил мне вреда.

Только через два дня Алану разрешили выйти погулять одному, поскольку врач заявил, что мальчик испытал потрясение и необходимо время, чтобы он пришел в себя.

Добравшись до «Высокого кургана», мальчик обнаружил, что все там тихо и мирно: в заросшем саду под ласковым небом вокруг колокольчиков вьется мошкара, а легкий ветерок едва колышет траву. И он понял, что это некогда счастливое место снова обрело безмятежный покой.

Он медленно спустился по каменным ступенькам и обвел лучом фонарика опустевший подвал. На кровати лежал человек, когда-то бывший оборотнем. Он был мертв, но на лице его застыла такая блаженная улыбка, какую Алану прежде видеть не доводилось.

Он накрыл тело одеялом и поднялся по лестнице.

С тех пор он больше туда не ходил.

МАЙКЛ МАРШАЛЛ СМИТ

И разверзнутся хляби небесные

Первый роман Майкла Маршалла Смита (Michael Marshall Smith) «Только вперед» (Only Forward) был опубликован издательством «Харпер-Коллинз» (HarperCollins) в 1994 году. Писатель получил три Британские премии фэнтези (British Fantasy Award). Его рассказы печатались в антологиях «Темные земли» (Darklands), «Темные голоса» (Dark Voices), «Зомби» (The Mammoth Book of Zombies), «Постучи по дереву» (Touch Wood), «Антология фэнтези и сверхъестественного» (The Anthology of Fantasy & the Supernatural), «Дрожь» (Chills), «Изобилие» (Exuberance), «Любопытный человек» (Peeping Tom), «Омни» (Omni), «Ужасы. Лучшие за год-2 и 3» (Best New Horror 2 and 3), «Седьмой ежегодный сборник лучших за год произведений в жанре фэнтези и хоррор» (The Year's Best Fantasy and Horror Seventh Annual Collection). Майкл Маршалл Смит — еще и независимый дизайнер — пишет второй роман, несколько коротких рассказов и сценарий триллера.

Писатель признается: «Замысел данного рассказа пришел мне в голову совершенно внезапно, после вечера, проведенного в одном из лондонских пабов в районе Кэмдена. Атмосфера, конечно, была не такой, как описано в рассказе, но в пабе действительно ошивалась компания парней, причем один из них отличался определенным обаянием. Я обрадовался так кстати подвернувшемуся замыслу, потому что: а) сидел в дальнем конце стола и не мог разговаривать со своими спутниками; б) мог слышать только парочку, сидящую напротив меня. Похоже, они начитались всяких статеек из журнала „Тайм Аут" (Time Out) и битых три часа с упоением рассуждали об астрологии. К сожалению, парень явно перебрал, но поскольку его дама за весь вечер так и не сняла куртку, ему в любом случае явно ничего не светило. История о том, как рассказчику сломали нос, полностью соответствует действительности».

Я видел, что произошло. Не знаю, заметил ли это еще кто-нибудь. Может, и никто, что меня весьма беспокоит. Так уж получилось, что я смотрел в нужное время в нужном направлении. Или в ненужное время. Но я видел, что произошло.

Я сидел за столиком в «Дикобразе», на галерее. «Дикобраз» — это паб на Хай-стрит в Кэмдене, прямо на углу, где обосновался самый скромный из трех рынков района. Хорошо, что там вообще есть паб. Вот в нем-то я и сидел. На самом деле он называется вовсе не «Дикобраз», а как-то иначе. Просто я почему-то называю его именно так, а настоящего названия даже и не помню.

Вечерами по субботам паб всегда битком набит людьми, забежавшими туда по дороге в метро после походов по окрестным рынкам. Туда надо подгребать пораньше, чтобы успеть захватить один из столиков на галерее. Иначе придется сидеть внизу и зорко, как ястреб, следить за тем, когда освободится местечко наверху. Галерея занимает примерно десять квадратных футов, огорожена деревянными перилами, а окнами выходит прямо на Хай-стрит. Удобное место, чтобы поглазеть на проходящую мимо толпу, а парочка футов, возвышающая его над залом, позволяет держать в поле зрения весь паб.

В паб я добрался только к восьми часам и обнаружил, что свободных мест нет не только на галерее, но и вообще. За столиками сидела, галдела и гудела разномастная местная публика. Я почему-то всегда называл их битниками, словечком, которое вот уже больше двадцати лет как вышло из моды. Просто они всегда казались мне неким анахронизмом. Не могу я поверить в существование контркультуры — это в девяностые-то годы, когда мы точно знаем, что в один прекрасный день все эти типы как следует вымоют волосы и пересядут из раздолбанных «фольксвагенов» в новенькие «форды-сиерра».

Я протолкнулся к стойке бара и стал дожидаться, пока один из барменов-австралийцев заметит меня. Пока я неуверенно размахивал банкнотой в надежде обратить на себя внимание, за спиной внезапно раздался громкий крик.

— Эй, ты! Дурь подсыпаешь в пивко, а?

Повернув голову, я увидел парня, который стоял позади меня и орал на кого-то за стойкой бара, размахивая при этом бутылкой пива. Высокого роста, коротко стриженный, с большой серьгой в ухе, он говорил — точнее вопил — с ярко выраженным ньюкаслским акцентом.

Придав лицу самое доброжелательное выражение, я торопливо повернулся к стойке. Рыжеволосый бармен неуверенно улыбнулся парню с серьгой, не зная, насколько серьезно следует отнестись к его вопросу. Парень загоготал, толкнул локтем соседа так, что тот пролил пиво, и снова начал вопить:

— Попался, приятель! В пиве наркотик.

Я было решил, что это крепко поддавший, вроде, человек задорно шутит, но не был в этом уверен, как не был уверен и бармен. Но тут меня заметила барменша, и я принялся заказывать «Будвайзер», получать сдачу и все такое. Заплатив, я отошел от стойки, стараясь держаться подальше от компании парней лет двадцати пяти, среди которых и стоял возмутитель спокойствия. Все они громко галдели и неприятно ухмылялись, а их раскрасневшиеся лица блестели от пота.

Осмотревшись, я отметил, что свободных мест по-прежнему нет, и принялся протискиваться к длинному столу посреди зала, неподалеку от лестницы на галерею. Там мне будет удобнее следить за тем, не освободится ли место.

Прошло минут десять, и я уж было решил плюнуть на все и пойти домой. Встреч у меня здесь ни с кем назначено не было: просто надоело сидеть весь день в четырех стенах и захотелось немножко развеяться. С собой я взял книжку в надежде спокойно посидеть и почитать под тихий гул голосов посетителей паба. А «Дикобраз» для этого вполне подходил. Публика занятная, атмосфера вполне дружелюбная, можно узнать так много нового и интересного об астрологии, что и представить невозможно.

Однако в тот вечер все выглядело иначе — и все из-за той компании парней, столпившихся у стойки. К тому же они были там не одни. Неподалеку от них стояли еще трое, а другая пятерка тусовалась у длинного стола посреди зала. Они сильно выделялись на фоне обычных посетителей и словно изменили

атмосферу в пабе. Начать с того, что все они громко и одновременно кричали, явно не слушая друг друга, и на разговор это было совсем не похоже. Какой же это разговор, если все одновременно кричат? Они отнюдь не выглядели пьяными, но вели себя весьма развязно, а некоторые даже агрессивно.

В наше время много говорят о насилии по отношению к женщинам, и правильно делают. В моем романе каждый, кто поднимает руку на женщину, нарушает правила. Так не поступают. С другой стороны, все, кто в возрасте двадцати — тридцати лет впервые ввязывается в настоящую драку, воспринимают это как нечто само собой разумеющееся. Это тоже неправильно, но, как я говорю, это входит в понятие «быть мужчиной». Быть мужчиной означает получать тычки и затрещины с самого нежного возраста. Девочкам легче: их с детства ласково обнимают и родные, и друзья. Мальчиков обычно не обнимают. Напротив, их лупят, причем часто и даже больно.

Взять, к примеру, меня. Я, хорошо воспитанный представитель среднего класса, вырос в уютном пригороде и получил неплохое образование. Разумеется, я жил отнюдь не в родовом поместье и все такое. Но и я получил свою долю колотушек, так сказать, жестокости ради минутного развлечения. У меня, например, кривоватый нос — и все из-за того, что его однажды сломали. Как-то вечером я возвращался с друзьями из паба, и на нас напали трое парней, решивших поразвлечься. Для таких вечер прошел зря, если не удалось с кем-нибудь подраться.

Мы ускорили шаг, чтобы оторваться, но это не сработало. Парни тоже припустили за нами. Наконец я повернулся к ним и попытался их урезонить, хотя в моем возрасте пора было бы и получше соображать. Я сказал им, что мы замечательно провели вечер и не хотим неприятностей. Сообщил им даже, что на углу улицы стоит женщина-полисмен. Я предложил им разойтись с миром, причем каждому своей дорогой, не доставляя друг другу неприятностей. Поскольку я был изрядно навеселе, то скорее всего доводы выдвигал вполне убедительные.

Однако парень, стоявший ближе всех, ударил меня. Он врезал мне как следует, прямо по носу. Моментально утра-

тив веру в доводы разума и возможности логической аргументации, я повернулся к друзьям, но они уже успели отойти метров на пятьдесят, причем припустили изо всех сил.

Я снова повернулся к преследователям. Двое из них гаденько ухмылялись, а глаза их так и сверкали. Один попрежнему стоял ближе всех ко мне, переминаясь с ноги на ногу. У него был совершенно остекленевший взгляд. Я начал снова убеждать их, но парень опять меня ударил. От боли я пошатнулся и неловко шагнул вперед, и тогда он ударил меня еще раз, причем весьма чувствительно, прямо в скулу.

А потом они просто взяли и пошли прочь. Я повернулся и заметил на углу улицы полицейский фургон, но не думаю, чтобы это хоть как-то помогло. Фургон стоял метрах в ста от нас. Оба моих приятеля топтались возле него и объясняли что-то полицейскому, высунувшемуся из окошка со стороны пассажирского сиденья. Тот явно не собирался ничего предпринимать. Вроде и не к чему. Вот оно, насилие в чистом виде, примитивное и бессмысленное. Оно словно смех или сквозняк от приоткрытой двери — налетит и исчезнет.

Я медленно побрел по дороге, друзья обернулись и посмотрели на меня с явным облегчением. Полицейский бросил на меня короткий взгляд и, покопавшись внутри кабины, протянул мне большой комок ваты. Только тогда я заметил, что у меня и лицо, и свитер залиты кровью.

Пару дней я походил с распухшим лицом, а нос так и остался на всю жизнь кривым. Но веду я к тому, что все происходило как бы само собой. И то, что полицейский совершенно буднично и деловито протянул мне вату, подтверждало обыденность происшествия. Ничего серьезного. Ты мужчина, а с мужчинами такое случается. Утри сопли и иди своей дорогой.

Поэтому, входя в паб, мужчина всегда бессознательно осматривается. Он проверяет, нет ли опасности, а если есть, то откуда ее можно ждать. Если начинается драка, женщина, так же неосознанно, примется восхищенно наблюдать или, того пуще, бесстрашно вмешается и посоветует драчунам остановиться. Вполне естественная реакция, но боль-

шинство мужчин в таком случае постараются отвернуться, притворяясь невидимками. Они-то знают, что насилие не терпит зрителей: оно обязательно распространится на тебя и втянет в круговорот событий. Не имеет значения, что ты незнаком с дерущимися, а просто сидишь и выпиваешь себе потихоньку. Всякое бывает. Жестокость по отношению к женщинам, как правило, объяснима. Не поймите меня превратно, причина может оказаться отвратительной, но она всегда найдется.

Жестокость мужчины по отношению к мужчине может быть просто мгновенным приступом крайнего возбуждения. Никакой причины для этого может и не иметься, а потому держаться следует очень и очень осторожно.

Парни, сидящие и стоящие у стойки бара в «Дикобразе», подавали совершенно очевидные сигналы опасности такого рода. Что-то неуловимое в выражении лиц, в беспокойных взглядах и натужном юморе говорило как раз об отсутствии причины. Парень у стойки по-прежнему орал что-то невразумительное бармену, а тот все так же неопределенно улыбался. Один из парней нагнулся к девушкам, сидящим за столиком возле стойки, и что-то им втолковывал. На одной из девушек был обтягивающий свитер, и, возможно, именно это и вызвало выброс гормонов в организме парня. Может, он решил, что у него располагающая улыбка, но тут уж точно ошибся.

Через несколько минут обе девицы подхватились и слиняли, но я не стал занимать освободившееся место за их столиком. Слишком уж близко от этих парней. Находясь там, в зоне действия их ауры, я мог внезапно оказаться вовлеченным в неприятности. Может, я рассуждаю как трус или параноик, но навидался я таких случаев. У меня было право сесть на это место, так же как у женщины есть право носить то, что она считает нужным, не привлекая нежелательного внимания. Право — прекрасное понятие, удобное окошко для того, чтобы смотреть на мир. Но как только это окошко разобьют, вот тут-то ты и начинаешь понимать, что никакого права не существует.

И я остался стоять у длинного стола, потягивая пиво и исподтишка оглядывая зал. Я не мог сообразить, что эти парни здесь делают. На одном из них была шерстяная шапка, кото-

рую он постоянно теребил, и она уже вся покрылась пивными пятнами. Я с трудом различил на ней буквы ФК, наверняка означавшие какой-нибудь футбольный клуб, но непонятно, что группа футбольных фанатов потеряла в «Дикобразе», если поблизости не было ни одного стадиона. Несколько человек взялись за руки и принялись горланить какую-то песню, но слова невозможно было разобрать.

Я поглядывал в сторону стойки, прикидывая длину очереди и возможность получить вторую порцию пива, когда произошел первый инцидент. Поверить в это трудно, но с него начался отсчет событий, очевидцем которых я стал.

Дверь на улицу была открыта в тщетной попытке понизить температуру в переполненном помещении до терпимого уровня. Пока я присматривался к посетителям у конца стойки, выбирая, где бы встать в очередь, чтобы получить свое пиво, в дверь вошел огромный серый пес и тут же затесался в толпу. Я обратил на него внимание, так как предположил, что за ним идет хозяин, но никто не появился. Я решил, что хозяин — или хозяйка — сидит в пабе, а пес просто ненадолго выскакивал на улицу. «Похоже, все же хозяин, — рассудил я. — Женщина вряд ли стала бы держать такую собаку». Я видел пса всего лишь мельком, но заметил, что впечатление он производил жуткое: огромный, косматый, двигался плавно и в то же время стремительно. Тут я обнаружил, что парочка на галерее потянулась за пальто, и сразу же забыл про собаку. Парочка сидела за лучшим столиком в пабе — в углу у большого окна. Я тут же начал пробираться сквозь толпу к заветному месту.

Застолбив столик, я подошел к стойке и купил еще пива. Может, мне показалось, но бармены держали в поле зрения этих опасных парней и, выполняя свои непосредственные обязанности, поглядывали то на стойку, то на длинный стол. Я благополучно избежал опасной территории, добрался до стойки и получил свое пиво.

Я удобно устроился за столиком и порадовался, что вечер наконец-то стал приобретать приятные очертания. Я смотрел в окно, хотя дело шло к ночи и народу на улице было мало. Только фланирующие парочки в крутом прикиде. В кафе на другой стороне улицы шла какая-то перебранка, а в мусорном

баке неподалеку копался бездомный с негритянскими косичками. Если занять место у окна пораньше, то наблюдать за улицей очень интересно, но теперь яркий свет полной луны придавал всему нездешний, жутковатый вид.

Новая волна шума заставила меня отвлечься от окна и посмотреть в зал. Какой-то парень опрокинул свою кружку с пивом или ее опрокинули. Его соседи кричали и смеялись. Ничего интересного. Я открыл книжку и принялся было за чтение, как вдруг заметил нечто необычное.

В компании опасных ребят появился человек, которого раньше не было. Вы можете сказать, что я его просто не заметил, но это не так. Я к ним присматривался достаточно долго и пристально. Если бы я увидел этого человека раньше, то непременно запомнил бы. Он стоял среди парней у лестницы, ведущей на галерею. Я говорю «стоял среди», так как в нем было нечто такое, что выделяло его из общей массы. Он отличался дерзким обаянием человека, привыкшего к уважению со стороны себе подобных. Одет он был небрежно и слегка неряшливо: в джинсы и просторную серую куртку; его темные волосы слегка вились, на лице выделялся хищный орлиный нос. Он излучал какое-то неестественное спокойствие, словно был под дозой, и вслушивался в слова приятелей, приоткрыв рот и слегка склонив голову набок. Когда со стороны другой компании донеслись шумные возгласы, он поднял голову и раздвинул в полуулыбке уголки губ, как бы предвкушая удовольствие от новой проказы. Он был здесь как дома. Он знал этот мир, и этот мир знал его. Это была его жизнь.

И еще: что-то не так было с его глазами. Не слишком большие и не слишком маленькие, не то чтобы странного цвета, ничего такого. Но были они тусклые, как две обмазанные глиной монеты. Будь вы женщиной, вам бы не захотелось, чтобы такие глаза уставились на вас в пабе. Будь вы мужчиной, вам бы вообще не захотелось встретиться взглядом с такими глазами. Неприятные глаза.

Со смешанным чувством я наблюдал, как этот человек стоял, расслабившись и поворачиваясь из стороны в сторону, словно принимая участие в перебранках, возникавших то там, то сям. И полуулыбка не сходила с его лица, как будто он

ловил кайф от происходившего. Один из его спутников бросил на него мимолетный, слегка озадаченный взгляд, но я не смог понять, в чем дело. По крайней мере в тот момент.

Потом я потерял к ним интерес и погрузился в чтение. В пабе было душно, но от окошка тянуло прохладой, а когда я читаю, то забываю обо всем на свете. Часов я не ношу, так что не знаю, сколько прошло времени, прежде чем все завертелось.

Послышался звон разбитого стекла, и на мгновение привычный шум в пабе стих, а потом началось столпотворение. Вздрогнув, я оторвался от книги, все еще не в состоянии вернуться к реальности. И тут же пришел в себя.

Завязалась потасовка. Ее устроили они. Они ринулись в драку, словно разверзлись хляби небесные. Практически все мужчины вокруг стола оказались вовлеченными в нее, кроме парочки, которая с жадным любопытством наблюдала за происходившим, оставаясь в стороне. Все остальные вели себя, как обычно ведут себя люди в таких ситуациях. Служащие бара сжались от страха, но через силу заставляли себя заниматься привычными делами; посетители же вжимались в спинки кресел, наблюдая за всем, но стараясь не нарываться на неприятности. Я не вполне понимал, что произошло, но похоже, что эти ребята напали на другую небольшую компанию, мирно сидевшую у стойки бара.

И тут посреди всей этой неразберихи я снова увидел человека в просторной серой куртке, который находился в центре событий. Похоже, именно он и затеял свару. Наблюдая за ним, я было отвлекся от других участников и увидел, как он работал кулаками в самой гуще потасовки. Двое барменов вышли из-за стойки и, напустив на себя суровый вид, попытались утихомирить драчунов. Рыжий бармен явно не вписывался в общую картину и походил скорее на официанта из приличного, уютного ресторанчика. Пара ребят тут же бросилась на барменов, и драка вышла на новый виток. Сидевшие поблизости от места сражения посетители выбирались из-за столиков и отбегали подальше. Кто-то разбил бутылку и размахивал ею. Все пошло вразнос.

Пока все наблюдали за новой мизансценой, я случайно взглянул в сторону длинного стола. Человек в серой куртке,

как ни странно, выбрался из свалки. Он поддерживал пострадавшего в драке высокого парня с серьгой в ухе и вел его по направлению к туалету в глубине паба. Я отметил это и повернулся, чтобы посмотреть, что происходит на другом конце зала. Из-за стойки вышел управляющий — огромный человек с ручищами толщиной с мое бедро. Он держал биллиардный кий и явно намеревался им воспользоваться.

К счастью, это стало понятно не только мне. Парень, вооруженный разбитой бутылкой, чуть притормозил, всего лишь на мгновение, но и этого оказалось достаточно. Тот, кому он угрожал, отступил, и внезапно накал страстей спал. Буквально в мгновение ока. Словно ветер разогнал тучу, и молнии перестали вспыхивать в воздухе. Сражение закончилось.

Благодаря несложным маневрам враждующие группировки удалось вернуть на исходные позиции. Управляющий глаз с них не спускал, по-прежнему сжимая в руке кий. Остальные посетители мало-помалу расслабились, и вечер постепенно, как остановленный вентилятор, вошел в привычную колею.

Выпив пива, я отправился к бару за новой порцией, но затем решил сначала сходить в туалет. У дальнего конца бара пришлось протискиваться сквозь толпу, и я вынужден был подойти к опасным ребятам ближе, чем хотелось бы. Однако, проходя мимо них, я вздохнул с облегчением. Они были все еще на взводе, слегка куражились, но представление закончилось. Как уж я это почувствовал, сам не знаю, но так оно и было. У них изменилось настроение, словно они получили свое. Анекдот рассказан.

Перед дверью в туалет я остановился. Похоже, парень в серой куртке и его раненый товарищ все еще находились там. Клозет в «Дикобразе» не слишком большой, и мне придется оказаться с ними рядом. «А пошли бы они», — подумал я и распахнул дверь. Нельзя же осторожничать до бесконечности. После хорошей драки обычно наступает время грубоватого юмора и чувства мужского братства. Достаточно кивнуть и пробурчать что-нибудь, чтобы сойти за одного из участников драки.

Но притворяться мне не пришлось, потому что туалет был пуст. Я воспользовался одним из писсуаров и повер-

нулся к умывальнику, чтобы вымыть руки. На фаянсе виднелись следы крови: я тогда еще подумал, что из разбитого носа.

Потом я заметил капли крови на полу, и вели они в сторону кабинки. Дверь была прикрыта, но неплотно, что показалось мне странным. Там явно никого не было, а люди обычно не закрывают за собой дверь, выходя из кабинки туалета. Сам не зная зачем, я одним пальцем толкнул дверь.

Она приоткрылась чуть пошире, и я едва не вскрикнул, но взял себя в руки. Когда дверь распахнулась, я в ужасе уставился в кабинку.

Стены были до самого потолка вымазаны кровью, словно кто-то толстой кистью наскоро нанес на них темно-красную краску. Возле унитаза валялись куски растерзанной плоти, а сам унитаз был полон запекшейся крови, поверх которой плавали какие-то белесые ошметки.

Мой разум отказывался воспринимать увиденное, и я просто не понял, что там могло случиться, пока не заметил на полу под растерзанными останками большую металлическую серьгу.

Я стремительно покинул туалет. В пабе все еще было жарко и шумно и к моему месту просто невозможно было пробраться. Я внезапно вспомнил, что можно выйти через боковую дверь. Я мог обогнуть паб и вернуться через центральный вход. А мог просто сбежать. Но бежать не следовало. Мне надо было забрать свою книгу, пока народ не начал интересоваться, почему она все еще там лежит.

Снаружи было прохладно. Я торопливо пошел вдоль стены. Пройдя пару метров, я остановился, заметив какое-то движение на другой стороне улицы.

Там был тот самый пес. Он сидел неподвижно, и только теперь я разглядел, какой он громадный. Он был гораздо крупнее обычной собаки. И он уставился прямо на меня ничего не выражающими светлыми глазами.

Какое-то время мы смотрели друг на друга. Я замер, уповая только на то, что пес будет сидеть спокойно. Я хотел пробраться вдоль стены до того места, где начинались окна и где меня могли увидеть люди, но не решился. А вдруг он бросится на меня, как только я двинусь вперед?

Он не бросился. Не спуская с меня глаз, пес поднялся и медленно побрел прочь по улице, туда, где не работали фонари. Я следил за ним, все еще не веря своим глазам. На самом углу он повернулся и снова взглянул на меня, а затем исчез.

Я вернулся в паб, схватил свою книжку и отправился домой. Я никому не рассказал о том, что видел в туалете. Они и так скоро сами все обнаружат. Торопливо покидая паб, я слышал, как один из парней за столом спрашивал, куда это подевался Пит. Я не собирался сообщать ему, тем более показывать, куда он подевался. Меня больше волновала собственная безопасность.

Я видел все своими глазами. Я смотрел туда и видел то, что видел. Я видел серьгу на полу туалета, все еще вдетую в остатки того, что когда-то называлось человеческим ухом. Я видел, что человека в серой куртке не было в пабе, когда я уходил, и никто о нем не спрашивал. Я видел, какой озадаченный взгляд бросил на него один из парней, словно пытаясь сообразить, откуда он его знает. И я запомнил взгляд этого пса, и в нем было предостережение.

Я ни слова никому не сказал, но не знаю, поможет ли это. Я стал невольным свидетелем. Я не напрашивался на неприятности. Но я хорошо знаю, что это не имеет значения. Однажды разверзнутся хляби небесные, и я окажусь на их пути.

С тех пор прошел почти месяц, и я ни разу не заходил в «Дикобраз». В основном я сидел дома, наблюдая за дорогой. А последние дня два я начал беспокоиться, потому что кошек в округе явно поубавилось, а по ночам слышались странные шорохи за окном. Может, это не имеет значения. Может, не имеет значения и то, что луна прибывает на глазах и ночи бледнеют. Все это может не иметь никакого значения.

Но это беспокоит меня. Это очень меня беспокоит.

СТИВЕН ЛАУЗ

После вечеринки

Ранние рассказы Стивена Лауза (Stephen Laws), написанные в жанре хоррор, получили ряд премий, однако первая его новелла «Поезд-призрак» (Ghost-Train, 1985) принесла автору дурную славу, когда рекламировавшие ее афиши были изъяты Британскими железными дорогами со станций всех магистралей из опасения, что они могли вызвать тревогу у пассажиров. В последующие книги писателя включены рассказы: «Привидение» (Spectre), «Червь» (The Wyrm), «Страшилы» (The Frightners), «Затмение» (Darkfall), «Гидеон» (Gideon) и «Ужас» (Macabre).

Его рассказы публиковались в различных антологиях, журналах и газетах, а также завоевывали премии на радио BBC и в «Sunday Sun».

Как поясняет автор, нижеследующая история взята из реальной жизни: «Несколько лет назад, когда я работал в Северо-Восточной Англии, мы с моими закадычными друзьями по офису чуть ли не дважды в год брали напрокат мини-автобус и устраивали увеселительные поездки в Стамфордхэм — маленькую деревушку неподалеку от Ньюкасла. Мы скидывались, оккупировали пивную, заказывали закуски и напивались до чертиков, навлекая тем самым на себя гнев местных жителей (помните те первые сцены из „Американского оборотня в Лондоне", где два парня-американца отправляются в пивную?..) Настоящий рассказ явился попыткой ввергнуть работягу Стюарта в опасную ситуацию. Но вот что здесь правда, а что вымысел, мы оставляем судить читателям...»

Отпетым разбойником прежде я был!
На виски да пиво все деньги спустил!
Теперь золотишко я прячу всегда,
Не стану дурить ни за что!
Никогда!

Видавший виды автобус рванул по очередной деревенской улочке, и последний припев старинной песни замер в глотках качнувшихся пассажиров. На резком повороте автобус занесло, так что стоявшего в проходе запевалу, словно биллиардный шар, отбросило на два сиденья вперед.

Грянул пьяный хохот.

Это была славная ночка. Обычная корпоративная вечеринка под Рождество с арендованным автобусом и пивной в далеком захолустье. Стамфордхэм — самое обыкновенное тихое местечко. На самом деле не такое уж отдаленное, однако с достаточной степенью деревенского очарования, чтобы привлекать к себе самых закоренелых горожан и вызывать раздражение у местных жителей, когда в их места толпами стекаются «городские» и оккупируют две единственные пивные в округе.

Стюарт с трудом выкарабкался из сиденья и протиснулся мимо Марка в конец автобуса. Марк к тому времени вдохновил остальную братию на очередную типичную ойриш[1] под названием «Повеса-сумасброд», и нескладные вопли пьяных певцов эхом пульсировали в одурманенном мозгу Стюарта, когда он тяжело опустился рядом со Стивом. Тот почти засыпал, отчасти от тряски автобуса, но главным образом от доброго десятка порций рома с колой, которые он пропустил через свое нутро.

Время от времени в мелькавших за окнами густых зарослях деревьев вспыхивали сполохи лунного света, а автобус, погромыхивая, продолжал свой путь в направлении города.

---

[1] Oirish *(англ.)* — ирландские народные песни, отличающиеся специфическим ритмом и мелодиями.

— Привет, дружище, — невнятно пробормотал Стив. — Что тебя сюда привело?

— Просто возникла идея, — ответил Стюарт. — Идея для рассказа.

Они оба были фанатичными фантазерами и любителями кино. Бывало, то один, то другой в промежутках между подготовкой репортажей и протоколов редакционного комитета выкрикивал через всю комнату пришедшую в голову идею текста или сценария к фильму.

— Предположим, — продолжил Стюарт после легкой паузы, — что где-то была вечеринка вроде нашей и вот теплая компания возвращается домой. Совсем как мы сейчас. Потом кто-то из сидящих в автобусе вдруг видит за окном, возле деревьев, нечто... *нечто*... выхваченное светом фар.

Стив задумчиво поджал губы и приподнял брови. Затем, помолчав, посмотрел на Стюарта:

— Ты имеешь в виду... нечто жутковатое? Нечто... не совсем обычное?

— Да, верно. Нечто довольно странное. Так что он и сам не уверен, есть ли там что-то на самом деле или только чудится с пьяных глаз.

— Это было бы отличное начало для...

— ...фильма ужасов! Да.

И они принялись подкидывать друг другу идеи. Фантазиям не было конца. Всевозможные ситуации, которые мировой кинематограф давно сделал шаблонными, а воображение охотно подсовывало друзьям, так и били ключом. Совершенно поглощенные этим занятием, Стюарт и Стив забыли обо всем. Внезапно хор голосов вернул Стюарта к действительности.

— Стюарт! Эй, старина! Не хочешь ли ты заночевать сегодня в автобусе, а? Твоя остановка!

— Разве?

Стюарт вскочил с сиденья и натянул пальто:

— Не забудь, Стив. Это можно будет обсудить в понедельник! Увидимся!

Он суетливо пробрался к выходу, сопровождаемый шквалом добродушно хлопавших его по плечам рук.

— Поторапливайся, Стью! Нам тоже надо домой!

Шипение пневматической двери автобуса. Обжигающее дыхание холодного зимнего воздуха. Изо рта повалил пар. На подножке Стюарт обернулся и на прощание изобразил рукой шутовской драматический жест.

Не успел он вывалиться из автобуса и окунуться в ночь, как дверь захлопнулась, заглушив ответные крики прощания. Завывая кашляющим мотором, скрежеща передачами и хрустя гравием, дребезжащий автобус заспешил в черноту деревенской улицы.

Деревенской улицы?

«Какого черта я делаю на какой-то деревенской улице?» — подумал Стюарт, не слишком ловко крутанувшись на пятке, чтобы осмотреться в иссиня-черной тьме окружающего мира. В холодном лунном свете ему удалось разглядеть лишь ряды зеленой изгороди, ощетинившейся на него с обеих сторон дороги.

Переплетавшиеся между собой деревья подобно согбенным великанам нависали над дорогой, колючие их пальцы плясали в морозном воздухе, словно дирижируя причудливой мелодией, которую высвистывал запутавшийся в них ветер.

— Эти тупые идиоты выбросили меня на какой-то деревенской дороге! И на многие мили вокруг ничего не видно!

Прошло некоторое время, прежде чем до Стюарта дошло, что он стоит прямо под ржавым столбом-указателем, и когда он скосил глаза на облезлую надпись, то понял, что произошло.

— Не забудьте,— сказал он в пивной под названием «Гнедая лошадь»,— на обратном пути меня надо выкинуть в Краупосте. Там меня подберет мой кореш и доставит домой.

На указателе было всего два географических названия... Ньюкасл — 13 миль и ферма Крауфаст[1] — 2 мили. Может быть, после десяти порций виски Краупост звучал как Крауфаст, но от этого предположения отношение Стюарта к своим ближним нисколько не улучшилось, когда он зашагал по дороге. Он поднял воротник и поискал глазами телефонную будку или вспышки фар приближающейся машины.

[1] Crawfast *(англ.)* — Вороний Дозор.

Ничего. Даже ни единого огонька какой-нибудь отдаленной фермы.

Ничего.

Он уже начинал потихоньку проклинать эту вечеринку, которая была организована так далеко от Ньюкасла. Почему, например, нельзя было устроить ее в городе? Или, по крайней мере, поближе к тем местам, где ходят автобусы. И вот он вдали от всего, на пустынной проселочной дороге. Всякое может случиться. Он может свалиться в канаву, или сломать ногу, или еще что-нибудь. И, никем не замеченный, будет неделями лежать тут. Неплохая идея для триллера, как сказал бы Стив.

Но триллеры подождут. Делом первейшей необходимости были сейчас поиски банальной телефонной будки или какого-нибудь фермерского домика, где имелся бы телефон.

Кажется, не прошло и десяти минут, а к нему уже постепенно подкрадывалось чувство тревоги. Он постоянно ловил себя на том, что при каждом шорохе качнувшихся на ветру кустов бросает опасливые взгляды на противоположную сторону дороги. Стюарт вовсе не был трусом или первым человеком. Конечно, тот факт, что он очутился один в этих дебрях, не может не вызывать раздражения (мягко выражаясь), однако нет никакой причины думать, что кто-то...

Черт возьми, а ведь кто-то его преследует! Крадется за изгородью на той стороне дороги.

Стюарт остановился. Это было чертовски глупо. Там никого не было. «Вот до чего доводит пристрастие к фильмам ужасов», — подумал он. Стюарт пошел дальше. Одинокий звук его шагов, казалось, бросал вызов темноте. И все же он не мог отделаться от ощущения, что там, за плотной стеной живой изгороди, казавшейся иссиня-черной, что-то движется тоже.

Быть может, корова.

Прошло еще минут пять. На мгновение ему показалось, будто что-то скользнуло в просвете густейших кустов. Он снова остановился и уставился на этот просвет. Но ведь там наверняка никого нет? Однако не смешно ли стоять вот так в лунном свете и таращиться на изгородь? Стюарт вынужден был признать, что просто игра света, и ничто иное, со-

здавала видимость движения по ту сторону кустарника. Видимость чего-то крадущегося и выслеживающего.

Стюарт засмеялся и продолжил свой путь. Он вспомнил кадры с Кэри Грантом, попавшим в схожую ситуацию в фильме «На север через северо-запад». Его герой, одинокий и беззащитный, оказался под открытым небом. И был там атакован опылявшим посевы аэропланом.

Но то было днем. К тому же вряд ли здесь рассекает небо на аэроплане душевнобольной летчик. Только шелест в кустах, который, похоже, движется наравне с ним.

Сам того не заметив, Стюарт обнаружил, что оказался на середине дороги, подальше от хрустевшего под ногами гравия на обочине. Был ли он напуган и оттого сдал позицию? А не его ли собственная тень каким-то образом падает на живую изгородь? Да нет... его тень движется за ним прямо посредине дороги. Нелепость ситуации удерживала его от того, чтобы пересечь улочку и заглянуть за изгородь.

Гонимое ветром облако подобно гигантскому покрывалу заслонило луну, и окрестности окончательно погрузились в темноту.

Стюарту были знакомы избитые фразы о страхе, который, как электрошок, встряхивает нервную систему человека. Он слышал о том, что человеческая кровь «стынет в жилах», как «сердце выпрыгивает из груди». Но он совершенно не был готов к тому, что это не книжные метафоры и такое может однажды произойти и с ним.

Словно выждав мгновение, когда луна исчезнет, что-то большое с треском продралось сквозь кусты и быстро пересекло дорогу. То, что случилось дальше, казалось, было чередой киноэффектов, застывшими кадрами из какого-нибудь фильма. Все произошло слишком быстро.

Что-то ринулось на него из темноты. Что-то пыхтящее и хрюкающее. Стюарт застыл на месте. В какое-то мгновение у него возникло жуткое ощущение, что это «что-то» сейчас схватит его. Что-то грубое, голодное и, бесспорно, ужасное. Вспыхнувший в темноте не то глаз, не то зуб дал ему понять, что его противник чуть ли не на голову выше его. Почти над самым ухом раздалось животное рычание, и Стюарт инстинктивно присел на корточки.

Его щеки коснулись волосы.

Свирепый, неистовый удар по спине.

Звук рвущейся одежды.

Треск кустов из-за того, что уже сквозь другую изгородь, за спиной Стюарта, ломится нападающий.

Стюарт повернулся лицом к изгороди как раз в то мгновение, когда вновь показалась луна, высветившая все вокруг ясным, как среди бела дня, светом. В изгороди зияло рваное отверстие, внутренняя бахрома которого все еще трепетала и корчилась от вторжения... чего-то или кого-то? — чего бы там ни было.

Стюарт чувствовал, как в груди у него колотилось сердце. Горло перехватило от сухости. Он больше не был пьян.

Перед глазами все еще стоял силуэт некой человекообразной фигуры. Но не человека.

— И не... — очень тихо пробормотал Стюарт, пробежав глазами по длине изгороди, — и не оборотня. Скорее, это был какой-нибудь тупой педераст в дурацком костюме оборотня из низкопробного фильма ужасов.

Так что, похоже, все яснее ясного. Кто-то нарядился в идиотские тряпки и маску и решил до смерти напугать его. Что ж, он в этом преуспел. Если бы Стив не остался в автобусе, то Стюарт мог бы поклясться, что это был розыгрыш, который учинил над ним его приятель после их болтовни о киношных сюжетах.

Стюарт пустился бежать, по-прежнему пристально вглядываясь в кусты, не зная наверняка, заглушало ли его собственное дыхание ужасающее пыхтение и рычание кого-то, кто продолжал перемещаться на одном с ним уровне по другую сторону изгороди. Не сбавляя скорости, Стюарт наклонился и подхватил с травы на обочине половину кирпича. На бегу он прикинул на ощупь его вес. Утешал сам факт, что это был кирпич, а не какой-нибудь камень. Кирпичи используются для постройки дома. Дома, где живут люди. Утешала мысль, что в этой глухомани он обзавелся оружием, которое сделано руками человека. Теперь даже пустынное пространство дороги, казалось, уже не так, как прежде, отсекало его от цивилизации, а ощущение, что нет ничего более нелепого, чем преследующий его псих в костюме,

годном разве что для Хеллоуина, способствовало тому, что страх Стюарта обратился в нечто похожее на ярость. Пусть только этот ублюдок еще хоть раз мелькнет у него перед глазами — живо заработает перелом черепа и отучится шутить раз и навсегда!

Гнев Стюарта достиг своего апогея. Рванув к пролому в изгороди, где по другую ее сторону должен был, по его расчетам, промчаться загадочный неприятель, Стюарт резко остановился, развернулся и занес над головой кирпич.

Ну покажись же хоть на секунду...

Набрав полные легкие воздуха, он напрягся, поджидая противника. Глухие удары его сердца были слишком похожи на топот приближавшегося великана.

Ничего.

Облака вырывавшегося изо рта пара струились вокруг лица.

Ничего.

Ветви стоявшего поблизости дерева раскачивались и трещали на ветру.

Ничего.

Стюарт снова медленно двинулся вперед, все еще держа наготове кирпич и бдительно высматривая какие-либо признаки движения. Внезапно его глаза выхватили в просвете деревьев мерцающий огонек.

Ферма! Ферма Крауфаст!

Он понял, что пробежал без малого две мили. Обычно, когда он гнался за автобусом, у него начиналась одышка. Но здесь были совершенно другие обстоятельства. Если на ферме есть телефон – а он наверняка там есть,— он сможет вызвать такси и без промедления окажется на пути к дому. Стюарт на бегу быстро, чисто инстинктивно, обернулся. Примерно в двадцати пяти ярдах позади него что-то рывком, справа налево, пересекло дорогу и скрылось в рощице. Оно бежало согнувшись, у него были невероятно широкие плечи и длинные руки. И... остроконечные уши?

Стюарт помчался быстрее прежнего. Дорога сворачивала направо, и на самом повороте, по левую руку, он увидел накренившийся набок, грубо сколоченные ворота с вырезанной чьей-то рукой надписью «Ферма Крауфаст».

В глубине деревьев он различил тот самый свет. Подбегая к воротам, Стюарт подпрыгнул и ухватился одной рукой за верхнюю перекладину. Годы, проведенные за рабочим столом, и недостаток физической нагрузки напомнили о себе, когда он зацепился ногой за перекладину и, кувыркнувшись через голову, рухнул в глубокую траву по ту сторону ворот. Выплюнув землю, он собрался с силами и встал. Ему почудилось, что одна нога стала дюймов на шесть длиннее другой. Мысль о том, что он окружен деревьями, внезапно лишила его присутствия духа. По крайней мере на открытой дороге он, хотя и с трудом, мог заметить, если кто-то затаился поблизости. А посреди этих деревьев...

Стюарт метался из стороны в сторону, продираясь сквозь подлесок, огибая стволы деревьев и не сводя глаз с видневшегося впереди яркого света. Он углубился в рощицу не менее чем на десять ярдов, когда услышал, как позади него что-то шарахнуло в ворота.

Ублюдок!

Стюарт повернулся, занес над головой руку с кирпичом и впервые по-настоящему разглядел своего преследователя, который, согнувшись, стоял у ворот. Лунный свет падал ему прямо на лицо.

Однажды в детстве Стюарту ночью привиделось, будто кто-то, укрытый полумраком, стоит у него в ногах. Скованный какой-то неведомой силой, он следил, как эта фигура медленно обошла вокруг кровати и приблизилась к нему. И только когда на нее упал лунный свет, он смог закричать и натянуть на голову одеяло. Вот и теперь его словно парализовало, стоило ему увидеть слюнявую пасть, горящие злобой красные глаза и отвратительные остроконечные волчьи уши. Это вовсе не безумец, нацепивший на себя хеллоуинский наряд...

Сгорбленная фигура помедлила у сломанных ворот и покрутила туда-сюда головой, высматривая Стюарта. Когтистые лапы беспокойно раскачивались, как у огромной обезьяны. Внезапно фигура застыла, и Стюарт понял, что эта тварь увидела его. Когда чудовище мощным рывком перемахнуло через ворота и нырнуло в деревья, явно в направлении Стюарта, чары развеялись и он швырнул кирпич с такой силой, какой

никогда в себе не подозревал. И тут же понял, что попал пальцем в небо. Он проследил за тем, как траектория его снаряда, словно в замедленной съемке, изогнулась в воздухе. Получеловек-полузверь с такой скоростью ломился сквозь деревья, что казалось, он, как ракета, врежется в один из стволов. Однако чудовище, которое не догадывалось о летевшем в него снаряде, оказалась прямо у него на пути.

Кирпич ударил монстру точно в висок. Было отчетливо слышно, как хрустнула кость. Зверь повалился в кусты. Стюарт повернулся и помчался дальше сквозь деревья. Вслед ему неслась леденящий кровь вой ярости и боли. Он никогда прежде не слышал волчьего воя. Только в кино. В реальной жизни — никогда. Ему вновь почудилось, что он попал в фантастический мир второсортного киносериала.

Однако эта мысль длилась не более чем мгновение. Кошмар происходил наяву. Ледяной воздух ворвался в его легкие, когда он бросился бежать через заросли. Высокая трава вперемешку с сорняками, казалось, нарочно хватала его за ноги, замедляя бег.

Фермерский домик *должен* был находиться где-то впереди. Свет отчетливо пробивался сквозь деревья в каких-нибудь двадцати ярдах от Стюарта. Откуда-то сзади послышался треск ветвей. Осталось не больше десяти ярдов, когда густой подлесок заслонил свет. Когтистые пальцы кустарника. Хворост рвет одежду. Протиснувшись наконец сквозь кусты, Стюарт попал на небольшую расчищенную площадку и увидел источник света.

— Что за черт?..

С нижней ветки ясеня, четко высвечивая ближайшие деревья, свешивался светящийся фонарь. Это был фонарь, а вовсе не фермерский домик.

Силы небесные! Должен же быть где-то сам дом! Когда Стюарт понял, что залез в эту чащобу только для того, чтобы убедиться, что там нет никакого убежища, а существо, преследующее его, по-прежнему приближается, дыхание у него перехватило от ужаса. Ведь должен же быть поблизости дом. Кто зажег здесь свет? И зачем? Стюарт заметался по этому освещенному пятачку в поисках каких-либо признаков человеческого жилья.

Фермерский домик оказался впереди, окруженный со всех сторон плотным подлеском и корявыми деревьями. Стюарт окинул быстрым взглядом ветхие строения, обвалившуюся стену, ржавый инвентарь и бросился по направлению к главному, крытому соломой дому. Из одного окна пробивался наружу тусклый свет. Прочная дубовая дверь, казалось, качнулась с шаткого косяка навстречу Стюарту, когда он ворвался в маленький мощеный дворик, перепрыгнул через ржавый плуг и с грохотом обрушился на крыльцо. Зажав в руке здоровенный дверной молоток, он принялся колотить им в дверь:

— Впустите меня!

Стуча молотком о прочный дуб, Стюарт оглянулся через плечо и увидел, что сквозь деревья, с дальней стороны освещенного участка, пробирается сгорбленная темная тень.

— Впустите меня!

Продолжая сокрушать дверь, он сообразил, что теперь это существо легко могло найти его по производимому шуму. Это были самые долгие мгновения, которые он когда-либо переживал в своей жизни. Треск где-то за спиной и желтый свет фонаря исчезли.

— ВПУСТИТЕ МЕНЯ!

Внезапно дверь загремела, затряслась, по ту ее сторону послышался звук отодвигаемого засова, и Стюарт чуть не упал внутрь, когда тяжелая дверь распахнулась. Чья-то рука поддержала его, он, спотыкаясь, влетел в затхлую комнату и рухнул на стул. Дверь захлопнулась, и он услышал, как засов возвращают на место. Задыхающийся Стюарт поднял глаза и увидел маленького сморщенного старичка с необычайно добрым личиком и выцветшими голубыми глазками. Тот, ссутулившись, стоял в дверях и держал над головой небольшой фонарь. От его ливщегося вниз света по комнате метались тени чудовищных размеров.

Старик улыбнулся:

— С днем рождения, сынок. Мы ждали тебя.

Все еще не в силах говорить, Стюарт набрал полные легкие спертого, пыльного воздуха и указал на окно. Старик не спеша проследил за его пальцем, снова улыбнулся и прошел вглубь комнаты к рассохшейся двери. Стюарт с трудом

разглядел в темноте старую мебель. От колеса стоявшей в углу прялки тянулась гигантская паутина к покрытому слоем пыли буфету.

Старик открыл дверь и, не сводя глаз со своего гостя, позвал кого-то:

— Виолетта, он пришел.

Стюарт, тяжело дыша, встал и подошел к засиженному мухами окну. Свет из слабо освещенной комнаты падал во двор, но темнота за окном скрывала то, что могло... что *подкрадывалось* к дому.

— Послушайте, — сказал Стюарт и снова обернулся к старику, который уже закрыл дверь и направлялся к стоявшему посреди комнаты столу, — у вас есть телефон?

Старик улыбнулся.

— Телефон. У вас есть телефон? — сердито переспросил Стюарт. — Там во дворе какое-то опасное животное. Должен же кто-то вызвать полицию!

— Ты же знаешь, Мэтью, у нас нет телефона, — ответил старик.

Дверь за его спиной с легким скрипом растворилась, и в комнате возникла согбенная, едва волочившая ноги старуха. На лице у нее была та же снисходительная улыбка, что и у старика. Стоило ей из-под морщинистых век глянуть на Стюарта, как глаза ее оживились.

— Мэтью, — тепло сказала она, — мы знали, что ты вернешься к нам. С днем рождения, сынок.

Стюарт обхватил себя руками и воззрился на эту парочку. Его уже начинало распирать от гнева.

— Я не Мэтью, кем бы он там ни был! И если вы ничего не предпримете...

В комнату вошла еще одна фигура. Это был молодой мужчина в клетчатой рубашке, с весьма странным выражением мрачной решимости на лице. Однако самым примечательным в нем было то, что в руках он держал нацеленный в грудь Стюарту дробовик двенадцатого калибра.

Старик положил руку на плечо Стюарта:

— Сядь, мой мальчик.

Когда Стюарт вынужденно сел, мужчина с дробовиком закрыл ногой дверь и прошипел, обращаясь к старухе:

— Это он?

Старуха улыбнулась, кивнула и, подтащив к столу стул, поставила его между Стюартом и стариком.

«Идиотизм какой-то!» — подумал Стюарт.

— Десять лет прошло с того дня, Мэтью,— прокаркал старик.— И вот ты здесь, точь-в-точь как обещал. Ты всегда был хозяином своего слова. Пунктуальность. Пунк-ту-аль-ность.

Стюарт начал было вставать. Молодой мужчина вздернул ружье, давая этим жестом понять, что опасность ждала Стюарта не только снаружи, внутри дома она была не менее реальна.

— Не соизволите ли вы объяснить мне, что все-таки происходит? — в отчаянии спросил он.

— Ты *знаешь,* Мэтью. Прошло так много времени с тех пор, как мы в последний раз видели тебя. Я думаю, мы и в самом деле должны кое-что тебе объяснить. Ты имеешь полное право сердиться на нас за то, что мы сделали, но мы хотели как лучше. Как лучше.

Стюарт опять сел. Старик скрестил руки на столе и продолжил:

— Во-первых, если бы ты, Мэтью, не был таким отъявленным разбойником, ничего бы не случилось. Но не важно. Когда ты возвратился к нам с матерью после долгих лет, что провел за границей, мы были рады снова видеть тебя.— Старик показал на мужчину с ружьем.— Да и Арнольд всегда скучал по своему брату, верно, Арнольд? А что касается тех денег, которые ты привез с собой... Они все еще здесь, поверь. Мы к ним никогда даже не прикасались. Вот уже десять лет, как они заперты в погребе. «Деньги Мэтью» — так их называет твоя мать. Мы берегли их для тебя.

Стюарт от неловкости поерзал на стуле и бросил взгляд на окно.

Старик продолжал:

— Так что, сын, мы не присвоили себе ни гроша. Ты должен понять, что мы предали тебя не ради твоих денег.

Стюарт снова взглянул на старика: «Не иначе как он не в своем уме».

— Во-первых, мы и в самом деле не хотели тебя губить. Но ты сам знаешь, что было, когда ты вернулся к нам. Ты

изменился. А когда начались убийства, нам пришлось укрывать тебя, разве не так? Мы никогда не выдали бы тебя, верно, мать? Мы очень долго терпели, Мэтью. Старая цыганка объяснила нам, что происходит, и подсказала, что мы должны сделать. Когда был убит маленький мальчик, у нас уже не оставалось выбора...

Старуха подалась вперед:

— Мы никогда не были жестокими родителями, верно, отец?

— Конечно не были. — Старик медленно и убежденно покачал головой. — Но как бы то ни было... теперь ты здесь, точь-в-точь как обещал. И больше не сердишься на нас за то, что мы сделали.

Стюарт обратился к молодому мужчине:

— Послушай, дружище. Там какое-то животное. Оно похоже на... ну, оно... Ты должен сообщить в полицию или еще куда-то. У тебя есть машина?

Мужчина был все так же невозмутим и продолжал держать Стюарта на прицеле.

— Надо бы отпраздновать день рождения, а, Виолетта? — встрепенулся старик.

Улыбнувшись, словно малое дитя, которое только что вспомнило, что можно поиграть в новую игру, старуха заковыляла мимо вооруженного Арнольда в темноту.

— Я не ваш сын, — запротестовал Стюарт. — Вы же это знаете! Меня зовут...

— Конечно же Мэтью, — снисходительно подсказал старик.

— Послушайте, я даже... У вас есть фото? Фото вашего сына?

Арнольд слегка отодвинулся в сторону и указал ружьем на висевшую над прялкой фотокарточку.

— Мне плохо видно.

Арнольд протянул руку, снял фотографию и осторожно положил ее перед Стюартом, продолжая держать дуло в неприятной близости от его лица. Смахнув со стекла пыль, Стюарт увидел самое заурядное лицо молодого человека лет двадцати пяти. Стеклянные глаза. Темные волосы. Сходство с вооруженным молодым мужчиной было несомненным.

— Брат? — спросил Стюарт.

Впервые за все время Арнольд заговорил — дрожащим от страха голосом:

— Да.

— Послушай, старик, — сказал Стюарт, — эта фотография даже отдаленно не напоминает меня.

Старик укоризненно погрозил Стюарту пальцем:

— Цыганка сказала, что ты будешь другим, когда вернешься. Ты же знаешь, что способность меняться всегда была одним из твоих трюков.

Старуха вернулась в комнату, неся в руках деревянный поднос. На нем красовался торт. Огромный торт, утыканный свечками, многие из которых треснули и обломились. Рядом лежал остро заточенный нож. Стюарт заметил, что торт старый. Очень старый. На поверхности его трепетала паутина. Сквозь плесень Стюарту удалось разобрать украшавшую его надпись: «С днем рождения, Мэтью».

Старик жестом велел Арнольду сесть вместе со всеми за стол. Когда он сел, женщина вручила ему праздничный бумажный колпачок, потом протянула через стол такие же колпачки Стюарту и старику. Старик приладил на лысеющую макушку зеленый колпачок с длинными шипами, который шуршал в тишине, подобный странноватой короне.

— Ну же, Мэтью. Присоединяйся к веселью.

Стюарт снова встал и отпихнул назад стул:

— Если вы думаете...

Арнольд вскочил на ноги и вскинул ружье.

— Сидеть, Мэтью!

Старик схватил Стюарта за рукав пальто.

— Сядись и присоединяйся к веселью! — угрожающе прошипел он сквозь зубы, доброжелательности в его голосе как не бывало.

Стюарт медленно, неохотно сел и нацепил на голову оранжевый бумажный колпачок. Старуха принялась зажигать на торте свечи.

— Все должно быть сделано по правилам! — продолжал шипеть старик. — Так сказала старая женщина. Когда ты пообещал вернуться к нам, Мэтт... когда ты умирал... ты был очень зол. Ты был готов убить нас. Старая женщина сказала,

что ты вернешься в свой день рождения. Сегодня. И что если мы не организуем все как следует, тогда ничто... ничто уже не остановит тебя. Ты ведь все понимаешь, верно, сын? — Тон старика снова изменился. Теперь он умолял Стюарта, втолковывал ему что-то, старался в чем-то убедить. — «К его возвращению у вас должен быть наготове особый торт» — вот что сказала старая женщина. «Особый торт. Вы должны радушно его встретить. Это важно. Вы должны держать на улице зажженный фонарь — на расчищенном месте, где все совершилось». И вот ты все это видишь, сын, разве не так? Мы все сделали, чтобы радушно тебя принять. Ты всегда был нашим сыном. И всегда им останешься.

Взбешенный Стюарт с такой силой ударил по столу кулаком, что пламя оплывавших на торт свечей качнулось и по углам комнаты угрожающе запрыгали новые тени. Старуха вскрикнула от страха, а старик ухватил Стюарта за руку:

— Мэтью! Мы сделали все, что велела цыганка. Но я должен тебя предупредить: Арнольд начинил патрон своего ружья серебряной дробью. Виолетта! Режь торт!

«Черт побери, безумие какое-то»,— подумал Стюарт. И тут его внезапно осенило, что весь этот кошмар имеет свое логическое объяснение. Вся безумная последовательность событий начинала обретать смысл.

Стюарт перегнулся через стол и спокойно, глядя в глаза старику, сказал:

— Я не Мэтью. *Он* там — где-то в темноте. Я знаю, он оборотень. Он напал на меня там, на дороге, и преследовал до самой фермы. Он вернулся вовремя и бродит сейчас вокруг дома. Я не знаю, должен ли этот... этот ритуал успокоить его или что там еще. Но *поверьте* мне... Я не тот человек, которого вы ждали!

Старуха швырнула Стюарту тарелку с клинышком торта. Продребезжав, она остановилась прямо напротив него. Пламя двух искривленных свечей бешено взметнулось из закаменелой сахарной глазури.

— Ешь!

— Что? — со скептической улыбкой выдохнул Стюарт. — Вы, должно быть, шутите...

На тарелке, выбираясь из крошева торта, корчился и извивался серый, перерезанный пополам червяк.

— Ешь!

Нить паутины запуталась за одну из свечек и шипела, оплавляясь в ней.

С подступавшей ко рту тошнотой Стюарт взял кусочек торта и окинул взглядом сидевшую вокруг стола троицу. Нелепые бумажные колпачки на головах, на лицах трепещут и извиваются тени от свечей. Ни дать ни взять участники некоего таинственного соревнования на лучшую гримасу.

— Ешь!

Комната задрожала от жуткого воя рассвирепевшего волка.

Стюарт уронил торт и в ужасе отпрыгнул вместе со стулом назад, — вероятно, это и спасло ему жизнь. Когда он упал на пол, из ружья полыхнуло ярко-желтое пламя; блеснув над столом, оно вывернуло из стены, у которой сидел Стюарт, огромную щепку. Раздался оглушительный рев. Отдачей Арнольда отбросило назад.

Дом внезапно превратился в ад.

Засиженное мухами окно рядом с дубовой дверью вдруг разорвало на тысячу сверкающих осколков, и Стюарт покатился по полу. Ему показалось, что в окно просунулась длинная когтистая рука.

Старуха снова вскрикнула, когда в широкое отверстие с завыванием ворвался ветер и задул свечи на торте. Фонарь упал на пол и погас. Сквозь вой ветра и раскатистое эхо ружейного выстрела Стюарт разобрал рыдающий голос старика:

— Мэтью! Мэтью! Мы же любим тебя.

Массивная дубовая дверь содрогнулась под тяжестью чего-то огромного, навалившегося на нее снаружи. Удары молотка. Скрип. Вопли. Дребезжание и грохот дверного засова. Протестующе скрипнули петли, и дверь с треском поваленного дерева рухнула внутрь. Лежавшему рядом Стюарту удалось увернуться от увесистой дубовой плиты. Но все же, когда он попытался подняться, обломок дерева угодил ему в плечо и сбил с ног. На секунду что-то заслонило дверной проем, а когда эта фигура протиснулась вперед, Стюарт увидел в небе яркую луну.

Что-то вторглось в комнату. Совсем рядом Стюарт услышал голос. Но не человеческий голос. Он больше напоминал рычание — словно из-под маски. Из-под намордника. Издаваемое ртом, который не был создан для человеческой речи.

Стюарт отпихнул ногой дубовую панель и прыгнул в выбитый дверной проем. Деревья с сумасшедшей скоростью летели навстречу, когда он, спотыкаясь, мчался сквозь заросли, с ужасом ожидая услышать топот когтистых лап и нечеловеческое сипение, которые означали бы, что это существо преследует его. Оказавшись на главной дороге, он ни разу не оглянулся — из страха увидеть позади отвратительную фигуру, ломившуюся через кусты.

Он никогда не мог припомнить подробностей своего стремительного возвращения в цивилизованный мир. И никогда бы не подумал, что способен пробежать двенадцать миль до города. Но он пробежал их.

По прошествии месяцев его вовсе не удивил тот факт, что ферма Крауфаст не значится ни на одной карте. А когда спустя три года он вновь оказался на том самом повороте, где в свое время перевалился через ворота, то уже совсем не удивился, когда не обнаружил там никаких признаков ворот. Он даже не потрудился отыскать указатель, который свидетельствовал о том, что ферма Крауфаст находилась в двух милях от него. Стюарт знал, что его там не будет.

Он усомнился бы в своем здравом уме, если бы не одна вещь: деформированная свечка, которую он нашел у себя в кармане.

Всего хода событий уже не восстановить никогда. Но голос, который Стюарт услышал в дверном проеме, останется с ним навеки. Жуткий, искаженный, нечеловеческий голос. Однако слова звучали достаточно отчетливо.

Мэтью вернулся домой, чтобы сравнять счет.

«С днем рождения».

РОБЕРТА ЛЭННЕС

Звериная сущность

Роберта Лэннес (Roberta Lannes) — уроженка Южной Калифорнии. Более двадцати лет преподает в школе английский язык, искусство и смежные дисциплины. Ее писательская карьера началась еще в начале учебы в колледже, когда она опубликовала несколько книжных рецензий. В 1970 году она какое-то время успешно выступала в разговорном жанре, с импровизированными сценками, а также сочиняла тексты для себя и для других комедийных актеров.

В 1985 году она обратилась к жанру научной фантастики и фэнтези. Ее рассказы появлялись в таких антологиях, как «Обрубая концы» (Cutting Edge), «Лорд Джон Десятый» (Lord John Ten), «Фантастические рассказы» (Fantasy Tales), «Грязные панки 2» (Splatterpunks II), «Хроники Брэдбери» (The Bradbury Chronicles), «Все еще мертвый» (Still Dead), «Темные голоса 5» (Dark Voices 5), «Порт смерти» (Deathport), «Ужасы. Лучшее за год-3» (Best New Horror 3).

Как она сама рассказывает, «идея написать „Звериную сущность" родилась у меня, когда мне как-то привиделись горящие глаза в конце коридора моей квартиры, и я представила себе бешеных собак, принимающих человеческое обличье в попытке скрыть свое безумие. Я никогда не писала об оборотнях, да и не понимала, честно говоря, ни саму легенду, ни толкование ее. И вот однажды, пригласив четверых друзей, я облачила их в соответствующие одежды и отправила на другой конец коридора. И тут, как это ни удивительно, мне привиделось нечто вроде оборотней. Меня также интересовала тема невинности и ее утрата, и в этом рассказе я вновь затронула и эту тему...»

Прошло слишком много времени с того дня, когда у нас был последний гость. Когда живете в развалюхе, приютившейся в холмистой местности, редкий путник сможет забрести к вам. Если кто-то и появлялся, это были или те, кого мы заманивали, или те, кто заблудился. Послед-

ним был курьер. И вот сейчас, из-за голода, мы стали раздражительными. А в голодные времена каждый из нас начинает угрожать действовать сам по себе — пустая, впрочем, угроза, поскольку мы, все четверо, связаны между собой самым необычным образом.

Но вот однажды в фургонс приехал молодой человеке и стал умолять дать ему работу — отремонтировать дом. Должно быть, наш голод создал какое-то пустое пространство, которое засосало его, и он свернул с большой соседней дороги, по которой ехал по какому-то известному только ему делу.

Увидев, что он движется в нашу сторону, мы начали перевоплощаться. Я стала Челси Уиггенс, двадцати лет, с живыми светло-зелеными, широко расставленными глазами, безупречной кожей светло-оливкового цвета, с длинными, мягкими, вьющимися каштановыми волосами и телом молодой женщины, которой впору создавать себе подобных. «В самом соку», — сказала про меня Квинелл. Фромм превратился в седовласого добродушного папочку, Лайла — в ревнивую (как это водится) сестру, прелестную и отталкивающую одновременно, а Квинелл решила еще раз оттянуться, сыграв мою мамочку. Вообще-то у нее были превосходные актерские способности, но в этой роли она была вульгарна и неубедительна.

Рэндолл Басс, так звали молодого человека, вошел в гостиную, где мы все собрались, чтобы познакомиться с ним. От этого парня исходил запах, который возбудил во всех — но почему-то не во мне — мысли о хорошем ужине. Я поймала себя на той мысли, что меня, как это ни странно, помимо этого интересует и его внутренняя сущность, что прежде мне было незнакомо. Это вызвало страх, который мне, видимо, предстояло понять. Я тотчас захотела разобраться с этими чувствами, но для начала нужно было защитить объект моего тайного желания от страстного стремления утолить голод, о чем мои товарищи только и помышляли. Непростая задача. Я видела голодные взгляды Квинелл, Фромма и Лайлы и в замешательстве подумала, отчего это я не распускаю такие же отвратительные слюни? Приход Басса взволновал и заинтриговал меня, во мне произошла какая-то перемена, но что является тому причиной, я и сама не понимала.

Казалось, он и сам пытается побороть замешательство от встречи с нами. Мы стояли вокруг него, ожидая, как поступит Фромм. Когда Фромм расположился на продавленном диване, мы расселись по обе стороны от него.

Фромм оглядел молодого человека с головы до пят.

— Присаживайся. Как тебя зовут, парень?

— Рэндолл Басс, сэр, но все обычно зовут меня просто Басс.

Басс сел на новый складной стул — последнее приобретение Квинелл.

— Значит, говоришь, хотел бы подремонтировать наш дом? Ты плотник? Маляр?

Басс сложил руки на коленях. Его перепачканные краской штаны цвета хаки были настолько коротки, что были видны голые лодыжки и изрядно поношенные мокасины. Он заерзал на стуле, и я увидела, как под его выцветшей голубой футболкой перекатываются мышцы.

— Да, сэр. Я перестроил одиннадцать домов от фундамента до крыши. Начал строить в тринадцать лет. У меня есть лицензии почти на все работы, от электричества до канализации. Большой опыт. Есть и рекомендательные письма, если угодно.

Краешком глаза я увидела, как Лайла вытирает слюну в уголке рта. Она пугала меня больше всех. У нее всегда отличный аппетит.

Я решила вмешаться:

— Папа, последние лет пять ты жаловался на то, что мы живем в развалюхе, и говорил, что лучше уж ее совсем разломать. Так дай ему такую возможность. Что мы теряем?

Фромм откашлялся.

— Что ж, Челси, если вы с сестрой хотите дать этому молодому человеку — а заодно и мне с вашей мамой — дополнительную работу по дому, то, полагаю, стоит посмотреть, на что он способен. — И «папочка» посмотрел на Басса: — И во что обойдется мне такой молодой человек, как ты?

Квинелл выпятила спину.

— Погоди, папа, надо бы поаккуратнее с наследством. Нельзя же так сразу взять и всё разрушить.

Фромм взглянул на нее.

— Чеки подписываю я. А ты свои переживания можешь оставить при себе. Если, по-твоему, этот парень собирается надуть нас, так сразу и скажи.

Квинелл потянула носом воздух и вздохнула, сдаваясь.

— Как скажешь.

Басс заулыбался:

— Я думаю, вы останетесь довольны моими расценками, сэр. Могу я осмотреться, чтобы понять, на что обратить внимание, а потом составлю для вас смету расходов?

— Что ж, отличная мысль, мой мальчик. Вот тогда и вынесем взвешенное решение. Что скажешь, мама?

Квинелл отвернулась.

— Ладно.

Басс поднялся, кивнул каждому из нас, при этом на мне он задержал свой взгляд чуточку дольше, чем на других, и отправился составлять смету. Оставшись одни, мы принялись за свои «расчеты».

Лайла терпеть не могла, когда с жертвой так возятся. Ее распирало желание поскорее разделаться с этой добычей. Квинелл же больше нравилась игра с жертвой, чем процесс еды. Мы же с Фроммом всегда были сговорчивые. Как нам удавалось жить вместе и при этом оставаться довольными друг другом, ума не приложу, но на этот раз все было по-иному. Я хотела, чтобы игра продолжалась как можно дольше. Мне хотелось понять, какие силы движут мною и что будет дальше.

— Дали бы хоть попробовать его, — облизнулась Лайла.

Это она снова приняла образ зверя.

Квинелл покачала головой.

— Ты становишься такой... отвратительной, когда так говоришь. Ну неужели, дорогая, тебе не хочется почувствовать вкус страха в его крови, когда будешь отрывать плоть от костей?

При этих словах морда у «мамочки» вытянулась, да и Квинелл, похоже, потеряла самообладание.

Фромм поднялся и прорычал:

— Да заткнитесь вы обе. У нас тут возле дома ужин бродит, точно рыба, которая вот-вот клюнет, так что не торопите события. Челси, ты умеешь найти подход к молоде-

жи. Почему бы тебе не пойти и не использовать все свое очарование?

— Не знаю, Фромм.

Я сидела неподвижно. Я была самой младшей из них и вела себя соответствующим образом.

— Есть у меня предчувствие. Что-то тут не так. Не то что-то. — Я смотрела в окно, нахмурившись: — Что-то беспокоит этого Басса.

— Да не слушайте вы ее! — прорычала Лайла. — Просто она хочет, чтобы он ей целиком достался.

Я молчала. Теперь должен был говорить тот, кто старше. И Квинелл заговорила:

— Лайла, Лайла, Лайла. Завистница ты наша. Да ведь ты старая карга, а признавать этого не хочешь.

Фромм сел на стул и сказал с раздражением:

— Мы еще ни разу не видели, чтобы Челси сама выходила на большую добычу, и меня не радует мысль о том, что это может произойти сейчас. Правда, в случае со сбежавшей женой и домашним учителем она оказалась права. От обоих были одни неприятности, и если бы не ее предупреждение, нас могли бы разоблачить. И уничтожить. Так что прекратите эти разговоры и выслушайте ее.

— А мне наплевать на то, что говорит Челси, я голодна и хочу жаркое из Басса.

Лайла выскочила из гостиной и побежала в свою комнату. Слышно было, как ее когти стучат по деревянному полу, пока за ней не захлопнулась дверь.

— Я выслушаю тебя, Челси, дорогая. Я самая старшая и не хочу, чтобы у нас были неприятности.

И Квинелл неумело собрала свои седые волосы в пучок на голове.

— Продолжай, — кивнул мне Фромм.

— Да, я знаю, все мы голодны. Следующего гостя не будет, может, еще неделю, так что если я стою на своем, то для этого у меня должны быть веские причины. — Я закрыла глаза, надеясь, что хоть какая-то мысль придет мне в голову. — По-моему, он знает, кто мы такие. Мне кажется, этот мальчик наделен большой интуицией. Насквозь все видит. И еще... может, он заслан сюда, чтобы разузнать о нас все. Подставное лицо...

— Да он из семьи домашнего учителя! — вскрикнула Квинелл. — Она права! А мы-то думали — когда же найдется второй сапог, чтобы составить пару первому!

Фромм нахмурился. Он взглянул сначала на Квинелл, потом на меня:

— Она права?

Вот, мне и карты в руки.

— Именно такое чувство у меня и возникло. Прошло всего десять месяцев. Школа могла за это время нанять частного детектива, вот его-то и прислали... — Я крепко сжала свои руки. — Помню, когда эта женщина — жена — появилась здесь, какая она была взволнованная, прямо вне себя. Я знала, что где-то недалеко кто-то есть, кто ищет ее. «Сбежала», называется. Этот учитель не такой простак. Кто бы мог подумать, что его школа пришлет инспектора, чтобы тот проверил, каковы успехи в отношениях «ученик-учитель». Тогда у меня не было особых оснований для подозрений. Теперь же мои сомнения еще более безосновательны, поэтому мне понятно, почему все воспринимают то, что я говорю, с таким скептицизмом. Однако дурное предчувствие от этого не меньше.

— Тогда решено. Дадим ему отбой.

Фромм прикусил губу.

— Нет! — возразила я.

Вздрогнув, Квинелл и Фромм уставились на меня.

— Если он тот самый, кто заслан для того, чтобы проверить, кто мы такие, тогда нам следует позволить ему остаться здесь, пусть все вынюхает и убедится, что мы — именно те, за кого себя выдаем. Уигенсы, живущие в конце Брэдфорд-каунти-роуд. А если всплывет разговор об учителе, скажем, что говорили тогда: его здесь никогда не было. Удовлетворившись увиденным, мистер Басс наверняка скажет себе, что сделал свою работу, и уйдет. Отошли мы его сейчас, он может истолковать это так, будто мы его боимся.

Фромм, всегда такой предусмотрительный и мудрый, убрал когти и поднял голову.

— Нам нужно быть очень осторожными, Челси. Не забывай о том, что время от времени мы перевоплощаемся. Цикличность и периодичность перевоплощений мы не долж-

ны нарушать, и об этом ты тоже не забывай. И о том, что мы голодны. Со временем, разумеется, все выплывет наружу.

Квинелл согласно кивнула:

— На карту поставлены наши жизни. Обленились мы тут. Захотим — будем находиться в том или другом образе несколько дней. А захотим — и несколько недель. Если придется.

Тут я нахмурилась, подумав о Лайле.

— Это не про Лайлу. Уж я-то ее знаю. Клянусь, сейчас возьмет и изменит образ, отправится в город и найдет там желанную добычу. Да она и несколько дней не пробудет в этом обличье, если только ее не кормить.

Только бы она ничего не предпринимала, думала я. Она ведь как-то лишила нас возможности поиграть с добычей, не вовремя привлекла к нам внимание загадочным убийством совсем недалеко от нашего дома.

— А что если выяснится, что он всего-навсего плотник, и никто другой? — спросил Фромм.

Я ухмыльнулась:

— Тогда устроим пир.

Квинелл поднялась со стула и засеменила в коридор.

— Пойду извещу мисс Лохматую Морду о нашем решении.

Фромм всем своим видом выражал сомнение и молчаливое согласие одновременно.

— Что ж, давай. — И повернулся ко мне: — Твой выход, Челси, так что иди и очаровывай его.

Я подошла к Фромму и обняла его. Я чувствовала, что и он испытывает по отношению ко мне чувства нежности и доверия, и мне не хотелось подвести его.

Басс был за домом. Нагнувшись, он засунул голову в дыру, через которую мы когда-то залезали в логово. Раньше здесь была железная решетка, защищавшая вход. Подходя к нему, я принялась мурлыкать что-то себе под нос, чтобы не напугать его своим появлением. Он вытащил голову из дыры и внимательно посмотрел на меня.

— А, привет, мистер Басс. Не обращайте на меня внимания. Смотрите не упадите в старый колодец и не споткнитесь об эти дурацкие корни индийского фикуса.

Я изобразила на лице свою лучшую улыбку.

— Все будет хорошо.

И его голова снова исчезла в дыре.

— Увидели что-нибудь интересное?

Он что-то пробормотал. Я подошла к нему поближе и встала рядом:

— Не слышу вас. Хотите лимонаду или еще чего-нибудь? Тут сегодня жарко.

Басс снова высунулся из дыры и, улыбаясь, посмотрел на меня.

— Воды, пожалуйста. Безо льда. — Он прикрыл глаза рукой от солнца.

Я кивнула и повернулась, чтобы побыстрее уйти прочь, прежде чем он увидит, как у меня краснеют лицо и шея.

Когда я вернулась, Басс сидел на перевернутом тазу, который валялся на дорожке, ведущей в долину. Лучший вид отсюда был на закате, но ему, казалось, и сейчас тут нравилось. Он осушил стакан и поставил его на землю.

— Спасибо.

С минуту он пожирал меня глазами, потом отвернулся.

— У нас тут, наверное, ремонта на сотни долларов.

— Да, мэм, это так.

— И мы сделаем вас богатым?

Он ухмыльнулся:

— Я тщательно, не торопясь, делаю свою работу, но так много не заработаешь. Обычно я договариваюсь о цене заранее.

— Тогда зачем же вы занимаетесь этим?

Я села рядом с ним на таз. Места было немного, и мы касались друг друга бедрами.

— Люблю это дело, вот и все. Мне нравилось строить и ремонтировать еще тогда, когда впервые ухватился за стенку детской кроватки. Родители любят рассказывать, как я пытался починить ночник, когда мне не было и двух лет.

— И починили?

Я чувствовала запах его кожи. Запах его пота напоминал мне запах ярь-медянки[1], мускуса и кожи, долго находившейся на солнце.

---

[1] Ярь-медянка — зеленые или голубоватые отложения, формирующиеся со временем на меди, латуни или бронзе.

— Обжегся. А ночник и не был сломан.

Он рассмеялся. Смех у него хороший. Искренний. Не такой, какой я привыкла слышать днем и ночью.

— Если вы не много зарабатываете, на что же вы живете?

Теперь и он меня понюхал. Я увидела, как раздуваются его ноздри, едва он почувствовал запах феромонов[1].

— Видите ли... Я счастлив, когда у меня есть что поесть, когда есть крыша над головой и когда я здоров. Если жить просто, то много и не надо. Все, что мне нужно, — это минимум комфорта и любимое дело.

Все, что во мне было человеческого, утонуло в чувстве вины, когда он заговорил о том, как хорошо делает свою работу, о том, как мало ему нужно, тогда как я в жизни в основном только тем и занимаюсь, что разрушаю человеческие жизни, и разрушаю так, что восстановить их уже нет возможности. И до сих пор не научилась ничему другому. Мне впервые захотелось пощадить человека. Пусть я еще поголодаю, но поброжу пока в темноте. В неизвестности.

— Вам, должно быть, хорошо и покойно, — вздохнула я.

Он повернулся и пристальнее посмотрел на меня:

— Ну, а вы? Живете здесь в самой глуши...

— Я? Я готовлю еду. Много читаю. Притом жадно. Смотрю, как времена года сменяют друг друга.

Мне не хотелось лгать ему. Он настолько честен, что ложь показалась бы вульгарной.

— Негусто. А чего вы ждете?

Он перестал изучать меня и перевел взгляд на забор. Тот был похож на ряд посеревших шатающихся зубов, которые вот-вот начнут выпадать.

— Может, жить в глуши и есть то, что мне нужно.

Он непонимающе посмотрел на меня. Я улыбнулась и поднялась.

— Хотите прогуляться, посмотреть, что там в долине?

Он кивнул. Пока мы шли, он чесал затылок и нервно теребил свою одежду.

---

[1] Феромоны — собирательное название веществ, продуктов внешней секреции, выделяемых некоторыми видами животных и обеспечивающих химическую коммуникацию между особями одного вида.

— Это владения вашего папы?

— Ну, это долгая история, но если коротко, то мы совсем недавно получили в наследство дом и какие-то деньги от папиного брата. Папа, к счастью, навестил своего брата, когда тот умирал, и ему некому было все это оставить. Папа вызвал нас, и с того времени мы здесь.

— А в школу вы в городе ходите?

Он сорвал ветку и принялся размахивать ею в воздухе, да так, что казалось, будто это ветер свистит в дубовой роще.

— Нет. Меня с детства учили дома. Я люблю читать, а это значит, что в конце концов я буду знать столько же, сколько и тот, кто ходил в школу. А вы?

— Гм. Я учился в университете Дьюк[1], где получил степень бакалавра общественных наук, но я это сделал лишь для того, чтобы были довольны мои родители. Они всю жизнь копили, чтобы мы с сестрой получили образование. Моя сестра преподает в Ратгерсе[2]. Когда закончилось мое обучение, мне захотелось лишь одного — снова заняться ремонтом.

На меня его слова произвели впечатление. Хотела бы я ему сказать, что отучилась шесть лет в Оксфорде и получила ученую степень магистра по английской литературе, но это было так давно, а память у меня такая дырявая, что я частенько забываю о своем прошлом.

— А почему именно науки?

— Науки объясняют, что к чему и что как происходит. А если бы я продолжил обучение, то стал бы доктором наук.

— Тогда бы мы никогда не встретились. — Я покраснела. — А папе вы не отремонтировали бы дом. Вы уже составили смету?

Он улыбнулся. Мы спустились в долину. Деревья заслоняли тропинку от солнца, и здесь было немного холоднее. Я потянулась к нему, чувствуя теплоту его тела, и чуть не упала.

— О, простите. — Он подхватил меня.

Наши лица оказались совсем близко.

---

[1] Университет в США, в городе Дарем, штат Северная Каролина.

[2] Университет в штате Нью-Джерси, США.

— Нам лучше вернуться.

— Да.

Он привлек меня к себе, и неожиданно его губы коснулись моих. Я почувствовала сладкий вкус — вкус меди и серебра. Я чуть не задохнулась, пока мы целовались. Раньше мне казалось, что я не умею это делать. Но у меня получилось.

Я слабо сопротивлялась, потом высвободилась из его объятий. Меня охватила резкая слабость, но больше меня тревожило другое — как бы не выйти из образа. Становилось очевидным, что не только страх может очаровывать.

Он извинился и сказал что-то насчет того, какая я красивая, что он не мог, оказавшись так близко от меня, не обнаружить своих чувств ко мне. Едва ли меня можно назвать первой красавицей, хотя в мире в этом смысле за последние несколько лет произошли не очень-то заметные перемены. Впрочем, он вроде не из тех, кто следит за первыми красавицами мира.

— Не потеряйте голову на этой жаре, мистер Басс, — со смехом бросила я через плечо, убегая от него по тропинке в сторону дома. Я не оборачивалась, но слышала, как он бежит за мной.

За обедом все, даже Лайла, не забывали ни об образе, в котором находились, ни о манерах. Я приготовила большую кастрюлю еды — мясо кролика с овощами, еще свежеиспеченный хлеб и бобы, а на десерт черничный пирог. Кролик был недоварен, как мы любим, но Басс не жаловался.

Квинелл принесла две бутылки вина, и мы, как обычно после обеда, принялись обрабатывать Басса — нашу будущую жертву.

— Меня приятно удивила ваша смета, мальчик. — Фромм посасывал трубку, выпуская колечки дыма, поднимавшиеся вверх. Дым был такого же седого цвета, что и его волосы, и вился так же. В полумраке казалось, будто это его волосы отрываются от головы и растворяются в воздухе.

— И что же вас удивило?

Басс потягивал вино. После каждого глотка его лицо искажала едва заметная гримаса.

— Она меня устраивает. Я ожидал чего-то покрупнее. Обычно у меня запрашивают целое состояние только за то, чтобы составить проект, поднять балку или вкопать столб. Когда сможете начать?

— Да завтра с утра. Составлю список того, что мне необходимо на первое время, и съезжу в Хейвуд. Начну, пожалуй, с фундамента. Жучков я не нашел, но кое-где подгнило.

— Еще бы! Дому ведь почти сто лет.

Фромм кивнул мне.

Рука Басса лежала на столе. Я положила на нее свою руку:

— Вам понадобится помощь?

От моего прикосновения его охватила дрожь. Я заметила, как Квинелл с трудом удержалась, чтобы не выразить взглядом свое крайнее удовольствие от того, как я воздействую на Басса.

— Я работаю один. Но спасибо за предложение.

— Просто я подумала, что можно было бы навести справки в городе, не хочет ли кто-нибудь подработать. Ведь дел тут много.

Он убрал руку и замолчал, глядя в окно столовой. Была темная ночь. В окне я видела одни лишь наши отражения.

Лайла поднялась и стала убирать со стола. Беря у меня тарелку, она что-то проворчала мне в ухо.

«Мама» откашлялась:

— Так что же, Басс, привело вас в наши края?

Басс выпрямил спину и допил вино. Я налила ему еще.

— Не знаю. Любопытство. Я подумал, что если так далеко есть дом, значит, он, наверное, нуждается в ремонте. Если б я не увидел по дороге ваш дом, то поехал бы дальше.

— Вам, наверное, приходится много ездить.

И, закидывая одну свою длинную ногу на другую, я коснулась его ноги. Он почувствовал это.

— М-м... ну да. Но работаю я больше, чем езжу.

— И вам нравится ездить далеко?

— Не знаю. Наверное. Я люблю тишину. Природу. В городе такого нет. Даже в пригороде.

— Да, здесь нам очень повезло.

Фромм, поглядывая то на Басса, то на меня, поковырял трубочную золу тампером[1] из слоновой кости.

— Челси, почему бы тебе не показать мистеру Бассу его комнату наверху? Ту, что рядом с ванной, пожалуй. В передней части дома.

Басс взглянул на меня.

— Я и правда немного устал. Обычно я не... — Он указал на вино.

— Ну, вот и хорошо. Пожелаем друг другу доброй ночи.

Все поднялись.

— Спасибо, было правда очень вкусно. Лучше домашней еды не бывает. — Он улыбнулся.

Вошла Лайла, чтобы взять еще тарелок со стола. Кинув взгляд в сторону Басса, она облизнулась.

— Идемте, Басс, я покажу вам вашу комнату.

Я взяла его за руку, поспешно уводя от лишних разговоров и от надежд Лайлы.

Комната была десять на десять, у окна потолок был ниже, что вызывало чувство клаустрофобии, но Басс, кажется, ничего не имел против. Лучше пыльная, с темными пятнами дубовая мебель и двуспальная кровать с бело-зеленым покрывалом из синели[2], чем матрас в задней части фургона. Я бы предпочла для Басса комнату в виде буквы «L» в задней части дома, но я знала, что Фромм думал о том, что Лайла и Квинелл могут отправиться среди ночи рыскать в поисках пищи. Заднюю часть дома они всякий раз обыскивали полностью.

— Я открою окно. В комнате все еще жарко и ужасно душно.

Нагнувшись, чтобы открыть окно, я почувствовала, как сзади у меня задралась юбка, обнажив бедра. Я резко открыла окно, рванув створки на себя. Лицо у меня пылало при мысли о том, что он видел меня сзади.

---

[1] Тампер — приспособление для «утаптывания» табака в трубке, иначе: «топталка».

[2] Синель — пряжа, стержневая нить, шнурок, из которой во все стороны торчат короткие волоски. На западе название «синель» относится не только к тому, что в России многие называют «синелькой» («синельной пряжей»), но и к любой ткани и пряже с коротким ворсом (например, бархат, вельвет).

— Пожалуйста.

Я повернулась. Он не сводил с меня глаз. Черты его лица разгладились. Теперь на нем было написано желание и вместе с тем проглядывала нерешительность.

— Принесу вам простыню и полотенца.

Я прошла мимо него, зная, что с появлением луны от меня исходит более сильный запах. Мне захотелось, чтобы он это почувствовал.

— Хорошо, — вздохнул он. — Я уже засыпаю, так что не уходите надолго.

— Быть может, вы хотите помыться? Ванна рядом. Если включите кран на полную мощность, то душ зашумит.

Он посмотрел на меня так, как мужчина смотрит на женщину, желая ее. Я поспешила выйти.

Когда я стояла у шкафа, ко мне подошла Лайла:

— Ты готовишь этого мальчика для себя. Я это знаю. Раньше я ошибалась, но на этот раз уверена.

Я решилась:

— Ты права, Лайла, но все не так, как ты думаешь. Да, я хочу его — но не съесть. Мне кажется, я хочу переспать с ним.

И я отвернулась от нее. Мне не хотелось, чтобы она видела, как сильно горит во мне желание.

— Ты хочешь... чего?

— Тсс! Хочешь мне все испортить?

Лайла говорила шепотом и одновременно рычала. Только она могла производить такие жуткие звуки.

— И чего ты хочешь добиться, переспав с ним? Он же не такой, как мы.

— Я... я не знаю. Просто у меня такое чувство... да я сама хочу понять, в чем тут дело.

Я посмотрела на нее.

— Потом ты его съешь, да?

И прямо у меня на глазах произошла метаморфоза — она стала и зверем, и чудовищем, и Лайлой одновременно. Когда она сердилась, то всегда переставала владеть собой.

— Ну уж нет, черта с два. Ты разве не слышала, что я сказала? Я и пробовать его не хочу.

Под дверью комнаты Басса была видна полоска света.

— То есть хочу, но не так.

— Я тебе не верю.

— Лайла, я никогда не врала тебе. Подумай хорошенько. Обещаю тебе, что можешь делать с ним, что хочешь, но... потом.

Она недоверчиво смотрела на меня:

— А что, собственно, ты хочешь узнать?

— Я лучше пойду. А то он, наверное, меня ждет...

И я убежала, а Лайла превратилась в волка. Оглянувшись, я увидела в конце темного коридора два золотистых уголька — то были ее глаза.

Басс лежал на кровати с закрытыми глазами. Рубашку он снял. Я стояла над ним, испытывая сильное желание погладить его лишенную растительности грудь и мускулистые, с туго натянутыми мышцами руки. Мне хотелось попробовать на вкус его кожу, такую загорелую и гладкую. Он лежал, раскинув ноги, под покрывалом угадывались очертания его бедер, паха. Я положила белье на шифоньер.

— Челси. — Он прошептал мое имя. — Кажется, я выпил слишком много вина.

Он приподнялся на локте. Его веки набухли, он криво улыбался.

— Я пойду. А вы поспите. Завтра вам начинать работать. — Я повернулась, чтобы уйти. — Я оставлю это здесь. — И я указала на шифоньер.

Он поднялся, подошел к двери, тихо закрыл ее, после чего протянул мне руку:

— Я хочу пожелать вам спокойной ночи.

— Мистер Басс, я...

Я хотела было увернуться, продлить игру, но меня тянуло к нему, как обычно тянет к жертве. Утонув в его объятиях — лучше сказать, в нем самом, — я забыла о своей шкуре и, прижавшись к нему, почувствовала биение его сердца — или это было мое сердце? Наши губы слились и затем раздвинулись, языки встретились. У меня закружилась голова. Остатки сознания подсказывали мне, что я могу утратить свой образ, и появившийся было страх исчез на мгновение, но тотчас вернулся снова.

— Пожалуйста, — я оттолкнула его. — Слишком быстро. Я...

Страх подавлял желание, заглушал его.

Он снова привлек меня к себе, точно не слышал. И тут я почувствовала теплоту и размеры его члена, прижавшегося к моему бедру. Губы Басса коснулись моей щеки. Я зарычала.

— Ого. — Он отступил на шаг. — О господи!

Его глаза были широко раскрыты.

На секунду мне почудилось, что я вышла из образа, и я принялась ощупывать себя, нет ли предательских признаков перевоплощения. Таковых не было. Его остановило только мое рычание.

— Просто я хочу... чтобы все было медленно. Это мой первый... первый раз... понимаешь...

Он тихо рассмеялся и весело стукнул себя по лбу.

— Я и не подумал... О господи, прости меня.

Он подошел к кровати и рухнул на нее:

— Это ты на меня так подействовала. Сам не понимаю. Прости меня. Я буду более внимателен, Челси.

Я не знала, что и сказать, и молча кивнула. Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Потом я успокоилась, слегка улыбнулась и вышла.

Я спала на полу, приняв свое звериное обличье. Дверь я заперла и загородила шкафом. Ночью я долго не могла уснуть, прислушиваясь к тому, как в доме что-то скрипит, двигается, как по дереву стучат когти, и все ждала, не раздастся ли звук человеческих шагов возле моей двери. Проявить свою звериную сущность мне за всю ночь не представилось случая.

Лучи утреннего солнца светили в окно моей спальни, и, когда в комнате стало жарко, я проснулась. Зевнула. Редко я просыпаюсь такой голодной, но в тот день уже с самого утра почувствовала голод. Я забыла о своем волчьем, необычайном аппетите. Значит, мне придется спуститься в долину, пойти в лес и немедленно отыскать добычу.

Я вскочила на подоконник, опасаясь появления Басса. Было слышно, как Квинелл ссорится на кухне с Лайлой. Под моим окном был холмик с пожухшей коричневой травой. Я спрыгнула на него и как можно быстрее скатилась с другой стороны холмика, чтобы меня не увидели. Огляну-лась, но никого вокруг не было.

Голод гнал меня в лес. Под густой листвой было прохладно. Мне нравится ступать лапами по мху и папоротнику. Как зверь, я чувствовала все гораздо острее — где земля, а где глина, где вода, а где сок растений, где птица, насекомое и где добыча. Солнечные лучи пробивались сквозь толстый полог из листьев. Воздух вокруг меня был наполнен жужжанием ос и журчанием ручья. Всякий раз, когда я попадала сюда, я чувствовала себя зверем, и никем иным.

Я уловила запах кролика и пошла по следу. Молодая мама и ее отпрыски приютились среди спутавшихся корней дерева. Она тотчас меня почувствовала, и ее крик пронзил тишину. Мне показалось, что лучше бы ей защищать свой выводок и вступить в схватку, но она предпочла бежать. Инстинкт повлек меня за ней, мимо ее потомства. Вот хитрая бестия.

Думая только о голоде, я не была расположена играть с ней, а потому просто загнала ее в яму под упавшим деревом. Не видя спасения, загнанная в угол, крольчиха прыгнула на меня. Мои челюсти сжали ее, и она умерла мгновенно. Я быстро съела добычу, не особенно задумываясь о том, насколько она вкусна, и жучкам, питающимся мертвечиной, осталось мало чем поживиться. Повернувшись, я направилась в сторону ручья, чтобы умыться, и тут увидела Фромма. Он стоял на холме и наблюдал за мной. Кивнув, он побежал в сторону дома.

Было уже около полудня. Приняв образ женщины, я пошла по тропинке, которая тянулась со стороны долины. Квинелл снова стала «мамой». Она копалась на небольшом участке земли, где любила выращивать разные травы. Я осмотрелась, нет ли где Басса, и тут заметила, что его фургон исчез. Квинелл увидела, что я верчу головой.

— Уехал в Хейвуд, но должен с минуты на минуту вернуться.

— Ага. Я надеялась, что он меня не увидит. Я еще утром убежала в лес.

— Ну да. А Лайлы не было полночи. Я встретила ее, когда выходила из дома, а это было еще до рассвета. Сказала ей все, что думаю по поводу того, что она может вызвать у этого мальчика подозрение. И Фромм куда-то со-

брался, когда я вернулась в дом. Наверное, мы слишком голодны, но нельзя давать Бассу повода почувствовать это.

— Ты права. Нам бы надо быть поосмотрительнее.

И страх пронзил меня до самого желудка, где еще переваривался завтрак.

— Ну, недолго нам осталось ждать начала пиршества.

И «мама» осторожно вытянула розмарин вместе с корнем.

— Послушай меня, что-то в этом парне есть такое, о чем мы не догадываемся. Он опасен.

— Для тебя, может, и опасен. Я знаю тебя очень давно, и, по-моему, никогда еще такого не было, чтобы твоя хитрость уступила место похоти. Ты нас всех погубишь, дорогая, если поддашься этим человеческим удовольствиям.

Я ошалело заморгала. А я-то считала себя такой скрытной, замкнутой!

— То есть ты хочешь сказать, что ты...

Квинелл подмигнула мне:

— Да я тебя насквозь вижу, дорогая. Чего, по-моему, не скажешь о Лайле или Фромме. Ни тот ни другой не допустили бы того, чтобы плотские желания взяли верх над их плотоядной природой. Когда Фромм не зверь, он такой уравновешенный, флегматичный. А вот Лайла в любом виде сердитый и крайне подозрительный зверь. Она ни за что не позволит себе, будучи в человеческом облике, вести себя так, чтобы другие люди близко к ней подходили.

— А ты когда-нибудь... ну, ты понимаешь... уступала этому чувству?

— О да, дорогая. В молодости, пока меня не искусал этот зверь, который сделал меня той, кем я сейчас являюсь. Вообще-то я весьма... неразборчива в связях. В конце концов, я была любимицей театральной труппы, со своей интеллигентной внешностью и изысканными манерами. Я сама выбирала себе обожателя или девицу.

— Я имею в виду — после этого. С тех пор как ты стала перевоплощаться.

— Ну конечно. С себе подобными было. И еще был раз. С мужчиной, в которого я влюбилась. — Она посмотрела в сторону леса и вздохнула: — Он ничего не знал... про меня.

Квинелл склонила голову и заплакала.

Я встала перед ней на колени, пытаясь утешить ее. Она тряслась в моих руках, превращаясь во что-то маленькое, жалкое.

Я услышала, как подъехал фургон, и поднялась. Квинелл превратилась в зверя, потом в «маму», вытирающую лицо краешком фартука.

— Прости, Квинелл. Надеюсь, мы еще поговорим...

Мы услышали, как хлопнула дверь. Фромм, увидев нас в столь эмоциональной позе, изобразил удивление, после чего пошел по дорожке от дома к фургону.

Я вошла в дом. Мне не хотелось, чтобы Басс увидел меня сразу после того, как я убегала поесть. Теперь я была сыта и вместе с тем желала его так же сильно, как и накануне вечером. И я чувствовала, как желание превращало Челси из мягкой и симпатичной девушки в отчаянную и озорную. Фромм меж тем смотрел, как Басс складывает пиломатериалы, а Квинелл продолжала заниматься огородом. В доме хоть какое-то время я могла чувствовать себя в безопасности.

Я зашла за дом и приблизилась к окну, вспомнив, что ночью забаррикадировалась. Окно было слишком высоко. Я смотрела мимо Квинелл, так как боялась, не покажется ли кто из-за угла дома — кто угодно. Квинелл дала знак, что все тихо. Я быстро сменила образ, что далось непросто и потребовало полного напряжения сил, потом, прыжком взобравшись на холмик, перескочила с него в свою комнату, но приземлилась неудачно: ударилась о шкаф, разбила зеркало и повредила лодыжку.

Сменив образ еще раз, что опять же потребовало полного напряжения сил, я передвинула шкаф на его привычное место и отправилась на кухню, чтобы приложить лед к тому месту, где болела нога. На кухню важной походкой вошла Лайла:

— Это Челси упала и разревелась?

— Заткнись, старая корова. Тебе-то что за дело?

— Это и мое дело, когда речь заходит о моем хорошем ужине, девочка. Очень хочется попробовать вон тот больной стейк, который чинит наш фундамент. И почему меня должны занимать твои заботы?

— Потому что кроме звериного в тебе могло бы еще биться и человеческое сердце.

Она захихикала:

— Знаешь, в чем твоя проблема? Твоя, Квинелл и Фромма? Вы так и не привыкли к тому, что вы — звери. Все еще хотите быть теми, кем когда-то были — людьми. А я нет. Мне нравится мой звериный облик, со всеми звериными инстинктами в придачу. Я больше не какая-то там уязвимая дамочка — одна наружность, манеры и никакой силы. А вы все держитесь за прошлое. — Она сплюнула на пол. — Вот что я думаю о прошлом.

— Если ты всех нас так ненавидишь, Лайла, то почему не уйдешь?

— Хочешь верь, хочешь нет, но вот почему: с паршивых овец хоть шерсти клок.

Она повернулась и танцующей походкой удалилась, оставив меня бушевать от ярости.

Сложив на кровати стопкой несколько сборников стихов, поставив на ночной столик кувшин с лимонадом и наполовину пустой стакан, я устроилась у окна, овеваемая послеполуденным ветерком. Моя лодыжка чувствовала себя лучше, а вот голова все еще болела. Я вся ушла в стихи Элизабет Бэррет Браунинг[1], когда кто-то постучал в дверь. Я подумала, что это Квинелл хочет продолжить наш разговор.

— Входи.

Басс просунул голову в дверь:

— На сегодня я закончил.

Увидев запотевший кувшин, он улыбнулся:

— Можно выпить лимонаду?

Разгладив платье и продолжая обмахиваться веером, я приподнялась:

— Думаю, да.

Когда он вошел, я почуяла запах пота и мускуса. Я закрыла глаза, представляя, каков он на вкус.

Он налил лимонаду в мой стакан:

— Под домом прохладно, а вот когда носишь бревна взад-вперед, становится жарко.

Басс сел напротив меня на краешек кровати:

---

[1] Э. Б. Браунинг (1806–1861) — английская поэтесса Викторианской эпохи.

— Ой, что же это я здесь сел, я ведь только что был под домом... — Неожиданно он поднялся. — Пойду приму душ, приведу себя в порядок. Потом снова зайду посидеть. Можно?

— Хорошо.

Он улыбнулся, и мне вдруг захотелось пойти в душ вместе с ним. Уж не знаю, какие силы были во мне задействованы на тот момент, но действовали они во всю мощь.

— Постой. У меня есть идея.

— Да?

— Я хочу показать тебе ручей и водопад. Это не близко, в лесу, но сходить туда стоит. Там и вымоешься. Вода прохладная, чистая, а вокруг так красиво.

Он взял меня за руку и стащил с кровати. Ступив на ногу, я ощутила боль в лодыжке.

— Ой!

Он посмотрел на меня и отпустил руку:

— Прости. Ну, пошли.

Он вел себя точно легкомысленный мальчишка.

Мы побежали к ручью. Я поборола в себе желание сменить образ, чтобы преодолеть это расстояние на всех четырех и почувствовать землю голыми лапами. Когда мы приблизились к ручью совсем близко, я сбавила ход, а он побежал вперед. Лодыжка у меня по-прежнему болела. Я не могла дождаться, когда холодная вода остудит боль.

Когда я подошла к ручью, он уже закатал штаны и стоял по колено в воде.

— Эй, Челси, да здесь здорово!

Я тоже вошла в воду, вскрикнув от холода, и обрадовалась этому.

— Давай зайдем подальше.

Басс выскочил на берег, одним быстрым движением стянул с себя футболку, снял штаны и скинул башмаки. Я удивилась, увидев, какой он белый там, где солнечные лучи не попали на его тело. Он заметил, что я смотрю на него, и рассмеялся:

— Ты так и будешь стоять и смотреть или, может, присоединишься ко мне?

Он прошел мелководье, содрогнулся, а потом окунулся по шею.

Закрыв глаза, я взялась за край платья и сняла его через голову. Потом бросила его на берег и рухнула спиной в воду. Вода была такая холодная, что мне показалось, будто она обожгла мне голову.

— Да она же ледяная! Уф!

Басс побрел вверх по ручью, туда, где я сидела в воде спиной к течению. Когда он подошел ко мне, я позволила ему обнять меня.

— Я согрею тебя.

Он крепко держал меня в объятиях, при этом его губы касались моей головы, щек.

Я повернулась к нему лицом. Вода, его язык и ласки сделали свое дело. Остатками сознания я пыталась удержать тот образ, в котором находилась, тогда как остальная часть меня стала ватной.

Не выпуская друг друга из объятий, мы выкатились по гладкому каменистому дну на мокрый берег. Я чувствовала его и свою кожу, похолодевшую от воды, чувствовала землю под нами, видела пробивающиеся сквозь листву солнечные лучи, ощущала теплоту его языка, губ и рук, которые ласкали мое тело. Я только это и чувствовала, и еще — его запах, его дыхание, наши стоны, сопровождаемые журчанием ручья. Когда он вошел в меня, я и там чувствовала его тепло.

Тут включились мои инстинкты, и я повернулась так, что он оказался сзади. Он не возражал. Его руки потянулись к моим грудям, и он принялся ласкать пальцами соски. Потом начал рычать, впиваясь зубами и губами в мою спину и шею. Внезапно резкая боль пронзила меня, и затем я почувствовала, как мои мышцы обхватывают его член все сильнее и сильнее, выжимая из него соки. Мое дыхание становилось все более прерывистым по мере того, как я погружалась в какой-то неестественный мрак. Я была уже не Челси и не зверем, а Челси и зверем одновременно, я рычала и стонала, я была животным и женщиной, с телом и душой и того и другого. Я куда-то проваливалась. И провалилась.

Когда он кончил, то закричал так громко, что птицы вдруг слетели с веток, громко захлопав крыльями. Я простонала, мрак рассеялся, и снова стало светло. Басс навалился на меня всем телом. Я лежала, раздвинув ноги. Он

все еще был во мне. В воздухе пели птицы, потом заквакали лягушки. Я прислушалась к его дыханию; резкие звуки вырывались из его глотки. Так дышит только зверь.

Повинуясь своему первому инстинктивному побуждению, я попыталась сделать так, чтобы он вышел из меня. Он откинулся на спину и был точно в полусне. Но скоро он опять возбудился, и мы снова спарились — на этот раз как-то лениво, будто время остановилось ради одного только удовольствия. Он касался меня так, как я об этом раньше только читала, а мое тело откликалось точно так, как нужно, хотя голова кружилась.

Чувство облегчения пронзило все мое нутро, но я тут же спохватилась — как бы не изменился мой образ. Воспользовавшись тем, что глаза Басса закрыты, я сделала все от себя зависящее, чтобы этого не случилось. Ведь его руки могли почувствовать, как у меня на коже появляется шерсть, как растут и наливаются мышцы. Стараясь удержаться от перевоплощения, я прижимала его лицо к своей шее. Это Челси позволила ему дать волю своим чувствам, и зверь во мне наконец смирился с этим. Басс молча изучал меня. Я не возражала. Он всматривался в меня, а кончики его пальцев едва касались изгибов моего тела. Удовлетворившись, он откинулся на спину, но держался настороже.

Моя улыбка успокоила его. Когда мы снова поцеловались, я увидела в его глазах нежность и доброту. Мне захотелось расплакаться, но слезы не приходили.

Мы окунулись в ручей. Солнечные лучи были уже не такие яркие; теперь они были желтые, как янтарь. Мы ничего не произносили, но наши глаза говорили на языке, понятном двум людям, которых связывает что-то общее.

По дороге домой я шла за ним следом. Он часто оборачивался и улыбался. Я улыбалась в ответ. Что-то бесконечно близкое возникло между нами. Желание, которое я испытывала прежде, превратилось в теплые и нежные отношения. Это совсем не то, что связывало меня с другими, — та связь была основана на совместных прегрешениях и общих секретах. Подумав о других, я вдруг ощутила, как по спине пробежал холодок. Когда мы подходили к дому, я увидела, как на лужайке готовят белую щепу для растопки.

Одного взгляда на меня было достаточно, чтобы все стало ясно. Лайла знала, чего я хотела, да и Квинелл тоже. Лайла наверняка сказала что-нибудь на этот счет Фромму. И раз уж у нас с Бассом это случилось, то теперь они ждут своего — аппетит растет, все готовы к пиршеству. Но мне не хотелось, чтобы они отнимали его у меня так быстро. Еще не время.

— Басс, постой.

Он остановился и повернулся ко мне. Я подошла к нему:

— Я... не хочу, чтобы они узнали. Понимаешь?

— Ну да.— Он тотчас погрустнел.— Конечно. Твой отец сначала уволит меня, а потом убьет. Что, по-твоему, я должен делать?

Я поцеловала его:

— Давай разыграем их, сможешь? Сделай вид, что мы просто гуляли по лесу и ничего не было.

— Попробую. А ты сможешь?

Насчет него я сомневалась больше. Он олицетворял собой безыскусную честность и искренность.

— Я довольно хорошая актриса, когда мне это нужно. Просто сделай так, чтобы они не знали. Ты прав насчет того, что он захочет убить тебя.

Он нахмурился. Я в изумлении посмотрела на него. Что-то уж больно сильны мои переживания насчет того, чтобы с ним ничего не случилось. То есть — с нашей добычей. «Может, ранить его и сделать одним из нас?» — подумала я. Тогда у него по крайней мере будет возможность спастись, и мы смогли бы провести вместе вечность. В бессмертии. Но тут я вспомнила, что чувствовала по отношению к тому зверю, который чуть не убил меня, оставил как убитую, сделав ни человеком, ни животным, не приспособленную к той жизни, которую могли бы хорошо прожить или животное, или человек. Я ненавидела того зверя. И сейчас его ненавижу. Но я и мысли не могла допустить, что Басс возненавидит меня. Ни на минуту. А о том, что он будет ненавидеть меня всю жизнь,— тем более.

Неожиданно он словно заторопился.

— Мы могли бы уехать, Челси. Собери свои вещи, и мы уедем. Я везде могу найти работу.

Казалось, это предложение удивило его самого.

— Нет. Не могу. Не сейчас. Просто обещай, что не выдашь нас.

— Челси, я люблю тебя. Я все ради тебя сделаю.

При этих словах я почувствовала, как внутри у меня будто что-то растаяло, хотя боль в сердце не унялась. Я крепко обняла его, стараясь всеми силами избежать перевоплощения, и пробормотала те же самые слова.

— А теперь иди. Возвращайся один. Я скоро приду. Скажи, что видел, как я пошла в лес, и решил поискать меня, но не нашел.

— Ладно. Пока.

Мы еще раз поцеловались. Я почувствовала свой запах на его языке — сладкий, мускусный — и захихикала.

Он помахал мне рукой и пошел по тропинке, ведущей к долине.

Я обхватила себя руками, все еще чувствуя Басса внутри себя. Когда он скрылся из глаз, я запрокинула голову и завыла. И тут у меня пошли слезы. Даже встав на четыре лапы, я надрывно рыдала. Значит, это любовь. Надежда. Боль.

Они съели его в тот же вечер, не дождавшись моего возвращения. Оставили и мне немножко, но я есть не стала. Не было аппетита. Я навсегда изменилась, познав любовь. Квинелл меня поняла.

Теперь я не такая, как они. Фромм, Лайла, даже Квинелл. Наверное, я никогда и не была такой же. У меня будет ребенок. Мой и Басса. Хотя я предпочла пока остаться с ними. Ведь у меня только они и есть. Это моя семья. Знаю, что в конце концов я их покину, когда ребенок родится. Но ребенок не будет таким, как они. А они останутся со своим голодом.

О Бассе они еще поговорят, но только как о добыче. Для меня же это любовник, друг, человек, который любил заниматься ремонтом, отец моего ребенка, честный, добрый и надежный. Мне бы хотелось, чтобы мой ребенок таким и знал своего отца. Моего любимого мужчину. Который вовсе не был добычей.

МАРК МОРРИС

Бессмертный

Свой первый роман, «Подхалим» (Toady, 1989), Марк Моррис (Mark Morris) написал, когда был безработным. После этого он опубликовал еще три книги, «Шов» (Stitch), «Безупречный» (The Immaculate) и «Секрет анатомии» (The Secret of Anatomy), а «Путешествия в темноту» (Voyages Into Darkness) — сборник его рассказов и рассказов Стивена Лауза — был недавно опубликован в Америке в издательстве «Столкновение в Книгах Ночи» (Bump in the Night Books).

Его короткие романы, статьи и рецензии публиковались в самых различных антологиях и журналах, включая «Темные голоса» (Dark Voices), «Могилы 3» (Narrow Houses 3), «Темные Земли» (Darklands), «Последние тени» (Final Shadows), «Ужасы» (Fear), «Интерзон» (Interzone) и «Миллион» (Million).

Автор рассказывает, что «Бессмертный» появился после того, как у него возникли три желания: «Первым и самым очевидным было мое желание написать рассказ, который тематически будет отвечать требованиям именно этой антологии. Во-вторых, у меня было желание написать о том, как ведется полицейское расследование, и вдохновлено оно было, нужно сказать, в значительной мере рядом недавно показанных отличных телесериалов. В-третьих, это желание использовать в рассказе определенное место, в данном случае — железнодорожную платформу в Стейлибридже, в графстве Чешир.

Я ездил туда, чтобы прочитать там лекцию, а потом воспользоваться местной библиотекой. Приехав в почти пустой город, я увидел баннер, прикрепленный к фасаду библиотеки. На нем алыми, как кровь, буквами в три фута высотой было выведено мое имя. После лекции, послушать которую собралось на удивление много людей, я сидел на железнодорожном вокзале со знакомым, который приехал из Уоррингтона, чтобы повидаться со мной. На вокзале был отличный бар. Мы сидели и потихоньку пьянели в ожидании поездов, которые развезли бы нас по домам. Мне всегда нравились мрачные рассказы, действие в которых происходит на железнодорожных вокзалах, и мне казалось, что этот

вокзал, действующий, но какой-то заброшенный, — идеальное место именно для такого рассказа.

Мы сидели довольно долго. Постепенно становилось все холоднее и темнее, и хотя поезда подходили к вокзалу и отходили от него, мы, как мне кажется, так ни разу и не увидели, чтобы кто-нибудь вышел из поезда или сел в него. Очень странно, но, повторюсь, мы выпили по несколько кружек...»

Я чувствую, он где-то внутри, и я знаю, что он голоден. Он что-то шепчет мне. Говорит: «То, что ты сделал, — не убийство. Это инстинкт. Способ выжить. Эти существа не такие, как ты».

Я знаю: то, что он говорит, — правда, и знаю, что, пока это не прекратится, я не смогу ничего поделать с собой, что это не в моей власти. Но мне от этого не легче. Я спрашиваю у него: «А что, разве у них нет права на выживание?»

И он отвечает: «Тсс. Прислушайся к своей крови».

Почти весь город еще спал, объятый забытьем. Джордж Фэрроу вышел из машины и зашагал по тротуару. Утренний снежок скрипел у него под ногами. Взглянув на затянутые занавесками окна, он ощутил такой сильный приступ зависти, что глубоко вздохнул, чтобы отогнать ее.

Полчаса назад и он нежился в тепле, но резкий телефонный звонок заставил его выйти из забытья. Высунув руку из-под одеяла, он почувствовал, как утренняя прохлада коснулась его кожи и стала проникать глубже.

Бодрый голос сержанта Джексона, как всегда, вызвал у него раздражение.

— Еще одна жертва, сэр, на Камберленд-стрит. Меньше мили от того места, где была убита Луиза Касл. Я решил послать за вами машину, сэр. Чтоб вы сами не садились за руль. Через пятнадцать минут будет.

Черт знает что, подумал Фэрроу и, пробормотав что-то в ответ, несколько торопливо положил трубку. Наверное, этот мальчишка Джексон послал за ним машину, потому

как решил, что если этого не сделать, то Фэрроу не станет торопиться, а то и вообще повернется на другой бок и уснет.

К тому времени, когда Бэнкс постучал в дверь, Фэрроу уже умылся, оделся и приготовил горячий бутерброд, который и съел в машине. Хотя он и успел вымыть лицо, ему все же казалось, что выглядит он настолько, насколько себя чувствует, и от этого ему было мерзко и противно. Бэнкс, впрочем, был любезен и учтив, как всегда. Столь же любезен и учтив был и полицейский в форме, стоявший возле высоких деревянных ворот строительной фирмы на Камберленд-стрит. Но едва Фэрроу ступил во двор, как Джексон бросил на него взгляд, который обычно, наверное, предназначался для какого-нибудь вонючего старого обитателя ночлежки, забредшего с улицы, чтобы поинтересоваться, сколько стоит чашка чая, в надежде получить ее даром.

Фэрроу сдержался. Он понимал, что выглядит сейчас не лучшим образом, но на то у него были причины. И потом, кто такой этот мальчик, чтобы осуждать его? Можно себе представить, что Джексон и его дружки говорят о нем у него за спиной: что он вымотался, что вести столь серьезное расследование — слишком большое для него напряжение.

Теперь Джексон улыбался.

— Доброе утро, сэр, — бодро произнес он, и небольшое облачко белого пара вырвалось у него изо рта.

В своем двубортном костюме, с дорогой стрижкой, с блестящими бегающими глазками он скорее был похож на рекламного агента, чем на полицейского.

Пока Фэрроу размышлял, что бы ему сказать в ответ, Джексон приблизился широкими шагами к большой желтой палатке в конце двора и крикнул через плечо:

— Убитая здесь, сэр.

Фэрроу понимал, что в глазах коллег он уже потерял несколько очков. Небрежно пригладив свои жидкие, но послушные волосы, он ответил довольно громко — так, чтобы его услышал с десяток людей, находившихся во дворе:

— Неужели, Кристофер? Вы меня и в самом деле удивляете.

У Джексона хоть хватило совести покраснеть и что-то произнести в свое оправдание. Он даже поднял край палатки, чтобы Фэрроу смог в нее войти, не вынимая рук из карманов.

Убийца сделал свое дело несколько часов назад. Внутренности девушки, извлеченные для всеобщего обозрения, уже давно остыли.

— Осторожно, сэр, — сказал Джексон.

Фэрроу уже было занес ногу, чтобы войти в палатку, как Джексон предупредительно коснулся его руки и кивком головы указал на пол. Фэрроу посмотрел туда, куда указывал сержант. Он едва не наступил на то, что, как он догадался, было частью человеческого тела — кусок окровавленной плоти, вырванной из тела, был обведен желтым мелом. Хотя было промозглое октябрьское утро, внутри палатки стояла духота и пахло здесь как на скотобойне.

— Нам известно, кто она? — спросил Фэрроу, щурясь при виде столь яркой крови молодой женщины.

— На сто процентов мы не уверены, сэр. Как видите, убийца и на этот раз лишил жертву лица. Но мы почти уверены, что это барменша по имени Сара-Джейн Спрингер, двадцати трех лет. Незадолго до часу ночи ее приятель заявил, что она не пришла после своей смены в «Вороньем гнезде», где в тот вечер работала с семи до одиннадцати.

— Это большой паб на углу Мэдли-роуд?

— Да, сэр. Как говорит хозяин, мисс Спрингер обычно садилась в автобус, который отходит в двадцать пять минут двенадцатого от остановки прямо напротив паба, и в одиннадцать сорок приезжала на угол Джунипер-стрит. Потом шла по Джунипер-стрит, сворачивала налево на Камберленд-стрит, а потом направо — на Маркхэм-роуд, где жила. В доме номер сорок два.

— Значит, домой она обычно возвращалась... во сколько же? Примерно без четверти двенадцать?

— Что-то около того, сэр.

— Как зовут ее приятеля? — спросил Фэрроу.

От запаха крови его мутило.

— Иан Латимер, сэр.

— Иан Латимер. — Фэрроу повторил имя, точно пробовал его на вкус. — Что-нибудь еще?

— Почти ничего, сэр. Работает на пивном заводе «Уитворт», уже девять лет работает, как школу закончил. Они с мисс Спрингер живут вместе два с половиной года.

— А не было ли у мистера Латимера причины до часу ночи не заявлять о том, что мисс Спрингер не пришла домой?

— Звонок зафиксирован в пятьдесят одну минуту первого, — педантично ответил Джексон и поспешно прибавил: — Говорит, что уснул, пока смотрел футбол, сэр.

— Гм, — произнес Фэрроу и снова обратил свое внимание на молодую женщину.

Ее тело было вспорото от живота до ключиц, как это было и с другими. О том, что когда-то это был живой человек, говорили лишь раскинутые руки и ноги и перепачканные кровью светлые волосы. У нее были длинные ногти, выкрашенные красным лаком, цвета ее крови. На левом запястье были тонкий браслет золотистого цвета и часики.

— Полагаю, и здесь как в случае с другими? Явного мотива нет? Ни признаков ограбления, ни сексуального насилия?

— Да, сэр. Тому, кто это сделал, просто нравится убивать людей. Вернее, ему нравится убивать молодых женщин.

— Именно так, — сказал Фэрроу.

Он нахмурился. Он понял, что никак не может сосредоточиться. Что бы он сейчас ни дал за чашку крепкого черного кофе, чтобы заставить свои старые мозги работать. А еще лучше — вздремнуть бы еще часок.

— С вами все в порядке, сэр? — спросил Джексон, не утруждая себя тем, чтобы понизить голос.

Фэрроу почувствовал, как все посмотрели на него. Его недовольство тотчас уступило место раздражению.

— Все отлично, спасибо, Кристофер. Просто я задумался. И вам бы не мешало иногда подумать.

— Простите, сэр, — тупо отозвался Джексон.

Фэрроу бросил на Джексона взгляд, призванный восстановить свой пошатнувшийся было авторитет, после чего повернулся к мужчине в белом халате и тугих резиновых перчатках, который суетился около тела, словно стервятник-альбинос.

— И каков же на этот раз ваш вердикт, доктор Куин? — спросил он.

Мужчина посмотрел на него с несчастным видом.

— Все очень загадочно, инспектор, очень загадочно. Разумеется, такой же modus operandi[1], как и в других случаях, а это значит, что она могла умереть от любой из этих ран. Судя по всему — в точности как и в других случаях, — убийца напал на нее неожиданно, она потеряла сознание, и он, вероятно, убил ее прежде, чем она смогла оказать сопротивление. Кто бы этот человек ни был, он обладает огромной силой. Хотелось бы мне знать, каким типом оружия он пользуется, или же у него их несколько.

— Какие-то новые соображения у вас есть? — спросил Фэрроу.

На лице патолога появилось выражение недовольства.

— Да нет. Как и в других случаях, раны рваные, так что это не лезвие, если только оно не очень зазубренное или очень неровное. Если уж вы настаиваете... я бы сказал, что он пользуется чем-то вроде... вроде кочерги, но этот предмет гораздо крепче, намного меньше и куда опаснее. Может, стоит порасспросить в округе, не заказывал ли кто в последнее время какую-нибудь... железную лапу или какой-нибудь необычный инструмент. Понимаю, это дело потребует времени, но... — Он пожал плечами.

— Да-да, думаю, этим уже занимаются. Кристофер?

— Результатов пока нет, сэр, — спокойно ответил Джексон.

— И убийца ничего не оставил? Ни волос, ни следов, ни пуговиц с обрывками ниток?

Патолог улыбнулся ничего не выражающей улыбкой.

— Вообще ничего, что опять же необычно, хотя, как я уже сказал, женщина умерла раньше, чем смогла оказать сопротивление.

— Хорошо, — вздохнул Фэрроу. — Позовите меня, когда будете готовы произвести вскрытие. Надо бы накинуть на нее что-нибудь.

Он достал из кармана грязный носовой платок и вытер со лба капельки пота. Потом тихо сказал:

---

[1] Образ действий *(лат.)*.

— Оставим доктора, сержант, пусть занимается своим делом.

Выйдя из палатки, Фэрроу вдохнул ледяного воздуха. По двору рыскали полицейские в форме, тщательно обследуя все уголки в поисках улик. Казалось, они помогают своему коллеге искать выпавшие контактные линзы. При этой мысли он невольно хихикнул. Джексон с любопытством посмотрел на него, после чего чересчур усердно откашлялся. Фэрроу меж тем собрался с мыслями.

Итак, что-то надо предпринимать. Но что?

— С кем мы уже поговорили, Кристофер?

— Простите, сэр? — отозвался Джексон, при этом в голосе его все явственнее звучали непонимание и недовольство.

— С кем мы поговорили? Подробно, я имею в виду. С хозяином, с ее приятелем? И кто обнаружил тело?

Фэрроу стиснул губы, чувствуя, что может взорваться. Лицо Джексона оставалось непроницаемым.

— Некая миссис Эстер Норвуд, жена владельца фирмы, нашла тело, сэр, в шесть пятнадцать утра. Говорит, что пришла рано, чтобы разобрать заказы.

— А где она сейчас?

— Сидит в патрульной машине с констеблем Бутлином, сэр, и пьет чай.

— Очень мило.

Джексон перевел свой суровый взгляд на начальника.

— Она очень расстроилась, сэр. Как можете себе представить.

— Да-да, конечно, должно быть, так и есть, — сказал Фэрроу, понемногу успокаиваясь.

— Что же до ее приятеля, сэр, то с ним сейчас констебль Плэтт и женщина-полицейский Манро. Парень тоже очень расстроен. Хозяина «Вороньего гнезда», мистера Дэвида Смайдерса, опросили пока коротко, сэр.

— Он тоже расстроен?

Выражение лица Джексона указывало на то, что попытки Фэрроу шутить кажутся ему утомительными.

— Не знаю, сэр.

— Ладно, — сказал Фэрроу, пытаясь придать своему голосу деловой тон, а лицу — деловое выражение. — Пойду-ка

я лучше поговорю с нашим мистером Смайдерсом, а потом — с кем-нибудь из его работников, разузнаю, не слышал ли кто-нибудь из них прошлым вечером что-нибудь необычное в пабе или, может, видел. А вы, сержант, сделайте вот что. Получите показания приятеля и миссис... ну, той женщины, которая обнаружила тело.

— Миссис Норвуд, сэр.

— Вот-вот. Миссис Норвуд. Еще я хочу, чтобы вы нашли водителя автобуса, на котором вчера вечером ехала мисс Спрингер, и разыщите как можно больше пассажиров, узнайте у них, что можете.

— Уже нашел, — самодовольно произнес Джексон.

— Вот как? Хорошо. Продолжайте этим заниматься. Может, увидимся на вскрытии? Позвоните мне, когда врач будет готов встретиться с нами, ладно?

— Да, сэр, — ответил Джексон с ледяным терпением, но с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

— И вот еще что, сержант.

— Да, сэр?

— Приведите-ка себя в порядок, а? Поправьте галстук.

Джексон поднес было руку к горлу, но тотчас увидел, что все, находившиеся во дворе, улыбнулись той же улыбкой, которую он только что видел на лице Фэрроу. Инспектор повернулся и не спеша пошел прочь, размышляя: «Интересно, Джексон покраснел от смущения или то была вспышка гнева?»

Я признался ему, что боюсь. Я спросил: будет больно?

Он шевелится во мне. Боль — это ничто, говорит он. Считай, что это жизнь. Возрождение. Да кто не умрет за это?

Его слова сбивают меня с толку. Я чувствую себя таким усталым. Сколько еще? — спрашиваю я у него. Когда же это кончится?

Недолго еще, — шепчет он, — теперь уже недолго. Ты разве не помнишь?

Нет, — говорю я ему. — Нет, я ничего не помню.

Он шепчет внутри меня: «Странно, как это забывается».

Джексон выключил компьютер и откинулся в кресле. Он с трудом разогнул спину; было такое ощущение, будто на

плечи кто-то давит. Он взглянул на часы и простонал. Пятнадцать минут двенадцатого. Он ведь сказал Дженис, что постарается быть дома к десяти. А она обещала, что к половине одиннадцатого на столе будет индейка с карри, а потом его ждет кое-что еще поострее.

Он вспомнил, как, услышав этим утром телефонный звонок в половине седьмого, заставивший его выскользнуть из-под одеяла, поцеловал ее, а она в ответ озорно улыбнулась. Он вспомнил теплоту ее мягкого тела, ее взъерошенные волосы, ее заспанный вид, вспомнил запах, исходивший от нее. А потом подумал об убитой женщине, о ее вспоротом животе, о том, что у нее исчезло лицо, о вони, которую источали ее разбросанные органы. Потянувшись к телефону, он ощутил твердую решимость. «Я доберусь до тебя, паршивый ублюдок», — пообещал он, набирая номер своего телефона.

— Алло? — сказала Дженис.

В ее голосе прозвучала то ли усталость, то ли осторожность.

— Любовь моя, это я. Прости, что я еще не дома. Последние два часа был просто завален бумажной работой в участке.

— Крис! — произнесла она, и на этот раз в ее голосе явно прозвучало облегчение, но она тут же взволнованно добавила: — Я уже начала беспокоиться.

— Знаю, любовь моя, прости меня. Совсем забыл посмотреть на часы. Я и не знал, что уже так поздно.

— Я слышала об этой бедной женщине в новостях. Это действительно так страшно?

Джексон знал: она не притворяется. Она на самом деле тревожится из-за того, с чем ему приходится иметь дело каждый день.

— Да, — тихо ответил он, — очень скверная история. Послушай, Джен, я постараюсь больше не задерживаться, ладно?

— Ладно. Я подогрею тебе ужин. Если ты еще не поел.

— Часов в одиннадцать утра съел булочку и выпил больше кофе, чем можно переварить.

— Ну разве это хорошо, — неодобрительно произнесла она. — У тебя и голос усталый.

— Да я просто выдохся, — сказал Джексон. Только сейчас он понял, что так и есть. — Целый день как в аду. А вот глядя на нашего инспектора, этого не скажешь.

— Он что, так и не делает свою работу?

— Пришел утром через час после того, как все уже были на месте, при этом вид у него был такой, точно его силком приволокли. Бóльшую часть дня провел в пабе, ненадолго объявился на вскрытии и около шести отбыл домой.

Он постарался убедить себя в том, что не очень-то сильно преувеличивает.

— Тебе бы следовало написать на него рапорт, правда, Крис. Нечестно, что тебе приходится выполнять и его работу, и свою. Тебе и без того забот хватает.

— Ну да, — рассеянно произнес Джексон. — Да ладно, не думай об этом. До скорой.

С минуту он не убирал руку с трубки после того, как повесил ее, и думал о том, неужели он несправедлив по отношению к Фэрроу, и если так, то в какой степени? В представлении Джексона инспектор ведет расследование, спотыкаясь, точно во сне, но неужели ему и в самом деле не хватает настойчивости, упорства, желания, всего того, что для Джексона было обязательным в этой работе, или же он просто старше и мудрее и потому предпочитает более спокойный, более методичный подход? Может, проблемы Джексона с инспектором просто приписать конфликту между двумя людьми? Сержант знал, что в участке еще много хороших полицейских, особенно среди старой гвардии, представители которой поддерживают Фэрроу с его методами, не принимают неугомонности Джексона, видя в нем всего лишь выскочку, который во всем ищет свою выгоду, хотя у самого молоко на губах не обсохло.

И ведь дело не в том, что Джексон ненавидит старшего офицера или хочет от него избавиться ради собственной карьеры, как, наверное, думает Фэрроу, просто он до того неряшлив! Неужели он всегда был таким — одет неопрятно, на встречу всегда опаздывает, расхаживает с таким видом, будто ему на все наплевать? Может, просто дело сейчас такое серьезное, что обнаружились те недостатки Фэрроу, которые раньше он умело скрывал? И в самом деле, скла-

дывается такое впечатление, будто напряжение отнимает последние физические силы у этого человека, который старше Джексона еще и по возрасту. Вообще-то надо признать, что у Фэрроу лицо всегда было таким, будто он не выспался, а теперь еще и кожа посерела, покрылась пятнами, глаза налиты кровью, плечи ссутулились. Он и в самом деле выглядит каким-то разбитым, удрученным, что и неудивительно после пяти нераскрытых убийств и нескольких невыходов на службу менее чем за месяц. Лучше бы, пожалуй, отправить Фэрроу на пенсию, о чем в участке, кажется, уже кое-кто подумывает. А то еще умрет на работе.

Джексон перевел взгляд на доску происшествий, которая висела на дальней стене. Она занимала всю стену и была призвана вдохновлять его и коллег еще на большее усердие, она должна была мозолить им глаза, постоянно напоминать о том, что нужно поймать мерзавца, который превратил тихий мирный северный город в мрачную арену ужаса, враждебности и подозрительности. Джексону не верилось, что даже сейчас, даже после того, что произошло, даже после постоянных предупреждений полиции о том, чтобы молодые женщины не выходили одни по вечерам, находились еще такие, кто игнорировал этот совет. Есть еще, кажется, такие, у которых шоры на глазах. Они думают, что насильственная смерть происходит только с другими людьми, а ведь есть и такие, которые уверены, что ни один мужчина, пусть это будет даже маньяк, не сможет им диктовать, куда можно идти, а куда нет.

Джексон понимал это чувство, но не разделял его. Да вот вчера он обрушился на молодого полицейского, который сказал в раздевалке своему коллеге, что, по его мнению, любая женщина, разгуливающая вечером одна, заслуживает того, что с ней может случиться. Джексон прочитал молодому человеку целую лекцию о том, что именно таким, как он, и поручено сделать улицы безопасными, чтобы любой человек мог ходить по ним куда угодно в любое время, и если молодой человек не разделяет этого мнения, то он не своим делом занимается, черт побери! Но, по правде сказать, хотя Джексон и позаботился о том, чтобы его речь прозвучала убедительно, душу в свои слова он не вложил.

Он мог понять позицию молодого полицейского. У того было множество причин так считать, и одна из них — отчаяние. Этим объяснялся упадок морального духа, охвативший весь участок, точно простудная инфекция.

Пять женщин. Все молодые, красивые, все искромсаны на куски в тихих темных местах посреди ночи, при этом у них, кажется, даже не было возможности закричать или хоть что-то сделать в свою защиту. Их целлулоидные лица смотрели на Джексона с доски происшествий, а их застывшие улыбки, казалось, с каждым днем становятся все более издевательскими. Если убийца и уязвим — а местные и центральные газеты живо нарекли его «человеком-волком», — то эта уязвимость заключается в том, что его жажда крови, кажется, все растет. Промежутки между убийствами становятся все короче. Понятно, что, обезумев от своих желаний, он раньше или позже совершит ошибку. Но сколько еще женщин он убьет за это время? Сколько еще фотографий прикрепят к доске происшествий?

Простонав, Джексон поднялся. От выпитого кофе в голове у него гудело, как гудят провода линии электропередач. Он был совершенно опустошен. В участке было тихо, кабинет был погружен в полумрак. Он взял пиджак, висевший на спинке стула, и зевнул так широко, что хрустнула челюсть.

Зазвонил телефон. Наверное, снова Дженис. Сейчас скажет, что карри булькает на плите, а в гриле подогревается парочка хлебцев. Он снял трубку.

— Полицейский участок Мурфилд. Сержант Джексон слушает.

У говорившего на другом конце либо был ларингит, либо он изменил свой голос.

— Мне нужно увидеться с тобой, — проскрипел голос.

Джексон инстинктивно подумал: вот оно. Предвкушение развязки охватило его. Он сбросил усталость, как змея сбрасывает кожу, и весь обратился во внимание.

— По какому поводу? — осторожно спросил он, подумав о том, что хорошо бы кто-то был в кабинете, кому можно было бы дать знак, чтобы установили, откуда звонят.

— Некогда... в игры играть, — прошипел звонивший. Судя по его голосу, он испытывал боль, и ему было трудно

говорить. — Хочу, чтобы ты встретился со мной. Я... хочу, чтобы ты пришел один. Никого с собой не приводи, иначе... иначе ты потеряешь свой последний шанс.

Джексон почувствовал, как у него застучало в висках, но голос у него не дрогнул.

— А зачем это мне встречаться с вами? — спросил он.

Звонивший простонал, точно от боли. Когда он снова заговорил, его голос прозвучал еще тише, так что слова можно было разобрать с трудом.

— Ты же... искал меня. Я и есть человек-волк. Сегодня вечером я убил еще одну. Я хочу... чтобы эта была последней. Чтобы других не было никогда.

В висках стучало все сильнее. Джексон сглотнул слюну.

— Как я могу знать, что вы говорите мне правду?

— Я резал их... от живота до горла, — прошипел звонивший. — И лица снимал.

Джексон похолодел. Эти подробности не появлялись в газетах.

— А почему вы хотите встретиться со мной? — спросил он.

— Надо поговорить. Надо, чтоб ты... чтоб ты... — Голос затих.

— Вы ведь понимаете, что я не могу встретиться с вами один, — сказал Джексон.

— Так надо. Либо один... либо не встречаемся. И никаких фокусов. Я узнаю. Пожалуйста, поверь мне...

Джексон напряженно думал. В конце концов он сказал:

— Ладно. Где вы хотите встретиться?

— На старом вокзале... Будь там через... десять минут. Если не будешь, значит... ты послал за подкреплением... и твой... последний шанс... исчезнет...

На другом конце завозились с трубкой, потом раздались короткие гудки.

— Постойте! — крикнул Джексон, но трубку уже повесили.

Чувствую, как он растет во мне, растягивается. А сам я уменьшаюсь. Он умоляет меня, воет, проклинает меня, но я продолжаю молчать в надежде сохранить свои силы.

Мы — одно и то же, говорит он мне, дабы польстить. Скоро мы обновимся. Когда мы вместе, может показаться, что мы разделены, но, разделенные, мы снова будем вместе.

Я стараюсь не слушать его, но его слова — часть меня. Не могу сделать так, чтобы они не произносились.

Наконец я начинаю действовать. Я говорю ему: Больше убийств не будет. Шесть жизней за одну мою не могут быть оправданы.

Такова цена выживания, говорит он.

Железнодорожное сообщение между Мурфилдом и соседними городами было прервано еще в середине семидесятых годов, несмотря на яростное сопротивление местного населения. Как ни странно, здание самого вокзала не было снесено или превращено в офисы и магазины. Оно постепенно разрушалось все эти годы, став жертвой вандалов, растений и суровой непогоды. Вокзал находился на окраине нового промышленного района, в пустынном месте. Днем он своим видом навевал печаль и ностальгию, а с наступлением темноты над ним сгущалась атмосфера загадочности, наводящая на разного рода размышления.

Спустя десять минут после того, как Джексон поговорил с тем, кто назвался человеком-волком, в висках у него все еще стучало, а когда он припарковался на вокзальной стоянке для машин, в висках застучало еще сильнее. Дорога была неровная, всюду торчали поросшие колючей травой кочки. Автомобильные фары осветили длинное прямоугольное здание с крошащейся штукатуркой, с почерневшим от грязи каменным фасадом, с заколоченными окнами и дверями, с провисшими водостоками и ржавыми фонарями. Едва Джексон остановил машину и выключил фары, как все эти детали исчезли, точно только при свете они и существовали. Теперь всё вокруг казалось менее таинственным, но более угрожающим. Под небом, усыпанным звездами, здание превратилось в непроницаемую темную стену.

С минуту сержант сидел в своей машине, глубоко и ровно дыша и разминая руки. Успокойся, проговорил он про себя, после чего принялся мысленно повторять это слово, точно читал мантру: успокойся, успокойся, успокойся. Он

ничего не мог поделать с разыгравшимися нервами, но надо ведь взять себя в руки, прежде чем идти туда. Если убийца, как и обещал, ждет его, то ближайшие полчаса почти наверняка станут для Джексона самыми решающими во всей карьере, если не в жизни.

Но вот наконец он готов. Открыв дверцу машины, он вышел на улицу. Дул холодный резкий ветер. Ноги у него дрожали, но идти он мог. Он тяжело сглотнул, пытаясь унять неприятное ощущение внутри, потом засунул руку в карман плаща и достал фонарик. Поколебавшись с минуту, включил его. Джексон понимал, что с фонариком его теперь отовсюду видно, но, подумал он, если убийца где-то здесь, то едва ли от него можно ожидать, что тот не заметил его прибытия.

Держа фонарик перед собой, он прошел под сводчатым входом в здание вокзала, мимо затянутых паутиной окошек, в которых когда-то продавали билеты. Справа от него был пустой газетный киоск, слева — чайный буфет, который теперь представлял собой пустое темное пространство. Его нервы были до того обнажены, что ему казалось, будто гравий лопается у него под ногами. Дышал он медленно и ровно, но ему казалось, что его дыхание переполняет воздух, и это дышит здание, а не он. Внутри вокзал был словно черный туннель, с множеством щелей, где мог укрыться убийца. Перед Джексоном то и дело возникали тени, которые покачивались в свете его фонарика и кивали ему. Он крутил головой из стороны в сторону, стараясь ничего не упустить из виду.

Впереди, не больше чем в двенадцати шагах от него, он увидел турникет, который вел на платформу поездов южного направления. Со стороны платформы турникет слабо освещался светом звезд, а когда он оказался еще и в луче фонарика, Джексон увидел дрожавшую нетронутую паутину, которая тянулась поперек узкого прохода. Он сразу понял, что убийца не проходил здесь, ведь если бы прошел, то паутина висела бы рваными кусками. Тогда что же это может означать? Быть может, убийца предлагает ему сыграть в какую-то безумную игру? А может, Джексон подъехал к вокзалу по старой ветке, большая часть которой заросла? Либо — третья возможность — убийца поджидает Джексона где-то между

этим местом и турникетом, а может даже, сейчас крадется за ним, увидев с какой-то выгодной позиции, как тот подъехал к вокзалу.

Хотя эти размышления и не успокоили его, он почувствовал едва ли не облегчение оттого, что снова мыслит как полицейский. Он резко обернулся, чтобы посмотреть, нет ли кого за спиной, подумав о том, что пора бы ему уже и действовать как полицейский. И вместо того чтобы продолжать красться, точно жертва в дешевом фильме ужасов, Джексон решил объявить о своем присутствии.

— Я сержант Джексон, полиция Мурфилда, — крикнул он, и голос его разнесся эхом вокруг. — Я пришел, как мы договорились. Покажитесь и вы.

Ответа не было. В смолкающем эхе он успел расслышать ноту уверенности, что подействовало на него успокаивающе. Выждав минуту, он крикнул еще раз:

— Если не покажетесь, мне придется вызвать подкрепление. Выбор за вами.

Прошли долгие десять секунд. Джексон уже было подумал, что вся эта история в конце концов закончится ничем, но тут за турникетом показалась темная фигура, загородившая звездный свет.

Джексон сглотнул. Он вдруг почувствовал, как гулко бьется его пульс. Он направил луч фонарика на фигуру, но та отступила, точно боялась света.

— Оставайтесь на месте, чтобы я мог вас видеть, — крикнул Джексон.

И тут фигура заговорила. Казалось, слова потонули в облачке пара, вырвавшемся изо рта, и Джексон услышал лишь хриплый шепот:

— Выключи... фонарик...

Поколебавшись, Джексон сделал то, о чем его просили. Освоившись в темноте, он двинулся к турникету, за которым его ждала черная фигура — будто с поезда сошел нежданный гость.

— Выходите, — приказал он.

Приблизившись к турникету, он вытянул руку, чтобы убрать паутину. Фигура повиновалась и засеменила к краю платформы.

Джексон толкнул турникет. Им не пользовались несколько лет, и турникет не поддавался. Когда Джексон навалился на него, тот заскрипел, точно от боли, но мало-помалу уступал, и наконец Джексон прошел через него и оказался на платформе. Весь его дорогой плащ был в клочьях грязной паутины. Фигура стояла ярдах в двенадцати от Джексона, лицом к нему, на самом краю платформы, вдоль которой тянулись заросшие травой железнодорожные пути, — точно так на краю бассейна стоит прыгун перед прыжком назад. Лицо было в тени, к тому же разглядеть его черты было трудно еще и из-за того, что перед ним все время висело облачко пара. С минуту Джексон и тот, другой человек стояли и смотрели друг на друга как дуэлянты.

Наконец Джексон произнес:

— Ну вот я и здесь. Дальше что?

Человек дрожал. Чувствовалось, что он никак не может овладеть собой. Он дышал тяжело, едва не задыхался.

— У нас... не очень-то много... времени, — проскрежетал он наконец.

— Вам плохо? — спросил Джексон.

Человек издал какой-то хриплый звук — то ли хохотнул, то ли не мог сдержаться от боли.

— Я... — казалось, он подыскивает подходящие слова, — перевоплощаюсь, — договорил он наконец.

Джексон, сам не зная почему, подумал о гусенице, которая превращается в бабочку. Его передернуло.

— Перевоплощаетесь во что?

Человек простонал:

— Это рождение заново... Возрождение... Второе рождение...

Джексон тупо повторил про себя эти слова, отметив, что слово «рождение» повторилось три раза.

— Не понимаю, о чем вы, — пробормотал он.

— Послушай меня... у нас так мало времени... я не такой, как ты... я... не человек...

— Конечно, не человек, — сказал Джексон, чтобы успокоить его.

— Да послушай же меня! — От гнева его голос на мгновение окреп и тотчас вновь превратился в скрипучий шепот. —

Сорокалетний цикл... потом возрождение... а перед этим — инстинктивная страсть... брать чужую кровь... жизненную энергию... чужое имя... И ничего не поделаешь... Слишком много жертв... Но больше их не будет... не будет...

Человек застонал, глотнул воздуха и закачался, точно вот-вот потеряет сознание.

— Послушайте,— сказал Джексон,— вы или ранены, или больны. Пойдемте со мной. Я отвезу вас в больницу.

— Нет,— протянул человек,— никакой больницы.

И, сделав невероятное усилие над собой, как показалось Джексону, человек выпрямился и заговорил хриплым шепотом.

— Не хочу... продолжать,— произнес он.— Неужели ты этого не понимаешь, Джексон? У меня так мало... времени. Хочу, чтобы ты помог мне... чтобы ты помог мне остановить это... чтобы это больше не повторялось.

Джексон приехал сюда, готовый узнать то, что ему собирался сказать этот человек, а теперь ему приходилось выслушивать какую-то чепуху. Может, это безумец, а может, он ранен. Или же это трюк, призванный сбить его с толку? Убийцы нередко притворяются более слабыми, чем они есть на самом деле, а то и невменяемыми. Ухватившись за последние слова, которые произнес человек, он спросил:

— И как же я могу вам помочь это остановить?

Сквозь астматическое дыхание незнакомца прорвались слова, которые показались ему правдивыми:

— Я хочу... чтобы ты убил меня. Сам я... не могу это сделать. Он не дает мне. Слишком крепко держит... Скоро все кончится. Да быстрее же!..

— Убить вас! — воскликнул Джексон, но быстро взял себя в руки.— Вы же знаете, я не могу этого сделать. Это противозаконно. Но послушайте, если вы поедете со мной, я сделаю так, чтобы вам помогли. Вы сможете кое с кем поговорить о ваших проблемах. С профессиональными людьми. Они вам помогут.

Человек буквально взорвался от возмущения.

— Нет, Джексон... послушай меня... я — не человек... Если ты... не убьешь меня... цикл завершится... Мозг восстановит... поврежденные мысли... обновит... инстинкт самосохранения...

и тогда я не смогу... не захочу умереть... И через сорок... лет... убийства... возобновятся... Ты должен... сделать это сейчас... Джексон... пока я... этого хочу... Бензин... под скамьей... спички... сделай это сейчас... скорее... слишком поздно...

Последние слова застряли у человека в горле, и он рухнул. Джексон инстинктивно сделал пару шагов, потом остановился. Человек лежал недвижимо на краю платформы, но как Джексон мог быть уверен, что его не вводят в заблуждение? Он представил себе, как склоняется над этой фигурой, вдруг глаза человека открываются, и рука, сжимающая то самое страшное оружие, которым он убивал свои жертвы, делает резкое движение, и Джексон лишается лица. Он прикрыл глаза и содрогнулся, потом включил фонарик, который продолжал держать в руке, и направил луч света на лежавшую фигуру.

Человек лежал на спине, голова и левая рука свисали с края платформы. Если он действительно потерял сознание, то ему еще повезло, что он не свалился с платформы на пути. А может, и не так повезло; во всяком случае, если бы он туда упал, у Джексона было бы над ним территориальное преимущество. Тут он вспомнил, что говорил этот человек о бензине, и, повернувшись, направил луч фонарика на ближайшую полуразрушенную скамейку.

Он искренне удивился, увидев под ней канистру и прислоненный к ней тонкий коробок спичек. Но было ли это доказательством того, что человек и вправду хотел умереть, как он сам утверждал, или же это говорит о его предусмотрительности? Может, канистра и спички предназначались попросту для того, чтобы еще больше усыпить бдительность Джексона?

Он выждал с минуту. Разного рода мысли лезли ему в голову. Почему именно с ним захотел встретиться убийца? Если просто хотел убить его, то наверняка были способы сделать это иначе. Но зачем ему убивать Джексона? Потому что он ведет это дело? Потому что боялся, что Джексон вот-вот схватит его? Правду ли говорил убийца, утверждая, что хотел умереть от руки Джексона? Сержанту трудно было в этом разобраться. Если убийце так уж сильно хотелось умереть, то почему бы ему просто не взять и покончить

с собой? Джексон попытался вспомнить, что еще говорил этот человек: что-то насчет того, что кто-то его не отпускает и слишком крепко держит. Что бы это значило? Кого это убийца имел в виду? Брата, отца, любовницу, сообщника? Или, может, это просто еще одна его личина, та его часть, которая и заставляла убивать?

Джексон понял, что забрался в дебри психологии. Может, этот человек — шизофреник, и, может, в тот момент им руководило пассивное начало, чувство вины, и ему хотелось покончить со всем этим, прежде чем агрессивное начало возьмет над ним верх? Быть может, он позвонил Джексону, потому что видел его в новостях и представил себе его как потенциального союзника в борьбе против темных сил внутри себя, или как некий авторитет, как человека, которому можно довериться, на кого можно переложить ответственность?

А что же вся эта прочая чепуха насчет того, что он — не человек и что ему приходится убивать через каждый сорокалетний цикл, чтобы возродиться заново? Ну разумеется, это и есть доказательство того, что он безумен. Джексон знал, что убийцы, особенно серийные, нередко воображают себя больше чем обыкновенными людьми. Иногда акт убийства в глазах убийцы — это шаг на пути к собственной трансформации в нечто сверхъестественное, божественное.

Почувствовав какое-то легкое движение справа от себя, Джексон повернул голову. По путям издали бесшумно приближалось несколько подпрыгивающих темных силуэтов, которые сгибались, стремясь смешаться с темнотой. Он посмотрел налево и увидел еще несколько сгорбленных силуэтов, приближающихся с другой стороны. Он тотчас почувствовал облегчение. Они здесь и будут раньше, чем он их ждал. Констебль Бэнкс хорошо сделал свое дело.

Он помахал рукой, но ответа не последовало. Они были еще слишком далеко. Чтобы добраться до вокзала, им нужно еще пять—десять минут. Впрочем, теперь все равно уже ничего не случится. Он представил заголовки завтрашних газет: «Убийца пойман отважным сержантом».

И тут лежавший человек застонал и слабо пошевелился, пытаясь поднять голову. Джексон быстро достал из кармана

пистолет, который Бэнкс посоветовал ему взять с собой. Джексон уже давно не носил оружия, не хотел его брать и на этот раз. Но констебль, хотя и был ниже по званию, настаивал, говоря, что если Джексон собирается идти на встречу без подкрепления, то чтобы у убийцы не возникли подозрения, которые могут вынудить его к бегству, у Джексона на всякий случай должно быть какое-то оружие. Поэтому, прежде чем садиться в машину, Джексон взял пистолет и быстро надел бронежилет. Джексон хотел выиграть время, а если повезет, и завоевать доверие убийцы, чтобы до прибытия подкрепления вынуть из него как можно больше сведений. А тут ему подсовывают какую-то чушь, откровения больного воображения. Только и остается надеяться на то, что когда убийца поймет, что игра закончена и у него больше нет возможностей для маневра, то даст Джексону в участке более разумные ответы на его вопросы.

Джексон держал пистолет в правой руке, а фонарик в левой. И то и другое он направил на убийцу.

— Не двигаться! — приказал он. — У меня пистолет, и с минуты на минуту здесь будет подкрепление. Вы арестованы за убийство Сильвии Хьюз, Луизы Касл, Аманды Бэрри, Мелани Уитман и Сары-Джейн Спрингер. Можете ничего не говорить, но все, что вы скажете, может быть зафиксировано и в дальнейшем использовано против вас в ходе следствия.

Похоже, человек еще не пришел в себя настолько, чтобы воспринимать все, что говорил ему Джексон. Он приподнял голову и, прищурившись, посмотрел прямо в луч фонарика Джексона, так что сержант впервые смог увидеть его лицо.

Это было лицо человека, которому нет еще и двадцати или же двадцать с небольшим. При виде этого лица у Джексона возникло странное ощущение. Он вдруг испытал нечто вроде потрясения. Он был уверен, что никогда раньше не видел этого человека, и в то же время лицо показалось ему знакомым.

Человек улыбнулся, покачал головой и заговорил. На этот раз в его голосе не было и намека на усталость, или боль, или отчаяние. Он говорил четко, громким голосом — как ни в чем не бывало.

— Ты солгал мне, Кристофер, — сказал он. — А ведь мне следовало этого ожидать, а? Ты всегда был образцовым полицейским, всегда действовал строго по инструкции.

Очередное потрясение было настолько сильным, что оно пронзило Джексона насквозь. Теперь все ясно, все теперь сходится. Но ведь этого не может быть. Это невозможно!

— Фэрроу? — изумился он.

Человек, выглядевший моложе и бодрее, чем вечно неопрятный главный инспектор, рассмеялся.

— Начинаешь что-то понимать, а, Кристофер? — мягко произнес он.

У Джексона тряслись руки. Он с трудом удерживал пистолет в правой руке, а луч фонарика скользил по молодому лицу Фэрроу. Джексон с трудом узнал собственный голос.

— Что понимать? — глупо переспросил он.

Полицейские были еще далеко, так что проку от них пока не было никакого. Меж тем помолодевший Фэрроу произнес:

— Смотри.

Освещенное немигающим светом фонарика лицо начало меняться. Черты разглаживались, менялись на глазах у не верившего в происходящее Джексона, точно масляные. Потом они снова изменились, и еще раз. Джексон с минуту всматривался в происходящее и вдруг необычайно отчетливо увидел то, что его просто поразило: да ведь перед ним только что промелькнули лица жертв человека-волка. Он видел лица Луизы Касл, Мелани Уитман, Сары-Джейн Спрингер.

Фонарик выпал из ослабевшей руки Джексона и, ударившись о пол, разбился, да это и хорошо, ибо постоянно трансформирующееся лицо убийцы скрылось в темноте. Джексон отступил на пару шагов, держа пистолет двумя руками, чтобы и он не выпал, и целясь в убийцу. Когда он закричал голосом, полным ужаса, изо рта у него вырывались рваные облачка пара:

— Да кто же вы такой, черт побери? — громко прокричал он.

Фэрроу посмотрел на него с сочувствием.

— А ведь я говорил тебе, что я не человек, разве не так, Кристофер? Вообще-то имя, которое мне дали в газетах, как это ни покажется невероятным, весьма подходит мне, но,

если честно, я не принадлежу к этому виду. Скорее обо мне можно сказать, что я — нечто вроде... умудренного опытом хамелеона, который способен вписываться в окружающую его среду, подстраиваться под любую ситуацию.

— Откуда вы взялись? — спросил Джексон.

Фэрроу сжал губы и пожал плечами.

— Да ниоткуда. Я всегда был здесь. То есть на этой планете. А живу я здесь дольше, чем здесь живут люди, даже и сам не помню, как давно я живу. Я поменял много мест. И каждый раз принимаю тот образ, который мне на определенный момент подходит.

— А как вы здесь оказались? — спросил Джексон.

Он почувствовал, что в горле у него пересохло.

— Просто мне здесь нравится, — ответил Фэрроу. — Мне нравятся люди, нравится быть одним из них, нравится думать, как человек, нравится жить среди людей. Особой цели у моего существования нет, Кристофер. Я просто живу, как и ты. Как все.

— Но не так, как молодые женщины, которых вы убили.

— О нет. Слушай, мне жаль, что так получилось, правда, жаль. Ты поверишь, если я скажу, что эти убийства совершены инстинктивно, что не в моей власти контролировать свои действия? Да нет, пожалуй, не поверишь, да я и не могу винить тебя за то, что ты плохо думаешь обо мне. Что я могу сказать? Это происходит так часто. Мне нужно убивать, чтобы возродиться. Прости.

И Фэрроу виновато пожал плечами, как школьник, которого застали за засовыванием лягушек в стол учителя.

Фэрроу повернул голову налево, потом направо. Наверное, хочет узнать, не приближается ли кто по путям, подумал Джексон.

— Твое подкрепление уже совсем близко, — произнес он. — Мне кажется, я злоупотребил здешним гостеприимством. Пора двигаться дальше.

Он приподнялся.

— Ни с места, ублюдок! — рявкнул Джексон. — Ты никуда не пойдешь!

— Слушай, — мягко произнес Фэрроу, — давай считать, что мы квиты, а, Кристофер? Полицейским я сделался, что-

бы хоть отчасти искупить то, что произойдет потом. Много лет я не позволял причинить вреда другим людям, не давал их убивать. По-моему, я расплатился сполна.

— Я сказал — не двигаться! — громко повторил Джексон. В его голосе звучали угроза и страх одновременно. — Если ты еще шевельнешься, я снесу тебе голову!

— Ну прямо Клинт Иствуд. Я правильно понял? — мягко произнес Фэрроу и встал.

— Я сказал — не двигаться!

— Прощай, Кристофер, — сказал Фэрроу и сделал шаг вперед.

Джексон нажал на курок, потом еще и еще. Когда шум выстрелов смолк, а пар изо рта рассеялся, он увидел, что Фэрроу стоит на том же месте, цел и невредим.

— Ты разве не знал, что для того, чтобы убить человека-волка, нужны серебряные пули? — примирительным тоном спросил Фэрроу.

— Я ведь попал в тебя, — заговорил Джексон высоким, дрожащим голосом, в котором, кажется, послышалось раздражение. — Я знаю, что попал.

— Да, — признался Фэрроу, — но, боюсь, чтобы уничтожить меня, нужно прежде всего полностью уничтожить мой мозг, для этого я и приготовил бензин и спички. От ран на теле я практически мгновенно излечиваюсь сам.

— Но ты ведь хотел умереть, — сказал Джексон, опуская руку, в которой держал пистолет.

Он говорил как мальчик, которого лишили возможности проявить себя с лучшей стороны.

— Хотел. Но это была минута смятения, слабости, и причиной тому — происходящие со мной изменения. Теперь это в прошлом.

Услышав выстрелы, полицейские из подкрепления Джексона заторопились. Офицеры громко отдавали команды. Одна группа была уже ярдах в тридцати, по правую руку.

Фэрроу бросил в сторону полицейских быстрый, равнодушный взгляд.

— Пора, — сказал он. — Прощай, Джексон. Желаю тебе приятно провести остаток жизни.

И прямо перед изумленным взором Джексона тело Фэрроу будто потекло. Он сгорбился, потемнел, одежда, разлетаясь на куски, затрещала под напором раздающихся вширь плечей и распухающих ног. Джексону казалось, что он становится свидетелем того, как прямо у него на глазах гусеница превращается в бабочку. У него было лишь мгновение, чтобы увидеть, какое существо разрывало молодых женщин на части, и он увидел, как под щетинистой кожей наливаются мышцы, как начинают, точно ножи, сверкать зубы и глаза. И тут тело Фэрроу словно сжалось вокруг темной точки где-то в середине. И вместо человека или животного на платформе оказалась какая-то темная птица, может ворона. Захлопав крыльями, она поднялась в небо, и тотчас ее поглотила ночь.

На платформу меж тем вскарабкался первый полицейский. Он побежал к Джексону с ружьем наперевес, подняв ствол вверх.

Он крутил головой из стороны в сторону и кричал:

— Где он? Сержант Джексон! Где же он?

Но Джексон, не в силах что-либо ответить, лишь смотрел в небо.

БЭЗИЛ КОППЕР

Плачь, волк

В 1993 году издательство «Федоган и Бремер» (Fedogan&Bremer) опубликовало сборник рассказов Бэзила Коппера (Basil Copper) «Приключения Солара Понса» (The Exploits of Solar Pons), стилизованных под рассказы о Шерлоке Холмсе, чтобы заявить об участии автора в качестве гостя в Мировом фантастическом конвенте в Миннеаполисе. Тот же издатель, ранее выпустивший в свет долгожданный роман Коппера «Чума» (The Black Death), в 1994 году сборником «Записки о Соларе Понсе» (The Recollections of Solar Pons) отметил дебютное участие писателя в конвенте.

Первым, созданным в жанре хоррор, стал рассказ Коппера «Паук» (Spider), опубликованный в «Книге Страшных Историй. 5-й выпуск издательства „Пан букс"» (The 5th Pan Book of Horror Stories, 1964); полностью Коппер посвятил себя писательству в 1970 году. Его малая проза представлена в сборниках «До наступления ночи» (Not after Nightfall), «Из подушки дьявола» (From Evil's Pillow), «Когда шаги отдадутся эхом» (When Footsteps Echo), «За порогом тьмы» (Afterward the Dark), из недавно появившихся антологий следует упомянуть «Вампиров» (The Mammoth Books of Vampires), «Зомби» (The Mammoth Books of Zombies), «Темные голоса 3» (Dark Voices 3), «Тени над Иннсмутом» (Shadows Over Innsmouth) и «Ужас перед Рождеством» (Horror for Christmas).

Коппер написал более пятидесяти романов в жанре «крутого» детектива о частном сыщике из Лос-Анджелеса Майке Фарадее; среди прочих романов значатся: «Большие пустоты» (The Great White Space), «Проклятие насмешки» (The Curse of the Fleers), «Некрополь» (Necropolis), а также роман-ужастик «Дом волка» (The House of the Wolf). В 1977 году Коппер опубликовал научно-популярное исследование «Оборотень: в легендах, фактах и искусстве».

В деревне царило безмолвие и покой. Впрочем, чего еще следовало ожидать в это время года. Селение расположилось в горном ущелье, на значительном удалении от ближайшего города. Собственно, это главная причина, почему мы купили здесь дом. Летом луга расцветают красными и желтыми цветами, зимой же величественность снегов и неземная красота гор, возвышающихся на фоне непрестанно меняющихся небес, с лихвой компенсируют холод и отсутствие современных удобств.

Волк появился в ноябре. Что удивительно само по себе, ведь погода стояла довольно теплая. Впервые мы узнали об этом от Джекила, представителя пограничных войск. Он сказал, что видел в лунном свете следы его лап на тропинке, ведущей к ручью. Даже мне, хоть я и поселился здесь недавно, было трудно удержаться от ехидства. В этих горах волков не видели более полувека, утверждали местные старожилы. Теперь их можно увидеть разве что высоко в горах или на итальянской стороне, да к тому же в январе, да еще самой суровой зимой. Но в ноябре!.. Они, смеясь, всплескивали руками и продолжали курить свои длинные трубки.

Джекил только улыбнулся и сказал, что он знает то, что знает, и верит собственным глазам.

— Возможно, большая собака... — сказал Жан Пётр, который владел крупнейшим в нашей деревне магазином.

Однако Джекил отверг это предположение.

— Почти невероятно, — настаивал он. — Это были волчьи следы, ведущие вниз по тропинке от деревни к ручью.

На самом деле мельком он видел и животное, ну или по крайней мере его тень, скользнувшую по снегу. Даже принимая во внимание свет луны и удлиненность тени, она была слишком большой для собаки. Да и следы были огромными.

Дабы разрешить этот вопрос, Джекил предложил нам всем вместе сходить и посмотреть на следы. В это время мы сидели в auberge[1], было тепло и уютно, к тому же вино в этом году особенно удалось. Поэтому собрались лишь несколько из наименее привязанных к комфорту душ. Пошел

[1] Кабачок при постоялом дворе *(фр.)*.

и я вместе со своим сыном Эндрю, жаждущим посмотреть на следы этого сказочного чудовища.

Однако нас ждало разочарование. Местные ребятишки, воспользовавшись свежевыпавшим снегом, устроили на месте тропинки горку, и потому от следов ничего не осталось.

— Давайте поищем у ручья, — сказал Жан Лекутр, который, помимо того, что владел лесозаготовительной компанией, также являлся мэром нашей деревушки. А следовательно, разобраться в происходящем должен был в силу не только личного интереса, но и официальных полномочий.

На берегу мы тоже ничего не обнаружили. Джекил выглядел озадаченным и уязвленным. Он с отвращением смотрел на взрыхленный снег и задумчиво скреб голову.

Лекутр постоял какое-то мгновение на коленях, внимательно глядя на землю.

— Ты уверен, что это то самое место? — спросил он фронтьера.

Джекил огляделся вокруг.

— Как видишь, в других местах снег на берегу остался нетронутым, — ответил он просто.

Мэр поднялся с колен и отряхнул брюки.

— Да, выглядит так, словно кто-то смел следы жесткой метлой, — произнес он озадаченно.

Среди наших компаньонов раздался общий смешок, впрочем, замечу, что домой мы все возвращались в крайне задумчивом состоянии. Таково было начало, больше в течение примерно двух недель ничего не происходило.

Затем однажды вечером в деревню примчался испуганный паренек, сообщивший, что за ним гналась большая собака. Ребенок был совершенно очевидно напуган, а его одежда была порвана чем-то острым, похожим на когти животного, так что родителям мальчика не оставалось ничего иного, кроме как отнестись к этой истории очень серьезно. Они послали за мэром и доктором, и в течение получаса была собрана поисковая группа. Конечно же, я присоединился к ней, и хотя Эндрю тоже очень хотел пойти, велел ему оставаться дома. Ему было всего пятнадцать, и я знал, что в азарте он мог наделать каких-нибудь глупостей.

Каждый из нас имел при себе переносной фонарь либо большой карманный фонарик, так что тропинку, по которой мальчик возвращался домой, мы осмотрели довольно тщательно. На тропинке были четко различимы большие отпечатки лап, под которыми едва угадывались следы бежавшего ребенка. Этим вечером никто не шутил, а голоса тех, кто высказывал предположения об увиденном, заметно дрожали.

Лекутр послал в деревню за своей винтовкой, а также отдал распоряжение о сборе лучших деревенских стрелков. Мы оставили двух человек, чтобы они показали дорогу тем, кто вскоре присоединится к нашей группе. После нападения на мальчика, судя по следам, зверь бесцельно покружил, а затем двинулся вниз. Следы шли вдоль тропинки, которую деревенские детишки сделали ледяной горкой, и терялись возле ручья. Что само по себе было странно, поскольку волки избегают воды, если только не хотят напиться.

Мы ходили вдоль берега в поисках следов, когда раздался выстрел.

— На том берегу!.. — закричал Джекил, его глаза горели от возбуждения.

Легкий дымок вился из дула его винтовки. Он указывал на заросли на противоположном берегу. Мы все отчетливо услышали треск, раздавшийся сразу после выстрела.

— Ну теперь то вы верите мне?! — проговорил Джекил с триумфом в голосе.

— Если тебе станет легче, то все это действительно довольно серьезно.

К этому моменту к нам присоединились деревенские стрелки, встревоженные выстрелом и разочарованные тем, что зверя спугнули.

Мэр скомандовал возвращение, сочтя, что стало слишком темно и опасно, чтобы переправляться через ручей и продолжать поиски зверя этой ночью. Он обсудил с доктором состояние мальчика, у которого обнаружили лишь небольшие царапины, и затем позвонил в городскую управу, дабы там были начеку. Auberge в этот вечер был заполнен, пока мы обсуждали произошедшее.

Когда я вернулся домой, то обнаружил, что дверь заперта. Я позвал, и Эндрю открыл мне.

— Пап, я так испугался, — произнес Эндрю взволнованно-приглушенным голосом. — Думаю, полчаса назад здесь был волк. Я услышал чьи-то шаги рядом с домом и рычание, похожее на рычание собаки, и поспешил закрыть дверь.

— Ты все сделал правильно, — похвалил я сына.

— Пойдем найдем его? — предложил Эндрю.

Я очень разозлился. В конце концов, Эндрю — единственное, что у меня осталось в жизни, теперь, после того, как умерла его мама.

— Мы не станем этого делать, — ответил я. — Если ты уже поужинал, иди и ложись спать. Власти сами с этим разберутся.

Я позвонил мэру, и вскоре была собрана новая поисковая группа. Мы тщательно осмотрели территорию и обнаружили волчьи следы под окнами дома.

Лекутр был мрачен.

— Пока все это не кончится, мы должны держать детей взаперти после того, как стемнеет, — сказал он. — Надо узнать, не сможем ли мы заполучить в милиции несколько дополнительных ружей.

Мы неохотно прошли вдоль следов несколько сот ярдов. Увидели, что они ведут к деревне, и вернулись обратно.

Мы расположились у меня и засиделись допоздна, попивая коньяк и обсуждая события последних часов.

Ничего не происходило целую неделю. Затем случился целый ряд событий, разжигающих страх.

Как-то вечером две маленькие девочки увидели в окно волка — большого как корова, сказали они, впрочем, вероятно, здесь сыграло свою роль детское воображение, — бегущего через луг недалеко от их дома. Когда, встревоженная криками, к девочкам примчалась мать, все, что она увидела, был худой мужчина, бегущий по полю, возможно преследуемый волком.

Чуть позже на ферме «Папа Гремиллион», одной из тех, что построены на краю деревни, были найдены две козы, наполовину съеденные и с перегрызенными глотками. Паника захлестнула округу. Наиболее тревожащим моментом в этом деле было то, что хлев, в котором находились живот-

ные, был заперт на висячий замок, а ключ оставался в скважине.

Кто бы ни убил коз — а следы и свидетельства неистовой борьбы между животными со всей очевидностью указывали на волка, — сначала он отпер замок, а перед уходом снова повернул ключ в скважине. Когда эти факты стали известны общественности, беспокойство переросло в ужас. Мы с Лекутром и еще несколько человек из наиболее бесстрашных жителей деревни обсуждали сложившуюся ситуацию в долгие часы наших посиделок в auberge. В один из таких мрачных вечеров, вскоре после Рождества, впервые был упомянут слух о le loup-garou[1].

— Сколько сверхъестественной чуши, однако, в головах жителей гор, — резко отозвался Лекутр. — Легенда о человеке-волке стара как сами горы, — добавил он, повернувшись ко мне.

— Что-то в этом, может, и есть, — сказал кто-то, сидевший на дальнем конце стола. — История о человеке, способном превращаться в волка, чтобы убить свою жертву, а затем снова превращаться в человека, берет начало в стародавние времена.

— Как и многие другие вещи, — возразил Лекутр, его лицо пылало от негодования. — Но это не значит, что мы обязаны верить в то, что минотавры и поныне бегают по земле.

— Да, но как ты можешь объяснить подобную смышленость животного? — обезоруживающе спросил Джекил. — И как насчет висячего замка в «Папе Гремиллионе»?

Мэр потер подбородок, прежде чем осушить свой бокал.

— Не подлежит сомнению, мы имеем дело с чем-то очень серьезным и дьявольски умным, — ответил он. — Но я не допускаю мысли о сверхъестественном. Нам есть о чем подумать сейчас и без того.

Никто из присутствующих не был готов спорить с ним о необходимости сконцентрироваться на одном вопросе. И все же ситуация постепенно только ухудшалась. Несколько солдат, находившихся в горах на зимних маневрах,

[1] Человек-волк *(фр.)*.

приезжали к нам ненадолго, они помогали посетителям кафе добраться до дому, сопровождали детей, куда бы те ни пошли. В этот период не случилось ничего примечательного. Лишь изредка кто-нибудь из молодых военнослужащих стрелял из своих винтовок по полумраку, беспокоя тем самым округу. Когда же на горы спустилась непогода, заблокировав перевал, милиция, конечно, оказалась отрезанной от нашей деревни. Мы остались предоставленными самим себе.

Первые смерти произошли в марте, с установлением теплой погоды. Тогда Рене Фоссе, двенадцатилетний школьник, был найден с перегрызенным горлом в нескольких ярдах от входа в хлев. Он направлялся, чтобы проверить, все ли в порядке со скотом. Смерти двух маленьких сестричек на той же неделе привели к тому, что в деревне воцарился ужас. Во всех случаях были обнаружены волчьи следы, однако эта тварь была дьявольски умна, как ранее заметил мэр. Несмотря на прочесывание предгорий большой поисковой группой, при поддержке милиции, не удалось обнаружить ничего нового: следы всегда терялись у ручья, и мы так и не нашли место, где волк вновь ступал на твердую землю.

За все это время так никто и не видел зверя, и это лишь подкрепляло легенду об оборотне, легенду, за которую ухватилась сначала региональная, а потом и национальная пресса. Орды журналистов приезжали к нам со своими операторами, в деревне опросили всех и каждого, из небытия вытащили старинные горести, и все улики, которые могли бы указать на местонахождение зверя, вскоре были затоптаны ботинками сотен зевак.

Затем в конце марта или начале апреля, незадолго до того, как снег должен был сойти, мы получили сообщение о том, что на этот раз нападению подвергся взрослый человек. Это был мужчина по имени Шарль Бадуа, механик из единственного в деревне гаража, который жил в одном из маленьких домиков на окраине. Зверь прыгнул ему на спину с насыпи, когда тот пешком возвращался с работы, и вырвал кусок мяса из его шеи. Бадуа отбивался с огромным мужеством; к счастью для него, в руках он держал ящик с ин-

струментами, и, будучи довольно крупным человеком, он перекинул ящик через голову со всей силой отчаяния — волк прекратил атаку и сбежал.

Обмотанный бинтами и накачанный коньяком, Бадуа прилег на кровать в доме доктора и поведал свою историю. Лекутр быстро организовал одну из самых больших поисковых групп, и на этот раз я разрешил Эндрю присоединиться к нам при условии, что он будет держаться поблизости и у него не будет огнестрельного оружия. Два дородных жандарма из *police de la route*[1] были переведены к нам в деревню и значительно усилили нашу поисковую группу.

Вырвав кусок мяса из шеи Бадуа, волк, по всей видимости, остановился съесть его в нескольких ярдах от места нападения, где мы и обнаружили следы крови и взрыхленный снег в соседних кустах.

— Наглая тварь! — мрачно процедил Лекутр, в то время как мы поспешили продолжить поиски, двигаясь по четко отпечатавшемуся на снегу следу. Но внезапно следы отклонились от знакомого направления и стали подниматься на соседний холм.

— Должно быть, волк раззадорил свой аппетит и решил найти еще одну жертву на другом конце деревни, — сказал я.

Лекутр кивнул.

С трудом преодолевая толстый слой снега и ориентируясь по довольно отчетливым следам волка, мы взобрались на холм минут за двадцать. Треск веток мы все услышали одновременно. Эндрю взволнованно вскрикнул, и в тот же миг волк выпрыгнул из-за елей, росших примерно в пятидесяти метрах выше по склону. Несколько винтовок поочередно выпустили пули, и клубы потревоженного выстрелами снега взвились над огромным серым животным. Один из выстрелов, вероятно, достиг цели, поскольку волк взвыл от боли и, хромая, скрылся за деревьями.

Воодушевленные, мы бросились за ним. Я высказал предположение, что один из нас ранил волка в переднюю лапу. Лекутр и жандармы думали так же. Но по прошествии получаса, когда кровавые следы стали почти незаметными, а затем

[1] Дорожная полиция *(фр.)*.

и вовсе исчезли на берегу ручья, нам снова пришлось прекратить наши поиски.

На следующее утро Эндрю был бледен от пережитого шока. Я пошел в деревню обсудить происшедшее, а когда вернулся, обнаружил его неподвижно лежащим в своей постели. На его правой руке была повязка.

— Не сердись, пап, — сказал он. — Я повредил пальцы, когда рубил дрова. Ничего серьезного.

— Ты был у доктора Лемэра? — спросил я взволнованно.

— Да, — заверил меня Эндрю, — и он сказал, что беспокоиться не о чем. Просто это чуть больнее, чем любая другая рана.

— Рад слышать это, мой мальчик. Но ты и впрямь должен быть более осторожным.

По правде говоря, я был обеспокоен сильнее, чем старался показать, но за ужином кровь снова прилила к щекам Эндрю и он поел с присущим ему аппетитом. К тому времени, когда взвинченное состояние нервов односельчан достигло предельной точки, сложившаяся ситуация полностью завладела моим сознанием. Не то чтобы я винил их, ведь сейчас, в вечернее время, я нервничал ничуть не меньше, чем любой из жителей нашей деревни, и это несмотря на тяжелый маузер, который я держал в ящике прикроватной тумбочки. Мэр приказал снабдить оружием всех дееспособных взрослых мужчин. Подобно ему, я не принимал теории об оборотне, которую многие жители нашей деревни открыто поддерживали, но был вынужден допустить, что существует немало ужасных и необъяснимых вещей, связанных с этой страшной серией происшествий.

Шея бедняги Бадуа заживала довольно долго, и его пришлось перевезти в городской госпиталь, что находится в пятидесяти километрах от нас. Но, как это ни удивительно, позже мы проследовали за его гробом на местное кладбище, это были последние в череде душераздирающих похорон. Мы надеялись, что одолели волка, ранив его в последней схватке, и что теперь он скроется высоко в горах. Однако этого не случилось.

Спустя два дня зверь вновь напал на деревню. Лишь ему одному известно, как ему удалось спрятаться в дровяном сарае, практически в самом центре деревни. Его наглость была такова, что он, вероятно, оставался там весь день. Едва наступил

вечер, несчастная старая женщина, хозяйка соседнего дома, вышла за дровами для печи. Открыв дверь во внутренний двор в полутьме, она подверглась нападению волка, перегрызшего ей горло с первой попытки. Женщина умерла тут же. Зверь, не столь уж сильно обеспокоенный полученными три дня назад ранами, оттащил ее тело на задний двор, где и принялся за еду. И все же группа стрелков была собрана не настолько быстро, чтобы застать волка на месте преступления.

Когда мы с Эндрю добрались до места происшествия, Лекутр спорил с суеверными односельчанами.

— Говорю вам, разве животному под силу сделать такое? — произнес бесстрастный и почтенный житель деревни с моржовыми усами после того, как вопрос закрытого сарая был объяснен. — C'est le loup-garou![1]

— Черт бы побрал этого оборотня! — прошипел Лекутр, задыхаясь от ярости. — Пули станут ему достойной отплатой, так же как и любому другому волку.

Едва я успел сказать односельчанам, что пропавшая женщина, возможно, еще жива и что мы должны начать преследование зверя, как из темноты до нас донеслось ужасное рычание. А потом мы услышали пугающий звук какой-то возни и треск ломающихся костей, отчего несколько человек из числа присутствующих почувствовали дурноту. Мы бросились на звук через лабиринт задних дворов. Кто-то выкатил вперед мотоцикл с включенной фарой.

Серая тень метнулась на стену, и в тот же миг вспышка от выстрела осветила ужасную сцену в стиле Гойи. В то время как одна часть группы осталась, чтобы позаботиться о тех, кому стало плохо, и накрыть истерзанные останки брезентом, вторая, человек двенадцать, бросилась за волком, дабы отомстить этому дьявольскому отродью. Мы с Лекутром объединились с двумя жандармами. С собой же я взял и Эндрю и, насколько это было возможно, старался, чтобы он держался позади нас: под нашим с Лекутром присмотром с ним ничего не должно было случиться. Но, когда мы услышали рычание, которое доносилось из кустов, возникших на нашем пути, Эндрю, несмотря на мои окрики, ринулся вперед, держа в руках

[1] Это человек-волк *(фр.)*.

фонарик и толстую палку. Пока я звал его, чтобы он вернулся обратно, наши компаньоны окружили куст. Что меня пугало больше всего, так это пули, выпущенные неверной, дрожащей рукой, ведь глупо было вообразить, будто волк остановится.

Он появился неожиданно, со сверкающими глазами. Грянуло несколько выстрелов, но зверю удалось сбежать. Оказавшись на месте, где он стоял, мы не обнаружили следов крови. И тут у меня за спиной появился Джекил, его глаза горели от возбуждения, а грудь вздымалась от напряжения.

— Там, там! — произнес он взволнованно.

Взглянув в указанном направлении, я увидел качающиеся ветки кустарника.

— Вот он! — крикнул Джекил. — Человек-оборотень!

Он вскинул свою винтовку раньше, чем я успел остановить его. Этот выстрел оставил глубокую рану на моем сердце, словно пуля была выпущена в меня самого.

Кто-то, пошатываясь, вышел из кустов, а затем рухнул почти что у наших ног. В ужасе я бросился вперед. На земле, раскинувшись, лежал Эндрю, темная струйка бежала из его рта, капая на снег.

Я приподнял его голову, почти не понимая, что делаю. Перевязанная рука находилась у него на груди. Среди столпившихся у меня за спиной участников поисковой группы раздался вздох.

Эндрю открыл глаза.

— Я порезался, когда рубил дрова, — сказал он очень четко по-английски. — Это правда, папа.

С этими словами он умер.

— Я верю тебе, мальчик мой, — сказал я.

Собравшиеся вокруг нас пропустили доктора Лемэра. Яркий электрический фонарь осветил толпу.

Джекил, фронтьер, запинаясь, шептал мне на ухо извинения.

— Простите, это ужасная трагедия, но все же я оказался прав. Le loup-garou! Повязка на его руке!

Я почти не слушал его. В глазах Джекила читался странный триумф, и я многое понял.

Когда он повернулся, я увидел, что на его правой руке тоже была повязка.

ГРЭМ МАСТЕРТОН

Ковер

Рассказ Грэма Мастертона (Graham Masterton) «Взятие мистера Билла» (The Taking of Mr. Bill) из антологии «Зомби» (The Mammoth Book of Zombies) был недавно отобран для седьмого ежегодного выпуска лучших рассказов в жанре фэнтези.

В прошлом являясь редактором журналов «Mayfair» и «Penthouse», он опубликовал свою первую книгу «Твои эротические фантазии» (Your Erotic Fantasies), вслед за ней другую, также на тему секса, — «Как свести мужчину с ума в постели» (How To Drive Your Man Wild in Bed). Его дебютом в жанре хоррор стал роман «Маниту» (The Manitou), экранизированный в 1978 году. С тех пор он опубликовал более шестидесяти пяти триллеров, исторических саг и рассказов ужасов. Последние три его книги удовлетворяют требованиям всех этих трех жанров — особенно «Похороны» (Burial), которая является третьей книгой трилогии «Маниту»; «Бессонница» (The Sleepless), опровергающая существование вампиров, и «Плоть и кровь» (Flesh & Blood) — эпическая история о генетическом вмешательстве, одновременно и древняя, и современная. Кроме того, он написал более пятидесяти рассказов в жанре хоррор. «Две недели страха» (Fortnight of Fear) — его первый сборник.

Мастертон — сын армейского офицера, так что обстановка, описываемая в рассказе «Ковер» (Rug), знакома всем детям из BAOR[1]*, которые учились в Англии, а на каникулах навещали своих родителей в Германии. Как поясняет автор: «Настоящий ковер из волчьей шкуры висел в магазине города Мюнстер (Вестфалия), в котором торговали всяким старьем. Дом и лошадь — реальны. Заменена лишь фамилия, чтобы защитить тех, кто боится скребущихся в окно когтей...»*

---

[1] British Army of the Rhine (британские войска, базировавшиеся после Второй мировой войны в английском оккупационном секторе на западе Германии).

Два дня спустя в семидесяти пяти километрах отсюда в антикварный магазин, что стоит неподалеку от Бадденштурма, возведенного в тринадцатом веке в городе соборов Мюнстере, вошла высокая женщина. Громко зазвенел дернувшийся на пружине колокольчик; утреннее солнце осветило рогатые оленьи головы и витрины с чучелами лисиц.

Из-за шторы, куря сигарету, вышел хозяин магазина. Женщина стояла спиной к свету, так что ему трудно было разглядеть ее лицо.

— *Ich möchte eine Reisedecke,* — сказала она.

— *Eine Reisedecke, gnädige Frau?*

— *Ja. Ich möchte ein Wolfshaut.*

— *Ein Wolfshaut? Das ist rar*[1]. Очень трудно найти, понимаете?

— Да, понимаю. Но вы сможете найти его для меня, верно?

— *Ich weiss nicht*[2]. Постараюсь.

Женщина достала маленький черный кошелек, расстегнула его и протянула хозяину аккуратно свернутую тысячу немецких марок.

— Задаток, — сказала она. — *Depositum.* Если вы найдете для меня ковер из волчьей шкуры, я заплачу еще. Гораздо больше.

На обороте одной из его визитных карточек она записала номер телефона, подула, чтобы высушить чернила, и подала ему.

— Не подведите меня, — сказала она.

Но когда она покинула магазин (колокольчик все еще звенел), хозяин долго стоял в задумчивости. Потом открыл один из стоявших под прилавком ящиков и вынул из него темный тусклый коготь. Твердый как сталь, с серебряным отливом.

Не так уж часто люди ищут волчьи шкуры, но когда такое случается, то они обычно доведены до полного отчаяния, от чего становятся необыкновенно уязвимыми. И все

---

[1] — Мне нужен ковер.
— Ковер, милостивая госпожа?
— Да, мне нужен ковер из волчьей шкуры.
— Волчья шкура? Это редкая вещь *(нем.)*.

[2] Я не знаю *(нем.)*.

же ему следует поинтриговать. Следует поводить ее за нос. Обнадеживать. Заставить поверить в то, что здесь она наконец-то нашла человека, которому можно доверять.

Тогда придет время расплаты: дерево, молоток, сердце.

Выйдя из магазина, женщина не оглянулась. А если бы и оглянулась, то могла не понять значения его названия. В конце концов, просто один зверь передавал свою жестокость следующему; не заботясь ни об именах, ни о наследстве, ни о супружеских клятвах. Не было ничего важнее шкуры, мохнатой волчьей шкуры, придававшей всему смысл.

А назывался магазин «Бремке: искусный охотник», и занимался он не только произведениями искусства и охотничьими реликвиями, но и беспощадным преследованием самих охотников.

Джон нашел волка на третий день, когда все уехали в Падерборн на пробные лошадиные забеги. Он сослался на боль в ушах (боль в ушах всегда самая лучшая отговорка, поскольку никто не может доказать, есть она у тебя на самом деле или нет, к тому же при этом никто не запрещает тебе читать и слушать радио). Хотя, признаться, он уже скучал по дому, и ему ничего не хотелось делать, кроме как сидеть в одиночестве и тосковать о маме.

Смит-Барнетты были к нему очень добры. Миссис Смит-Барнетт всегда целовала его перед сном, а их дочери Пенни и Вероника делали все возможное, чтобы вовлечь его во все свои дела. Но беда заключалась в том, что он был слишком печален, чтобы веселиться, к тому же он избегал сочувственного к себе отношения, потому что от него к горлу подступал ужасный мучительный комок, подобный морскому ежу, а глаза наполнялись слезами.

Он стоял в нише выходившего на улицу окна и наблюдал за тем, как Смит-Барнетты отъезжали со своим нарядным лакированным автофургоном на прицепе. «Ленд-ровер» полковника Смит-Барнетта пропыхтел выхлопной трубой между трухлявыми платанами, и на улице воцарилась тишина. Был один из тех бесцветных осенних дней, когда Джон мог легко поверить в то, что он больше никогда не увидит голу-

бого неба, никогда. От Ахена до Тевтобургского леса равнины северной Германии задыхались под плотным покрывалом серовато-белых облаков.

Джону было слышно, как в кухне прислуга-немка, занятая мытьем бежевого кафельного пола, напевала по-немецки песенку «Деревянное сердце». Ее пели сейчас все подряд, потому что Элвис только что выпустил «GI Blues»[1].

Джон знал, что на следующей неделе все изменится к лучшему. У отца было десять дней отпуска, и они собирались поехать на рейнском пароходе в Кобленц, а потом провести неделю на армейской базе отдыха в Винтерберге, среди сосновых лесов Зауерланда. Но от этой мысли тоска по дому не уменьшилась — нелегко жить с чужими людьми в чужой стране, когда твои родители только что разошлись. Его бабушка однажды изрекла что-то вроде: «Все эти долгие разлуки... Мужчина, видишь ли, всего лишь человек». Джон не совсем понимал, что она имела в виду под этим «всего лишь человек». Для него это звучало как «просто человек» — как будто под этими зелеными фуфайками и клетчатыми рубашками билось сердце какого-то примитивного существа.

А еще он слышал, как мама сказала о его отце: «Он временами может быть зверем», и Джон представил себе при этом, как отец запрокидывает голову, скалит зубы, как глаза его наливаются кровью, а пальцы скрючиваются, как когти.

Джон зашел в кухню, но пол был еще влажный, и прислуга прогнала его. Это была крупнолицая женщина в черном, от нее несло пóтом с запахом капусты. Джону казалось, что у всех немцев пот имел капустный запах. Вчера после обеда он ездил с Пенни в Билефельд, так в автобусе от этого запаха просто некуда было деться.

Он вышел в сад. Все дорожки были усеяны яблоками. Он пнул одно так, что оно угодило в торец конюшни. Джона уже отчитывали за то, что он пытался кормить коня яблоками. «От них у него бывает запор, глупый мальчишка», — ругала его Вероника. Откуда ему это знать? Единственная лошадь, которую он видел в близлежащих кварталах, была

[1] Альбом Элвиса Пресли, выпущенный в 1960 году.

лошадь молочника из «Юнайтед Дэйрис»[1], да и та постоянно таскала под носом торбу.

Джон сел на скрипучие качели и немного покачался. Тишина в саду была почти невыносимой. И все же это было лучше, чем общаться в Падерборне с вечно хохочущими подружками Смит-Барнеттов. Он видел, как они упаковывали продукты для пикника, там были и салями, и сэндвичи с жирной говядиной.

Он поднял глаза на огромный загородный дом. Это был типичный, рассчитанный на большую семью особняк, какие строились в Германии в период между двумя войнами, — с оранжевой черепичной крышей и желтовато-коричневой штукатуркой бетонных стен. Похоже, раньше по соседству стоял другой такой же дом, но Билефельд сильно бомбили, и от дома не осталось ничего, кроме одичавшего фруктового сада да кирпичного фундамента.

Послышался резкий звук. Джон посмотрел вверх и увидел взгромоздившегося на трубу аиста — настоящего живого аиста. Он видел аиста впервые в жизни и с трудом поверил, что тот настоящий. Это походило на некий знак, на предупреждение о том, что что-то должно произойти. Аист просидел на трубе каких-нибудь несколько секунд, взъерошив перья и высокомерно поводя из стороны в сторону клювом. Потом, громко хлопая крыльями, улетел.

Разглядывая аиста, Джон впервые заметил на крыше слуховое окно, совсем маленькое. Должно быть, на самом верху был чердак или еще одна спальня. Если это чердак, то там могло быть что-нибудь интересное, что-нибудь вроде военных реликвий, или неразорвавшейся бомбы, или книжек о сексе. У себя дома он обнаружил такую книгу — «Все о том, что должны знать молодожены». Он обнаружил там рисунок № 6 под названием «Женская вульва» и раскрасил его розовым карандашом.

Джон снова вошел в дом. Прислуга теперь была в гостиной, она полировала мебель и распространяла вокруг ароматы лаванды и капустного пота. Мальчик поднялся по лестнице на первый этаж, где стены были увешаны фотография-

[1] Компания по производству и продаже молока и молочных продуктов.

ми Пенни и Вероники верхом на Юпитере; каждая фотография — в обрамлении красных розочек. Джон был рад, что не поехал с ними в Падерборн. Почему его должно волновать, сумеет ли их глупый конь перепрыгнуть через все это множество жердей?

Он преодолел второй лестничный пролет. Раньше он тут не был. Именно здесь находилось помещение, в котором полковник и миссис Смит-Барнетт лакомились десертом. Джон не понимал, что за необходимость есть пудинг в спальне. По его мнению, это была одна из причуд, свойственных снобам вроде Смит-Барнеттов: взять хотя бы все эти серебряные кольца для салфеток или кетчуп в специальной соуснице.

Скрипнули половицы. Сквозь полуоткрытую дверь Джону был виден угол спальни и туалетный столик миссис Смит-Барнетт с массой оправленных в серебро расчесок. Он прислушался. Внизу, в гостиной, прислуга принялась пылесосить ковер. Своим рокочущим гулом ее пылесос напоминал немецкий бомбардировщик, так что она никак не могла слышать Джона. Он осторожно пробрался в спальню Смит-Барнеттов и подошел к туалетному столику. В зеркале он увидел серьезного белолицего мальчика одиннадцати лет с коротким ежиком волос и торчащими ушами. Конечно же, это был не он, а лишь чисто внешняя маска, выставленное напоказ выражение, которое он придавал лицу, чтобы во время переклички в школе поднять руку и выговорить: «Присутствует, мисс».

На столике лежало незаконченное письмо на голубой нотной бумаге с обтрепанным краем, поперек него лежала авторучка. Джон прочел: «...очень встревожен и замкнут, но, я полагаю, это естественно в данных обстоятельствах. Он плачет по ночам, его мучат кошмары. Судя по всему, ему очень трудно ладить с другими детьми. Очевидно, потребуется немало времени и...»

Мальчик уставился на свое бледное отражение. Оно очень походило на фотографию его отца в ранней молодости. *Очень встревожен и замкнут.* Как миссис Смит-Барнетт могла написать о нем такое? Вовсе он не встревожен и не замкнут. Он только внутри такой, и ему хочется, чтобы этого никто не видел. С какой стати миссис Смит-Барнетт должна знать, как он несчастен? Какое ей до этого дело?

Он на цыпочках вышел из спальни и потихоньку прикрыл дверь. Прислуга-немка все еще проводила полномасштабный рейд по лондонским докам. Джон прошел в конец коридора и обнаружил там маленькую, выкрашенную кремовой краской дверь, которая, очевидно, вела на чердак. Мальчик открыл ее. Вверх шла крутая, застеленная гессенским ковром лестница. Она была очень темной, хотя туда все же проникало немного серого, приглушенного дневного света. Пахло затхлостью и пылью, а еще Джон ощутил какой-то странный аромат, напомнивший ему запах цветущего лука.

Он вскарабкался по ступеням. И тут же лицом к лицу встретился с волком. Он лежал мордой к нему, распластавшись на полу. У него были желтые глаза и оскаленные зубы. Из пасти вываливался наружу сухой, с багровым отливом язык. Мохнатые уши были слегка поедены молью, а сбоку на морде виднелась проплешина, что, однако, ничуть не умаляло выражения свирепости. И хотя тело его теперь было совершенно плоским, а сам он использовался в качестве ковра, он по-прежнему оставался волком, причем громадным волком — самым большим из тех, что когда-либо доводилось видеть Джону.

Мальчик обвел глазами чердак. Если не считать дальнего угла, отведенного под водяные баки, это помещение представляло собой спальню, которая простиралась на всю длину и ширину дома. Позади волка стояла массивная латунная кровать с продавленным матрасом. У окна расположились три разнокалиберных кресла. Под самой низкой частью карниза примостился старомодный комод.

Рядом со слуховым окном висела фотография в рамке. Сверху рамку украшали засохшие цветы, давным-давно утратившие какой-либо цвет. На фотографии была изображена девушка с красивой прической, стоявшая на обочине дороги, прикрыв один глаз от солнца. На ней были вышитый сарафан и белая блузка.

Джон опустился перед волком-ковром на колени и принялся изучать его вблизи. Он протянул руку и прикоснулся к кончикам изогнутых клыков. Подумать только, когда-то это было настоящее животное, оно бегало по лесу, охотясь за зайцами, оленями, а может быть, даже за людьми!

Джон погладил его мех. Он все еще был густой и упругий, сплошь черный, за исключением нескольких серых полосок вокруг шеи. Хотелось бы Джону знать, кто его подстрелил и зачем. Если бы у него был волк, он бы его ни за что не убил. Он научил бы его охотиться на людей и рвать им глотки. Особенно таким, как его математичка, миссис Беннетт. Как здорово она выглядела бы с разодранным горлом. Кровь так и расползалась бы по страницам «Школьного курса по математике. Часть первая. Н. Е. Парр».

Он уткнулся носом в волчий бок и принюхался в надежде, что тот все еще сохраняет запах животного. Однако Джон сумел уловить в нем лишь пыльный, очень слабый запах кожи. Какой бы запах ни был когда-то у этого волка, с годами он выветрился.

Целый час, а то и два, до самого ланча, Джон играл в охотников. Потом немного поиграл в Тарзана, изображая борьбу с волком-ковром и катаясь с ним по всей спальне. Он сжимал челюсти зверя на своих запястьях, и рычал, и напрягался, как бы пытаясь защитить руку от укуса. Наконец он ухитрился положить волка на лопатки; вновь и вновь он вонзал в зверя огромный воображаемый кинжал, выпускал ему наружу кишки и глубоко в сердце вкручивал лезвие.

В начале первого его позвала прислуга. Он быстро расправил ковер и бегом спустился с лестницы. Женщина уже приготовилась уходить, на ней были шляпа, пальто и перчатки — все черное. На кухонном столе его ждала тарелка с холодной салями, корнишонами и намазанным маслом хлебом, рядом стоял стакан с теплым молоком, на поверхности которого уже начали собираться густые желтые сливки.

Той ночью, после возвращения Смит-Барнеттов, усталых, шумных, пропахших лошадьми и хересом, Джон лежал в своей маленькой кровати, уставившись в потолок и думая о волке. Он был такой гордый, такой свирепый и все же такой мертвый, когда лежал на полу чердака с выпотрошенными внутренностями и устремленными в пустоту глазами. Временами он был зверем, совсем как отец Джона; и возможно, настанет день, когда этот волк снова станет зверем. «О чем можно говорить с этим существом?» — как однажды

выразилась бабушка, прикрывая ладонью телефонную трубку, как будто от этого Джон не мог ее слышать.

Поднявшийся ветер разгонял облака, но в то же время он с силой клонил к земле ветви платанов и раскачивал их из стороны в сторону, от чего на потолке спальни Джона дрожали в неистовой пляске причудливые остроконечные тени, похожие на богомолов, на паучьи лапы и на волчьи когти.

В самый разгар бури он закрыл глаза и попытался уснуть. Однако паучьи лапы со все большим остервенением плясали по потолку, богомолы все чаще вздрагивали и кланялись, а часы в холле Смит-Барнеттов каждые полчаса названивали мелодию вестминстерских колоколов, как бы всю ночь напоминая самим себе, что у них все в порядке — как со временем, так и со вкусом.

А потом, в два с четвертью ночи, он услышал скребущий звук, шедший с чердачной лестницы. Он был в этом уверен. Волк! С чердачной лестницы, выгнув дугой спину и ощетинив хвост, спускался волк. Его янтарные глаза светились в темноте, как огонь, дыхание было частым и тяжелым: хах-хах-ХАХ-хах! хах-хах-ХАХ-хах! Это было дыхание матерого, жаждущего крови зверя.

Джон слышал, как волк пробежал по коридору, миновал спальню Смит-Барнеттов — голодный, голодный, голодный. Слышал, как тот рычал и сопел в дверные скважины. Слышал, как зверь помедлил на втором этаже, потом ринулся вниз по лестнице на поиски Джона.

Теперь он бежал во всю прыть. Хвост колотил о стены коридора, желтые глаза были широко раскрыты, острые уши напряглись. Он шел к нему, чтобы взять реванш. Джону не следовало устраивать эту схватку, не следовало с ним бороться, и хотя кинжал был воображаемым, Джон все же намеревался вырезать из волчьей груди сердце, он все же *хотел* это сделать, хотя и не сделал.

Мальчик слышал глухой перестук волчьих шагов, по мере приближения к спальне они становились все громче и громче. И тут дверь распахнулась. Джона как пружиной подбросило на кровати, и он закричал. Он кричал и кричал, зажмурив глаза, стиснув кулаки. Им совершенно овладел ужас, и он обмочил пижаму.

В комнату вошла миссис Смит-Барнетт. Она обняла его. Затем включила лампу у его кровати, прижала к себе Джона и принялась успокаивать, тихонько шикая ему в ухо. Минуты две-три он мирился с ее объятиями, но потом вынужден был вырваться. Ощутив холод мокрых пижамных штанов, он был настолько смущен, что счел бы за счастье в тот же миг умереть. Однако ему ничего не оставалось, как стоять в халате, дрожа от стыда и холода, пока она меняла ему постель и ходила за чистой пижамой. В конце концов она уложила его, укрыла и подоткнула по бокам одеяло. Высокая носатая женщина в длинной ночной рубашке, с шарфом на голове, прикрывавшим бигуди. Святая, в некотором роде — Bernini[1], да и только; мраморное совершенство, всегда способное справиться с любой проблемой. До чего же ему недоставало мамы, которая не умела ни с чем справиться, или умела, но не очень хорошо.

— Тебе приснился кошмар, — сказала миссис Смит-Барнетт, поглаживая его лоб.

— Все в порядке. Я уже в порядке, — почти сердито ответил Джон.

— Как твои уши? — спросила она.

— Спасибо, лучше. Я видел аиста.

— Здорово. Вообще-то аистов здесь довольно много; но здешние жители считают, что они приносят несчастье. Говорят, если аист сел на твою крышу, то кого-то в доме ждет что-то нехорошее, то, чего он всегда боялся. Думаю, потому люди и говорят, что аисты приносят младенцев! Но я не верю в эти предрассудки, а ты?

Джон помотал головой. Он не мог понять, куда делся волк. Волк сбежал по лестнице, пробежал по коридору, потом вниз на первый этаж, опять по коридору и...

И вот здесь миссис Смит-Барнетт, которая гладит его лоб.

На следующий день он сел в автобус, направлявшийся в Билефельд, — на этот раз один. Всю дорогу он молча стра-

[1] Имеется в виду св. Тереза, одна из семи патронов христианских наций — испанская монахиня, причисленная к лику святых. Известно ее изваяние в мраморе «Экстаз св. Терезы» скульптора Лоренцо.

дал от запаха капустного пота и курева, зажатый между огромной женщиной в черном и тощим юношей с длинными волосинками, растущими из родинки на подбородке.

Зайдя в кулинарный магазин, он купил яблочный штрудель, украшенный взбитыми сливками, и съел его, пока шел по улице. Когда он увидел в витрине магазина свое отражение, то глазам своим не поверил — выглядел он совсем маленьким мальчиком. Он зашел в магазин и просмотрел несколько иллюстрированных книг по искусству. В некоторых были изображены обнаженные люди. Он наткнулся на гравюру Ханса Беллмера[1] с беременной женщиной, в чрево которой вторглись одновременно двое мужчин; два напористых пениса оттеснили ее младенца к одному боку матки. Голова женщины была запрокинута назад, во рту у нее был пенис третьего мужчины, безликого, анонимного.

Он уже собирался выйти из магазина, когда увидел на стене гравюру с волком. Однако, приглядевшись, он понял, что это вовсе не волк, а человек с волчьим лицом. Надпись, выполненная черными готическими буквами, гласила: Wolfmensch[2]. Джон встал на цыпочки и внимательнее вгляделся в картину. Человек-волк был изображен на фоне старинного немецкого городка с обилием островерхих крыш. На одной из верхушек примостился аист.

Джон все еще пристально смотрел на картину, когда к нему подошел хозяин магазина — маленький, лысеющий, с впалыми щеками и желтоватой кожей, одетый в поношенный серый костюм; дыхание его было тяжелым от курева.

— Ты англичанин?

Джон кивнул.

— Тебя интересуют люди-волки?

— Не знаю. Не особенно.

— Ну-ну, а ведь на этой картине, которая тебя так заинтересовала, изображена наша местная знаменитость — че-

[1] Беллмер Ханс (1902—1975) — французский художник-сюрреалист немецкого происхождения.

[2] Человек-волк *(нем.)*.

ловек-волк из Билефельда. Настоящее его имя — Шмидт, Гюнтер Шмидт. Он жил — здесь указаны даты — с тысяча восемьсот восемьдесят седьмого по тысяча девятьсот двадцать третий год. Он был сыном школьного учителя.

— Он убил кого-нибудь? — спросил Джон.

— Да, так говорят, — кивнув, ответил владелец магазина. — Говорят, он убил немало молодых женщин, когда те ходили погулять в лес.

Джон ничего не ответил, лишь с благоговейным ужасом уставился на человека-волка. У него было необыкновенное сходство с ковром, лежавшим на чердаке Смит-Барнеттов, — те же глаза, и клыки, и волосатые уши, но потом мальчик подумал, что все волки выглядят одинаково. Что все они на одно лицо.

Хозяин снял с крючка картину.

— Никто не знает, как Гюнтер Шмидт стал человеком-волком. Кое-кто говорит, что во времена Тридцатилетней войны его предка покусал какой-то наемник, человек-волк. Видишь ли, существует легенда, что когда парламент Ратисбона призвал назад генерала Валленштейна, тот привез им в помощь каких-то странных наемников. В битве при Лютцене он был разбит Густавом, однако у многих воинов Густава оказались ужасные раны, разодранные глотки и все такое прочее. Что ж, может быть, это и правда. Но правда и то, что битва при Лютцене происходила при полной луне, а тебе, наверное, известно, как называются люди-волки. Как мужчины, так и женщины.

— Оборотни, — с благоговейным трепетом сказал Джон.

— Верно, оборотни! Кстати, разреши показать тебе вот эту книгу. В ней перечисляются все жертвы оборотней за последние пятьдесят лет. Очень интересная книжка, если тебе нравится, когда тебя пугают!

С полки, висевшей у него над столом, он снял большой альбом в коричневой бумажной обложке и, раскрыв, кивком предложил Джону взглянуть.

— Вот! Это одна из жертв оборотней. Лила Бауэр, убита в Текленбурге в ночь на двадцатое апреля тысяча девятьсот двадцать первого года, у нее было разорвано горло. А вот Мара Тиль, обнаруженная мертвой в Липпе девятнадцатого

июля 1921 года, также разорвано горло... *und so weiter, und so weiter*[1].

— А это кто? — спросил Джон.

Он увидел фотографию девушки в сарафане и белой блузке, блондинку, стоявшую на обочине дороги, прищурив один глаз от солнца.

— Это Лотта Бремке, нашла свою смерть вблизи Хеепена пятнадцатого августа тысяча девятьсот двадцать третьего года. Опять же распорото горло. Как говорится, последняя жертва. После этого о Гюнтере Шмидте никто ничего больше не слышал... хотя вот, посмотри. В Вальдштрассе было найдено прибитое гвоздями к дереву человеческое сердце с запиской, что вот, мол, сердце волка.

Джон долго не мог оторвать глаз от фотографии Лотты Бремке. Он был уверен, что это та самая фотография, что висит на чердаке дома Смит-Барнеттов. Но означает ли это, что Лотта Бремке когда-то там жила? А если жила, то откуда взялась волчья шкура? Возможно, отец Лотты Бремке убил человека-волка, а потом прибил его сердце к дереву и держал в доме его шкуру в качестве ужасного сувенира?

Джон закрыл книгу и вернул хозяину. Тот смотрел на мальчика тусклыми бесстрастными глазами со зрачками цвета холодного чая.

— Ну как? — спросил хозяин. — *Wass glaubst du?*[2]

— Вообще-то меня не интересуют оборотни, — ответил Джон.

В его жизни было кое-что пострашнее оборотней, например, когда он обмочил постель на глазах у миссис Смит-Барнетт.

— Но ты так смотрел на эту картину, — улыбнулся хозяин.

— Я просто поинтересовался.

— Да-да, конечно. Но не забывай, что зверь не внутри нас. Это важно помнить, когда имеешь дело с людьми-волками. Зверь не внутри нас. *Мы внутри зверя, versteh?*[3]

---

[1] И так далее, и так далее *(нем.)*.

[2] Что ты думаешь? *(нем.)*

[3] Понимаешь? *(нем.)*

Джон пристально посмотрел на хозяина. Он не знал, что ответить. Ему казалось, что этот человек мог понять все, о чем он, Джон, думает, прочесть с легкостью, как раскрытую книгу, лежащую на речной отмели. Чтобы перевернуть страницу, требовалось лишь замочить пальцы.

Джон сел в автобус и поехал обратно в Хеепен. Было почти половина шестого, небо стало сине-фиолетовым. Над Тевтобургским лесом взошла луна, подобная ясному лику Создателя. Когда Джон вошел в дом Смит-Барнеттов, тот был уже весь освещен, в кухне хихикали Пенни с Вероникой, в гостиной полковник Смит-Барнетт развлекал компанию из шестерых или семерых приятелей-офицеров (взрывы хохота, облака сигаретного дыма).

В кухню вошла миссис Смит-Барнетт, и Джон впервые обрадовался, увидев ее. На ней было блестящее вечернее платье, но лицо ее побагровело от ярости.

— Где ты был? — закричала она.

Она была так разгневана, что прошло несколько секунд, прежде чем до Джона дошло, что она кричит на него.

— Я ездил в Билефельд, — растерянно ответил он.

— Ты ездил в Билефельд без нашего разрешения! Мы с ума сходили! Джеральд вынужден был позвонить в местную полицию. Ты не можешь себе представить, до чего он терпеть не может обращаться за помощью к местным.

— Простите меня, — сказал Джон. — Я думал, что ничего такого в этом нет. Мы ведь ездили во вторник. Я думал, что и сегодня можно.

— Ради бога, неужели недостаточно того, что мы с тобой нянчимся? Ты провел здесь всего четыре дня, а мы не видели от тебя ничего, кроме беспокойства. Неудивительно, что твои родители разошлись!

Джон сидел с опущенной головой и ничего не отвечал. Он не понимал пьянства взрослых. Он не понимал, что когда люди чем-то раздражены, они способны сделать из мухи слона, что на следующее утро можно извиниться и все забыть. Ему было одиннадцать лет.

Вероника поставила перед ним ужин. Это был холодный куриный окорочок с корнишонами. Джон попросил, чтобы

ему не давали теплого молока, объяснив это тем, что он его не любит. Вместо молока Вероника налила ему стакан выдохшейся кока-колы.

В тот вечер, лежа в постели, он мучился угрызениями совести и плакал так горько, словно сердце его разрывалось на части.

Но в два часа ночи он раскрыл глаза и почувствовал, что совершенно спокоен. Луна так ярко светила сквозь шторы спальни, что свет вполне мог сойти за дневной. Мертвящий, но все равно дневной свет.

Джон поднялся с кровати и взглянул на себя в маленькое зеркало. На него смотрел мальчик с серебрящимся лицом. Он произнес: «Лотта Бремке». Этого было достаточно. Он знал, что она жила здесь, когда дом был только построен. Он знал, что с ней произошло. Некоторые вещи для детей настолько очевидны, что они лишь растерянно моргают, когда взрослые не могут их понять. Отец Лотты Бремке сделал то, что на его месте сделал бы любой отец. Он выследил человека-волка и убил его, а потом прибил его сердце (удар! дрожь! удар! дрожь!) к стволу ближайшего платана.

Джон скользнул к двери и открыл ее. Крадучись прошел по коридору. Поднялся по лестнице, так же крадучись прошел по коридору второго этажа. Раскрыл выкрашенную кремовой краской дверь, ведущую на чердак. Взобрался вверх по лестнице.

Он не сомневался, что волк-ковер со своими сверкающими желтыми глазами и жесткой шерстью ждет его. Джон прополз на четвереньках по грубому гессенскому ковру, погладил шкуру и прошептал:

— Человек-волк — вот кто ты был. Не отрицай. Ты был снаружи, верно? Ты был шкурой. Вот в чем разница; вот то, чего никто не понимал. Оборотни — это волки, превратившиеся в людей, а не люди, которые превратились в волков! И ты бегал вокруг их домов, так ведь? Бегал по лесу и ловил их, и кусал их, и разрывал им горло, и убивал их! Но они поймали тебя, да, волк? Они вытащили человека, который был у тебя внутри. Они вытащили все твои внут-

ренности, и у тебя не осталось ничего, кроме твоей кожи. Но ты не беспокойся. Теперь я буду твоим человеком. Я надену тебя на себя. Вот сейчас ты ковер, а через минуту будешь настоящим волком.

Он встал и поднял с пола ковер. В тот день, когда Джон с ним боролся, он казался ему тяжелым, теперь же он стал еще тяжелее, почти таким же тяжелым, как живой волк. Джону понадобились все силы, чтобы взгромоздить шкуру на плечи и расправить на себе ее пустые ноги. Затем он надел себе на макушку волчью голову.

Волоча на себе шкуру, он еще долго топтался по чердаку.

— Я — это волк, волк — это я, — шептал он. — Я — это волк, волк — это я.

Он закрыл глаза и принялся раздувать ноздри. «Теперь я волк, — внушал он себе. — Свирепый, быстрый, опасный». Он представил, как мчится по лесу, между деревьев, лапы его бесшумно и неумолимо передвигаются по толстому ковру из сосновых иголок.

Он открыл глаза. Пришло время реванша. Волчьего реванша! Он спускался по лестнице, а хвост тяжело и глухо ударял по ступеням. Он толкнул дверь и вприпрыжку поскакал по коридору к слегка приоткрытой двери смит-барнеттовской спальни.

Из глубины его горла вырвалось рычание, изо рта закапала слюна. Но приблизившись к двери спальни, он затаил дыхание.

Я — это волк, волк — это я.

Он был в трех-четырех шагах от двери, когда она бесшумно открылась, и коридор залил лунный свет.

Джон мгновение поколебался, потом снова зарычал.

И тут из спальни Смит-Барнеттов что-то вышло — что-то такое, от чего волосы на затылке у Джона встали дыбом, а душа ушла в пятки.

Это была миссис Смит-Барнетт... и все же это была не она. Она была голая, высокая и голая, однако не просто голая — у нее не было кожи. Ее тело светилось белыми костями и туго натянутыми перепонками. Джону видны были даже ее пульсирующие артерии и ажурный узор из вен.

Внутри узкой, длинной грудной клетки в частом тяжелом дыхании вздымались и опадали легкие.

Лицо ее было ужасающим. Казалось, оно вытянулось в длинную костистую морду, губы запали внутрь, вплотную к зубам. Глаза горели желтым светом. Желтым, как у волка.

— *Где моя кожа?* — спросила она не то шипящим, не то рычащим голосом. — *Что ты делаешь с моей кожей?*

Джон не заметил, как волк-ковер сполз с его плеч и соскользнул на пол. Мальчик не мог говорить. Он даже дышать не мог. Не в состоянии пошевелиться, он с ужасом смотрел, как миссис Смит-Барнетт упала на четвереньки и, казалось, скользнула внутрь волка-ковра, как проскальзывает голая рука в меховую перчатку.

— Я не *хотел*, — успел выдохнуть он, но тут когти впились ему в горло, и зверь прижал его спиной к стене. Мальчик сделал вдох, чтобы закричать, но вместо воздуха в горло ему хлынуло полпинты теплой крови. Волк-ковер пришел за ним, и Джон не в силах был его остановить.

Отец Джона приехал на следующее утро, как всегда около половины десятого, чтобы перед работой минут пять-десять пообщаться с сыном. Его водитель-немец не заглушил мотор «фольксвагена» цвета хаки, поскольку утро было довольно холодное — температура опустилась ниже пяти градусов. Офицерская тросточка прогибалась под его рукой, когда он поднимался на крыльцо. Мужчина удивился, что входная дверь была раскрыта настежь. Он нажал на звонок и вошел в дом.

— Дэвид? Элен? Есть кто-нибудь в доме?

Из кухни послышалось странное мяуканье.

— Элен? Что-то не так?

Он прошел в дальний конец дома. В кухне он увидел прислугу-немку, которая сидела за столом, все еще в пальто и шляпе; напротив нее лежала сумочка. Женщину трясло, она судорожно всхлипывала.

— В чем дело? — спросил отец Джона. — Где все?

— *Etwas schrecklich*[1], — дрожащим голосом ответила прислуга. — Вся семья мертва.

— Что? Что значит «вся семья мертва»?

[1] Нечто ужасное *(нем.)*.

— Вверху, — сказала женщина. — Вся семья мертва.

— Позовите моего водителя. Скажите ему — пусть идет сюда. Потом позвоните в полицию. *Polizei*, понятно?

Вне себя от ужасных предчувствий, отец Джона взбежал по лестнице. На первом этаже он увидел приоткрытую дверь спальни, всю в пятнах крови. На ковре валялись измятые фотографии улыбающихся Пенни и Вероники, красные наградные розетки с конноспортивных состязаний были разорваны и растоптаны.

Он приблизился к спальне девочек и заглянул туда. Пенни в неестественной позе лежала на спине, шея ее была так изуверски вспорота, что голова почти отделилась от тела. Вероника лежала вниз лицом, ее белая ночная рубашка была в темных пятнах крови.

На отца Джона страшно было смотреть, когда он направился в спальню сына. Он открыл дверь — кровать была пуста, в комнате не было никаких признаков присутствия мальчика. Отец с пересохшим горлом через силу пробормотал молитву. Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы он был жив.

Он поднялся выше. Коридор второго этажа был забрызган пятнами крови в виде загогулин и вопросительных знаков. Полковник Смит-Барнетт лежал в своей спальне на спине с разорванным горлом и глядел раскрытыми глазами в потолок. Он выглядел так, словно на нем был кровавый нагрудник. Никаких признаков Элен Смит-Барнетт в доме не было. Дверь, ведущая к верхней лестнице, была вся в отпечатках окровавленных рук. Отец Джона открыл ее, сделал глубокий вдох и медленно поднялся на чердак.

Комнату заливал солнечный свет. Войдя туда, мужчина оказался лицом к лицу с ковром из цельной волчьей шкуры. Челюсти волка были темными от запекшейся крови, шерсть на морде слиплась. Ковер приподнимался небольшим бугорком — что-то лежало под ним. Отец Джона долго не мог решиться, но в конце концов взял ковер за край и поднял его. Под ним были наполовину переваренные останки мальчика.

ХЬЮ Б. КЕЙВ

Шептуны

Хью Б. Кейв (Hugh B. Cave) родился в 1910 году в Честере, Англия. Когда ему было пять лет, его семья эмигрировала в Америку. Свой первый рассказ «Остров Божьего суда» (Island Ordeal) он опубликовал в одном из журналов в 1929 году.

С тех пор у Кейва вышли сотни рассказов в таких журналах, как «Таинственные истории» (Weird Tales), «Странные истории» (Strange Tales), «Истории о привидениях» (Ghost Stories), «Черная книга детектива» (Black Book Detective), «Захватывающие тайны» (Thrilling Mysteries), «Ужасные истории» (Horror Stories), «Страшные сказки» (Terror Tales), «Сатэрдей ивнинг post» (The Saturday Evening Post), «Шепоты» (Whispers) и «Фантастические рассказы» (Fantasy Tales).

В 1977 году Карл Эдвард Вагнер в своем издательстве «Каркоса» (Carcosa) опубликовал ряд лучших рассказов Кейва в антологии «Марджанстрамм и другие» (Murgunstrumm and Others), получившей Всемирную премию фэнтези (World Fantasy Award).

Издательство «Стармон Хаус» (Starmont House) выпустило сборник «Трупных дел мастер» (The Corpse Maker) под редакцией Шелдона Джефри (Sheldon Jaffery), а также биографию Кейва, написанную Одри Парент «Одиссея мастера сенсаций: История Хью Б. Кейва» (Pulp Men's Odyssey: The Hugh B. Cave Story by Audrey Parente). В 1991 году писатель был удостоен награды от американской организации «Писатели в жанре хоррор» (The Horror Writers of America).

Рассказ «Шептуны» — переработанная версия рассказа, который Кейв впервые опубликовал в 1942 году в сборнике «Захватывающие мистические истории» (Spicy Mystery Stories) под шутливым псевдонимом «Джастин Кейс» (Justin Case)[1].

---

[1] По-английски этот псевдоним звучит как «на всякий случай».

Это был очень старый и заброшенный дом. Чтобы подобраться к нему, нам пришлось перелезть через сломанные ворота, на которых висела табличка «Продается», а потом продираться через густую и высокую, чуть ли не в человеческий рост, траву.

— Милый, — воскликнула Анна, — это то, что надо! Давай его купим!

Я посмотрел на нее в изумлении. Мы уже неделю как поженились, но до сих пор при каждом ее слове и движении мне хотелось заключить ее в объятия. Анна настаивала:

— Можно ведь привести дом в порядок и ездить сюда хотя бы на выходные.

А я подумал, что вполне мог бы жить здесь постоянно, поскольку я — как писатель — мог жить вообще где угодно.

Через час мы уже были в деревне и отыскали Джедни Прентисса, агента, чье имя и телефон значились на табличке о продаже.

Цену, по моему мнению, он назвал вполне разумную.

— Да и дом до сих пор в отличном состоянии, даром что шесть лет пустовал, — подчеркнул агент. И мы отправились в Харкнесс, чтобы оформить сделку.

Позже мы растопили в нашем новом доме большой камин и сожгли дорожные карты. Потом выбрали комнату, которая будет служить нам спальней, и отправились на работу, решив до вечера хоть что-то сделать. Анна приобрела в Харкнессе кое-что из мебели и постельное белье. В магазине ей пообещали доставить все сегодня же.

Обживать дом было занятно. Чтобы не запачкать платье, Анна разделась, и вот она бегает туда-сюда в одном белье то с тряпкой, то со шваброй и ведром воды. Я любовался ею и думал, как же мне повезло.

А в шесть появилась, так сказать, компания. Анна как раз вышла во двор вылить грязную воду. Я, стоя на коленях, разбирал хлам в спальне. И вдруг со двора у меня за спиной донесся незнакомый голос:

— Вы собираетесь тут жить, мистер?

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности. На пороге стояла тощая, замореная девочка лет двенадцати. Мне сразу

же стало ее жалко, и я поднялся на ноги, стараясь двигаться медленно, чтобы не напугать ребенка.

— А ты кто? Соседка? — приветливо спросил я.

— Я раньше тут жила. Меня зовут Сюзи Каллистер.

Джедни Прентисс упоминал их семью. Каллистеры были из местных и когда-то арендовали этот дом. Потом Джим Каллистер умер, а его жена и дочка съехали.

— Вы что, снятили — селиться в таком месте, — заявила девочка. — Мамка моя говорит, тут нечисть водится.

— Неужели?

— Она с меня шкуру спустит, если узнает, что я сюда ходила!

— А ты часто здесь бываешь? — спросил я.

— Угу. Папка тут помер. Я по нему скучаю, вот и прихожу с ним поговорить.

— Как ты сказала?

— Ну... может, я и не говорю с ним так, как с вами, — туманно ответила девочка, — но я ему все рассказываю, и он слушает. Я спускаюсь в подвал, сажусь там на ящик и рассказываю папке, как мамка меня сюда не пускает. Иной раз бывает, папка что и ответит шепотом. Он там, в подвале, и помер. Сердце у него прихватило.

— Питер! — позвала со двора Анна. — Я приготовила кофе и бутерброды. Уже шесть, я умираю от голода.

— Ой! — всполошилась Сюзи. — Чего, уже так поздно? Мамка меня прибьет! — Она метнулась к выходу, как вспугнутый кролик, потом замерла и тихо, умоляюще сказала: — Можно, я буду приходить иногда, с папкой поговорить? Вы меня пустите? Ну пожалуйста!

Мне по-прежнему было жалко девочку, да к тому же показалось, что у нее есть какая-то тайна, и поэтому я ответил:

— Приходи сколько хочешь.

Она кивнула и умчалась, хлопнув дверью. Когда я вышел в прихожую, там в полумраке стояла Анна, и выражение лица у нее было странное.

— Что это за девочка, Питер?

Я объяснил, и, как мне показалось, она вздохнула с облегчением. Мы накрыли ужин на кухне. Анна была непривычно притихшей.

Наверное, просто устала. Я обошел вокруг стола и обнял ее за плечи:

— Ты перетрудилась.

Она прильнула ко мне, слегка расслабилась и заулыбалась. И все же она вся дрожала. Внезапно Анна спросила:

— Питер, ты не мог бы сразу после ужина осмотреть подвал? Я туда спускалась, когда убирала, и мне показалось, что там крысы. В углу, где старый верстак, и под ним что-то шуршало. Странный такой звук был.

— Я их оттуда выгоню, — с легким сердцем пообещал я. Но Анне было страшно — я чувствовал это по тому, как она прижималась ко мне.

Однако спуститься в подвал сразу же после ужина мне не удалось: доставили наши покупки — мебель и все прочее, — так что мы провозились с расстановкой до ночи, и заняться крысами я собрался, только когда уже совсем стемнело.

Взяв старинную керосиновую лампу, я медленно, осторожно спустился по стертым крутым ступенькам в подвал, поставил лампу на верстак и огляделся.

Подвал был просторный, стены и пол — голые, каменные. Может, на полу когда-то и были настелены доски, но их давно содрали. Я живо представил себе, как бедняжка Сюзи сидит здесь в холоде и темноте, изливая свои горести покойному отцу. Надо будет что-то придумать насчет Сюзи и как-то разобраться с чертовыми крысами, чье шебаршение девчушка принимает за папин голос. Куда это годится?!

Неужели в доме все-таки водятся крысы? Я сел на перевернутый ящик и прислушался. И постепенно тоже различил не то шорох, не то шепот. Кажется, он исходил именно из того угла подвала, где пол был земляной.

Я поднялся и крадучись пошел на звук. Крысы? Что-то непохоже. Звуки действительно больше напоминали шепот, причем зовущий. Я готов был поклясться, что этот голос пытается мне что-то сказать.

Опустившись на четвереньки, я прополз в дальний угол и исследовал каждый дюйм утрамбованной земли, но ничего не обнаружил. Звуки стихли. Может, крысы вырыли туннель под этой частью подвала? Но роют ли они туннели?

Я шагнул к лампе и замер. Вокруг моей правой щиколотки сомкнулось нечто невообразимо холодное, но при этом мягкое, нежное, будто касание женских губ. У меня захолонуло сердце и по спине пробежала дрожь — наверное, нечто подобное испытал бы мужчина, перед которым откуда ни возьмись возникла бы прекрасная обнаженная женщина.

Опустив глаза, я различил что-то похожее на человеческую руку, ухватившую меня за щиколотку. Но видел я ее смутно и готов был поклясться, что она какая-то прозрачная, призрачная. Внезапно раздался странный скрип, и я вновь остановился как вкопанный, но в ту же минуту рванулся, высвобождаясь из хватки, поднял голову и увидел, что дверь на другом конце подвала распахнулась от порыва ледяного ветра. Вот вам и объяснение! Никакой призрачной руки, а просто ночной сквозняк!

В дверном проеме показались ноги — женские ноги в грубых черных чулках. Потом появилась рука, цепляющаяся за дверь, а за ней — женское лицо. Незваная гостья медленно, хватаясь за стену, спускалась в подвал по старой деревянной лестнице.

Она явно не замечала меня. Странно, ведь лампа горела достаточно ярко. Я всмотрелся в фигуру женщины. Грубое и поношенное черное платье подчеркивало бледность ее лица и шеи. Она прокралась к верстаку, что-то шепча, и ее хрипловатый шепот эхом отражался от сырых стен подвала.

— Опять она сюда приходила. Да, Джим Каллистер? Уж я-то знаю. У нее по глазам видать. Она повадилась сюда, а мне ни слова, все тайком, а ты с ней говоришь, она набирается от тебя всяких глупостей. Но ты ее не получишь, не получишь, прах тебя побери! Ужо я увезу ее, да так далеко, что тебе ее не видать! Не дотянешься до нее своими волосатыми лапами, так и знай! Понял? Я с тобой управлюсь. Один раз управилась и второй смогу.

Она погрозила в темноту кулаком. Лицо ее исказилось от ярости. Мне казалось, я слышу, как оглушительно колотится ее сердце под черным платьем. Я не выдержал и резко сказал:

— Постойте, миссис Каллистер!

Вдова вскинулась как ужаленная. Глаза ее — мутные, белые — обежали подвал и наконец остановились на мне.

Тут я понял, почему вдова не видела меня раньше: она была почти слепой.

— Все в порядке, не пугайтесь, миссис Каллистер. — сказал я. — Меня зовут Питер Уинслоу, я купил этот дом. Я хотел бы потолковать с вами, если вы не...

Она на ощупь нашла дорогу к двери и, прежде чем я успел ее остановить, исчезла — ее будто проглотила ночная тьма. Я тоже поднялся наверх, озадаченный и напуганный.

В ту ночь мы услышали, как возятся крысы. Нежная, мягкая, Анна прижалась ко мне всем телом, дрожа от ужаса. Я попытался ее успокоить, а сам мрачно думал: «В подвале водятся крысы. Там умер отец Сюзи Каллистер. И Сюзи, и вдова Каллистер ведут себя очень странно. И что это за крысы такие, которые не просто возятся, а еще и шепчутся?»

С утра я поехал в деревню за крысоловками (Анна осталась дома). Хозяин местной лавки оказался тощим мосластым мужчиной. Когда я представился, он сказал:

— А, так вы, значит, купили старый дом Прентиссов? Ну и как вам там, пришлось по душе?

— Думаю, когда приведем дом в порядок, нам там понравится.

Хозяин странно на меня посмотрел:

— Оно конечно, покраска и все такое дому не помешают, а только одного они не изменят: того, что случилось с Джимом Каллистером. Я ведь еще и по похоронному делу тут, так что готовил его к погребению. И вот что я вам скажу. По нему было видно: человек не своей смертью помер. Уж я это всем твердил, пока не охрип, да только никто и слушать не стал.

— Объясните, что вы имеете в виду! — потребовал я.

— Дело было так. Он в ту ночь работал в подвале. Похоже, он вообще чуть ли не всю жизнь проторчал в подвале. Ну а в ту ночь уж очень тихо он работал, просто ни звука из подвала. Жена, понятно, всполошилась, спустилась проверить, что да как, глядь — а он на полу лежит, мертвый. Ну, во всяком случае, так выходит по *ее* словам. — Лавочник фыркнул. — Док Дигби потом сказал: «Каллистер помер от сердечного приступа». Но я же говорю, я готовил

Каллистера к погребению, обмывал, то-се, так вот: сроду не видал, чтоб от сердечного приступа человек весь шерстью порос, в одночасье.

— Шерстью?

— Ну да, косматой шерстью, чисто собака или волк. Разве что на лицо она не пошла.

Я пристально уставился на лавочника, стараясь понять, не врет ли он.

— Но и это еще не все. Я когда его обмывал да в порядок приводил... ну, сами знаете, как полагается... так мне сильно не понравилось, что из него лезло.

Меня замутило, и я слабым голосом ответил:

— Не знаю и не вполне вас понимаю.

— Уж больно все это добро воняло. По-моему, Джима отравили.

— Но кто... и зачем?

— Нет, уж пожалуй, я вам больше ничего не скажу. И так наболтал лишнего. — Тут лавочник, он же погребальных дел мастер, повернулся ко мне спиной.

Я размышлял об услышанном всю дорогу домой и решил, что надо осмотреть подвал еще раз. И обязательно при первой же возможности поговорить с доктором Дигби. Уже на подъезде к дому я заметил у ворот чью-то машину — древнюю и с красным крестом. Значит, местный доктор сам к нам пожаловал.

Доктор Эверетт Дигби оказался лысым пожилым человечком. Он уже вовсю болтал с Анной. Представившись, он протянул мне руку, я пожал ее — ну просто мокрая резиновая перчатка, а не рука.

— Решил вот заехать познакомиться, — сказал Дигби, неестественно улыбаясь.

«Как же! Тебе интересно, действительно ли мы решились тут жить, — подумал я. — Ты что-то знаешь об этом доме и о Джиме Каллистере... и не хочешь, чтобы мы это выяснили».

С полчаса мы болтали о том о сем. Наконец я осторожно подвел разговор к интересующей меня теме:

— Лавочник намекал, будто Джим Каллистер умер не своей смертью.

Дигби натянуто рассмеялся:

— Вы больше верьте Бену! Он врет как дышит, а все потому, что самогон гонит и ему уже мерещится.

«Или он, или ты — кто-то из вас определенно врет, но вот кто?» — подумал я.

Анна извинилась и пошла готовить ланч. Тут с Дигби мигом слетела вся наигранная вежливость и веселье. Он наклонился ко мне и приглушенно заговорил:

— Вы что, спятили, Уинслоу, — покупать этот дом? Бен Невинс сказал вам чистую правду, ну, отчасти. Обстоятельства смерти Каллистера действительно были странными, а виноват во всем этот дом. На вашем месте я бы начал складывать вещички прямо сейчас!

— Но почему?

Дигби бросил быстрый взгляд на дверь кухни и продолжал еще тише:

— Скажу вам только то, в чем уверен, а свои предположения оставлю при себе. Каллистер поселился здесь три года назад, и поначалу все шло отлично. Потом он устроил себе верстак в подвале, и тут началась чертовщина. Он весь исхудал и стал какой-то дерганый. Жена умоляла меня осмотреть его. Я осмотрел и не знал, что и думать. Вроде бы здоровый мужик, никаких болезней, но с ним творилось что-то неладное. Кожа у него стала белая и мягкая, а потом на ней начала пробиваться шерсть. Да и характер у него поменялся. Раньше он был душа нараспашку, а тут стал какой-то скрытный.

— А перед смертью ему стало хуже? — спросил я.

— Физически — не знаю. После первого и единственного осмотра Джим меня к себе больше не подпускал. Но, по словам жены, он делался все угрюмее. Ей с дочкой здорово доставалось.

— И вы верите, что виноват во всем дом?

Дигби отвел глаза и нервно облизнул пересохшие губы.

— Что-то повлияло на Джима. Изменило его суть. Но что, я не знаю. Одно скажу: вам лучше уехать, и как можно скорее, ради вашей же безопасности. На свете есть многое, что нам не понять, Уинслоу. Я не знаю, какая сила превратила милейшего Джима Каллистера в коварного косматого зверя, но... — Он умолк, но было поздно.

На пороге стояла Анна.

Дигби поднялся и утер со лба обильную испарину.

— Мне пора, — пробормотал он. — Я и так наболтал лишнего. — Он выскочил за дверь и поспешил к машине.

Когда доктор уехал, Анна тихо спросила:

— Питер, о чем это он говорил? Что стряслось с Джимом Каллистером?

— Ничего, милая.

— Скажи мне. Ну пожалуйста!

Деваться было некуда, и я пересказал ей все, что узнал, — правда, тщательно выбирая слова.

— У меня такое чувство, будто в этом доме и впрямь случилось что-то страшное, и отчасти — из-за Каллистера и с ним самим. Мне кажется, что он пытается выкурить нас из дома, прежде чем мы узнаем его тайну, — заключил я. Потом я обнял Анну и поцеловал ее, но мысли мои все равно возвращались к подвалу и загадочному шепоту.

Вечером я возился на кухне, прибивая старые полки, и вдруг мою щиколотку пронзила острая боль. Я чуть было не вскрикнул, но боль прошла мгновенно. Однако при первой же возможности я поднялся наверх, в спальню, заперся, снял носок и осмотрел ногу.

На подъеме появилось какое-то пятно — точно заплатка из белой, даже с серовато-голубоватым отливом кожи. Испуганный, я поплевал на это пятно, растер слюну, вновь натянул носок и обулся. Теперь я непрерывно думал о подвале. Нужно обязательно спуститься туда и во всем разобраться! Я начал лихорадочно придумывать, под каким бы предлогом оставить Анну одну, чтобы она не помешала мне спуститься в подвал, не помешала подкараулить...

Подкараулить что? Шепот?

Подходящий случай подвернулся лишь к ночи. Мы решили выпить по стаканчику на сон грядущий и сидели на кухне. Анна переоделась в пижаму. Я, молодожен, должен был бы радоваться, что эта прелестная женщина всецело принадлежит мне, что я могу в любой миг заключить ее в объятия и осыпать поцелуями. Но я как проклятый думал только о подвале и, улучив минуту, сказал:

— Ступай ложись, милая, а я спущусь в подвал. Надо зарядить крысоловки.

Анна взглянула на меня со странным выражением в глазах, однако я отвернулся и, прикрыв за собой дверь, спустился в подвал.

Ноги сами несли меня к верстаку, к пятачку земляного пола перед ним. Тут я замер и стал ждать. Прошло десять минут, пятнадцать, и вот вновь раздался шепот! Этот многоголосый шепот доносился из-под земли, а может, шел от стен: вкрадчивый, свистящий шепот, в котором, казалось, я вот-вот различу отдельные слова.

Руки у меня затряслись. Я весь задрожал от волнения, опустился на четвереньки и пополз на звук. Внезапно мои руки превратились в когтистые лапы, и лапы эти стали ожесточенно рыть землю!

Теперь шептуны издевались надо мной. Их голоса стучались в мой мозг, мучили меня, требуя чего-то еще. Я рыл и рыл, яростно, как обезумевшее животное, как собака, выкапывающая припасенную кость. Вскоре я уже вырыл яму фута в два глубиной и наткнулся на дерево.

Это оказалась крышка цистерны. Поднять ее мне не удалось, но, поискав, я нашел ломик, которым можно было подцепить край крышки, запечатанный цементом. Я как сумасшедший ковырял и ковырял твердый цемент, пока он не начал крошиться. Потом я налег на ломик, подцепил крышку и невероятным усилием сдвинул ее в сторону.

Передо мной зияла черная яма, чернее темноты подвала. Я опустился перед ней на четвереньки, и из непроглядной сырой тьмы до меня долетел вздох — наполовину человеческий, наполовину звериный, — и в нем была вся утробная тоска мира, в этом скулящем вздохе.

Схватив фонарик, я направил его луч в яму. Она была пугающе глубокой. Свет выхватил из тьмы серые, сырые стены, поросшие лишайником, который, казалось, корчился в агонии, не в силах вынести прикосновения света. Цистерна была так глубока, что на дне копилась тьма, с которой свету фонарика было не совладать, и тьма эта упорно хранила свои зловещие тайны. Казалось, будь луч даже в сто раз ярче, он и то не рассеял бы эту тьму, непроницаемую тьму, из которой поднимались шепотки, голоса неведомых шептунов, взывавших ко мне!

Я вдруг почувствовал, что по подвалу разливается нестерпимый холод. Меня начало колотить. Я в испуге попятился от зияющей черной пасти, но холод не отпускал, точно чьи-то незримые ледяные руки раздели меня донага и теперь теребили холодными пальцами.

Острая, рвущая боль обожгла мне грудь, побежала по рукам. А за болью нахлынул страх — страх перед тьмой, перед черной ямой, перед замшелыми стенами подвала. Скуля от ужаса, я с трудом водрузил на место крышку цистерны и торопливо засыпал ее землей. А потом опрометью кинулся прочь из подвала.

Анна еще не спала — она поджидала меня в постели, листая журнал.

— Питер! — вскрикнула она.— Ты белее мела! Что случилось?

Я забрался в постель и стиснул Анну в объятиях. Меня терзал страх, что нам грозит беда, которая может нас разлучить.

— Милый, — ласково прошептала она, не жалуясь на боль, хотя, уверен, я делал ей больно,— чем ты так расстроен? Успокойся.

Ее губы нашли мои, и страх наконец отпустил меня.

Утром Анна решила, что я еще сплю, поэтому, не желая меня будить, тихонько оделась и ушла на кухню. Но я не спал и наблюдал за ней из-под полуопущенных век.

Я вспомнил подвальные шепотки, вспомнил и то, на что науськивали меня шептуны.

Анна решила в это утро съездить в Харкнесс купить материи на занавески и еще кое-что по хозяйству. Я слышал, как она отъехала. Только тогда я крадучись выбрался из постели, скинул пижаму, нагишом подошел к зеркалу и принялся изучать свое отражение.

Ох, как мне *понравилось* то, что я увидел!

Одевшись, я отправился на кухню. Анна оставила мне завтрак на столе. Я ел не спеша и думал об Анне, о том, что случится — не может не случиться, — когда она вернется. Вдруг до моих ушей донесся скрип. Это отворилась входная дверь. Затем я услышал тоненький голосок Сюзи Каллистер:

— Есть кто дома?

Я позвал девочку. Она вошла на кухню и застенчиво, исподлобья, посмотрела на меня.

— Вы сказали: я могу приходить, как захочу, — напомнила Сюзи. — Приходить поговорить с папкой.

— Деточка, конечно, на здоровье!

— Если я в подвал спущусь, вы мамке не скажете? — Глубоко посаженые глазки смотрели на меня умоляюще. Губы дрожали. — В прошлый раз мне от нее ух как влетело. Она говорит, мы отсюда уедем. Может, прямо завтра. Вот я и хочу проститься с папкой.

Я улыбнулся, взял Сюзи за руку и повел через холл к двери в подвал, потом поставил ее на верхнюю ступеньку скрипучей деревянной лестницы и проследил, как девочка спускается в темноту. Конечно, она слишком мала и в ее хрупком тельце мало привлекательного. Но кожа у нее нежная, белая, ножки стройные, грудки уже проклевываются — все лучше, чем ничего.

Шепотки защуршали у меня в голове, понукая, науськивая. Они звучали громко как никогда, они командовали, что делать дальше, эти голоса зла.

Я мягко прикрыл подвальную дверь и запер ее на ключ. Потом устроился в гостиной и стал ждать.

И вот я услышал и почуял то, чего ждал, и каждая клеточка в моем теле, истомленная ожиданием, затрепетала, как трепещут от страстной ласки. Из темноты подвала долетел тонкий заячий вопль ужаса. По ветхой деревянной лестнице протопали детские ножки. Кулачки Сюзи яростно заколотили в запертую дверь.

Вопль стих, потом возобновился с новой силой, перешел в надрывный вой, а затем смолк.

Я сидел в гостиной и улыбался во весь рот, слушая этот жалобный крик как музыку, смакуя его, как гурман смакует хорошее вино, пока не наступила тишина.

Я отворил дверь в подвал, но там было тихо. Шептуны унялись. Я спустился вниз и осмотрелся. Малышка Сюзи простилась не только с папой, но и со всем белым светом. Она исчезла.

— Ничего, — успокоил я шептунов. — Будет и другая. И не одна. Скоро. Уж подождите.

Мамаша Каллистер заявилась час спустя. Она решительно поднялась на крыльцо и заколотила в дверь, а когда я отпер, только что не накинулась на меня. С искаженным лицом она визгливо закричала:

— Где Сюзи? Она ж сюда пошла, разве нет? Где ребенок?

— Дорогая миссис Каллистер, — проурчал я, — с чего вы взяли, что Сюзи тут?

— Не лгите мне! Я дочку насквозь вижу!

— Заходите и проверьте сами, миссис Каллистер, — пригласил я, — и вы убедитесь, что ребенка здесь нет.

Она вихрем ворвалась в дом, быстро сунула нос в гостиную, затем в столовую, потом промчалась через холл в кухню.

— Сюзи! Сюзи! — выкликала она. — Ты что, прятаться от меня вздумала, бесенок? Сюзи! Куда ты подевалась?

Я следовал за ней из комнаты в комнату, исподтишка рассматривая ее. Вот уж кто понравится шептунам! Женщина в самом соку, женщина в теле. Ноги крепкие, все при ней. Платье у нее такое поношенное, что сквозь него видно, какая белая у нее кожа.

Она сбегала наверх, проверила, нет ли Сюзи в спальне, спустилась обратно в холл (я везде поспевал за ней). Наконец миссис Каллистер сунулась к двери в подвал и тут замешкалась. На какой-то миг ярость на ее лице сменилась страхом.

Я распахнул дверь.

— Не пойду я туда! — прошептала она.

— Но почему же, дорогая моя миссис?

— Не пойду, и все! — Голос ее взвился до визга. — Сюзи! Ты там, что ли, прячешься? Вот я тебе задам!

Странно, что она не слышала шептунов. Я-то их прекрасно слышал. Теперь это был уже не шепот, а громкие, настойчивые голоса, и к ним примешивалось потустороннее подвывание, будто во тьме подвала таилась стая волков — собралась пировать над добычей. Я отлично слышал, как они воют, и точно знал, чего они от меня хотят.

Я мягко отступил — так мягко, так беззвучно, что миссис Каллистер и не заметила. Я посмотрел на свои руки и медленно, медленно, чтобы не спугнуть добычу, поднял их на уровень ее плеч. Один решительный толчок — и мамаша Сюзи Каллистер с воплем скатится по ступенькам, во тьму

подвала. Затем я захлопнул бы дверь, уже привычным движением повернул бы ключ и...

В этот самый миг стукнула входная дверь, и я услышал голос жены:

— Питер! Помоги мне вытащить покупки из машины. Я столько всего накупила, мне не справиться!

Я закрыл подвальную дверь и пошел встречать Анну. Миссис Каллистер как пришитая двинулась за мной. Нагруженная покупками Анна застыла на пороге.

— Знакомься, это миссис Каллистер. Она... э-э... почему-то решила, что ее дочка у нас. Увы, мне пока не удается убедить ее в обратном.

Миссис Каллистер что-то буркнула себе под нос и уже двинулась было мимо нас к двери, но вдруг остановилась как вкопанная. Слишком поздно! Я проследил ее взгляд — он упал на крошечный носовой платочек, валявшийся на столе в холле. Платочек Сюзи.

— Я так и знала! — Миссис Каллистер схватила платочек, и в глазах ее полыхнул яростный желтый огонь. — Я знала, что́ вы натворили! Вы превратились в одного из этих! Как Джим! — Взвизгнув, она кинулась вон из дома.

— Она определенно спятила, — обратился я к Анне. — Они тут все тронутые в этой безумной деревне. Ладно, ушла, и на том спасибо.

Анна промолчала, но посмотрела на меня как-то странно. И потом все утро не спускала с меня глаз, а днем спросила:

— Питер, не хочешь прилечь? Ляг, полежи, ты, по-моему, переутомился.

— Да, пожалуй, так и сделаю.

— Отдохни, милый. Ты сам на себя не похож, и... ты меня пугаешь.

Я поднялся в спальню и заперся. Спать? Ну нет! Растянувшись на постели, я принялся обдумывать обещание, данное там, во тьме подвала. Когда наступит ночь, я сдержу его.

Но время тянулось так медленно, так невыносимо медленно! Я лежал на постели и считал минуты, а ночь все не наступала. Я следил, как в комнате постепенно темнеет. Жена все возилась на первом этаже, все сновала туда-сюда, туда-сюда. Выжидая своего часа, я жадно прислушивался к лег-

кому перестуку ее каблучков и к приглушенному бормотанию приемника на каминной полке. И почему она так упрямо не идет спать? Когда же она угомонится?

Когда она наконец поднялась наверх, я притворился, что сплю. Анна поставила на комод керосиновую лампу и прикрутила фитилек, чтобы не будить меня ярким светом. Я наблюдал, как она раздевается, но видел ее будто сквозь туман.

Ах, как она была хороша! Как прелестна! Знала ли она, что я слежу за ней? Лишь один раз Анна оглянулась на меня и мгновение стояла совершенно неподвижно: можно было подумать, что она все-таки заметила мой маневр — мой жадный взгляд из-под полуприкрытых век. Потом она погасила лампу и в темноте стала нащупывать постель, чтобы лечь поближе ко мне.

И она легла рядом со мной.

По ее дыханию я определил, что Анна лежит ко мне спиной. От ее тела исходило душистое тепло. С адским терпением я ждал, пока она не заснет покрепче. Наконец я убедился, что Анна спит.

Вот тогда-то я и схватил ее.

Она вскрикнула лишь один раз — когда мои руки сомкнулись на ее прелестной шее. Глаза Анны распахнулись, блеснув в темноте белками. Она непонимающе воззрилась на меня и прошептала мое имя, а я уже рвал на ней пижаму.

Вытащив Анну из постели, я подхватил ее на руки и поволок вон из спальни, оставив на полу жалкие клочья — все, что осталось от ее пижамы. Если я и поцеловал ее в губы, если и притиснул к себе в жадном порыве, то не из любви, нет, не из любви, потому что к тому моменту я уже смеялся — утробным, хриплым смехом, больше похожим на рычание; он рвался из самой глубины моего существа и даже отдаленно не напоминал человеческий голос.

— Они требуют тебя! — прорычал я.

Я понес ее вниз по темной лестнице в темный холл, и старый дом ожил: теперь его стены дрожали от воя, эхом отдававшегося под потолком, — воя, гнавшего меня к цели. Я понес ее дальше, вниз, вниз, вниз по скрипучей деревянной лестнице. В подвал.

И вдруг я услышал голоса и тяжелые шаги. Кто-то поднимался на крыльцо.

Я остановился и ощерился. Потом сгрузил свою обмякшую безвольную ношу прямо на пол, прокрался через гостиную, бочком подошел к окну, присел на корточки и снизу осторожно посмотрел, что происходит снаружи.

Вокруг дома собралась целая толпа, и каждый был вооружен чем только возможно — всем, что могло сойти за оружие. Толпу возглавляли мать девочки, которую я запер в подвале, и доктор Эверетт Дигби, знавший об этом доме больше, чем он утверждал.

Дигби заколотил в дверь кулаками и закричал:

— Откройте! Впустите нас немедленно!

Остальные подбирались все ближе. Я видел их лица — мрачные, угрюмые и бледные в неверном, скачущем свете фонарей.

— Откройте дверь, или мы ее выломаем!

Я скользнул прочь от окна. На секунду мне пришла в голову дикая мысль: распахнуть дверь и выйти к толпе, но зверь, зародившийся внутри меня, испугался. И все же... все же... возможно, у меня есть еще время дать им отпор. Если я успею спуститься в подвал...

Дрожа от страха, я отступил в холл. Там прямо на полу лежала моя жена — к счастью, она была без сознания и не ведала о моих намерениях. Обмякшее, безвольное нагое тело, такое белое на голом темном полу. В моем мозгу бился многоголосый вой, понукал, требовал, звал. Я склонился над Анной, чтобы вновь подхватить ее на руки и уволочь в подвал, но не успел.

Толпа навалилась на дверь, та с треском проломилась вовнутрь. Я присел на четвереньки и ощерился, из груди у меня рванулся низкий угрожающий рык, точь-в-точь как у загнанного хищника, которого к тому же отрывают от добычи. Я уставился на своих преследователей. Я отчетливо видел суровое лицо доктора Дигби, на котором читался мой приговор, и пылающее ненавистью — миссис Каллистер. Но это продолжалось лишь миг-другой, а потом сухо треснул винтовочный выстрел. Пуля ударила в дверь подвала — брызнули щепки. Я бросил Анну на пол, повернулся и обратился в бегство.

Виляя, петляя, как животное, уходящее от охотников, я промчался через кухню, распахнул дверь черного хода и кинулся вон из дома, во мрак. Ночная тьма поглотила меня.

Я пронесся через двор и ринулся в непроглядную темноту леса — в единственное возможное убежище. Лучи фонариков, лихорадочно шарившие вокруг, скользнули по моей спине, но преследователи меня не заметили.

Углубившись в лес, я упал на землю без сил и, приглушенно рыча, стал наблюдать, что будет дальше.

Жители деревни никогда не забудут эту ночь. Из местной больницы примчалась «скорая», люди в белых халатах на носилках вынесли из дома кого-то, кого я не разглядел, но отчаянно надеялся, что это Анна и что ее жизнь спасут. «Скорая» укатила. Преследователи с фонариками рыскали по всему дому и по окрестностям — это шла охота на меня, а я затаился в подлеске. Огоньки фонарей плясали в темноте, точно светляки. Ветер доносил до меня голоса преследователей — и разъяренные, и испуганные, а под брюхом у меня в земле отдавался тяжелый топот их ног. Порой они с треском и хрустом ломились через лес буквально в двух шагах от меня, но я вжимался в землю и замирал, и они меня не видели.

Я ждал. Ведь когда-нибудь им надоест и они прекратят охоту. Тогда я вернусь в дом.

Но я ошибся. Они отрезали мне все пути к отступлению: когда стало светать, над домом затанцевало пламя, заслонившее первые лучи утреннего солнца. Черный дым повалил в небо, и огонь принялся резво пожирать тот дом, где мы с Анной хотели провести медовый месяц, но не успели.

Я подобрался поближе — насколько смел, — проклиная жадные языки пламени и сумрачных охотников, неподвижно наблюдавших, как горит и рушится дом. Я проклял и грузовик, подъехавший к дому позже, когда от дома остались лишь обугленные черные развалины. Молча проклинал я рабочих, которые замешивали цемент, чтобы намертво запечатать люк цистерны в подвале.

Когда пепелище опустело, я уполз обратно в чащу леса, кляня свою судьбу. Ибо я понял, что в подвале этого дома таился проход в иной мир, тот, в который призывали меня голоса шептунов, куда манил волчий вой, — в мир, куда я теперь не смогу попасть, осужденный остаться здесь. Я стал таким же исчадием потустороннего мира оборотней, мира зла и насилия, каким стал когда-то отец бедняжки Сюзи Каллистер.

Сюзи теперь тоже стала частью потустороннего мира, мрачного и грозного,— если только она не понадобилась его обитателям для каких-то иных, неведомых мне целей. Но даже если она стала одной из них, я никогда больше ее не увижу, ибо я обречен провести остаток своих дней здесь, в одиночестве. Я не смогу попасть к ним, таким же, как я, но и свою любимую Анну я больше не увижу.

Осознав это, я понял и еще кое-что. Наверное, и раньше я смутно догадывался, но теперь эта догадка обрела предельную ясность! Я понял, что же случилось с Джимом Каллистером в подвале. Работая там, трудясь у своего верстака, он пал жертвой шептунов, и они превратили его в такое же чудовище, каким сейчас сделался я. А жена Джима видела, что происходит, и решила воспрепятствовать этому.

Вряд ли он и впрямь умер от сердечного приступа. Скорее от отравы: жена отравила его, пытаясь спасти его душу, защитить себя и дочь. И если моя догадка верна, миссис Каллистер помог доктор Дигби, поскольку эта простая женщина едва ли разбиралась в ядах и уж тем более вряд ли могла их раздобыть.

Как жаль, что моя жена не отравила меня!

Итак, вот мое письмо, мое признание, моя исповедь — называйте как хотите. Я писал ее торопливо, боясь не успеть, огрызком карандаша на клочках бумаги, выуженных из мусора в деревне,— я ведь роюсь по ночам в мусоре, когда рыскаю в поисках пропитания. Нынче ночью я оставлю эту рукопись на ступенях местной церкви, прижму камнем, чтобы ветер не унес. Место верное, там листки паверняка кто-нибудь найдет, хотя бы пастор. И тогда я покину этот край.

Но куда мне деваться? Понятия не имею. Мир таинственных голосов и волчьего воя закрыт для меня навсегда. В мире людей мне места нет. Мое лицо и тело меняются с каждым днем, зубы медленно превращаются в клыки, глаза сужаются и желтеют, шея укорачивается, руки и ноги превращаются в когтистые лапы. С каждым днем я все гуще покрываюсь косматой шерстью, под которой — белая, даже голубовато-серая кожа.

Молитесь за меня, прошу вас. Я не хотел, чтобы со мной случилось такое.

ДЭВИД САТТОН

Я приду во имя Дьявола

За последние тридцать лет Дэвид Саттон (David Sutton) был редактором и автором многочисленных и самых разнообразных публикаций, наиболее заметные из них печатались в его собственном журнале «Тень» (Shadow) и в периодических изданиях Британского общества фэнтези (The British Fantasy Society).

Обладатель Всемирной премии фэнтези (World Fantasy Award) и восьми Британских премий фэнтези (British Fantasy Award), Саттон является редактором антологий «Новинки литературы ужасов и сверхъестественного 1 и 2» (New Writing in Horror and the Supernatural 1 and 2), «Голова сатира и другие сказки» (Satyr's Head and Other Tales), а также одним из составителей сборников «Самые страшные волшебные сказки» (The Best Horror from Fantasy Tales), «Антология фэнтези и сверхъестественного» (The Anthology of Fantasy & the Supernatural) и серий «Темные голоса» (Dark Voices), «Фантастические рассказы» (Fantasy Tales).

Рассказы самого Саттона публиковались в таких журналах и антологиях, как «Ужасы. Лучшее за год-2» (Best New Horror 2), «Последние тени» (Final Shadows), «Зомби» (The Mammoth Book of Zombies), «Холодный страх» (Cold Fear), «Вкус страха» (Taste of Fear), «Команда скелетов» (Skeleton Crew), а недавно он закончил свой третий роман в жанре хоррор «Ярмарка с аттракционами» (Funfair).

Автор поясняет: «Многие мои истории появились на свет после посещения какого-нибудь таинственного, вдохновляющего места, и этот из их числа. Бьют — тихий живописный шотландский островок, он весь покрыт мегалитами и древними руинами. С высоких холмов вы можете любоваться морем, главным островом или другими островками, а нередко всем сразу. И все же может показаться, что вы затерялись в каком-то ином мире.

Развалины кельтского монастыря и их месторасположение реальны, так же как и некоторые сведения о ведьмах. Если бы настоящая антология не была посвящена теме обо-

ротней, я бы написал рассказ о медузах — вся береговая линия Бьюта буквально усеяна мертвыми медузами... большущими!»

Да, когда я вернусь домой,
Я приду во имя Дьявола.
Изабель Гоуди,
ведьма из Шотландии, 1662

Саманта шла через луга широким быстрым шагом. После подъема по склону Лубас-Крэг у нее немного побаливали икры и бедра. На минуту она остановилась и посмотрела вниз — туда, откуда пришла. Между плавными перекатами холмов мелькнули спокойные синие воды бухты Данагойл. Саманта продолжила подъем, и они скрылись за поросшими травой и можжевельником холмами. Дневная жара напрасно надеялась помешать ее продвижению.

Саманта вовсе не собиралась сдаваться.

По ту сторону холма едва различимая тропа огибала поле, на котором паслись овцы и ягнята. Поле было усеяно клочками кудрявой шерсти, словно кто-то собирал их в пригоршню и пускал по ветру.

«Похожи на комья грязного талого снега», — подумала Саманта.

Однако стояло раннее лето, и, словно для того, чтобы напомнить об этом, прямо перед ней тропу беззаботно перепрыгнул заяц. «Друг ведьм и сказочных существ», — припомнила Саманта, когда заяц, завидев ее, свернул в сторону. Он пролетел зараз десять футов и приземлился чуть поодаль от тропы на следующем поле.

Такое расстояние одним прыжком.

Саманте хотелось передвигаться так же легко, как этот заяц. Длинные, мускулистые задние ноги, отталкиваясь от земли, вздымали животное в воздух. При полете уши с черными кончиками отлетали назад.

С такой черепашей скоростью, как у нее, она последней из них двоих доберется до церкви Святого Блэйна, укрывшейся в естественной впадине у вершины холма. Это древ-

нее место, по очертаниям напоминающее зайца, спрятано где-то в лугах. Подобно гранитным плитам кельтских руин, оно ушло в траву под гнетом тысячелетий.

Саманта присела на серый скалистый выступ и сверилась с путеводителем. Влага каким-то образом просочилась сквозь воск, которым она натерла ботинки утром в своем номере в отеле в Порт-Бэннетайне. Ей очень хотелось снять ботинки и пойти дальше босиком, хотелось почувствовать голыми ступнями прикосновение шершавого дерна.

Ей хотелось сделать то, что лежит за пределами здравого смысла. За пределами предрассудков повседневной жизни. Сидя на камне на обдуваемом теплым ветром холме, она подумала о том, что ее парень вряд ли одобрил бы ее дикие желания. Хорошо, что его нет рядом.

Утром Дэймон уже пожаловался на то, что они проводят каникулы так, словно весь этот остров и его тайны должны быть изучены всего за два дня, в то время как в их распоряжении целых две недели пеших походов. А еще кроме острова Бьют можно много чего посмотреть. И Саманта сразу поняла, что он уже не разделяет ее интереса к истории острова.

— Я сажусь в автобус на Рубодах, — заявил Дэймон после завтрака и запихнул пустой рюкзак на кровать. — Потом быстренько переправлюсь на пароме, а затем, возможно, и до Лох-Файна доберусь. Ты со мной?

В его вопросе таилась скрытая угроза. Не пойдешь со мной — будешь наказана. Можно подумать, что она — непослушный ребенок. Саманта хотела спросить, отправится ли он к озеру пешком, ведь расстояние-то приличное, или, что больше соответствовало его тогдашнему настроению, воспользуется общественным транспортом.

Но она только сказала:

— Пожалуй, останусь на острове.

— А куда пойдешь? — все так же хмуро поинтересовался Дэймон, но уже с другой интонацией.

Ей показалось, что хмурая физиономия Дэймона напоминает морду зайца с испуганными глазами навыкате.

Саманта обогнула кровать, ее обнаженная грудь была целомудренно прикрыта полотенцем. Бедра втиснулись в пространство между кроватью и шкафом.

— К церкви Святого Блэйна, — ответила она. — Как мы и *планировали* на сегодняшний день, если помнишь.

Она взяла с прикроватной тумбочки расческу и провела ею по коротким мокрым волосам. Холодные капли воды скатились по спине.

От воды по коже пробежали мурашки, хотя, возможно, в предвкушении встречи с таинственной церковью. Саманта не готова была признаться в том, что еще до конца не определилась. Что-то непреодолимо влекло ее к церкви Святого Блэйна, и в то же время это желание вызывало безотчетную тревогу.

Закончив причесываться, Саманта хотела попробовать уговорить Дэймона пойти с ней. Но надо было подумать и о его ногах. Вдруг ни с того ни с сего на этот раз Дэймон сдал. Куда делись его обычная выносливость и неисчерпаемая энергия! Он больше походил на зверя, попавшего в капкан. Широкие, острые зубья капкана высасывали кровь зверя, дробили его кости, разрывали сухожилия, лишали сил. Капкан истощал не только его тело, но и его мозг.

Хотя Дэймон этого и не признавал, возраст, неправильное питание и выпивка медленно, но верно лишали его жизненных сил. И вот результат не заставил себя ждать — посиделки в пабе стали предпочтительнее долгих прогулок по фиолетовым вересковым холмам.

В эти дни, что они провели на острове, именно Саманта задавала темп. Она и сама от себя такого не ожидала. Саманта было подумала, что Дэймон подхватил простуду, но, когда она накануне высказала такое предположение, он жутко разозлился.

Вечером в номере отеля между ними вспыхнула ссора из-за срунды. Ее огонь, казалось, раскалил пространство между ними.

— Повезло, что хозяин по ошибке сдал нам номер с двумя кроватями,— сказал Дэймон перед сном, вместо того чтобы поцеловать ее на ночь.

Номер погрузился в темноту. Саманта ждала. За три года, что она была с Дэймоном, она разучилась спать на отдельной кровати. В конце концов ей все же удалось уснуть, но, уже засыпая, Саманта успела строго себе сказать, что она не часть

Дэймона. Она не его более слабый близнец, который должен следовать за сильным, так как без него пропадет.

Дэймон не был ее сильной половиной. Они и половинами-то не были. «Ты не часть, — говорила себе Саманта. — Ты — целое».

Утром Дэймон продолжал дуться. Волосы у него были жирные, но он отказался вымыть голову, когда Саманта крикнула ему, что уже помылась и душ свободен.

Что ж, пусть хоть весь грязью зарастет — ей все равно. Толстый, а ведь когда-то она считала своего приятеля просто коренастым. Макушка Дэймона едва доставала ей до бровей, но у него были широкие плечи, и до сегодняшнего дня его рост Саманту не особо волновал. А теперь, теперь было что-то нелепое в этой паре: высокая женщина и обрюзгший, толстый коротышка...

От накопившегося раздражения у Саманты усилилось сердцебиение. Прогулка по свежему воздуху должна ее успокоить.

Позабыв о мокрых ногах, Саманта натянула носки, поднялась с камня, накинула на плечо рюкзак и отправилась дальше. Крутые склоны холма вели вниз, но она не могла держаться за столбы с натянутой между ними ржавой колючей проволокой: ограда вела вверх на естественный вал, который отделял ее луг от соседнего.

Саманте показалось, что она увидела наверху зайца. Он как будто наблюдал за ней, спрятавшись в зарослях вереска, и ждал, когда же она к нему присоединится. Выглядывает из своего укрытия, будто он — белый кролик, а она — Алиса из Страны Чудес Льюиса Кэрролла, которую пригласили посетить диковинные места.

У нее возникло какое-то странное ощущение. Словно пески Стратавэна на западе и бухта Килчаттэн на востоке сжали с двух сторон полуостров Гэрроч-Хэд и с севера отрезали его от основной части острова. Отрезали, изолировав ее на новом острове в странном, новом времени. Саманта подумала, не переусердствовала ли она в своих походах по холмам. Слишком быстрая ходьба могла повлиять на восприятие окружающего мира. А еще игра воображения вызвала у нее ощущение тревоги, страх, дурные предчувствия. А чего — Саманта понять не могла.

Заяц же оказался только его каменным подобием с контурами, очерченными лишайником.

Узкая калитка в изгороди цеплялась за рюкзак, когда Саманта протискивалась сквозь нее. Ее ждал последний подъем к вершине. И вот перед Самантой возникли серые потрескавшиеся камни наружной стены церкви Святого Блэйна. Стена была возведена на насыпи, что мешало разглядеть развалины самой церкви и перелезть через стену. Саманта миновала небольшую рощицу и шла вдоль стены, пока не наткнулась на утопающие в густой тени железные ворота. Рядом с воротами стоял стенд Национального трастового фонда Шотландии. Прочитав размещенную на нем информацию, она узнала, что церковь была сожжена северными племенами во время их разрушительного похода через страну в 790 году.

И все же в этом месте царила особая атмосфера, причем куда более древняя, чем во времена кельтских священников, времена насилия и грабежей. При мысли о тех кровавых событиях — не говоря уже о постоянном чувстве необъяснимой тревоги — у Саманты мурашки побежали по спине.

За воротами ее воображение поразили огромные вязы и ясени, которые окружали впечатляющие развалины церкви Святого Блэйна. Серые стены сохранились где частично, где полностью. Единственная норманнская арка свидетельствовала о том, что здание однажды восстанавливалось. На изношенных плитах остались вмятины от многочисленных ног. Скоро и ее шаги присоединятся к этой безымянной компании потерянных душ.

Сидя на каменном обломке, который когда-то был частью стены, Саманта начала подумывать о том, что, возможно, ее поход к церкви не стоил затраченных усилий. Похоже, развалины не представляют никакого интереса. Дэймон уж точно взбесился бы, окажись он здесь после долгого перехода по холмам. Как бы то ни было, она дошла до места и решила исследовать его на предмет археологии.

Спустившись по склону в северном направлении и пройдя через ворота, она вышла к так называемому Котлу Дьявола. Развалины этого строения представляли собой несколько каменных глыб, установленных по кругу. Саманта определи-

ла, что это мегалиты[1]. Однако, судя по информации на стенде у ворот, никто не знал предназначения этого сооружения. Возможно, когда-то это была башня, подобная доисторическим ирландским и шотландским круглым башням, или брохам. За разрушенными стенами этого строения, в тени и сырости, в изобилии произрастал лишайник.

На земле в зарослях папоротника явно раньше времени выросло несколько гигантских грибов. Они выделялись на фоне серых камней и темно-зеленых листьев, как будто соблазняя ее своей плотью. Их блестящие кроваво-красные шляпки были усыпаны белыми крапинками. Саманта тут же вспомнила о сказках, ведь именно изображения мухоморов часто встречаются в иллюстрированных книжках для детей.

Грибы манили к себе и в то же время отпугивали. Подозрения и невольные воспоминания, обросшие мифами и полуправдами, пытались пробиться через подсознание Саманты, но она вовремя себя одернула.

«Не трогай их» — это подсказывал здравый смысл. То ли бабушкины сказки, то ли нет, но в любом случае эти грибы выглядели довольно необычно, а стало быть, были опасны.

Через несколько минут Саманта вернулась обратно к стенам и стала осматривать фундамент строения, которое и считалось самой церковью Святого Блэйна. Фундамент представлял собой несколько каменных плит, ушедших в землю и поросших травой.

Саманта решила перекусить и, сняв с плеча рюкзак, присела у одной из плит, использовав ее вместо стола. Это было идеальное место. Отсюда она могла видеть холмы большого острова. Над ними, подобно сигаретному дыму, полосами стелились низкие облака. А она, как и все, что ее окружало, купалась в солнечном свете.

Саманта распаковала завтрак, открыла бутылку колы и вдруг увидела что-то на камнях неподалеку от своего импровизированного стола. На плоском алтаре из камня явно оставили что-то вроде приношения. Подойдя поближе, она

[1] Мегалиты — древние сооружения (памятник, гробница и т. п.) из огромных камней.

увидела, что это потемневшие, высохшие остатки грибов, точно таких же, как в развалинах башни.

Должно быть, кто-то побывал здесь совсем недавно, собрал грибы и оставил их сушиться на камнях, словно считая, что они могут пригодиться следующему посетителю этих мест. Саманта покопалась в воспоминаниях. Она знала, что подсознание может поделиться с ней тем, что она позабыла. Кажется, если съесть эти волшебные грибы, то они могут вызвать галлюцинации. Может, это ребята из изотерической группы «Нью эйдж» занимались здесь сбором лекарственных растений в надежде достичь чего-то большего, как, например, знахари. Судя по легендам, в древние времена знахари использовали сому[1], чтобы превратиться в птицу или зверя.

Вернулось недавнее ощущение сдвига, словно древний мир вторгся в настоящее, а ее разум и тело были способны это каким-то образом фиксировать. Тот заяц мог послужить катализатором. Символ Луны, плодовитости и воскрешения.

И сумасшествия.

Солнце пекло вовсю, но Саманту знобило.

А потом она вспомнила, что ее больше не волнуют эгоизм Дэймона и его грубая приземленность. Та простота, которая когда-то так ее привлекала. Она свободна. Только солнце и ветер. И она свободна. Свободна, как *они*. Ее мысли превратились в тысячу щупалец: словно связанные вместе и торчащие во все стороны ветки, отломанные от березы, которая росла возле плит фундамента церкви.

Метла ведьмы.

Ведьма...

Мысли Саманты освободились, словно вынутый из корзины клубок змей, и она начала осознавать значение своего появления именно здесь. Это была одна из причин, по которым она хотела посетить церковь Святого Блэйна. Когда-то в этом месте проводились шабаши ведьм. Она вспомнила выставку в музее Бьюта, где была широко представлена история острова.

Письмена на древнеанглийском. Гравюры семнадцатого века на стенах. Крещение местной ведьмы. Ее дикий танец

---

[1] Сома — сакральное растение, сок которого вызывал экстатическое состояние. — *Прим. ред.*

вокруг броха. Истерические конвульсии. Тело ведьмы сжимается и раздувается, меняются ее рост и вес.

А потом — суд и пытки. Здесь на острове сохранились орудия пыток, которыми пользовались охотники за ведьмами: дыба, клещи для выдергивания ногтей, испанский сапог...

Саманта представила все эти покрытые ржавчиной инструменты и содрогнулась.

Однако где-то глубоко спрятались воспоминания, которые надо было освежить. Мази, вещества, вызывавшие у ведьм галлюцинации, ощущение полета или перехода из одного тела в другое.

С другой стороны, охотники за ведьмами были обыкновенными садистами и убийцами, погрязшими в мерзких пороках. А их жертвы? Просто бедные невинные женщины? Все ли?

Или среди них были личности, обладавшие исключительным даром?

Саманта положила нетронутый сандвич обратно в пакет. От нервного напряжения дрожали руки, но страстное желание, жившее внутри ее, было сильнее страха перед неизведанным.

Она схватила с камня один из высохших грибов, отломила от него большой кусок и поднесла ко рту. Языком она ощущала вкус гриба, прикасаясь к нему так, как касалась языка Дэймона во время любовной прелюдии. Ее губы сомкнулись. Она съела гриб и запила его горечь колой.

— Ну и как прошел *твой* день? — спросил Дэймон, который все еще лелеял чувство обиды на Саманту, проявившую чрезмерную строптивость.

Дэймон лежал на кровати и, похоже, провалялся так весь день, словно слизняк, старающийся укрыться от палящих лучей солнца.

Она едва успела сбросить с плеча рюкзак, а он уже пристает со своими ехидными вопросами. От его тупости Саманта прямо-таки ощетинилась. Но затем она подавила приступ гнева, уже готового обрушиться на голову Дэймона. Саманта чувствовала себя бодрой и полной сил. Дневной поход ее совсем не утомил, так зачем же портить себе настроение!

— Прекрасно,— ответила она спокойно и доброжелательно. — А твой? Добрался до Лох-Файна? — Проявление искреннего интереса должно было сгладить неадекватную реакцию Дэймона.

— Я подумал и решил никуда не ходить, — сказал он, ничуть не смущаясь.

— Ты что, провел в номере *весь* день? — Саманта чуть было не сорвалась на крик, и Дэймон вздрогнул от неожиданности.

Оглядев комнату, она увидела небрежно брошенный в ногах кровати бумажный пакет и развернутую газету на полу у прикроватной тумбочки. На подоконнике — пластиковый контейнер с остатками рыбы и чипсов. От объедков в комнате пахло уксусом.

«Ну, из отеля-то он все же выходил, — усмехнулась про себя Саманта. — Преодолел расстояние в две сотни ярдов до газетного киоска и фастфуда! Это можно назвать прогулкой только с большой натяжкой».

— Какая бездарная трата времени!

На лице Дэймона появилась слабая улыбка и тут же исчезла.

Он выглядел так, словно попал в силки, словно его держало в номере отеля нечто большее, чем просто апатия. «Может, он это просто мне назло?» — подумала Саманта.

— Не расстраивайся.— Дэймон лениво пошевелился на кровати, пружины под ним заскрипели, словно жалуясь на возраст и ржавчину.— Это мое гребаное время — не твое! — Дэймон снова улыбнулся, на этот раз извиняюще.— Слушай, может, сходим в Ротсэй, поужинаем в «Черном быке»? Тебе вроде там раньше нравилось.

Она *действительно* хочет есть. И может быть, Дэймон пытается заделать трещину, которая пролегла между ними, пока она не превратилась в каньон. Или он просто хочет набить брюхо? Саманта не была уверена ни в чем.

— А за ужином,— продолжал Дэймон,— ты расскажешь мне все о церкви Святого Блэйна.— В его голосе появились примирительные нотки.

От их отеля до Ротсэя была всего миля, но, как только они двинулись в путь, Дэймон начал отставать.

— В чем дело? — спросила Саманта, заметив, что он прихрамывает.

— Кажется, потянул сухожилие под коленом.

— Что, во время похода в ближайшую забегаловку?! — Саманта рассмеялась, довольная своей шуткой.

После перехода через холмы, который занял весь день, она чувствовала себя бодрой и свежей. Мысль о том, что Дэймон превратился в немощного старика, ее дико смешила.

— Благодарю за сочувствие! Просто иди чуть помедленнее. Уверен, скоро пройдет.

Но Саманта не хотела идти *чуть помедленнее*. Ее тело жаждало адреналина, сердце накачивало кровью нетерпеливые мускулы. А она вынуждена была еле-еле плестись. Она представляла себя зайцем, бегающим по полям. Вот она поворачивается на девяносто градусов, уши отлетают назад, задние лапы — длинные и мускулистые — отталкиваются от земли, посылают ее вперед, прыжок, еще прыжок, ветер ласкает ее шелковистые волосы...

В «Черном быке» Дэймон заказал хаггис[1], картофельное пюре и репу, запил все это четырьмя пинтами пива. Он быстро захмелел и пришел в прекрасное расположение духа.

Саманта, едва притронувшись к своей камбале с картофелем фри, смотрела на Дэймона и думала, не рассказать ли ему о том, что она съела гриб и что, оказывается, ей совершенно не хочется есть. Он точно решит, что она рехнулась. Хорошо еще, что не отравилась! Хотя сам он методично травит себя алкоголем. Он может даже снова стать убедительным. Довольно с нее этих вечерних излияний!

К тому времени, как Дэймон решил, что выпил вполне достаточно и хочет спать, уже стемнело. Саманта смирилась с тем, что ей предстоит еще одна ночь без секса.

— Я вызову такси? — спросила Саманта, решив, что короткий путь до отеля будет для Дэймона тяжким испытанием, если принять во внимание его колено и то количество пива, которым он накачался.

---

[1] Хаггис — национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов. — *Прим. ред.*

Но от выпитого алкоголя он раздухарился и отверг ее предложение. Они пошли по тропе вдоль затопляемой во время прилива прибрежной полосы. Внизу, справа от них, черные волны накатывали на гальку. Только она, он и звезды.

Это могло бы быть даже романтично.

Однако очень скоро Дэймону потребовалось передохнуть. Саманта это предвидела. Из-за своего колена и выпитого за ужином пива он не шел, а еле тащился. А ведь всего пару дней назад Дэймон вовсю лазил по горам!

Теперь же он напоминал страдающего артритом пенсионера.

Саманте хотелось оставить его сидеть на дамбе и помчаться дальше, чтобы выплеснуть наружу хоть немного бившей ключом энергии. Ей хотелось сказать: «Наперегонки до отеля, слизняк!» — и рвануть с места, прекрасно понимая, что ее обогнать невозможно.

— Всего пару минут, — предложил Дэймон, мгновенно вернув ее на грешную землю.

Саманта раздраженно свернула в проход в стене и спустилась по бетонным ступеням на пляж. Под ногами скрипела галька, в черной воде отражались далекие огни города.

Полная луна, поблескивая, покачивалась на воде. Высоко в небе подлинная луна сияла, как начищенная медная монета.

Саманта повернулась к своему другу:

— Если пойдем берегом, будет быстрее! — Она махнула рукой в сторону шоссе, а затем указала на береговую линию, которая вела прямо в Порт-Бэннетайн с их отелем на окраине. — Так короче.

— И в результате мы промочим ноги, — мрачно ответил Дэймон. — И потом, ты действительно думаешь, что прогулки по пляжу полезны для моего колена?

Он никогда таким не был!

— Боже мой, Дэймон, впервые слышу, чтобы тебя волновали мокрые ноги. И это говорит сам мистер Скалолаз! — Слова свободно срывались с губ Саманты, ироничные и злые.

Решив, что ни за что не позволит Дэймону повлиять на ее решение, она, не оглядываясь, быстро пошла вдоль берега.

Луна омывала Саманту, крестила холодным сиянием, ее украденный свет проникал в самую душу. Как хорошо! Саманте было *так* хорошо!

Дэймон поднялся и поплелся следом. Саманта услышала, как он спускается по лестнице, удовлетворенно вздохнула и зашагала дальше. После нескольких минут ходьбы, когда она с радостью ощущала под ногами твердую гальку и ответную реакцию своих крепких мускулов, Саманта оглянулась, чтобы проверить, далеко ли Дэймон.

Он здорово отстал. Его силуэт напоминал черный комок глины. Сгорбленная, толстая фигура шаталась, не выдерживая тяжести алкоголя.

Дэймон действительно выглядел так, словно на него давит тяжелый груз. «Может, на него и правда что-то давит,— подумала Саманта,— просто мне не видно что».

— Догоняй! — крикнула она, забавляясь и одновременно удивляясь неуверенной походке Дэймона.

Он хромал слишком сильно для человека, который всего лишь потянул связки. Саманта решила дать ему ровно тридцать секунд и, если он ее не догонит, идти в отель одной.

Быстро. Смеясь. Она будет смеяться всю дорогу...

Дэймон, однако, не только не ускорил шаг, но пошел еще медленнее, словно его башмаки приклеивались к липкой гальке.

Саманта жутко разозлилась, когда он вообще перестал двигать ногами. «Еще одна чертова передышка!» — выругалась она про себя.

Дэймон тяжело опустился на камень.

Ну что тут сделаешь! У нее было два пути. Она могла либо оставить его на пляже, пока прилив не заставит его утонуть или плыть, либо вернуться и помочь этому инвалиду.

«Прямо как непослушный ребенок»,— подумала Саманта. Она нехотя направилась к бесформенному силуэту. В ее душе не дрогнула ни одна струна.

Когда она подбежала к Дэймону, то услышала, как он что-то бормочет себе под нос, и по звуку это напоминало перекатывание двух камешков в кулаке. Яркая луна выплыла из-за облаков, и темный бугор приобрел форму.

Да...

Нет, он был бесформенным...

Дэймон стал таким апатичным, что, казалось, превратился в камень, в обкатанный морскими волнами кусок базаль-

та, который чайки используют как насест и на который гадят испокон веков.

Лунный свет окрасил пляж в цвет зрелой пшеницы. Но даже при таком освещении Саманта не могла определить границу между Дэймоном и камнем, на котором тот сидел. Казалось, ее глаза стали видеть по-другому.

Когда звук трущихся друг о друга камней повторился, она поняла, что Дэймон заснул.

В глубине души Саманта понимала, что он — спит ли, не спит ли — больше с места не сдвинется. Он удовлетворен своим новым образом жизни. А если он этого хочет, да будет так. Выбор Дэймона освободил Саманту. Наконец-то она могла дать свободу химии, теснившейся в ее мозгу.

Она подняла глаза к небу, ее голова откинулась назад, шея изогнулась, длинные пряди волос, которых у нее никогда не было, как шелковистые уши, упали за плечи. Их ласкали потоки морского воздуха. Саманта присела на корточки, задрала верхнюю губу и принюхалась. Морской ветерок приносил с собой тяжелый запах соленой воды и водорослей.

Следует ли ей быть здесь? А если нет, то где?

Внезапно страх пронзил ее сердце. Ужас начал разрастаться в мозгу, давил на глаза, лишая ее зрения. Казалось... казалось, ее лицо меняет форму, а глаза вылезают из орбит. От ужаса у Саманты свело руки и ноги. И что-то еще происходило с ними, но луна скрылась за облаками, и она не могла ничего разглядеть.

Дэймон неподвижно сидел рядом. Если он не проснется, то может утонуть. Саманта потянулась к темному силуэту. Храп Дэймона был похож на звук перекатывающейся гальки. Она думала о том, что, если ей удастся его разбудить, все будет хорошо. Пугающие ее чары рассеются, вернется нормальность, и она добродушно отругает Дэймона за капризы. Когда они вернутся в отель, она помоет ему ногу и перевяжет...

А потом призыв другой жизни пересилил все остальное. И Дэймон был тут же забыт.

Тревога Саманты еще больше усилилась, когда она поняла, что Дэймон стал ей совершенно безразличен.

Кожу начало покалывать, она потерла руками плечи, решив, что это просто мурашки от холода. Странное ощущение от прикосновения ладонями к свитеру. Шерсть к шерсти? Она почувствовала непреодолимое желание сбросить с себя одежду, но не успела его осуществить. Ее кожа начала отделяться, отрываясь от цепких нервных окончаний, волосяных фолликул и кровеносных сосудов.

Внезапно тишину пустынного пляжа разорвал жуткий крик и тут же растворился в ночи. Дэймон вынырнул из своего блаженного состояния, но только для того, чтобы бежать что было сил от того, чему стал свидетелем. Он снова закричал. Крик его был пронзительным и в то же время хриплым. А потом он поковылял так быстро, как только мог, в сторону Порт-Бэннетайна.

Саманта смотрела Дэймону вслед: расплывчатый силуэт с каждой секундой становился все меньше и меньше, и это помогало ей отвлечься от того, что с ней происходило. А потом наступила агония: невыносимая боль волнами накатывала от головы по шее к плечам, по рукам, по туловищу — к ногам. Боль была такой острой, словно несколько скальпелей одновременно проникали через ткани в мягкую красную плоть. От гулкого звука разрывающейся кожи заложило уши. Так трещат плотные старые обои, которые отдирают от стены в пустой комнате. От боли Саманта закусила нижнюю губу и почувствовала, как ее резцы удлиняются, заполняя слишком маленький рот. И наконец наступило одно долгое блаженное мгновение — так стриптизерша срывает с себя трусики или шаман отбрасывает земные одеяния — старая плоть Саманты упала на берег, а вместе с ней и лопнувшая по швам одежда.

Саманта осторожно сделала шаг назад. Она смотрела себе под ноги: ее кожа морщилась и собиралась в складки под одеждой. Из торчащих наружу лиловых внутренностей сочилась кровь. Словно выпотрошенный кит, которого выбросило на сушу.

Но упавшая на гальку кровоточащая, еще теплая плоть была *ее* плотью.

По телу Саманты пробежала дрожь, она ощутила легкое покалывание. Ее новая кожа начала подсыхать — пытка закончилась так же внезапно, как и началась.

Сидя на задних лапах, она облизала пушистые передние лапы и начала приводить в порядок забрызганные кровью нос и усы.

У нее — *лапы.*

Саманта поняла, что ей больше нечего бояться. Она сделала первый шаг. Широкий. Если бы у нее оставалось время на раздумье, она могла бы задаться вопросом, можно ли вернуться назад. Но она не стала задумываться: все ее мысли были заняты открывшимися перед ней новыми возможностями. Дэймон и вселенская скука. Жизнь давила на нее, как свинцовое небо зимой. Саманта не хотела такой жизни. Ее достало занудство Дэймона. Достало его однообразное существование. Ей не хотелось связывать с ним свою жизнь.

Гораздо привлекательнее было то, что манило ее к себе. Теперь она сможет трансформироваться. По собственному желанию менять свой облик, расплачиваясь за это минутной болью. Это стоило дороже. Встречать каждый новый день, все глубже постигая загадочный мир естественного существования, проникать в него, принимая тысячи разных форм.

Это была свобода. Наконец-то настоящая свобода! Нет ничего, просто ничего, и никто не сможет разубедить ее, лишить этой восхитительной уверенности. И уж тем более Дэймон. Новое сердце учащенно билось в груди. Саманта еще раз прислушалась к голосу своей души. Голос начал повторять на древнем шотландском диалекте, который она сама еще не до конца понимала, заклинание ведьм, прочитанное в музее:

Во имя Дьявола обличье зайца я приму
И поскачу, легко-легко земли касаясь.
Но знаю: лишь хвостом пушистым я взмахну —
И тут же из зверька я в женщину земную превращаюсь.

Мощными прыжками, на которые раньше она не была способна даже в своих самых бурных фантазиях, Саманта помчалась прочь, подальше от пляжной вони. Перенеслась через шоссе, устремившись на юг. Она бежала через поросшие лесом долины, пропитанные мускусным запахом их обитателей, к холмам и новому рассвету, который вставал над первобытными руинами Лубас-Крэг.

ПИТЕР ТРИМЕЙН

Лисы Фэскома

Питер Тримейн (Peter Tremayne) — один из псевдонимов Питера Беррисфорда Эллиса, историка и известного филолога, специализирующегося на кельтских языках. Под именем «Питер Тримейн» он опубликовал более двадцати пяти книг в жанре хоррор и фэнтези, начиная с «Собаки Франкенштейна» (Hound of Frankenstein, 1977), романов «Проклятие Лох-Несс» (The Curse of Loch Ness), «Зомби!» (Zombie!), «Морго воскресает!» (The Morgow Rises), «Топь!» (Swamp!), «Никор» (Nicor), «Ангелос!» (Angelus!), «Хищная луна» (Raventoon), «Снежный зверь» (Snowbeast) и вплоть до последнего произведения «Дракула жив!» (Dracula Lives!). Его короткая проза представлена такими рассказами, как «Моя Леди с Блаженных Островов» (My Lady of Hy-Brasil), «Проходы и другие жуткие истории» (Aisling and Other Tales of Terror).

Недавно он написал серию рассказов, повествующих о сестре Фидельме, сюжет которых, как и в новелле, представленной ниже, тесно связан с историей и мифологией Ирландии. Автор поясняет: «Этот рассказ основан на народных сказаниях о верфоксах, услышанных мною в горах Комерах графства Уотерфорд, Ирландия. Истории мести часто встречаются в ирландском фольклоре. Такие мотивы широко распространены в странах, чей народ жестоко страдал от завоевателей и колонизаторов. У Ирландии именно такая история.

До Земельной войны 1880-х годов, в результате которой Ирландия избавилась от английских землевладельцев, положение крестьян было невыносимым. Трудно представить, какой властью обладали английские лорды на ирландской земле, ее можно сравнить с абсолютизмом французской аристократии накануне Французской революции.

Неудивительно, что в таких условиях легенды и рассказы о мести ненавистным англичанам превратились в отдельный жанр. Эти истории вечерами рассказывали у очага ирландские крестьяне и мечтали о том времени, когда они избавятся от чужеземцев».

В путеводителе было сказано, что горы Комерах — последнее не тронутое цивилизацией место в Западной Европе. И это оказалось правдой.

Как меня угораздило очутиться здесь в начале сентября с рюкзаком за плечами?

Сейчас попробую объяснить.

Дело в том, что я секретарь шеффилдского клуба скалолазов и мои товарищи горят желанием расширить круг мест для наших весьма рискованных походов. Вот поэтому я и оказался на юге Ирландии, в диких горах Комерах. Меня делегировали разведать местность и, если она окажется подходящей, прикинуть, можно ли спланировать поход туда для всего нашего клуба на будущую весну.

Я собирался поехать с нашим президентом, Томом Хиггинсом, но Том в последний момент свалился с гриппом, и в результате я отправился в Ирландию один. Не скажу, чтобы я расстроился по этому поводу. Я вообще предпочитаю путешествовать сам по себе. Мне нравится бродить и лазать по скалам в одиночестве. Возможно, это следствие того, что я был единственным ребенком в семье.

В общем, я хочу сказать, что, как только я прибыл на место, я сразу увидел, что это идеальный ландшафт для нашего клуба. Здесь в нашем распоряжении оказалась бы не только хорошая пересеченная местность для переходов, но еще и замечательные скалы. Горы Комерах занимают две сотни квадратных миль дикой местности. Я начал разведку с юга, от Клонмела, и сразу понял, что нашему клубу дали верные ориентиры. Вокруг простирались удивительные места, но пешеходных троп не было, и прогулки по горам требовали осторожности и желательно — опыта скалолаза. Средняя высота гор Клонмела около двух с половиной тысяч футов, а самая высокая вершина — гора Фэском — поднималась над уровнем моря на 2 597 футов.

Обследовать Фэском я решился только спустя несколько дней после того, как оказался на месте. С собой у меня были легкая палатка и спальный мешок, так что я мог свободно бродить по горам. Там стремительно несли свои воды горные речушки и родники, спокойно текли широкие реки, попадались и озера, все это в изобилии кишело всякой жив-

ностью, так что голодная смерть мне не грозила. Несколько раз я видел, как бурая форель нежится у самой поверхности воды, словно сама просится в руки. Но в любом случае у меня было достаточно съестных припасов, чтобы не тратить время на охоту. Даже если бы я ошибся в расчетах, в округе всегда можно было отыскать парочку-другую ферм или коттеджей и докупить провиант.

Сразу за широкими, залитыми солнцем склонами Фэскома, где зеленый покров травы и мха разрывали серые гранитные глыбы, я набрел на тропу, которая петляла в блестящих зарослях дрока и фуксии. Дикие звери водились там в изобилии, и появление главного хищника — человека — их совсем не пугало. Олень, рыжая белка или серый горный заяц, почуяв меня, встревоженно поднимали голову, но не убегали. Как-то я увидел, что на камне, чуть выше по склону горы, сидит собака. И, только присмотревшись, я понял, что это лисица. Крупная самка наклонила острую морду и пристально смотрела на меня сверкающими серо-зелеными глазами. Серебристый мех на макушке переходил в красновато-ржавую шкуру на боках. Я замер в восторге от этой картины и завороженно смотрел в глаза зверя. Лиса долгое время не двигалась с места, потом, задрав голову, коротко тявкнула, словно выражала неудовольствие тем, что ее потревожили, и вдруг исчезла.

Я продолжил путь вниз по склону горы в сопровождении пения птиц, которое то и дело прерывалось, когда в воздухе мелькал хищный черно-белый силуэт хохлатой вороны.

Чудесный, мирный пейзаж.

Ближе к полудню я миновал подножие Фэскома, направился через долину к ближайшей вершине Коумшингона и тут заметил небольшой беленый коттедж с тяжелой, посеревшей от времени соломенной крышей. К моей нежданной радости, на стене коттеджа я увидел вывеску, на которой яркими буквами было выведено «Бар „У Дэна“», и сразу решил остановиться там на завтрак.

Там я обнаружил всего двоих — бармена, который, как оказалось впоследствии, был не кем иным, как Дэном собственной персоной, и мужчину в робе. Ирландия славится

своим гостеприимством, так что местные обитатели встретили меня вполне дружелюбно. Мы тут же принялись обсуждать местный ландшафт, его достоинства для туристов и скалолазов. Мужчины порекомендовали кое-какие места в горах, которые, по их мнению, мне было бы полезно посетить.

Дэн был высоким, худым, с орлиным носом, такого типа ожидаешь увидеть в пиратском костюме с черной повязкой на глазу. Второй, эксцентричный коротышка, представился Шоном Даффом, его черты лица показались мне такими знакомыми, что я даже начал припоминать, где мог видеть его раньше. И только через несколько минут напряженной работы мысли я наконец понял, что Шон — точная копия кинозвезды, ныне покойного Барри Фицджеральда.

Беседа протекала, как протекают все беседы в пабах. Дэн, услышав, что я исследую их места для клуба скалолазов, сообщил, что у него поблизости есть кое-какая недвижимость, которую можно будет снять под базу для нашего будущего тура по здешним местам. Мы подробно обсудили это, и Дэн охотно согласился таким манером увеличить свой доход. Потом, договорившись о цене, мы решили обменяться координатами для официальной переписки.

И вот, когда я написал на смятом конверте свое имя и адрес и положил его на стойку перед Дэном, случилась эта странная вещь.

Дэн взял конверт, взглянул на него, и лицо его изменилось до неузнаваемости. Добродушная улыбка исчезла без следа, челюсть отвисла, глаза расширились. Потом он начал внимательно меня разглядывать. И под конец молча подтолкнул конверт Шону Даффу. Коротышка чуть не свалился с высокого табурета у стойки бара. На его физиономии отражалось крайнее изумление.

— Это, конечно, шутка, мистер? — тихо сказал он.

Я нахмурился, не в силах понять, в чем дело, и переспросил:

— Какая шутка?

— Как вас зовут? — спросил Дэн. Он говорил медленно, тщательно выговаривая слова.

— Там все написано. Моя фамилия Тризела.

Мне показалось, что я начинаю понимать, что их так удивило. Многие удивляются или начинают отпускать шуточки, впервые услышав мое имя. Я тяжело вздохнул:

— Меня зовут Хэрлин Тризела. Это старинное корнуолльское имя.

Но на лицах моих собеседников отражалось не просто удивление, вызванное странным именем. Они смотрели на меня с благоговейным страхом, и что-то еще было в их глазах... что-то такое, чего я не мог ни понять, ни разгадать.

Я раздраженно махнул рукой и продолжил объяснять:

— Я не корнуоллец, но мой дед был из Корнуолла. В начале века он обосновался в Шеффилде. Там я и родился.

Дэн пришел в себя первым и уставился на мятый конверт, на котором я небрежно набросал свое имя и адрес.

— Скажите, сэр, — тихо сказал он, — как давно кто-то из вашей семьи жил в наших краях?

Я изумленно спросил его, что он имеет в виду, а когда Дэн повторил свой вопрос, то ответил, что моя семья не имеет никакого отношения к Ирландии. Честно говоря, я начал думать, что Дэн немного не в себе, и решил, что лучше опрокинуть свой стакан и двигаться дальше. Но Дэн все так же продолжал смотреть на меня с этим загадочным выражением благоговейного ужаса. Коротышка Шон Дафф хранил молчание. И в этот момент я понял, что выражает взгляд Дэна. Он смотрел на меня как на врага, в его взгляде светилась воспаленная ненависть.

— Никакого отношения? Вы уверены? Вообще никакого отношения?!

— Вообще никакого, — медленно, как будто разговаривая со слабоумным, сказал я. — Имя корнуолльское, не ирландское. Почему здесь должна быть какая-то связь?

Владелец бара медленно покачал головой:

— Мистер, вы хотите сказать, что никогда не слышали о старом доме Маунтмейн, что стоит ниже по дороге?

— Никогда, — подтвердил я. — А в чем, собственно, дело? Это какой-то розыгрыш?

Мужчины обменялись многозначительными взглядами. На этот раз паузу прервал Шон:

— Это не розыгрыш, мистер. Замок Маунтмейн — один из тех старых англо-ирландских домов, что построили здесь в восемнадцатом веке. Графы Маунтмейн жили в этих краях до самой крестьянской войны[1]. Это было в конце девятнадцатого века, когда старая Ирландия изменилась раз и навсегда. Жуткое было время: массовые выселения[2], Земельная лига[3], капитан Бойкот[4], чье имя вошло во все языки, явление водяных чудищ при Лох-Маск[5]... помните?

Я начал терять терпение.

— Я не силен в истории. Особенно в ирландской. Честно сказать, я не понимаю, какое отношение ко мне имеет этот замок... как там его?

— А я о чем говорю? Замок Маунтмейн пустует последнюю сотню лет. Сейчас он разрушается, и разве не я участвую в его разрушении?

Дэн согласно кивал в ответ на раздраженные реплики коротышки, но при этом продолжал как-то странно смотреть на меня.

— Шон последние несколько недель работал в этих старых развалинах, — сказал он, словно это все объясняло.

— И как раз сегодня утром, — перебил его Шон Дафф, — я разбирал там всякие шкафы и нашел шкатулку.

---

[1] Имеется в виду легендарная «Земельная война» 1870—1880-х годов, в ходе которой ирландские крестьяне боролись за снижение арендной платы на землю и перераспределение земель. — *Прим. ред.*

[2] В связи с аграрной реформой усилился массовый сгон мелких арендаторов с помещичьей земли (так называемая очистка имений).

[3] Земельная лига — Ирландская национальная земельная лига, созданная в 1879 году, объединяла разные социальные слои ирландцев, недовольных английским владычеством, поддерживала крестьян в борьбе против произвола английских землевладельцев. — *Прим. ред.*

[4] Капитан Бойкот — Чарльз Каннингэм Бойкот (1832—1897), английский управляющий в Ирландии. Однажды крестьяне отказались обрабатывать его земли, а Земельная лига призвала местное светское общество к социальной изоляции Бойкота. Например, соседи и слуги перестали разговаривать с ним, в магазинах его отказывались обслуживать, а если он садился в церкви на скамью, то все остальные вставали и уходили. Отсюда пошло понятие «бойкот».

[5] Озеро Лох-Маск (Lough Mask) – озеро в Ирландии, где многочисленные очевидцы наблюдали явления огромных животных диковинного вида (ср. Несси из Лох-Несса). — *Прим. ред.*

Он выдержал паузу и облизнул губы. Казалось, они вдруг пересохли и потрескались. Шон отхлебнул из стакана и обтер рот тыльной стороной ладони.

— Это старая шкатулка, ее запрятали в задней стенке шкафа. Жестяная шкатулка с именем Тризелы на крышке. Хэрлина Тризелы.

Я фыркнул и рассмеялся.

Теперь я знал, что это была шутка. Жестяная шкатулка с моим именем в доме в Ирландии, где никто из моей семьи никогда не бывал, найдена как раз в то время, когда я путешествую по самым отдаленным местам этой страны, которую посетил впервые в жизни! Кто из нас шутил?

— Ну ладно, — улыбнулся я. — В чем тут соль?

— Это правда, клянусь, — отвечал Шон Дафф.

— Так в чем, собственно, смысл вашей дурацкой шутки? — настаивал я.

Шон начал с угрожающим видом вставать с табурета, но Дэн жестом заставил его сесть на место.

Потом хозяин бара посмотрел на меня и с важным видом покачал головой:

— Шон говорит правду. Не более часа назад он принес сюда эту жестяную шкатулку, чтобы посоветоваться, что с ней делать.

Теперь на моем лице заиграла высокомерная улыбка.

— В таком случае, может быть, вы мне ее покажете?

«Ну теперь-то эта муть разъяснится! — удовлетворенно подумал я. — Сейчас станет ясно, что это просто какой-то глупый розыгрыш».

Не говоря ни слова, хозяин бара вытащил из-под стойки небольшую шкатулку и поставил ее передо мной.

По размеру шкатулка оказалась совсем небольшой. Судя по внешнему виду, эта заржавленная, нечищеная коробка уже много лет никого не интересовала.

Мои глаза сфокусировались на все еще хорошо различимой надписи на крышке шкатулки.

Потом мои глаза расширились, а мозг начал лихорадочно работать.

Сомнений не было — Дэн и Шон говорили правду!

На крышке шкатулки было выгравировано: «Хэрлин Тризела, 1880».

Я тряхнул головой, не веря своим глазам:

— Этого не может быть!

Шон Дафф еще не остыл:

— Может, вы и правы, мистер. Да только мы нашли шкатулку, которой сто лет, и в то же самое утро вы сваливаетесь как снег на голову и заявляете, что вас зовут точно так же, как написано на крышке этой шкатулки, и в то же время говорите, что вы не из этих мест. Так кто же вы, мистер?

— Я именно тот, кем назвался, — едва ли не шепотом ответил я, одновременно пытаясь разобраться в этом странном стечении обстоятельств.

Дэн мрачновато улыбнулся и почесал кончик носа.

— Может быть, теперь, мистер, нам следует попросить вас подтвердить тот факт, что вы действительно являетесь тем, кем назвались?

Все еще в ступоре, я вытащил из внутреннего кармана водительские права и положил их на стойку. Мужчины склонились над моими документами. Шон Дафф тихонько присвистнул. Я своими глазами видел, как его рука начала подниматься, словно он собирался перекреститься, а потом опустилась.

— Значит, это правда. Точно, правда. Но тогда что это значит?

Я не отрываясь смотрел на шкатулку.

Наконец Дэн прервал затянувшееся молчание:

— На крышке ваше имя. Может, вам следует открыть шкатулку. Мы уже открывали. Там письмо. Как раз перед вашим приходом я сказал Шону, что ему лучше отнести шкатулку стражникам в Ленибрайен.

— Стражникам? — переспросил я, пытаясь вырваться из-под гипнотического влияния шкатулки.

— Гарда Сиоханна[1], полиция, — раздраженно объяснил Шон Дафф.

---

[1] Гарда Сиоханна — Garda Siochana *(англ.)* — отделения местной полиции в некоторых графствах Ирландии.

— В шкатулке есть что-нибудь, кроме письма? — спросил я.

— Только письмо в пакете. Пакет из клеенки. Мы письмо прочитали и положили обратно, — сказал Дэн.

Я, словно во сне, протянул руку и поднял крышку шкатулки. Было очевидно, что недавно ее открывали,— ржавые петли поддались без труда. Все было так, как говорили Дэн и Шон. Внутри лежал продолговатый пакет из клеенки. Я взял его, аккуратно развернул, и на стойку бара выпал пожелтевший от времени конверт.

Письмо было адресовано Пегги Тризела. Это имя мне ни о чем не говорило. Насколько мне было известно, в нашей семье не было никакой Пегги.

Я вытащил из конверта сложенные листы и осторожно их развернул. Пожелтевшие и выцветшие от времени, они были покрыты тонкими коричневыми строчками. Почерк был разборчивым, и я как зачарованный начал читать, совсем не обращая внимания на нервные восклицания моих собеседников.

«Замок Маунтмейн
графство Уотерфорд,
11 сентября 1881 г.

Моя дорогая Пегги!

Боюсь, это будет моим последним письмом к тебе. Боюсь, что жить на этой земле мне осталось недолго. И потому, дорогая, прости, если я кратко пишу о моей любви к тебе. Но знай, что мысли мои всегда с тобой. Да хранит тебя Господь.

Милая Пегги, тебе известны причины моего приезда сюда. Однако мне необходимо уточнить все обстоятельства моего появления в здешних местах, возможно, для того, чтобы прояснить спутавшиеся мысли.

Ты помнишь, как я вышел в отставку по инвалидности, получив ранение в ноябре 1880 года в пр6клятом богом Афганистане, когда наш полк попал в жуткую переделку под Мейвендом: повстанцы Аюб Хана перешли в наступление на Мейвенд, к западу от Кандагара, и уничтожили около тысячи наших солдат. Я был одним из тех ста шестидесяти раненых,

кому удалось пробраться в окруженный Кандагар. Через некоторое время Кандагар освободил генерал Робертс, и меня переправили в Индию, а оттуда домой. Ранение мое было таково, что я больше не мог служить её величеству в рядах британской армии.

И что оставалось мне, отставному хромоногому капитану от инфантерии, что мне было делать? Что я мог предложить тебе, девушке, на которой страстно хотел жениться и которую обещал купать в роскоши, вернувшись с афганской войны героем-победителем? Теперь же я думал, что́ может придумать калека, почти не имеющий личного дохода, чтобы обеспечить хотя бы собственное существование?

Вот в эту пору я и возобновил знакомство с Джастином Маунтмейном, который в Афганистане командовал моим полком. Он был славным малым. Общительный, с тонким чувством юмора, Маунтмейн здраво оценил мое положение и тут же предложил работу в качестве управляющего его поместьем. Он владел тремя тысячами акров в графстве Уотерфорд в Ирландии, что давало ему около девяти сотен фунтов ежегодного дохода. По всей видимости, Маунтмейн с антипатией относился к Ирландии, он никогда туда не ездил и даже ни разу не посетил свои владения. Мне была предложена должность управляющего, я должен был следить за тем, чтобы его собственность содержалась должным образом. Для этого мне следовало поселиться в поместье Маунтмейна. Жилище Маунтмейна оказалось при ближайшем рассмотрении мрачной громадиной, именовавшейся «Замок Маунтмейн», хотя трудно вообразить строение менее похожее на старинный замок. Обыкновенный, построенный в восемнадцатом веке помещичий дом невероятных размеров. В мои обязанности входил и сбор ренты с фермеров-арендаторов.

Я охотно ухватился за предложение Маунтмейна, которое сулило мне не только бесплатное проживание в особняке, пусть даже и не отличающемся особыми красотами, но и сто фунтов ежегодного дохода.

Вспомни, моя дорогая Пегги, мы решили немедленно пожениться, после чего я должен был один отправиться в замок Маунтмейн и подготовить все к твоему прибытию в наш новый дом.

Обстоятельства сложились таким образом, что теперь я рад тому, что отправился в Ирландию без тебя.

Замок Маунтмейн оказался мрачным, зловещим, запущенным местом. Местные крестьяне были подозрительными и замкнутыми. Ходили слухи, будто в этих местах нелегально действуют члены Земельной лиги, но в основном все было спокойно. Никаких выселений и лишений имущества по суду[1]. Рента была невысокой, а Маунтмейн справедливо продлевал сроки владения для бедных фермеров. И все же в поместье чувствовалась какая-то гнетущая, зловещая атмосфера. Казалось, одно упоминание имени Маунтмейна вызывает у местных жителей глухую ненависть. Меня это поразило, потому что мне не приходилось встречать более достойного человека, чем полковник Джастин Маунтмейн.

Для того чтобы ты поняла, что я имею в виду, опишу тебе одну сцену. Когда мой экипаж въехал в ворота поместья, там собралась небольшая толпа мрачных крестьян, они выстроились в линию и наблюдали за моим приездом. Некоторые из них угрожающе потрясли в воздухе кулаками, а потом одна старая женщина выскочила вперед, буквально под копыта лошади моего экипажа, и, брызгая слюной, крикнула:

— Помни проклятие Черного Джона, Маунтмейн!

Тогда я понял, что эти люди ошибочно принимают меня за нового наследника Маунтмейнов. Когда же стало известно, кем я являюсь на самом деле, местные жители стали относиться ко мне менее враждебно, но по-прежнему оставались крайне замкнутыми.

И только после того, как я прожил здесь несколько недель, мне открылась темная тайна семьи Маунтмейнов и я понял причину того, почему Джастин Маунтмейн не собирался заявлять свои права наследника лично и появляться в этих краях. Представители трех поколений его семьи встретили здесь ужасную смерть. Джаспер Маунтмейн погиб на охоте в 1846 году; Джервис Маунтмейн утонул в окрестном

[1] С середины 40-х годов XIX века в Ирландии начался аграрный переворот, сопровождающийся падением цен на хлеб и частым сгоном мелких арендаторов с их земель. — *Прим. ред.*

озере в 1857-м, а старший брат Джастина, Джодокус, умер от сердечного приступа на горе Фэском в 1879 году.

Местные крестьяне искренне верили, что над семейством Маунтмейнов тяготеет проклятие.

Итак, как я уже говорил, положение мое несколько улучшилось после того, как я прояснил для всех, что не имею никаких родственных связей с Джастином Маунтмейном, а являюсь всего лишь его управляющим. Постепенно мой помощник — человек сурового вида по имени Рой — начал общаться со мной посвободнее, и именно от него я и узнал местную легенду о проклятии Маунтмейнов.

Случилось так, что Джаспер Маунтмейн жил в своем поместье в середине 1840-х годов, эти времена памятны всем ирландцам: местные жители называют их *An Gorta Mor*, или Великий Голод. В ту пору в Ирландии от голода умерли два с половиной миллиона человек. Джаспер был девятым графом Маунтмейном. Его предки заслужили свой титул и земли в битве за Бойн[1] на стороне Вильяма Оранского. Каждый знал, что Джаспер обладал злым, необузданным нравом, был богохульником и наслаждался своей властью феодала над окружающими замок селениями. В своем поместье он являлся абсолютным хозяином жизни и смерти подданных.

Джаспер обожал охотиться верхом в сопровождении собак. История проклятия Маунтмейнов началась в тот день, когда во время такой охоты его свора взяла след лисицы и погнала ее через гору Фэском, что возвышалась над поместьем графа. Погоня была нелегкой, лисица оказалась молодой и ловкой, хотя и беременной. В конце концов она выдохлась и забилась в нору, свора настигла ее и окружила.

Маунтмейн и его товарищи по охоте приготовились убить лисицу.

И вот тогда появилась молодая крестьянская девушка. Ее звали Сили. Это была жена одного из фермеров-аренда-

---

[1] Битва при реке Бойн, состоявшаяся в 1690 году. Закончилась тем, что предводитель протестантов (оранжистов) Вильгельм (Вильям) III Оранский одержал победу над другим претендентом на престол Англии и Ирландии — католиком Яковом II, представляющим интересы ирландцев. — *Прим. ред.*

торов, которого звали Черным Джоном. Сили тоже была беременна. Она начала стыдить охотников за то, что они загнали беременное животное, и встала перед сворой гончих, закрывая собой лисицу. Собаки отвлеклись на девушку, и лиса смогла ускользнуть от них.

Маунтмейн так разозлился из-за того, что его лишили удовольствия убить лисицу, что, не владея собой, ударом хлыста рассек молодой женщине лицо. Кровь заструилась по щеке Сили. Гончие решили, что это команда взять зверя, и набросились на несчастную. К тому времени, когда перепуганные товарищи Маунтмейна смогли оттащить собак от Сили, она была едва жива, растерзанная клыками своры. Один из друзей графа отвез ее на своем экипаже в Уотерфорд, где уже через несколько дней бедняжка умерла, не только страдая от глубоких и загноившихся ран, но и лишившись рассудка от перенесенного ужаса.

Потом случилась странная вещь. Маунтмейн никогда не ценил жизнь своих крестьян, как, собственно, и его предки. Говорили, что в их поместье после восстания 1798 года казнили не меньше двухсот восставших. Их убивали, поливая голову кипящей смолой. Местные назвали эту экзекуцию по-гэльски — *caip bais*, шапка смерти. С той поры у англичан распространилось выражение «надеть кайбош» в значении «положить конец, прикончить». Так что Джаспер Маунтмейн даже и не думал волноваться из-за смерти жены Черного Джона и его неродившегося ребенка. Это ведь они испортили ему хорошую охоту, верно?

Но однажды вечером к дому Маунтмейнов пришел Черный Джон. Он стоял под стенами дома и звал графа. Он был вне себя от горя и ярости. Он проклинал род Маунтмейнов до седьмого колена. Он насылал ужас и смерть на Джаспера и всех его отпрысков. Джаспер только посмеялся, затем послал за своим помощником, приказав выпороть Джона и вышвырнуть его с земель Маунтмейнов.

На следующий день Джаспер, по своему обыкновению, отправился на верховую прогулку по окрестностям Фэскома. Работники в поместье клялись, что в тот день они слышали доносившийся с гор странный тявкающий вой лисиц. Это было необычно, потому что лисы — тихие, почти бес-

шумные животные и боятся человека, который охотится на них и убивает. Они всегда стремятся остаться незамеченными. И тем не менее жители поместья не сомневались, что слышали завывающий лай лисиц, который долгим-долгим эхом раздавался в тишине гор.

Когда Джаспер Маунтмейн не вернулся к вечеру в замок, его помощник и еще несколько работников организовали поиски хозяина. Они нашли графа в лощине, лежащим у подножия горы; его лошадь, нервно прядая ушами, стояла рядом. Тело графа было разодрано на куски. Один из работников божился, что так изуродовать человека может только стая диких животных. Но волчьих стай в округе не было. Еще в семнадцатом веке английские власти объявили для своих солдат вознаграждение — пять фунтов за голову волка или, если такая попадется, за голову ирландского повстанца. К девятнадцатому веку волки в Ирландии перевелись.

Представители ирландской королевской полиции, которым было известно о том, что случилось с женой Черного Джона и его угрозах хозяину, не были такими суеверными. В тот же вечер его отыскали и арестовали в Уотерфорде, когда он садился на отплывающий в Америку корабль. Но потом доктор дал заключение, что ни один человек не смог бы разорвать Маунтмейна на куски таким жутким образом, и Черного Джона в конце концов отпустили. Но даже когда его освобождали, Джон повторил свое проклятие: семь поколений Маунтмейнов должны были заплатить за смерть его жены.

Одиннадцать лет спустя сын Джаспера Маунтмейна Джервис унаследовал владения своего отца и только после этого прибыл в поместье с разгульной компанией дружков и со своей любовницей, которую звали, как припоминал Рой, вроде бы Элла. Джервис к этому времени уже был женат на какой-то титулованной леди, давно им заброшенной, и имел от нее двух сыновей, Джодокуса и Джастина, которые жили в Лондоне. Джервис оказался таким же распутным, как и его отец Джаспер.

Через неделю после приезда в замок Джервис исчез, и его начали искать.

В конце концов дружки и слуги Джервиса перешли через Фэском к Коумшингону, где открывался самый впечатляющий вид на горы. В амфитеатре гор лежало озеро, с трех сторон его окружали отвесные скалы, которые поднимались на высоту до тринадцати сотен футов. Местные жители утверждают, что черные воды озера бездонны. Может быть, и так. Озеро действительно очень глубокое и очень темное. Находятся смельчаки, которые там ловят бурую форель, но эта рыба плохая на вкус. Еще местные жители говорят, что это место заколдовано, а в бурую форель переселяются души мертвых. Никто из местных не ест эту рыбу.

Вот в этом темном, укрытом в горах озере и нашли Джервиса Маунтмейна. Полностью одетый, он плавал на поверхности воды лицом вниз.

Сержант местной королевской полиции рапортовал, что, судя по обнаруженным на берегу следам, Джервис сам вошел в озеро. А местный доктор обратил внимание на то, что только носки сапог графа испачканы в грязи с берега и, следовательно, граф шел на цыпочках. Почему он так шел, осталось загадкой. Удивительное дело, но поверх отпечатков ботинок графа обнаружили следы, которые посчитали следами собак. Однако помощник клялся, что свора графских гончих в тот день оставалась на псарне. Дознаватели решили, что Джервис повредился умом и совершил самоубийство, на цыпочках войдя в озеро. Но коронер не смог объяснить ни причину умственного расстройства Джервиса, ни то, почему мужчина во цвете лет, у которого нет никаких причин для огорчений, лишил себя жизни.

Рой, помощник, сказал мне, что женщина Маунтмейна, леди по имени Элла, вскоре после случившегося вернулась в Лондон, и ходили слухи, будто бы через некоторое время она родила внебрачного сына — судя по всему, от Джервиса.

И наконец, всего каких-то несколько лет назад Джодокус Маунтмейн достиг зрелого возраста и приехал в Ирландию, чтобы заявить свои права на поместье. Он был старшим братом полковника Джастина. Не прошло и двух недель после его приезда, как в очередной раз была организована поисковая экспедиция, потому что и он потерялся. Джодокуса нашли на следующее утро на склоне Фэскома мерт-

вым. Прибывший на место доктор объявил, что граф умер от сердечного приступа и в его смерти нет ничего сверхъестественного.

Местные жители, любители приукрасить хорошую историю, уверяли, что всю предшествующую смерти Джодокуса ночь слышали ликующий лай лисиц.

Вот так, моя дорогая Пегги, поместье Маунтмейнов, раскинувшееся на склонах Фэскома, перешло по наследству Джастину Маунтмейну. Я не виню полковника за то, что он не захотел заявить свои права на наследство лично. Он правильно сделал, что нанял управляющего, то есть меня, чтобы я представлял его интересы, в то время как он сам остается в безопасности в Лондоне, куда, как видно, не распространяется проклятие Черного Джона.

Именно так я думал всего несколько дней назад. Теперь я не очень в этом уверен. Происходит нечто, чему я не могу найти объяснения.

Несколько дней назад, прогуливаясь по горам, я увидел на склоне, примерно ярдах в пятидесяти выше меня, большую собаку... вернее, мне показалось, что это была собака. Присмотревшись внимательнее, я понял, что это лиса, и она была чуть крупнее обычной лисицы. Ее острая морда смотрела прямо на меня. Она была великолепна и к тому же вот-вот должна была родить. Большая лисица с блестящими, отливающими сталью глазами.

Я остановился и разглядывал сидящее на склоне горы животное. Через некоторое время лиса лениво встала, коротко тявкнула и не спеша потрусила прочь.

В ту ночь я вдруг проснулся, пот струился по моему телу, я лежал и не мог понять, что именно потревожило мой сон. Потом я услышал странные звуки. Сначала я подумал, что где-то в почи плачет ребенок, потом представил стаю воющих котов. От этих звуков у меня по спине пробежали мурашки. Мне стало страшно. Потом звуки стихли вдали, и я в конце концов заснул.

Утром мой подручный Рой вел себя беспокойно. Он поинтересовался, не слышал ли я тявканье лис, которое ночью доносилось с гор. Я сказал, что не знал, что это были лисы, так как ничего подобного раньше не слышал. А потом он

задал мне странный вопрос. Он спросил, уверен ли я в том, что я не Маунтмейн.

В тот момент я не понял, в чем дело. Я рассмеялся и сказал, что было бы неплохо родиться Маунтмейном, тогда это прекрасное поместье принадлежало бы мне и я решил бы свои финансовые дела.

На следующую ночь те же звуки опять разбудили меня.

Днем по пути в коттедж одного фермера я наткнулся на девушку, которая сидела на камне у обочины дороги. По всему было видно, что девушка местная, — темные волосы, белая кожа, естественный румянец и яркие серо-зеленые глаза. У нее была привлекательная ирландская внешность, которой славятся все colleens[1], как называют их местные жители. Девушка была босая, платье на ней было изодрано, а тяжелый живот беременной сразу бросался в глаза.

— Добрый день, — вежливо сказал я и приподнял шляпу.

— Чтоб тебе пусто было, Маунтмейн! — ответила девушка, она говорила так ласково, что я, пока до меня не дошло значение ее слов, думал, что она отвечает на мое приветствие.

Я растерялся и разозлился.

— С какой стати ты меня оскорбляешь? — требовательно спросил я. — Меня зовут Хэрлин Тризела. Я служу у полковника Маунтмейна, но я не его родственник!

Девушка ласково смотрела на меня и продолжала улыбаться:

— Я имею право проклинать Маунтмейнов, под какой бы личиной они ни прятались.

— Я не Маунтмейн! — взорвался я. — Когда вы все наконец это поймете? Мне надоело, что все принимают меня за другого. Я управляющий Маунтмейна, а не его родственник.

Девушка рассмеялась. Мне редко доводилось слышать смех настолько жуткий.

— Помнишь проклятие Черного Джона? До седьмого колена.

Потом она встала и быстрым шагом, который совсем не соответствовал сроку ее беременности, пошла прочь.

---

[1] Девушка *(ирл.)* — *Прим. ред.*

Несколько секунд я смотрел ей вслед, потом пожал плечами и продолжил свой путь.

Это странные, упрямые люди, Пегги. Ты даже не представляешь, насколько ирландцы чужды нам, англичан, а мы все притворяемся, будто они являются частью нации, которую нам нравится называть «британцы».

От фермера-арендатора я возвращался по той же дороге и в какой-то момент почувствовал, что на меня кто-то смотрит с холма. Солнце клонилось к закату, его бледные лучи слабо освещали серые каменные глыбы и потускневшие заросли дрока.

Я замер от неожиданности.

Невдалеке от меня на камне сидела лиса. Клянусь, это была та же самая крупная беременная лисица, которую я видел несколькими днями раньше. Ее проницательные блестящие глаза внимательно смотрели на меня. В первую секунду от этого взгляда дрожь пробежала по моему телу. Но я не отступил. Я поднял голову и с вызовом посмотрел лисице в глаза. Через некоторое время она не спеша встала. В этот раз лиса открыла пасть и продемонстрировала мне два ряда острых белых зубов. Я увидел на ее резцах подтеки крови и плотно сжал губы. От лисицы исходила прямая угроза, я первым огляделся по сторонам в поисках орудия защиты.

Лиса отрывисто тявкнула, развернулась и исчезла.

Дорога в замок Маунтмейн казалась бесконечно длинной, сердце бешено колотилось, и было такое чувство, что меня вот-вот хватит апоплексический удар.

По возвращении домой я сразу прошел в кабинет, налил полный стакан бренди и рухнул в кресло. Я весь взмок от пота. Но постепенно сердце перестало грохотать в груди, а пульс сбавил скорость.

Я знал: зло идет по моим следам. Идет по моим следам! Забавное выражение пришло мне в голову. Зло преследует Маунтмейнов, проклятие Маунтмейнов, — правда, теперь у меня нет в этом никаких сомнений. Но как это объяснить, Пегги, как объяснить, что я не Маунтмейн, но я вижу этих чудовищ и чувствую, что им нужен я? Может, проклятие Черного Джона распространяется на всех, кто живет в замке

Маунтмейн? Я ничего не понимаю. Я только знаю, что тоже проклят и что злой рок безжалостно и неумолимо надвигается на меня. Я беззащитен перед ним. Я обречен.

Сейчас, когда я пишу эти строки в своем кабинете, приближается ночь. Жить мне осталось, полагаю, недолго.

Но я не понимаю почему. Почему я? Почему? Почему на меня перешло проклятие Маунтмейнов?

Мои последние мысли будут о тебе, любовь моя.

Твой любящий муж,

Хэрлин Тризела».

Я закончил читать и встряхнул головой, письмо потрясло меня.

Дэн и Шон внимательно следили за выражением моего лица.

— Твой родственник? — поинтересовался Дэн.

Я в замешательстве пожал плечами:

— Никогда о таком не слышал. Я знаю своих предков до четвертого колена. Моего деда тоже звали Хэрлин Тризела, но его жену звали Синтия, и он умер в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году, когда ему было семьдесят пять лет. Так что он не мог быть этим Хэрлином Тризелой, который называл свою жену Пегги.

— Похоже на правду,— заметил Дэн, заново изучая пожелтевшие страницы письма. — Твой дед не мог родиться в то время. И у этого Хэрлина не было детей, когда он писал своей жене. Судя по письму, он женился и тут же уехал в замок Маунтмейн.

— В любом случае это любопытно, — признал я. — Это правда, то, что он пишет о Маунтмейнах?

Шон Дафф криво ухмыльнулся:

— Конечно, были истории, которые обычно пересказывают старики. Но это только истории. В какое-то время замок Маунтмейн начал разваливаться, а поместье пришло в упадок. В конце прошлого века, после принятия Земельных актов, некоторым фермерам удалось отхватить себе немного земли. Они смогли взять ссуду и выкупили свои собственные участки. Если подумать, последний раз замок Маунтмейн использовался для жилья в тысяча девятьсот двадцать

первом году, тогда в нем расположились казармы черно-коричневых[1]. На них напали республиканцы и подожгли замок. Несколько человек погибли, и майор Мейн, командир карателей, тоже. Поговаривали, что он был из Маунтмейнов. С тех пор в замке никто не живет.

Пока Шон говорил, я все пытался понять, кем же был этот Хэрлин Тризела. Какой-нибудь родственник? Такое вполне могло быть. Судя по имени, наверняка. Но кем он мне приходился?

— У вас есть телефон? — Идея пришла мне в голову внезапно, и я решил действовать.

Дэн кивнул в сторону кабинки в углу бара.

Мне не потребовалось много времени, чтобы связаться с тетей Ритой в Шеффилде.

— Что? Ты звонишь из Ирландии? А это не дорого, Хэл? — заволновалась тетя. Родные всегда зовут меня Хэл.

Я сдержался, чтобы не улыбнуться:

— Совсем нет, тетя. Послушай, тебе ведь многое известно о семье Тризела, верно? То есть я хочу спросить, ты слышала еще об одном Хэрлине Тризеле?

— Естественно, мой папа, твой дедушка... — начала тетя, но я не дал ей договорить:

— Нет, я не о нем. Этот Хэрлин жил до дедушки. Его жену звали Пегги. И я не думаю, что у него были дети.

Последовала пауза.

— Нет. — Тетя Рита говорила медленно, она явно обдумывала ответ. — Нет. Все, что я знаю, — это то, что твой дед приехал в Шеффилд из Труро. Ему было чуть за двадцать, и это было в девятьсот пятом.

— А тебе известно что-нибудь о его семье до приезда в Шеффилд?

— Это так важно? Дома ты не проявлял особого интереса к своей родословной, а теперь вдруг отправился в Ирландию и названиваешь с вопросами об истории нашей семьи. Что с тобой случилось?

---

[1] Black & Tans *(англ.)* — английские карательные отряды в Ирландии, после Первой мировой войны участвовавшие в подавлении восстания ирландской радикальной организации «Шинн Фейн» (букв. «Мы сами»). — *Прим. ред.*

— Ничего, тетушка, — терпеливо ответил я.

Тетя недовольно фыркнула:

— Ну, еще я могу тебе сказать, что мать твоего дедушки звали Мэгги, а бабушку — Пернел.

— Пернел?

— Именно.

— Странные имена дают в нашей семье, — задумчиво прокомментировал я.

— Послушай, у меня есть кое-какие старые бумаги твоего деда. Если это так важно, я их просмотрю. Хочешь, я перезвоню тебе вечером?

Я не знал, где буду ночевать, и поэтому, договорившись о том, что сам перезвоню позже, вернулся к стойке бара. Шон Дафф к этому времени уже ушел. Видимо, он вернулся к своей работе в замковых развалинах.

— Ну как? Разгадал загадку? — искренне поинтересовался Дэн.

Я криво улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Только частично. Этот Хэрлин если и мой родственник, то очень дальний.

— Но имена у вас все же одинаковые!

— Знаю. Это странно. Впрочем, у многих людей одинаковые имена.

— Но не такие редкие, как ваши, — улыбнулся Дэн. Он взглянул на письмо, пакет и шкатулку. — Что будешь с этим делать?

— Ну, это не мое.

— А имя?..

Я вздохнул и на минуту задумался.

— Вот что, я пробуду в ваших краях еще несколько дней. Мы скоро увидимся. Если ты подержишь шкатулку у себя, я вернусь через пару дней и, может быть, к этому времени что-нибудь решу. Попрошу родственников немного покопаться в нашей родословной. Может, у нас и получится что-нибудь прояснить.

Дэн со мной согласился, мы вместе упаковали письмо в пакет и положили его обратно в шкатулку.

Когда я вышел из бара Дэна, солнце было уже высоко. Я решил побродить по долине. Странное письмо не шло у ме-

ня из головы. Мой тезка сошел с ума? Истории о проклятии подействовали на его рассудок? Что в действительности с ним произошло? Вернулся ли к своей любимой Пегги?

Пегги! Я резко остановился. Пегги — уменьшительное имя, уменьшительное от Маргарет. И Мэгги тоже уменьшительное от Маргарет. Мэгги. Тетя Рита сказала, что дедушка называл свою мать Мэгги. Возможно ли такое?

Могло ли быть, что жену Хэрлина в действительности звали Маргарет, а он называл ее Пегги? Вернулся он из Ирландии или нет? Родила ли ему Пегги сына, которого к тому же назвала Хэрлин? Может, этот ее сын вырос, не зная отца, но слышал, как друзья семьи зовут маму Мэгги?

От всех этих вопросов у меня голова шла кругом.

Я планировал днем покинуть Фэском и отправиться к раскинувшимся за цепью Комераха горам Моневала, чтобы обследовать там самую высокую вершину Сифин, но что-то меня удерживало. Возможно, это было желание разгадать тайну письма. Следующие несколько часов я бродил по горам, окружающим старое поместье Маунтмейнов. Замок Маунтмейн никогда не был замком, это был или, вернее, когда-то был громадный сельский дом в георгианском стиле. Теперь этот одиноко стоящий в горах дом превратился в мрачное, обветшалое строение с обуглившимися от пожара балками.

Некоторое время я разглядывал этот дом со стороны, мне были видны рабочие, нанятые для разборки замка, но еще раз повстречать Шона Даффа мне совсем не хотелось.

Приближался вечер, я решил установить палатку в подножии Фэскома и начал подыскивать подходящее место.

Девушка была молоденькой и милой, я не замечал ее до тех пор, пока не подошел вплотную к камню, на котором она сидела. У нее были темные волосы, белая кожа и яркие глаза, цвет которых менялся от серого к зеленому, в зависимости от падающих на них неярких лучей заходящего солнца.

— Добрый вечер,— с улыбкой поприветствовал я девушку, заметив ее присутствие.

Она смотрела прямо на меня, но не отвечала. Странно, подумал я, ирландцы обычно вежливы с чужаками.

— Я тут ищу место для стоянки. Есть здесь неподалеку полянка с родником или чистым ручьем?

Девушка продолжала молча смотреть на меня, пока мне не стало как-то не по себе, и тогда я, прикидывая, глухая она или немая, собрался сказать что-нибудь еще. Тут она томно подняла руку и без слов указала мне вдоль дороги.

Вежливо поблагодарив девушку, я решил, что, пожалуй, был прав: она глухая, и зашагал дальше.

Я прошел всего каких-то несколько ярдов, когда услышал за спиной отчетливый женский голос:

— До седьмого колена, Маунтмейн.

Я в замешательстве обернулся.

Девушки на камне не было. Она словно под землю провалилась. Я прикусил губу. Может, у меня разыгралось воображение? У меня был долгий тяжелый день, это точно, а странные события в баре Дэна могли сыграть со мной злую шутку.

Пора сделать привал.

Пройдя немного вперед, я отыскал полянку возле ручья, а ниже по склону холма высмотрел проезжую дорогу и, что самое главное, телефонную будку. Ирландцы, кажется, имеют привычку расставлять телефонные будки в самых неожиданных, далеких от цивилизации местах, где-нибудь на обочине дороги, которая ведет из ниоткуда в никуда. Увидев телефонную будку, я вспомнил о своем обещании позвонить тете Рите. Но сначала я решил установить палатку и перекусить.

Это было живописное местечко: с полянки открывался вид на мрачные руины замка Маунтмейн, над замком сгущались сумерки. Чуть дальше за домом, прямо у дороги, там, где я приметил телефонную будку, я увидел еще одно окруженное деревьями разрушенное строение, похожее на развалины старинной церкви. А может, когда-то это была фамильная часовня или грандиозный фундамент под замок.

Когда я вошел в кремово-зеленую будку с надписью «ТЕЛЕФОН», уже начало темнеть. Интерьер будки освещался тусклой, запыленной лампочкой. Я нашел в справочнике код прямой связи с Шеффилдом, скормил автомату монетки и набрал номер. К телефону подошла тетя Рита:

— Ну что сказать, благодаря тебе я провела несколько часов, просматривая архив твоего деда. Это было интересно. Более того, оказывается, у нашей семьи есть свой скелет в шкафу.

— Что ты имеешь в виду, тетя? — спросил я.

— Ну, судя по всему, отец дедушки был незаконнорожденным.

— Понятно, — я вздохнул в легком нетерпении, — но это не решает моей проблемы, так?

— Держись, Хэл. Я нашла свидетельство о рождении твоего деда. Он родился в марте тысяча восемьсот восемьдесят второго. Его покойного отца звали Хэрлин Тризела, а мать — Маргарет Тризела. Не Пегги, а Мэгги.

Я застонал — эта информация не приближала меня к разгадке.

— Дорогой мой, самое главное это то, что я нашла свидетельство о рождении твоего тезки, другого Хэрлина Тризелы. Он родился в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом. Его мать звали Петронелла Тризела. Мальчик был незаконнорожденным. Мать дала ему свою фамилию Тризела, отец в свидетельстве о рождении не значится. Значит, он был внебрачным ребенком.

По голосу тети можно было подумать, что она очень гордится тем, что ее предок был незаконнорожденным. Я презрительно фыркнул:

— Ну, знаешь, такое часто случалось в эпоху так называемой викторианской морали. Этот Хэрлин Тризела — тот, кого я ищу?

— Кем бы он ни был, мой дорогой, из всего этого следует, что, когда родился твой дедушка, ему было двадцать четыре года, а в свидетельстве о рождении твоего деда указано, что к моменту его рождения его отец уже умер. Все сходится, но дед звал свою бабушку Пернел, а не Петронелла. Это разные имена. О ней упоминается в бумагах деда...

В трубке раздались короткие гудки, монет у меня больше не было, поэтому я быстро попрощался с тетей Ритой и пообещал отзвониться в ближайшее время.

Я вышел из тускло освещенной будки в сентябрьский вечер и медленно побрел обратно к своей стоянке. Было

ясно, что стемнеет еще до того, как я найду палатку, но, слава богу, у меня был с собой фонарик.

Я не сомневался, что Хэрлин Тризела, который умер в двадцать четыре года, был автором загадочного письма, найденного в замке. Мог ли он быть отцом моего деда? Его жену звали Пегги, а это уменьшительное от Маргарет. Мать деда звали Мэгги — это тоже уменьшительное от Маргарет. Хэрлин, сын Петронеллы, умер в 1882 году, когда родился дед. Тогда же умер Хэрлин, отец деда. Они явно были одним человеком. Из этого следует, что Хэрлин Тризела не вернулся из Ирландии. Мой дед родился и вырос, так и не узнав, что случилось с его отцом.

Так что же случилось с Хэрлином Тризелой в замке Маунтмейн? На него подействовало легендарное проклятие? Он потерял рассудок, увлекшись судьбой графов Маунтмейнов? Из письма, что мне показали, было ясно, что увлечение это было патологическим. Но если он чувствовал, что ему грозит проклятие Маунтмейнов... то почему? Почему он должен был стать жертвой проклятия, которое было наслано исключительно на Маунтмейнов? Было глупо покорно ждать незаслуженной смерти, даже если верить в проклятие Маунтмейнов.

Вдруг я понял, что так глубоко задумался, что свернул не туда и, вместо того чтобы выйти к своей палатке, оказался у небольшой рощицы, которую приметил раньше с холма.

Я остановился и, прищурившись, вглядывался в темноту. Видны были только очертания разрушенного здания в готическом стиле, скорее всего это была часовня.

Я понял, что мои предположения о прошлом этого строения оказались верны и что я набрел на фамильную часовню, которая стояла на кладбище Маунтмейнов за главным домом замка.

Я собрался было уже уходить, но тут мое внимание привлекло надгробие, которое было установлено гораздо позже, чем окружавшие его потрескавшиеся и расколотые надгробные плиты.

Я подошел к надгробию, стемнело так быстро, что прочитать надпись на камне не представлялось возможным, и я включил фонарик.

Простое надгробие. На плите выбита короткая надпись:

Хэрлин Тризела. 1857—1881

Я замер от неожиданности. Передо мной была могила того самого человека, письмо которого я прочитал в баре. Его звали так же, как и меня. В этой могиле, теперь я не сомневался, был похоронен мой прадед.

В кладбищенской темноте послышался чей-то шепот. Дразнящий женский голос обращался ко мне.

— До седьмого колена, Маунтмейн.

Я резко обернулся, но ничего не увидел.

Сердце бешено заколотилось в груди, волосы зашевелились на затылке.

— Чепуха! — громко, чтобы придать себе уверенности, сказал я. — Если род Маунтмейнов и был проклят, это проклятие не имеет никакого отношения к Тризелам.

Я снова посмотрел на надгробие.

Мне стало жаль этого человека, моего неизвестного предка. Если тетя Рита права, жизнь у него была не сахар. Незаконнорожденный ребенок, он смог стать офицером. По тем временам кто-то влиятельный должен был купить ему офицерский чин. Во время военных действий в Афганистане он был ранен и вышел в отставку калекой. Женился. Получил в Ирландии должность управляющего поместьем. И умер, больше ни разу не увидев жены и не зная, что она беременна и собирается подарить ему сына. Грустная биография.

Вдруг мое сознание зацепилось за одну мысль.

Во рту у меня пересохло.

Слово «незаконнорожденный» звучало у меня в голове, как сигнал тревоги.

Что он там писал? Джервис Маунтмейн в 1857 году «прибыл в поместье с компанией дружков и с госпожой, которую звали, как припоминал мой помощник Рой, Элла... Элла вскоре после случившегося вернулась в Лондон, и ходили слухи, будто бы через некоторое время она родила внебрачного сына Джервиса».

Элла! Элла! Петронелла! Петронелла Тризела!

О боже!

А мой дед звал свою бабку Пернел. А Пернел, вдруг припомнил я, одно из принятых сокращений от Петронелла!

Хэрлин Тризела был Маунтмейном, не подозревая об этом. Внебрачный сын Джервиса!

— До седьмого колена! — Женщина в темноте сипло рассмеялась.

Хэрлин был четвертой жертвой проклятия Маунтмейнов.

Он был моим прадедом. Дед, отец и я — еще три поколения. Я представитель седьмого поколения! До седьмого колена! В проклятии говорилось о поколениях Маунтмейнов, а не об их наследниках.

Я похолодел от ужаса. Паника привела меня в движение. Я отвернулся от надгробия и побежал прочь с заброшенного кладбища.

Я споткнулся и чуть не свалился в большую яму, которая была вырыта поперек дороги. Я удержался на ногах и умудрился не упустить из рук включенный фонарик.

Яма была узкой и длинной. Она была похожа на свежевырытую могилу.

У изголовья могилы стоял камень. Совсем недавно вытесанное надгробие.

За надгробием стоял человек и улыбался мне из темноты. Это был старина Шон Дафф... Черный Джон! Он указывал пальцем на надгробие и улыбался. В свете фонаря черты его лица заострились, глаза блестели и не мигали... как у лиса. Я посмотрел туда, куда он указывал.

На камне было выгравировано:

Хэрлин Тризела. 1953—1993

Я снова посмотрел в сторону Шона Даффа, но его за надгробием уже не было. Вместо человека там сидел тощий лис, мне показалось, что его пасть растянулась в зловещей улыбке. Рядом с ним сидела более крупная лисица. Огромная беременная самка пристально смотрела на меня зоркими блестящими глазами, пасть ее была приоткрыта, и на острых резцах виднелись подтеки крови.

В окружающей меня темноте раздался лающий вой, странный, похожий на детский плач в черных горах.

КАРЛ ЭДВАРД ВАГНЕР

Одна ночь в Париже

Прежде чем стать профессиональным писателем, Карл Эдвард Вагнер (Karl Edward Wagner) работал психиатром. Начиная с 1980 года Карл Эдвард Вагнер редактировал ежегодник DAW Books «Лучшее за год. Рассказы в стиле хоррор» (The Year's Best Horror Stories). Его первый роман «Паутина тьмы» (Darkness Weaves With Many Shades), вышедший в 1970 году, представил читающей публике героя по имени Кейн Мистический Фехтовальщик. Этот герой появляется и в других произведениях Вагнера: романах и рассказах.

В последнее время Вагнер увлекся жанром хоррор, его «страшные рассказы» опубликованы в сборниках «В уединенном месте» (In a Lonely Place), «Почему не мы с тобой?» (Why Not You and I?), «Утро им не грозит» (Unthreatened By the Morning Light), «Экзерсизмы и экстазы» (Exorcisms and Ecstasies).

Приведенный ниже рассказ -- одна из историй Вагнера о стрелке Адриане Беккере. «Он вполне может быть потомком Кейна, — объясняет писатель. — И родился он в моем воображении примерно тогда же, что и Кейн, где-то в начале шестидесятых».

В настоящее время Вагнер работает над романом «Пушка Сатаны» (Satan's Gun).

— Не могу понять, как вы умудрились получить пулю таким идиотским образом?!

Адриан Беккер пребывал в скверном настроении. Он шагал взад-вперед по усыпанному щебнем полу, в то время как в собор, где они укрывались, то и дело влетали пушечные ядра. Вдалеке слышалась канонада — пруссаки били по Парижу из тяжелых орудий.

— Что удивительного в том, если человека подстрелили в борделе? — Сэр Стэнли внимательно осматривал свою одежду.

— Как вы получили пулю в зад, вот я о чем!

Когда-то Беккер служил в помощниках у хирурга и научился сам накладывать повязки. И это немудреное медицинское образование позволило ему изрядно попрактиковаться во время недавно окончившейся Гражданской войны в Штатах, когда Беккер сражался в кавалерии генерала Куонтрилла.

— Я полагаю, мой зад был первой осмысленной целью, которую увидел этот коммунар,— возразил Стэнли.— Вспомните, как они на нас набросились. В Париже царит хаос. Не осталось никакого уважения к общественным институтам.

— Вам следовало бы прикрыть тыл.— Беккер, несмотря на то что бывшие товарищи по оружию расстреляли бы его на месте, сохранял прусское рвение к соблюдению правил.

— Видите ли, старина, в тот момент я думал только о той заднице, ради которой туда пришел, а не о своей,— уточнил сэр Стэнли. Он отыскал в своем сюртуке довольно приличный кусок сигары и прикурил его от масляной лампы. Несмотря на риск, Беккер сказал, что для наложения повязки на пулевое ранение требуется хорошее освещение.— К тому же никто не может ожидать, что в комнату шлюхи ворвется муж или разъяренный любовник.

— Тогда почему он выстрелил в вас?

— Он орал, что я сожрал его сестру.— Сэр Стэнли затянулся замусоленной сигарой.

— Что он сказал? — Беккер удивленно обернулся.

— Ну, мой французский не очень хорош, да и он орал как резаный. Но я думаю, именно это он и хотел сказать, перед тем как я его пристрелил.

Беккер с подозрением оглядел сэра Стэнли:

— А вы и правда съели его сестру?

— Что вы, конечно нет! — оскорбился сэр Стэнли.— Это парижане за время осады докатились до каннибализма, а не мы. Возможно, я не очень хорошо его понял. Только представьте: я усердно обрабатываю Мими, или как там ее звали, а в следующую секунду умалишенный француз выбивает ногой дверь и начинает палить в меня из револьвера. Да, вот еще что я вспомнил. Он называл меня Бертраном.

— Значит, так. Какая-то ссора. Не та комната. Не тот мужчина. И теперь мы оказались в ловушке между коммунарами и пруссаками. Это плохо.

Полковник Адриан Беккер, в недавнем прошлом служивший в армии конфедератов, счел целесообразным покинуть Новые Штаты Америки сразу после объявленного в 1868 году перемирия. Родившись во время охвативших Германию войн от связи баварской графини и прусского офицера, Беккер вернулся на родину, чтобы поступить на службу в полк прусских уланов, хотя знал по собственному опыту, что кавалерийские атаки на пушки равносильны самоубийству, пусть даже у французов на вооружении были всего-навсего митральезы[1]. Осада Парижа приближалась к своему неминуемому кровавому финалу в мае 1870 года, и Беккер решил прибрать к рукам полковую казну, пока остальные разграбляли Париж.

Начал он с того, что освободил сэра Стэнли Саттона, который называл себя то прусским уланом, то британским наблюдателем. Но так как ни одна из его верительных грамот не выдержала проверки на подлинность, Саттона сочли шпионом неизвестно какой стороны. Он готовился предстать перед расстрельной командой, когда Беккер убил его тюремщиков. Беккер знал Саттона как британского связного еще по войне в Штатах. Также Беккер знал, что Саттон легок на подъем, авантюрист и опытный убийца, а для ограбления полковой казны ему как раз был нужен помощник.

Случайное ядро — Беккер так и не определил, французское или прусское, — разнесло в щепки их фургон и спрятанные в нем сокровища. Набив карманы золотом, эта парочка пробралась в осажденный Париж. Беккер посчитал, что в гражданской одежде и с золотом, которого достаточно, чтобы купить все, что нельзя украсть, и подкупить всякого, кого они не смогут убить, им удастся затеряться в водовороте грабежей и разрушений, выждать время и ускользнуть в Англию. Он повидал разграбленные победителями города — от захолустного Лоуренса до охваченного огнем Вашингтона — и знал, как нужно действовать в такой обстановке.

А потом какой-то умалишенный француз прострелил сэру Стэнли зад, пока они развлекались в борделе. Саттон не мог ни сесть верхом на лошадь, ни пройти дюжину шагов. Беккер мог без колебаний убить противника, но бросить

[1] Митральеза — старинное многоствольное оружие.

товарища он не мог. Им надо было найти повозку или фургон, а вместо этого они прятались в обстреливаемом со всех сторон соборе столицы мятежных французов, которая билась в предсмертной агонии.

Беккер прикидывал, какая из сторон попытается убить их первой. Он даже не был уверен, сколько их вообще к этому времени участвовало в бойне. Вокруг собора лежали тела священников и монахинь, которых убили коммунары, до того как начали палить прусские пушки.

— Что там за вой? — Беккер выглянул в разбитое окно, витая сетка на котором была сработана еще в одиннадцатом веке.

— Это собака, Адриан.

Беккер передал Саттону бутылку бренди, которую нашел в груде щебня, и теперь сэр Стэпли убивал боль щедрыми глотками алкоголя.

— Нет. Это волк. — Детство Беккера прошло в горах Гарца[1].

— Волк или собака, но больше похоже на ветер. Коммунары сожрали даже животных в зоопарке. Как вы относитесь к крысиному мясу?

— А я говорю — это волк. Мне знаком этот вой.

Адриану Беккеру еще не исполнилось тридцати, но годы, проведенные в сражениях на двух континентах, прибавили ему лет, так же как и тонкий шрам от удара сабли у него на лбу. Он был высок — чуть выше шести футов,— широк в плечах и обладал крепкой фигурой кавалериста. Лицо Беккера всегда производило впечатление на женщин, хотя сейчас его белокурые волосы и эспаньолка находились в весьма запущенном виде. Пристальный взгляд его серо-голубых глаз лишал противника присутствия духа. Беккер научился искусству убивать еще ребенком, в 1848 году, после того как его родители бежали от неудавшейся революции. Саттон мог заметить, как Беккер тянется к револьверу, но никогда не мог уловить движение его левой руки между мгновением, когда он принял решение убить, и моментом, когда пуля попадала в цель.

— Почему он назвал вас Бертраном?

---

[1] Гарц — область в Германии, знаменитая своими лесами.

Беккер достал один из своих кольтов 36-го калибра и пожалел, что у него нет винтовки Генри.

— Кто знает? Ночью все кошки серы.

Саттон оделся и почувствовал себя гораздо лучше, в основном благодаря бренди. Хорошо хоть у него хватило ума прихватить одежду. Из раны хлестала кровь, но штаны, которые он зажал под мышкой, были спасены. Когда все это случилось, Беккер подставил Саттону плечо, и они бросились бежать. Собор находился неподалеку от борделя, приятели укрылись под его крышей, как раз когда возобновился обстрел. Саттон сомневался в том, что кто-то будет преследовать их в царящем вокруг хаосе.

Сэр Стэнли Саттон, как он сам себя величал, был на полфута ниже Беккера, худощав и изящен. В результате того, что его выгоняли не из одного славного полка, он приобрел безупречную выправку, а его аристократичные манеры являлись результатом появления на свет в благородном семействе, чью фамилию он согласился не порочить, никогда не называясь ею. У напарника Беккера были каштановые вьющиеся волосы, жесткая бородка, невинные карие глаза и породистое романтическое лицо, из-за которого женщины лишались чувств. Благодаря мастерскому владению огнестрельным и холодным оружием он дожил до своих неполных тридцати, хотя везение сыграло в этом не последнюю роль. Именно благодаря везению, вместо того чтобы просто быть расстрелянным, сэр Стэнли Саттон всего-то прятался в развалинах парижского собора, в компании полковника Беккера, с пулей в заднице, в окружении падающих пушечных ядер, и твердо уверенный в том, что любая из враждующих сторон будет счастлива расстрелять их обоих.

Беккер дважды выстрелил из кольта. Саттон достал свой двуствольный «адамс» и попытался рассмотреть, в кого палит его товарищ. Зная Беккера, он мог поручиться, что этот некто либо уже мертв, либо умирает.

— Где он? — шепотом спросил Саттон, сам он ничего не видел.

— Я заметил чью-то фигуру в проломе вон в той стене, — сказал Беккер. — Промахнуться я не мог: луна освещала цель со спины.

— Сколько их?

— Всего один, кажется. Однако он не упал.

— Возьмите мой ствол, — предложил Саттон и протянул Беккеру свой «адамс». — Пятьдесят четвертый мощнее.

— Пули такие же, как в сорок четвертом американском, — ответил Беккер. — Я считаю, пули тридцать шестого калибра точнее.

— Как скажете, Адриан. Где ваш коммунар?

— Сейчас я его прикончу.

Беккер взвел курок и осторожно переступил через груды щебня, оставляя Саттону линию огня. Что-то непонятное происходило с тем, в кого он стрелял. Мужчина стоял на четвереньках, как человекообразная обезьяна, после выстрела он отскочил в сторону, словно пуля в него не попала. Беккер отлично видел цель.

В ночном воздухе просвистело ядро. Беккер бросился под скамью. Фундамент собора содрогнулся, обломки кирпичей разлетелись от пробоины в стене, на скамью посыпались куски штукатурки. Оглушенный близким взрывом, Беккер едва успел расслышать свист следующего ядра и забился под скамью еще глубже. Ядро пролетело точно под романско-готическими сводами и разорвалось где-то у алтаря.

На скамью, под которую втиснулся Беккер, падали крупные предметы. Одним из них был ворох нижних юбок, пахнущих духами с ароматом гардении.

Беккер, продолжая сжимать в руке пистолет, из которого так и не выстрелил, откинул с лица юбки и крошки штукатурки. Следующее ядро разорвалось на некотором расстоянии от собора. Контуженный Беккер постепенно начал сознавать, что за него держится такая же контуженная, как он, женщина, которая до некоторой степени была лишена верхнего платья. Эта женщина — корсет, чулки и ворох чудесных нижних юбок — вцепилась в него что было сил. В какое-то мгновение Беккер подумал, что это, наверное, ангел хочет утащить его на небеса. Однако небеса вряд ли были пунктом его назначения, да и ангел не стал бы душиться, как проститутка. К тому же он узнал это лицо под копной присыпанных песком густых черных волос:

— Жаклин?

— О Адриан! — Она прильнула к нему с гораздо большей страстью, чем демонстрировала накануне. — Там такой ужас! Когда вы убежали, я пошла за вами. Там было столько крови!

Беккер опустил курок на своем кольте, вылез из-под скамьи, с трудом встал на ноги сам и поставил рядом Жаклин. В ушах у него звенело, в голове стучали молотки. Судя по дрожащему под ногами полу, он понял, что ядра падают в стороне от собора... пока.

— Тебе следовало укрыться в подвале.

Беккер попытался удостовериться в земном существовании сэра Стэнли. Лампа каким-то чудом уцелела и продолжала гореть. В куче щебня что-то зашевелилось.

— Там прячется Бертран! — шепнула Жаклин.

— Везет же ему, — сказал Беккер.

Он провел Жаклин к тому месту, откуда слышались проклятия Саттона, и растащил в стороны куски деревянной панели, которая до недавнего времени веков пять провисела на стене собора. Англичанин был зол как черт, но невредим. Он сдержанно поблагодарил Беккера и одарил Жаклин чумазой улыбкой.

Жаклин снова прижалась к Беккеру:

— Это не Бертран! Но с этой бородкой он *очень* похож на Бертрана!

— *Sehr gut*[1], — сказал Беккер, в голове у него все еще гудело, и английский как будто уплывал куда-то. — По крайней мере один вопрос мы сегодня решим. Этот Бертран — он тот, кто по ошибке стрелял в моего друга?

Жаклин с ужасом посмотрела на него:

— Бертран, он... *loup-garou!*[2]

— Я... я думаю, она хочет сказать, он оборотень, — перевел приятелю Саттон.

— Остался еще бренди? — спросил Беккер.

Саттон протянул ему бутылку:

— Там полно трухи от пробки.

Беккер глотнул из горлышка и передал бутылку Жаклин.

---

[1] Очень хорошо *(нем.)*.

[2] Человек-волк; оборотень *(фр.)*.

— Я говорил вам, что слышу волка. В детстве я жил в горах Гарца. И я не промахиваюсь, когда стреляю в человека.

Жаклин сделала большой глоток бренди и закашлялась. Саттон с достоинством поднялся на ноги и галантно предложил ей свой сюртук. Беккер смотрел в пробоины в стене и что-то бормотал по-немецки себе под нос.

— Да, — наконец сказал он, — я знаю, что такое оборотень.

— Бросьте, старина! — Саттон подозревал, что его друг контужен. — Девятнадцатый век на дворе!

— Адриан прав! — вмешалась Жаклин. — Я видела эту тварь! Он убил Ивонну! Перегрыз ей горло! Рвал ее тело зубами, жуть! Он был Бертраном, когда вошел в ее комнату, но, когда мы выломали дверь, в окно выскочил волк!

— Волк сбежал из зоопарка, — объяснил сэр Стэнли. — Он изголодался, ему еще повезло, что его самого не сожрали коммунары. — Он приобнял Жаклин, просто чтобы успокоить.

— Как ты нас нашла? — вдруг спросил Беккер. Он постепенно приходил в себя после обстрела.

— Я видела, в какую сторону вы побежали. Я шла по следам крови. Сегодня полнолуние, было светло.

С улицы послышался протяжный звериный вой. Где-то рядом разорвалось ядро, и взрыв заглушил все остальные звуки.

Беккер порылся в карманах:

— У кого есть серебро?

Он нашел несколько золотых монет и немного меди.

— Боюсь, что я заплатил Мими вперед, — извинился Саттон.

Жаклин явно бежала из борделя в спешке.

— Крестик? — спросил Беккер. — Кольцо какое-нибудь?

Но Жаклин только покачала головой и теснее прижалась к сэру Стэнли.

— Чтобы убить оборотня, нужно серебро. — Беккер огляделся по сторонам. — Может, распятие над алтарем?

— Вы ни крошки не найдете, — сказал Саттон. — Из этого собора утащили все ценное, пока коммунары забивали всех подряд, от матери настоятельницы до служки при алтаре.

Беккер выглянул в брешь в стене:

— Так, мы должны найти серебро. Не могу сказать точно, сколько еще Бертран будет довольствоваться монахиней.

— Что?! — Даже сэр Стэнли казался не на шутку удивленным.

Он подошел к Беккеру.

Полная луна освещала церковное кладбище. Надгробия и памятники светились белым светом, словно разбросанные по земле сломанные зубы. Тела убитых епископов, монахов, священников и служек лежали в несколько рядов. Над телом одной из монахинь что-то шевелилось.

Сначала Саттон подумал, что это мужчина в меховом пальто. Потом он понял, что это существо действительно является самцом, но не человеком. Существо с человеческой фигурой, покрытой темной шерстью. Вместо лица у него была звериная морда. Одежды монахини были разодраны, ноги раскинуты в стороны. Пока туловище существа непристойно корчилось над бедрами покойницы, его челюсти выгрызали ее мертвые груди.

Саттон отвернулся, он был ошеломлен впервые за всю свою богатую событиями жизнь.

— Это Бертран, — сказала Жаклин.

— Не смотри! — Сэр Стэнли потянул ее в сторону.

— Она проститутка в городе, который сошел с ума, — сказал Беккер. — Что ее может шокировать? Но почему никто до сих пор не прикончил этого Бертрана?

— Мы только недавно начали подозревать. — Жаклин была близка к обмороку. — Все эти убийства, восстания... Ему легко спрятать свои злодеяния, когда кругом убивают!

— Убейте эту тварь, дружище! — Саттон отпустил девушку и протянул Беккеру свой револьвер.

— Это только привлечет его внимание. — Беккер оттолкнул от себя руку Саттона. — Нам нужно серебро.

— А если мы не сможем найти серебро?

— Тогда будем надеяться, что этот монстр до утра будет довольствоваться мертвыми. К несчастью, оборотни предпочитают кровь и плоть живых людей, а вы, друг мой, оставили на земле свежий кровавый след. Я думаю, очень скоро он придет за нами, а вы не можете бежать.

— Тогда сделайте, как я говорю, набейте ему брюхо свинцом прямо сейчас!

— Сэр Стэнли, я говорил вам, что стрелял в него. Как видите, безрезультатно. Лучше наблюдайте за ним, пока я ищу серебро.

— А если он двинется сюда?

— Тогда стреляйте в него и молитесь, чтобы я оказался не прав!

— А огонь? — спросил Саттон, с нарастающим ужасом глядя на ширшество некрофила.

— Ну, сначала вам надо поймать его и освежевать, — предложил Беккер. — А я разведу костер, и мы его зажарим.

— Головни! — сказала Жаклин. — Дикие звери боятся огня.

— Оборотни только частично звери. — Беккер подхватил с пола лампу. — И они очень быстро двигаются.

Жаклин подобрала юбки и пошла следом за ним:

— Кажется, вы много знаете о *loup-garou*. Вы много их поубивали?

— Одного хватило, — ответил Беккер, и Жаклин показалось, что его передернуло. Но возможно, причиной этого были груды битого кирпича, на которых им приходилось балансировать, пока они пробирались по пути к разрушенному алтарю.

Беккер поднял лампу повыше:

— Ищи распятия, потиры, серебряные блюда! Все, что могли упустить из виду грабители.

Ядро разнесло алтарь на куски, в полу зияла дыра, под полом был склеп. Останки епископов и крестоносцев были свалены в кучу, словно срезанные с ниток сломанные и сгнившие марионетки. Погнутые мечи, проржавевшие доспехи смешались с человеческими костями и изорванными, поеденными червями пышными парадами.

Запах гнили и праха был едва ощутим по сравнению с резким запахом пожарищ и вонью от разлагающихся тел, которые витали в ту ночь над Парижем.

Жаклин содрогнулась и прикрыла лицо руками:

— Я этого не вынесу.

— Тогда держи. — Беккер протянул девушке лампу, подождал, пока она покрепче ее ухватит, и начал осторожно спускаться в развороченное захоронение.

Ему не раз приходилось видеть картины и похлеще, так что разложившиеся останки людей, умерших несколько веков назад, не вызывали у него ни ужаса, ни душевного трепета, во всяком случае до тех пор, пока они не шевелились.

— Есть! Посвети сюда, Жаклин!

В развороченном пушечным ядром склепе трудно было что-то разобрать — кругом валялись кости, обломки ржавых доспехов и истлевшие предметы церковного облачения, — но Беккер рассудил, что захоронение относилось к временам Крестовых походов. На груде битого кирпича и щебня лежала не тронутая взрывом черная чаша. Беккер мгновенно определил, что это почерневшее от времени серебро, и схватил чашу.

Рука мертвеца крепко сжимала ножку чаши и не собиралась отдавать ее никому на свете. Беккер выпустил чашу и чертыхнулся. Выхватив из ножен длинный охотничий нож, он яростно полоснул по сочленениям усохшей руки и начал по одному отгибать от ножки чаши пальцы покойника. Сталь одолела мертвую плоть, и уже через несколько мгновений Беккер выбирался из склепа с драгоценной находкой в руках.

— Теперь надо развести огонь. Жаклин, собери доски и палки. Да быстрей же, ради всех святых! Надо спешить!

— Эта тварь скрылась в тени, — доложил сэр Стэнли, пока Беккер разбирался со своей экипировкой. — Я его не вижу!

— Продолжайте наблюдение!

Для пистолетов у Беккера имелось разнообразное снаряжение: капсюли, пороховница с черным порохом, жестяная банка с жиром для смазки, пыжи, запасные пули и форма для отливки пуль. Пока Жаклин разводила костер из деревянных обломков, Беккер быстро вытащил из барабана одного из своих кольтов пули и порох.

С помощью охотничьего ножа он разрубил найденную чашу на куски и с радостью отметил, что эта простая и, очевидно, очень старинная чаша действительно сделана из серебра. Но оценить ее по достоинству у него не было времени.

Пока костер прогорал, Беккер вытащил из склепа кусок покрывшегося ржавчиной шлема крестоносца. Шлем был достаточно прочен, чтобы послужить миской для плавки

серебра. Он установил «миску» на угли, побросал туда куски серебра и стал ждать, когда они начнут плавиться.

Волчий вой напомнил о том, что время безжалостно несется вперед.

— Вы его видите? — спросил Беккер, вороша угли.

— Тучи закрыли луну, — ответил ему Саттон. — Ничего не вижу.

— Жаклин, — Беккер указал на обломки деревянной панели, — сделай факелы.

— Ими можно убить эту тварь?

— Ими можно на время отбить у нее аппетит.

Беккер подул на угли. Температура плавки серебра была в три раза выше температуры плавки свинца, но куски чаши наконец начали размягчаться и смешиваться друг с другом. Оглядевшись по сторонам, Беккер приметил под грудой щебня кусок старинного гобелена. Он быстро отхватил ножом кусок ткани и сделал из него прихватки.

Потом он установил на земле форму для литья пуль, неуклюже подхватил с огня раскаленный кусок шлема и как можно аккуратнее залил в форму жидкое серебро. Поставив миску из шлема на место, он быстро смахнул туда остатки расплавленного металла и подождал, пока форма остынет.

— Видно там что-нибудь?

Беккер открыл форму и вытряхнул из нее три блестящие серебряные пули.

— Луна чистая, но я ничего не вижу, — отозвался Саттон.

— Может быть, Бертран утолил свой голод, — предположила Жаклин.

— Во время полнолуния эту кровожадную тварь ничто не насытит.

Беккер заново залил форму и, обжигая пальцы и чертыхаясь, обтесал неровности на трех готовых пулях 36-го калибра. Пули должны были остыть, иначе во время зарядки от все еще нагретого металла мог вспыхнуть порох. Беккер плеснул на пули немного бренди, потом открыл форму и вытряхнул оттуда еще три пули. Теперь в миске оставалось достаточно серебра, но время поджимало.

Зато у Беккера было шесть серебряных пуль. Надеясь, что пыжи предохранят черный порох от горячего металла,

он решил рискнуть и зарядил кольт первыми тремя пулями.

Вой оборотня был похож на вой мастифа, если бы в природе существовал мастиф размером с быка.

Сэр Стэнли заорал и, не целясь, начал палить из револьвера — оборотень запрыгнул в разбитое окно. Ни осколки средневекового стекла, ни пули сэра Стэнли не оставили следов на его шкуре.

Выстрелы из тяжелого двуствольного «адамса» 44-го калибра несколько замедлили скорость движения оборотня, но не более того. Рана не давала Саттону бежать, он выругался и швырнул в оборотня бесполезный револьвер.

С двумя горящими досками в руках Жаклин отчаянно кинулась к чудовищу.

Беккер засыпал в кольт порох и установил пули. В кавалерийских войсках он научился быстро заряжать пистолеты, к тому же капсюли уже были в барабане.

Жаклин заслонила собой сэра Стэнли и тыкала горящими головнями в морду оборотня.

Оборотень на мгновение отпрянул назад и, взревев скорее от злости, чем от страха, отмахивался когтистыми лапами от горящих головней. Жаклин едва увернулась от его когтей. Сэр Саттон оттолкнул девушку в сторону. Оборотень бросился прямо на него.

— Бертран! — крикнул Беккер.

Жуткая тварь обернулась на крик, и Адриан трижды выстрелил ей в сердце. Можно было зарядить и оставшиеся пули, но в этом не было необходимости.

Серебряные пули разорвали шкуру на груди оборотня, и оттуда повалил зловонный дым. Из ран вырвался огонь и мгновенно поглотил все его тело. Оборотень жутко взвыл, рев животного перешел в человеческий вой. Шатаясь из стороны в сторону, он отступал вглубь собора, красные языки пламени пожирали его плоть. Обугленные кости проступали сквозь тлеющую шкуру, которая проваливалась внутрь скелета, словно омерзительные жертвоприношения в склеп.

Беккер и его друзья не отрываясь смотрели на оборотня. Вскоре от жуткой твари осталась лишь кучка пепла.

— Я же говорил, нам нужно серебро, — невозмутимо заметил Беккер.

К утру обстрел закончился, и бо́льшая часть боевых действий переместилась в дальние предместья Парижа. Сэр Стэнли все еще был слаб от потери крови, но настаивал на том, что сможет идти, если ему будет на кого опереться. Беккер рассудил, что им лучше поторапливаться, пока французы или пруссаки не установили в городе свои порядки.

Когда они проходили через церковное кладбище, им повстречался старый священник. Слезы на его лице свидетельствовали о чувствах, которые он испытывал при виде разрушенного собора и лежащих вокруг мертвых тел. Однако он тепло поприветствовал друзей и с интересом посмотрел на нижние юбки Жаклин, которые виднелись из-под сюртука Саттона.

Сэр Стэнли заметил взгляд священника.

— На нее напали коммунары, святой отец. — Саттон всегда был истинным джентльменом. — Мы вовремя подоспели и спасли несчастную, а потом нашли убежище в соборе. Моя же рана пустячная.

— Да благословит вас Господь, дети мои. Такая отвага — редкость в наши дни, — сказал старый священник, указал на жертвы кровавой резни и смахнул слезу. — Господь приберет их к себе. Камни можно поставить на место. Но я слышал, здесь, в склепах этого древнего собора, была спрятана чаша святого Грааля. Та самая чаша, из которой пил Наш Господь, перед тем как Его предали. Эту серебряную чашу ценой своей крови добыли наши доблестные рыцари-крестоносцы, и веками она хранилась здесь втайне от всего мира. — Священник обратил к беглецам покрытое глубокими морщинами лицо и спросил: — Может, Бог послал вас, чтобы помочь отыскать святую чашу в развалинах? Все, кто охранял ее тайну, убиты. Не исключено, что сила чаши сможет положить конец этим бессмысленным злодействам.

Адриан Беккер переглянулся с сэром Стэнли Саттоном и сказал:

— Да, уж одному злодейству точно!

БРАЙАН МУНИ

Душа волка

Первым рассказом Брайана Муни (Brian Mooney), написанным на профессиональном поприще, стал рассказ «Арабская бутыль» (Arabian Bottle), изданный в Лондоне в 1971 году в сборнике «Таинственные истории. Избранное» (Mystery Selection). С тех пор его работы публиковались в таких журналах и антологиях, как «Книга Страшных Историй. 21-й выпуск издательства „Пан букс“» (The 21st Pan Book of Horror Stories), «Темные голоса 5» (Dark Voices 5), «Тени над Иннсмутом» (Shadows Over Innsmouth), «Антология фэнтези и сверхъестественного» (The Anthology of Fantasy & the Supernatural), «Фантастические рассказы» (Fantasy Tales), «Последние тени» (Final Shadows), «Темные горизонты» (Dark Horizons) и «Фиеста» (Fiesta).

Муни рассказывает, что сюжет этой истории родился, когда он смотрел телепередачу о волках. «Один из специалистов по волкам, пожилой американский индеец, между делом упомянул о старом поверье, согласно которому убитому зверю перерезáли горло, чтобы освободить его душу. Это был тот редкий случай, когда сюжет родился у меня в голове и практически без изменений вылился на бумагу».

Прелюдия: Трофеи

В оружейной комнате было множество добытых на охоте трофеев. Развешанные по стенам головы убитых животных стеклянными глазами смотрели сверху вниз на сидящего за столом Наджента. Здесь была представлена почти вся существующая в мире дичь. Некоторые животные были добыты по дорогостоящей лицензии, большинство убито незаконно, что обходилось еще дороже. Многие из этих животных были на грани вымирания, но Наджента это ничуть не беспокоило. Он бы забеспокоился, если бы больше не на кого было охотиться.

Этим вечером он был весьма доволен собой. Потягивая выдержанный солодовый виски, смакуя на языке его вкус, он протянул руку и коснулся, даже приласкал ламинированную карточку, которая лежала точно в центре антикварного стола тонкой работы с обтянутой кожей столешницей.

На то, чтобы добыть эту карточку — лицензию на убийство еще одного представителя стремительно исчезающего вида, — он потратил не один год. Все это время он ублажал грязных политиканов и их приспешников, годами подкупал, шантажировал, давал взятки.

Не выпуская стакана из рук, Наджент встал из-за стола и начал прохаживаться по комнате, разглядывая украшающие стены трофеи и любуясь обширной коллекцией оружия в застекленных шкафчиках. Вот древний малайский крис, вот один из первых АК-47, а рядом каменное топорище. Ружье «гринер» Дока Холидея, с помощью которого был сражен Фрэнк Маклури в долине ОК-Корал, соседствует с проржавевшим саксонским клинком. Наджент улыбнулся своему фавориту, это была идеально заточенная опасная бритва с рукояткой из слоновой кости, в начале двадцатого века она принадлежала главарю бандитов столицы Шотландии, Глазго. Как-то он взял эту бритву и... ладно, не важно, это уже история. Воспоминания озарили легкой улыбкой суровое лицо Наджента.

А здесь на столике у стены лежал кожаный футляр с его последней винтовкой — винтовкой, предназначенной для нового убийства. Наджент пробежал пальцами по твердой и гладкой поверхности футляра и ощутил легкий внутренний трепет.

«Черт бы побрал этих „зеленых"», — подумал он. Эти ублюдки намерены взять под контроль весь мир. Пока, судя по приобретенной им лицензии, не весь. Что плохого в том, что он делает? Наджент искренне не мог этого понять. Животные убивают друг друга с начала времен. Черт побери, человек, имеющий все деньги, все богатства этого мира, может позволить себе делать все, что захочет! Разве не так?

Временами Наджент представлял себе, какой могла бы быть охота на людей. Он бы с радостью вывез в дикую местность группу этих слюнявых ублюдков и показал им, какой реальной становится жизнь, когда тебя захлестывает

волна адреналина и ты знаешь, что каждая минута может стать для тебя последней. Охота, о, охота...

Стая бежала по горным лесам и долинам. Наслаждаясь ветром, запахами и полнотой естественной жизни, клочья серого тумана скачками неотступно преследовали свою жертву...

Тема: Охота на волка

Огромный лесной волк был великолепен — неподвижная фигура подобно высеченной из камня скульптуре на фоне сумерек стояла на плоском валуне.

Голова зверя чуть приподнялась, волк вдыхал запахи соснового леса. Могучее тело плавно переходило от холки к пушистому хвосту, хвост отдыхал между мускулистыми задними лапами. Наджент аккуратно настроил оптический прицел — силуэт зверя стал четче.

Почти задыхаясь от возбуждения, Наджент сумел заставить себя расслабиться, что необходимо для точного выстрела. Вес «ремингтона» прибавлял уверенности, прохладное и гладкое, как шелк, ружейное ложе из орехового дерева нежно касалось щеки, так чуткие пальцы женщины касаются голой кожи.

Справа за спиной волка солнце медленно скользило к закату. Вероятно, вскоре белесый туман, непрозрачный и словно живой, прокрадется к подножию гор и заполнит собой долину. Но пока морозный воздух оставался чистым и покусывал щеки и уши.

Человек задержал дыхание и потянулся большим пальцем к предохранителю. Он поморщился, уловив едкий запах от залегшего рядом чинука. Почувствовав влажное тепло, исходящее от индейца, Наджент чуть было не дернулся в сторону. Господи, кто-то же должен затащить этих первобытных в двадцать первый век.

Он постарался справиться с отвращением. Если бы не эти индейцы, вряд ли у него был бы шанс подобраться к волку. А этот трофей стал для него чуть ли не наваждением.

Прицелившись чуть ниже уха волка, Наджент слегка надавил пальцем на спусковой крючок. Последний медленный выдох и второе нажатие. Отдачи, как от смертоносной пули, не было, тонкий шприц с ядовитым токсином вылетел из ствола.

Волк обмяк, как будто внезапно лишился всех костей и сухожилий. Наджент вдохнул, выдохнул и торжествующе рыкнул. Наконец-то, наконец... Долгожданный волк и ни единого следа, ни единого повреждения на великолепной шкуре. А потом Наджент завопил как резаный:

— Какого черта делает Расщепленное Дерево?!

Второй чинук, младший из двоих, тот, который был таким скромным и старался держаться «в тени», выхватил длинный охотничий нож и со всех ног помчался к рухнувшему зверю. Влажная земля и хвоя разлетались из-под мокасин, индеец дико завывал на бегу.

Наджент вскочил на ноги, чтобы ринуться в погоню, но старший индеец, Джексон, успел его опередить.

— Что он делает? — снова закричал Наджент. — Останови этого недоноска!

Когда запыхавшийся Наджент поравнялся с индейцами, старший уже остановил молодого. Чинуки горячо спорили на своем языке.

— Так, ладно, в чем дело? — отдышавшись, спросил Наджент.

— Расщепленное Дерево... — Джексон был в замешательстве. — Босс, он хочет перерезать волку глотку.

— Он с ума сошел? — Наджент сплюнул и вытер пот с лица. — Зачем он хочет это сделать? — Он повернулся к молодому индейцу и зло прорычал: — Ну, зачем?

Расщепленное Дерево сдвинул брови и что-то пробормотал на своем языке. Джексон пожал плечами:

— Старое суеверие, босс, многие племена в это верят. Нужно освободить душу волка. Поймите, наш народ почитает волка, мы относимся к нему как к брату охотнику. Убить волка можно, но ему надо оказать почести, как воину. Убил и сразу перерезал глотку, тогда его душа освободится и сможет охотиться в другой жизни. Если вовремя не освободить душу волка, он отомстит.

— И не думай! — Наджент толкнул Расщепленное Дерево в грудь. — Только попробуй! Я заплатил сто тысяч за лицензию и еще тридцать тысяч за этот вот выполненный по специальному заказу «ремингтон», чтобы не повредить его шкуру. Ты не перережешь ему глотку, сынок, пошел ты к черту со всеми своими суевериями!

Расщепленное Дерево начал сердито увещевать старшего чинука. Джексон поморщился:

— Он говорит, что уже почти не осталось времени, босс. Позвольте ему сделать это прямо сейчас, и, может быть, все обойдется.

Наджент взвесил на руке «ремингтон» и сказал:

— Скажи этому чертову дикарю, что, если он хоть на шаг подойдет к волку, я его пристрелю.

Губы молодого индейца скривились в презрительной усмешке, он убрал нож в ножны, повернулся к Наджету спиной и сказал на английском:

— Вы в ответе, мистер Наджент. Чертов дикарь хотел все сделать правильно. Надеюсь, вы сможете жить спокойно после того, что совершили.

Ночь и полная луна вступили в свои права, горы и лес окрасились в черный с серебряным отливом цвет. На плоском валуне в центре лесной поляны стоял молодой индеец, нагой, без ритуальной раскраски, и странные всполохи света придавали его жилистому телу сходство с диким животным. Стая окружила валун, серые тени замерли, волки не спускали глаз с юноши.

Индеец набрал в грудь побольше воздуха и завыл по-волчьи, сначала тихо, потом, поднимая лицо к небу, все громче, пока его вой не перешел в крещендо, а взгляд не устремился прямо на полную луну. Волки тоже задрали вверх вытянутые морды и присоединились к погребальной песне...

Тема: Ритуал

В небольшой горной пещере пятеро индейцев сидели вокруг дымящегося костра. Двое в штанах из денима и ма-

кино[1] были обуты в тяжелые ботинки. Старший из этих двух чувствовал себя неловко, второй был напряжен и настроен решительно. Трое других, старейшины, были нагими, если не считать ожерелий из когтей и зубов. Один из старейшин сжимал между коленей молчащий до поры бубен.

В соответствии с традициями по кругу передавали трубку, из руки в руку, от губ к губам. Трубка была набита не только табаком, но чем-то еще, от чего расширялись зрачки, а голова, руки и ноги становились легкими.

Когда каждый из собравшихся несколько раз затянулся из трубки, самый морщинистый из трех голых индейцев с почтением положил ее на землю, потом повернулся к беспокойному гостю и обратился к нему как к старшему из двоих:

— Этот белый, Наджент... Ты говоришь — он нарушил закон охоты?

Джексон смутился.

— Я ничего такого не говорил, этот парень просто не знаком с нашими традициями. Он не хотел ничего плохого.

— Послушай себя, Джексон, — зло сказал Расщепленное Дерево. — Ты так стараешься оправдать этих ублюдков, словно сам стал бледнолицым. Старый Отец, — молодой чинук повернулся к старейшине, который задал вопрос Джексону, — я сказал этому Наджеиту о законе, о наших традициях. Он насмехался, называл нас дикарями. Угрожал убить меня, если я все сделаю правильно. И теперь душа Волка не может найти покой, она взывает о мести. Послушайте меня, в ту ночь я вернулся в лес скорбеть о волке, и серые братья, они все пришли туда, где я пел погребальную песнь. Они не причинили мне вреда, наоборот, они плакали вместе со мной. Помоги душе Брата Волка, Старый Отец, помоги ей.

Старые индейцы склонились друг к другу и тихо заговорили на таком древнем, странном языке, что ни один переводчик не смог бы понять ни слова. Совещание закончилось, и старики с мрачными, словно вырубленными томагавками

[1] Макино — короткая куртка с поясом, из толстой шерстяной ткани. — *Прим. ред.*

лицами, на которых играли желто-оранжевые отсветы от костра, закивали головами.

Тот, кто держал между коленей бубен, начал отбивать ритм. Тяжелые равномерные удары постепенно завладели чувствами и грозили взять под контроль разум людей. Один из старейшин взял горсть смешанного с одурманивающей травой табака и швырнул ее в костер. Костер вспыхнул, в воздух поднялись клубы едкого дыма. Через несколько вдохов и выдохов Джексон и Расщепленное Дерево почувствовали, что начали растворяться в пространстве, их тела и сознание летели, словно подгоняемые порывистым ветром листья.

Старый Отец начал произносить заклинание. Странная, негромкая песня, несмотря на свою неспешность, вскоре могла соперничать по энергии с ритмом бубна. Тени старейшин, подобно наскальным рисункам, изгибались, удлинялись и принимали жуткие, едва заметные черные формы на стенах пещеры.

Через некоторое время Расщепленное Дерево ткнул в бок товарища и подрагивающей рукой указал на костер. Чинуки с ужасом смотрели на дым, который, танцуя и клубясь, приобретал очертания Брата Волка...

В роскошных апартаментах в многоэтажном районе большого города человек вздрагивал и корчился во сне. В какой-то момент, несмотря на эффективную систему кондиционирования, в спальне запахло чем-то едким. Ноздри человека вздрогнули, словно кто-то мешал ему, раскуривая возле его постели смесь табака и наркотических трав.

Тема: Таксидермия

— Превосходно, просто превосходно. — Уоллес Пламтри нежно, с любовью пробежался пухлыми пальцами по великолепной туше убитого животного. — Для меня, мистер Наджент, будет истинным удовольствием сделать для вас эту работу. Этот зверь, наверное, был гигантом среди себе подобных.

— Наверное, — сказал Наджент.

Он старался говорить бесстрастно, чтобы скрыть ликование, которое распирало его изнутри и грозило вот-вот разнести на куски. Годами он ублажал конгрессменов и секретаря штата, годами делал щедрые пожертвования партиям и частным фондам, годами держал в страхе нечистоплотных чиновников, все эти годы были потрачены не зря — ему выдали-таки драгоценную лицензию.

— В наши дни редко встретишь такой замечательный экземпляр, — со вздохом сказал Пламтри. — Эти проклятые консерваторы портят жизнь таким, как вы и я. Мы с вами анахронизмы. — Он расстроенно тряхнул головой, и его белые кудряшки рассыпались по воротнику.

Пламтри протер огромным носовым платком свои любимые старомодные очки.

— Мы, охотники, — исчезающий вид, Пламтри, — проворчал Наджент. — В наше время не ценится искусство выслеживать и убивать.

Таксидермист приподнял одну бровь.

— Тут вы правы, сэр, — иронично заметил он. — Если только ты не какой-нибудь низкий злодей, который охотится на людей, преследует и убивает их на улицах городов. Иначе кому какое дело, чем ты занимаешься?

— Да уж, — кивнул в ответ Наджент. — В стае бандитов с выкидными ножами можно сколько угодно резать и увечить себе подобных. Всем плевать. Копы и не пошевелятся, а если они и возьмут кого-то, судьи с бандитами ударят по рукам. Но, если ты хочешь убить дикого зверя, проклятье, ты для них хуже Джека Потрошителя.

Знаете, Пламтри, бывают вечера, когда я прогуливаюсь по действительно нехорошим улицам и надеюсь, что кто-нибудь из этих бродяг попробует напасть на меня. Мне хочется увидеть, каково им будет, когда они столкнутся с настоящим хищником. Но никогда ничего не случается. Понимаете, о чем я говорю?

Пламтри нацепил очки на нос и смерил взглядом стоящего напротив него крупного, коренастого мужчину. Он был наслышан о том, что Наджент — мастер убивать, наслышан о его богатейшей коллекции редкого оружия, о том, что Наджент получает удовольствие от актов насилия.

— Смею предположить — вы не похожи на жертву, мистер Наджент, — сказал он и добавил: — Вернемся к волку. Какие у вас будут пожелания?

Наджент некоторое время постоял, обдумывая ответ, потом почесал подбородок и сказал:

— А что если... Может быть, пусть он стоит, готовясь напасть, пусть оскалился, будто рычит.

Уоллес Пламтри слегка покачал головой:

— Это так избито, вы не находите, мистер Наджент? Я бы даже осмелился сказать — чуточку вульгарно. Очень хорошо для мальчишки, пришедшего в зоологический музей, но не для человека со вкусом. На мой взгляд, это будет оскорбительно для самой природы этого великолепного зверя. Если вы не возражаете...

Наджент жестом разрешил собеседнику продолжить.

— Сэр, я бы рекомендовал выпотрошить шкуру, не трогая голову, которая будет специально обработана. Потом приготовить мех, так чтобы туловище, лапы и хвост оставались мягкими и гибкими и их можно было бы растянуть в стороны. В результате получится прекрасная шкура, которую можно разложить на полу или повесить на стене.

— Я настаиваю на том, чтобы шкура осталась неповрежденной, — предупредил Наджент.

— Естественно, мистер Наджент. Как вы знаете, я использую в своей работе новейшие технологии, включая лазерную. Я гарантирую, что, несмотря на развертывание, мех ни в коем случае не пострадает.

*Ночной вахтер был молод и похож на фрика шестидесятых годов. В эту ночь он был под кайфом, что с ним случалось довольно часто, и парил в своем мире прошедшего столетия. Вахтер прибирался возле офиса Уоллеса Пламтри, но, когда он подергал дверь в мастерскую, она оказалась закрыта. В этом не было ничего необычного, это означало, что старый м***к опять притащил туда что-то особенное. Эй, приятель, представляешь — набивать дохлых животных, чтобы заработать на хлеб. Наверное, неплохо платят, не похоже, чтобы этот жирный Пламтри волновался о том,*

что будет жрать в следующем месяце. Да и рента в этом районе не становится дешевле.

Вахтер уже собрался отойти от двери, когда ему показалось, что он что-то услышал. Как будто где-то то ли скулит, то ли воет какое-то животное, собака, может быть. Ему даже послышалось какое-то царапанье, словно кто-то когтями скребет по гладкому каменному полу. Не может быть, приятель, все эти животные там, в мастерской, мертвые. Вахтер достал из кармана недокуренный косяк и внимательно его осмотрел. Эй, а крепкое дерьмо оказалось, приятель...

Интерлюдия: Сновидение

Наджент снова оказался в том месте в горах. Он распластался на твердой земле, в уверенных руках лежал нацеленный на лесного волка тяжелый «ремингтон». Солнце, должно быть, клонилось к закату, так как небо за зверем было окрашено в алый цвет артериальной крови.

Наджент был уверен, что у него за спиной стоят два индейца, хотя ни один из них не был в поле его зрения. Он слышал бой в ушах или скорее ощущал пульсацию, с которой жизнь заполняла его вены и артерии. Ему показалось, что он учуял дым от костра, дым табака и еще какой-то запах — запах чего-то наркотического.

Наджент знал, что Расщепленное Дерево пытается что-то ему сказать, но не мог уловить смысл слов индейца. Он понимал, что дело касается души волка, но так же понимал, что все это глупости.

Мысленно он отстранился от беззвучного зова индейца и сконцентрировался на том, чтобы произвести точный выстрел. Первое нажатие на спусковой крючок. Никогда еще у него не было такого отменного, такого качественного оптического прицела. Прицел сфокусировался на величественной голове волка, Наджент четко видел каждый жесткий волос шкуры зверя. Он во второй раз нажал на крючок.

Смерть вылетела из ствола, и, когда уже ничто не могло ее остановить, волк повернул к нему свою благородную го-

лову, и Наджент понял, что видит в оптическом прицеле человеческие глаза, такие же, как у него. Темно-синие глаза молили о пощаде.

Наджент дернулся под одеялом и закричал...

В лучшей комнате пентхауса, откуда открывался великолепный вид на город и небо, Марианна беспокойно зашевелилась во сне. Она резко проснулась, ей показалось, что она слышит вой животного. Как такое могло быть? Это же город. Она что-то тихо пробормотала и, повернувшись на другой бок, снова уснула...

Тема: Демонстрация

Уоллес Пламтри с интересом огляделся по сторонам.

— Обстановка несколько изменилась с тех пор, как я был здесь в последний раз, — заметил он.

— Вам не откажешь во внимательности, — признал Наджент. — Люблю перемены. Однообразие меня утомляет. Я сделал перестановку, хочу, чтобы трофей занял наиболее выигрышное место. Вот здесь, я думаю. — Он указал на свободное пространство на идеально отполированном паркете возле кострища, сложенного из искусственных дров.

— Превосходно. — Пламтри жестом приказал своему шоферу опустить на пол громоздкую коробку. Когда шофер покинул комнату, его хозяин аккуратно снял с коробки крышку и вытащил содержимое. — Вот, мистер Наджент, я горжусь этой работой, как никакой другой.

Голова волка была живой. Пламтри сделал так, чтобы казалось, будто зверь отдыхает, в спокойных глазах из стекла светилась мудрость. Ухоженная шкура сияла, серебристые отблески света играли на сером густом мехе.

Таксидермист опустился на колени и разложил шкуру на полу, потом, в ожидании одобрительного отзыва, посмотрел на Наджента.

Охотник кивнул.

— Благодарю, мистер Пламтри. Я очень доволен. — Он улыбнулся. — Думаю, это наша лучшая работа.

В жутковатом блеске иного измерения пошевелилось нечто, черный лоскут темноты вытянулся и превратился в гибкий волчий силуэт. Появившееся из неведомого мира воплощение мести. Его единственная цель — уничтожение.

С тихим урчанием эфемерная тварь направилась на поиски своей жертвы...

Тема: Унижение

Для виду слегка стукнув костяшками пальцев по двери, Марианна решительным шагом вошла в трофейную комнату. Каскад белокурых волос, гибкое тело в шелковом пеньюаре. Наджент с бокалом виски в руке сидел в кресле и с удовлетворением разглядывал останки огромного волка.

— Что тебе? — спросил он, не поднимая головы. — Я полагаю, еще денег?

— Хочу пройтись по магазинам, — отвечала женщина. — Это лучше, чем отсиживать зад в этих апартаментах, пока ты все свое время проводишь среди... среди этих твоих мужских сувениров.

Наджент сверкнул глазами, но ничего не сказал. Он был жестоким мужчиной, но гордился тем, что ни разу не поднял руку на женщину. А Марианна его провоцировала, Бог свидетель, она действительно его провоцировала. Он набрал комбинацию клавиш на компьютере, подхватил распечатанный на принтере чек и швырнул его женщине.

Женщина взяла чек, не сказав ни слова благодарности. Вместо этого она переступила через волчью шкуру и с некоторым отвращением посмотрела себе под ноги.

— С тех пор как эта шкура появилась в нашем доме, — сказала она, — ты почти все время сидишь тут и тупо на нее глазеешь. Что в это время происходит у тебя в голове, Наджент? Представляешь, каково бы это было — разложить меня на ней? Дохлый номер, у тебя же не стоит. Черт, с моим образом жизни я вполне могу сойти за монахиню.

Марианна подошла к одному из шкафчиков с оружием и побарабанила пальцами по стеклянной крышке.

— Поэтому ты собираешь все эти ружья и прочее, — предположила она. — Поэтому тебе нравится убивать. Все это заменяет стоящий член, и ты чувствуешь себя мачо, не так ли?

Наджент осушил бокал и налил себе еще одну порцию «Гленливет»[1].

— Почему ты не уходишь, Марианна? Между нами ничего не осталось, ты меня не выносишь.

— Помнишь наш договор совместного проживания, милый? — с издевкой спросила она. — Если я уйду добровольно, я не получаю ничего. В моей жизни было достаточно «ничего». Хочешь разойтись, прогони меня... и заплати за это. Бог свидетель, ты можешь себе это позволить. Или ты боишься, что я поведаю миру о том, что великий охотник — импотент? Тебе ведь придется много убивать, чтобы избавиться от этого унижения, верно, Наджент? Ладно, мне пора идти, спасибо за чек. Слушай, может, я куплю тебе подарочек. Как тебе лубок из слоновой кости для твоего члена?

Наджент смотрел в спину выходящей из комнаты женщины, кулак его медленно сжимался до тех пор, пока бокал с виски не треснул и длинные осколки хрусталя не вонзились в пальцы и в ладонь. Заструилась кровь. Наджент не реагировал. Он не почувствовал боли от порезов, как не почувствовал укола проникшего в его кровь духа.

Где-то в другой плоскости бытия черный крадущийся силуэт волка замер и поднял голову, ноздри его расширились. Он учуял то, что приведет его к долгожданной цели, — смесь запахов презрения, унижения, ненависти и крови...

Интерлюдия: Сновидение

Наджент стоял на каменной глыбе и полной грудью вдыхал чистый горный воздух. Духи, которых раньше он не мог бы увидеть даже во сне, рассказывали ему легенды

[1] «Гленливет» — сорт шотландского виски. — *Прим. ред.*

леса, говорили, где его стая, где его возлюбленная, верховная самка, возится в этот момент с детенышами. Его в корне изменившееся восприятие цвета превратило окружающий пейзаж — горы, небо и даже камень, на котором он стоял, — в причудливую, завораживающую монохромную картину.

Он потянулся, напряг и расслабил могучие мышцы, широко открыл пасть с огромными клыками — зевнул. Никогда он не чувствовал себя таким живым, не чувствовал такого единения с окружающей средой.

Сам не понимая почему, он ощутил присутствие чужих в этом спокойном месте. Он повернул свою огромную голову и увидел три человеческих существа. Двое из них принадлежали к древней расе, он чувствовал исходящее от них восхищение и благоговейный страх. А потом он понял, что задумал третий человек.

Этот человек нацелил на него убивающий ствол и пристально смотрел на него желтыми волчьими глазами. Осознание неминуемой смерти пришло слишком поздно — он закричал, потянулся, обратился к своему брату, и в тот же момент его поразила смертоносная стрела...

Марианна тихо вскрикнула и проснулась. Какой-то жуткий звук прогнал сон, такой же звук, как несколько ночей назад. И вот снова вой какого-то животного, возможно собаки. Но собаки редко встречаются в этой части города. К тому же ей казалось, что этот жуткий пугающий вой исходит изнутри здания, даже из самой квартиры. Но этого не может быть... ведь не может?

Марианна выскользнула из-под покрывала, на цыпочках подошла к двери и прислушалась. Она не была уверена, но ей показалось, что кто-то крадучись ходит за дверью. Ей даже показалось, что она слышит тихое сопение, словно это подкрадывающееся существо пытается учуять ее запах. Хотя в комнате было тепло, Марианна задрожала и все ее обнаженное тело покрылось «гусиной кожей». Она нажала на предохранитель, дверной замок защелкнулся.

Марианна бегом вернулась к постели и с головой укрылась покрывалом. Остаток ночи она спала неспокойно...

Тема: Ночная охота

Два копа стояли в арке в богатом районе города и, нарушая порядок, покуривали сигареты. Они пересказывали друг другу сплетни, которые ходили по участку, и временами отпускали грязные шутки в адрес своего капитана, высокомерного придурка, который только и делает, что лижет зад комиссару.

Один из копов выглянул из арки, чтобы выкинуть окурок, и тут же, дернувшись назад, столкнулся со своим напарником.

— Это еще что за черт?

— Что, что за черт? — переспросил второй коп, шагнув на тротуар. — Я ничего не вижу.

Первый коп тоже вышел из-под арки.

— Я не уверен, мне показалось, кто-то проскочил вон в тот переулок. Просто что-то мелькнуло. Не знаю... Это могла быть большая псина, а может, человек на четвереньках...

— О'кей, пошли посмотрим, — просто сказал его напарник, и в этот момент дикий визг превратил тихую ночь в кошмар.

— Боже Всемогущий!

Полицейские выхватили автоматические пистолеты и бросились туда, откуда раздавались жуткие звуки. Первый коп под прикрытием второго нырнул в переулок и включил фонарик. В переулке никого не было, только ошметки того, что когда-то могло быть кошкой. Кругом кишки и кровища, так сказали копы позже своим товарищам в участке.

От Старого Визла жутко воняло, но он плевать на это хотел. Он нашел себе отличную крепкую картонную коробку, в ней можно было и сидеть, и лежать, потом насобирал груду газет, чтобы укрыться, и притащил все это к люку, из которого шел теплый воздух. Потом повесил кусок мешковины на «фронтон», и коробка превратилась в его замок. Когда тепло, от него, конечно, воняет, ну и что, если какому-нибудь ублюдку это не нравится, пусть встанет по ветру.

Визл принялся сортировать урожай, собранный по помойным бакам за вечер. Четверть буханки, немного зачерствела, но зато без плесени. Кусок недоеденной курицы, надкусанные

бутерброды, кое-какие овощи и фрукты, выброшенные из кухни китайского ресторана, — пир, да и только. Ага, вот еще он нашел бумажный пакет с подмокшими пончиками. А чтобы запить все это — специальный «вырубатель» от Визла урожая этого самого вечера — литровая бутыль дешевого «мускателя» с легкой примесью денатурата для крепости.

Эй, шоэттам? Кто-то что-то вынюхивал вокруг коробки, видать, искал, чем похмелиться.

— Проваливай отсюда, бездельник! Тут тебе не обломится! — крикнул Визл, и в эту секунду мешковина слетела с его коробки.

Большинство людей не выносили исходящий от Визла запах. Тот, кто выволок его из коробки и начал рвать на куски, оказался не таким щепетильным.

Слик Гербер завел свою последнюю девушку в парк перепихнуться. Слик считал себя крутым и не волновался по поводу грабителей и всяких других подонков. Он был отлично экипирован. Помимо необходимой упаковки «резинок» — черт, он же не знает, кому она давала до него, — с собой у него были выкидной нож и старый «ивер-джонсон» 32-го калибра, которые он любил пускать в ход. Возможно, он был хорошо подготовлен к встрече с грабителями, но только не с тем, кто нашел его с Рондой в кустах.

Были и другие... Мистер Питерс страдал бессонницей и любил прогуляться ночью; Люси Делгадо считала свой квартал безопасным для бега трусцой; Билл Бричнер решил незаметно проскользнуть в свой дом после связи с женщиной, которая не была его женой.

Когда на следующий день сопоставили рапорты, поступившие из разных полицейских участков, вывод был таков: какой-то м***к выпустил в город свору взрослых, озлобленных, натасканных на драки мастифов.

И это была только первая ночь...

Наджент проснулся, голова у него трещала, руки и ноги ломило, на глаза давило так, будто накануне он перепил, как

никогда в жизни. Хуже того, живот его раздуло, словно в него всю ночь силой заталкивали еду. Рухнув с кровати, он, спотыкаясь, побрел в ванную комнату.

Наджент дернул за шнурок в ванной, включился свет, и он, скривившись, посмотрел на свое отражение в высоком, от пола до потолка, зеркале. Боже, чем он занимался? И откуда взялась эта мерзость, размазанная по всему телу?

Да, он изрядно приложился накануне вечером, но это же не в первый раз. Он всегда помнил, что делал, когда выпивал. Так худо ему еще никогда не было. Наджент прочистил желудок и зарекся напиваться.

Тема: Кровопускание

Почему-то именно копы всегда должны копаться в дерьме, иногда в буквальном смысле слова. Загадочные, жестокие убийства с некоторыми интервалами продолжались еще несколько недель. Официальная версия оставалась прежней — в городе бродит стая бойцовых собак, но в недрах полицейских участков детективы начали подумывать, не бродит ли по улицам их города псих, превосходящий среднестатистического психа. Таблоиды начали тут же спекулировать на эту тему.

Решающим доводом для возникновения этой неофициальной версии стало произошедшее в последнюю ночь зверское убийство членов уличной банды «Психи». Молоденький полицейский, который первым наткнулся на то, что осталось от уличных хулиганов, чуть не захлебнулся собственной блевотиной, а потом впал в ступор. Его напарник, который был старше, опытнее и, следовательно, умел держать себя в руках, упал на задницу в водосточный желоб, полный грязной жижи и всякого мусора. Ему пришлось выпить бóльшую часть настоящего ирландского виски из своей заветной фляжки, прежде чем он смог передать сообщение в участок.

Вскоре на место прибыли полицейские в форме, детективы в штатском и парамедики. По прикидкам специалистов, найдено было четыре тела, хотя, чтобы утверждать точно, не мешало провести серию экспертиз.

Потом в ближайшем универсаме кто-то обнаружил молодого члена банды. Парнек не пострадал физически, но от страха практически лишился рассудка. Звали его Зип — это все, чего смогли от него добиться. Он был костлявый, недокормленный, из носа у него постоянно текло, а вокруг рта были видны предательские следы растворителя.

Прежде чем Зип смог дать показания, его пришлось пару дней накачивать сильными седуксенами.

ПОКАЗАНИЯ ЧАРЛЬЗА «ЗИПА» БЕЛЛИНГЕРА, ЧЛЕНА МОЛОДЕЖНОЙ БАНДЫ «ПСИХИ»

Мы с ребятами шатались по улице. Был Джоко, Одноглазый был, еще Ник Тату и Рэммер, ну и я тоже. Мы были немного под кайфом, нюхнули и решили кому-нибудь пустить кровь, чтобы повеселиться. Шатались туда-сюда, думали, может, найдем какого-нибудь парня из банды спиков[1] и попишем его, как надо.

Не повезло. А потом Рэммер заметил этого гада, он был как будто помешанный. Он был голый, прикинь! В такой холод! Ну, может, не совсем голый. На нем было что-то вроде пальто и шапки из какого-то меха. Мы решили немного поразвлечься.

Мы не думали, что будут проблемы, ну, у нас с собой было, понимаешь? Ножи, дубины и все такое. Одноглазый вроде как сказал: «Эй, приятель, ты псих? Мы тоже психи». Одноглазый, он любит так шутить словами.

А потом Рэммер сказал: «Здесь район для таких психов, как мы, другим здесь делать нечего. Видно, надо объяснить тебе кое-что, приятель, разукрасим так, что запомнишь надолго».

А потом знаешь что случилось? Можешь сказать, что я обосрался от страха, приятель. Этот псих, он посмотрел на всех нас, а потом улыбнулся, медленно так, будто это он собирался развлечься, а не мы. Ну, Рэммер совсем взбесился, когда этот парень улыбнулся. Он тогда сказал: «Первый удар за мной, парни». И замахнулся своей дубиной.

Приятель, этот гад выпотрошил Рэммера. Он так быстро двигался, говорю тебе, правда, быстро. Рэммер только замахнулся, и шипы его дубины уже должны были войти в голову этого парня, а в следующую секунду этот гад расхерачил Рэммера до самой глотки — кишки наружу, кровища фонтаном.

---

[1] Спики — презрительное название американских испанцев. — *Прим. ред.*

А знаешь, что было хреновее всего? Мне показалось, я увидел, как этот ублюдок выхватил что-то из живота Рэммера и затолкал себе в пасть.

Одноглазый шагнул вперед с выкидным ножом, а этот зверюга оторвал ему руку прямо от самого плеча и начал ей размахивать. Еще я видел, как он оторвал башку Джоко.

Вот тогда-то я приссал. Я рванул в конец переулка, оглянулся, все мои дружки лежали на земле. Этот ублюдок плевал на меня, он начал рвать их на куски. Я думаю, тогда еще не все умерли, потому что я слышал, как кто-то громко кричит, все кричит и кричит. Господи Иисусе, он рвал их голыми руками, зубами рвал.

Огромное зеркало украшало стену в ванной комнате. Наджент в ужасе смотрел на свое отражение. Боже Всемогущий, откуда взялась эта засохшая кровь, на нем ведь не было ни царапины! Кишки у него вдруг начали сворачиваться, и он едва успел шагнуть к унитазу, как его вырвало. Наджент в ужасе смотрел на красно-коричневое месиво, от которого избавился его желудок, и его снова вырвало. Вкус и запах несвежей крови забивали рот и нос, тело сотрясали непрекращающиеся спазмы.

Личный врач тщательнейшим образом осмотрел Нанджента, сделал серию рентгеновских снимков, после чего задал несколько профессиональных вопросов и несколько вопросов личного характера. По окончании осмотра доктор не был уверен, что пациент говорит ему правду, человека не может рвать таким количеством крови. Может, мистер Наджент и думал, что это было именно так, но доктор в этом сомневался.

«Физически вы абсолютно здоровы. Возможно, это недомогание психосоматического характера. Я бы порекомендовал вам обратиться к одному моему коллеге, который специализируется на такого рода случаях».

Интерлюдия: Сновидение

Наджент ровными прыжками бежал в темноте, благодаря инстинкту он не спотыкался на бугристых, усыпанных

камнями склонах и не наталкивался на деревья, растущие на его родной земле. Он чувствовал бегущих рядом и за спиной членов стаи, своих товарищей, чью верность и любовь он буквально ощущал в своем новом самосознании. На бегу он прикрывал глаза от встречного ветра, этот ветер нес с собой запах скрывшейся впереди добычи.

Наджент не стремился быстрее настигнуть жертву. Пока стаю подгоняет жажда охоты, в преследовании остается определенное возбуждение, которое постепенно сходит на нет, когда жертву наконец прижимают к земле.

Он задрал голову и завыл — завыл, чтобы почувствовать свою самку, почувствовать стаю, просто чтобы насладиться полнотой жизни. Волки взвыли в ответ. Их вой варьировался по высоте и громкости, в зависимости от положения каждого волка в стае.

Наджент остановился на краю леса и смотрел на склон, который плавно переходил в раскинувшуюся далеко внизу долину. Богиня Луна главенствовала на кристально чистом небе, ее холодный свет служил маяком для преследователей.

Впереди, в четырех или пяти сотнях метров внизу по склону, Наджент видел добычу — два человеческих существа. Он на мгновение замер и взревел, оповещая горы о своем триумфе. Члены стаи тоже остановились, их лай эхом вторил вою вожака.

Волки — свирепые серые звери — ждали его команды, языки свешивались из открытых пастей, частое дыхание облачками пара вырывалось наружу. Он снова взвыл и прыгнул вперед, стая ринулась следом.

Человеческие существа, самец и самка, должно быть, поняли, что им не уйти, и повернулись на волчий лай, голые и беспомощные против могучего древнего врага. Их искаженные от страха лица освещала холодная, безразличная луна.

У самца человека было лицо Наджента, у самки — лицо Марианны.

Наджент прыгнул на свое второе я. Массивные челюсти разорвали шею и сонную артерию. Поток горячей крови — вино для зверя, густое, пьянящее, живительное.

Наджент отступил на шаг — это было разрешение стае начинать пиршество. Волки бросились на поверженную, беспомощную плоть, а Наджент повернулся к самке...

Прежде Наджент вырывался из таких кошмаров в состоянии необъяснимого ужаса. Но после нескольких недель терапии он начал догадываться, почему его спящий разум выкидывает такие страшные шутки. Подсознательно он должен был понять свою вину.

Было еще кое-что, о чем он не сказал, возможно, не должен был говорить доктору Кадлиппу. Сны начали доставлять удовольствие — охота, убийство, вкус свежей горячей крови, все это стало предметом его влечения. И Наджент проснулся, чувствуя другое влечение, в нем снова пробудилась похоть...

Тема: Кровопускание

Доктор Кадлипп вполне мог позволить себе офис в каком-нибудь новом жилом районе, офис из стекла и хромированного металла, с предметами современного искусства и неудобной мебелью из гнутых трубок. Но он упрямо не хотел оставлять свой двухкомнатный кабинет в захудалом районе, где начинал практиковать много лет назад. Мрачное здание из бурого кирпича док делил с мелким сыщиком, с двумя предсказательницами судьбы и одним фотографом. Со стороны это выглядело так, будто доктор Кадлипп заявлял всему миру: «Эй, смотрите, я богат и успешен, мои пациенты тоже богаты и успешны. У меня нет нужды доказывать это».

Многие служащие отказывались работать сверхурочно в таком месте. Благоразумные люди избегали сворачивать на слабоосвещенную улицу, которая с наступлением темноты превращалась в опасный каньон. Но Нэнси Рис не была обременена ни воображением, ни чувством опасности. Кроме того, работа в поздние часы стоила того.

Лишь один раз за этот вечер Нэнси ощутила некоторый страх. Она работала в кабинете доктора Кадлиппа, кабинет

был погружен в темноту, если не считать круг света, который отбрасывала на стол конторская лампа под зеленым абажуром. Дверь между кабинетом и приемной, которую освещала допотопная электрическая система, была приоткрыта. От двери по полу кабинета тянулась тонкая полоска желтого света. Полоска вдруг исчезла, и Нэнси подпрыгнула от страха.

— Вот дьявол!

Сделав для успокоения несколько глубоких вдохов и выдохов, Нэнси вышла в приемную и несколько раз щелкнула выключателем. Либо чертова лампочка перегорела, либо старая проводка сдохла. Даже непробиваемая Нэнси почувствовала таящуюся в непроглядной темноте угрозу. А еще у нее появилось странное чувство, будто в приемной она больше не одна. Нэнси была счастлива вернуться за стол доктора, к уютному свету настольной лампы.

На столе были разбросаны многочисленные папки темно-желтого цвета с надписью «Конфиденциально». Многие в открытом виде демонстрировали темные-темные тайны. Нэнси Рис отлично проводила время и теперь сняла телефонную трубку, чтобы поделиться хорошим настроением с подружкой Ширлин.

Присутствие Нэнси Рис в этом месте было случайностью. Вообще весь тот день в офисе доктора Кадлиппа был чередой мелких неприятностей, которые в результате привели к страшной трагедии.

Нэнси не следовало доверять такую позицию, и в агентстве об этом знали. К несчастью, в то утро принимал инспектор-стажер. Когда психиатр позвонил в агентство и попросил прислать секретаря на подмену, под рукой у инспектора оказалась только Нэнси.

Претензий к работе Нэнси не возникало, она была хорошим администратором. Но она была любопытна и болтлива.

Литисия, постоянная помощница доктора Кадлиппа, пришла на работу полная решимости одолеть подкрадывающийся грипп. Бóльшую часть утра борьба с недугом проходила с переменным успехом, но в конце концов она сдалась. Последнее, что она сделала на рабочем месте, это ответила на звонок от нового пациента, мистера Смита.

Мистер Смит попросил записать его на вечернее время, он так привык. Литисия назначила время сеанса, но не сделала запись в журнале. К тому времени, когда она решилась отпроситься у доктора Кадлиппа, она настолько плохо себя чувствовала, что совсем забыла о мистере Смите.

Когда Нэнси Рис приехала в офис, дневная работа с бумагами была практически завершена, и доктор спросил, не могла бы она остаться и закончить все дела.

— Мне не важно, насколько вы задержитесь, — инструктировал он девушку. — Я урегулирую этот вопрос с вашим инспектором и оплачу сверхурочные. Хорошо выполните работу, подкину премию, это без посредников.

Нэнси нуждалась в деньгах и с радостью ухватилась за шанс подработать. Доктор оставил ей свои ключи и сказал, чтобы перед уходом она передала их вахтеру.

Доктор Кадлипп в прекрасном расположении духа покинул офис и даже не подозревал, что премию секретарше ему платить не придется.

Оправившись от легкого испуга, который она испытала, когда в приемной погас свет, Нэнси вновь увлеклась темно-желтыми папками. «Такие смешные истории про этих психопатов, даже не заметила, как время пролетело» — так сказала она Ширлин.

Нэнси продолжила читать Ширлин о тайных страданиях отчаявшихся людей.

Через какое-то время ее отвлек странный звук.

— Что-то не так, дорогая? — спросила Ширлин.

— Не знаю, показалось, что-то услышала... подожди секундочку, Ширлин.

Нэнси положила трубку на стол и стала вглядываться в окружающий ее полумрак, тщетно пытаясь разглядеть через приоткрытую дверь обстановку в приемной.

— Эй, — позвала она, — есть там кто-нибудь?

В ответ гнетущая тишина. Она позвала еще раз, громче, и нервно передернула плечами.

Через пару секунд она вернулась к разговору с подружкой.

— Привет, кажется, померещилось. Не надо было читать столько этих историй. Вот, малышка, под конец я приберегла для тебя самую-самую. Представь, у доктора есть пациент,

который считает, будто он волк. Он называет себя Смитом, думает, кто-то ему поверит. — Нэнси с удовольствием послушала визгливый смех и удивленные реплики приятельницы, потом усмехнулась сама: — Ага, именно волк.

Ширлин что-то спросила.

— Ну, наверное, он бегает по городу, воет на луну и всякое такое, — предположила Нэнси. Ширлин сказала что-то еще, Нэнси хихикнула: — Я думаю, он носит с собой пакет с совочком.

И дальше:

— Слушай, кажется, я опять что-то слышу. Может, кто-то пришел. Наверное, вахтер. Давай лучше заканчивать, в конце концов доктор хорошо платит. Перезвоню тебе позже, дорогая. И, стой, Ширлин, не попадись человеку-волку! — Нэнси, продолжая хихикать, повесила трубку.

Когда трубка опускалась на рычаг, из темноты шагнул мистер Смит.

— Господи! Вы меня напугали! — воскликнула Нэнси.

Она пригляделась к незнакомцу и убедилась в том, что у нее предостаточно причин для испуга. Что-то неправильное было в силуэте мужчины. Может, из-за расплывчатых, словно бы пушистых очертаний или из-за того, как он сутулился. А потом он как-то странно дернул головой, как будто собирался ее обнюхать.

У Нэнси перехватило дыхание. Она попыталась трезво оценить ситуацию. Может быть, этот парень вовсе и не был опасен. Может, это какая-то глупая шутка. Точно, наверное, в этом квартале так разыгрывают новеньких девчонок.

Но было что-то еще очень-очень неправильное, оно присутствовало в глазах этого человека. В полумраке кабинета его глаза светились красным светом. Нэнси прикусила костяшки пальцев. У людей глаза свет не отражают... или отражают?

А потом мужчина улыбнулся Нэнси и шагнул вперед. Нэнси жалобно заскулила. Улыбка мужчины была ехидной и жадной, с нижней губы капала тягучая слюна.

Дверь в офис была так плотно закрыта, что доктору Кадлиппу пришлось позвать на помощь вахтера. Когда им

совместными усилиями удалось войти внутрь, оба подумали, что лучше бы они этого не делали.

Первое, что они учуяли, — это запах гари, как будто в офисе что-то жгли. На полу в центре приемной стояла металлическая корзина для мусора с пеплом от бумаг и обгоревшими кусками твердых папок.

А потом их органы чувств были атакованы видом и запахом крови, заполнившей весь офис. Сгустки крови, лужи крови, брызги крови — на полу, на стенах, на потолке.

И наконец, в святая святых доктора Кадлиппа они увидели человеческие останки, которые принадлежали Нэнси Рис. Когда-то живое человеческое существо уменьшилось до размеров нарезки на подносе мясника. Но самым страшным была голова, она была установлена на сгустки крови в центре стола доктора. Лицо почти целиком отсутствовало, но глаза остались на месте и с издевкой смотрели на мужчин.

Вахтер упал в обморок, по лицу доктора Кадлиппа потекли злые слезы.

Тема: Исповедь

Отец Галвес вышел из ризницы и предусмотрительно закрыл за собой дверь. Нынче даже в церкви надо соблюдать осторожность. Люди испортились, у них не осталось ничего святого. Отец Галвес шел через храм, только шорох рясы о каменные плиты нарушал тишину. Святой отец остановился у алтаря, преклонил колени и перекрестился.

Поднявшись с колен, священник обернулся и посмотрел вдоль нефа в сторону входа в храм, который был едва виден при свете слабых ламп под сводчатым потолком. В душной атмосфере старого храма смешались запахи воска, мастики и ладана. Отец Галвес глубоко вдохнул. Он наслаждался этими густыми благовониями, они были для него выдержанным ароматным вином.

Как обычно, на скамьях не было ни души, это только подчеркивало пустоту храма. Галвес вздохнул. Так мало верующих в это безбожное время. Если когда-то в далеком прошлом церковь никогда не оставалась абсолютно пустой,

то теперь здесь редко можно было увидеть верующих, разве только горстку престарелых прихожан в воскресный день.

И все же, несмотря ни на что, Галвес принадлежал к представителям старой школы. Молодые «новоиспеченные» священники выходят на улицу к людям, проповедуют свои радикальные идеи и открыто бросают вызов Ватикану. Но он, Галвес, хранит верность старым добрым традициям.

Из вечера в вечер он будет занимать свое место в исповедальне и целых два часа терпеливо ждать, перечитывая свой требник при тусклом свете настенной лампочки. Когда приходили раскаивающиеся, он выслушивал произносимые разными голосами признания в так называемых грехах. Мелкие, незначительные грешки, жалкие истории о злобе, зависти, похоти и человеческой слабости. Как они его порой утомляли.

Священник улыбнулся, самоирония слегка скривила его губы. «Милосердие, Галвес», — напомнил он себе по пути к дальнему трансепту и занял свое место в исповедальне. Святой отец поцеловал епитрахиль, расправил ее на плечах и открыл молитвенник. Он приготовился к долгому и скорее всего напрасному ожиданию.

Должно быть, он на секунду задремал, потому что звук закрывающейся двери по ту сторону перегородки застал его врасплох. Галвес вздрогнул, протянул руку и выключил свет. В слабом проникающем в исповедальню свете вырисовывалась черная тень, прильнувшая к перегородке.

— Отец... Вы здесь, святой отец? — говорил хорошо образованный человек, что редкость для этой части города, однако голос у него был низкий и хриплый. — Мне нужна помощь...

— Да, сын мой, я здесь, — отвечал Галвес. Внешность священника — смуглая кожа, миндалевидные глаза, черные волосы с седыми висками — говорила о его испанском происхождении. Но его голос, даже когда он говорил тихо и мягко, сразу выдавал уроженца Ист-Сайда. — О чем ты хочешь мне рассказать?

— Отец, я совершил нечто ужасное... — Мужчина умолк и заговорил снова, с трудом припоминая необходимые в таких случаях слова: — Благослови меня, святой отец, ибо

я грешен... Прошло так много лет с тех пор, как я последний раз исповедовался, так много лет... Все эти годы я думал, что мне не нужна церковь. Но теперь...

Галвес услышал звук, похожий на сдавленное рыдание.

— Не волнуйся, сын мой, — мягко сказал священник. — Я выслушаю все, что ты захочешь мне сказать.

— Я столько лет грешил, отец, столько совершил подлостей, был таким низким. — В голосе мужчины чувствовалось такое отчаяние, что Галвеса захлестнула горячая волна сочувствия. — Проклятие, я забыл многие из них, потому что совесть моя давно умерла. Хотя, думаю, Господь знает о моих грехах. Но сейчас я не в силах вынести тяжести содеянного. Я забрал душу, и я обрек эту душу на бесконечные скитания. Она не может найти покой и преследует меня. Отец, *она преследует меня, она доводит меня до безумия...*

Отец Галвес слегка взмахнул рукой, словно человек в исповедальне мог его видеть:

— Ты убил, сын мой?

— Я... я думаю, да. И не один раз, получается... Но эта душа, я не могу от нее избавиться...

— Чья душа преследует тебя, сын мой? — спросил священник.

— Индеец предупреждал меня, он предупреждал... Вы спрашиваете, чья душа, святой отец? Душа волка, огромного, благородного волка, которого я убил из-за своей страсти к трофеям.

— О чем ты говоришь? — строго спросил Галвес. Интонация его резко изменилась, от сочувствия не осталось и следа. — Ты хочешь мне сказать, что тебя преследует душа волка? Ты издеваешься надо мной, что ли?

— Нет! — В этом крике звучала неподдельная боль. — Я не издеваюсь над вами. Мне нужна ваша помощь, помогите мне избавиться от этого!

— Но у животных нет души, сын мой.

— Есть, отец, Бог свидетель, она у них есть!

Голос священника снова стал бесстрастным.

— Если ты католик, сын мой, ты должен знать, что Святая Мать Церковь утверждает, что у животных души нет.

Если ты упорствуешь в своем заблуждении, я ничем не смогу тебе помочь.

— Вы должны мне помочь... — В голосе мужчины зазвучали умоляющие нотки, он чуть не плакал. — Говорю вам, святой отец, у этого волка есть душа, и она жаждет мести.

Галвес нахмурился.

— Ты не пробовал обратиться за помощью к психиатру, сын мой?

— Пробовал, черт бы тебя побрал, святой отец! Без толку. И потом, я не сумасшедший. Это сводит меня с ума, но я не сумасшедший!

— Я не говорил, что ты сумасшедший. Тебя, вероятно, что-то тревожит. Что бы ни было причиной твоего беспокойства, я думаю, этот вопрос скорее должен решить врач, а не священник. Если у тебя есть настоящие грехи, я готов выслушать тебя и отпущу их, если ты действительно раскаиваешься в содеянном. Больше я ничего не могу для тебя сделать.

Из-за перегородки послышалось прерывистое дыхание и еще какой-то звук, похожий на скрип зубов. А еще отцу Галвесу показалось, что он услышал приглушенное рычание.

— Обратись к психиатру, сын мой, — настойчиво повторил он. — Советую тебе сделать это ради тебя самого. А я буду молиться за тебя, и Бог тебе поможет.

— Ты дурак, недоумок в рясе! — прорычал мужчина.

Послышался треск, это кающийся выскочил из исповедальни, и дверца, за которой сидел священник, распахнулась. Отец Галвес вскочил и остолбенел, увидев того, кто был перед ним.

Последней мыслью священника — греховной по своей сути — была мысль о том, что Господь его не спасет, не сможет спасти...

Пожилая женщина на распухших, покрытых варикозными венами ногах ковыляла по направлению к церкви Всех Святых. Миссис Яблонски чувствовала себя виноватой, днем она обругала соседку, бедную, глупую женщину, недалекую и безвредную.

Миссис Яблонски была благочестива и знала, что ей следует покаяться в своем проступке. Встреча с отцом Галвесом наверняка успокоит ее душу...

Тема: Совокупление

Система центрального отопления и зимой и осенью поддерживала в апартаментах Наджента высокую температуру, такую высокую, что у Марианны вошло в привычку спать голой.

Уже несколько недель, с тех пор как Наджент перестал вести себя странно, с тех пор как он избавился от ночных кошмаров и больше не кричал так дико во сне, она перестала запирать на ночь дверь в свою спальню.

В эту ночь, впервые после долгого периода холодности и пренебрежения, Наджент пришел к своей женщине. Обнаженная Марианна лежала ничком поверх покрывала. Она проснулась, когда на нее навалилось его тяжелое тело.

— Наджент, какого черта...

— Молчи, — прошипел он. — Ничего не говори.

Марианна ощутила прижатый к ней горячий, напряженный член.

— Эй, Наджент, — промурлыкала она, — что это на тебя нашло?

Она попыталась перевернуться на спину, чтобы обнять его руками.

— Не двигайся! — Его голос приобрел странный рычащий тембр, настойчивость усиливала эффект рычания. — Лежи и молчи.

Марианна уступила, она осталась лежать на животе и предоставила Наджента играть главную роль. Она ощущала, что он, в отличие от нее, не раздет. На нем был какой-то халат, она чувствовала, как жесткий ворс трется о ее тело. Язык и пальцы грубо ласкали ее интимные места, она начала постанывать и стала влажная.

Потом Наджент приподнял бедра женщины и овладел ею сзади, он не занимался любовью, он спаривался. Это было немного больно, но доставляло удовольствие, и Мари-

анна не сопротивлялась. Она чувствовала экстаз и облегчение, когда затвердевший член рывками входил и выходил из нее. Она кричала и рыдала, когда Наджент довел ее до оргазма в первый раз, во второй, в третий... Когда мужчина кончил, его крик был похож на звериный рев.

Он рухнул на женщину, прижав ее к кровати. Вскоре она снова погрузилась в сон.

Наджент медленно поднял веки, его разбудил бьющий в глаза свет. В окно смотрела полная луна, свет от нее падал на смятое покрывало и на лицо Наджента. Его глаза блеснули красным огнем, он почувствовал непреодолимое первобытное желание задрать голову и завыть на серебристую сферу.

Окончательно проснувшись, он понял, что под ним лежит расслабленное тело Марианны. Исходящий от женщины острый мускусный запах снова пробудил желание, но это не была просто похоть. Другое вожделение, другая страсть захлестнула его, она превосходила желание совокупляться...

Финал: Душа Волка

Наджент пришел в себя, он был без сил, тело его затекло. Свернувшись калачиком, практически голый, он лежал на полу в своей трофейной комнате. Свет был выключен, но слабые лучи наступающего рассвета проникали сквозь шторы и позволяли оглядеться вокруг. Человек поднял голову и скорее почувствовал, чем заметил на себе неодобрительные взгляды искусственных глаз убитых им животных.

Его что-то укрывало. Дрожащими пальцами он ухватился за свободный кусок «покрывала» и пригляделся.

Это была шкура лесного волка. Голова зверя лежала на его голове, передние лапы были перекинуты через плечи и завязаны на шее, туловище плотно облегало спину, словно они были одним целым, а задние лапы и хвост свободно болтались за спиной.

Наджент с трудом встал на четвереньки, на ноги подниматься не стал и тряхнул головой, пытаясь собраться с мыслями. Он вспомнил, как отправился спать в состоянии какой-то страшной апатии, в последнее время это состояние стало для него привычным, может быть из-за таблеток. Но нет, он бросил принимать таблетки, когда перестал посещать доктора Кадлиппа. А почему он перестал посещать доктора? Он не мог этого вспомнить. Так много ускользало из его памяти, так много...

Потом было что-то еще, что-то связанное с Марианной, но что?

Он вспомнил. Ночью он поднимался к Марианне и занимался с ней любовью, он взял ее с той же силой, с той же необузданной страстью, что и в былые времена. Но если он спал с Марианной, почему он проснулся здесь, на полу?

Так и не найдя ответа на этот вопрос, он на карачках дополз до стола, ухватился за край столешницы и, подтянувшись, встал на ноги. То ли его ладони, то ли столешница были испачканы чем-то липким.

Волоча ноги, Наджент подошел к двери, нащупал выключатель и включил верхний свет. Ладони и пальцы были в какой-то подсохшей красной грязи, грязь была и под ногтями. Тело и ноги были в бурых пятнах. Мельком глянув на висящее на стене серебряное блюдо, он понял, что и лицо у него в той же грязи.

На полу под ногами растеклись темные лужи. Дрожа всем телом, Наджент открыл дверь и выглянул в коридор. Темные разводы, пятна и точки капель тянулись через всю квартиру.

Ужас закрался в сердце Наджента. Он взбежал по лестнице, распахнул дверь в спальню Марианны и включил свет. Дикий крик вырвался из груди Наджента, когда он увидел то, что было в комнате.

Марианна, прекрасная, волнующая, бессердечная Марианна превратилась в алую симфонию, в абстрактное полотно, выполненное из запекшейся крови, кусков плоти и внутренностей.

Наджент запрокинул голову и закричал во второй раз. Вместо человеческого крика квартиру заполнил постепенно набирающий силу вой — скорбная песнь безысходности...

Наджент открыл шкафчик и выбрал опасную бритву. Проверил ее лезвие на подушечке пальца. Моментально выступили ярко-красные бусинки крови.

— То, что надо, — пробормотал он.

Он быстро прошел в ванную комнату и встал перед зеркалом. С отвращением глядя на свое отражение, он подставил лезвие бритвы под левое ухо.

Два раза тихонько надавил, а потом глубоко вонзил лезвие и решительно полоснул слева направо.

МЭНЛИ УЭЙД ВЕЛЛМАН

«И косматые будут скакать там...»[1]

Мэнли Уэйд Веллман (Manly Wade Wellman) написал более семидесяти пяти книг и двухсот рассказов, многие из которых были опубликованы в популярных журналах 1930–1940-х годов. Он дважды получал Всемирную премию фэнтези (World Fantasy Award), а лучшие рассказы писателя представлены в сборниках «Кому страшен дьявол?» (Who Fears the Devil?), «Худшее еще впереди» (Worse Things Waiting), «Одинокие бдения» (Lonely Vigils) и «В низине» (The Valley So Low).

Классическая новелла об оборотнях, которая следует ниже, была первоначально опубликована в журнале «Мистические рассказы» (Weird Tales) за 1938 год под псевдонимом Ганс Т. Филд. На одной из иллюстраций Виргила Финлея в этом издании Веллман изображен бьющим кулаком по оборотню (так его себе представлял Финлей). Автор счел, что это совсем на него не похоже, но с художником они никогда не встречались. Финлей подарил рисунок Веллману, который несколько лет спустя передал его Карлу Эдварду Вагнеру.

В рассказе «И косматые будут скакать там...» вновь повествуется о подвигах исследователя оккультного, судьи Кейта Хилари Персиванта, приключения которого ранее появлялись в антологии «Вампиры»...

Предисловие

«Сэр, к чему излишние слова?» — написал однажды сэр Филип Сидни[2], бросая вызов противнику. Настоящее повествование будет воспринято как вызов огромной армией скептиков, к числу которых и я когда-то принадлежал. Поэтому я пишу открыто и кратко. Если мой рассказ

---

[1] Книга пророка Исаии, 13, 21.

[2] Ф. Сидни (1554–1586) — английский поэт.

в некоторых местах покажется неровным, то это потому, что рука, которая пишет его, все еще дрожит от недавно пережитого мною волнения.

Если перенести метафору с дуэли на военные действия, то это первое орудие из тех, что должны выстрелить. В это же время под присягой готовятся заявления всех тех, кто пережил странное и в некоторой степени невероятное приключение, о котором я расскажу. После этого все выдающиеся специалисты по медиумам в стране, да и некоторые в Европе, примутся за свои исследования. Хотел бы я, чтобы мои друзья и братья маги, Гудини и Терстон[1], дожили до этого дня, чтобы помочь им.

Должен сразу же извиниться за то, что в моем рассказе будет много личного. Кому-то это может показаться погрешностью против хорошего вкуса. Мое скромное оправдание заключается в том, что я был не только наблюдателем, но и участником во всей этой драме, пусть и неискушенным.

Если же мне скажут, что я повествую о том, чего, по мнению многих, быть не может, то позвольте мне заранее улыбнуться. И сейчас, и раньше происходили вещи, которые не подчиняются законам пробирки и формулы. Могу лишь еще раз сказать, что я пишу правду и мой рассказ подтверждают мои товарищи по приключению.

Тэлбот Уиллс
15 ноября 1937 г.

I. «Почему бремя доказательства должно ложиться на спиритов?»

— Вы не верите в психические явления, — повторил доктор Отто Зоберг, — просто потому, что вы в них не верите.

Он произнес это с деланой любезностью, сидя в самом удобном кресле моего гостиничного номера. Хотел бы я, в свои тридцать четыре года, обладать его здоровьем и шар-

[1] Гарри Гудини (1874—1926) и Х. Терстон (1869—1936) — американские иллюзионисты.

мом — он, будучи на двадцать лет меня старше, при своей поджарой худобе казался таким крепким, таким ухоженным, включая твидовый костюм, бороду, сходящиеся брови, так четко произносил слова, несмотря на акцент, что невольно вызывал восхищение. Доктор Зоберг — и это совершенно очевидно — в свою очередь испытывал симпатию по отношению ко мне и даже восхищался мною, и я еще раз пожалел, что не ответил ему комплиментом на комплимент.

— Я знаю, что вы выступаете на сцене как маг... — начал он снова.

— Выступал когда-то, — поправил я его несколько мрачно.

В начале карьеры я заработал немало денег и обратил на себя внимание публики, но, после того как миновало ощущение новизны, мое отношение к шоу-бизнесу изменилось. Мистик Талбото — впечатляющее сценическое имя, но безвкусное. Лучше быть Тэлботом Уиллсом, лектором и специалистом в области выявления медиумов-мошенников.

В течение шести лет доктор Отто Зоберг, мастер спиритизма и лучший специалист-медиум, был моим соперником и товарищем. Впервые мы встретились во время дискуссии, проводившейся под покровительством Общества физических исследований в Лондоне. Я тогда был молод, полон энтузиазма, но легкомыслен, и мне почти не давали сказать слово и поделиться своими мыслями. Но доктор Зоберг одобрил мои аргументы, а также мое краткое выступление и милостиво пригласил меня на поздний ужин. На следующий день от него пришел подарок — редкие книги и журналы по интересующим нас обоих вопросам. Во время нашей следующей словесной дуэли я смог немного наверстать упущенное в прошлый раз, и он, смеясь, поздравил меня с тем, что я эффективно использовал материалы, которые он мне прислал. После этого мы стали официальными противниками в мире оккультной науки и неразлучными товарищами в жизни. И сейчас мы ездим по Соединенным Штатам, дискутируем, устраиваем выставки, посещаем медиумов. Вечерняя программа, прежде чем среди вашингтонской публики не стали появляться высокие чиновники, завершалась по взаимной договоренности ничьей, а после этого мы вступали в миролюбивую перебранку.

— Доктор, прошу вас, — умоляюще проговорил я, предлагая ему сигарету, — оставьте свои обвинения в упрямстве, когда мы будем выступать на сцене.

Он отстранил мою руку с пачкой сигарет и взял в рот жуткого вида черную сигару с обрезанными концами.

— Я бы этого не сказал здесь или на публике, не будь это правдой, Тэлбот. А вот вы насмехаетесь даже над телепатией и, пожалуй, не верите во внушение. Э, да вы хуже Гудини.

— Гудини был совершенно искренен! — едва не вскипел я, ибо знал этого блестящего и доброжелательного принца чародеев, великого мастера по изобличению мошенников и восхищался им.

— Э, ну конечно-конечно, — кивнул Зоберг, склонившись над горящей спичкой. — Я и не говорил, что это не так. И тем не менее он отрицал доказательство — доказательство, каким был сам. Гудини был великий мистик, медиум. Он и сам не ведал, какие чудеса способен творить.

Я уже слышал это и от Конан Дойля, и от Зоберга, но промолчал. Зоберг продолжал:

— Быть может, Гудини боялся — если что-то и могло испугать такого смелого и мудрого человека, то это исходило изнутри. И поэтому он даже не прислушивался к доводам. — Неожиданно он стал серьезным. — Но ему-то было лучше знать, да-да. Однако он оказался таким же упрямцем, как и вы.

— Не думаю, что обо мне можно такое сказать, — снова возразил я.

Сигара дымилась, и я закурил сигарету, чтобы внести и свою лепту в пороховые облака.

В холеной бороде сверкнули белоснежные зубы, Зоберг дружелюбно улыбнулся и снова кивнул, на этот раз с откровенным восторгом:

— О, да на вас можно надеяться, Уиллс, если не приходится рассчитывать на Гудини.

Так он раньше не говорил, во всяком случае так откровенно. Я улыбнулся ему в ответ:

— Я давно хотел, чтобы мне показали, как это происходит. Познакомьте меня с настоящим, неподдельным, выхо-

дящим за рамки нормального явлением, доктор. Дайте мне возможность самому во всем разобраться, и я с радостью пополню ряды поклонников спиритизма.

— Э, да вы всегда так говорите! — взорвался он, ничуть, впрочем, не гневаясь. — Почему бремя доказательств должно ложиться на спиритов? Как вы можете доказать, что духи не живут, не двигаются, не действуют? Посмотрите, что говорит об этом Эддингтон[1].

— В течение пяти лет, — напомнил я ему, — я предлагал приз в пять тысяч долларов любому медиуму, спиритические чудеса которого я не смог бы повторить, прибегнув исключительно к ловкости рук.

Он сделал движение своими длинными пальцами, точно хотел, чтобы я не слышал этих слов.

— Это совершенно ничего не доказывает, Уиллс. Отдавая должное вашему мастерству, уж не думаете ли вы, что ловкость рук — единственный способ показывать чудеса? А может, наилучший?

— За последние несколько лет я разоблачил несколько знаменитых медиумов, примерно по одному в месяц, — отрезал я. — И все они оказались грубыми мошенниками.

— Потому что они были нечестны? Или же нечестны все? — вопросил доктор. — Что конкретно смогло бы вас убедить, мой друг?

Я задумался на минуту, глядя на него сквозь облако дыма. Ни одного седого волоска... а у меня, хоть я и на двадцать лет моложе, уже по несколько на каждом виске. Я не уставал восхищаться его бородкой клинышком — я завидовал ей, ведь и я, маг, мог бы отрастить нечто подобное. И тут мне пришла мысль:

— Я бы хотел присутствовать при материализации, доктор. Эктоплазма[2], видимая, материально ощутимая, в пустой комнате без занавесок и шкафов, все двери закрою я сам, медиум и свидетели в наручниках. — Он хотел было

---

[1] А. С. Эддингтон (1882—1944) — английский астрофизик.

[2] Эктоплазма — вязкая белая субстанция, возникающая из отверстий в теле медиума (уши, нос) в состоянии транса на спиритическом сеансе. Принято считать, что из эктоплазмы состоит оболочка духа умершего при его материализации.

что-то сказать, но я поспешно договорил: — Знаю, что вы хотите сказать, что я видел несколько впечатляющих эктоплазм. Может, и так, но ни одна не контролировалась научно и непредвзято. Нет, доктор, если уж нужно меня убедить, то я должен выставить условия и сам все расставить на сцене.

— А если материализация явится полным успехом?

— Значит, это и будет доказательством для меня — и для всего мира. Материализация — самое главное во всей этой области.

Он долго смотрел на меня, сузив свои проницательные глазки под темными, сошедшимися в одну линию бровями.

— Уиллс, — произнес он наконец, — я так и думал, что вы потребуете чего-нибудь в этом роде.

— Вот как?

— Да. Потому что... Но прежде всего — а вы сможете выделить на это день-другой?

— Полагаю, что да, — подумав, ответил я. — До выступления в Новом Орлеане у нас есть недели две, а то и больше, — быстро соображал я. — Да, это будет восьмого декабря. А вы ведь что-то задумали, доктор?

Он снова усмехнулся, шире обнажив белые зубы, потом взмахнул своими длинными руками.

— Вот видите, мои рукава пусты! — воскликнул он. — Никакого мошенничества. Но в пяти часах езды от того места, где мы находимся, — в пяти часах езды на быстром автомобиле, — есть небольшой городок. И в этом городке есть медиум. Нет, Уиллс, вы о ней никогда не слышали и не видели ее. Я нашел ее случайно. Я долго изучал ее с молитвами и благоговением. Поедемте со мной, Уиллс. Она покажет вам, насколько мало вы знаете и как много сможете узнать.

II. «Вы вполне можете услышать там призраков»

Я сел, намереваясь записывать, последовательно и даже сухо, все, что произошло со мной и с доктором Отто Зобергом в нашем импровизированном приключении в ходе экс-

перимента с медиумом. И тем не менее уже в самом начале я считаю необходимым умолчать об этом маленьком городишке, где приключение имело место. Зоберг начал с того, что отказался говорить мне, как называется этот город, теперь и мои друзья из разных комитетов по изучению медиумов просят меня молчать, пока не закончат кое-какие исследования без вмешательства желтой прессы и сующих нос не в свое дело политиков, а также просто любопытствующих.

Городок был расположен, как сказал мне Зоберг, в пяти часах езды от Вашингтона, если воспользоваться скоростным автомобилем. На следующее утро, рано и быстро позавтракав, мы выехали из гостиницы в семь часов в моем выносливом автомобиле-купе. Я вел машину, Зоберг показывал дорогу. В багажник мы уложили сумки с вещами, ибо ноябрьское небо начинало затягиваться темными, тяжелыми облаками и мы боялись, что гроза может задержать нас в пути.

В дороге Зоберг много говорил, как всегда интересно и оживленно. Он насмехался над моим скептицизмом и предвещал, что еще до наступления очередной полуночи я изменю свои взгляды.

— Сотню лет назад реалисты вроде вас высмеивали гипноз, — посмеиваясь, говорил он. — Утверждали, что это фантастический трюк, как в одном из забавных рассказов Эдгара По, так ведь? А теперь это великая наука для исцеления людей, для того чтобы их успокаивать. Несколько лет назад мир презрительно смеялся над телепатией...

— Погодите, — прервал я его. — Я в это и сейчас не верю.

— Вчера вечером я вам так и сказал. Впрочем, вы считаете, что зерно истины в этом есть. Глупо смеяться над многочисленными экспериментами по ясновидению, которые проводились в университете Дьюка.

— Да, они производят впечатление, — согласился я.

— Они грандиозны, но отнюдь не уникальны, — продолжал он. — Загадайте цифру от одного до десяти, — неожиданно предложил он.

Я посмотрел на свои руки, державшие руль, подумал было о том, чтобы ответить в шутливом тоне, но поддался-таки его настроению.

— Хорошо, — сказал я. — Загадал. И что это за цифра?

— Семь, — произнес он не задумываясь и рассмеялся от души, увидев недоумение на моем лице.

— Послушайте, это вполне логично, что средний человек загадает именно эту цифру, — возразил я. — Вы полагаетесь на человеческую природу, но это не телепатия.

Он усмехнулся и покрутил кончик бороды своими пальцами с ухоженными ногтями.

— Очень хорошо, Уиллс, давайте еще раз. Теперь загадайте цвет.

Прежде чем отвечать, я подумал с минуту.

— Хорошо. И какой же?

Он тоже поколебался, поглядывая на меня искоса.

— Думаю, голубой, — сказал он наконец.

— Выйдите из класса, — пробормотал я. — Я ждал, что вы назовете красный, — это же самое очевидное.

— А я не гадал, — заверил он меня. — У меня перед глазами мелькнул голубой цвет. Ну ладно, давайте попробуем еще раз.

Какое-то время мы продолжали эксперимент. Зоберг не всегда был прав, но в каждом случае был на удивление близок к отгадке. Самых любопытных результатов он достиг с именами разных людей. Некоторые его догадки были почти мистическими. Так, когда я загадал актера Бориса Карлоффа, он сказал, что я имел в виду актера Белу Лугоши[1]. Когда я думал о Гилберте К. Честертоне, он назвал близкого друга Честертона Хилери Беллока[2], а задуманного мною Джорджа Бернарда Шоу он принял за Санта-Кла-

---

[1] Борис Карлофф (Уильям Генри Пратт, 1887–1969) — известный голливудский актер, сыгравший чудовище в знаменитом фильме «Франкенштейн» (1931). Бэла Лугоши (Бэла Ференц Дежо Бласко, 1882–1956) — также голливудский актер венгерского происхождения, по праву считался основным соперником Бориса Карлоффа по исполнению ролей в фильмах ужасов. Лугоши прославился ролью графа Дракулы в одноименном фильме (1931). В нескольких фильмах Карлофф и Лугоши снимались вместе. Наконец в фильме «Франкенштейн встречается с Человеком-Волком», Лугоши сыграл Франкенштейна. — *Прим. ред.*

[2] Гилберт Кийт Честертон (1874–1936) — английский писатель, христианский мыслитель; Хилери Беллок (1870–1953) — английский писатель, поэт, друг Г. К. Честертона. — *Прим. ред.*

уса[1]. Когда я повторил свое обвинение в психологическом трюкачестве и попросил его обучить меня его методу, он не на шутку рассердился и более получаса не разговаривал. Потом заговорил о месте нашего назначения.

— Просто удивительное местечко, — произнес он. — Старое... один из самых старых городов внутренней части Америки. Погодите, вы еще не видели, какие там дома, мой друг. Вы вполне можете услышать там призраков, и это среди бела дня. А их Роща Дьявола, ее тоже стоит увидеть.

— Какая роща?

Он покачал головой, словно пришел в отчаяние.

— И вы еще настаиваете на том, будто являетесь авторитетом в оккультизме! — фыркнул он. — Потом скажете, что никогда не слышали о друидах. Роща Дьявола, мой скучный юный друг, когда-то имелась в каждой английской или шотландской деревне. Добрые люди отводили поле для Сатаны, чтобы он не забирал их собственные земли.

— И в этом городе есть такое место?

— *Jawohl*[2], Роща, состоящая из самых толстых деревьев, которые когда-либо видели в этой сверхцивилизованной стране, да еще и огороженная. Не скажу, чтобы они верили в Сатану и прочее, но это муниципальная собственность, и она защищена специальным законом от нарушителей.

— Я бы хотел побывать в этой Роще, — сказал я.

— Прошу вас! — воскликнул он, протестующе всплеснув руками. — Только давайте устроим все так, чтобы не быть там нежелательными гостями.

Мы прибыли вскоре после полудня. Этот маленький городок расположился в круглой впадине среди высоких лесистых холмов, и мили две-три дорога была не очень хороша. Послушав рассказы Зоберга, я ожидал увидеть нечто необычайное, запретное или устрашающее, но был разочарован. Дома были крепкие и скромные, некоторые — победнее. Казалось, они сгрудились беспорядочно, точно стадо скота,

---

[1] Ассоциация Бернард Шоу – Санта-Клаус, возможно, навеяна фотографиями Бернарда Шоу, где он практически всегда изображен с густой белой бородой. – *Прим. ред.*

[2] Конечно *(нем.)*.

напуганное волками, и лишь кое-где одиноко стояли отдельные строения, точно ищущие приключений молодые быки. Улицы были узкие, кривые и немощеные, и впервые в наше время я увидел, как двухместные коляски и фургоны превосходят числом автомобили. На центральной площади с двухэтажным зданием мэрии красного кирпича и уродливым железным военным мемориалом еще сохранились коновязи, заржавевшие от времени и гладкие оттого, что ими по-прежнему пользовались. Признаков современной цивилизации было немного. Например, аптека представляла собой ветхое дощатое строение; на окнах было написано «Аптека», и там продавались только аспирин, содовая и табак, тогда как единственная гостиница была низенькой, скособоченной постройкой, с вывеской «Отель Лютера». Я слышал, что население городка составляло триста пятьдесят человек, но склонен думать, что здесь не проживало и трехсот человек.

Мы остановились возле «Отеля Лютера». Группа небрежно одетых мужчин уставилась на нас с несколько враждебным любопытством, что частенько отличает обитателей американских поселений при приближении чужаков. На мужчинах были обыкновенные вельветовые и замшевые куртки — с каждой минутой становилось все прохладнее — и сапоги или высокие шнурованные ботинки, в которые были заправлены штаны из грубой бумажной ткани. Все жители были, похоже, кельтского или англосаксонского типа.

— Привет! — радостно закричал Зоберг.— Вижу вас, мой друг мистер Герд! Как ваша прелестная дочка?

Мужчина, к которому обратился Зоберг, выступил из группы, стоявшей на крыльце. Я увидел худощавого седого мужчину с бледными навыкате глазами. Одет он был чуть лучше других. На нем красовались строгий костюм из темной ткани и широкополая черная шляпа. Прежде чем ответить, он откашлялся.

— Привет, доктор. Сьюзен в порядке, благодарю. Что вам нужно от нас?

Это был явный вызов, который возмутил бы, а то и рассердил кого угодно, но только не Зоберга. Он выкарабкался из машины и тепло пожал руку человеку, которого назвал

мистером Гердом. И одновременно дружески перебросился несколькими словами с другими.

— А это, — повернулся он, — мой очень хороший друг, мистер Тэлбот Уиллс.

Взоры всех мужчин — а в целом они были весьма недружелюбны — обратились в мою сторону. Я медленно вышел из машины и по настоянию Зоберга пожал руку Герду. Наконец мистер Герд подошел с нами к машине.

— Я вам как-то обещал, — мрачно сказал он Зобергу, — что позволю вам и Сьюзен как можно глубже копнуть это дело со спиритами, как вы и хотели. Не раз с тех пор я жалел, что сказал это, но слово свое я не нарушу. Идемте со мной. Сьюзен готовит обед. Хватит на всех.

Он сел с нами в машину и, пока мы ехали от площади к его дому, тихо беседовал с Зобергом и со мной.

— Да, — сказал он, отвечая на один из моих вопросов, — дома старые, как видите. Некоторые из них стоят со времени войны за независимость с Англией, а законы нашего города существуют еще дольше. Вы не первый, кто этому удивляется, мистер Уиллс. Десять лет назад сюда приезжал один миллионер, так он сказал, что хочет оставить нам завещание, только бы мы оставались здесь. Много говорил насчет местного колорита и исторической ценности. Мы ответили ему, что останемся здесь и без его денег, да и вообще ни у кого ничего брать мы не будем.

Дом Герда был большой, но низкий, одноэтажный. Толстые бревна были обшиты крашеными досками. Входная дверь крепилась на массивных, ручной работы петлях. Герд постучал, и невысокая стройная девушка открыла нам двери.

На ней было шерстяное платье, такое же темное, что и костюм ее отца, с белым воротничком и манжетами. Лицо девушки под копной черных волос поначалу показалось восточным из-за высоких скул и глаз, чей миндалевидный рисунок и навел меня на такие мысли. Потом я увидел, что глаза у нее ярко-серые, точно старое, начищенное до блеска серебро, кожа розовая, твердый подбородок и широкий рот. Черты лица характерные, несомненно кельтские, и я в который раз в жизни подумал о том, нет ли какой-то кровной

связи между шотландцами и монголами? Ее рука, державшая медную ручку двери, была тонкой и казалась белой, словно какой-нибудь вечерний цветок.

— Сьюзен,— сказал Герд,— это доктор Зоберг. А это его друг мистер Уиллс.

Она улыбнулась Зобергу, потом скромно и с достоинством кивнула мне.

— Моя дочь,— закончил представление Герд.— Что ж, обед, должно быть, готов.

Он проводил нас внутрь дома. Гостиная оказалась еще скромнее, чем в большинстве старомодных провинциальных домов, но выглядела довольно уютной. Бóльшая часть мебели привела бы в восторг торговцев антиквариатом, а один или два предмета могли бы произвести впечатление даже на директоров музеев. На стенах столовой висели полки для тарелок, посреди комнаты стоял длинный стол из темного дерева, окруженный стульями с высокими спинками. Нам подали жареную ветчину, горячие хлебцы, кофе и консервированные фрукты домашнего изготовления. Доктор Зоберг и Герд ели с удовольствием, обсуждая местные новости, а вот Сьюзен Герд едва прикоснулась к еде. Я, глядя на нее с неослабевающим восхищением, чуть было не позабыл о том, что надо есть.

После трапезы Сьюзен собрала грязную посуду, а мы, мужчины, возвратились в гостиную. Герд заговорил без обиняков.

— Вы здесь снова ради каких-то фокусов? — хмуро поинтересовался он.

— Ради еще одного сеанса,— поправил его Зоберг, держась, как всегда, обходительно.

— Доктор,— сказал Герд,— мне бы хотелось, чтобы это было в последний раз.

Зоберг умоляюще поднял руку. Герд убрал обе свои руки за спину. По всему видно было, что он готов упорно стоять на своем.

— Для нее это тягостно,— решительно заявил он.

— Но она великий медиум — куда более великий, чем Евзапия Палладино[1] или Дэниэл Хьюм[2],— с жаром загово-

[1] Е. Палладино (1854—1918) — медиум (Италия).
[2] Д. Д. Хьюм (1833—1886) — медиум (Шотландия).

рил Зоберг. — Она один из одареннейших в мире медиумов, а живет тут, всеми забытая в этом захудалом...

— Прошу вас, не оскорбляйте наш город, — перебил его Герд. — Хорошо, доктор, я соглашусь на последний сеанс, как вы это называете. Но я буду на нем присутствовать.

Зоберг жестом хотел возразить, но я встал на сторону Герда.

— Если это будет мой эксперимент, то мне потребуется еще один свидетель, — сказал я, обращаясь к Зобергу.

— Ну вот еще! Если все пройдет успешно, вы скажете, что мистер Герд по старой дружбе помогал обманывать.

— Не скажу. Я так все организую, чтобы не было никакого обмана.

Зоберг и Герд посмотрели на меня. Интересно, кто из них больше сомневался в моей уверенности?

Тут к нам присоединилась Сьюзен, и мне тотчас захотелось поговорить о других предметах, а не только об оккультизме.

III. «Это не моя дочь...»

Это Зоберг предложил, чтобы я взял Сьюзен Герд на прогулку в автомобиле. Я счел эту мысль блестящей, и она, тихо поблагодарив меня, надела старомодного вида плащ, черный и тяжелый. Мы оставили ее отца и Зоберга, непринужденно разговаривавших друг с другом, и медленно поехали по городу.

Она показала мне Рощу Дьявола, о которой я слышал от доктора. Деревья тут росли тесно, почти сплошными рядами. Роща стояла в стороне от более редкого леса, раскинувшегося на холмах, а вокруг простирались голые поля. То, что поля вокруг рощи были голыми, говорило о том, что Роща Дьявола забирала в себя все жизненные силы. К ней не было дороги, и я принужден был довольствоваться тем, что остановил машину в отдалении, пока мы смотрели на эту рощу и разговаривали.

— Разумеется, она вечнозеленая, — сказал я. — Кедр и можжевельник.

— Да, но только в живой изгороди вокруг нее, — просветила меня Сьюзен Герд. — Она была высажена городским советом лет десять назад.

Я уставился на нее.

— Но ведь и сама роща зеленая, — заметил я.

— Возможно. Говорят, что листья там никогда не опадают, даже в январе.

Над рощей поднимался легкий белый туман, казавшийся еще белее на фоне черных облаков, которые окутали вершины холмов. На мои вопросы о городском совете Сьюзен Герд рассказала весьма любопытные вещи об администрации поселения. Совет составляли пять человек, избиравшихся каждый год, мэра не было. Каждый из пятерых по очереди председательствовал на собраниях. Одно из постановлений совета было направлено на поддержку единственной в поселке церкви.

— По-моему, такое постановление должно рассматриваться как незаконное, — заметил я.

— Возможно, — согласилась Сьюзен, — но никто не выступал против него. Местный священник неизменно является членом совета. Это условие никогда не было зафиксировано в истории города, и на нем не настаивали как на официальном законе, но всегда соблюдали. Единственным блюстителем порядка, — продолжала она, — был избираемый в должное время констебль. Он всегда получал место в округе как помощник шерифа, а в его обязанности входили перепись, сбор налогов и тому подобные вещи. Еще одним чиновником в администрации был судья, и мой отец, Джон Герд, занимал эту должность в последние шесть лет.

— Значит, он адвокат? — высказал я предположение, но Сьюзен покачала головой.

— Единственным адвокатом здесь является отставной судья Кейт Персивант, — ответила она. — Он приехал откуда-то из дальних мест, а в городе появляется примерно раз в месяц — живет где-то за Рощей. По правде, обычного контроля за соблюдением законов недостаточно для нашей своеобразной небольшой администрации.

Она отзывалась о горожанах как о тихих, простых людях, по большей части довольных тем, чем они занимались,

а потом, уступая моим настойчивым просьбам, рассказала кое-что и о себе.

Семейство Гердов вело родословную от местного поселенца — хотя она и не вполне была уверена, когда или как это поселение было основано, — и играло ведущую роль в делах общины в продолжение более чем двух столетий. Ее мать, которая умерла, когда Сьюзен Герд было семь лет, была нездешняя. Таких здесь называли «пришлыми». По-моему, это слово употребляется в Девоншире, что может пролить свет на то, откуда явились основатели общины. Очевидно, у этой женщины были склонности к медиумизму, ибо она несколько раз предсказывала события или говорила соседям, где найти потерянные вещи. Ее очень любили за то, что она помогала больным, а умерла она от лихорадки, которой заболела, когда ухаживала за жертвами эпидемии.

— Доктор Зоберг знал мою матушку, — говорила Сьюзен Герд. — Он несколько раз приезжал сюда после ее смерти, которая, кажется, потрясла его. Они с отцом стали друзьями, да и ко мне он был добр. Помню, как он сказал, когда мы впервые встретились, что я похожа на мать и наверняка унаследовала ее способности.

Сьюзен выросла, отучилась три года в учительском колледже, но не закончила его, отказавшись от места в школе, чтобы можно было вести домашнее хозяйство и ухаживать за одиноким отцом. Забыв о приличиях, я глупо намекнул на возможность того, чтобы выйти замуж за какого-нибудь молодого человека из этого городка. Она весело рассмеялась.

— Да я перестала думать о замужестве еще в четырнадцать лет! — воскликнула она. Потом добавила: — Смотрите-ка, снег.

И правда шел снег. Я подумал о том, что пора возвращаться домой. К концу поездки мы совсем подружились, а когда я подвез ее уже во второй половине дня к дому, мы называли друг друга по имени.

Я обнаружил, что Герд капитулировал перед мягкой настойчивостью доктора Зоберга. От непринятия одной толь-

ко мысли о сеансе он пришел к смакованию перспективы быть на нем свидетелем — раньше Зоберг не допускал его к своим таинствам. Слушая доктора, Герд даже подхватил от него пару метафизических терминов, которыми и украшал свою обычно простую речь.

— Насчет эктоплазмы, это разумно, — согласился он. — Если она существует, то существуют и призраки, так ведь?

Зоберг сверкнул глазами и вскинул подбородок с острой бородкой.

— А вот мистер Уиллс не верит в эктоплазму, и вы в этом убедитесь.

— Как не верю и в то, что появление эктоплазмы доказывает существование призраков, — прибавил я. — А вы что скажете, мисс Сьюзен?

Она улыбнулась и покачала головой.

— Правду сказать, я весьма смутно представляю себе, что происходит во время сеанса.

— Почти все медиумы говорят это, — глубокомысленно кивнул Зоберг.

Как только село солнце и опустилась темнота, мы приготовились к эксперименту.

Была выбрана столовая, как самая тихая, свободная от мебели комната в доме. Прежде всего я тщательно изучил ее, заглянув во все углы, простучал стены, осмотрел мебель, и все это под веселые насмешки Зоберга. Потом, к пущей его радости, я взял в руку большой кусок сургуча и заклеил двери на кухню и в гостиную, клеймя сургуч печаткой. Я также закрыл, запер на задвижки и запечатал сургучом окна, за которыми продолжал идти снег.

— Обо всем-то вы хотите позаботиться, мистер Уиллс, — сказал Герд, запаливая карбидную лампу.

— Просто отношусь к делу серьезно, — отвечал я.

Зоберг в знак одобрения захлопал в ладоши.

— А теперь, — продолжал я, — снимайте куртки и жилетки, джентльмены.

Герд и Зоберг подчинились и остались в одних рубашках. Я обыскал обоих с ног до головы. Герд держался равнодушно, а Зоберг был весел и как будто весь светился. Я убедился в том, что ни у кого из них при себе не было

спрятано никакого инструмента. Моим следующим шагом было приставить кресло к двери в гостиную, припечатать сургучом его ножки к полу и посадить на него Герда. Он сел. Достав из сумки пару наручников, я надел их на его левую руку и на подлокотник кресла.

— Великолепно! — воскликнул Зоберг. — Не будьте же таким кислым, мистер Герд. А вот на мистере Уиллсе я бы наручники не испытывал — он когда-то был магом и знает все хитрости, как можно сбежать.

— Теперь ваша очередь, доктор, — сказал я ему.

Возле противоположной стены, напротив Герда, я поставил еще три кресла, облил их ножки у пола сургучом и запечатал его. Потом отодвинул остальную мебель и поставил ее у двери в кухню. Наконец попросил Сьюзен сесть в центральное кресло из трех, посадил Зоберга по левую руку от нее, а сам сел справа. Карбидную лампу я поставил на пол, около себя.

— С вашего позволения, — сказал я и достал еще несколько наручников.

Сначала я закрепил наручники на левой лодыжке Сьюзен и на правой — Зоберга, потом надел наручники на ее левую руку и на его правую. Левую руку Зоберга я прицепил с помощью наручников к стулу, что сделало его совершенно беспомощным.

— Ну и толстые же у вас запястья! — прокомментировал я. — Я и не знал, что они такие жилистые.

— А вы на меня еще не надевали наручники, — усмехнулся он.

Еще одной парой наручников я прикрепил свою левую руку к лодыжке Сьюзен справа от меня.

— Теперь мы готовы, — объявил я.

— Вы с нами обошлись точно с грабителями банка, — пробормотал Герд.

— Нет-нет, не обвиняйте мистера Уиллса, — снова защитил меня Зоберг и с беспокойством посмотрел на Сьюзен. — Вы вполне готовы, моя дорогая?

Она посмотрела на него, потом закрыла глаза и кивнула. Я, привязанный к ней с помощью наручников, почувствовал, как она расслабилась всем телом. Спустя минуту ее подбородок упал на грудь.

— Никто не должен разговаривать, — мягко предупредил Зоберг. — Надеюсь, эксперимент пройдет удачно. Уиллс, свет.

Свободной рукой я погасил свет.

Сначала наступила кромешная тьма. Потом, когда мои глаза попривыкли к ней, в комнате, казалось, стало светлее. Я видел глубокие серые прямоугольники окон, снег за ними, размытое очертание человека в кресле напротив меня, Сьюзен слева. Мой слух, точно тоже обострившийся, различил ее мягкое дыхание, словно она спала. Раза два ее рука дернулась, и одновременно дернулась моя рука. Мне показалось, будто она хочет привлечь мое внимание.

Прямо перед ней вдруг возникло нечто бледное и туманное. Пока я пытался рассмотреть, что это такое, я услышал то, что мне показалось тяжелым дыханием, — так дышит уставшая собака или какое-то животное. Бледный туман меж тем изменял очертания и плотность и становился все темнее, потом сдвинулся с места, освещаемый тусклым светом из окон, и мне на мгновение показалось будто я вижу нечто стоящее на ногах — какое-то уродливое животное. Что это — голова? А это что — уши с заостренными кончиками или же шерсть дыбом? Я решительно сказал про себя, что это всего лишь иллюзия, которая удалась, несмотря на принятые мною меры предосторожности.

Тень сдвинулась с места, и я услышал царапанье когтей по дощатому полу. Когти, а может, гвозди в подметках. Ведь на мистере Герде были тяжелые сапоги. Однако он наверняка сидит в своем кресле. И тут это нечто двинулось в сторону и, то ли ползком, то ли согнувшись, оказалось передо мной.

Хоть я и убедил себя в том, что это трюк, по спине у меня пробежал холодок. Нечто остановилось прямо передо мной и, точно гончая, поднялось на задние лапы, чтобы положить их на колени своему хозяину. Я почувствовал сильный запах, странный и неприятный, точно повеяло из клетки большого животного. И тут лапы оказались у меня на коленях — но это были не лапы. Я почувствовал, как кто-то стискивает пальцами мои ноги. Сопящий нос почти коснулся моего лица, и я увидел, как тускло блеснула темная влажная морда.

И в эту минуту Герд глухо произнес:

— Это не моя дочь...

Пока он произносил эти четыре слова, сгорбившееся чудовище, стоявшее у моих ног, отпрянуло от меня, попятилось, словно изувеченный монстр, и прыгнуло в его сторону. Я видел, что Герд попытался было подняться, но рука в наручниках помешала ему это сделать. Он попытался было что-то сказать, но не сумел, издал лишь сдавленный звук, а в ответ ему послышалось лающее рычание.

Ножки кресла вырвались из сургучного крепления, и оно повалилось набок. Послышался шум борьбы, раздался грохот, и Герд завизжал, точно кролик, попавший в ловушку. Нападавший отскочил от него в нашу сторону.

Прежде чем кто-то мог сказать, что это было, все кончилось.

IV. «Не знаю, что убило его...»

Когда я поднялся, не помню, но я точно был на ногах, как только борьба закончилась. Не думая об опасности — а в комнате определенно все еще таилась опасность, — я бросился было вперед, но мне помешала спавшая в кресле Сьюзен Герд, с которой меня связывали наручники. Стоя на месте, я полез в карман за тем, о чем не говорил ни ей, ни Зобергу, — за электрическим фонариком.

Нащупав рукой компактный маленький предмет цилиндрической формы, я рывком вынул его из кармана, держа палец на выключателе. Луч света заметался по комнате, пока не высветил неподвижную фигуру Герда. Он лежал на боку, спиной к нам, и ниже поникшей головы, между плечами, расплывалось черное мокрое пятно.

Я быстро осветил все темные углы комнаты. Существо, которое напало на Герда, окончательно исчезло. Сьюзен Герд тихо простонала, как человек, которому приснился дурной сон. Я направил фонарик в ее сторону.

Луч осветил ее лицо, она вздрогнула от яркого света, но не открыла глаза. За ней я увидел Зоберга, который подался вперед, пытаясь встать. Но и его сдерживали наручники. Он

всматривался в Герда, широко раскрыв глаза; сквозь бороду виднелись стиснутые зубы.

— Доктор Зоберг! — крикнул я ему, и его лицо нервно дернулось и повернулось в мою сторону. Белое, как свежая глина, лицо было искажено от напряжения. Он пытался что-то сказать, но голос не повиновался ему.

Бросив фонарик на пол, я достал из кармана ключи и, дрожа, торопливо разомкнул наручники на руке Сьюзен и на своей ноге. Потом, быстро подойдя к Зоберту, я заставил его сесть прямо и освободил его как можно скорее. Затем возвратился на свое место, поднял фонарик и подошел к Герду.

Одного взгляда на несчастного оказалось достаточно. Он был мертв, его горло безжалостно разорвали чьи-то острые зубы или когти. На щеках параллельными бороздами тянулись раны, точно оставленные ногтями или гвоздями. За моей спиной неожиданно появился свет — это подошел Зоберг, держа карбидную лампу.

— Я нашел это возле вашего кресла, — сказал он мне неровным голосом. — Потом нашел спичку и зажег фонарь.

Он взглянул вниз, на Герда. Его губы дернулись. Мне показалось, он с трудом сдерживается.

— Возьмите себя в руки, доктор, — успокоил я его, забирая у него лампу. — Посмотрите, можно ли помочь Герду?

Он медленно наклонился и как будто вдруг состарился. Я отступил в сторону и поставил лампу на стол. Зоберг снова заговорил:

— Совершенно бесполезно, Уиллс. Мы ничего не можем сделать. Герд убит.

Я перевел взгляд на Сьюзен. Она по-прежнему сидела в кресле, глубоко и ритмично дыша, как будто спала спокойным сном.

— Сьюзен! — окликнул я ее. — Сьюзен!

Она не шевелилась. К ней подошел доктор Зоберг.

— Сьюзен, — прошептал он, вглядываясь ей в лицо, — проснитесь, дитя мое.

Ее глаза медленно раскрылись, и она посмотрела на нас.

— А что... — сонным голосом заговорила она.

— Приготовьтесь, — быстро предупредил я ее. — С вашим отцом случилось несчастье.

Она перевела взгляд на тело Герда, потом закричала, и кричала долго, дрожа. Зоберг обнял ее, и она тряслась, покачиваясь, в его объятиях. На руках у нее еще висели мои наручники, и, когда она в отчаянии поднимала руки, они звенели.

Снова подойдя к мертвецу, я снял с него наручники, которыми он был прикован к креслу, и перевернул его на спину. На другом кресле лежал черный плащ Сьюзен. Я взял его и накрыл им Герда. Потом подошел к одной двери, к другой, к окнам.

— Печати не сломаны, — произнес я. — Нигде нет и щелки, через которую проскочила бы мышь сюда или отсюда. И все же...

— Это сделала я! — неожиданно закричала Сьюзен. — О господи, какая ужасная вещь вышла из меня, чтобы погубить моего отца!

Я распечатал дверь в гостиную, потом открыл ее. И почти тотчас в дверь дома громко постучали.

Зоберг поднял голову и кивнул мне. Сьюзен продолжала дрожать в его руках, и я не мог не обратить внимания на то, что руки у него теперь тонкие и слабые. Когда я надевал на него наручники, то видел, что у него стальные жилы. Неужели это ужасное происшествие настолько лишило его сил?

— Сходите посмотрите, кто это, — глухо произнес он.

Открыв дверь, я увидел высокую угловатую фигуру в надвинутой на глаза шляпе, на полях которой лежал снег.

— Кто вы? — вздрогнув, выдавил я.

— О'Брайант, — прогудел незнакомец. — Что тут случилось?

— Видите ли... — начал было я, но умолк.

— Не здешний, так? — таков был следующий вопрос. — Я видел вас, когда вы останавливались около гостиницы Лютера. Я О'Брайант, констебль.

Он перешагнул через порог, огляделся в темноте, после чего прошел в освещенную столовую. Следуя за ним, я успел разглядеть в нем сурового, небрежно одетого мужчину лет сорока. Выступающий подбородок на худощавом лице с орлиным носом придавал ему вид человека с сильным харак-

тером. Осмотрев своими светло-голубыми глазами неподвижное тело Джона Герда, он наклонился, чтобы заглянуть под плащ. Сьюзен снова в ужасе вскрикнула, а Зоберг охнул, точно испытал еще одно потрясение. Констебль тоже дрогнул и задернул плащ быстрее, чем приподнял его.

— Кто это сделал? — рявкнул он, обращаясь ко мне.

Я снова затруднился с ответом. Констебль О'Брайант подозрительно осмотрел каждого из нас по очереди, взял лампу и направился в гостиную, велев следовать за собой. Там он предложил нам сесть.

— Я хочу все знать об этом деле! — резко проговорил он. — Вы, — он ткнул пальцем в мою сторону, — кажетесь мне наиболее разумным. Расскажите все как было и со всеми подробностями.

Я постарался поведать все о сеансе и о том, что ему предшествовало. Как и в большинстве случаев, когда невиновного неожиданно начинает расспрашивать офицер полиции, мне было не по себе. О'Брайант дважды перебивал меня своим гортанным «угу» и один раз присвистнул от удивления.

— И это убийство произошло в темноте? — спросил он, когда я закончил. — Так кто же из вас переоделся дьяволом и сделал это?

Сьюзен тихо заплакала и опустила голову. Зоберг, вне себя от гнева, вскочил на ноги.

— Это было существо из другого мира! — сердито запротестовал он. — Ни у кого из нас не было причины убивать мистера Герда.

О'Брайант резко хохотнул:

— Только не рассказывайте мне истории про призраков, доктор Зоберг! Мы наслышаны о фокусах, которые вы здесь время от времени проделываете. Наверное, что-то не получилось, вот и сделали это для прикрытия

— Да что вы такое говорите! — возмутился Зоберг. — Послушайте, констебль, вот же наручники. — Он протянул ему пару. — Мы все были прикованы ими к креслам, а кресла припечатаны сургучом к полу. На мистере Герде тоже были наручники, и его кресло стояло далеко от нас. Да сходите в соседнюю комнату и посмотрите сами.

— Дайте-ка посмотреть на наручники, — проворчал О'Брайант, хватая их.

Он покрутил их в руках, защелкнул, потянул, нажал, потом протянул руку за ключами. Расстегнув их, заглянул в то место, где они защелкивались.

— Наручники установленного образца, — объявил он. — И они были на вас на всех?

— Да, — ответил Зоберг, и мы со Сьюзен кивнули.

В голубых глазах констебля неожиданно загорелся огонек.

— Может, и так. И все оставались на своих местах? — Он вдруг резко повернулся и, склонившись надо мной, пристально посмотрел на меня. — Что скажете, мистер Уиллс?

— Конечно, все оставались на своих местах, — отвечал я.

— Вот как? Послушайте, вы ведь профессиональный фокусник? Маг, так сказать?

— Откуда вам это известно? — спросил я.

Он улыбнулся широко, но отнюдь не дружелюбно.

— Да весь город о вас говорит, мистер Уиллс. Здесь так не бывает, чтобы кто-то приехал, а его биография была бы нам неизвестна. — Улыбка исчезла с лица констебля. — Значит, вы, маг и фокусник, знаете, как освободиться от наручников. Разве не так?

— Конечно так, — ответил за меня Зоберг. — Но почему это должно означать, что мой друг убил мистера Герда?

О'Брайант торжествующе покачал головой.

— Это мы выясним потом. Сейчас же все складывается просто. Мистера Герда убили в комнате, которая была запечатана. С ним были еще трое людей, все прикованы наручниками к креслам. Кто из них освободился от наручников так, чтобы другие этого не заметили?

И он коротко кивнул в мою сторону, точно отвечая на свой вопрос.

Зоберг испытующе посмотрел на меня, потом, как мне показалось, съежился. Вид у него был такой же измученный, что и у Сьюзен. Да и я был недалек от того, чтобы рухнуть без сил.

— Хотите чистосердечно сознаться, мистер Уиллс? — предложил О'Брайант.

— Разумеется нет! — резко ответил я ему. — Я не тот, за кого вы меня принимаете.

— А я уж думал, — продолжал он, точно поймав меня на дискредитировавшем меня признании, — что это дьявол, а не человек убил мистера Герда.

Я покачал головой:

— Я не знаю, что убило его.

— Может, скоро вспомните. — Он направился к двери. — Идете со мной. Я беру вас под стражу.

Я поднялся, покорно вздохнув, но задержался на минуту, чтобы обратиться к Зобергу.

— Держитесь, — сказал я ему. — Пригласите кого-нибудь, чтобы присмотреть за мисс Сьюзен, а потом поразмышляйте, что могло произойти. Вы можете помочь доказать, что это был не я.

Зоберг слабо кивнул, но глаз не поднял.

— Чтобы ни один из вас не заходил в ту комнату, где тело! — предупредил всех О'Брайант. — Мистер Уиллс, возьмите пальто и шляпу.

Я сделал, что он сказал, и мы вышли из дома. Снега выпало на несколько дюймов, и он все еще продолжал идти. Мы с О'Брайантом пересекли улицу, и он постучал в дверь дома с островерхой крышей. Нам открыл смуглый человек небольшого роста.

— Произошло убийство, Джим, — важно произнес О'Брайант. — В доме Герда. Сам мистер Герд мертв. Иди туда и проследи там за всем. И жену прихвати с собой, чтоб присмотрела за мисс Сьюзен. Она очень плоха.

Мы пошли дальше по улице, потом свернули на площадь. Двое или трое мужчин, стоявших возле аптеки, с любопытством посмотрели на нас и, когда мы проходили мимо, что-то зашептали. Потом какой-то человек остановился и внимательно посмотрел на меня. У меня такой интерес не вызывал никаких эмоций.

— Кто эти люди? — спросил я у констебля.

— Местные жители, — ответил он. — Им очень интересно знать, как выглядит убийца.

— А откуда они узнали о том, что произошло? — едва не простонал я.

Он коротко, натужно хохотнул:

— Разве я не говорил, что новости в этом городе распространяются быстро? Да об убийстве уже полгорода говорит.

— Вы еще убедитесь, что совершили ошибку, — заверил я его.

— Если и так, то попрошу у вас прощения. А пока я исполняю свои обязанности.

Тем временем мы подошли к зданию из красного кирпича. Я поднялся вместе с О'Брайантом по мраморным ступенькам и подождал, пока он откроет большую двойную дверь затейливым ключом изрядного размера.

— Городок у нас небольшой, — заметил О'Брайант, точно извиняясь, — но камера для вас найдется. Снимайте шляпу и пальто — пока побудете здесь.

V. «Они хотят взять в руки закон»

Камера находилась в верхней части здания муниципалитета. Ее замыкала тяжелая деревянная дверь, а свет проникал в крошечное окошко. Стены были голые — неоштукатуренный кирпич, пол бетонный, а потолок покрыт выкрашенными белой краской досками. В рожке горела масляная лампа. Из мебели имелись только железная койка, привинченная к стене под окном, стул из плетеной проволоки и некрашеный стол. На столе стояли миска и кувшин, а вокруг них были разбросаны карты.

Заперев меня, констебль О'Брайант заглянул в небольшое зарешеченное окошко в двери. Я увидел только нос, глаза и широкие губы, точно это был саркастически улыбающийся Полишинель.

— Послушайте, — неожиданно обратился я к нему, беря себя в руки, — мне нужен адвокат.

— В городе нет адвоката, — мрачно прогудел он.

— А судьи Персиванта тоже поблизости нет? — спросил я, вспомнив, что рассказывала мне Сьюзен.

— Он не практикует, — пробормотал О'Брайант, и его остроносое лицо исчезло.

Я подошел к столу, не спеша собрал карты в колоду и перемешал их. Чтобы успокоились пальцы, которые продолжали дрожать, я проделал несколько фокусов: прятал карты в руке, доставал из перемешанной колоды короля и перемещал колоду из одной руки в другую так, чтобы карты раскрывались, как аккордеон.

— Не хотел бы я играть с вами в покер, — произнес О'Брайант, снова пришедший поглазеть на меня.

Я подошел к решетчатому окну и заглянул в него.

— Вы не того взяли, — снова сказал я. — Даже если бы я был виновен, вы обязаны предоставить мне адвоката.

— Выходит, я не прав, так, что ли? — издевательски произнес он. — Подождите до завтра, с утра сходим в окружное правление, и шериф решит, нужен вам, по его мнению, адвокат или нет.

Он умолк и прислушался. Я тоже услышал этот звук — так глухо и монотонно катятся камни по склону или бежит, приближаясь, напуганный скот где-то вдалеке.

— Что это там? — спросил я.

О'Брайант — ему в коридоре было лучше слышно — склонил голову набок. Потом откашлялся.

— Как будто бы люди собрались на площади, — ответил он. — Пойду посмотрю...

Он резко умолк и пошел прочь. Шум усиливался. Приблизившись к решетчатому окошку, я видел, как констебль расправил плечи и сжал кулаки, точно вдруг проникся ощущением приближающейся опасности.

Дойдя до лестницы, он стал спускаться вниз. Едва он исчез из поля моего зрения, как я повернулся, подошел к койке и, встав на нее, выглянул в окно. С внутренней стороны к окну были крепко приделаны два железных прута вместо решетки. За них я и уцепился, когда смотрел в окно.

Я смотрел из задней части здания и видел центр площади с военным мемориалом, ряд магазинов и домов, едва различимых вдали сквозь толстую пелену падавшего снега. Что-то темное приблизилось внизу к стене, и я услышал возглас человека, в котором таилась угроза.

— Вижу его голову в окне! — закричал этот человек, и к нему присоединилось еще несколько голосов.

Спустя минуту что-то тяжелое ударилось в стену рядом с оконной рамой.

Я отскочил от окна и снова подошел к решетке в двери. Через нее я увидел возвращавшегося О'Брайанта, которого сопровождали несколько человек. Приблизившись, они заглянули в камеру.

— Выпустите меня, — произнес я. — Там толпа.

О'Брайант сокрушенно кивнул.

— Ничего подобного здесь еще не бывало, — сказал он, словно именно он нес ответственность за всю историю городских происшествий. — Они ведут себя так, будто хотят взять закон в свои руки.

— Мы — члены городского совета, мистер Уиллс, — заговорил невысокий толстяк, стоявший рядом с ним. — Мы узнали, что некоторые горожане ведут себя отвратительно, и пришли, чтобы защитить вас. Обещаем вам полную защиту.

— Аминь, — протянул худощавый человек.

Я догадался, что это священник.

— Вас ведь только шестеро, — заметил я. — Неужели этого хватит, чтобы защитить меня от обезумевшей толпы?

Словно для того, чтобы придать вес моему вопросу, откуда-то снизу, со стороны наружной стены здания, донеслось громкоголосое гиканье. Вслед за тем в коридоре послышался гулкий стук, точно дубиной застучали по толстому железу.

— Вы закрыли дверь, констебль? — спросил толстяк.

— Конечно, — кивнул О'Брайант.

Целый град ударов послышался снизу, затем кто-то сильно ударил в дверь. Я услышал, как заскрипели петли.

— Они собираются сломать дверь внизу, — прошептал один из членов совета.

Толстяк решительно повернулся.

— На лестнице есть окно, — сказал он. — Идемте, попробуем поговорить с ними через него.

Все двинулись следом за ним. Я слышал их шаги на лестнице, потом заскользила тяжелая рама в подъемном окне. До моего слуха донесся громкий и продолжительный крик, точно собравшиеся внизу увидели головы над подоконником наверху и узнали их.

— Сограждане! — громко произнес толстяк, но его голос потонул в хоре выкриков и гиканья.

Я слышал, как в скрипевшую дверь продолжали колотить.

Надо было бежать. Я быстро повернулся и прыгнул на койку во второй раз, чтобы выглянуть в окно. Внизу никого не было видно; очевидно, те, кого я видел раньше, побежали к входу в задние, чтобы послушать там, что говорят чиновники, и заодно принять участие во взломе двери.

Я спрыгнул на пол и потянул на себя койку. Она была прикреплена к стене с помощью прочной железной проволоки, которая обматывала одну из продольных частей каркаса. Кровать можно было поднять и закрепить на стене с помощью крючка или опустить, и в горизонтальном положении ее удерживали цепочки. Я стащил с койки матрас, одеяло с простыней и принялся внимательно рассматривать эти цепочки. Они были прочные и крепились на железных пластинах в кирпичной стене, которые можно было расшатать. Взяв одну цепочку двумя руками, я потянул ее на себя со всей силой, упершись ногой о стену. Усилие — и пластина подалась.

В тот же самый момент у меня за спиной, в коридоре, раздался взрыв и послышались пронзительные крики. То ли это О'Брайант начал стрелять, то ли кто-то из толпы. Вслед за тем здание затряслось, и я услышал, как один из членов совета крикнул:

— Еще одна такая попытка, и дверь рухнет!

Его слова вдохновили меня на то, чтобы я поторопился. Я взял конец цепочки. Одно из ее звеньев было распилено, чтобы концы его можно было вставить в железную пластину и снова соединить их с другой ее стороны. В результате моего усилия мне удалось вырвать цепочку из болтавшейся пластины. Затем, подняв койку и прикрепив ее к стене, я потянул цепочку вверх. Она доставала до самого окна — ее вполне хватало для того, чтобы обмотать ею один из железных прутьев.

Разрушительный грохот сотрясал все здание. Я снова услышал голос толстяка, члена совета:

— Приказываю вам всем идти домой, пока констебль О'Брайант еще раз не выстрелил в вас!

— У нас тоже есть ружья! — с вызовом ответил кто-то, и в доказательство этого заявления раздалось несколько выстрелов.

Я услышал чей-то стон, а потом голос священника:

— Вы ранены?

— В плечо,— был ответ О'Брайанта, прозвучавший глухо.

Закрепив цепочку на железном пруте и опустив кровать, я встал на нее. Она должна была действовать как рычаг, но этого не произошло — железный прут на окне был закреплен слишком прочно. Я в отчаянии взялся за цепочку еще крепче. Встав на край койки спиной к стене, я принялся раскачивать ее обеими ногами. Наконец раздался треск, и железный прут медленно освободился от креплений.

Меж тем крики и топот ног подсказали мне, что толпа в конце концов ворвалась в здание.

Я услышал тщетные крики членов совета, и вслед за тем раздался топот множества ног в тяжелых сапогах. Я тотчас взобрался на подоконник и протиснулся в узкое пространство в окне, где не было железного прута. Я зацепился лацканом куртки за раму, но не обратил на это внимания. Держась за другой прут, одной рукой я ухватился за перпендикулярно идущую вдоль наружной стены какую-то трубу. Я понял, что это водосточная труба.

На дверь моей камеры меж тем напирали. Дерево разлетелось на щепы под градом ударов, и я услышал, как в камеру ворвались люди.

— Его здесь нет! — закричал кто-то грубым голосом и тут же добавил: — Эй, посмотрите-ка на окно!

Я схватился за водосточную трубу обеими руками. Она тотчас вырвалась из своих хлипких креплений и, вызывая у меня ужас, оторвалась от стены. Но она не сразу упала вместе со мной, а повела себя как хрупкий шест, на вершине которого оказался ищущий приключений мальчишка. Продолжая держаться за нее, я рухнул в снег футах в двадцати от окна, из которого вылез. Кто-то закричал наверху, и раздался выстрел.

— Хватайте его! — послышалось несколько голосов.— Вы, там, внизу, хватайте его!

Но я уже поднялся и бежал со всех ног. Занесенная снегом площадь ускользала из-под моих ног. Свернув за

военный мемориал, я столкнулся нос к носу с молодым человеком в медвежьей шубе. Пронзительным юношеским голосом он крикнул, чтобы я остановился; его суровое лицо наверняка еще не знало бритвы. Но я не собирался щадить даже столь неопытного противника и ударил его со всей силы. Он вскрикнул и рухнул в снег, а я, перепрыгнув через него, побежал дальше.

Ветер крепчал, и вместе с ним до меня доносились крики моих преследователей, бежавших со стороны муниципалитета. Раздалось еще два или три выстрела, и одна пуля просвистела у меня над головой. Но я уже достиг другой стороны площади, а потом побежал по улице. Снег падал сплошной стеной и затруднял погоню тем, кто кричал за моей спиной. К тому же основная масса преследователей сгрудилась у входа в муниципалитет, и, за исключением юнца у военного мемориала, мне больше никто не встретился.

Я оказался на тихой и плохо освещенной улице за площадью. Этой дорогой, как я вспомнил, можно было добраться до дома Герда, где был припаркован мой автомобиль. Сев за руль, я мог доехать до правления округа и попросить защиты у шерифа. Но, подойдя осторожно к дому и увидев сквозь снегопад очертания машины, я услышал громкие голоса. Часть толпы разгадала мои намерения и пришла сюда, чтобы встретить меня.

Я побежал по боковой улочке, но они меня увидели.

— Вон он! — закричали они. — Хватайте его!

В стену дома, мимо которого я пробегал, угодило несколько пуль, и его хозяин, подскочивший к двери с протестующими криками, спустя мгновение присоединился к моим преследователям.

Я тяжело дышал, спотыкался, как и большинство преследовавших меня. Лишь трое или четверо из них, стройные, физически сильные молодые люди, догоняли меня и были уже совсем близко. С отчаянной решимостью я продолжал бежать, с трудом находя дорогу среди близко стоявших друг к другу домов, пролезая сквозь щели в заборах и пробираясь сквозь снежную пургу.

— Эй, да он держит путь в Рощу! — прохрипел кто-то недалеко за моей спиной.

— Ну и пусть, — проворчал другой. — Он пожалеет об этом.

И снова кто-то выстрелил, и снова пуля пролетела мимо. Поскольку перемещался я быстро, да к тому же меня почти не было видно в темноте и в снегопаде, я был плохой мишенью в этот вечер. И, подняв голову, я и вправду увидел густую Рощу Дьявола; верхушки деревьев раскачивались, точно черные волны разбушевавшегося моря.

Я бежал к Роще интуитивно, преследуемый криками толпы. За мной никто не последовал — держаться от Рощи подальше сделалось здесь всеобщей привычкой, едва ли не инстинктом. Даже если мои противники остановятся на минуту, я смогу найти убежище среди деревьев, перевести дыхание, а может, и скрыться здесь на неопределенное время. А Зоберг наверняка тем временем придет в себя и выступит против расправы над невиновным. Вот о чем я думал, когда бежал к Роще Дьявола.

На пути у меня оказалась еще одна изгородь. Я испугался было, что перед ней-то я и остановлюсь, — так быстро я бежал и настолько выбился из сил. Однако каким-то образом я перебрался через нее и, поскользнувшись, упал, но поднялся и, пригнувшись, побежал дальше. Деревья были уже близко. Еще ближе. В дюжине ярдов. За спиной я слышал проклятия и угрозы. Преследование наконец заканчивалось.

Я снова оказался перед стеной вечнозеленых растений. Это, наверное, и есть та изгородь, о которой мне рассказывала Сьюзен Герд. Протиснувшись сквозь переплетенные ветви, я пробежал пять или шесть шагов, отскочил от большого дерева, упал, поднялся, чтобы пробежать еще хоть немного, и тут, почувствовав, что ноги у меня будто ватные, снова рухнул на землю и пополз на руках и коленях. Наконец я упал лицом вниз. На меня навалился груз всего, что мне довелось испытать: медиумический сеанс, ужасная смерть Джона Герда, мой арест, побег из камеры и бегство.

«И я должен буду так лежать до тех пор, — рассеянно думал я, — пока они не явятся и не схватят меня?» И тут я услышал — или мне показалось, что услышал, — какое-то движение поблизости, потом раздался вибрирующий свист.

Сигнал? Это было похоже на песню маленькой лягушки. Странная мысль в такой снегопад. В голову лезут глупые мысли про лягушек, пока я лежу тут, уткнувшись лицом в снег.

Но где же снег?

Я ощущал сырость, но то была теплая сырость, как на берегу реки в июле. Носом я почувствовал запах зелени, парков и оранжерей. Я сжал кулаки, и в них были две горсти мягкого, рассыпчатого мха!

Я приподнялся на локтях. Перед моим носом раскачивался белый цветок, источая аромат.

Где-то далеко, точно в другом мире, я услышал, как завыл ветер, собирая снег в огромные сугробы, — но это было за пределами Рощи Дьявола.

VI. «Горящие глаза!»

Первое, что я сделал, когда поднялся, — это достал сигарету и закурил. Это кое-что доказывает, если говорить о человеческой природе и наркотической зависимости.

Огонек спички ненадолго высветил богатую зелень, окружавшую меня. Я будто оказался в субтропическом лесу. Спичка тотчас погасла, и светился теперь только кончик моей сигареты. Я поднял глаза, чтобы увидеть хоть кусочек неба, но увидел лишь темноту. Ветви с листьями образовывали крышу надо мной. Лоб у меня был мокрый от испарины.

Я поднес кончик сигареты к часам на руке. Казалось, они остановились, и я поднес их к уху. Они не тикали, — несомненно, они остановились: быть может, во время сеанса, а может, во время побега из тюрьмы, когда я бежал от толпы. Стрелки показывали восемнадцать минут девятого, но сейчас было, конечно, гораздо больше времени. Я вспомнил об электрическом фонарике, который уронил в столовой у Герда, но потом обрадовался, что у меня его нет, иначе меня могли увидеть те, кто оставался за пределами Рощи.

Впрочем, стоявшие плотной стеной кедры, другие деревья и кусты с обильной, как и должно быть, листвой навер-

няка укрыли бы и меня, и свет, который я мог бы зажечь. Теперь я чувствовал себя гораздо крепче и телом и духом, чтобы двинуться на ощупь вглубь Рощи. Наклонившись в одном месте, чтобы потрогать землю, я нащупал не только мох, но и мягкую траву. Вьющаяся лоза задела мое лицо. Она была влажная, точно от пребывания в густом тумане, и ее свежие цветочки казались в темноте похожими на маленькие бледные раструбы.

Звуки, похожие на кваканье, которые я услышал, когда в первый раз упал, продолжались безостановочно. Теперь они были еще ближе, и когда я повернулся туда, откуда они доносились, то увидел отблеск воды. Еще два осторожных шага, и моя нога погрузилась в сырую, теплую грязь. Я наклонился и опустил руку в крошечный ручей, почти такой же теплый, как воздух. Лягушка, чей покой я нарушил, замолкла.

Я чиркнул спичку, надеясь увидеть, куда идти дальше. Ручей был не шире трех футов, он медленно тек из глубины Рощи. В том направлении простирался низкий туман, сквозь который были тускло видны мокрые листья. С моей стороны берег был покрыт редкой растительностью, но на другом берегу буйно росли кусты, с листьев которых стекали капли воды. Держа спичку за самый кончик, я наклонился как можно ниже, чтобы получше рассмотреть землю под кустами.

Огонек высветил довольно большое пространство, и я, осматривая его, позволил себе вспомнить философское изречение Шекспира касательно свечи и добрых дел в злом мире[1], но философия и Шекспир тут же выскочили у меня из головы, ибо я увидел под кустами следы того, кто стоял за ними.

Их было всего две, этих ног, но мне ни на секунду не показалось, что они принадлежат человеку. Я видел жилистые ляжки и голени без икр, темные и волосатые. Пока я смотрел на них, они придвинулись, осторожно подошли поближе, будто их обладатель так же сильно хотел рассмот-

[1] Как далеко свеча бросает луч,
Так добрые дела блестят в злом мире!
(*У. Шекспир* Венецианский купец. Пер. Т. Щепкиной-Куперник).

реть меня, как и я его. Выронив спичку в ручей, я вскочил и попятился.

Ни у одного преследователя из города не могло быть таких ног.

У меня сердце застучало так, как оно не стучало даже во время бегства. Я схватился за нижнюю ветку какого-то дерева, чтобы отломать ее и защищаться ею, если в том будет нужда. Дерево оказалось гнилым и едва не крошилось у меня в руках.

— Кто там? — спросил я, но голосом весьма нетвердым, в котором прозвучал скорее страх, чем угроза.

Вместо ответа снова в кустах что-то зашуршало, и из-за них вышло нечто еще более темное, чем даже кусты.

Не стыжусь сказать, что я еще отступил, на этот раз подальше. Пусть меня осудит тот, у кого есть подобный опыт. Отступая, я воткнул несколько веток возле берега реки, обозначая границу между собой и этим пришельцем. Они, конечно, не отпугнут его, но на какое-то время могут озадачить. Меж тем я услышал плеск воды. Он медленно шел вброд — собирался преследовать меня.

Я поймал себя на том, что стою на просеке, и только потом задумался, как могла возникнуть просека в лесу, где никогда не бывают люди. Мне было удобно бежать по ней, и именно это я и сделал — пригнувшись, быстро побежал. Под ногами у меня, как и везде, был сырой мох, и я почти не производил шума. Про моего товарища, с которым я повстречался у ручья, этого не скажешь — я слышал, как кто-то большой с шумом продирается сквозь ветви. На бегу я принялся размышлять: что это за зверь? Я был уверен, что это зверь. Собака с чьей-нибудь фермы, которая не знает, что есть закон, согласно которому вход в Рощу Дьявола запрещен? То, что я разглядел только две ноги, не исключало того, что могли быть и еще две, заверял я себя, и я бы рад был, будь это большой дружелюбный пес. Но откуда мне было знать, что он дружелюбный? Однако остановиться и убедиться, что это так, я не решался.

Просека неожиданно повернула направо и привела на поляну.

И здесь ветви наверху не пропускали ни снег, ни свет, но вокруг было все-таки чуть посветлее. Я оказался точно

в комнате с земляным полом, с бревенчатыми стенами, с крышей, крытой листьями. Я вдохнул глубже — здесь было теплее и очень влажно. Вздохнув, я почувствовал какую-то безмятежность, мне даже показалось, будто пришло время над собой посмеяться. А что, в самом деле, я видел или слышал? В Роще я оказался после того, как меня чуть не пристрелили, а потом гнали по лесу, как собаки зайца, и я тотчас занялся выдумыванием новых страхов, хотя мне пока ничто не угрожало. «Выкури-ка еще одну сигаретку, — сказал я про себя, — и сдержи свое воображение; этого преследования, которое ты только что выдумал, и вовсе не было». Стоя в одиночестве на этой темной поляне, я улыбнулся, словно хотел придать себе уверенности. Даже то, что после снежной бури я оказался в теплой летней ночи, имело какое-нибудь естественное и, вероятно, простое объяснение. Я достал сигарету и закурил.

В этот момент я смотрел на заросший кустарником тунель, из которого я выбежал на поляну. Огонек от спички высветил две искорки в этом туннеле, две искорки, которые тайком преследовали меня. Это были горящие глаза!

Сигарета и спичка выпали у меня из рук. «Уж не побежать ли?» — мелькнула у меня мысль, но я тут же понял, что мне нельзя поворачиваться к этому существу спиной. Я застыл на месте и сжал кулаки.

— Кто там? — вскричал я, как и раньше, у ручья.

На этот раз я получил ответ. Это было глухое, шедшее прямо из груди урчание — то ли рык, то ли выкрик. На просеке появилась тень, которая вытянулась вверх, да так близко от меня, что я почти мог коснуться ее рукой.

Я уже видел однажды этот силуэт, уродливый, с островерхими ушами. В столовой Джона Герда.

VII. «Неужели это существо было таким косматым?»

Оно не сразу на меня напало, иначе тотчас бы убило меня, как Джона Герда, и этот рассказ пришлось бы дописывать кому-то другому. Пока оно осторожно приближалось ко мне, я смог подготовиться к защите. Я также раз-

глядел его подробнее, прибавив от страха несколько деталей.

Его сгорбленная спина и узкие плечи не говорили о слабости, намекая скорее на нечеловеческий объем костей и мышц в задней части тела. Поначалу существо приближалось пригнувшись, точно на четвереньках, но потом приподнялось. Все его конечности были согнуты, и, вытянувшись, оно оказалось значительно выше меня ростом. Верхние конечности — я не могу назвать их руками — были воздеты, и существо вопросительно глядело на меня.

Я отступил на шаг, продолжая смотреть на своего противника.

— Это ты убил Герда! — обвинил его я; впрочем, в моем голосе слышалось напряжение и пару раз он сорвался. — Давай же убивай теперь и меня! Обещаю тебе: ты дорого за это заплатишь!

Существо тоже отступило, словно поняло мои слова и испугалось их. Его голова, которую я не мог толком разглядеть, низко повисла впереди этих сгорбленных плеч и ритмично покачивалась, точно голова змеи перед броском. Сейчас что-то будет, я это знал.

— Ну, давай же! — продолжал я. — Чего ты ждешь? Я не прикован наручниками, как Герд. Я тебе сейчас устрою!

Я сжал кулаки, встав в боксерскую стойку. Темное пятно сорвалось с места, откуда-то изнутри у него вырвалось рычание, и оно бросилось на меня.

Мне показалось, будто оно выбросило вперед лапы, дернуло головой из стороны в сторону и обнажило длинные зубы, готовые вонзиться в мое горло. Быть может, оно собиралось схватить меня за плечи своими пальцами — пальцы у него были, я это почувствовал во время сеанса. Но и в эти напряженные секунды я сумел замыслить свой план действий. Я выставил вперед левую ногу, а левым кулаком постарался попасть в его морду. Костяшки моих пальцев ударились в огромные, нечеловеческие зубы, удар я нанес ему правой, вложив в него вес всего тела. Удар пришелся сбоку, в самую бровь, — я почувствовал, что попал в кость. Тело отлетело в левую сторону. Я снова принял правостороннюю стойку.

— Еще хочешь?! — вызывающе произнес я, как будто передо мной был человек, которого я только что сбил с ног.

Существо недолго переживало неудачу. Мои удары сбили его с ног, но едва ли оказались чувствительными. Я услышал сопение, точно удар в морду причинил ему боль, но существо снова бросилось в мою сторону — без предупреждения и с необыкновенной скоростью.

На сей раз я не сумел толком подготовиться. Попытался было отпрыгнуть назад, но не был достаточно ловким. Чудовище схватило меня за лацканы куртки и, бросив на землю, навалилось всем весом. Я почувствовал, как земля ушла у меня из-под ног, и я уже лежал на лопатках. Инстинктивно я попытался схватить его правой рукой за глотку, но ухватил лишь кожу, обвисшую и шершавую. Своей левой рукой, тоже инстинктивно, я попытался смягчить падение. Она уперлась во что-то твердое, круглое и гладкое.

Запах гнили, который я почувствовал еще во время сеанса, окутал меня, точно покрывалом, а лязгающие зубы приближались все ближе и ближе. Но камень в моей левой руке подал неожиданную надежду. Даже не пытаясь выбраться из-под существа, я ударил его этим камнем. Поскольку я держал его за волосатую глотку, то точно определил, где голова. Еще мгновение, и навалившаяся на меня масса обмякла от удара. Сбросив ее с себя, я поднялся на ноги.

Чудовище лежало неподвижно там, где я сбросил его с себя. Нервы мои по-прежнему были напряжены, но я наклонился. Я поднял руку с камнем, чтобы нанести еще один сокрушительный удар, но лежавшее существо казалось уже неспособным продолжать борьбу. Я слышал только прерывистое дыхание, точно существо сильно страдало.

— Лежи, где лежишь, ты, убийца! — предупредил я. В голосе моем появилась уверенность, ибо я понимал, что победил. — Если сдвинешься, проломлю тебе череп!

Нащупав в кармане спичку, я зажег ее о подошву ботинка. Потом наклонился, чтобы получше разглядеть противника.

Неужели это существо было таким косматым? Теперь, когда я разглядывал его, оно, казалось, лишь местами было покрыто шерстью. Кончики ушей тоже показались мне не такими острыми, а морда не такой...

Да это же наполовину человек! Чем больше я всматривался в него, тем больше находил в этой распластавшейся на земле фигуре человеческого! В некоторых местах не было шерсти; уж не одежду ли я на нем увидел — точно прорехи в медвежьей шкуре?

В голове у меня все перемешалось. Страх, который владел мною всю ночь, вдруг лишил меня рассудка. Я снова побежал, но на этот раз не думая о том, куда я бегу или что собираюсь делать. Запретная Роща, которая еще недавно казалась мне убежищем, кишела зловещими тварями. Я добежал до края поляны и оглянулся. Существо, которое я свалил, начинало шевелиться и потихоньку вставать. Я побежал от него, точно от дьявола.

Каким-то образом я снова оказался у ручья, а может, то был другой ручей. Течение в этом месте было более быстрое, и рокочущее журчание воды разносилось далеко вокруг. Я попытался перепрыгнуть через ручей, но не рассчитал, и у меня перехватило дыхание от неожиданной боли, ибо вода была обжигающе горячей. Таковы воды ада...

Не могу вспомнить, как я бежал по этому дымящемуся болоту, которое, возможно, было частью сада самого Сатаны. Где-то по пути я подобрал крепкую, толстую ветку, которую можно было использовать как дубинку. Взяв ее в руку, я остановился. «А что если, — пришла мне в голову довольно глупая мысль, — вернуться той же дорогой, чтобы сойтись в решающем поединке с этим косматым существом? А если он предвидит мое возвращение и поджидает меня?» Я уже знал, как быстро он может прыгать, как крепка его хватка. Если мы сойдемся близко, моя дубинка будет бесполезна, а его зубы могут найти свою цель. Я отбросил это желание, родившееся сам не знаю из каких примитивных начал во мне, и поспешил вперед.

Неожиданно передо мной оказались вечнозеленые растения, сквозь которые струился холодный воздух. Край Рощи, а за ним — снег и небо и, возможно, снова преследование толпы. Но лучше смерть от неправедного людского суда, чем...

Чьи-то ноги хлюпали по болоту там, откуда я прибежал.

Я резко развернулся, громко выругавшись, и поднял над головой дубинку, готовясь ударить ею. Большой темный си-

луэт, который уже наваливался на меня, приблизился еще на один шаг, но остановился. Я прыгнул на него, ударил, но он увернулся.

— Ладно, давай разберемся, — выдавил я из себя. Голос не повиновался мне. — Ну-ка, покажи мне свое лицо.

— Я здесь не для того, чтобы драться с вами, — заверил меня добродушный голос. — Да и спорю я редко, разве с испытанными друзьями.

Я расслабился немного, но дубинку не опускал.

— Кто ты?

— Судья Кейт Персивант, — ровно отвечал мне голос, как будто я только что не пытался убить кого-то. — А вы, должно быть, тот самый молодой человек, которого так хотят повесить там, в городе. Так?

Я не отвечал.

— Молчание — знак согласия, — продолжал незнакомец. — Что ж, добро пожаловать в мой дом. Роща находится между моим домом и городом, и хотя бы ночью нас никто не потревожит.

VIII. «Я вас чуть не убил»

Когда мы с судьей Персивантом вышли из Рощи, снег перестал идти и в разрыве между облаками светила полная луна, а сахарные сугробы, казалось, были посыпаны бриллиантовой пудрой. При свете луны я разглядел своего попутчика получше — это был человек очень высокого роста, крупный. На нем были широкополая черная шляпа и широкое серое пальто. Лицо судьи Персиванта было круглое как луна, во всяком случае сверкало так же, но смотреть на него было куда приятнее, чем на луну. На лице выделялся широкий луковицеобразный нос и широко расставленные луковицеобразные же глаза, а за висячими светлыми усами, казалось, прячется улыбка. Очевидно, происходящее доставляло ему удовольствие.

— Я не из той толпы, — заверил меня Персивант. — Эти городские развлечения не для меня. Я оставил все это далеко в прошлом, когда перестал заниматься политикой и прак-

тиковать... десять лет назад, на севере, я активно всем этим занимался... пока не увлекся медитацией.

— Я слышал о вашем затворничестве, — сказал я.

— И правильно слышали. Мой чернокожий слуга ходит в магазин и приносит мне сплетни. По большей части они раздражают меня, но сегодня, когда я услышал о вас и об убийстве Джона Герда...

— Вы стали искать меня?

— Разумеется. Между прочим, это было разумным побуждением — броситься в Рощу Дьявола.

Я задрожал, но не от холодной ночи. Он сделал знак, чтобы я поторапливался, и мы живее зашагали по мягкому снегу по направлению к далеким огням в тени холма. Я меж тем рассказал ему кое-что о своих недавних приключениях, оставив напоследок борьбу с чудовищем в Роще.

Он выслушал меня, посвистывая сквозь зубы время от времени. В конце моего рассказа он пробормотал себе под нос:

— «И косматые будут скакать там...»

— Что вы сказали, сэр? — спросил я, невежливо перебив его.

— Я процитировал пророка Исаию. Он говорил о разрушенном Вавилоне, и говорил верно, если отбросить в сторону рассказ о странном происшествии в далекой жаркой стране. Речь идет о сатанинском празднике. «И косматые будут скакать там».

— Исаия, говорите? Я когда-то читал Библию, но что-то не помню такого места.

Он искоса посмотрел на меня.

— Но я перевожу непосредственно с оригинала... мистер Уиллс, так ведь? А в оригинале — древнееврейский язык пророка Исаии. У придерживавшихся классических канонов составителей Библии короля Якова[1] танцуют сатиры,

[1] Библия короля Якова — перевод Библии, начатый по инициативе короля Англии и Шотландии Якова (1566—1625). Библия в новом переводе вышла в свет в 1611 году и до сих пор является одной из самых популярных Библий, переведенных на английский язык, из-за простоты и поэтичности языка. Существовали и последующие переводы Библии, осуществленные приверженцами протестантских доктрин, очевидно более упрощенные. — *Прим. ред.*

а в прозаической, «исправленной» версии мы находим нечто *поразительное* — овец. Но Исаия, как и все древние, знал, что речь идет о «косматых». Возможно, сегодня вы повстречали интересного представителя этой породы.

— Не хотелось бы мне встретиться с ним еще раз, — признался я, и меня снова охватила дрожь.

— Об этом мы поговорим позднее. А что вы думаете о турецкой бане, в которой только что побывали?

— Сказать по правде, не знаю, что и думать. Вечнозеленые растения и тропическая температура, а неподалеку идет снег...

Он махнул рукой с таким видом, будто ничего загадочного в этом нет.

— Пусть это вас разочарует, но разгадка простая, мистер Уиллс. Горячие источники.

Я остановился как вкопанный.

— Что?! — вскричал я.

— Да я был там много раз, невзирая на местные обычаи и закон. Видите ли, я ведь не местный. — И он снова одарил меня теплой улыбкой. — Там по меньшей мере три источника, а деревья, которые растут близко друг к другу, создают естественный купол, удерживающий влагу и теплоту. Это не единственное место такого рода на свете, мистер Уиллс. А вот что это было за существо, которое вы там встретили, объяснить чуточку труднее. Идемте домой — мы оба почувствуем себя лучше, когда присядем.

Через полчаса мы закончили путешествие. Дом судьи Персиванта был сложен из бревен и чем-то напомнил мне дома, которые я видел в Англии. Внутри большая комната с низким потолком, с которого свешивалась масляная лампа. В открытом очаге радушно горел огонь. Поприветствовать нас лениво вышел толстый серый кот. Широкая добродушная морда, большие глаза и свисающие усы делали его несколько похожим на хозяина.

— Лучше снимите с себя верхнюю одежду, — посоветовал судья и, возвысив голос, прибавил: — Уильям!

Из двери, которая вела во внутренние покои, вышел приземистый негр с темной, как сажа, кожей.

— Принеси-ка халат и тапочки для джентльмена, — повелел судья Персивант и сам помог мне снять грязную куртку.

Я с благодарностью освободился и от некоторых других предметов одежды и, когда появился слуга с халатом, с облегчением надел его.

— Я в ваших руках, судья Персивант, — сказал я. — Если хотите передать меня общественному совету...

— Я мог бы передать вас офицеру, — прервал меня судья, — но не толпе, жаждущей самосуда. Но лучше вам пока посидеть здесь и побеседовать со мной.

Близ огня был письменный стол, по обе стороны от которого стояли кресла. Мы сели в них, и Уильям, отнеся мои мокрые вещи, вернулся с подносом, на котором красовались бутылка виски, сифон и стаканы. Судья смешал два коктейля и протянул один мне. По его просьбе я рассказал о сеансе и о событиях, предшествовавших ему.

— Замечательно, — задумчиво произнес судья Персивант и посмотрел на меня своими проницательными глазами. — Но давайте не будем на этом останавливаться, мистер Уиллс. Знаю, вы устали, но мне бы хотелось поговорить о ликантропии[1].

— О ликантропии? — переспросил я. — Вы имеете в виду науку об оборотнях? — Я улыбнулся и покачал головой. — Боюсь, что это не по моей части, сэр. Да и потом, тут не было никакого колдовства — обыкновенный спиритический сеанс с эктоплазмой.

— Гм! — произнес судья. — Колдовство, спиритизм! А вам никогда не приходило в голову, что это может быть одно и то же?

— Поскольку я никогда не верил ни в то, ни в другое, то не приходило.

Судья Персивант допил свое виски и вытер усы.

— Простите мою откровенность, но скептицизм вам совсем не к лицу, мистер Уиллс. Как бы там ни было, вы и в самом деле видели нечто похожее на оборотня не более часа назад. Разве не так?

— То был какой-то трюк, — стоял я на своем.

---

[1] Ликантропия — мифическая болезнь, при которой больной превращается в зверя.

— Трюк, в результате которого вас едва не убили и вы бросились бежать изо всех сил?

Я покачал головой.

— Я знаю, что что-то видел, — согласился я. — Даже дотронулся до него. — Я посмотрел на костяшки пальцев своей правой руки. — И тем не менее меня обманули, а мага не проведешь. Оборотней не бывает.

— А вы выпейте, — сказал судья Персивант так, будто я еще и глотка не сделал. И своими большими ловкими руками он налил в мой стакан виски, потом содовой и размешал содержимое. — Ну вот, — продолжал он, снова откидываясь в кресле, — а теперь самое время о многом поговорить.

Он помолчал, а я, глядя на него поверх столь желанного стакана, думал о том, как сильно он похож на светло-розового моржа.

— Я собираюсь вам доказать, — объявил он, — что человек может превратиться в зверя и снова стать человеком.

IX. «Он обречен стать жертвой...»

Он потянулся к книжной полке, находившейся рядом, поискал что-то с минуту, потом положил на стол, стоявший между нами, два объемистых тома.

— Будь это выдуманная история, мистер Уиллс, — произнес он, едва заметно улыбаясь, — то это была бы невероятно редкая книга, в которой раскрываются — настолько блестяще и убедительно, что и возразить нечего, — ужасные секреты Вселенной, а также прошлого, настоящего и будущего. — Умолкнув, он протер пенсне и водрузил его на свой широкий нос. — Однако, — продолжал он, — это реальность, настоящая реальность, пусть и вызывающая тревожные чувства. И я предлагаю вам не что-нибудь забытое и непонятное из мистического прошлого, а два тома признанных и знакомых авторов.

Я посмотрел на книги:

— Можно взглянуть?

Вместо ответа он протянул мне через стол одну из книг в синем переплете, толщиной страниц шестьсот.

— «Тридцать лет физических исследований» покойного Шарля Рише, французского эксперта в области изучения духа, — сказал он. — «Добросовестно и не без интереса переведено Стэнли де Брэзтом. Опубликовано здесь, в Америке, в 1923 году».

Я взял книгу и раскрыл ее.

— Я знал профессора Рише, правда не очень близко. Много лет назад, когда я только начал увлекаться всем этим, он развлекал меня в Лондоне. Это он познакомил меня с Конан Дойлем.

— Тогда вы, должно быть, знакомы и с этой книгой. Да? Что же до второй, — и он взял в руки другой том, почти такой же большой, как том Рише, и переплетенный в бычью кожу изящной выделки, — то ее автор — Монтегю Саммерс, которого я называю первым демонологом сегодняшнего дня. Он собрал все что можно о превращении человека в зверя.

Я читал «Географию колдовства» мистера Саммерса и два его эссе о вампирах, о чем и позволил себе сказать.

— Это сопроводительный том к ним, — сказал судья Персивант, открывая книгу. — Называется «Оборотень». — Он осмотрел форзац. — Опубликовано в тысяча девятьсот тридцать четвертом году — видите, весьма современная книга. А вот тут кое-что по-латыни, мистер Уиллс: Intrabunt lupi rapaces in vos, non parcentes gregi...

Я сдвинул брови, пытаясь вспомнить латынь, которую учил в колледже, потом начал медленно переводить, слово за словом: «Войдите, голодные волки...»

— Оставьте свою ученость, — перебил меня судья Персивант. — Это более раннее Писание, хотя и не такое раннее, как тот кусок про косматых — отрывок из Вульгаты[1]: Деяния святых апостолов, двадцатая глава, двадцать девятый стих. «...Войдут к вам лютые волки, не щадящие стада». Очевидно, эта волнующая возможность существует и сегодня. — Он полистал книгу. — А знаете, — спросил он, — что Саммерс приводит буквально дюжины примеров ликантропии, случаи, которые действительно происходили?

Я глотнул виски с содовой.

[1] Латинский перевод Библии IV века.

— Разумеется, все это легенды.

— Ничего подобного! — От искреннего возмущения глаза судьи расширились еще больше, и он возбужденно постучал указательным пальцам по книге. — В главе об одной только Франции приводятся четыре великолепных случая — их рассказывали под присягой, рассматривали в судах и выносили по ним приговоры...

— Но разве это было не в Средние века? — спросил я.

Он покачал своей большой головой:

— Нет, в шестнадцатом веке. Вершина эпохи Возрождения. О, не улыбайтесь, мистер Уиллс. Этот век дал Шекспира, Бэкона, Монтеня, Галилео, Леонардо, Мартина Лютера; Декарт и Спиноза были его законными детьми, а Вольтер основывался на этом веке. И тем не менее оборотней знали, видели, их осуждали...

— Осуждали на каком основании? — быстро перебил я его.

И мне передалось его воодушевление.

В поисках ответа он перевернул еще несколько страниц.

— Вот полный отчет о случае Стабба Питера или Питера Стампфа, — сказал он. — Свидетельство современника, в нем рассказывается о том, как Стампф был волком, потом человеком, о том, как его застали в самый момент трансформации, о его признании и казни — все это произошло около Кёльна в тысяча пятьсот восемьдесят девятом году. Послушайте. — И он громко начал читать: — *«Засвидетельствовали, что это правда: Тайс Артин, Уильям Бривор, Адольф Штедт, Георг Борс. С разными другими, которые видели то же».* — Захлопнув книгу, он посмотрел на меня, и в его глазах за стеклами очков вновь блеснули огоньки. — Ну, мистер Уиллс? Как вам эти имена?

— Нормальные имена честных немецких граждан.

— Вот именно. Честных, уважаемых, солидных. И их свидетельства не будешь воспринимать со смехом, даже по прошествии времени, так?

Благодаря его убежденности я буквально увидел перед собой этих свидетелей — в кожаных куртках и широких штанах, с тяжелыми челюстями и глядящими искоса глазами; они по очереди берут друг у друга перо, чтобы поставить свою подпись под этим странным документом. «С разными

другими, которые видели то же», — может, те были слишком напуганы, чтобы держать перо или ставить свою подпись...

— И тем не менее, — медленно проговорил я, — Германия эпохи Возрождения, шестнадцатый век... С тех пор произошло так много перемен.

— То есть вы хотите сказать, что оборотни вышли из моды? Значит, вы допускаете, что, возможно, они все-таки существовали. — Персивант буквально светился от восторга. — Ведь и бороды вышли из моды, но они снова будут модными, если мы откажемся от бритв. Давайте посмотрим на это с другой стороны. Давайте сейчас поговорим о материализме — об эктоплазме. — Он расслабился и, сложив руки на коленях, принялся постукивать кончиками пальцев друг о друга. — Может, вы объясните коротко и ясно, что нужно понимать под эктоплазмой?

Я обратился к концу книги Рише:

— Здесь об этом есть, судья Персивант. Если говорить коротко и ясно, как вы выражаетесь, то некоторые медиумы, очевидно, выделяют неклассифицированный материал под названием эктоплазма. Поначалу легкий и парообразный, он твердеет и принимает форму либо на теле медиума, либо как самостоятельное и живое существо.

— И вы не верите в это явление? — спросил он довольно настойчиво.

— Я никогда не говорил, что не верю, — честно ответил я, — даже до того, как опыт сегодняшнего вечера едва не убедил меня в обратном. Но те примеры, которые я видел, заставили меня почувствовать, что здесь не хватает настоящего научного наблюдения. При всем своем увлечении наукой большинство исследователей слишком уж сильно верят.

И судья Персивант затрясся от смеха.

— По большей части это врачи, и эта их честность — профессиональный недостаток, заставляющий их искать его в других. Вы — прошу прощения — маг, профессиональный обманщик, и вы ждете обмана от всех, кого встречаете. Может, на этих сеансах должен присутствовать хороший адвокат с ясной головой и знанием того, что с обеих сторон существуют весомые материальные доказательства, а?

— Вы совершенно правы, — честно признался я.

— Но, возвращаясь к предмету, что еще можно сказать об эктоплазме? То есть если она действительно существует?

Я нашел в книге Рише место, которое искал:

— Здесь говорится, что в редких случаях были сохранены кусочки эктоплазмы и некоторые из них рассматривались под микроскопом. Были обнаружены следы жирной ткани, бактериальные формы и эпителий.

— Ага! Это находки Шренка-Нотцинга. Основательный муж, блестящий ученый, которого трудно подкупить или провести. Значит, эктоплазма — органическое вещество, так?

Я согласно кивнул, и мне показалось, что голова у меня потяжелела, точно переполнилась серьезными и важными материями.

— Что касается меня, — продолжал я, — то я никогда не имел возможности исследовать это вещество. Как только я хватаю эктоплазмическую руку, она тает, как масло.

— Обычно так и бывает, — согласился судья, — во всяком случае так говорится во всех отчетах. И тем не менее на самом деле они твердые и сильные, когда касаются или хватают сами.

— Именно так, сэр.

— Вот когда их хватают или пугают, как, например, в том случае, когда снимают фотоаппаратом со вспышкой, тогда эктоплазма исчезает или реабсорбируется, так? — продолжал он.

— Так говорит здесь Рише, — согласился я еще раз, — да и мне это известно.

— Очень хорошо. А теперь, — и он заговорил едва ли не официальным тоном, — подведем итоги. Эктоплазма выделяется некоторыми спиритами-медиумами, которые таинственным образом адаптируются для нее при благоприятных условиях, включающих темноту, тишину, уверенность в себе. Она принимает форму, изменяет внешность медиума или превращается в самостоятельное тело. Оно твердое и сильное, но исчезает, когда на него нападают или когда оно испытывает страх. Пока я излагаю все верно?

— Так, — подтвердил я.

— Теперь замените слово «медиум» словом «волшебник». — У него на лице снова расползлась улыбка, и он

принялся смешивать очередную порцию напитков. — Волшебник в темноте, тишине, будучи намерен изменить образ, выделяет материал, который придает ему новый образ и поведение. Возможно, он примет образ животного, чтобы соответствовать злому или отчаянному духу, который находится в нем. У него может появиться обвисшая шкура, острая морда, лапы с когтями и выступающие клыки. Напуганная жертва обречена. Но если у него смелый противник, готовый сразиться с ним... — Он полистал книгу Саммерса, как я только что листал книгу Рипе. — Вот, послушайте: «...образ оборотня исчезнет, если его назвать оборотнем, или трижды произнести его христианское имя, или трижды стукнуть ножом по лбу, или взять три капли крови». Видите параллели? Если на него крикнуть, бросить ему смелый вызов или слегка ранить, то псевдозвериная суть покинет его. — Он воздел руки, точно обращался к присяжным. — Удивительно, что никому это еще в голову не приходило.

— Но ничто столь противное природе не имеет такого естественного объяснения, — возразил я, и мне показалось, что эта фраза прозвучала очень глупо.

Он рассмеялся, но я не мог винить его в этом.

— Озадачу вас еще одним примером из вашего недавнего опыта. Что может быть более противное природе, чем тепло и зелень в Роще Дьявола? А что может быть более естественным, чем горячие источники, которые делают это возможным?

— И вместе с тем звериный образ, морда на человеческом лице, лапы на человеческих руках...

— Могу подтвердить это другими рассказами об оборотнях. Мне даже не нужно открывать Саммерса, все слышали этот рассказ. Волк нападает на путешественника, и тот отрубает ему мечом лапу. Зверь воет и убегает прочь, а оставленная им лапа превращается в человеческую руку.

— Это старая легенда, она существует почти у всех народов.

— Наверное, потому, что это происходило не так уж редко, как нам кажется. Вот вам и человеческая рука — на ней появляется лапа, а потом она исчезает, точно раненая экто-

плазма. И где здесь уязвимое место, Уиллс? Скажите мне, бросьте мне вызов.

Я почувствовал, как у меня задрожала рука, державшая стакан, и холодок пробежал по моей спине.

— Есть такое место,— заставил я себя заговорить.— Быть может, вам это покажется и чем-то неубедительным, казуистикой. Но эктоплазма принимает человеческий образ, а не образ животного.

— Откуда вы знаете, что она не принимает образы животных? — Судья Персивант подался вперед.— Потому что у тех немногих образов, которые вы видели, не поверив в них, были человеческие лица и тела? Мой ответ вон там, у вас в руках. Откройте книгу Рише на странице пятьсот сорок пять, мистер Уиллс. Страница пятьсот сорок пять... нашли? А теперь прочитайте громко параграф, который я отметил, о медиуме Буржике.

Он снова с видимым удовольствием откинулся в кресле. Я нашел указанное им место, подчеркнутое карандашом, и послушно начал читать негромким голосом:

— «Кто-то дернул меня за ногу, и потом мне на колени взобралось нечто странное, бесформенное, с лапами, какие есть у собаки или у небольшой обезьянки. Я чувствовал его вес, очень легкий, и что-то вроде морды животного коснулось моей щеки».

— Вот видите, Уиллс! — воскликнул судья Персивант.— Обратите внимание, что это произошло в Варшаве, близко от сердца страны оборотней. Гм, да пока вы это читали, даже вспотели немного — вспомнили о том, что видели в Роще Дьявола, да?

Я закрыл книгу и положил ее на стол.

— Вы почти убедили меня,— признался я.— Однако лучше бы у меня было суеверие крестьянина, над чем я всегда смеялся.

— Выходит, разумный подход не помог? Но ведь когда я рассказал вам о Роще Дьявола и источниках, он сработал?

— Но горячие источники не бегают за вами с острыми зубами. И, как я уже говорил, у крестьянина есть защита, которой недостает ученому,— он верит в распятие и в Библию.

— А почему у него не может быть такой веры и почему такой веры не может быть у вас? — И судья снова принялся листать книгу. — Этот символ веры дает ему то, что ему необходимо, — отвагу, с которой он отражает угрозу, будь то оборотень или эктоплазма. Вот, друг мой.

Он положил на стол третью книгу. Это была Библия, с красным обрезом, в кожаном переплете, весьма потрепанная.

— Пока допиваете, прочитайте вот это, — сказал он. — «Евангелие от Иоанна» — то, что нужно, здесь уже отмечено. Сделайте вид, что вы крестьянин, жаждущий спокойствия.

Точно послушный ребенок, я открыл Библию в том месте, где между страницами лежала полинявшая пурпурная ленточка. Но судья Персивант уже читал по памяти:

— «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть...»

X. «Жажда крови и сочувствие»

Это может показаться невероятным, но этой ночью я спал как ребенок — на то были причины.

Во-первых, на меня навалилась усталость после безумной погони, мрачных чудес в Роще Дьявола, схватки с монстром и чудесного избавления от всех этих ужасов судьей Персивантом, во-вторых, виски и доводы Персиванта сделали свое дело, и наконец, кожаная кушетка в его кабинете — на ней было так удобно лежать, что она сама по себе служила снотворным. Он дал мне два одеяла, очень теплых и очень легких, и оставил меня одного. Я упал и не пошевелился, пока меня не разбудили приготовления к завтраку.

Уильям, слуга судьи, тщательно вычистил мою одежду. На моих сапогах также не осталось следов грязи, хотя на ощупь они были еще холодные и влажные. Сам судья дал мне чистую рубашки и носки — и то и другое было мне весьма велико, — а также снабдил бритвой.

— Ночью заходил кое-кто из ваших друзей, — сухо сообщил он мне.

— Друзей?

— Да, из города. Пятеро, с веревками и ружьями. Они весьма определенно заявили, что собираются украсить флагшток на главной площади вашим трупом. Состоялся также неформальный разговор насчет того, чтобы выпить вашей крови. У нас тут, похоже, есть не только оборотни, но и вампиры.

Я едва не порезался бритвой.

— Как вам удалось от них избавиться? — быстро спросил я. — Они, наверное, шли по моим следам.

— К счастью, после того как мы добрались до дому, снег продолжал идти, — ответил он, — и они зашли просто проверить. Должно быть, они побывали в каждом доме на несколько миль вокруг. А выставить их было делом легким. Я выказал дикий энтузиазм насчет поисков и спросил, не могу ли я к ним присоединиться.

Он улыбнулся, вспоминая об этом, при этом его усы весьма добродушно шевелились.

— И что потом? — спросил я, намыливая щеку.

— Да они были только рады этому. Я взял ружье и несколько часов ходил по следу. Мы вас нигде не нашли, поэтому и вернулись в город. Там царит волнение, можете не сомневаться.

— Какое волнение?

— Жажда крови и сочувствие. Поскольку констебль О'Брайант ранен, на стражу спокойствия добровольно заступил его младший брат, ярый поборник того, чтобы вас немедленно схватили и предали казни. Он действует на основании старого постановления своего брата, без жалованья, в качестве его заместителя. Он сообщил совету — это группа особенно сильно напуганных людей, — что обратился за помощью в администрацию округа, но я уверен, что ничего подобного он не делал. Тем временем Роща Дьявола окружена скаутами, которые надеются, что им удастся схватить вас, когда вы будете тайком оттуда выбираться. А женщины ухаживают за Сьюзен Герд и вашим другом, герром доктором.

Я закончил бриться.

— А как доктор Зоберг? — спросил я, вытираясь полотенцем.

— Еще не пережил потрясение. Я хотел было повидаться с ним, но сейчас это невозможно. Как я понял, вечером он

выходил ненадолго, но едва не лишился сил. Сейчас он окружен сердобольными старыми дамами, которые потчуют его супом и травяным чаем. Мисс Герд чувствовала себя гораздо лучше и немного поговорила со мной. Я не в очень хороших отношениях с горожанами; люди считают, что жить одному — недостойно, хотя на самом деле я не даю им возможности сплетничать обо мне. Поэтому я был приятно удивлен, когда услышал доброе слово от мисс Сьюзен. Она сказала мне — очень тихо, потому что нас могли услышать, — что надеется, вас не поймали. Она уверена, что вы не убивали ее отца.

Мы прошли в столовую, где Уильям предложил нам лепешки, жареный бекон и самый крепкий черный кофе, который я когда-либо пробовал. Неожиданно я положил вилку и посмотрел на судью. Он улыбался, поглядывая на меня поверх чашки.

— Ну, мистер Уиллс? Посетила неожиданная мысль? — (Строка из Браунинга.) — Или нашло вдохновение?

— Вы сказали, — напомнил я ему, — что Сьюзен Герд уверена, что я не убивал ее отца.

— Да, сказал.

— Это ее слова. И она была спокойной, уравновешенной, вместо того чтобы скорбеть о...

— Ну же, ну! — Он молча положил себе на тарелку с полдюжины лепешек и обильно полил их сиропом. — Это не очень великодушно с вашей стороны, мистер Уиллс, подозревать ее в отцеубийстве.

— А разве я это хотел сказать? — возразил я, чувствуя, как у меня краснеют уши.

— Именно это вы и сказали бы, если бы я не оборвал вас, — осуждающе проговорил он и отправил большую лепешку себе в рот.

Пережевывая ее, он поглядывал на меня сквозь пенсне, и я чувствовал себя необъяснимо глупо.

— Если бы Сьюзен Герд действительно убила своего отца, — продолжал он, проглотив кусок, — то она вела бы себя театрально — плакала бы, клялась отомстить убийце и была бы рада услышать, что кого-то еще обвиняют в преступлении. Даже выдумала бы подробности, чтобы можно было обвинить кого-то другого.

— А может, она не знает, что это она убила его, — высказал я предположение.

— Может, и так. Вы хотите сказать, что после перевоплощения оборотень — или эктоплазмический медиум — может поселиться и в мозгу, а не только в теле?

Я согласно качнул головой.

— Тогда Сьюзен Герд, будучи нормальной, невиновна. Да будет вам, мистер Уиллс! Вы же не станете обвинять бедного доктора Джекила в преступлениях его alter ego, мистера Хайда?

— Но я не хотел бы жить в одном доме с доктором Джекилом.

Судья Персивант разразился громким смехом. Уильям, вошедший с кухни с очередным подносом, едва не выронил его.

— Весьма легкомысленный подход к области психических исследований! — проговорил судья, глядя мне в глаза.

Я напрягся, вне себя от гнева:

— Судья Персивант, я вовсе не это имел в виду...

— Знаю, вы этого не сказали, но я сам подвел вас к этому. Значит, вас смущает не мысль о том, что она, вероятно, бессознательно совершила преступление, для вас важнее, с кем вы имеете дело. — Он вдруг перестал смеяться. — Простите меня, Уиллс. Прошу прощения. Мне бы не следовало над этим смеяться, да и вообще это весьма серьезное дело, чтобы вызывать смех.

Я и не собирался обижаться на человека, который спас меня и предоставил мне кров, что и сказал ему. Мы закончили завтракать, и он потянулся за пальто и широкополой шляпой.

— Я снова ухожу в город, — объявил он. — Мне нужно уладить там пару дел — ради вашей же безопасности и к вашему удовольствию. Вы не против, если я оставлю вас одного? У меня в кабинете много интересных книг. Возможно, вы пожелаете полистать «Рассуждения» Дома Кальме, если вы читаете по-французски; еще у меня есть довольно неряшливая «Библия нечестивых», подписанная Пьером Деланкром. Дж. У. Уиквор, эксперт по части магии, считает, что таковая не существует, но мне известны еще два автора.

Или если вы полагаете, что с вас хватит в жизни демонологии, то найдете здесь целый ряд легких романов, включая почти всего П. Г. Вудхауза[1]. — Он поднял руку в знак прощания. — Уильям даст вам все, что нужно. У меня на столе табак и трубки. Виски тоже есть, хотя вы не кажетесь мне человеком, который выпивает до полудня.

И с этими словами он ушел. Я смотрел ему вслед в окно. Он уверенным шагом подошел к гаражу, открыл дверь и вошел в него. Скоро оттуда появился «седан», старый, но в хорошем состоянии. За рулем сидел судья. Он поехал по заснеженной дороге по направлению к городу.

Я не знал, что вызывало у меня наибольшую зависть к нему, — то ли его ученость, то ли уверенность в себе, то ли добродушие. Уверенность, решил я тотчас же. Потом я подумал о том, что он ведь не находится в такой неловкой ситуации, в какой оказался я. Он всего лишь сочувствующий союзник — но с чего вдруг? Я попытался проанализировать его мотивы, но не смог.

Устроившись в кабинете, я увидел на столе книгу Монтегю Саммерса об оборотнях. Она была раскрыта на странице 111, и мой взгляд тотчас упал на абзац, подчеркнутый чернилами, — очевидно, это было сделано какое-то время назад, поскольку чернила немного выцвели. Там была цитата из «Восстановления поврежденного ума» Ричарда Роулэндса, написанного в 1605 году:

«...оборотни — своего рода волшебники, которые, смазав свое тело мазью, которую они делают по дьявольскому инстинкту, и приняв определенный волшебный образ, не только предстают в глазах других как волки, но и сами думают, будто по природе и подобию они волки, и так думают до тех пор, пока сохраняют этот образ. И ведут они себя как волки, и убивают так же, хотя на самом деле они люди».

Внизу страницы кто-то, несомненно Персивант, написал: «Мазь и образ, — возможно, тут есть какое-то научное объ-

[1] П. Г. Вудхауз (1881—1975) — автор романов из жизни английского светского общества; считается одним из лучших юмористов в английской литературе.

яснение». И тем же почерком, но помельче, на полях было написано следующее:

«Возможные мотивы оборотней:

I. Невольная ликантропия

1. Должны пить кровь (связь с вампирами?).

2. Должны вести себя скрытно.

3. Доведены до отчаяния размышлениями об ужасах своего состояния.

II. Добровольная ликантропия

1. Побуждение чинить зло.

2. Побуждение выказывать силу, вызывая страх.

Сопутствующие факторы для того, чтобы сделаться оборотнем

1. Одиночество и неудовлетворенность.

2. Желание запретной пищи (человеческая плоть и т. д.).

3. Презрение и ненависть сотоварищей, всех или со стороны кого-то в частности.

4. Оккультное любопытство.

5. Настоящее безумие (сатанинский комплекс).

Можно ли найти какие-либо или все черты в оборотне? Найти одного и спросить у него».

Что до меня, то с меня пока вполне хватит ликантропии. Я снял с полки книгу Марка Твена — кажется, это был «Том Сойер за границей» — и все утро читал его. Когда наступил полдень, я уже собрался было попросить слугу-негра, чтобы он принес ленч, как сверкающий белозубой улыбкой на черном лице Уильям сам появился в дверях кабинета.

— Кто-то к вам с посланием, сэр, — объявил он и отступил в сторону, пропуская Сьюзен Герд.

Я чуть не вскочил с места, уронив книгу на стол. Она медленно вошла в комнату. Ее лицо казалось бледным и усталым, но выражение на нем я увидел дружелюбное и доверчивое. Под глазами у Сьюзен залегли темные круги, щеки немного ввалились, точно от напряжения и усталости. Она подала мне руку, и я пожал ее.

— С посланием? — повторил я то, что сказал Уильям.

— Ну да. — Сьюзен с трудом улыбнулась, и я был рад увидеть ее улыбку — она нужна была нам обоим. — Судья

Персивант сказал, чтобы я пришла сюда. Нам надо с вами все обсудить.

— Вы имеете в виду вчерашнее?

Она кивнула, и я спросил:

— Как вы сюда добрались?

— В вашей машине. Я не очень хорошо вожу, но справилась.

Я пригласил ее сесть и велел все рассказать.

Сьюзен, помолчав, заговорила. Она сказала, что помнит, как она сидит в гостиной, а констебль О'Брайант расспрашивает меня. Тогда ей было трудно вспомнить даже начало сеанса, и только когда меня увели, она наконец поняла, что произошло с ее отцом. Это, разумеется, причинило ей еще большие страдания, и даже теперь Сьюзен казалось, будто все прошло как в тумане.

— Я помню, что села рядом с вами, — сказала она наконец, после того как я в двадцатый раз попросил ее подумать получше. — Вы надели на меня наручники, да, и на доктора Зоберга тоже. Потом на себя. Потом я, кажется, куда-то уплыла, точно во сне. Даже не уверена, как долго это продолжалось.

— А света долго не было? — осторожно спросил я.

— Не было света? — переспросила она, явно озадаченная. — Ах да, конечно. Свет был выключен, естественно. Я не помню, но, кажется, вы это и сделали.

— Я спросил, чтобы проверить вас, — признался я. — Я выключил лампу только после того, как вы заснули.

Она вспомнила, как ее отец протестовал против наручников, а также то, как доктор Зоберг мягко спросил, готова ли она. И это все.

— А как доктор Зоберг?

— Боюсь, не очень хорошо. Сеанс истощил его, конечно, и какое-то время казалось, что он не выдержит. А когда разъяренная толпа собралась у муниципалитета, требуя вас повесить, он собрался с силами и вышел, чтобы попробовать помочь вам или спасти вас. Его не было около часа, но потом он вернулся с израненным лицом. Думаю, кто-то из местных обошелся с ним грубо. Он сейчас отдыхает в нашем доме, с горячим компрессом на глазу.

— Достойный человек! — зааплодировал я. — Для меня он сделал все, что мог.

Сьюзен, однако, не находила чего-либо приятного в своих воспоминаниях, и я предложил переменить тему. Мы позавтракали сэндвичами с яйцом, запив их кофе, потом сыграли в карты. Устав от них, обратились к книгам, и она громко почитала мне Китса. Еще никогда «Канун святой Агнессы»[1] не звучал в моих ушах так хорошо. Наступил вечер, и мы приготовились поужинать — был пирог с мясом, который, по заверениям Уильяма, особенно ему удавался, — но тут дверь открылась, и вошел судья Персивант.

— Вы были вместе все это время? — с порога же спросил он.

— Ну да, а что? — ответил я.

— Это так, мисс Сьюзен? Вы были в доме и не выходили ни на минуту?

— Верно, — поддержала она меня.

— Значит, — сказал судья, — вы оба наконец-то чисты. — Он помолчал, переводя взгляд с лица Сьюзен, на котором было вопросительное выражение, на мое, потом продолжал: — Не более получаса назад этот страшный зверь в Роще Дьявола напал на еще одну жертву. О'Брайант почувствовал себя лучше и был готов возвратиться к служебным обязанностям. Его брат, заместитель, стремясь первым делом поймать Уиллса, ради славы или мести, с сумерками отважился отправиться в Рощу. Он только что вышел оттуда, изодранный и почти разорвавшый на куски, и умер, рухнув у подножия кедровой изгороди.

XI. «Встретиться лицом к лицу с таким чудовищем!»

Мы со Сьюзен, наверное, зашатались, услышав такую новость, точно актеры, изображающие удивление в старомодной мелодраме. Что же до судьи Персиванта, то он подошел к сто-

[1] «Канун святой Агнессы» — знаменитая поэтическая баллада Джона Китса (1795—1821), где основной сюжет связан с вещими снами, предугадыванием судьбы.

лу, отрезал себе добрый кусок пирога с мясом и положил его — кусок был дымящийся и такой аппетитный — на тарелку. Его спокойствие и интерес к хорошей еде передались и нам, и мы снова почувствовали уверенность. Мы сели и даже поели немного, пока он рассказывал, как провел день в городе.

Он нашел возможность поговорить со Сьюзен наедине, рассказав ей обо мне, и направил ее сюда. По его словам, он это сделал для того, чтобы мы смогли убедить друг друга, что оба невиновны. Это было сделано исключительно по наитию, ибо он, конечно же, не предполагал, что наша уверенность в этом будет столь твердой. Потом он задумал сходить в дом Герда и поговорить с доктором Зобергом.

Этого достойного человека он нашел безжизненно сидящим в гостиной, а в соседней комнате стоял гроб с телом Джона Герда. Зоберг, как сказал судья, был введен в заблуждение относительно убийства, и ему не терпелось предать суду горожан — казалось, их было несколько, — которые избили его. Однако более всего его тревожили обвинения против меня.

— Его самое большое желание — доказать, что вы невиновны, — говорил судья Персивант. — Он намеревается предоставить вам лучшего адвоката, хочет даже помочь оплатить его услуги. Он также клянется, что могут быть привлечены свидетели, которые сумеют доказать, что вы самый мирный и законопослушный гражданин в стране.

— Это очень порядочно с его стороны, — сказал я. — Согласно вашим рассуждениям сегодня утром, его позиция доказывает, что и он невиновен.

— А что это за рассуждения? — спросила Сьюзен, и я обрадовался, что судья продолжал, не отвечая ей:

— Я был рад, что прислал сюда мисс Сьюзен. Если бы ваша машина оставалась еще там, мистер Уиллс, то доктор Зоберг мог бы уехать на ней, чтобы объединить силы для вашей защиты.

— Думаю, что нет, насколько я его знаю, — возразил я. — Вся эта история, особенно в ее таинственной и оккультной части, заставила бы его оставаться на месте. Он безжалостно любопытен и, несмотря на временно пошатнувшееся здоровье, не трус.

— Я согласна с этим, — вставила Сьюзен.

— Что же до моих преследователей минувшей ночью, — продолжал судья, — то они по двое и по трое рыскали по покрытым снегом улицам. По большей части они были тяжело вооружены и полны решимости покарать меня за убийство их соседа. Совет был слишком напуган, а может, чересчур озадачен, чтобы справиться с ситуацией, а констебль был все еще в постели, тогда как младший О'Брайант взял на себя его полномочия, и тут я навел справки, пошел навестить раненого, который весьма решительно собирался подняться и снова взять власть в свои руки.

— Я арестую человека, который стрелял в меня, — мрачно пообещал О'Брайант, — а мой героический брат пусть прекратит играть в полицейского.

Судья поаплодировал этому выражению чувств, принес ему горячую пищу и виски, что только укрепило дух констебля. Вечером молодой О'Брайант наведался в Рощу Дьявола и в результате умер от когтей и зубов того, кто там обитает.

— Его горло было разорвано и окровавлено, он не мог говорить, — заключил судья, — но он указывал в обратном направлении, в лес, а потом пытался что-то нарисовать пальцем на снегу. Это было похоже на голову волка, с острым носом и ушами. Он умер, так и не закончив рисунка...

— Вы видели, как он выходил оттуда? — спросил я.

— Нет. К тому времени я вернулся в город, но потом видел тело и рисунок на снегу.

Он закончил ужинать и откинулся в кресле.

— А теперь, — добродушно произнес он, — наш черед.

— Наш черед делать что? — поинтересовался я.

— Встретиться с этим чудовищем лицом к лицу, — ответил он. — Нас трое, насколько я могу судить, а враг один. — Мы со Сьюзен пытались было заговорить, но он, улыбнувшись, поднял руку. — Знаю, мне не нужно напоминать, что все пока против нас, потому что враг, хоть он и один, злой и кровожадный и может менять образ и поведение. Возможно, он может переноситься на расстояние, что создает дополнительные трудности в том, как нам встретиться с ним лицом к лицу, так и обратиться за помощью.

— Я знаю, что вы имеете в виду под последними словами, — мрачно кивнул я. — Да будь здесь хоть десять тысяч

дружелюбно настроенных констеблей вместо одного, настроенного враждебно, они бы и то нам не поверили.

— Верно, — согласился судья Персивант. — Мы словно группа озадаченных смертных в «Дракуле», у которых только собственные мозги и оружие против чудовища не более страшного, чем наш.

Трудно даже выразить, как нас поддерживали его неизменно успокаивающие параллели и доводы. Совсем запугать могут только неизвестное и непознаваемое. Мы, все трое, даже испытывали какое-то вдохновение, сидя за бутылкой вина, которую принес Уильям и разлил в три бокала. Судья Персивант произнес тост: «Чтобы волки проголодались!» — и мы со Сьюзен с радостью выпили.

— Не забывайте о том, что́ на нашей стороне, — сказал судья, ставя бокал. — Я имею в виду уверенность и смелость, о чем я говорил Уиллсу минувшей ночью и что мы можем призвать на помощь в любое время и всюду. Оборотень, если ему бросить смелый вызов, не будет уже так страшен. И по-моему, мы как раз те, кто может встретиться с ним лицом к лицу. Теперь мы готовы действовать.

Я сказал, что буду рад любому противостоянию этому чудовищу, и Сьюзен коснулась моей руки словно в подтверждение моих слов. Очки судьи Персиванта одобрительно блеснули.

— Вы вдвоем отправитесь в Рощу Дьявола, — объявил он. — А я еще раз схожу в город.

— В Рощу Дьявола! — едва не закричали мы.

У нас едва не перехватило дыхание от изумления.

— Конечно. Разве мы только что не договорились, что с этим ликантропом нужно встретиться лицом к лицу? Лучшая защита — нападение, как, наверное, повторяли не раз сотни тысяч тренеров и полководцев.

— Я уже один раз сталкивался с этим созданием, — напомнил я ему. — Что же до того, чтобы казаться бесстрашным, то я сомневаюсь в своих возможностях на этот счет.

— У вас будет оружие, — сказал он. — Огонь дает свет, а мы знаем, что им нужна темнота, такая же, как в этом болотистом лесу. Так что оба наполните карманы спичками.

— А как насчет ружья? — спросил я, и он покачал головой:

— Нам нельзя убивать оборотня. Тогда останется тайна, а вас, возможно, обвинят в очередном убийстве. Он снова примет свой человеческий образ, стоит только его слегка ранить.

— Я готова идти в Рощу Дьявола, судья Персивант, — очень спокойно произнесла Сьюзен.

Он громко захлопал в ладоши, точно аплодировал в театре:

— Браво, моя дорогая, браво! Вижу, что мистер Уиллс сжал челюсти. Это значит, что он готов пойти с вами. Очень хорошо, в путь!

Он позвал Уильяма, который по его приказанию принес три фонаря — прочные старомодные устройства, защищенные крепкой проволокой, — и наполнил их маслом. Каждый взял по фонарю, и мы вышли из дома. Снова было ясно и морозно, но, по крайней мере для моего успокоения, луна светила слишком ярко. Однако, когда мы приблизились к Роще, часовых не было; едва ли можно было обвинять их в дезертирстве, особенно после того, что случилось с младшим О'Брайантом.

В тени росших на окраине Рощи кедров мы оказались никем не замеченными. Здесь судья Персивант велел остановиться, достал из кармана пальто спичку и зажег все фонари. Помню, что фонарь Сьюзен мы зажгли второй спичкой, но договорились, что пусть примета «одна спичка на троих» и глупа, сейчас не время и не место искушать судьбу.

— Идемте, — сказал судья Персивант и повел нас в самую темную часть огромной чащи.

XII. «Мы здесь в его власти»

Мы со Сьюзен шли за судьей Персивантом, почти ни о чем не думая, хотя нам, само собой, страшновато было оставаться одним на краю леса. Нам, и особенно Сьюзен, пришлось нелегко, преодолевая сплошную кедровую изгородь, но, оставив ее позади, мы скоро догнали судью. Он шагал

твердо и уверенно среди деревьев, высоко подняв фонарь, который освещал листья и широкие мокрые стволы. Влажное тепло Рощи снова стало ощущаться, и судья опять объяснил, со множеством подробностей, что эти удивительные условия создавали горячие источники. Все это время он шел вперед. Казалось, он хорошо ориентируется в этом страшном лесу, — наверное, он изучал его много раз и знает, как добраться до места назначения.

Этим местом оказалась поляна, весьма похожая на ту, где я повстречал своего преследователя накануне ночью и где боролся с ним. Здесь же в центре росло большое дерево, раскинувшее ветви во все стороны, так что неба не было видно вовсе. Если напрячь слух, то можно было услышать слабое журчание воды — это катил свои воды мой обжигающий ручей, несомненно. Вокруг нас стояли толстые деревья, а между ними росли кусты и плющ, под ними — бархатный мох.

— Здесь и будет наш штаб, — сказал судья. — Уиллс, помогите мне собрать дров для костра. Ломайте сухие ветви на деревьях, но не поднимайте ветки с земли, они слишком сырые.

Вместе мы насобирали большую груду веток, положили в середину бумагу и подожгли.

— А теперь, — продолжал он, — я отправляюсь в город. Вы двое остаетесь здесь. Не давайте друг другу скучать. — Он взял наши фонари, задул их и продел ручки всех трех фонарей через левую руку. — Я уверен, что никто на вас не нападет при свете костра. Однако вы должны привлечь внимание того, кто тут бродит. Когда я вернусь, мы должны быть готовы к заключительному акту нашей маленькой мелодрамы.

Он коснулся моей руки, поклонился Сьюзен и углубился в лес. Не прошло и двадцати секунд, как сплошная листва заслонила от нашего взора свет его фонаря. Мы со Сьюзен переглянулись и улыбнулись несколько натянуто.

— Тепло, — вздохнула она и сняла свой плащ.

И, бросив его на вышедший из-под земли и сгорбившийся корень огромного дерева, росшего в центре поляны, она села на него спиной к дереву.

— Что это за дерево?

Я посмотрел на искривленный ствол, насколько его можно было видеть при свете костра, и покачал головой.

— Не знаю, я не специалист, — признался я. — Могу лишь сказать, что оно очень большое и, несомненно, очень старое. Такие деревья сажали на месте жертвоприношения.

При слове «жертвоприношение» Сьюзен передернула плечами, точно ей что-то не понравилось.

— Вы правы, Тэлбот. Здесь будет что-то такое же мрачное, как друиды.

Она стала декламировать себе под нос:

> Вот дерево, в тени его глубокой
> Зловещий властвует друид:
> Вершит обряд, кровь жертвы проливает.
> Но, став убийцей, будет сам убит[1].

— Маколей, — тотчас произнес я и, дабы отвлечь ее от мрачных мыслей, прибавил: — Я читал вслух «Песни Древнего Рима»[2], когда учился в школе. Лучше бы вы это не вспоминали.

— Потому что это злое предзнаменование? — Она покачала головой и через силу улыбнулась. Ее бледное лицо мгновенно осветилось. — Это не так, если вы проанализируете эти строки. «Будет убит» — звучит так, будто судьба противника решена.

Я кивнул и тут же резко обернулся, потому что мне показалось, будто я услышал какой-то шум на окраине поляны. Потом я походил по поляне, собирая ветки для костра. Одну ветку, толстую и прямую, я прислонил к большому дереву, чтобы она была под рукой.

— Вместо дубинки, — сказал я Сьюзен, и она напряглась, поняв, что я имею в виду.

Мы заговорили о судье Персиванте, о том, насколько он обаятелен и загадочен. Мы оба были ему благодарны за то, что он сразу же понял, что мы невиновны в этих чудовищных убийствах, но нас обоих вдруг посетила одна и та же неприятная и беспокойная мысль. Первым заговорил я:

---

[1] Пер. Инны Сергиенко.

[2] «Песни Древнего Рима» (1842) — поэтическая работа Т. Б. Маколея (1800–1859), английского историка и государственного деятеля.

— Сьюзен! А зачем судья привел нас сюда?

— Он сказал: чтобы помочь нам столкнуться лицом к лицу с чудовищем и победить его. Но... но...

— И кто это чудовище? — вопросил я. — Кто этот человек, который принимает образ животного, чтобы убивать?

— Ну... не судья же?!

Как я уже сказал, это пришло нам в голову обоим. Мы молчали, чувствуя смущение и неловкость.

— Послушайте, — спустя минуту откровенно продолжил я, — быть может, мы неблагодарны, но мы должны быть ко всему готовы. Подумайте, Сьюзен, никто не знает, где был судья Персивант во время убийства вашего отца или в то время, когда я видел это существо в лесу. — Я умолк, вспомнив, как я впервые повстречал судью, так быстро после моей отчаянной борьбы с остроухим дьяволом. — Никто не знает, где он был, когда напали и смертельно ранили брата констебля.

Она со страхом огляделась.

— И никто, — едва слышно добавила она, — не знает, где он сейчас.

Я вспомнил разговор с ним. Он говорил о книгах, упомянув редкую, будто бы несуществующую книгу. Что это было?.. «Библия нечестивых». А что я слышал об этой работе?

И тут я вспомнил. Где-то в закоулках сознания человек хранит то, что когда-то услышал или прочитал, и оттуда неожиданно и всплывают нужные сведения. Это было в «Энциклопедии оккультизма» Льюиса Спенса, которая стоит на полке в моей нью-йоркской квартире.

«Библия нечестивых», текст для ведьм и волшебников, из которого кудесники Средневековья черпали вдохновение и свои знания! И судья Персивант признался, что у него есть такой том!

Что он узнал из него? Откуда у него столько сведений о науке быть оборотнем — да, и еще о психологии?

— Если то, что мы подозреваем, верно, — сказал я Сьюзен, — то мы здесь в его власти. Никто не собирается сюда приходить, только если чья-то лошадь понесет. И он запросто нападет на нас и разорвет на куски.

Но, говоря это, я презирал самого себя за свою слабость и страх в присутствии Сьюзен. Я взял в руки увесистую дубинку и почувствовал себя увереннее.

— Я уже однажды встречал этого дьявола, — сказал я, на этот раз с большей уверенностью в голосе. — И не думаю, что он был очень уж рад этой встрече. Следующий раз тоже ему не понравится, гарантирую!

Она улыбнулась мне, по-дружески поддерживая меня, но мы тут же вздрогнули и умолкли. Где-то в чаще послышался долгий протяжный вой.

Я осторожно сделал один шаг, точно боялся, что кто-то увидит, как я сдвинулся с места, и быстрым движением подкинул веток в костер. От разгоревшегося огня я прищурился. Костер жарко горел. Наверное, те же чувства испытывал первобытный человек в лагере, охраняемом пламенем костра, когда готовился противостоять угрозам древнего мира. Я попытался на слух определить, откуда исходит вой.

Вой умолк, и я услышал — а может, это мне только казалось — чьи-то осторожные шаги. Потом снова кто-то завыл — уже ближе и в другом месте.

Я заставил себя сделать еще один шаг. Моя тень, причудливо прыгая среди деревьев, напугала меня до ужаса. Вой перешел в монотонное завывание — так собаки приветствуют полную луну. В этом вое слышались мольба, обещание, и он приближался к поляне.

Раньше я уже бросал этому существу слова презрения и насмехался над ним. Теперь же не мог произнести ни звука. Может, это и к лучшему, ибо я острее соображал и больше видел. Что-то черное осторожно двигалось среди ветвей, за кустами, за которые не проникал свет от нашего костра. Мне не нужно было особенно приглядываться, я и так знал, что это такое. Я поднял дубинку над головой.

Звуки, которые исходили от существа, сделались в некоторой степени более членораздельными, хотя это никоим образом не были слова, произносимые человеком. Слов не было, но сам стон доходил до сердца. В нем слышались мольба и обещание, стоны и вздохи слились в единый звук, но обращен он был не ко мне.

Я вновь обрел способность говорить.

— Убирайся отсюда, ты, дьявол! — закричал я и швырнул дубинку.

Но только я бросил ее, как тотчас подумал, что лучше бы я этого не делал. Дубинка угодила в кусты и упала на мшистую землю. Существо замолчало. Я вдруг запаниковал и пожалел о том, что остался без оружия, и отступил к огню.

— Сьюзен,— глухо произнес я,— дайте мне другую палку. Быстрее!

Она не пошевелилась, и я стал лихорадочно нащупывать палку покрупнее в куче сухих веток. Схватив первую попавшуюся, я с беспокойством повернулся к Сьюзен.

Она по-прежнему сидела на плаще, который лежал на корне, но была вся в напряжении, точно кошка перед мышиной норой. Голову она выдвинула вперед, причем так далеко, что, казалось, ее шея вытянулась в горизонтальном положении. Ее расширенные глаза были обращены в ту сторону, откуда доносилось завывание. В них была какая-то странная ясность, точно они пронзали листья, чтобы увидеть там понимающий ответный взгляд.

— Сьюзен! — вскричал я.

Но она, казалось, так и не слышала меня. Она подалась вперед еще дальше, точно готовясь прыгнуть и побежать. *И снова оттуда, где прятался тот, кто за нами наблюдал,* послышалось звериное и нечеловеческое завывание.

У Сьюзен задрожали губы. Потом с них медленно и тихо, делаясь все громче, сорвался протяжный ответный вой:

— Уууууууууууууууу! Уууууууууууууууу!

Палка едва не выпала у меня из рук. Она поднялась со своего сиденья медленно, но уверенно. Расправив плечи, она опустила руки, точно хотела коснуться ими земли. И снова завыла:

— Уууууууууууууууу! Уууууууууууууууу!

Я увидел, что она собирается пойти в лес. Сердце у меня заколотилось. Этого я не мог допустить. Я быстро шагнул в сторону девушки и встал на ее пути:

— Сьюзен! Вы не должны этого делать!

Она отступила и посмотрела на меня. Она стояла спиной к костру, но в глазах ее горел огонь, а может, огонь горел у нее за глазами: зеленоватый, вроде того, что отра-

жает в неподвижных лесных прудах свет луны. Руки ее неожиданно поднялись, словно она хотела ударить меня. Они были согнуты в локтях, пальцы неподвижны, точно они превратились в длинные когти.

— Сьюзен! — заговорил было я, но она снова не отвечала, а попыталась проскользнуть мимо меня.

Я сделал движение ей навстречу, пытаясь преградить ей путь, и она завыла — на самом деле завыла, как злая собака.

Свободной рукой я схватил ее за плечо. Плечо было упругое, как натянутая проволока. Но вдруг оно снова стало мягким, и она выпрямилась. Из глаз исчез этот странный, бесовский огонек, они были темные и напуганные.

— Тэлбот, — пробормотала она, — что я делала?

— Ничего, моя дорогая, — успокоил я ее. — Все позади.

В лесу за моей спиной кто-то сдавленно заскулил, точно голодный зверь лишился добычи, которая была у него почти в лапах. Сьюзен пошатнулась. Казалось, она вот-вот упадет, и я быстро подхватил ее. Держа ее в руках, я повернул голову и засмеялся.

— Ты снова проиграл! — крикнул я моему противнику. — Ты не получил ее, несмотря на все свои грязные чары!

Сьюзен заплакала, и я повел ее к огню. Повинуясь моему жесту, она снова села на плащ, послушная как ребенок, который сожалеет о своем неповиновении и старается опять быть послушным.

Из леса больше не доносилось никаких звуков. Словно опустело все вокруг, а чудовище ушло прочь, потерпев неудачу.

XIII. «Огонь — наше лучшее оружие»

После этого какое-то время мы молчали. Я шевелил палкой костер, чтобы заняться чем-то, и он так разгорелся, что мы вынуждены были сесть подальше от него. Прислонившись рядом со Сьюзен к стволу дерева, я вообразил себе, будто что-то ползет по поляне, скрываясь в тени дерева. Мне даже почудилось, будто я снова услышал какие-то звуки. Взяв в руки дубинку, я отправился посмотреть, в чем дело, но, не обнаружив ничего, ничуть не был разочарован.

Наконец Сьюзен заговорила.

— Это было что-то новое, — слабо сказала она.

— Нужно ли так огорчаться? — попытался я утешить ее.

— Огорчаться? — Она выпрямилась, и в свете костра я увидел, как лицо ее исказилось, точно от боли. — Это когда я едва не превратилась в зверя?

— А что вы запомнили? — спросил я у нее.

— У меня в голове сплошной туман, Тэлбот, почти то же я испытывала во время сеанса, но помню, что меня тянуло... тянуло туда, где что-то меня ждало. — Она устремила взгляд в чашу. — И это не казалось мне страшным, но приятным и желанным, точно это было что-то мне близкое. А вы... — она быстро посмотрела на меня, потом стыдливо отвела глаза, — вы вдруг сделались чужим человеком, от которого лучше держаться подальше.

— Это все?

— Оно разговаривало со мной, — продолжала она с ужасом, — а я говорила с ним.

Я не стал напоминать ей, что единственный звук, который она произносила, был бессловесный вой. Быть может, она этого не помнила — я надеялся на это. Снова наступила неловкая пауза.

Наконец Сьюзен пробормотала:

— Я не из тех женщин, которые чуть что — сразу начинают плакать. Но сейчас мне хочется рыдать.

— Так плачьте, — тотчас произнес я, и она заплакала, а я не стал ее утешать.

Сам ли я взял ее в руки, или она сама оказалась в моих объятиях, точно не помню, но плакать она перестала на моем плече, а выплакавшись, почувствовала себя лучше.

— Вместе со слезами у меня ушел туман из головы и страх, — призналась она почти весело.

Только спустя, наверное, час в лесу снова послышался какой-то шорох. Мое воображение так часто подводило меня, что я и глаз не поднял. Но Сьюзен испуганно вскрикнула, и я вскочил на ноги. За костром возник какой-то высокий серый образ, вокруг которого образовалось бледное свечение.

— Не бойтесь, — произнес голос, который был мне знаком. — Это я — Отто Зоберг.

— Доктор! — вскричал я и поспешил ему навстречу.

Впервые в жизни я почувствовал, что это мой друг. Наши расхождения во взглядах, натянутые некогда отношения — все превратилось в ничто в сравнении с угрозой, которой мы противостояли, к тому же он считал меня невиновным в убийстве.

— Как вы? — заговорил я, крепко пожимая ему руку. — Говорят, вы пострадали от гнева толпы?

— А, ничего серьезного, — заверил он меня. — Только это. — И он дотронулся указательным пальцем до глаза. Я увидел, что глаз был наполовину закрыт, а под ним вздулся синяк. — Это один горожанин, который умеет быстро размахивать кулаками, но туго соображает. Он ответит за это.

— Отчасти это моя вина, — сказал я. — Как я понимаю, вы ведь пытались мне помочь, когда это случилось.

За его спиной снова послышался какой-то шорох, и на поляне показались еще две тени. Я узнал судью Персиванта, который кивал мне из-под своей широкополой шляпы, сверкая глазами. Другого человека, угловатого, с соколиным лицом и рукой на висящей повязке, я тоже раньше видел. Это был констебль О'Брайант. Я заговорил с ним, но он смотрел мимо меня, очевидно ничего не слыша.

Доктор Зоберг увидел, что я озадачен, и обернулся к констеблю. Щелкнув своими длинными пальцами перед его крючковатым носом, он громко свистнул. О'Брайант вздрогнул, что-то проворчал, потом огляделся, точно его только что грубо разбудили.

— Что такое? — угрожающе произнес он и потянулся к кобуре.

Потом его взгляд остановился на мне, и он с проклятием вытащил револьвер.

— Полегче, констебль! Полегче, — успокоил его судья Персивант, схватив руку О'Брайанта за запястье. — Вы забыли, что я показывал вам, почему мистер Уиллс невиновен.

— Я забыл, зачем мы вообще здесь, — отрезал О'Брайант, оглядываясь. — Я что, выпивал, что ли? Я ведь говорил, что никогда...

— Я вам объясню, — сказал Зоберг. — Судья встретил меня в городе, и мы вместе пришли навестить вас. Помни-

те? Вы сказали, что хотели бы отомстить за смерть брата, и пошли с нами. Потом, когда вы замешкались на самом краю Роцци Дьявола, я загипнотизировал вас.

— Да? И как вы это сделали? — недовольно проговорил офицер.

— Взглядом, словом, движением руки, — ответил Зоберг, сверкая глазами. — Тогда вы перестали возражать и пошли с нами. — Персивант похлопал О'Брайанта по здоровому плечу. — Садитесь, — предложил он, показывая на корень дерева.

Все пятеро расселись вокруг костра, точно приехавшие на пикник, а не на схватку с неуловимым чудовищем. По настоянию Сьюзен я рассказал о том, что произошло после того, как судья Персивант покинул нас. Все слушали с живым вниманием, при этом констебль время от времени ворчал, судья прищелкивал языком, а доктор Зоберг молчал.

Но именно Зоберг произнес первые слова, после того как я закончил.

— Это объясняет многое, — сказал он.

— Ничего это не объясняет, — проворчал О'Брайант.

Зоберг улыбнулся ему и обратился к судье Персиванту:

— Ваша эктоплазмическая теории о ликантропии — как вы объяснили мне ее — чрезвычайно интересна и, думаю, имеет право на существование. Можно я добавлю к ней немного своих наблюдений?

— Каких именно? — спросил судья.

— Эктоплазма, как вы утверждаете, создает оборотня, формируясь на теле медиума. Но, согласно наблюдениям многих людей, не эктоплазма ли способна полностью отделяться и формировать совершенно самостоятельное существо? Оно, как вы предполагаете, может быть зверонодобным. Алджернон Блэквуд, английский писатель, автор психологических рассказов, почти намекает на это в одном из своих рассказов о Джоне Сайленсе. Он описывает астральную особь, принимающую образ и угрожающую насилием, пока ее физическое тело спит.

— Я знаю этот рассказ, о котором вы говорите, — согласился судья Персивант. — Кажется, он называется «Лагерь собаки».

— Очень хорошо. Быть может, пока тело мисс Сьюзен пребывало в трансе, будучи надежно прикреплено наручниками между Уиллсом и мной...

— Ну вот! — воскликнула Сьюзен. — Значит, это была все-таки я.

— Нет, это точно были не вы, — быстро проговорил я.

— Да нет же, я! И пока я была с вами в доме судьи, часть меня встретила брата констебля в лесу.

И она диким взором оглядела нас всех.

— Но с таким же успехом это могла быть и часть меня, — возразил я.

О'Брайант внимательно посмотрел на меня, как бы ища подтверждения этому предположению. Но Сьюзен покачала головой:

— Нет, ибо кто из нас ответил на зов того существа?

И она в сотый раз со страхом посмотрела в сторону кустов по ту сторону костра, откуда давеча раздался призывный вой.

— Внутри меня, — невесело проговорила она, — есть нечто, что может высвобождаться, принимать вид зверя-демона и действовать соответственно, например убить моего любимого отца... — Голос девушки дрогнул.

— Прошу вас, — мягко перебил ее судья Персивант, — вы не должны брать на себя ответственность за то, что произошло. Если эктоплазма, которую вы породили, и приняла образ убийцы, то дух, скорее всего, явился извне.

— Как это может быть? — жалостливым голосом спросила она.

— А как Марта Беро источала эктоплазму, которая превращалась в мужчину с бородой? — Персивант посмотрел на Зоберга. — Доктор, вы наверняка знаете о сеансе Бьена Боа, о том, как материализовавшееся существо говорило на арабском, тогда как медиум, француженка, практически не знала этого языка[1].

---

[1] Речь идет о мужчине, назвавшемся Бьеном Боа и явившемся на сеансе Евы Карье (псевдоним — Марта Беро). Ш. Рише утверждал, что эта «форма» (т. е. Б. Боа) была вполне дееспособна; она «ходила, говорила, двигалась и дышала как человеческое существо».

Зоберг подпер подбородок рукой. Его соединившиеся брови ощетинились еще больше, ибо он наморщил лоб, усиленно размышляя.

— В каждом из нас тысяча личностей, — произнес он нравоучительно, если не сказать — в утешение. — Как мы можем исключить их всех, да хотя бы даже одну?

О'Брайант мрачно заметил, что весь этот разговор слишком учен, для того чтобы его понимать или получать от него удовольствие. Он, однако, выразил надежду, что этот случай никогда не будут связывать с мисс Сьюзен Герд, которую он знал и любил с младенчества.

— Этого никогда не будет, — убежденно сказал Зоберг. — Ни один суд или присяжные не осудят ее на основании, которое мы выставляем против нее.

Осмелился высказать свое мнение и я:

— Пытаясь доказать, что Сьюзен — оборотень, вы забываете, что что-то еще бродило вокруг костра, но мы это не разглядели!

— Ага, не разглядели! — воскликнул Зоберг. — Это значит, вы не уверены, что видели что-то на самом деле!

— Или хоть было ли что-то вообще, — добавила Сьюзен так неожиданно и убежденно, что я — не знаю, как другие, — вздрогнул.

— Что-то все-таки было, — настаивал я. — Я слышал это.

— Вы решили, что услышали какой-то звук за деревом, — напомнила мне Сьюзен. — Посмотрели, а там ничего нет.

Все уставились на меня, точно строгие взрослые на непослушного ребенка. Я ответил довольно нелюбезно, что мое воображение не лучше, чем у них, и что меня не легче запугать. Судья Персивант предложил осмотреть близлежащий лес, чтобы отыскать возможные улики.

— Хорошая мысль, — одобрил констебль О'Брайант. — Земля сырая. Можем найти следы.

— Тогда вы оставайтесь здесь с мисс Сьюзен, — сказал ему судья, — а мы осмотрим все вокруг.

Мрачный констебль покачал головой:

— Не торопитесь, мистер. Какие поиски без меня? К тому же мне нужно разобраться с тем, кто убил моего младшего брата.

— Но у нас только три фонаря, — заметил судья Персиван. — А без них мы не можем: свет — наше лучшее оружие.

Зоберг снова заговорил. Довольно неуверенно он заявил, что будет рад остаться со Сьюзен. Все с этим согласились, и трое из нас приготовились к поискам.

Я взял фонари у Зоберга, кивнул другим и отправился в лес.

XIV. «Я был волком, да я и сейчас волк»

Я специально направился в ту часть леса за костром, ибо именно там, как я уже говорил, я слышал движения и крики существа, которое так сильно потрясло Сьюзен и околдовало ее. Сердце довольно громко стучало, подсказывая мне, что я должен убедиться, действительно ли там есть следы, или же мне всегда придется смотреть на себя с презрением.

Следы я нашел почти сразу же — следы сапог трех моих союзников. Подняв фонарь повыше над головой, я углубился в чащу, осматривая сырую землю. Спустя несколько минут я нашел то, что искал.

Следы были круглые и довольно нечеткие, особенно там, где должны были отпечататься большие пальцы, но это явно не были следы от копыт. Скорее они напоминали отпечаток бесформенной культи или ладони без пальцев, но были достаточно глубоки, что говорило о большом весе. В сравнении с ними следы от моих башмаков были не такие глубокие. Я наклонился, чтобы рассмотреть следы получше, потом выпрямился, огляделся и поднял фонарь над головой, ибо неожиданно почувствовал на себе чей-то взгляд.

У меня перед глазами мелькнули лишь два огонька, которые тотчас исчезли в листве, в той стороне, где была поляна; туда-то я и двинулся. Но там ничего не оказалось, и единственными следами были следы человеческих ног, либо мои, либо чьи-то еще. Я продолжил свои поиски, идя за круглыми следами.

Они явно принадлежали двуногому — отпечатки были не двойные, как у четвероногих, — и, только пройдя по этим

следам минут десять, я понял, что не могу утверждать, в каком направлении двигался тот, кто их оставил. Возможно, я шел от противника, а не за ним. Ближайшее рассмотрение ничего мне не дало, и я снова задумался: а не прячется ли это создание близ поляны, тогда и уходить далеко не нужно. Размышляя таким образом, я повернул назад.

Вернувшись снова к исходной точке, я решил было быстро сходить на поляну, чтобы услышать слова утешения от Сьюзен и Зоберга, к тому же я был уже почти рядом. Но почему же не видно костра сквозь деревья? Может, у них кончились дрова? На моем пути оказалось кривое дерево, нижние ветви которого были густо переплетены плющом. За ним я разглядел слабый свет. Я медленно раздвинул ветки и выглянул.

Огонь почти совсем погас, и я с трудом разглядел две фигуры около него — одна фигура высокая, другая поменьше, стройная; они стояли рядом, лицом друг к другу, в стороне от костра. Тот, кто был выше, — он был похож на статую, мокрую от дождя и окутанную чем-то серым, — держал другую фигуру за плечо. Его серая рука поглаживала по голове ту, что была пониже, отчего и эта фигура казалась чем-то окутанной, какой-то массой такого же серого цвета.

Только это я видел и не задумывался, нужно ли мне удивляться увиденному или смотреть дальше. Я крикнул и выскочил на поляну. Услышав мой крик, пара отшатнулась друг от друга, и оба уставились на меня. Той, что была поменьше, оказалась Сьюзен. Она сделала шаг в мою сторону, и я услышал сдавленное всхлипывание, точно она пыталась что-то сказать мне через одеяло. Я подбежал к ней и резким движением руки освободил ее лицо и голову от вязкого, сверкающего желе.

— Ты! — обратился я к другой фигуре. — Что ты собрался с ней сделать?

Фигура простояла неподвижно еще несколько секунд — бесформенная масса серой грязи. Потом она резко потемнела, появились голова, шерсть. Сверкнули зеленые глаза, полные злости. Раскрылась пасть, из которой вырвался рык.

— Теперь я знаю, кто ты! — вскричал я. — Сейчас я тебя убью.

И я бросился на него.

Когти едва не задели мою голову, но порвали мое пальто. Обхватив одной рукой его поджарое, покрытое шерстью туловище с сильными мышцами, напрягшимися под шкурой, другой я ударил туда, где, по моим представлениям, должен был находиться живот. Сцепившись, мы упали и стали кататься по земле. Запах зверя, который я еще помнил, распространился вокруг, и я знал, что челюсти снова будут стремиться вонзиться в мою шею. Я засунул руку ему в глотку как можно дальше, чтобы челюсти не смогли сомкнуться и сдавить мою руку. Другой рукой я схватил его обвисшую шкуру под горлом, натянул ее, сжав в кулак, и принялся изо всех сил крутить. Я услышал сдавленный крик боли, почувствовал, как тело, боровшееся со мной, обмякло. Я знал, что он попытается высвободиться, но, подмяв его под себя, я сел на него верхом.

— Защищаться ты не умеешь, — тяжело дыша, проговорил я и взялся за его горло другой рукой, ибо иной мысли, как убить его, у меня не было.

Лапы пытались расцарапать мои руки. За моей спиной закричали — то была Сьюзен и еще несколько человек. Кто-то схватил меня за плечи, пытаясь оторвать от этого существа.

— Нет! — кричал я. — Это он, оборотень!

— Да это же доктор Зоберг, вы, глупец! — прорычал О'Брайант мне в ухо. — Ну-ка, дайте ему подняться.

— Да, — добавил судья Персивант, — это доктор Зоберг, верно. Но он только что был чудовищем, за которым мы охотимся.

Нас к этому времени растащили — доктора Зоберга и меня. Он сверкал глазами и ловил воздух, поглаживая горло, которое я ему чуть не сломал. Персивант подошел к нему поближе и смотрел на него, как кот на мышку.

— Как и Уиллс, я только сделал вид, будто отправился на поиски, а сам вернулся и стал наблюдать, — продолжал судья. — Я видел, как Зоберг и Сьюзен разговаривают. Он говорил тихо, монотонно, в повелительном тоне. Она вошла в транс, и я знал, что она загипнотизирована.

Как только костер погас, он начал перевоплощаться. Выступила эктоплазма и окутала его. Прежде чем принять об-

раз, он начал и ее обмазывать эктоплазмой. И тут мистер Уиллс вышел из леса и бросился на него.

О'Брайант перевел взгляд с судьи на Зоберга. Потом залез здоровой рукой в брючный карман и достал наручники. Обвиняемый усмехнулся в бороду, точно признал поражение в какой-то мелкой проделке. Потом с покорным видом протянул руки, и я, который уже один раз надевал на них наручники, еще раз подивился выступавшим на них крепким жилам. Наручники защелкнулись сначала на одной руке, потом на другой.

— Теперь вы знаете все, — сказал Зоберг тихим, спокойным голосом. — Я был волком, да я и сейчас волк. Волк, который хотел соединиться с ангелом.

Его взгляд остановился на Сьюзен, и та отпрянула. Судья Персивант подошел к пленнику.

— Не нужно оскорблять ее, — сказал он.

Зоберг ухмыльнулся, клацнув своими длинными зубами:

— Хотите услышать мое признание или нет?

— Конечно хотим, — буркнул О'Брайант. — Оставьте его, судья, пусть говорит. — Он взглянул на меня. — Бумага у вас есть, мистер Уиллс? Хорошо бы это записать.

Я достал блокнот и огрызок карандаша. Положив блокнот на колено, я при свете фонаря записал почти слово в слово все то, что поведал доктор Зоберг.

XV. «И это конец»

— Наверное, я таким родился, — начал он. — По крайней мере еще ребенком я знал, что внутри у меня сидит стремление творить зло и есть силы для этого. Большинство детей боятся ночи, меня же ночь звала. Я выходил тайком из дома своего отца и бежал несколько миль по лесу или по полям, и луна была моей спутницей. Это было в Германии, разумеется, еще до войны.

— А во время войны... — начал было судья Персивант.

— Во время войны, когда большинство мужчин сражались на фронте, я был в тюрьме. — И Зоберг снова усмехнулся, коротко и невесело. — Мне казалось, что убивать лю-

дей — легко, это воодушевляет и придает сил. Но меня поймали и посадили в то, что называется сумасшедшим домом. Считали, что я умалишенный. Меня заточили в камеру, но я, читая книги, понял, что означает та перемена, которая со мной временами происходит. Я заинтересовался ею и научился контролировать свое перевоплощение, либо вызывая его, либо откладывая по собственной воле. — Он снова взглянул на Сьюзен. — Но я забежал вперед. Однажды, еще когда я учился в школе, я познакомился с девушкой, американкой, студенткой, изучавшей философию. Она смеялась над моими ухаживаниями, предпочитая разговаривать со мной о спиритах и физических явлениях. Это, моя дорогая Сьюзен, была твоя мать. Когда с окончанием войны появилось столько всего нового, по-новому стали смотреть и на обитателей домов для сумасшедших. Некоторые венские доктора, например сам покойный Зигмунд Фрейд, нашли мой случай интересным. Разумеется, до истинной правды они не докопались, иначе меня бы не выпустили.

— После этого, — вставил я, быстро записывая его слова, — вы стали исследователем физических явлений и отправились в Америку.

— Да, чтобы найти ту девушку, которая когда-то смеялась надо мной и которая вместе со мной училась. Спустя несколько лет я приехал в этот город, просто чтобы разгадать легенду Рощи Дьявола. И здесь, как я узнал, она жила и умерла и оставила дочь, свой образ и подобие.

Судья Персивант откашлялся:

— Подозреваю, что вы позабыли об одной части ваших приключений, доктор.

Зоберг рассмеялся:

— Да, хотел поберечь ваши нервы. Но пожалуйста, если угодно. Я побывал в России, и в тысяча девятьсот двадцать втором году медицинская комиссия Советского Союза изучала несколько десятков загадочных случаев, когда крестьян убивали и съедали. — Он облизнулся, точно кот, который подумал о мясе. — В Париже я основал довольно интересную ночную школу и стал ее руководителем. В ней изучалось колдовство в его отношении к науке. А в тысяча девятьсот тридцать шестом году, летом, кое-кто из числа

отдыхавших на Лонг-Айленде чуть с ума не сошел от страха, увидев нечто — полуживотное-получеловека. — Он рассмеялся. — Ваше «Литературное обозрение» много писало об этом. Этим нечто был, конечно же, я.

Мы уставились на него.

— Скажите, а зачем вы это делаете? — выпалил констебль.

Зоберг повернулся к нему, загадочно склонив голову набок:

— А зачем вы защищаете местные законы? Или зачем судья Персивант изучает древние философии? Или зачем Уиллс и Сьюзен смотрят друг на друга влюбленными глазами? Затем, что так велит сердце.

Сьюзен стиснула мою руку. Ее пальцы вонзились в мою ладонь, а Зоберг меж тем снова пронзил ее взглядом.

— Я нашел дочь той, которую когда-то любил, — продолжал он, и в голосе его послышались мягкие нотки. — Ну хоть Уиллс видит в ней то, что увидел я. Меня посетило новое вдохновение. У меня созрел план заполучить товарища в моих тайных похождениях.

— Зверочеловека вроде вас? — спросил судья.

Зоберг кивнул:

— Волку понадобилась волчица. Но эта девушка — Сьюзен Герд — не унаследовала от своей матери способности медиума.

— Что?! — вскричал я. — Да вы сами говорили, что это величайший медиум всех времен!

— Говорил. Но это была ложь.

— Но почему...

— Я надеялся, — мягко перебил он меня, — сделать из нее медиума или ликантропа — называйте это явление, как хотите. Вас интересует метод, который я предложил? — Он издевательски оглядел нас всех, и наконец его взгляд остановился на мне. — Записывайте подробнее, Уиллс. Это будет интересно научному миру, хотя и страшновато. — Как вам известно, для того чтобы со мной произошло перевоплощение, из моего тела должно исходить анормальное вещество. А что, задумался я, если это вещество перенести на другого человека?

Я хотел было сказать что-то резкое, но судья Персивант, слушавший с интересом, подал мне знак, чтобы я помолчал.

— Вспомните все, что вы читали о колдовстве, — продолжал Зоберг. — Что скажете о странной «волшебной мази», которой обмазывают тело обыкновенного человека, и в результате он принимает образ животного с сердцем животного? Вот еще один пример того, как легенда основывается на научном факте.

— Черт побери, да вы правы, — пробормотал судья Персивант.

— Чертовщина какая-то, — сказал я. — Продолжайте, доктор. И вы собрались обмазать Сьюзен этим веществом, которое перевоплощает человека?

— Но я знал, что для начала должен убедить ее в том, что по сути она — волчица. И вот, сеанс.

— Она же не медиум, — снова сказал я.

— Я убедил ее в обратном. Я загипнотизировал ее, а сам проделал в темной комнате страшные чудеса. Но она была в трансе и ничего не знала. Мне нужны были свидетели, чтобы убедить ее.

— И вы пригласили мистера Уиллса, — предположил судья Персивант.

— Да, и ее отца. Они были готовы принять ее как медиума, а меня — как наблюдателя. Увидев нечто в образе зверя, они потом сказали бы ей, что это была она.

— Зоберг, — процедил я сквозь зубы, — вы собственными устами признались в злодеянии! Это убеждает меня в существовании дьявола, в честь которого названа эта Ропца. Надо было мне убить вас, когда мы боролись.

— Эх, Уиллс! — рассмеялся он. — Тогда вы бы не прослушали эту интереснейшую автобиографическую лекцию.

— Он прав, — проворчал О'Брайант. — Пусть продолжает.

О том же говорил и взгляд судьи.

— Убедившись в существовании такой силы в себе, — серьезно продолжал Зоберг, — она была бы готова душой и телом перевоплощаться при первом же касании ее мазью, то есть эктоплазмой. И тогда она стала бы мне товарищем. Мы могли бы вместе путешествовать по всему миру в поисках приключений...

Он умолк. Мы тоже молчали. Он стоял, освещенный светом костра, отбросив голову назад, руки в наручниках.

Он скорее был похож на мученика, а не на дьявола, для которого смерть на костре была бы слишком легкой.

— Могу сказать, что испортило сеанс, — произнес я спустя какое-то время. — Герд, сидевший напротив меня, увидел, что это вы перевоплотились, а не Сьюзен. И вам пришлось убить его, чтобы он это не сказал сразу же по окончании сеанса.

— Да, — согласился Зоберг. — После этого вас арестовали, а потом вам угрожали. Я оказался в неловком положении. Сьюзен, быть может, думала, что виноваты вы, а не она. Поэтому я все время защищал вас. А потом пришел за вами.

— И напали на меня, — прибавил я.

— Во мне заговорило звериное начало. Я не всегда могу себя полностью контролировать. — Он вздохнул. — Когда Сьюзен исчезла, я на второй же вечер отправился ее искать. Когда я пришел в лес, почти автоматически произошло перевоплощение. Ассоциации, наверное. Ваш брат, констебль, попался мне в недобрый час.

— М-да, — глухо произнес О'Брайант.

— И это конец, — сказал Зоберг. — Конец рассказа и, полагаю, мой конец.

— Это точно, — заверил его констебль. — Вы пришли с судьей, чтобы завершить свою грязную работу. Но мы доделаем ее за вас.

— Минуточку, — вмешался судья Персивант. На его освещенном светом костра лице появилось озадаченное выражение. — В рассказе не объяснена одна важная вещь.

— Вот как? — Зоберг подался вперед, снисходительно изображая заинтересованность.

— Если вы смогли высвободиться и убить мистера Герда...

— Вот именно! — подхватил я. — Вы же были в наручниках, Зоберг, и прикованы к Сьюзен и к стулу. Могу поручиться за крепость и прочность этих наручников.

Он усмехнулся, глядя на нас по очереди, и вытянул руки в наручниках.

— Разве это не очевидно? — спросил он.

Мы посмотрели на него несколько, по-моему, непонимающе, ибо он снова рассмеялся.

— Еще одно применение эктоплазмы, этого полезного вещества, — тихо проговорил он. — По моему желанию руки и ноги становятся толще и расширяют кольца. Потом, когда я захочу, они снова становятся тоньше и...

Неожиданно он взмахнул руками, и наручники тотчас упали с его рук. Повернувшись на месте, он помчался, как олень.

— Стреляйте! — закричал судья, и О'Брайант достал из кобуры свой большой револьвер.

Зоберг уже почти подбежал к обвитым плющом кустам, когда О'Брайант выстрелил. Я услышал пронзительный крик и увидел, как Зоберг, закачавшись, опустился на руки и колени.

Мы все побежали к нему. Я подождал мгновение, пока Сьюзен присоединится ко мне, а О'Брайант и Персивант тем временем вырвались вперед и, подбежав к Зоберту, встали с обеих сторон от него. Он был еще жив и, корчась и стоя на коленях, яростно пытался ухватить судью за горло. О'Брайант, стоявший так близко от него, что едва мог втянуть руку с револьвером, выстрелил во второй раз.

Зоберг развернулся на коленях, замер и закричал. Пожалуй, лучше сказать — завыл. В его голосе слышалась нечленораздельная агония смертельно раненного зверя. Потом рухнул на землю.

Мужчины осторожно склонились над ним и принялись внимательно его рассматривать. Наконец судья Персивант выпрямился и снова обратился к нам.

— Оставайтесь там с мисс Сьюзен, — предупредил он меня. — Он мертв, и зрелище это не из приятных.

Они медленно подошли к нам. Персивант был задумчив, тогда как О'Брайант, убивший Зоберга, казалось, впервые с того момента, как я увидел его, был рад. Он даже улыбался мне, как улыбался бы Панч [1], нанеся особенно впечатляющий удар своей дубинкой. Небрежно протерев свой револьвер ладонью, он аккуратно убрал его.

— Рад, что все кончилось, — признался он. — Мой брат может спокойно спать в своей могиле.

---

[1] Панч — в английском народном театре кукол хитрый крючконосый горбун.

— А нам еще предстоит кое о чем подумать, — сказал судья. — Мы должны решить, сколько будет правды в нашем отчете.

О'Брайант понимающе склонил голову в знак согласия.

— Вы правы, — пробормотал он. — Да, сэр, вы правы.

— А вы бы поверили мне, — спросил судья, — если бы я вам сказал, что я знал, что это Зоберг? Почти с самого начала знал.

Но нас со Сьюзен, смотревших друг на друга, уже трудно было чем-то удивить, даже этим.

АДРИАН КОУЛ

Сердце зверя

Среди последних книг Адриана Коула (Adrian Cole) мрачное фэнтезийное произведение «Кроваво-красный ангел» (Blood Red Angel) и «Рука милующая» (Oblivion Hand), объединенные в форму романа истории о герое Коула Вайдале. Серии «Омара» (The Omaran Saga) «Место среди павших» (A Place Among the Fallen), «Трон дураков» (Throne of Fools), «Король света и теней» (The King of Light and Shadows), «Гнев богов» (The Gods in Anger) и «Звездный реквием» (Star Requiem), «Мать бурь» (Mother of Storms), «Ворующий сны» (Thief of Dreams), «Небесный полководец» (Warlord of Heaven), «Лабиринт миров» (Labyrinth of Worlds) напечатаны по обе стороны Атлантики, а рассказы писателя появились в таких изданиях, как «Темные голоса 2» (Dark Voices 2), «Лучшие за год: Фэнтези и ужасы. Выпуск IV» (The Year's Best Fantasy and Horror Fourth Annual Collection), «Антология фэнтези и сверхъестественного» (The Anthology of Fantasy & the Supernatural) и «Тени над Иннсмутом» (Shadows Over Innsmouth).

Как объясняет сам автор: «Сперва я собирался написать роман об оборотнях под названием „Сердце зверя" и год или два назад приступил к работе. После ста страниц я решил, что сюжет еще не доработан, сунул рукопись в стол и переключился на другие произведения, хотя мысль о вервольфах не покидала меня. В итоге возникли существа, которых я назвал киберволками и которые зажили своей жизнью на страницах моей новой книги „Дорога к Армагеддону".

Но я не отказался от идеи романа об оборотне, составил план, набросал характеры и наметил несколько поворотов сюжета, и тут мне представилась возможность написать рассказ для этого сборника. Так что заглавие сохранилось, главный герой (первоначально названный просто Эрнотом) частично уцелел, и кое-где всплывают элементы романа. По-моему, эти трансформации ничего не испортили.

Я по-прежнему намереваюсь развить „Сердце зверя" в большое произведение, хотя нынешнее рабочее название нового романа — в честь его главного героя — „Бдительный Джон"».

В конце остался лишь ужас. Иное слово тут не годится. Люди не врут — это был леденящий ужас, от которого бросало в дрожь, и человек изо всех сил пытался сдержаться, ведь он обладал одним преимуществом: пистолетом. Иные эмоции должны были бурлить в нем: в конце концов, они же подпитывали его раньше. Отвращение, злость, разочарование, ярость, слепая решимость добиться справедливого возмездия. Именно эти чувства сплотили его и его товарищей, превратив их — как они сами считали — в неодолимую силу. И вот настало время высвободить потенциальную энергию. На короткий миг он ощутил еще кое-что: ликование. Радостное предвкушение убийства. Его свирепая хватка казалась едва ли не благородной.

Там внизу, среди теней, пряталась его жертва. Загнанная в угол. Угодившая в ловушку. Как рыбка в сеть. Ему оставалось лишь спуститься туда и завершить дело. Разве не просто? Спуститься вниз и покончить со всем.

Вниз, в ужас.

Грэйнджер жил один, но отшельником его никто не назвал бы. У него было множество друзей в городе, и ни одна вечеринка или иное сборище не обходились без него. Однажды, десять лет назад, он едва не женился, но не сложилось; в свое время он подумывал о том, не стоит ли попытаться еще разок, но теперь он знал, что, разорвав отношения, ни он, ни та женщина не ошиблись. Сейчас он был слишком поглощен собой, чтобы подыскивать партнершу, хотя и не отрицал наличия нескольких интересных вариантов. Видит бог, приятели изо всех сил старались свести его с кем-нибудь. Впрочем, настоящие друзья оставили эти попытки — по крайней мере друзья-мужчины. Их жены все еще надеялись, что он найдет себе пару. Они хотели как лучше, но порой это раздражало его. Он даже не знал почему.

Нельзя сказать, чтобы люди в их небольшом сообществе были связаны очень тесными узами, но знание того, что они могут положиться друг на друга, если что-то пойдет не так, придавало им уверенности. Предместья разрастались, один район вливался в другой, но невидимые различия все равно

присутствовали, и Грэйнджер энергично приспосабливался к ним. До переезда он жил в центре города и там действительно чувствовал себя одиноким. Здесь же его защищало само новое место в обществе. Он даже не представлял, насколько защищало.

Возможно, им повезло: средства массовой информации беспрестанно горланили о преступлениях, вандализме, насилии. Грэйнджер не закрывал на это глаза и не пренебрегал фактами. Темная сторона человеческой природы вполне способна сунуть свой длинный нос куда угодно. Просто здесь казалось, что все у тебя под контролем. Дети в безопасности, воровство сведено к минимуму, нападения и грабежи — вещи почти неслыханные, не говоря уже об убийствах; если что-то такое и случается, то крайне редко.

Так что когда все началось, никто и не понял, к чему это приведет, — по крайней мере сперва.

Пропал Эд Карлион. Его исчезновение не имело смысла. Эд продавал машины, и конечно, ему, как и любому торговцу автомобилями, порой приходилось «расстраивать» людей, но он пользовался репутацией честного человека, да и друзья присматривали за ним. У него была жена и трое ребятишек. Едва ли брак Эда был заключен на небесах, но супружество его казалось счастливым. Если Эд и попал в переделку, то это осталось тайной, покрытой мраком. Никаких финансовых затруднений, никаких проблем с выпивкой или азартными играми. Эд был простым, степенным и надежным. Но однажды вечером он не пришел домой.

Полиции не удалось его обнаружить. Хелен, его жена, сходила с ума от горя и страха. Ни следа. Машину Эда нашли на парковке возле работы. Никаких признаков борьбы. Никаких зацепок. Шесть недель спустя полиция, сдавшись, закрыла дело. Грэйнджер и остальные догадывались, что решило следствие: мужик просто дал деру. Некоторые местные, не знавшие Эда, предполагали то же самое.

Потом пришел черед Лу Ирлама. Ему было пятьдесят четыре — на несколько лет больше, чем Эду Карлиону, — но жил он примерно так же. Два его сына покинули дом за пару лет до происшествия в поисках своего места в мире,

но с женой Лу отлично ладил. Он любил перекинуться в картишки, но знал меру. Еще один обычный, уравновешенный мужчина.

И снова — ни единого следа. Однажды днем вышел из офиса купить что-нибудь перекусить, и никто его больше не видел. Полиция опять признала свое поражение. Очередной жирный ноль.

За восемь месяцев исчезли пять человек. В одном районе. Никаких улик, никаких признаков грязной игры, никаких указаний на домашние неполадки, интрижки на стороне, личный кризис. Ни у кого из пропавших не было причин скрываться. Никто из них не снял денег со счета или что-нибудь в этом роде. Какая-то мелочь да одежда — вот и все, что у них имелось.

Полиция, приведенная в замешательство своей неспособностью узнать хоть что-то об этих исчезновениях, отказывалась признавать возможность того, что все эти мужчины убиты. Детективы, конечно, не говорили этого в открытую, но подозревали сговор. И вообще они устали колотиться лбами о кирпичную стену, так что следствие сбавило обороты.

Пять семей горевали. И куда больше народу злилось. Да, они боялись — но злились. Грэйнджер в том числе. Эти пятеро были его друзьями. И, как и остальные его товарищи, Грэйнджер думал о себе как о *пока* уцелевшем. Как о потенциальной жертве.

Потому что *нечто* охотилось на них.

Никто не мог привести достаточно веских доводов, которые доказали бы полиции, что исчезнувшие люди похищены. Копы сочли бы это пустой болтовней. Дело перестало расти, превратившись всего лишь в очередную стопку бумаг в стальном сейфе. Газеты сперва раздули события: Грэйнджер постарался. Но россказни и домыслы становились с каждым разом все более дикими. К тому времени, как пресса исчерпала теорию об «инопланетных захватчиках» и переключилась на чудаков и извращенцев по эту сторону ада, читатели уже утратили интерес к происшествию.

Тони Гарсия стал первым, выдвинувшим идею защитного механизма.

— Я не хочу стать следующим, — заявил он. — Я выстрелю первым.

Мужчины, собравшиеся на квартире Грэйнджера, засиделись до поздней ночи. Вид у них был изможденный.

— Если полиция не в силах защитить нас, мы должны заняться этим сами, — продолжил Гарсия.

— Ты хочешь сказать, что мы должны все время быть при оружии? — нервно спросил Рэй Пробин. — Это не так-то просто, Тони.

— Может, и нет. Но с одним мы все согласны. Кто-то делает это. Мы не знаем кто, не знаем почему. Но *они* тут. Дожидаются возможности снова вступить в игру. А я повторяю: теперь наш черед действовать.

— Как? — осведомился Эл Хэйс, бородатый великан, которому вообще не пристало бояться кого-либо, но, как и всех остальных, его переполняла смутная тревога.

— Найти их прежде, чем они найдут нас, — ответил Гарсия.

— Но как? — вздохнул Пробин.

— Они ошибутся...

— И что потом?

Гарсия согнул указательный палец — будто нажал на курок.

Хэйс фыркнул.

— Ох, Тони, тут нужно быть чертовски уверенным. Нельзя же просто перестрелять всех, кто шляется по городу.

— Нет. Но мы должны продемонстрировать наши намерения. Пусть ублюдок — или ублюдки — знает, что мы намерены защищаться.

— Копы заявили, что никакого убийцы нет, — криво ухмыльнулся Грэйнджер. — Так что они не станут скучать по мерзавцу, если мы разберемся с ним.

Его слова были встречены улыбками и молчаливым согласием. Мужчины решили, что пора самим стать охотниками.

Они организовали патрули, группы из трех-четырех человек, сменяющиеся каждые несколько ночей. Жены и родные возражали, поскольку, когда дошло до дела, оказалось, что никому не хочется, чтобы их мужья рисковали. Но все пони-

мали и разделяли страдания семей пяти пропавших и не желали изведать подобное горе лично. Так что риск того стоил.

Полиция пронюхала о самоуправстве, но предпочла закрыть на это глаза. Возможно, власти решили, что это ненадолго. Пусть люди выпустят пар, сказали они себе. Несколько потраченных впустую ночей — и упрямцы устанут гоняться за тенями и натыкаться на пьяниц. Устанут и отложат свои чертовы пушки.

Несколько недель ничего не происходило. Патрули нарезали круги, видя лишь озорство да бесчинства молодежи и унылое разложение низших классов, неизбежно просочившееся даже сюда. Осознание того, что в их районе куда больше неудовлетворенности, возмущения и обид, чем они полагали, угнетало. Прогулки по улицам давали кардинально иную картину, чем та, что можно было наблюдать с мягкого дивана, глядя на мелькание картинок в телевизоре: здесь боль была живой.

Однажды ночью, после осторожного обхода своего участка, Грэйнджер встретился с Элом Хэйсом. Оба они ежились от холода; Хэйс предложил товарищу термос с горячим кофе, и Грэйнджер с благодарностью принял угощение.

— Думаешь, пора закругляться? — спросил великан. В темноте он походил на медведя — такая громадина устрашит любого потенциального убийцу.

Грэйнджер хлебнул из пластикового стаканчика.

— Может, те, кто занимался этим — кто бы это ни был,— ушли. Может, они забрали только по пять человек из каждого района. И теперь перекочевали в другой город.

— Угу. Или мы все-таки отпугнули их. Как считаешь?

Всем им хотелось бы в это верить. Парни устали от ночных блужданий. Грэйнджер кивнул:

— Наверное, стоит поговорить с остальными...

Хэйс вдруг окаменел, затем содрогнулся всем своим крупным телом. Он уронил термос, и выплеснувшийся кофе растекся по тротуару. Вокруг все словно замерло, только завитки пара лениво тянулись вверх.

Грэйнджер проследил за взглядом приятеля, и у него перехватило дыхание, а пальцы невольно сомкнулись, смяв плас-

тиковую чашечку. Что-то следило за ними с другой стороны дороги, из-под дерева. И хотя приятели стояли в густой тени, чужой взгляд словно пронзал тьму: несомненно, эти глаза видели их как на ладони.

Хэйс непотребно выругался, грубые слова вспороли ночь, точно кинжал материю. Фигура ссутулилась, втянула голову в плечи, повернулась и быстро двинулась прочь. Существо, казалось, было ранено: оно подволакивало ногу, что-то неестественное было в его неуклюжей походке.

Грэйнджер, разжав пальцы и уронив стаканчик, схватил за руку друга-великана.

— Господи, Эл, ты видел, кто это был? Видел его *лицо*?

— Думаю, да...

— Эл, это же Эд, Эд Карлион! Богом клянусь...

— Нет,— пробормотал Хэйс, хотя и знал, что Грэйнджер прав.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, вытаращив глаза и разинув рты. Ни одному не хотелось признаваться во внезапно охватившем их обоих страхе.

— Мы должны догнать его. Спросить... — начал Грэйнджер, но Хэйс оборвал его коротким кивком. Ничего больше не говоря, оба проверили оружие.

И побежали, испытывая облегчение от того, что хоть что-то делают. Тяжелые шаги разбивали хрупкую ночную тишину. Где-то впереди чудилось движение — стремительная прихрамывающая поступь их бывшего друга. Они не обсуждали перемены, произошедшие с его лицом, но картина эта так и стояла в сознании обоих. Это был не тот Эд Карлион, которого они знали. Он необъяснимо изменился. Приятели даже боялись нагнать его.

Они добежали до парка. Ворота были приоткрыты. Засовы давным-давно сломались, и никто и не думал их чинить. Беглец свернул сюда. Хэйс прищурился и указал стволом пистолета в сторону кучки деревьев на пологом склоне.

— Там кладбище разбитых машин Лу Джагера. Достаточно щелей, чтобы отсидеться. Думаешь, здесь Эд и скрывался все это время?

Грэйнджер хмыкнул. Все казалось слишком запутанным, слишком диким. Какого дьявола Эд Карлион решил поки-

нуть дом и спрятаться среди искалеченных механизмов и покореженных автомобилей?

Впереди послышался крик, но кричал не тот, кого они преследовали. Из-за деревьев показался кто-то еще. Тони Гарсия, тоже несущий ночную вахту, бежал наперерез Карлиону, который, согнувшись уже чуть ли не вдвое, несуразно, вприпрыжку скакал по лужайке.

Грэйнджер и Хэйс находились ярдах в пятидесяти от Карлиона, когда Гарсия с опущенной пушкой заступил дорогу бегущему. Все они далеко отклонились от сети парковых тропок, свет фонарей едва доходил сюда. Грэйнджер и Хэйс замедлили шаг; грудь великана бурно вздымалась, дышал он тяжело и хрипло. Друзья думали, что Карлион остановится перед Гарсией, но ошиблись.

Вместо этого прихрамывающее существо вскинуло руку — руку, которую ночь как-то исказила, вытянула, и резко опустило ее, полоснув наискось по человеку. Пистолет Гарсии отлетел в сторону, раздался короткий крик, а потом Карлион снова понесся по склону, на этот раз двигаясь куда проворнее.

Грэйнджер и его спутник кинулись к упавшему, больше беспокоясь о Гарсии, чем о беглеце. Они добрались до товарища в считаные секунды — и в ужасе отшатнулись. Их друг барахтался в черной луже, одной рукой зажимая горло, а другой колотя по траве, отчаянно моля о помощи. На рубахе его расплывалось темное пятно.

Хэйс наклонился и осторожно коснулся сведенных судорогой пальцев Гарсии, но тут же отдернул руку.

— Как, черт возьми, он это сделал?

Горло и верхняя часть груди Тони были разорваны.

— Это сделал Эд? — Оцепеневший Грэйнджер следил за удаляющейся фигурой. На его глазах бегущий перепрыгнул через проволочную изгородь парка и исчез из виду. Ошарашенный — точно при виде призрака — Грэйнджер не сразу осознал, что Хэйс трясет его.

— Он мертв. Бога ради, мертв! — выл великан, всем телом содрогаясь от гнева, страха, бессилия. — Тони мертв!

Грэйнджер очнулся и уставился на неподвижное тело Гарсии.

— Позаботишься о нем, Эл? Вызовешь полицию или...

— А ты что задумал?

— Один из нас должен выследить Эда Карлиона, или кого мы там видели. Если он уйдет сегодня, считай, что мы его потеряли. Я спускаюсь туда.

Ужас исказил лицо здоровяка. Казалось, он сейчас заплачет.

— Я приведу подмогу.

— Давай.

Грэйнджер побежал через парк, не оглядываясь. Еще секунда — и он остался бы с Хэйсом, вернулся назад, к безопасности, к здравомыслию. Но он обязан был закончить дело.

Это оказалось куда проще, чем он думал. За парком, стоя на склоне, тянущемся к обширному кладбищу автомобилей, он ощутил пробуждение животных инстинктов. Охота. Близость убийства. Эд Карлион, или кем там он стал, — дичь, законная добыча. Он убил — и должен быть убит. Закон на стороне Грэйнджера.

Бесшумно ступая, он двинулся вдоль гребня, внимательно разглядывая гигантские курганы искореженного железа и разбитых машин внизу. Найти убежище среди этих плотных нагромождений казалось делом нелегким. Карлиону, чтобы спрятаться, пришлось бы вгрызаться, точно червю, в сплошную стену. Ему, несомненно, пришлось обойти площадку — или по крайней мере часть ее — по периметру.

А потом Грэйнджер увидел то, что искал. Огромный ангар, склепанный кое-как из гофрированных железных листов. Одна из гигантских дверных створок косо висела на вывороченных петлях. За ней зияла черная пасть барака, из которой наполовину высовывался какой-то перегоревший, развалившийся механизм в рыжем саване ржавчины.

Беглец был там. Грэйнджер точно знал это. Он почти чувствовал на себе взгляд Карлиона, как и тогда, на улице, когда впервые увидел его. Волна ужаса окатила Грэйнджера.

Он начал спускаться.

Остановившись возле разбитого мотора, Грэйнджер вглядывался во мрак. Напряженный палец он держал на курке пистолета. Слишком темно, чтобы идти внутрь.

— Эд, — прошептал он, но из горла от страха вырвался лишь глухой хрип. Он позвал снова, громче, но ответа не последовало. Стояла какая-то сверхъестественная тишина — ни шороха, ни писка. Он слышал лишь собственное дыхание и чувствовал, как напряжены его нервы. Когда Грэйнджер потянулся к кривой створке, в сарае что-то то ли затрещало, то ли посыпалось.

Лужица света задрожала у его ног, не озаряя внутреннего пространства сарая.

— Эд, я знаю, что ты там.

Никчемные слова, но Грэйнджеру хотелось услышать собственный голос. Он сделал крошечный шажок вперед и застыл на пороге. Прищурившись, мужчина разглядел старую керосиновую лампу, чадящую в нескольких ярдах от него. Она стояла на верстаке, которым давным-давно никто не пользовался. Сарай был набит битком, даже с потолка свисали какие-то цепи, сплетаясь в уродливую паучью сеть. На пыльном полу валялись разъеденные коррозией части двигателей и рабочие инструменты.

Глаза Грэйнджера постепенно привыкали к свету; границы поля зрения расширились. Но кроме лампы других следов присутствия обитателя барака он не замечал. И все-таки керосинку зажег Карлион. Больше некому.

— Ты не должен бояться, Эд. Это Грэйнджер.

Он произнес это, в первую очередь желая успокоить себя, и все же сердце его ёкнуло, когда он уловил какое-то движение возле каркаса старой тачки. Рука с пистолетом взлетела и описала круг. За передним бампером застыла фигура — совершенно неподвижная, так что на миг Грэйнджер даже подумал, что там всего лишь висит старый комбинезон. Но потом тусклый свет очертил лицо и заплясал в диких глазах.

Это был Эд Карлион, но был он, несомненно, болен. Возможно, безумен.

— Эд. Проклятье, что с тобой случилось?

— Он не понимает тебя, — послышался шепот из глубины сарая.

Грэйнджер резко повернулся, но ничего не увидел.

— Кто ты? Что здесь происходит?

От испуга Грэйнджер едва не разрядил всю обойму в том направлении.

— Опусти оружие. Оно тебе не понадобится. — Голос был поразительно, до нелепости спокоен, что совершенно не вязалось с ситуацией.

— Выходи на свет, чтобы я мог тебя увидеть, — рявкнул Грэйнджер, продолжая целиться в темноту.

— Хорошо.

Тень начала уплотняться, и тут Грэйнджер услышал за спиной тяжелые шаги. Он мигом обернулся, не желая попасться на удочку.

Грэйнджер ахнул, едва не уронив пистолет: в дверном проеме, сгорбившись и держась за косяк, стоял Гарсия. Эл Хэйс ошибся — их друг вовсе не погиб!

— Тони... — Грэйнджер шагнул вперед и тут же понял свою ошибку.

Гарсия поднял голову, и свет упал на страшную открытую рану на шее, на побуревшее пятно крови на груди. После таких повреждений люди не оправляются и тем более не ходят.

Глухое, звериное ворчание сорвалось с губ Гарсии вместе с хлопьями кровавой пены. Его глаза тоже были дикие, совсем как глаза Эда Карлиона. Глаза зверя. Грэйнджер попятился. Одеревеневшие мышцы отказали объятому ужасом человеку. Какая-то темная фигура скользнула мимо него к Гарсии, который, похоже, собирался, несмотря на жуткие раны, сделать прыжок, но вдруг его свирепые глаза потупились, точно у пьяного или одурманенного. Запал Гарсии явно иссяк — он неуклюже привалился к дверям.

Незнакомец повернулся, и Грэйнджер в первый раз увидел его. Высокий, с бледным лицом, на котором читалась холодная надменность, если не презрение, в пальто из какого-то тяжелого, темного, дорогого на вид материала, с поднятым воротником, плотно обнимающим шею. Несмотря на то что ночь выдалась теплой, мужчина был в тонких перчатках.

— Я здесь, чтобы помочь тебе, — сказал он, и теперь Грэйнджер заметил, что говорит незнакомец без акцента, по крайней мере различимого.

— Что происходит? Помочь нужно Тони. И Эду. — Он повернулся, но Карлион не шевелился. Застывшая фигура

походила на куклу, на чучело — если бы не глаза. В них плескалось что-то *чужое*, что-то адское.

— Ты видишь, *чем* стали твои друзья. Вы называете таких оборотнями.

Грэйнджер скривился:

— Не держи меня за дурака...

— Ладно. Подбери слово сам. Но они больше не те, кем были раньше. Никто из них.

— С остальными то же самое?

Незнакомец равнодушно кивнул, словно ему было все равно.

— Теперь их шестеро. И все они здесь.

— Ты сказал, что хочешь помочь. Как?

— Ты собрал отряд бдительных. Ты предполагал, что твоих друзей выслеживали. И был прав. Только ты понятия не имеешь о том, *что* преследовало их.

Грэйнджер медленно поднял пистолет. Дуло оружия замерло в нескольких дюймах от груди незнакомца, но тот совершенно не обращал внимания на угрозу.

— Ты пытаешься убедить меня, что на них охотился вервольф? Оборотень? Это он изменил их облик?

— Да. И тебе нужна помощь, чтобы уничтожить тварь. Оружие бесполезно. Вся ваша сила бессмысленна, все технологии несовершенны.

— Но ты можешь помочь?

— Могу. Я обладаю силой, которой нет у вас, людей...

— У нас, людей? В каком смысле? Кто же в таком случае *вы*?

— Мы не из этого мира. И оборотень — он тоже бежал сюда от наказания. Моя раса стремится уничтожить вервольфов. А он собирается укрыться в вашем мире, испортить, разложить вас, заставить служить ему. Ты же видишь — он уже начал.

Грэйнджер метнул взгляд на Гарсию, затем на Карлиона.

— Ты контролируешь их, верно? Не даешь напасть?

— Да. Их создатель скрылся, залег где-то. Но прежде чем мы приступим к охоте, нам предстоит кое-какая работенка здесь. Неприятная работенка.

Грэйнджер молчал. Этот парень чокнутый. Возможно, он гипнотизер: загипнотизировал Эда и Тони, только и всего. Должно же быть какое-то логическое объяснение!

Вдруг откуда-то издалека донесся вой. Грэйнджер чуть было не закричал от испуга, но ледяной ком в горле не дал вырваться воплю. Чужак повернулся и направился к дверям. Не обращая внимания на Гарсию, привалившегося у порога, он обвел взглядом склон, тянущийся за оградой парка.

— Ты сомневаешься. Я ожидал этого, — сказал он. — Оставайся в тени и смотри.

Он и сам отступил во мрак сарая и застыл, ожидая чего-то.

Во второй раз вой прозвучал уже намного ближе. Грэйнджер решил, что это собака, возможно даже, полицейская ищейка, ведущая копов, вызванных Элом Хэйсом, по следу. Вот ее лапы заскребли по грязи у ангара, вот она громко засопела в ночи. В следующую секунду в дверь сунулась черная оскаленная морда с капающей слюной. Казалось, собаке не терпелось ринуться в атаку.

Когда животное, даже не взглянув на Гарсию, ступило на мягких лапах в ангар, незнакомец мягко толкнул дверь, отсекая ночь. При свете керосинки Грэйнджер разглядел, насколько громаден черный пес. Собака уставилась на него, обнажив клыки, не скрывая своих намерений. Но прежде чем тварь успела прыгнуть, чужак негромко произнес что-то, зверь с рычанием повернулся и начал кружить на месте, трясясь, судорожно дергаясь и брызгая слюной.

Глаза Грэйнджера сами собой выпучились: *пес менялся*.

Он действительно менялся. Не прошло и минуты, как лапы собаки вытянулись и стали толще. Шея удлинилась вдвое, морда стала чудовищной, волчьей, желтые клыки выгнулись кривыми саблями. Существо встало на задние лапы, подтянув передние к груди. Алые глаза не отрывались от чужака, ожидая приказа.

— Я обладаю силой, которой нет у людей, — снова заявил незнакомец. — Как и у того, за кем я охочусь.

Ноги едва держали Грэйнджера, рука с пистолетом вяло повисла.

— О'кей, — выдохнул он. — У тебя есть сила. Господи, но что ты хочешь от нас?

— Ты веришь мне? Ты наймешь меня?

— *Найму* тебя?

— Я прошу лишь одного. Мне нужно сердце зверя, которого ты ищешь. Я должен быть уверен, что он умер. Твоя раса, люди — рабы любопытства. Они захотят поймать его и посадить в клетку. А мне нужно его сердце. Я должен быть уверен.

Грэйнджер кивнул.

— Ты получишь то, что просишь, — я лично чинить препятствий не собираюсь. — Глаза его по-прежнему не отрывались от вытянувшейся во весь рост бестии.

Незнакомец сказал еще что-то, и пес упал на все четыре лапы, кинулся в тень и пропал из виду.

— Мои друзья, — напряженно выдавил Грэйнджер, посмотрев на них. — Им можно... помочь? Превратить обратно?

С непроницаемым выражением лица чужак покачал головой.

— Однажды осквернение испорчено навсегда. Я могу держать их под контролем, и только.

— Но как же так, бога ради?! Их нельзя оставлять в таком виде...

— У тебя нет выбора. Вернуть их в семьи невозможно. Или ты все-таки собираешься?

— Но должен же быть хоть какой-то выход! Наверняка в больнице...

— Надежды нет. Проводив их к людям, ты рискуешь заразить остальных.

Грэйнджер взглянул на Гарсию. Он понимал, насколько стремительно «преобразился» его друг. Что же будет, если это продолжится, если станет распространяться, точно смертельный вирус?

— Ты можешь сделать только одно, — сказал чужак и показал на керосиновую лампу.

— *Сжечь* их? Ты сошел с ума...

Снаружи неслись еще какие-то звуки: шум голосов и лай собак.

— Погоня. Я должен увести их, сбить со следа. А ты обязан уничтожить своих бывших друзей при помощи огня. За твой спиной — факел. И другие четыре оборотня.

Грэйнджер, совершенно сбитый с толку, смотрел, как незнакомец щелкнул пальцами, и юркнувшая куда-то собака снова вышла на свет — к счастью, она уже приняла нормальный облик. А что если страшное превращение было иллюзией? Но нет, Грэйнджера выворачивало наизнанку при одной мысли о том, чтобы увидеть кошмарную трансформацию еще раз.

Чужак распахнул дверь и ласково заговорил с псом. Тот развернулся и бесшумно растаял в ночи, а незнакомец обратился к Грэйнджеру:

— Ты должен сделать это. Я уведу преследователей далеко. А утром полиция найдет это место — и тела. Они не узнают, что случилось на самом деле. Я свяжусь с тобой. Поговори со своими друзьями. Скажи им, что я могу помочь. И помни о цене, которую я назначил.— Взгляд его на миг задержался на Грэйнджере, но мужчина не чувствовал, что чужак шарит у него в сознании или пытается овладеть его разумом.

Потом незнакомец ушел. Снаружи кто-то заорал, но вопли быстро начали затихать вдали, как и гвалт рвущихся с поводков ищеек.

Грэйнджер разрывался на части. Должен ли он отправиться к друзьям, позвать полицию? Но что если незнакомец прав? Нельзя, чтобы Гарсию и остальных нашли в таком виде.

Он стиснул гнутую ручку керосинки. Пятно света упало на Карлиона, озарив его жутким сиянием, воспламенив глаза, переполненные ненавистью — ненавистью, которая не могла быть человеческой. Грэйнджер подумал о незнакомце. А что если это он? Что если именно он осквернил, испортил людей? Но если так, зачем он показался ему?

«Я обязан сделать это,— сказал себе Грэйнджер.— Эти люди — эти существа — должны умереть».

Он прошелся по сараю, подняв лампу. В ее колеблющемся свете он увидел остальных — еще четверых пропавших. Как Карлион и Гарсия, они превратились в жалких, сгорбленных животных, сдерживаемых невидимым барье-

ром. Грэйнджер нашел факел, сделанный из промасленной тряпки, намотанной на железный прут, взял его и поджег: ветошь вспыхнула мгновенно, ослепив мужчину ярким пламенем.

И тут же четверо бывших людей зарычали, замахали руками, скрючив растопыренные пальцы, точно грозили когтистыми лапами, лица их чудовищно исказились. Повернувшись, Грэйнджер увидел, что Карлион и Гарсия подковыляли к своим товарищам.

Мужчина понял, что, как только огонь погаснет, твари беспрепятственно кинутся на него. Сейчас их отпугивало лишь пламя. У него действительно не было выбора, кроме как убить их.

Бессознательное стремление выжить подтолкнуло его. Грэйнджер сделал выпад и ткнул факелом в грудь первого существа. Оно тотчас превратилось в огненный столб, вспыхнув так, словно было сухим трутом, соломенным пугалом. Из разинутой пасти вырвался лишь клуб дыма.

Удачно начав, Грэйнджер стиснул зубы и поджег еще двоих. Оборотни рухнули, объятые ревущим пламенем, яростно, но бессмысленно молотя руками. Грэйнджер отступил, ощутив чье-то приближение, резко повернулся, и пылающий факел скользнул по плечу Гарсии. Результат последовал незамедлительно.

Грэйнджер попятился к дверям. На ногах оставался лишь Эд Карлион. Он неуклюже шагнул вперед, и на мгновение Грэйнджер застыл, опаленный вспышкой памяти, но тут в свете факела сверкнули клыки Карлиона. Грэйнджер ударил — и тварь упала, пожираемая огнем.

Все было кончено. Грэйнджер уже собрался уходить, но в полосе света у двери шевельнулась новая тень. Нужно уничтожить еще одного. В спешке мужчина просчитался. Он поднял повыше факел, который только что едва не отшвырнул в сторону, и чуть не уронил его от ужаса.

Фигура, освещенная пламенем, была его зеркальным отражением.

Она протянула руку к огню.

— Ты сделал достаточно, — произнес голос, который был ему слишком хорошо знаком, — его голос!

Человек не успел среагировать, не успел понять. Существо с легкостью забрало факел. Так до конца и не очнувшийся Грэйнджер шагнул вперед, приоткрыл рот, чтобы заговорить, но тут ощутил толчок факелом в грудь — раз, другой, третий. Огненные тиски сжались. Грэйнджер метнулся в дверной проем, но споткнулся о ржавый мотор и упал на него, сжав в пародии на любовное объятие, а рыжие языки пламени заплясали по корчащемуся телу.

Фигура же метнула факел вглубь сарая, добавив еще немного огня к уже бушующему адскому пламени.

Голос на другом конце провода спросил:

— Это Грэйнджер?

— Да.

— Ты знаешь, кто я?

Не узнать этот голос без всякого акцента было невозможно.

— Да.

— Ты слышал сообщение по радио?

— О пожаре? Да.

— Ты все сделал правильно. Полиция обнаружила достаточно, чтобы выяснить судьбу твоих пропавших друзей. Конечно, они захотят задать тебе кое-какие вопросы.

— Все в порядке, думаю, что справлюсь с этим.

— Как только тебя оставят в покое, я позвоню снова. Еще не конец.

— Я буду ждать. — Существо, называвшее себя Грэйнджером, положило трубку. *И я буду готов к нашей беседе. О да, более чем готов.*

На листке лежащего у телефона блокнота для записей чернела одинокая небрежная закорючка, невинное сердечко вроде тех, что рисуют на валентинках.

ЛЕС ДЭНИЭЛС

Оборотень

Рассказы Леса Дэниэлса (Les Daniels) появляются во множестве антологий, таких как «Ужасы 4» (Best New Horror 4), «Темные голоса 4 и 5» (Dark Voices 4 and 5), «Зомби» (The Mammoth Book of Zombies), «Вампиры» (The Mammoth Book of Vampires), «После сумерек» (After the Darkness), «Книга мертвых» (Book of the Dead), «Порт смерти» (Deathport), «Пограничье» (Boarderlands), — мы указали здесь только некоторые из подобных изданий.

Его восторженно принятая серия романов о загадочном герое-вампире доне Себастиане де Виллануэва — «Черный замок» (The Black Castle), «Серебряный череп» (The Silver Skull), «Городской вампир» (Citizen Vampire), «Желтый туман» (Yellow Fog) и «Кровь не пролита» (No Blood Spilled) — наконец-то опубликована в Англии издательством Raven Books, и сейчас Дэниэлс напряженно работает над шестой книгой под названием «Белый демон» (White Demon). Его иллюстрированная история «Чудо: величайшие комиксы мира за пять легендарных десятилетий» (Marvel: Five Fabulous Decades of the World's Greatest Comics) имела огромный успех по обе стороны Атлантики, а недавно он завершил аналогичный труд, посвященный DC-комиксам.

И хотя я читал ряд рассказов об оборотнях, интерпретирующих миф о вервольфах примерно так же, думаю, Дэниэлс справился с темой лучше, чем кто-либо другой...

У него не было имени (у волков вообще редко бывают имена), да и особой памяти тоже. А если он и вспоминал что-либо, то не холодный, острый лесной воздух, щекочущий ноздри, и не мускусную вонь перепуганной добычи — зачем вспоминать то, что и без того чуешь так часто? В воспоминаниях витали странные запахи: запах паленого мяса, запах обугленной плоти и поджаренной крови, запах существ, запертых в катящихся железных ящиках, —

и каждый запах выблевывал жуткие пары зловония, облако за облаком, вытесняя сладкую, пряную свежесть. Эти запахи преследовали его, запахи и видения: образы бледных, безволосых тварей, бредущих пошатываясь, с трудом переставляя жирные задние ноги, с передними лапами, закутанными в высохшие шкуры, содранные с других животных. Эти твари были чудовищны, как и их празднества в душных деревянных коробках, которые не двигались, где нечем было дышать, кроме дыма курящихся дурнопахнущих трав и вони гниющих плодов и зерна. В ящиках выли, но вой этот исходил из ящиков поменьше — вой, заглушаемый скрежетом молний, застрявших в железной проволоке, и шумом мечущегося в сухих тростниках ветра.

Ему снилось все это, когда луна становилась полной, и если бы он мог, то рассказал бы об этих снах своим товарищам по стае. И все же он был благодарен, что не обладает даром речи, порой задумываясь, откуда ему вообще известно о существовании слов. Речь, слова — сами эти понятия принадлежали снам.

Он спал в логове со своей самкой и ее щенками; он спаривался с ней, когда ее запах призывал его; и все же в дреме ему мерещились белые бедра, пахнущие мятой или даже клубникой. Тогда им овладевал ужас. Он дрожал и выл, выл все отчаяннее, оттого что его крошечный передний мозг твердо знал ту малую, но непреложную истину, которую способен был вместить: когда свет в небе делается круглым, он обращается в человека.

Волк коротко заскулил и прижался к отдающей плесенью шкуре своей самки, размышляя, не были ли обрывками тревожного сна ее красота и его собственная грубоватая похоть. А еще думая о том, в каком же, собственно, мире находится он сам.

А потом он размашисто бежал на свободе по тропе, проложенной для него в глубоком снегу забредшим сюда лосем, не слыша ничего, кроме шепота ветра и шороха своих лап по ледяному насту. Голод вгрызался в живот, точно нападший зверь; возможно, именно голод и порождал страшные сны, погнавшие его в ночь. Стая голодала, голодали все, но нельзя оставлять логово, пока детеныши еще малы. Щенки

не проживут долго без еды, и потому он охотился, покрывая милю за милей, задерживаясь лишь для того, чтобы пометить путь, задрав лапу у какого-нибудь ствола.

В один из таких моментов, едва опустив лапу, он осознал надвигающуюся перемену — подушечки лап вдруг стали мягкими, нежными, их начало пощипывать от мороза. Он утратил талант, которым обладают все волки, — талант управлять температурой собственного тела, и уже по одному этому признаку стало ясно, что сейчас начнется превращение в чудовище.

Он затрясся на холодном ветру, встал на задние лапы, щелкая челюстями, словно ловя пустоту, зарычал утробно, чувствуя, как зубы болезненно погружаются в кость, оставляя ему лишь тридцать два ничтожных пенька, уже не заполняющих пасть, и как морда сама собой вминается в голову, становясь лицом. Мучительная агония корежила тело; он ощущал каждый волосок, всасываемый раздираемой болью плотью.

А потом он распух, раздулся в розовое, неуклюжее существо, вдвое тяжелее привычного, толстое, слабое, безволосое, боящееся кроткой тьмы. Оно бежало по снегу, трясясь и вопя, увлекая его с собой.

Хилыми, кровоточащими, лишенными когтей руками человек, которым он стал, перевернул скользкий, покрытый прозрачной ледяной глазурью камень и нашел под ним тайник с одеждой. Он не помнил, как эти тряпки оказались там, но, когда он натянул их, холод перестал безжалостно терзать тело. Все в нем переменилось, кроме голода. Он побрел дальше в поисках пищи, онемевшие ноги деревенели в шкуре зарезанной коровы.

Бо́льшую часть ночи он медленно тащился по снегу, пока не взобрался на какой-то взгорок, где глаза подтвердили то, что давно уже твердили ему уши и нос: он стоял перед входом в иной мир. Внизу бежал бесконечный поток ядовитых газов, струящийся по узкой полоске земли, похожей на сухое русло реки, по которой двигались непрерывные ряды железных коробок с запертыми внутри людьми. Эти существа, казалось, следуют за луной точно так же, как и он; в сущности, каждая из их коробок гналась за двумя

ярко-желтыми кругами света, не в силах поймать их. Он охватил всю картину мгновенно, одним взглядом, но решил тоже пойти за огнями. Именно так поступают люди. Возможно, у устья пересохшей реки отыщется еда.

Волоча ноги по серой, наплеванной колесами слякоти, он зашагал за фарами (названия постепенно начали возвращаться в голову), держась обочины, поскольку снова знал, что машины способны убить.

Наконец он понял, куда все направляются. Машины преследовали не луну, а большую красную звезду, силуэт которой пылал на фоне неба. Рядом вились алые загогулины, и он каким-то образом догадался, что они тоже означают КРАСНАЯ ЗВЕЗДА[1], хотя это и не имело смысла, ведь красная звезда все равно горела прямо возле них. И бессмысленные загогулины вовсе не выглядели тем, о чем говорили, — они скорее напоминали брызги крови на черном снегу.

Потом он увидел, что КРАСНАЯ ЗВЕЗДА — это еще один ящик, только гораздо больше остальных — настолько, что заглянуть за него не получается. Казалось, что сделан он в основном из льда: огромные плоскости блестели, переливались и просвечивали, так что зарево, полыхающее внутри, проникало наружу и падало на него. Машины открывались, и те, кто сидел в них, бросались на волю как разумные существа, но потом всех их заглатывал гигантский кашкан, похожий на пылающий во льду костер. Он почуял их голод и, несмотря на страх, двинулся за людьми. Хороший охотник способен стащить еду даже из силков.

Сияние внутри — ярче солнца, холоднее луны — ошеломило его. Он зажмурился, запах смерти забил ноздри. Здесь погибли сотни животных, и их тела еще не съели. Ему стало жутко от осознания такой напрасной резни, хотя рот в то же время наполнился слюной.

Кто-то протиснулся мимо, толкнув его; он зарычал, приподняв верхнюю губу, слишком поздно вспомнив, что у него нет больше клыков, которые можно оскалить. Здесь собрались дюжины людей, но они не были стаей. Каждый тут все равно что волк-одиночка без собственной территории;

[1] Имеется в виду «Red Star» — сеть популярных супермаркетов.

каждый зол, агрессивен и испуган. Все толкали перед собой небольшие ящики-клетки, движущиеся как машины, пихая ими друг друга. Некоторые клали в эти ящики всякие вещи, и уже от этого одного кружилась голова. Все в этом мире находилось внутри чего-то другого; никакой свободы.

Шум, так часто снившийся ему, снова омыл его: шорох проволоки и тростника, треск проткнутой палками кожи, скрежет соскабливаемой с брюха шерсти. Он обнаружил, что невольно мурлыкает что-то вместе со всеми; с каждой минутой, проведенной среди людей, он все больше походил на них. Взяв тележку, он сделал с ней то же, что и остальные. Яркий свет слепил его, как тьма слепит человека, а музыка оглушала. Только нелепый розовый обрубок носа, его проклятие, говорил ему хоть что-то. И говорил он о мясе.

Он находился в проходе, набитом мясом. Пол был мясом и стены — мясом, и мясо тянулось перед ним, насколько хватало его замутненных глаз.

Зрелище это должно было бы доставить ему радость, но ощущал он и ужас, ужас, который способны породить лишь неумеренность и избыток. Случалось ли когда-нибудь такое, чтобы столько зверей погибли разом? Что могло убить их и что помешало съесть мясо? Шерсть на его спине поднялась бы дыбом, если бы не исчезла несколько часов назад.

Он чуял коров, и овец, и свиней, и цыплят, и индеек, и уток, и несколько видов известной ему рыбы и очень много неизвестной. Он чуял сотни, тысячи мертвых существ, и каждое воняло разложением. Это не свежее мясо, в котором еще трепещет горячее биение крови; это что-то нарезанное, осушенное, испорченное.

И холодное. Безотчетно стиснув в ладони кусок коровы, он почувствовал, как просачивается в руку озноб смерти. Мясо было уже прожевано, как то, которое он изрыгал, чтобы кормить детенышей, и затянуто в прозрачный лед вроде того, из чего были сделаны стены КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ. Дрожащими пальцами он уронил добычу в тележку. Поблизости лежали свиньи, перемолотые и засунутые в собственные кишки, хотя любые потроха не слишком вкусны и питательны. Он прошел мимо, но не смог удержаться и бросил в тележку

три цыплячьи тушки, пускай они и были холодными и твердыми как камни.

Теперь им овладело возбуждение — окоченевшие пальцы хватали бычьи ребрышки, ногу ягненка, телячьи мозги. Он окунул руку в чан с куриной печенкой, все еще плавающей в остывшей крови, и густая жидкость облепила кожу. Он облизал руку и, поймав на себе недоуменный взгляд женщины, зарычал на нее.

Пора было уходить, бежать с этим мясом, пока он сам не очутился среди заледеневших безжизненных кусков. Но путь назад оказался блокированным, и его охватила паника, бурлившая, пока он не опознал очередь в кассу. Вот так, рядком, стоят только люди, и он обрадовался собственной смекалке. Возможно, у него в конце концов получится выбраться отсюда.

Он пошел за проволочной тележкой, набитой окаменевшими частями мертвых животных. Люди стояли впереди и позади него, нагруженные точно так же: добыча, угодившая в их проволочные силки, была уже трупами, но не это безобразное зрелище заставило его содрогнуться. Напротив, им овладела идея отнести эти расчлененные туши туда, где можно сунуть их в огонь и смотреть, как они сочатся сгорающим жиром, так что потом остается только высохшая оболочка. От одной лишь мысли к горлу подкатил ком, но он знал, что осуществит этот безумный план, если что-нибудь не помешает ему. Он попытался сосредоточиться на воспоминании о своих детенышах, ждущих в логове, вырытом его собственными лапами, но теперь они отчего-то казались очень далекими, хотя он и понимал, что они могут умереть, не дождавшись ни кусочка мяса, которое он добыл для них.

Щурясь от ослепительного света, он следил за тем, как шеренгой тянутся в ночь впереди стоящие. Люди словно выполняли некий ритуал. Все они проходили мимо молодой женщины, самой еще почти детеныша, и, приветствуя ее, позволяли ей прикасаться к каждому из своих сокровищ. И еще кое-что. Каждый человек делал женщине подношение, протягивая ей что-то вроде зеленого листочка, а иногда и несколько таких листиков сразу. Но откуда они взяли зеленые листья посреди зимы? В это время года листва встре-

чается реже дичи. Его подергивающиеся руки были пусты, и тело под одеждой начало чесаться. Как и все, он положил свой улов перед женщиной — пусть трогает что хочет.

— Сорок два сорок девять, — мелодично сказала она.

Он понятия не имел, что означают эти звуки. Она посмотрела на него, и он вдруг почувствовал головокружение.

— Сорок два сорок девять.

В голове мелькнуло воспоминание о зеленой листве, и о лете, и об обильной добыче. Он упал на колени.

Человек позади, увидев, что происходит, кинулся в молочный отдел в глубине магазина.

Кассирша перегнулась через кассу, чтобы рассмотреть, что случилось, и в этот миг он снова встал на задние лапы. Слюнявые челюсти сомкнулись на лице женщины.

Он жрал — и не гнилую замороженную падаль. Живая кровь лилась в рот, горячая плоть трепетала на языке. Вот что такое первый сорт! Гортань его была набита.

Сбросив последние клочья одежды, он побежал. КРАСНАЯ ЗВЕЗДА раздвинула свои блестящие стены и выпустила его. Он играючи обогнул катящиеся капканы и запрыгал по нетронутому снегу к надежному укрытию — деревьям.

Куски молоденькой кассирши надежно хранились внутри его. Добравшись наконец до дому, он отрыгнет их. Сегодня ночью его детишки наедятся досыта.

НИКОЛАС РОЙЛ

Мы с тобой крови не одной

Рассказы Николаса Ройла (Nicholas Royle) перепечатывались в выходящих друг за другом сборниках «Лучшее за год: Мистика. Магический реализм. Фэнтези» (The Year's Best Fantasy and Horror), «Ужасы. Лучшее за год» (Best New Horror) и «Лучшее за год. Рассказы в стиле хоррор» (The Year's Best Horror Stories). Ройл продал более семидесяти своих рассказов журналам и антологиям по всему миру, включая такие, как «Темные голоса» (Dark Voices), «Зомби» (The Mammoth Book of Zombies), «Антология фэнтези и сверхъестественного» (The Anthology of Fantasy & the Supernatural), «Могилы» (Narrow Houses), «Интерзон» (Interzone), «Кровавая зона» (Gorezone), «Австралийские ужасы» (Terror Australis), «Новый социалист» (New Socialist) и «Ридерз дайджест» (Reader's Digest).

Его роман «Двойники» (Counterparts) в 1993 году был выпущен издательством «Баррингтон букс» (Barrington Books) в мягкой обложке ограниченным тиражом, а составленные им антологии «Темные земли» (Darklands) и «Темные земли 2» (Darklands 2) получили Британскую премию фэнтези (British Fantasy Award) в 1991 и 1992 годах соответственно. В 1992 году писатель получил сразу две Британские премии фэнтези, еще одной удостоился рассказ «Медсестра ночной смены» (Night Shift Sister) из сборника «Во власти сновидений» (In Dreams).

Вот что, по словам автора, легло в основу рассказа, представленного вниманию читателей в этой антологии: «Мы в Соединенном Королевстве привыкли к тому, что диких зверей осталось очень мало. Там, где когда-то свободно разгуливали волки и дикие кабаны, теперь бегают немецкие овчарки и мирно пасутся свиньи на ферме; поэтому многочисленные столкновения с дикими представителями семейства кошачьих за последние годы завладели воображением людей. Из разных районов страны поступали сообщения о том, что люди встречали практически все виды дикой кошки, хотя черная пантера фигурировала в них чаще остальных...»

Только когда с правой стороны по ходу движения поезда показались антенные мачты города Рагби, Гэри почувствовал, что Лондон действительно остался позади. Они служили ему психологической отметкой половины пути, и, стоило миновать их, как он становился ближе к родному северу, чем к городу, в котором провел последние десять лет, переходя с одной скучной работы на другую, встречаясь и расставаясь с женщинами, не приносившими ничего, кроме неприятностей.

Когда политехнические институты практически в одночасье превратились в университеты, повсеместно стали вводить новые курсы, и Гэри отправил резюме с целью получить место преподавателя писательского мастерства магистрам в заведении, некогда бывшем их местным политехом, особо не задумываясь о том, что будет делать, если они вдруг и вправду предложат ему работу. Так что, получив предложение, он подумал и решил перестать заниматься мазохизмом и бросить работу преподавателя-почасовика в Ист-Энде. Прослушал он и сообщения на автоответчике: пленка была затерта почти до дыр нытьем Эстелль, его последней рефлексирующей истерички, невинная болтовня с которой во время перекура в учительской школы в Форест-Гейте привела к роковым последствиям. Гэри провел пальцем по корешкам написанных им самим детективов: их действие разворачивалось в южной части Лондона, а антигероя он прикончил в последней книге от скуки; огляделся вокруг и открыл на своем компьютере «Тошиба» образец письма с согласием приступить к работе.

Его квартира представляла собой съемную однокомнатную берлогу (чтобы сдать ее теперь, придется хорошенько постараться) в самой недружелюбной части Далстона, поэтому при мысли о переезде комок в горле не ощущался. И вообще, он был так счастлив вернуться на север, что потеря арендной платы за месяц его не слишком волновала. Все произошло в последнюю минуту, включая подготовку самого курса: короче, никакой конкретной программы он так и не отправил, но, чему учить студентов, решать было ему, особенно вмешиваться никто не собирался. Гэри считал, что правительство или скорее всего частные спонсоры просто-

напросто выбрасывают деньги на новые университеты и не знают, что с ними делать. Факультет искусств и литературы в Макдоналдс-Билдинг, отделение английского языка в крыле Шотландских вдов. «Какая разница, — думал он, пока поезд полз через Стаффорд, — работа есть работа. Благодаря ей я наконец-то уеду из Лондона и окажусь среди студентов». Последнее время он чувствовал себя стариком, а потому решил: молодая кровь — то, что ему сейчас нужно.

Стоя на платформе, он глубоко вдохнул холодный зимний воздух. Гэри почти убедил себя в том, что чувствует темно-красное, как цвет раскаленного железа, и яркое, как вспышка стробоскопа, возбуждение юности. А потом сам же над собой посмеялся и перекинул сумку через плечо. Человек у шлагбаума улыбнулся ему в ответ: все верно, он снова дома. Выйдя на улицу, он уже хотел было поймать такси, но, подумав, решил прогуляться, хотя путь предстоял неблизкий: вниз по холму к автобусной станции. Эстелль много раз говорила: «Собирай вещички и уматывай на север, если так ненавидишь Лондон», но почему-то он никогда не рассматривал такую возможность всерьез. Теперь, глядя на знакомые названия улиц и дорожные указатели, он понимал, что это уже давным-давно следовало сделать. Гэри вновь чувствовал себя ребенком, выбегающим из школы на огромную, усыпанную листьями площадку. Он надеялся, что после долгой разлуки север все же примет его обратно.

Первым сюрпризом стали трамваи: приглушенный звук их клаксонов напоминал сирену маяка, подающую сигналы судам во время тумана. Конечно, Гэри читал, что трамваи вернули на улицы, тем более что он принадлежал к поколению, привыкшему к трамваям — жестяным коробкам, с лязгом и скрежетом рассекающим улицы Брюсселя, Кельна и Цюриха, напоенные ароматом свежего кофе, запахом сосисок с уличных лотков и сигарет «Житан». Манчестер со своими настольными играми от «Уэддингтон», забегаловками, где подают рыбу с картофелем-фри, и сигаретами «Кэпстен фулл Стрентс» — совсем другое дело. Однако стоило ему увидеть трамваи — раздавшийся гудок резко прервал его мысли, и серо-зеленая змейка быстро проскользнула мимо, — он понял, что они стали частью города.

На автовокзале его ждал еще один сюрприз: исчезла привычная раскраска автобусов — оранжевый с белым, крест-на-крест, как на картинах Бриджит Райли[1]. Ее заменили на стандартную. Когда он уезжал, тори еще только взяли власть в свои руки, и до полной чехарды с автобусами, с их пестрой окраской и хаосом в расписании, было пока далеко.

Гэри взял номер «Манчестер ивнинг ньюз»: на первой полосе красовались свежие снимки диких представителей семейства кошачьих. Он еще помнил те времена, когда от «Манчестер ивнинг ньюз» не отдавало желтизной и его родители с гордостью покупали ее. Однако история о диких кошках привлекла его внимание.

Пока автобус подпрыгивал и скрипел, проезжая северные окраины города, Гэри включил плеер и стал слушать кассету со старыми записями разных групп. Он попросил жизнерадостную розовощекую продавщицу подобрать саундтрек к тому времени, когда ему было двадцать с небольшим, и теперь в наушниках гремели «Фол», «Джой дивижн», «Перфоманс» и «Пэссидж»[2]. Ярко-медный канал Рочдейл прорезался сквозь заброшенные промышленные территории, словно ржавая проволока сквозь фальшивую ностальгию.

Он открыл «Ивнинг ньюз» и стал читать о диких кошках. В течение последних нескольких лет упорно циркулировали слухи, а иногда появлялись и официальные сообщения о диких зверях, свободно разгуливающих по британской глубинке: болотных рысях в Северном Уэльсе и Шропшире, черной пантере на севере Девона, «болотном тигре из Кембриджшира» и «суррейской пуме». А какой-то человек из Вустера даже снял видеофильм о хищнике, сильно смахивающем на леопарда-меланиста. Эти свидетельства и снимки захватили воображение всей страны. С середины лета стало известно о бо-

[1] Бриджит Райли (р. 1931) — английская художница, представительница абстрактного, оптического искусства. Изгибистые линии на ее картинах создают психоделический эффект. — *Прим. ред.*

[2] «Фол» (*The Fall*), «Джой дивижн» (*Joy Division*), «Перфоманс» (*Performance*) и «Пэссидж» (*The Passage*) — британские рок-группы, представители постпанка. Это направление рок-музыки возникло в 1970 году в Великобритании как логическое продолжение панк-рока. — *Прим. ред.*

лее пятидесяти случаях. Еще ни разу не удалось запечатлеть этих диких животных на пленку, но потрястись от холода и страха на Черном холме на границе Ланкашира и Западного Йоркшира съезжались фотографы и съемочные бригады даже из шотландского графства Кейтнесс и Корнуолла. В наушниках Гэри «Пэссидж» как раз пели свое ироничное посвящение Джеймсу Андертону, полицейскому Господа Бога. «На группу туристов, переходившую болото Сэддлуорт-Мур, — читал Гэри, — напала черная кошка размером с немецкую овчарку. Она рыкнула на них, и, по словам зоолога из Честера, возможно, своим спасением туристы обязаны собственному страху, который приковал их к месту. Сами потерпевшие рассказывали, как животное ударило хвостом и исчезло за торфяным наносом. Не стоит и говорить, — читал далее Гэри и удивился, зачем в таком случае корреспондент утруждает себя упоминанием этого факта, — что на следующий день компания вернулась на то же самое место с камерами и фотоаппаратами, но Болотный Мучитель так и не появился».

Прозвище, по мнению Гэри, не слишком подходящее. Несмотря на сообщения фермеров о пропажах крупного рогатого скота по ночам, за все время не было совершено ни одного нападения на человека, и вообще, хищников видели повсюду: от Бригхауса до Уорринтона и от Блэкберна до Уилмслоу. Весь остаток пути он смотрел в окно на изменяющийся пейзаж: скопления домов разделяли все бóльшие пространства, а вдали вырисовывались зловещие, словно грозовые облака, контуры болот.

Первое занятие по курсу писательского мастерства состоялось через четыре дня. За это время Гэри подыскал квартиру и обосновался там, разведал обстановку в нескольких местных барах и нашел, что им не хватает драйва (нужно будет выяснить, где выпивают студенты), а также совершил приятную, но безрезультатную прогулку по болотам. В его квартире обогрев осуществлялся от газовых баллонов. Запах газа напоминал ему газетный киоск, где он провел какое-то время, бросив разноску газет. Он подумал, что неплохо было бы проехаться по городу посмотреть, на месте ли тот самый киоск, но решил, что с этим можно и повременить.

Гэри удивился, получив эту должность: ведь у него не было никакого опыта. Время от времени он работал в местных школах Ист-Энда — скорее не работал, чем работал, и в течение полугода преподавал английский сыновьям дипломатов в Кенсингтоне. Его собственный подход к обучению был более неформальным, чем того требовали нормы, предъявляемые к образованию юных кувейтских джентльменов в этом фешенебельном районе. «Директора смущает серьга у вас в ухе», — довел до его сведения один из местных функционеров в костюме с иголочки. И все же он битых полчаса примерял одежду для первого семинара по писательскому мастерству. И в конце концов остановился на паре мешковатых черных брюк, белой футболке и клетчатой рубашке. «Как я выгляжу?» — спросил он у зеркала. Молодой, свободный и отчаянный.

Гэри подождал пять минут, пока студенты соберутся в аудитории, потом вошел сам и, закрывая дверь, оглянулся, словно желая помахать кому-то в коридоре на прощание. Он напустил на себя бесстрастный и беззаботный вид, прекрасно понимая, что выглядит просто смешно.

— Здравствуйте, — поздоровался он, убирая с глаз белокурую челку. — Все в сборе?

Парень и девушка, сидевшие вплотную друг к другу, как уже сложившаяся пара, обвели взглядом остальных, один молодой человек в ответ поднял на них глаза, другой посмотрел на Гэри, а девушка в огромном голубом джемпере с кисточками уставилась в окно через его плечо. Пятеро. Хорошо. Речь шла о шести студентах, но ему удалось раздобыть всего пять экземпляров «Поиска» Джеффа Дайера[1], которого, как он планировал, студенты должны были прочитать к следующему семинару. А пока книги лежали в сумке на полу возле стула. Все сидели вокруг большого стола. Гэри сидел дальше всех от двери, возле окна.

— Хорошо, — сказал он, пытаясь скрыть волнение, так как уже почувствовал витавшее в воздухе пренебрежительное равнодушие. — Давайте знакомиться. Меня зовут Гэри...

---

[1] Джефф Дайер (р. 1958) — английский писатель, лауреат премии Сомерсета Моэма. — *Прим. ред.*

Парочку звали Джим и Вики, у обоих были длинные светлые волосы и какая-то неземная аура. Парня рядом с ними — Том. Он выглядел обескураживающе серьезно. Своей козлиной бородкой и очками он напоминал Мальколма Икса[1]. «Не Томас, а Том, как Том Ганн». Молодой человек, смотревший прямо на Гэри, представился Коном. У него был выпуклый лоб, мягкие серые глаза, и одет он был почти так же, как Гэри. И наконец Кэтриона: голубовато-зеленый джемпер, зеленовато-голубые глаза, очень миловидная. Гэри хлопнул в ладоши и стал потирать руки, только через пару секунд осознав, как глупо он выглядит.

— Итак, давайте порассуждаем о писательском ремесле, — начал он, думая о чем угодно, только не о том, что говорил, и периодически поглядывая на Кэтриону. — Кэтриона, что вы написали или хотели бы написать? Почему вы здесь? Что заставило вас выбрать этот курс? Все, молчу, — добавил он.

«Интересно, сколько ей лет? — гадал Гэри, пока она бормотала что-то про рассказы. Что именно, он не вполне расслышал. — Двадцать три, двадцать четыре? Не больше». Она уже опубликовала пару рассказов, но на самом деле ее привлекала поэзия. Джима и Вики интересовала драма, им хотелось сделать что-нибудь в духе Майка Ли[2] вместе с театральным обществом колледжа: побольше импровизации, поменьше заранее написанного текста. Кон пристроил одно-два произведения в литературные журналы, но обнаружил, что его любимый фантастический журнал оказался крепким орешком, настоящей неприступной крепостью. Том написал роман, выбрав его темой сам акт создания, процесс написания романа, совсем как и Дайер в книге, которую Гэри для них приготовил. Разница заключалась в том, что роман Дайера напечатали, а роман Тома скорее всего и яйца выеденного не стоит.

Он вкратце рассказал им о своих литературных работах, чтобы они не думали, будто попали к полному неудачнику,

---

[1] Мальколм X (Литтл) — чернокожий лидер антибелого движения в США. Впоследствии изменил взгляды на исламистские — *Прим. ред.*

[2] Майк Ли (р. 1943) — английский театральный и кинорежиссер, сценарист и драматург. — *Прим. ред.*

затем достал Дайера и попросил их прочитать книгу к следующему занятию.

— Конечно, предполагается, что на занятиях мы будем скорее писать, нежели читать, — сказал он, — но книга небольшая по объему, и это единственная вещь, написанная не кем-то из вас, которую я попрошу вас прочесть. Увидимся в четверг.

У него разыгралось воображение, или все же Кэтриона действительно чуть дольше других собирала свои вещи, чтобы остаться с ним в аудитории наедине? Ему пришлось прикусить язык: ужасно хотелось пригласить ее выпить. Это было бы глупо, особенно в самом начале.

Потом она подняла голову и рукой откинула длинные густые волосы, закрывавшие лицо.

— Я читала одну из ваших книг, — сказала она.

Потрясенный, Гэри не знал, что ответить.

— Об убийствах в среде бенгальцев.

— Правда? — очнулся наконец Гэри. Это был его четвертый роман, повествующий о убийце-расисте, оказавшемся перед лицом правосудия стараниями безымянного частного детектива, который в ходе охоты за преступником узнает кое-что и о своих предрассудках.

— Тема расизма хорошо раскрыта, но, что касается взаимоотношений полов, здесь ваши данные несколько устарели. Вам так не кажется?

Гэри был заинтригован:

— Вы о том, почему он все время в поиске?

— Он трахает всех подряд.

— Если появляется шанс, то да, — согласился Гэри. — Он ничем не хуже других.

— До четверга, — попрощалась она и выскользнула из аудитории, не дав ему договорить.

В течение следующих нескольких дней Гэри, несмотря на минусовую температуру, шатался по кампусу, ближе к студенческим общежитиям, и вообще вел себя как «печальный ходок». Любимое выражение Эстелль, а уж она-то умела припечатать. В баре студенческого союза он заметил Джима и Вики, обжимавшихся в углу, а позже, зайдя в столовую перехватить что-нибудь на обед, натолкнулся на Тома, который сидел за

столом и читал Дайера, прислонив книгу к сахарнице. Он слишком замешкался у его столика. Том поднял глаза и предложил Гэри присесть напротив. Отказаться было невозможно.

— Здесь все чуть-чуть слишком очевидно, — поделился Том своим впечатлением от прочитанного. — Как будто видишь скелет сквозь кожу прозы. Понимаете?

«Как если бы тебе нужно было возвращаться обратно на корабль-носитель, Том?» Только Гэри ничего такого не сказал. Он просто кивнул, погладил рукой подбородок, гадая, почему вместо Тома не наткнулся на Кэтриону.

В тот вечер, ожидая обратный автобус в город, Гэри, чтобы согреться, топал ногами по заледеневшему тротуару. Выдыхаемый им воздух замерзал и становился похож на маленькие облачка на метеорологической карте. Он потуже затянул шарф. Стоя в одиночестве на остановке, он смотрел на пустую дорогу и вдруг совершенно беспричинно, если не считать шестое чувство, понял, что кроме него здесь еще кто-то есть. Он боялся обернуться на ограждение из цепей и участок заросшей кустарником земли за ним. Общежития находились примерно метрах в трехстах и отсюда казались предметами обстановки, задрапированными туманной пеленой.

Вокруг него в замерзшем воздухе собирался запах — пряный, мясной. И от этого волосы на голове вставали дыбом, а желудок сводило судорогой. Белые клочки замерзшего дыхания пролетали между его готовых подкоситься ног. Затем он услышал приглушенный звук, и запах исчез так же быстро, как потный дух, исходящий от бегуна. Гэри пытался уловить хоть какой-нибудь звук, но услышал лишь шум приближающегося автобуса, протыкающего сырую тьму дрожащими белыми лучами. Он с облегчением запрыгнул в автобус и, устроившись на втором этаже, протер кружок на окне — вдруг заметит что-нибудь между невысоким кустарником и общежитиями. Но было слишком темно и туманно. Автобус громыхал по направлению к городу, и он раздумывал, следует ли ему сообщить о случившемся — ведь студентам может грозить опасность, — но решил этого не делать, так как боялся попасть в глупое положение: парень в городе без году неделя и сразу же поддался истерии газетчиков, воображает хищников, спокойно разгуливающих по кампусу, или что-то в этом роде.

Однако в ту ночь животное — «очень большое и очень сильное» — задрало трех овец у фермера, чьи земли примыкали к территории кампуса. Гэри, одеваясь и одновременно стараясь не задеть шипящую газовую горелку, слушал репортаж в новостях местной радиостанции. В следующий раз он будет осторожнее. Слава богу, это были только овцы. Он постарался представить, что бы с ним было, напади хищник на кого-нибудь из его студентов. Ему стало не по себе, когда он понял, насколько уязвим и сам.

Они обсудили случившееся на семинаре. Все кроме Тома были взволнованы последними новостями. Тому не терпелось обсудить Дайера.

— Сейчас начнем, Том. Через минуту. Разве писатели не должны откликаться на подобные происшествия? — Он с трудом удержался, чтобы не рассказать о собственном столкновении со зверем.

Джим и Вики постоянно трясли головой, убирая с лица гривы волос. Им казалось, что лев, рыскающий по кампусу, — это круто.

— Там не говорилось, что он бродит по кампусу, — возразила Кэтриона. Она выглядела слегка озабоченной. — Фермерская земля огорожена забором. Возможно, он не дает хищнику выйти за ее пределы.

Кон усмехнулся, но тут же извинился, заметив взгляд, брошенный на него Кэтрионой.

— Но и не говорилось, что это лев, — подметил Том с видом явного превосходства. — Судя по описаниям предыдущих свидетелей, животное напоминает черную пантеру.

— Леопарда-меланиста, — поправила его Кэтриона, больше озабоченная тем, чтобы утереть нос Тому, как решил Гэри, чем точностью в определении животного.

Гэри надеялся, что ребята в группе найдут общий язык. Хотя некоторое напряжение может стимулировать способность к творчеству, к тому же им легче критиковать работы друг друга. Том держал в вытянутой вверх руке книгу Дайера. Гэри понял намек.

— Том прав. Нам нужно обсудить книгу, которую я велел вам прочитать. — Гэри пододвинул стул вперед. — Но Кэт подняла важный вопрос... — Смущаясь, он использовал

ее уменьшительное имя, увидев, что она именно так его написала на обложке своей тетради. — Мы можем выбирать при письме, какую лексику использовать: официальную, как, например, «леопард-меланист», или же более разговорную, такую как «черная пантера». Конечно, если вы скажете «черная пантера», вас поймет больше людей. Но если мы будем использовать только знакомые формы, принятые термины станут столь редкими, что постепенно исчезнут из употребления и частица языка отомрет.

Они дружно закивали, и ему стало приятно, словно он перетянул на свою сторону всю группу.

— Давайте поговорим о книге, — продолжил он, смахивая волосы с глаз, прекрасно зная, что Кэтриона пристально смотрит на него из-под завесы своих белокурых волос. «У нее не только смазливое личико, — подумал он, продолжая обсуждать роман, — но еще и пытливый ум. Что-то серьезное происходит за этими глазами».

После семинара Гэри быстро собрал вещи в надежде нагнать Кэтриону в коридоре. Он слышал голоса Тома и Джима, постепенно стихающие по мере того, как они удалялись все дальше. Молодые люди продолжали горячо обсуждать какой-то вопрос, поднятый во время занятия. Гэри стоял за дверью с собранной сумкой в руках, выжидая еще одно мгновение, чтобы двинуться вперед. Но не успел он повернуть в коридор, как тут же наткнулся на Кэтриону, которая стояла метрах в десяти от него и изучала доску объявлений.

— Никогда не знаешь, что найдешь, — произнесла она, когда он подошел поближе. — Иногда я думаю, надо уйти из общежития и снять комнату в городе.

— Думаю, сейчас самое время немного выпить, — сказал Гэри, изучая объявления. — Не хотите присоединиться?

— Вряд ли, — ответила она, доставая пачку «Силк кат» из сумки, сшитой из разноцветных лоскутков, и незаметным движением вставила сигарету между губами. Она прикурила от ярко-розовой зажигалки «Бик» и глубоко затянулась, выдувая дым в пол. — Хотя некоторые мои друзья собираются потом в бар студенческого союза. Почему бы вам не присоединиться?

— Возможно. — Гэри судорожно подсчитывал шансы за против того, что приглашение — это замаскированный при-

зыв. Что бы там ни было, а заглянуть в студенческий бар непременно стоило.

— В половине седьмого, — добавила Кэтриона. Она оторвалась от стены, бросила на него мимолетный взгляд и пошла, мягко ступая по отполированному полу коридора своими зелеными ботинками «Доктор Мартенс» и завернувшись в шубу из искусственного меха.

Войдя в бар студенческого союза, Гэри потопал ногами, чтобы согреться, и стряхнул первый в этом году снег с рукавов кожаной куртки. Заведение встретило его привычным оживленным гулом: регбисты с румяными щеками над поднятыми воротниками выходили из бара, уже успев накачаться пивом — пинта за пинтой, музыкальный автомат играл старую рождественскую песенку. Медленно продвигаясь вперед, он высматривал Кэтриону: обшарил взглядом зал, а затем застыл как вкопанный. Внезапно ему стало невыносимо жарко, как будто от раскаленной печи. Звериная стая вольготно расположилась в центре бара: ноги в шутку били по лишенным растительности головам, резцы сверкали. Гэри моргнул, почувствовав, как что-то в желудке опустилось. Кэтриона помахала ему рукой. «Сюда», — казалось, говорила она. Видение исчезло, уступив место волнующемуся морю мохеровых джемперов, дредов, клочковатых бород и сигарет. Здесь же Кэтриона откидывала волосы назад и махала Гэри рукой. Она сидела рядом с неряшливым парнем в куртке цвета хаки, который держал ее за руку. Гэри потер глаза, покачал головой и стал пробираться через толпу к их компании.

Он предложил угостить всех пивом, но, как выяснилось, никто не пьет. Кэтриона высвободилась из объятий неряшливого ухажера. Тот огрызнулся и повернулся к ней спиной. Девушка дотронулась до локтя Гэри.

— Мы собираемся в одно место, — сказала она.

Остальные смеялись, но Гэри не понял, над чем именно. Они посмотрели на него и опять засмеялись. Он повернулся за поддержкой к Кэтрионе — та с трудом сдерживала улыбку. Через мгновение видение исчезло, но не бесследно. Он чувствовал себя потерянно и неуютно. У кого-то проскочило словечко «дедуля», и Гэри понял, что начинает вос-

принимать происходящее как параноик. Музыкальный автомат заиграл «С Рождеством всех» группы «Слэйд»[1], и Гэри осознал, что хотя он прекрасно помнил, как танцевал под звуки этой песни, до сих остававшейся лучшей рождественской композицией всех времен и народов, когда она была выпущена, ни один из друзей Кэтрионы еще даже на свет не появился. Если им и доводилось слышать о «Слэйд», то исключительно как о музыкантах, играющих скучный тяжелый рок.

— Классная песня, — сказал один из них, и Гэри тут же насторожился: не издеваются ли над ним?

Гэри начал было подумывать о том, чтобы уйти, убраться отсюда подальше, прежде чем он сделает что-то, о чем потом пожалеет, но Кэтриона посмотрела на него, улыбнулась, вынимая из пачки очередную сигарету «Силк кат». И он остался. Современная молодежь очень много курит. Возможно, молодые люди много курили во все времена, но ему казалось, что он в их годы был совсем другим. Больше «Слэйд», чем «Суэйд»[2].

— Вы точно не хотите выпить? — спросил он Кэтриону. — Я пойду к бару. Если что-нибудь захотите...

Она медленно покачала головой, он взял себе пинту пива и теперь бережно обнимал кружку ладонью левой руки, опершись правой с широко расставленными пальцами на сиденье в миллиметре от левой руки Кэтрионы. На ее руке красовалась пара серебряных колец с замысловатыми узорами.

Она повернулась и посмотрела на него из-под челки.

— Мы идем в клуб, — сказала она. — Поэтому не пьем.

— Будете пить там?

— Пить — не круто. О чем вы, препод? — поддразнила она его, слегка касаясь пальцем его руки.

— Где находится клуб? Это «Гасиенда», да? Я слышал о нем. Знаете, кто такие «Джой дивижн»?

Она погладила его по руке и улыбнулась.

---

[1] «Слэйд» (*Slade*) — британская рок-группа, выступавшая в середине 1960-х годов. Считается первой группой, игравшей гламурный рок. — *Прим. ред.*

[2] «Суэйд» (*Suede*) — британская рок-группа, выступавшая в конце 1990-х годов. Представляет альтернативный рок — брит-поп. — *Прим. ред.*

— Нельзя пить и принимать экстази, — объяснила она. — Можно свихнуться и коньки отбросить.

Он посмотрел на свою кружку, голова поплыла, живот свело от желания, разочарования... Она выпустила его руку, пыхнула сигаретой, движением головы отбросила волосы назад. Он успел заметить милые завитки волос, уютно притаившиеся за ее ушком.

— Как насчет завтра? — спросил он. — Мы могли бы придумать что-нибудь на завтра.

— Завтрак? — пошутила она.

Как оказалось, она не шутила.

Гэри ворочался в кровати. Ему снилась хижина в лесной чаще. Там росли гигантские сосны, и поэтому он думал, что находится в Канаде. Он простудился, но каждый вынутый из коробки бумажный платок превращался в кучку крошечных кусочков, и он с отвращением бросал их. Любой звук напоминал о приближающемся к дому диком лосе, но когда он поворачивался к покрытому ледяными узорами окну, то не видел ничего, кроме снега и стволов деревьев. Что-то царапнуло дверь. Он укрылся с головой тонкими одеялами, но царапающие звуки не прекращались. Он понимал: дверь открывать нельзя — ни при каких обстоятельствах. От этого зависела его жизнь. Поэтому когда он поднялся с кровати и ноги сами понесли его к двери, то почувствовал ужас, поглощающий его целиком так же неудержимо, как кровавое пятно растекается по простыне.

— Кто там? — спросил он сонно, потом понял, что происходит, и встал.

В дверь поскребли еще раз, но никто не отвечал. Гэри чуть приоткрыл дверь, но не смог ее удержать. Что-то огромное и пушистое вкатилось в комнату и развернулось на ковре. Гэри чуть не умер от страха. Перед его глазами предстало нечто неясное и бесформенное. Лишь через некоторое время он узнал пушистое пальто Кэтрионы. Он встал на четвереньки, чтобы помочь ей.

— Привет, — произнесла она сиплым голосом. — Завтрак?

Вялая попытка поговорить отняла у нее последние силы, и она снова потеряла сознание. Гэри осторожно поднял ее

с пола и отнес на кровать. Расшнуровал ботинки, снял шубу, а потом укрыл стеганым одеялом до самого подбородка, нежно убрал волосы со лба и поцеловал.

Приняв душ и одевшись, он не отходил от нее, пока завтракал. Наверное, лучше дать ей поспать. Он вышел забрать газету, а когда вернулся домой, обнаружил, что она перевернулась на бок и свернулась калачиком. Чуть ниже линии роста волос на лбу выступила слабая испарина, но в остальном никаких признаков беспокойного сна. На улице еще с ночи валил снег, который теперь покрывал землю по меньшей мере восьмисантиметровым слоем. После обеда у него по расписанию стояло занятие, и он не знал, смогут ли они добраться до кампуса. Возможно, было бы лучше попытаться связаться с остальными студентами и отменить семинар. Вздрогнув, он увидел, что Кэтриона проснулась и наблюдает за тем, как он не отрываясь смотрит в окно на снежную вьюгу за окном.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он. — Глюки замучили?

Возможно, они называют это состояние по-другому, но это оказалось уже не так важно: она подняла край одеяла, чтобы он мог лечь рядом.

Примерно в час он понял, что так ничего и не предпринял, чтобы отменить занятие.

— Переживаешь, что они подумают? — с трудом сдерживая смех, спросила Кэтриона.

Он улыбнулся, поцеловал ее еще раз и лег рядом. Вместе они слушали, как снег стучит, ударяясь о стекло. Он наклонился включить магнитофон. При первых звуках музыки она поморщилась.

— Что за отстой, дедуля? — Она пощекотала его.

Извиваясь, он отстранился и уселся на нее верхом.

— «Фэд Гаджет»[1]. Очень популярная группа, когда я был в твоем возрасте.

Она перегнулась и вытащила кассету.

---

[1] «Фэд Гаджет» (*Fad Gadget*) — британская группа 1960-х годов. Представитель как новой волны, так и ранней индустриальной музыки. — *Прим. ред.*

— Избавься от нее, и чем быстрее, тем лучше, — сказала она, стараясь дотянуться до кармана шубы, висевшей на спинке стула возле кровати. Она извлекла оттуда другую кассету и вставила ее в магнитофон.

— Что это? — спросил он.

— Реальная вещь: «Кёрв»[1], — отозвалась она, подталкивая его к кровати и беззвучно открывая рот в такт голосу певицы: «Мы с тобой крови не одной».

Затем совершенно неожиданно она набросилась на него: оседлав, царапала длинными ногтями тонкую кожу на его шее и била кулаками в грудь. Оправившись от первого шока, Гэри стал отбиваться, схватил ее за руки, но она не сдавалась. Источаемый ее телом горячий, животный запах безумно его возбуждал. Вскоре их тела переплелись в комок из плоти и шерсти, блестящих зубов и висящей слюны, острых ногтей, длинных сильных языков и горящих глаз. Они катались по кровати и упали на пол, где продолжали играючи сражаться, пока их мокрые от пота тела не замерли в изнеможении. Они тихо лежали, заключив друг друга в объятия, когда раздался приглушенный стук в дверь. Гэри не обратил бы на него внимания, но Кэтриона, казалось, встревожилась.

— Ш-ш-ш, — постарался успокоить он. — Они уйдут.

Потом чей-то голос произнес:

— Кэтриона, пойдем. Тебя все ждут.

Гэри взглянул на нее. Она подняла голову и вся дрожала.

— Кто это? — спросил он.

— Из студенческого, — объяснила она. — Грэхем. Он сидел рядом, когда ты пришел.

— Пойдем, Кэтриона! — вновь позвал голос.

Гэри вспомнил неряшливого парня в куртке цвета хаки и выражение обиды на его лице, когда появился Гэри.

— Я останусь здесь, Грэхем. — Ее голос не выдал ни тени волнения, но Гэри видел страх в ее глазах.

— Забей на него, Кэтриона. Давай, пошли. — Казалось, от отчаяния голос Грехэма вот-вот сорвется.

— Оставь меня в покое, Грэхем.

---

[1] «Кёрв» (*Curve*) — британская музыкальная группа, созданная в 1996 году певицей Тони Холлидей и гитаристом Дином Гарсиа. — *Прим. ред.*

Гэри уже был готов вступить в перепалку, но он еще только набирал в легкие воздух, когда Кэтриона молниеносно закрыла ему рот ладонью.

— Не вмешивайся, — прошептала она, а потом громче добавила: — Проваливай, Грэхем.

Больше из-за двери не донеслось ни звука. Через несколько минут она произнесла:

— Он ушел. Теперь все в порядке.

— Откуда ты знаешь? Я ничего не слышал.

— Я больше его не чую. Он ушел.

Гэри выглянул в окно, но ничего не увидел. Он только заметил, что снег перестал идти и земля насколько хватало глаз была по-прежнему девственно белой. Кэтриона забралась обратно в постель. Он последовал за ней. Некоторое время они лежали спокойно. День был тихим: так всегда бывает после сильного снегопада. Вскоре оба уснули.

Гэри все никак не мог проснуться: его сны цеплялись за реальность, как в картинах Эшера[1], которые нужно долго-долго рассматривать, чтобы увидеть, как они распадаются на части. Голова болела, рот саднило, но лицо расплылось в улыбке, стоило ему вспомнить о Кэтрионе. Прошло почти полгода с тех пор, как он в последний раз просыпался после ночи, проведенной с незнакомой женщиной. Его переполняли чувства — радостные и светлые, как только что отчеканенная монета. Разум был все еще затянут сонной пеленой. Он пытался отыскать в памяти страхи и волнения, но казалось, что их не было вовсе. Магнитофон продолжал крутить кассету (должно быть, Кэтриона включила). И сейчас как раз должна была заиграть та самая песня, которая звучала, когда она поменяла кассеты. Бархатный голос певицы плотно, как перчатка, обволакивал его мозг:

Говори все, что хочешь, обуздай мои мысли.
Постарайся, раздень меня догола.
Только до тех пор, пока я твоя.
Но этому не бывать никогда.

[1] Эшер Морис Корнелис (1898–1972) — нидерландский художник-график. Исследовал пластические аспекты понятий бесконечности и симметрии, а также особенности психологического восприятия сложных трехмерных объектов. — *Прим. ред.*

Он повернулся к Кэтрионе.

Ее не было.

«Мы с тобой крови не одной».

— Кэтриона? — позвал он, но его голос утонул в тишине, словно камень в снегу. Он встал и осмотрелся. В квартире было холодно, и ее нигде не было. Натягивая джинсы, он взглянул на часы: половина двенадцатого ночи. Будем надеяться, никто из студентов не явился на семинар. Выглянув в окно, он заметил цепочку следов, тянувшуюся от порога в сторону города. Уже внизу он понял, что две пары следов шли рядом друг с другом: одни человеческие, по размеру походившие на отпечатки «мартенсов» Кэтрионы, а другие — какого-то животного, вероятно собачьи. *Или проклятой пантеры.* Он пошел по следу. За целый день мало кто отважился выйти на улицу, поэтому не сбиться с пути было довольно легко. На следующем перекрестке следы повернули налево, прочь от центра города — в сторону железнодорожной станции. Он застегнул пальто, достал из кармана черную шерстяную шапку и натянул ее на уши.

Возле станции, выглядевшей совершенно безлюдной, следы затерялись. Песня «Кёрв» все так же пульсировала в голове Гэри. Он ступил на пустую платформу. Накрытая навесом часть платформы уходила в обе стороны, за ее пределами простирался белый ковер, на котором любые свежие следы были бы хорошо видны. Гэри побрел по платформе, стараясь выглядеть беззаботно. Он прошел фотобудку, заглянул в зал ожидания экономкласса: несколько пластиковых стульев и пепельницы в вестибюле за женским туалетом; затем — в комнату отдыха для пассажиров первого класса: ковровое покрытие на полу, знаки «Не курить», выключенный телевизор. Дверь закрыта на кодовый замок. Гэри дошел до конца навеса и ступил на нетронутый снег. За рельсами начиналась платформа.

Он направился в другую сторону и пересек мост, ведущий к платформам, двигаясь как можно тише и внимательно глядя по сторонам. На дальнем конце станции на запасной ветке сгрудились в ожидании электровозы. Тишина ночи была разорвана щелканьем и тиканьем трансформаторов, жужжанием проводов, каждый из которых был присыпан тонким слоем снега. Гэри прищурился, вглядываясь в темноту между

электровозами. Кто-то пробежал мимо насыпи из щебня, или ему снова померещилось? От сильного шума он вздрогнул: раздался треск, а потом откуда-то сверху шипение. Он поднял глаза и увидел грациозное движение пантографа, отсоединившегося от проводов и теперь мирно покоившегося на крыше одного из электровозов. Остальные электровозы оставались подключенными: их пантографы находились в полной боевой готовности и, подобно богомолам, сохраняли абсолютную невозмутимость. Вдруг Гэри увидел нечто такое, что заставило его замереть и пригвоздило к платформе. Там, наверху, с двух параллельно идущих линий проводов свисало нечто, похожее на хищную черную кошку. Размером с пантеру. Он крадучись отступил за угол зала ожидания и стал наблюдать. Кошка не шевелилась. Гэри обогнул здание с другой стороны и подошел метров на двадцать поближе.

Но это была не кошка.

Это была шуба Кэтрионы.

В панике Гэри ринулся вперед проверить, что не ошибся. Сомнений быть не могло — это ее шуба. Просто шуба. На путях под проводами лежал маленький скомканный платок, должно быть выпавший из кармана. Гэри спрыгнул на пути и направился наперерез к запасной ветке, проскользнув между двумя электровозами. Капли растаявшего снега срывались и падали с проводов. Оглядевшись, он увидел, как вдалеке через открытое пространство пронеслось что-то темное. Он побежал, забыв об осторожности. Он выкрикивал ее имя. Ветка закончилась, но никаких следов он так и не встретил.

Сердце сжималось от тяжелых мыслей. Он был едва знаком с этой девушкой, но их отношения длиною в ночь были так уязвимы! Переспав с ней всего один раз, он словно отдал ей частицу себя. Ему казалось, что она не может исчезнуть, так как их связывало нечто большее, чем случайная близость двух незнакомых людей.

В отчаянии оглядываясь по сторонам, в страстном желании найти ее, Гэри решил обыскать всю станцию. Он снова прошел через мост, вернулся на первую платформу и там повернул налево.

Почти у самого конца платформы на снегу виднелись отпечатки чьих-то лап. Они вели к двери. Гэри медленно

приблизился, вытянув вперед руку. Он внимательно прислушался — тишина. Стремительно распахнул дверь. В нескольких метрах от входа на полу лежала Кэтриона, свернувшись калачиком. Она была без пальто и дрожала от холода. Ее глаза были похожи на полные луны.

— Кэтриона, все хорошо. Это я,— сказал он, подходя к ней.

— Отвали,— отрезала она. Ее голос был готов сорваться на плач.— Уходи, Гэри. Я не могу быть с тобой.

— Все в порядке. Я здесь. Я заберу тебя домой.— Он провел рукой по ее волосам.— Не знаю, в чем тут дело. В Грэхеме или нет. Не важно. Я заберу тебя домой и согрею.

Она посмотрела на него глазами, полными печали.

— Не могу, Гэри,— произнесла она тихо.— Они хотят, чтобы я осталась с ними.

От этих слов он вздрогнул:

— Кэтриона, о чем ты говоришь?

Затем он услышал за спиной какой-то шум и в то же мгновение увидел, как изменились ее глаза. Они вспыхнули, погасли, затем вроде бы пожелтели — и через долю секунды, которая до конца жизни будет казаться ему вечностью, он увидел ее превращение. Только что она была напуганной Кэтрионой, девушкой, которую он сжимал в объятиях еще несколько часов назад, и вот уже она рычит и брызжет слюной. Но это уже не любовная игра: ее бледное нежное тело покрывается лоснящимся черным мехом. Она проносится мимо него и прыгает в открытую дверь.

Он застыл от изумления, и когда очнулся, ее уже не было. Следы терялись на платформе под навесом, куда не попадал снег. Возле фотобудки Гэри нашел ярко-розовую зажигалку и играл с ней, пока совсем не заледенел. Он даже не надеялся, что Кэтриона может за ней вернуться. Гэри вышел со станции, перешел по мосту через железнодорожные пути и остановился посмотреть вниз. На запасных путях мелькало множество темных фигур, сначала четких, потом все более расплывчатых и наконец ставших совсем невидимыми за деревьями, отделявшими город от болот.

ДЭННИС ЭТЧИСОН

Ночной хищник

Я поместил рассказ Дэнниса Этчисона (Dennis Etchison) «Оно появляется только ночью» (It Only Comes Out at Night) в антологию «Вампиры» (The Mammoth Book of Vampires), поскольку он может быть интерпретирован как история о вампирах. А сейчас читателю следует внимательно прочитать «Ночного Хищника» (Nighthawk), чтобы понять, почему я включил его в настоящий сборник.

Повторю то, что сказал в предисловии к «Вампирам»: я считаю Дэнниса Этчисона одним из самых выдающихся американских авторов рассказов (как в жанре хоррор, так и за его рамками) и почту за честь опубликовать его работы, когда мне представится такая возможность.

Хотя его рассказы недавно появились в антологиях «Зомби» (Zombies) и «Темные голоса 5» (Dark Voices 5), автор получил широкую известность благодаря антологии «Мета-ужас» (MetaHorror), завоевавшей Всемирную премию фэнтези (World Fantasy Award), и таким работам, как «Человек-тень» (Shadowman), «Лицо на лезвии» (The Face in the Blade), «Калифорния-готик» (California Gothic). Его раннее произведение «Темная сторона» (Darkside) также недавно было выпущено в Америке в твердой обложке.

А теперь приготовьтесь к встрече с блестящим рассказчиком...

Маленькая девочка смотрела на север, на пикарные виллы и ресторан на пирсе, едва вырисовывавшийся в тумане. Высокие окна домов, словно кривые зеркала, отражали белесое небо в виде квадратиков; свои напоминали застывшие черные ноги, которые вышли из моря и замерли на ноябрьском ветру, чтобы уже никогда больше не сделать ни шагу.

Она гадала, придет ли Мария.

Конечно, первым делом она поспешила в загон, но Пеббла там не было. Наверное, Мария пришла раньше и увела его.

Может, за большие скалы к Си-Мэйнор или за пирс к лужам, оставшимся после отлива у мыса на окраине коттеджного поселка. Она не знала, когда заканчиваются занятия в школе Марии, и никогда об этом не спрашивала, но всегда умудрялась первой вернуться домой. К тому времени, когда прибегала Мария, она уже раскладывала уздечки или заделывала дыру в ограде какой-нибудь найденной на берегу возле сгоревшего дома деревяшкой. Так было всегда. Да, всегда. Из раза в раз.

Она побрела без цели вдоль пляжа, нашла прутик и остановилась, чтобы написать на мокром песке: К-О-П-П-Е-Р. После каждой буквы она вертелась на месте и хлопола себя по бокам, чтобы согреться. Но туман, густой, похожий на тюль, уже начал наползать на пляж. Она увидела, что пар от ее дыхания смешивается с туманом перед ее лицом, и весь оставшийся путь быстро прошагала, низко опустив голову. Она ничего не видела и только слышала, как холодные волны разбиваются о темные, облепленные мидиями камни.

Она оставалась с Коппером как можно дольше, приготовила корм для Пебблса, чтобы у Марии было меньше хлопот, когда та приведет его обратно. Коппер, казалось, был чем-то обеспокоен: взбрыкивал, бил копытом по песку и хотел, чтобы его выпустили из загона. Девочка попыталась объяснить, что уже слишком поздно для прогулок, но вместо этого вывела пони и повела его в обход скал через насыщенный щелочью ручей, который тек от коттеджей в океан. Когда они с Марией, бывало, осторожно переводили своих пони с одного осыпающегося берега этой речушки на другой, они любили представлять, что это Гранд-Каньон. Но на самом деле у нее просто не было настроения кататься верхом. Только не сейчас. Не с наступлением сумерек, когда вокруг клубится туман. И не в одиночестве.

Девочка продрогла, и ей стало еще холоднее, когда она поднялась по деревянным ступенькам и вошла через боковую дверь — ту, которая вела в кладовую, — и как мышка проскользнула в дом. Она начала закрывать дверь, чтобы не дать туману проникнуть внутрь, но потом решила оставить

ее открытой для дедушки, который вот-вот должен был вернуться.

Из телевизора в гостиной до нее доносились голоса: те же, что она всегда слышала, возвращаясь из школы. Они много смеялись, хотя в них и проскальзывали нотки раздражения, когда их прерывала музыка или зуммер, а это, казалось, происходило постоянно. А еще они, вероятно, очень нервничали оттого, что их держат на программе так долго — день за днем, неделя за неделей. Иногда, конечно, один из голосов произносил правильные слова и выигрывал достаточно денег, чтобы купить себе свободу, и его отпускали домой. А на следующий день появлялся другой голос, новый и занимал место предыдущего. Они всегда звучали возбужденно и радостно, когда произносили правильный ответ, и тогда аудитория не смеялась, а зуммер не жужжал.

Она прошла по покрытому джутом полу и прошмыгнула на кухню. Остановилась, положив руку на дверцу холодильника. Обернулась и посмотрела назад. Диван и стул из ротанга, гора пепельниц, на стене часы и металлический гусь, на столе — блестящая черная пума, лампа в форме гавайского танцора, целующиеся голландские мальчик и девочка, в рамках фотографии плачущего клоуна и та, где мама и папа вместе. Она отвернулась. Открыла холодильник и налила себе стакан «Кул эйд»[1].

— Это ты, Дарси?

— Да-а,— сладким голоском отозвалась она, но не добавила *бабушка.*

— Ты еще не видела Марию? — (Дарси услышала, как бабушка, не дожидаясь ответа, начала выкарабкиваться из кресла.) — Мне надо поговорить с тобой, дорогая. Этим утром раздался очень тревожный телефонный звонок...

Бабушка явно направлялась к ней, хотя телевизор продолжал работать. «Это не к добру»,— подумала Дарси.

За окном кухни опускался туман. Он был тяжелый, как дождь. Она даже услышала стук по низкой крыше... Нет, это бабушка семенит в своих шлепанцах на картонной по-

[1] «Кул эйд» *(Kool-Aid)* — товарный знак растворимого порошка для приготовления фруктовых прохладительных напитков. — *Прим. ред.*

дошве. *Подожди минутку, я должна поговорить с дедушкой.* Подойдет такое оправдание? Она отвернулась от окна и посмотрела на дверной проем, ожидая увидеть черные туфли и край платья в цветочек. Внизу, у самого пола, ее глаза уловили какое-то движение, но она знала, что это мог быть только туман.

С крыши доносился стук, ветер перебирал герань на перилах веранды. Туман добрался и туда. Можно было услышать, как он со всех сторон окружает дом. Медленно, нетвердой походкой на нее надвигалась бабушка.

И что-то еще, что-то еще.

Знакомый приглушенный стук.

Она быстро повернулась на звук и увидела двигающийся вдоль пляжа силуэт. Она сразу поняла, что это Пебблс. Пони спотыкался, пар от его дыхания и туман на мгновение рассеялись, и он стал ясно различим, как лунные камешки на мелководье у дамбы.

— Мне надо идти! — крикнула она, так и не сказав *бабушка.* — Мария привела Коппера. Ох уж эта девчонка!..

Она выскочила из дому, не закрыв дверцу холодильника и не дав бабушке возможности возразить. Она со всех ног мчалась к Марии и пони. Конечно, это была неправда, конечно неправда. Мария ехала на Пебблсе. Но это сработало.

— Эй, — окликнула она. И когда ответа не последовало, снова: — Эй!

Мария — маленькая, темная фигурка верхом на пони — потянула за удила и развернула Пебблса, его копыта шлепали по блестящему утоптанному песку. Она держалась ближе к воде, даже не приближаясь к дому Дарси, но на обратном пути вынуждена была проехать мимо. И вот теперь она вся напряглась и держалась отчужденно так, будто боялась встретить кого-то на пляже — может, себя, — кого-то, с кем она не сможет справиться.

— Привет, — сказала Мария, потому что должна была что-то сказать. Но выражение ее лица не изменилось.

— Ты сегодня осталась дома? — сделала пробный шаг Дарси. Она ждала и старалась, чтобы этого не было заметно. Будто она и не ждала вовсе. Она наклонила голову и наблюдала за тем, как ее ступни вдавливаются в песок. Отступила

назад, следы от туфель начали заполняться водой. — Ну, ты, может, заболела или что-то в этом роде?

— Мне пора, — ответила Мария.

Вот такая она. Как-то раз, когда они играли, Дарси сказала что-то не так. И это было наверняка из-за ее слов, потому что ничего не произошло: они просто сидели, поджав коленки, и ленили бумажными стаканчиками куличики из песка. Мария перестала играть и посмотрела на море с этим ее спокойным, непроницаемым выражением лица, словно она слышит то, чего не слышит никто на пляже и вообще в целом мире. А потом она сказала точь-в-точь как сейчас: *Мне пора.* Встала, отряхнула руки и побежала. Побежала она не домой, потому что Дарси, хоть могла и не услышать, знала: Марию не звали домой. Вот такая она была, Мария.

Пони пошел дальше.

— Лучше не катайся сегодня больше, Мария! — крикнула Дарси. — Ма-ри-я, он вспотеет и наверняка заболеет, вот увидишь!

Мария не останавливалась.

— Хорошо, — сказала Дарси, глядя ей вслед. — Я подожду.

В загоне Мария спрыгнула с пони, но даже не подняла глаз, когда ее подруга наконец догнала ее.

— Какое тебе дело до Пебблса? — спросила Мария.

И только тогда Дарси заметила на правом боку Пебблса царапины, свежие глубокие царапины. Три параллельные линии разрезали его плоть, розовое мясо было еще влажным.

У Дарси перехватило дыхание.

— Мария! — Она забыла обо всем. — Кто *это* сделал?

Мария отошла в сторону. Она коснулась пальцами временной ограды — брезента, накрывавшего сено, — и села в тени развалин под морской звездой, которую кто-то наподобие распятия прибил к опоре большого дома много лет назад, когда он еще не сгорел. Твердые, заостренные, опаленные руки свай продолжали удерживать трухлявое, расслаивающееся дерево. Она уперлась локтями в колени, закрыла лицо руками и заплакала.

Коппер бочком подошел к Пебблсу, но тот отшатнулся, защищая поврежденный бок. Коппер фыркнул и потыкался в него мордой. Дарси потянулась за одеялом, чтобы набросить его на Пебблса, но заколебалась, подумав о ранах пони.

Она присоединилась к подруге, которая сидела под сгоревшим домом.

Через некоторое время Дарси сказала:

— Я расскажу дедушке. Он приведет ветеринара. Вот увидишь.

— Нет.

Глубоко внутри себя, там, откуда не выбраться звуку, Мария содрогалась от рыданий, и лишь слезы на щеках выдавали ее.

— Ладно, я сейчас схожу и принесу из дома цефиран[1]. И мы все сделаем сами. Мария, если хочешь, я схожу.

— Нет!

— Мария, — терпеливо продолжала она, — что произошло?

Узкие губы Марии едва шевелились.

— Это приходило. Ночью. Точно как ты и говорила.

— Что приходило?

— Ты знаешь что. Это... это...

— О нет! — У Дарси все сжалось внутри, словно она была в лифте, который слишком быстро опускается вниз.

У нее давно не возникало такого чувства, очень давно. Последний раз такое случилось, когда она была еще совсем маленькой, примерно в то время, когда уехали мама с папой. Она не очень отчетливо помнила это ощущение, на самом деле она даже не осознавала, с чем оно связано. Она только знала, что это было нечто, чего она не понимала и не могла понять.

— Не глупи. На самом деле этого не было. — Она говорила правду. Этого не было, этого не было. — Мария! Это просто выдумки. Ма-ри-я!

— Вот и мой папа так говорит, — продолжала темненькая девочка. — Но он считает, что ты все равно зло, раз заставила меня бояться его. — Она начала говорить быстро,

[1] Цефиран — стерилизующий раствор. — *Прим. ред.*

захлебываясь словами, словно опасалась, что может услышать нечто и тогда ей придется уйти, не закончив. — Это ты, ты рассказала мне о нем, о том, как он приходит и смотрит на тебя в окно, и если ты плохая, тогда... ты знаешь. Ты знаешь, что он тогда делает, Ночной Хищник.

Ночной Хищник. Конечно, она помнила эту историю. Они всегда были. Истории, придуманные, чтобы пугать непослушных детей. Их выдумывали бабушки, чтобы прекратить беготню в доме, громкий смех и прыганье на кроватях. Но эти истории оставались в памяти и со временем становились историями, которые рассказывают ночью на пляже перед костром под звездным небом. Все слушают и смотрят, кто кого больше напугает. Дрожат в спальных мешках, спрятавшись от неразгаданных тайн внезапно падающих с неба звезд или от шороха крыльев, задевающих затемненную сторону луны.

Она не знала, что сказать.

Так они и просидели некоторое время.

— Ну, я помогу тебе позаботиться о нем, — наконец предложила Дарси. — Правда-правда помогу.

— Это не важно.

— Он будет как новенький. Вот увидишь.

— Может быть. Но не с твоей помощью.

Дарси посмотрела на подругу, словно видела ее впервые.

Мария выдохнула. Казалось, из нее вышел весь воздух.

— Папа нашел место получше. Выше по каньону, рядом с настоящими конюшнями. Он говорит, что Пеббле не должен здесь оставаться, пока мы не выясним, что его поранило. И он велел мне больше с тобой не водиться.

— Почему?

— Потому.

— Но *почему?*

— Потому что это ты напугала меня этими историями! — Ее карие глаза ничего не выражали. — Ты не должна рассказывать мне о Ночном Хищнике, — заявила она. — Больше никогда.

Дарси была потрясена.

— Но я-то тут при чем? — спросила она. У нее начало щипать глаза. — Я даже не знаю, что случилось с Пебблсом. Может быть, он... ну... — Она смешалась, ей ничего не при-

ходило в голову. Она вспомнила историю, которая лилась из шевелящихся над ней губ, когда она сидела, прижавшись к своему старшему брату. Это было давно, очень-очень давно. — Н-нет никакого Ночного Хищника, как ты не понимаешь! Перестань, я думала, что ты уже большая! Ты ведь знаешь, что его нет? Знаешь?

— А *ты* знаешь? — передразнила ее Мария. — Я больше не хочу видеть сны, как сегодня ночью. Дарси, я не хочу!

Дарси открыла рот, но не произнесла ни слова. Она услышала новый звук, и это не в ушах у нее шумело и не волны разбивались о дамбу, это даже не было стуком ее сердца. Она подняла голову и увидела, как Мария сжалась в комочек и закрыла глаза руками. Звук становился все громче и громче. Мария вскочила на ноги. «Как дикое животное», — подумала Дарси. Дарси шевелила губами, она хотела, чтобы ее услышали, хотела сказать, что это всего лишь один из тех больших военных вертолетов, которые летали над туманом вдоль побережья. От военных вертолетов шуму больше, чем от вертушки шерифа. У них такие громадные лопасти, они бьют ими по воздуху, словно какое-то чудовище... Но Мария уже сорвалась с места. Просто побежала. Через несколько секунд она растворилась в тумане.

Когда Дарси пришла, дедушка раскладывал инструменты. Она двигалась медленно, как под водой, рассеянно поглядывая на горку гвоздей по десять пенни, стамеску, гвоздодер. Она пыталась придумать, с чего начать, но все без толку.

— Ну, как прошел день, милая? — спросил дедушка, заметив, что она осталась стоять в дверях.

Дарси знала, что дедушка будет ждать ее рассказа, о чем бы он ни был, и только потом продолжит заниматься своими делами. Что-то надо было ему завернуть в чистый платок и положить в карман куртки или в кухонный стол. А если это была вырезка из журнала очередной статьи о лошадях, ее следовало аккуратно сложить и убрать до поры до времени в карман рубашки. Тогда, и только тогда он перейдет к серьезной части разговора. Она посмотрела ему в глаза и поняла, что любит его.

— О... — Она уж было открыла рот. Может, стоит начать с истории об учительнице или о том, что случилось на перемене... Но у нее не было настроения. — О, все то же, ничего нового, — сказала она.

Он посмотрел на нее, помолчал — может быть, слишком долго — и произнес:

— Фотографии пришли. Те, что мы заказывали в «Санди таймс». Фотографии белых жеребцов. — Он бросил на нее нежный взгляд. — Помнишь?

Она почувствовала, что не может сдержать улыбки.

— И я думаю, Дарси, что твоя бабушка хотела бы поговорить с тобой, пока ты не спустилась вниз.

— Я знаю, — быстро отозвалась она.

Он закрыл на замок ящик с инструментами и вытер ветошью руки.

Она неохотно пошла в дом.

— Увидимся за ужином, — бросил вдогонку дедушка. — А потом, может, снимем размеры для рамок и подумаем, куда бы их лучше повесить. Идет?

Она обернулась:

— Деда?

— Да? — Он ждал.

— А что... что это значит, когда кто-то говорит: ты — зло?

Он непринужденно рассмеялся:

— Ну, Дарси, я бы сказал, это значит, что этот кто-то тебя совсем не знает.

Она очень осторожно спускалась по лестнице. *Теперь делай все так, как тебе было сказано.* Она старалась ставить каждую ногу по центру ступеньки. *Я уверен, ее отец знал, как лучше, когда оставил дверь нараспашку.* Так она ничего не коснется. *Помнишь... хотя, конечно, ты не можешь помнить...* Она чувствовала, что кто-то идет за ней по пятам. *А почему ты задаешь такие вопросы, малышка? Почему тебя это волнует...* Она знала, что увидит, если оглянется назад. *Будь осторожна, маленькая леди. Ты не такая уж взрослая, чтобы забыть...* Она увидит... *Я ничего такого не имею в виду...* Я ничего такого не имею в виду! *Твои мама и папа,*

упокой Господи их души... Она увидит туман. *Скажи это вслух.* Клубящийся туман. *Скажи это.* Возле самых коленей. *Скажи это.* Скажи это.

— Помоги!

Она содрогнулась.

В полумраке стоял Джоэл и протягивал к ней одну руку, а другой держался за ручку двери в его комнату, соседней с ее спальней. Когда ее глаза привыкли к темноте, она увидела, что он что-то держит своими короткими пальцами.

Она машинально взяла то, что он ей протягивал. Два ключа на кольце, новые и блестящие. Она неуверенно их осмотрела.

Джоэл отколупывал щепку от дверного косяка. Приглядевшись, Дарси различила медный блеск нового замка.

— Запирается намертво, — сказал он так, будто этим все объяснялось. — Не вскроешь, только если не выставишь всю коробку. И петли к тому же с правой стороны.

— Но...

— Я хочу, чтобы ты спрятала ключи в надежное место. Самое надежное. Поняла? — Когда она кивнула, он добавил с напускной непринужденностью: — Не хочешь заглянуть в мою комнату? Ты ведь почти ко мне не заходишь.

Он открыл дверь и провел девочку внутрь, словно человек, который хочет поделиться чем-то очень ценным, но никак не может вспомнить, куда это запрятал.

Она не была в комнате брата уже несколько недель, может быть, месяцев. С тех пор как познакомилась с Марией. Обычно они разговаривали (вернее, говорил он, а она слушала) в ее комнате. В любом случае ей удавалось сделать так, чтобы он не лежал на ее кровати, не слушал ее записи, не писал в ее дневнике, не думал о лошадях, о тех, что они видели в кино с дедушкой. Дикие лошади мчались сквозь огонь и воду на каком-то побережье. Это было очень похоже на сон.

Если ее комната, казалось, постоянно переделывалась, то комната Джоэла оставалась безликим подобием тюремной камеры. Там, где у нее были наклеены постеры и вырезки из журналов, у Джоэла были приколоты к стенам таблицы с научными данными и какие-то диаграммы, начерченные черным фломастером. На них было столько темных поме-

ток, что ей оставалось только гадать, как он в них разбирается. И все же обстановка в этой комнате ей о чем-то напоминала, она всегда ей о чем-то напоминала. Дарси вдруг снова стала думать о доме с незапертыми дверями. Большие любящие лица выныривали из окружающей ее темноты и снова исчезали. И еще огонь, вода и что-то еще, что-то еще.

Первым, на что она обратила внимание, была, конечно же, статуэтка на полке в изголовье кровати Джоэла. И, как всегда, она зачаровывала и в то же время отпугивала ее.

Это была двухфутовая статуэтка из глазурованного гипса, небрежно раскрашенная. Такие не за дорого продаются в магазинчиках, где торгуют подушками и дешевыми пепельницами с нанесенными на них буквами или домиками. Какая-то змея — вероятно, кобра — свернулась кольцом вокруг предмета, который мог быть человеческим черепом. Возможно, змея выползла из этого черепа, из глазницы, она не могла точно сказать. Но другое животное, похожее на мышь, точно вылезло из глазницы. Оно собиралось напасть на змею, собиралось укусить ее. Или, может быть, оно собиралось загипнотизировать ее, чтобы змея не могла причинить ему вреда. Дарси не знала, что из двух. Змея приготовилась к броску, опустила голову и обнажила ядовитые зубы. Невозможно было определить, кто из них выйдет победителем. Дарси видела похожую статуэтку в витрине магазина в Палисейдс. Там продавали разные старые книги и палочки, которые зажигают на Четвертое июля, и они сладко пахнут. Ей было интересно, где Джоэл взял статуэтку, зачем она ему и сколько стоит. Она даже как-то спросила его об этом, но он только странно на нее посмотрел и сменил тему разговора.

Дарси присела на краешек кровати:

— Джоэл. — Она понимала, что, если не заговорит первой, он замучит ее рассказами о своем замке и ключах. Ей что-то пришло в голову, какие-то вопросы, еще до конца не сформировавшиеся, но требовавшие ответа до того, как она сможет выслушать брата и действительно услышать. — Джоэл, — снова начала она, стараясь говорить как можно непринужденнее, — наш дом, он... он всегда был таким? Я хочу сказать, таким, как сейчас. Или дедушка перестроил его, когда мы были маленькими?

Она окинула взглядом комнату, притворяясь, будто ее заинтересовали кривые стены и косой потолок.

— Конечно, он таким и был, — насмешливо ответил Джоэл. — Просто ты думаешь о другом доме.

— О каком, Джоэл?

— О первом. О том, что рядом с твоим загоном. Мы там жили с мамой и...

Он запнулся и посмотрел на нее так, словно она застала его врасплох.

А у нее появилось такое чувство, будто они завели разговор о том, о чем не должны были говорить, о том, о чем она даже не должна была знать. Это притягивало ее и одновременно отпугивало.

— Ты ведь там не лазишь, нет? — как можно спокойнее спросил он. — Не заходишь туда, где раньше был дом?

— Любой может туда пройти. Он ведь стоит на самом берегу. То, что от него осталось.

— Ты была там, была под домом? Ты уже бывала там раньше?

— Я *всегда* там бываю. Что с того?

Он расправил плечи и повернулся к ней спиной:

— Ты знаешь, тебе не следует этого делать. Это небезопасно.

— Ты о чем? Конечно, это...

— Понимаешь, там был взрыв, — сказал он, выдавая ей больше информации, чем хотел. — Газовые трубы могут быть все еще там. В любом случае не хочу, чтобы ты вспоминала такие вещи. — И добавил, закрывая тему: — Тебе следует больше бывать дома.

— О...

Дарси почувствовала приступ смеха, дикого и безудержного. Она откинулась на кровати и положила руки за голову. Кровать была завалена бесчисленными стегаными одеялами, которые бабушка шила для Джоэла.

— Безопасно небезопасно, — пропела она. — О Джоэл, ты просто ужасный *лежебока*. Я знаю, почему ты видишь плохие сны. Ты спишь на такой груде одеял, что твое тело ночью нагревается, как компостная куча!

— Не дразни меня, Дарси. Не надо, или я...

Ага, она снова его подловила. *Или ты что? Нашлешь Ночного Хищника?*

Он повернулся и долго смотрел на нее, пока она не перестала смеяться, и им обоим стало неловко. А потом он начал мерить шагами комнату. Он останавливался, брал разные предметы: компас, угломер, крышечку для линз своего телескопа, — снова ставил их на место и вышагивал дальше. Пауза затянулась. У него всегда был неисчерпаемый запас страшных историй для нее, поэтому именно она каждый раз сдавалась первой.

Джоэл снова посмотрел на нее:

— Я слышал, бабушка здорово злится на тебя, Дарси. — На этот раз он дразнил ее. Напряженное выражение лица исчезло, как острые, шершавые камни с наступлением прилива. — Ну а на этот раз в чем дело?

— О, кто знает? — Это была почти правда, бабушка всегда за что-нибудь на нее сердилась. — Я не знаю. А почему пищит мышь? Возможно, у них одна причина.

Джоэл не рассмеялся, и она сказала:

— Я думаю, это из-за пони.

— А что с пони?

— А тебе какое дело?

— Мне снились пони, — сдержанно ответил он.

Еще один из его снов. Дарси вздохнула. Она не хотела слышать, о чем был сон, и поэтому решила рассказать про Пеббдса, но не упоминая Марии. Она еще не была готова говорить о том, что между ними произошло, тем более с ним.

Но потом она передумала и спросила:

— Ты видел во сне загон, да? Это туда ты ходил. В твоем сне. *Туда?*

Иногда — Дарси не понимала почему — он начинал притворяться, будто сделан из камня. Это был как раз тот случай.

— Дарси, я пытаюсь предостеречь тебя. Всех вас. — И вдруг слезы бессилия потекли у него из глаз. — Я говорил ему, я говорил *ей,* чтобы она ему сказала, но она, наверное, подумала, что сможет позаботиться...

Новая мысль пронзила ее, холодная и острая, как обломок стали. Она вошла в ее мозг и не уходила. Может быть, эта мысль все время там была, и только теперь Дарси по-

чувствовала ее целиком, почувствовала ее холод и начала понимать, что это было.

Она спросила:

— Что поранило Пебблса?

В ответ только звенящая тишина.

— Ты ведь знаешь, Джоэл. Я думаю, ты знаешь.

Дарси увидела, что его начало трясти. Она продолжила — отстраненно, словно наблюдала за тем, что происходит, перевернув телескоп обратной стороной.

— И знаешь, что я еще думаю? Я... я думаю, что с мамой и папой тоже такое случилось. Я теперь знаю, что они никуда не «уехали», как все говорят.

Она ждала.

Джоэл не пытался ответить. Он пошатнулся, низко наклонился, чуть ли не к самому полу, вцепился в одеяло на кровати и потянул его на себя.

Теперь Дарси опять начала ощущать страх. Ее тело нервно содрогнулось, словно от удара током. Но она постаралась дышать ровно и не поддаваться этому ощущению, а, наоборот, воспользоваться его энергией. Она должна была получить ответ.

— Скажи что-нибудь.

Он уткнулся лицом в подушку, она слышала его глухие всхлипывания. У нее перехватило дыхание, словно кто-то схватил за горло, а потом отпустил. Она хотела прикоснуться к нему, но не смогла. Потому что раньше никогда этого не делала. Не так.

— А что... — начала она, и это была самая трудная часть вопроса, но она должна была его задать, — что это за огонь? Расскажи мне про него, Джоэл. Расскажи мне о папе с мамой.

«Я помогу тебе, помогу, — думала она, — *и никогда, никогда больше не спрошу. Если только ты скажешь мне».* И после этого пришел ответ. Сперва медленно, а потом — как лед, который таял себе потихоньку где-то вдалеке и вдруг лавиной устремился к морю. Тогда Дарси не могла сказать, чей это был голос — ее или его. Она сосредоточилась на картинках, которые возникали у нее в голове. На одной был большой старый дом. От взрыва он взлетел высоко в небо, и его обломки падали вниз на песок, образовывая бесформенную гру-

ду мусора, и она вспомнила обугленные балки. А перед этим: в доме женщина, она дышит, стоя на коленях перед кухонной плитой. Духовка открыта, мерцают горелки. Картинка идет рябью, покрывается дымкой, превращаясь в мираж, и она думает: *мама*. А до этого: мужчина умирает на больничной койке, его тело исполосовано чем-то острым, свежие раны, розовые и влажные. И мама плачет, уткнув лицо в кулаки, ее длинные волосы упали вперед, на нее смотрит маленькая девочка, и она думает: *папа*. А до этого: лицо папы за окном в тот вечер, когда он привел к ней Коппера. Папа улыбается ей с таинственным видом, потом улыбка исчезает, ее сменяет ужас, словно что-то — *нечто* — надвигается на него из окна. И тогда она оборачивается, поворачивается к своему брату, которого там нет, и думает: *Ночной Хищник*. А до этого: другое лицо, оно кружится над ними обоими в темноте, когда мамы и папы нет дома. Старое лицо, которое, после того как она засыпала, еще долго продолжало рассказывать истории. Лицо, которое она не впускала в свою комнату с тех пор, как стала достаточно взрослой, чтобы запирать дверь и не впускать его, и она снова подумала: *Ночной Хищник*.

Дарси замерла, ее рука застыла у Джоэла над головой. Ее голос был почти мягким, ее прикосновение могло быть почти жестоким.

За окном начинался прилив. Волна, первая из многих, накатила и ударила о подпорную стенку под домом. Кровать под Дарси подпрыгнула. Рама единственного маленького грязного окна вздрогнула, стекло задребезжало.

Джоэл резко дернулся:

— Нет!

— Тихо, — шепнула Дарси. — Она тебя услышит.

Но конечно, это было не важно. Бабушка бы не рассердилась. Она никогда не сердилась на Джоэла, что бы он ни делал, только баловала его еще больше. Она поджидала его, иногда даже среди ночи, с чашкой успокаивающего теплого бульона и с этими серо-красными таблетками, которые следовало прятать в глубине верхней полки аптечного шкафчика. А если дедушка услышит, он тоже ничего не станет делать. Он оставил Джоэла одного, ему было все равно, пусть парень видит свои сны и становится тем, кем стано-

вится. Конечно, было глупо думать, что дедушка... что? Боится его? Конечно глупо. Он всего лишь мальчик. Он ее брат Джоэл.

Она проследила за его взглядом до окна. Вода медленно набегала на берег длинными волнами, волны фосфоресцировали на гребне бледным перламутровым светом. Но Джоэл этого не видел.

Впервые она обратила внимание на подоконник.

На нем были дюжины, сотни вертикальных зазубрин и царапин; эти отметины пришли в движение и стали глубже, когда волнообразная тень Джоэла легла на израненное дерево. Она оглянулась и увидела вокруг брата ореол от света яркой лампы. Эту лампу оставил в свой последний приход домашний учитель, тот, который продержался дольше других.

Джоэл выпрямился. Он постоял секунду, потом повернулся кругом, а потом еще раз, как зверь, который проснулся и обнаружил, что заперт в комнате и ему нечем дышать. Что бы он ни искал, он этого не видел и даже, возможно, не знал, что это, так как потом он повел себя странно. Действительно странно. Он начал сползать вниз, пока не сел на пол, при этом даже не пошевелившись. Она видела такое только один раз в своей жизни. Это было в тот день, когда бабушка вернулась, как сейчас поняла Дарси, с похорон мамы и папы. Теперь она как будто получила разрешение помнить. Бабушка вошла в дом, прижимая к себе два пакета с овощами и зеленью. Она стояла посреди кухни и точно так же, как Джоэл, осматривала стены, не видя ни их, ни маленькую девочку, которая стояла в дверях. Бабушка не видела Дарси, потому что та ее не интересовала, как не интересовали стены и потолок или стол и стулья. Она поворачивалась то туда, то сюда, но не двигалась с места. А потом на ее лице появилось это выражение и она опустилась на линолеум, пакеты лопнули, покупки посыпались во все стороны. Марионетка, у которой обрезали нитки. Она, вероятно, даже не знала, что Дарси была там.

— Запри дверь на ключ! — велел ей Джоэл. — Быстро!

— Зачем?

— Сделай это, Дарси.

Она осторожно обошла его и, пятясь, приблизилась к двери. Она следила за игрой света на статуэтке в изголовье кро-

вати. Как светятся гипсовые глаза, всегда напряженные, но неспособные увидеть самое важное. Как разрастается тень за капюшоном змеи и та темнеет, увеличивается в размерах и становится все больше и больше похожа на чудовище из ночных кошмаров. Дарси смотрела ей в глаза, пока не почувствовала что-то знакомое. Да, она помнила это ощущение, это желание внезапно наброситься, причинить боль. Что бы с ней было в такие моменты, если бы не дедушка? И присутствовало что-то еще: что-то связанное со змеей, которую она видела на картинке в книжке. Та змея так разозлилась и напугалась, что пыталась проглотить свой собственный хвост...

Глаза приковывали ее взгляд дольше, чем ей хотелось бы. Зоркие глаза змеи не упускали ничего: ни другое существо, которое подобралось достаточно близко, чтобы быть опасным, ни голову, которая ее насыщала, но теперь была слишком старой и пустой, чтобы служить защитой. Она видела все, кроме себя самой, кроме того, во что она превратилась. Не видела то, чего следовало опасаться больше всего, — существо из ее снов, существо, которое труднее всего опознать, потому что оно — порождение ночных кошмаров.

Дарси стояла между дверью и лампой. Тень от головы и туловища Джоэла двигалась и меняла форму. Она непроизвольно отшатнулась, ее рука прикоснулась к прохладной дверной ручке.

Дарси вздрогнула.

Она представила туман, который крадется по лестнице за дверью, то, как он с шипением заполняет пол и поднимается все выше. Дарси плотно закрыла дверь и отошла от нее.

Когда она сдвинулась с места, ее тень слилась с другой и сделала ту тень не такой страшной. Но глаза на полке продолжали светиться, прожигая темноту, и Дарси захотелось спросить: *«Она видит, Джоэл?»*

Он умоляюще сложил руки.

Ей хотелось сказать, совсем как Мария: *«Мне пора»* — и просто убежать из этой комнаты. Но на улице было темно, и туман, который спускался за ней по лестнице, только и ждал, чтобы просочиться в открывшуюся дверь. И еще была бабушка, она ждала ее наверху со своими нотациями и историями, которые не успокаивали, а, наоборот, порожда-

ли все новые кошмары. Дарси стало интересно, знала ли об этом бабушка. Она поняла, что наверняка не знала, и от этого стало еще страшнее.

Она пошла к брату:

— Джоэл, что мне надо сделать?

Вдруг мертвой хваткой он вцепился в ее запястье.

— Нет, Джоэл, не меня! — закричала она и вырвала руку. Она отскочила к двери. — Я сделаю это, видишь, я...

Дарси потянулась к замку и подумала: *«Почему он дал мне оба ключа?»* Но это не плохая идея — закрыть дверь именно сейчас. Да, она...

Дарси посмотрела на дверь.

Где замок? Замок был снаружи и петли тоже. Значит, ключи нужны не для того, чтобы не впускать кого-то.

Они нужны, чтобы не выпускать.

Очень медленно она снова пошла к нему. Он смотрел на нее немигающими глазами.

— Что ты видишь, Джоэл? — тихо спросила она.

Комната. Окно. Волны, подсвеченные снизу мерцающим бледно-зеленым светом огней святого Эльма[1]. Небо над туманом озаряет рассеянный свет луны. Стекло холодное и хрупкое. Если она дотронется до него пальцами, на тумане останутся пять овальных отпечатков: запись касания, которая будет повторяться каждый раз, когда кто-нибудь будет подходить близко к окну и дышать в ночь.

А потом она услышала шум прибоя, дрожь в закрытой комнате, рыдание и тонкое завывание ветра, которое могло быть и плачем животного, очень долго остававвшегося в одиночестве.

— Ты слышишь это, Джоэл? Это Коппер?

И она видела комнату, и это была всего лишь комната ее брата. Она слышала плач и понимала, что он срывается с ее губ. Она протянула к брату руку, провела пальцами по мокрой челке, по жестким коротким волосам на затылке, коснулась мягкого пуха на висках. Щеки его дрожали, она ощутила

[1] Огни святого Эльма — возникающий при большой напряженности электрического поля в атмосфере разряд в виде светящихся пучков на острых концах высоких предметов (башни, мачты). — *Прим. ред.*

влагу, которая струилась к его мягким губам и дальше по подбородку, ощутила дрожь его тела.

Она закрыла глаза и спросила:

— Что ты чувствуешь?

Он хотел попросить ее уйти, просто уйти и закрыть за собой дверь. Закрыть и не открывать до утра. Но она встала между ним и окном и сказала:

— Я останусь, Джоэл. Я хочу остаться. Отсюда я буду смотреть и слушать. Если кому-нибудь... если Коппери... будет нужна моя помощь, я услышу. Ты понимаешь?

— Нет, — жалобно ответил он через некоторое время.

Не открывая глаз, отгородившись от тумана и мира, она сказала:

— Все хорошо, Джоэл. Я просто подожду, пока ты не заснешь.

«Потому что, — подумала она, — кто-то должен это сделать».

Так началась их первая ночь вдвоем.

ДЭВИД КЕЙС

Клетка

Дэвид Кейс (David Case) родился на севере штата Нью-Йорк, но вскоре перебрался в Англию, регулярно совершая при этом продолжительные путешествия в Грецию (он утверждает, что однажды видел там оборотня!).

Два его сборника рассказов в жанре хоррор «„Клетка" и другие страшные рассказы» (The Cell and Other Tales of Horror, 1969) и «Фенгриффен и другие рассказы» (Fengriffen and Other Stories, 1971) сравнивают с классическими произведениями о сверхъестественном Алджернона Блэквуда (Algernon Blackwood). В 1981 году издательство «Аркхэм Хаус» (Arkham House) опубликовало его полный тайн и загадок роман «Третья могила» (The Third Grave), где писатель обращается к оккультным учениям Древнего Египта. Кроме того, Кейс написал более трехсот книг по меньшей мере под семнадцатью псевдонимами, а его роман-вестерн «Бурение» (Plumb Drillin', 1976), вскоре после появления предлагавшийся Стиву Маккуину[1], сейчас, кажется, уже готов к экранизации. «Фенгриффен» и классический триллер об оборотнях «Охотник» (The Hunter) были экранизированы под названиями «А теперь начинается крик!» (And Now the Screaming Starts! 1973) и «Крик волка» (Scream of the Wolf, 1974).

«Клетка», которую называют «наводящим ужас психопатическим описанием ликантропии»[2], была первым страшным рассказом автора. Рэмси Кэмпбелл заметил, что это произведение Кейса «можно поставить в ряд с самыми яркими произведениями, созданными сегодня в жанре хоррор», в чем вы убедитесь, прочитав предлагаемую вашему вниманию историю, которая не может не вызвать волнения...

---

[1] Стив Маккуин (1930—1980) — американский актер.

[2] Ликантропия — болезнь, при которой больной считает себя волком, оборотнем или другим животным.

Когда умерла моя старая тетушка Хелен, я, будучи ее единственным родственником, унаследовал ее дом. Я не очень-то горевал, что она умерла, потому что почти не знал ее, а по поводу дома не испытывал чрезмерной радости, потому что это была старая, уродливая, неуютная развалюха. Наверное, когда-то это выглядело вполне приличным буржуазным домом, но тетушка Хелен много лет прожила в нем в полном одиночестве с того времени, когда исчез ее муж, — и я не слышал, чтобы когда-нибудь она затевала ремонт.

Хелен была немного не в своем уме и никогда не выходила из дому. Каждый из них — дом и старуха — жил своей жизнью. Иногда ее видели покачивающейся в кресле на крыльце, при этом она то ли хихикала, то ли бормотала, то ли постанывала. Звук был настолько странным, что от него мороз пробегал по коже. Никто не знал, насколько тетушка Хелен была безумна, да никому до этого и дела не было. На вид она казалась весьма безобидной. Ее оставили в покое, и в конце концов она тихо умерла от старости. И теперь дом тетушки Хелен принадлежал мне.

В один из пасмурных дней я отправился осматривать свое наследство с целью выяснить, нет ли там чего-нибудь такого, что могло бы мне понадобиться, а уже потом дом можно будет и на торги выставлять. Мне хватило и десяти минут, чтобы убедиться, что ничего интересного в вещах старушки Хелен для меня нет. Я бы ушел сразу же, если б не полил сильный дождь, а я был лишь в легком пальто. Я решил подождать, — может, скоро прояснится. Делать мне было нечего, и я продолжил хождение по сырым и грязным комнатам. На первом этаже не было ничего, что представляло бы хоть малейшую ценность. Я открыл дверь в подвал, подумав, что, может, там что-то хранится, но оттуда вырвался холодный спертый воздух, и я снова закрыл дверь. Я был уверен, что не стоит туда спускаться, и вместо этого отправился наверх, чтобы осмотреть спальни. Все комнаты были нежилыми, кроме той, которой, должно быть, пользовалась тетушка Хелен. Здесь стояла скособочившись какая-то мебель, вся разбитая и непотребная. Я уже собрался было уйти, но что-то заставило меня открыть один из ящиков комода. Там я и нашел дневник.

Он заплесневел от времени. Когда-то его порвали, а потом вновь склеили липкой лентой. Когда я раскрыл его, он, казалось, глухо застонал в том месте, где был сшит, а страницы, раскрываясь, похрустывали. Страницы высохли, покрылись пятнами и согнулись, но читать их было можно. Почерк был мужской — мелкий, четкий, аккуратный, усердный. «Почерк скучного человека, — подумал я. — Наверное, это дневник или журнал для записей». Я прочитал пару строк и уже собрался было положить увесистую тетрадь обратно в ящик, но вдруг глаза мои остановились на одной из строк. Потом я жадно раскрыл тетрадь в середине и пробежал глазами страницу. После этого я закрыл дневник и, взяв его с собой, спустился в гостиную и сел у окна. Свет был тусклый, страницы — хрупкие, но я начал читать эту необыкновенную рукопись. И уже не мог остановиться... Я не остановился... пока не прочитал все. И теперь не мог перевести дыхание. Я словно прилип к стулу. Я ни разу не поменял позу и не пошевелился. Становилось все темнее, но я не отрывал глаз от этих замусоленных страниц. Дождь стучал в стекло, небо было затянуто сплошными тучами. Над заросшим сорняками газоном носился ветер. Только в такой день и читать этот дневник!

Вот он.

«4 мая

О боже! Как же страшно было этой ночью!

Последняя ночь была худшей из всех. Хотелось бы мне получше вспомнить предыдущие. Теперь я знаю: надо было начать вести записи, и сделать это как можно раньше. Но каких усилий мне стоило сделать первую запись в этом дневнике, где рассказывается, кто я такой. Заставить себя приступить к нему раньше я никак не мог. Как бы там ни было, я уверен, что прошлая ночь была куда ужаснее, чем какая-либо из предшествующих. Может, поэтому мне и кажется, что я должен внести эту запись сейчас. Возможно, мне удастся хоть каким-то образом освободиться от своих мучений. И мне хотелось бы знать, смогу ли я заставить себя еще раз спуститься в подвал, в следующем месяце...

Ну разумеется, мне придется это сделать. Тут и сомневаться нечего, и я не должен даже пытаться найти происшед-

шему рационалистическое объяснение. Не должен искать никаких оправданий. Сделаю-ка я вот что — в следующем месяце спущусь туда пораньше. Не стоит с этим затягивать, ибо кто знает, что может случиться? Думаю, я мог бы справиться с этим, но... По-моему, прошлой ночью я задержался там чуточку дольше. Едва я начинаю понимать, что это скоро начнется, как принимаюсь нервничать, жду первых признаков, и часто бывает трудно отделить ожидание этого от его начала. Перевоплощение начинает происходить с какого-то нервного предчувствия, и стоит мне только разнервничаться, как все может случиться, прежде чем я смогу это осознать. Это-то меня и пугает. В будущем нужно быть повнимательнее.

Сейчас я в своей комнате. Пытаюсь припомнить все подробности. Эти записи окажутся совершенно бесполезны, если в них вкрадется неточность или мое пристрастное мнение. Толку от них тогда не будет никакого — ни мне, ни кому-либо другому. Я так еще и не решил, увидит ли их в свое время кто-нибудь или нет. Но в нынешних обстоятельствах я должен заставить себя принять это страшное решение. Знаю, что если я когда-нибудь и покажу эти записи, то должен буду предъявить и доказательства. И вот это-то самое ужасное. Не хочу, чтобы меня сочли сумасшедшим...

Минувшим вечером мне показалось, что после ужина моя жена начала нервничать. Мы были в гостиной. Она посматривала то на часы, то на меня. Мне не нравилось, что она смотрит на меня искоса, не поворачивая головы. Я, конечно, не могу ни в чем винить ее и потому старался этого не замечать. Меня страшила сама мысль, что скоро мне нужно будет спуститься вниз, и мне хотелось оттянуть этот момент насколько это возможно.

Было еще совсем непоздно, и небо освещалось заходящими лучами солнца. Я сидел возле окна и потому знал, когда настанет то время. Я пытался сделать вид, будто погружен в чтение вечерней газеты, но при этом слишком нервничал, чтобы сосредоточиться на мелькающих строчках. Перед глазами у меня все сливалось, но не думаю, чтобы это был симптом. В комнате горели все лампы, и я всячески старался сделать так, чтобы Хелен не видела, что я смотрю в окно.

Мне не хотелось, чтобы она еще больше разнервничалась, бедняжка. И вместе с тем помню, что я испытал какое-то удовольствие, когда заметил страх в ее глазах. Думаю, это было почти сексуальное удовольствие. Не знаю. Наверное, это было одним из первых проявлений моей болезни, а может, это нормальная мужская реакция. Впрочем, не могу сказать, потому что я не такой, как другие мужчины. И тем не менее, ощутив и распознав это чувство, я испытал острое отвращение к самому себе. Меж тем ничего еще не началось.

Самое скверное в это время — предощущение перемены. Сидеть в этой уютной, ярко освещенной гостиной, обставленной кожаными креслами, смотреть на пол, покрытый новым ковром, и в то же время знать, что́ произойдет примерно через час... Произойдет... Это так нелепо! Вести почти все время нормальную жизнь и пытаться делать вид, что она нормальная, — вот что делало происходящие потом изменения еще более ужасными. Я начинал едва ли не ненавидеть себя, хотя отлично понимал, что это болезнь и вины моей тут нет. Да пожалуй, тут ничьей вины нет, хотя, может, и есть вина какого-нибудь далекого предка, но уж этого я не знаю. Но я точно не виноват. Если бы тут была хотя бы толика моей вины, я, полагаю, покончил бы с собой...

Я продолжал тайком посматривать на зеркало в золоченой раме, ожидая увидеть какой-нибудь знак, хотя и знал, что еще слишком рано. Тут два варианта — либо слишком рано, либо слишком поздно. Даже если бы я мог контролировать себя на первых стадиях, для моей жены это было бы просто ужасно. Если бы я посмотрел в это нормальное зеркало в золоченой раме и на самом деле увидел бы...

Именно потому здесь и нет зеркала.

В девять часов я поднялся. Небо за окном темнело. На окне висели занавески с кружевной каймой. Жена быстро взглянула на меня и тотчас отвернулась. Я аккуратно сложил газету и положил ее на стул. Я вел себя вполне нормально, во всяком случае спокойно.

— Что ж, пора, — сказал я.

— Да, кажется, пора, — откликнулась она, и я почувствовал, как она изо всех сил старается сделать усилие, чтобы в ее голосе не прозвучало облегчения.

Мы вышли в коридор и стали спускаться по ступенькам в подвал. Моя жена шла первой. Ступеньки старые, деревянные, с одной стороны — холодная, сырая на ощупь стена, с другой — перила. Дом старый, и если за лестницами в доме я следил, то подвал оставался мрачным и заброшенным. В светлое время я не могу заставить себя спуститься туда. Да при нынешних обстоятельствах оно и понятно. И в общем-то, вполне естественно, что здесь сыро и неуютно. Во всяком случае в последнюю минуту не так сильно ощущается происходящее.

Ступеньки стонали у нас под ногами. Неподвижный воздух, казалось, поднимается по ступенькам нам навстречу, и неожиданно у меня закружилась голова. Ища поддержки, я оперся рукой о заплесневелую стену и тут же поскользнулся. Чтобы не упасть, я ухватился за перила. Мне удалось удержаться, но одна нога с грохотом съехала на следующую ступеньку. Услышав шум, жена обернулась. На ее лице был написан ужас, глаза и рот широко открыты. Она не сразу смогла справиться с этим выражением. Мне не часто приходилось видеть столько ужаса и страха в ее лице. Разумеется, всякий раз у нее находилась какая-нибудь причина, хотя на самом деле причины, разумеется, не было. Ей отлично известно, что я никогда не причиню ей вреда. И тем не менее я не могу винить ее в том, что она испытывает страх. Мне было больно, что она так боится. Меньше всего на свете я хотел внушать страх той, которую люблю. Но потом бледная маска ужаса исчезла с лица жены и она улыбнулась, слегка прикусив губу. Думаю, ей сделалось стыдно оттого, что она обнаружила свой страх. Я улыбнулся ей в ответ и тут понял, что оставил на улыбку лишь самую последнюю минуту. Губы мне не повиновались, а зубы — я это чувствовал — были уже слишком большие. Я знал, что больше не могу себя контролировать.

Клетка находилась в дальнем конце подвального этажа. Я первым подошел к двери и открыл ее. Жена отступила, я вошел внутрь и, посмотрев на нее из-за двери, снова улыбнулся. Ее лицо было очень бледным, оно буквально светилось в темном подвале. Она двинулась в мою сторону, и казалось, будто ее лицо плывет в воздухе, оторвавшись от

тела. Особенно белоснежной была шея, на которой проступали вены. Я отвернулся, чтобы не видеть их. Она приложила все усилия, чтобы я заметил, что она с сожалением закрывает дверь. По-моему, ей это удалось. Потом дверь захлопнулась, и я услышал, как ключ поворачивается в замке, а тяжелый засов задвигается на свое место. Я стоял за дверью и прислушивался. Несколько минут царила абсолютная тишина. Я знал, что она ждет за дверью. Я представил себе, как она стоит там и смотрит на запертую дверь со смешанным чувством облегчения и сожаления на своем светящемся лице. А потом услышал очень слабый звук ее шагов, когда она пошла назад к лестнице, и затем дверь наверху закрылась. Мне стало жаль нас обоих.

Я сел в пустом углу и закрыл лицо руками. Пока это было мое лицо. Но оно уже стало совершенно неподвижным. Я знал, что так будет недолго. С каждым месяцем перевоплощение занимало все меньше времени и проходило все легче. Боли при этом не было. Интересно, это добрый знак или плохой?

Но пока я не могу об этом говорить. Очень трудно было бы описать все в подробностях. Мне и в клетку заходить трудно, зная, какие мучения меня ожидают...

Когда жена утром постучала в дверь, я был еще очень слаб. Но со мной все было в порядке. Я удивился, что уже наступило утро. В клетке, конечно, невозможно следить за временем. Часы я с собой не беру.

В первый раз Хелен не слышала, как я ответил ей, и, прежде чем открыть дверь, постучала еще раз. Она приоткрыла ее немного, и я увидел, как в клетку заглядывает один большой глаз. Убедившись, что все в порядке, она широко распахнула дверь. Я, конечно, рад, что она так осторожна, и тем не менее для меня это мучительно. Чертова болезнь!

Она не спросила, как я. Она знает, что я не могу об этом говорить. Интересно, а ей любопытно? Наверное, да. Она и не догадывается, что я веду этот дневник. Лучше держать его взаперти в своем кабинете. Сейчас я сижу здесь и смотрю на деревья за окнами. Сегодня все выглядит так мирно, тогда как минувшая ночь была полна стольких кошмаров,

что все и не упомнишь. Если бы запомнить все подробности! Странно, что память вообще ко мне возвращается после того, как я снова становлюсь самим собой. Мне приходится думать о том, что было, и потом пытаться все это описать. Я и сам не понимаю, зачем я это делаю. Не знаю, почему я вынужден вести этот дневник. Наверное, он дает мне какое-то облегчение. Во всяком случае теперь мне гораздо легче. А сейчас я, пожалуй, отдохну. Мое тело страдает от ран, которые наносит мне другое существо. Мы делим с ним одно тело, и я истощен. Писать буду позже.

6 мая

Я все думал о своей болезни. Думал о ней вчера весь день. Рассуждать объективно мне трудно, потому что, когда я... не я... у меня, кажется, и мыслей-то нет. А если я и думаю о чем-то, то не могу уже ничего из этого вспомнить, когда снова становлюсь самим собой. Полагаю, что, скорее всего, в это время мой мозг работает так же, как мозг животного. У меня остается лишь смутное, общее представление о том, как я себя чувствовал, каково это — чувствовать себя иначе. Не уверен, что я и он — одно и то же, но тело-то у нас одно. И наверняка после того, как происходит перевоплощение, мыслительный процесс затухает. Этим существом движет чистый инстинкт, а инстинкт не очень-то хорошо вписывается в структуру человеческого мозга. Или же мой мозг тоже трансформируется? Впечатления очень сильны! Я могу вспомнить их настолько отчетливо, что кажется, будто переживаю их заново. Но это всего-навсего способ вспомнить, что́ именно в то время чувствовало другое существо, а не то, что оно делало или как оно выглядело. Это способ вспомнить чувство, не зная обстоятельств, вызвавших его. Но какое же это сильное ощущение! Чувство всегда трудно выразить словами, особенно такое необычное и глубокое.

Думаю, что прежде всего эти чувства были вызваны окружающей это существо действительностью. Да, окружающей его действительностью и обманутыми надеждами. Но тут примешивались еще и ярость, и ненависть, и похоть. Не думаю, что обыкновенный мужчина когда-либо испытывал все это разом. Быть может, чувство всегда сильнее, когда

оно инстинктивно и когда разум не работает на него. Оно исходит изнутри и, похоже, не имеет никакого отношения к физическому действию. Оно сгорает в самом существе, точно в аду. Вот что приводит его в самую дикую ярость. Вот что это тогда было.

А что происходит на самом деле... Я вижу все со всей объективностью, без эмоций и предвзятости, будто я — отдельный индивидуум, находившийся в клетке и ставший свидетелем всего этого. (Спаси Господи того, кому и вправду выпало такое! Да от этого можно сойти с ума... хотя я сомневаюсь, что есть время сойти с ума, пока находишься в этой клетке с существом, которым я становлюсь.)

Я отчетливо вижу сцену внутри этой клетки. Существо бросается на обитые войлоком стены, рвет их когтями и острыми клыками. Падает на пол, ползает с минуту, рычит, потом снова прыгает на стены. Им движет внутренняя ярость, которая снова и снова вызывает безумную страсть. Оно останавливается только затем, чтобы вызвать в себе новый приступ ярости, после чего снова прыгает, яростнее, чем прежде, пока наконец его энергия не иссякает и оно не падает ниц, тяжело дыша и выжидая. Прошлой ночью оно попыталось вышибить дверь, но она оказалась достаточно крепкой.

Интересно, слышит ли моя жена звуки, которые существо производит, когда бросается на стены? Или хуже, куда хуже — звуки, слетающие с рычащих губ? Это было бы ужасно. Просто отвратительно.

Вчера за ужином, когда мы ели, я заметил, как она на меня смотрит. На ужин был стейк. Я всегда любил недожаренный стейк. Но она смотрела на меня так, словно ждала, что я буду разрывать мясо, точно какой-нибудь дикий зверь. Может, и слышит... Слава богу, что ничего не видит! У нее и без того уходит несколько дней на то, чтобы прийти в себя... чтобы снова стать прежней.

7 мая

Сейчас, конечно, я вполне нормален.

Я совершенно в своем уме.

Мне пришло в голову, что я этого еще не сказал, а сказать это необходимо. Если кто-нибудь когда-то прочитает

это, то он должен понять, что я не безумный. Это не болезнь мозга, а болезнь тела. Это чисто физическое. Должно быть, так, учитывая происходящие физические изменения. Я еще не писал об изменениях. Это будет очень трудно, хотя я вижу это со всей объективностью. Я вижу свои руки и тело, чувствую лицо. Лица я, конечно, не вижу, потому что зеркала нет. Если бы у меня сохранилось в памяти, что сделалось с моим лицом,— не знаю, смог бы я это пережить. И не знаю, смогу ли я описать это честно или правдиво. Возможно, в одну из ночей я прихвачу с собой этот дневник в клетку и буду писать, сколько смогу,— буду описывать перемены, происходящие в теле, и буду делать это до тех пор, пока мой мозг будет в силах совладать с этим напряжением... когда это будет уже не мое тело.

Вопрос, который мучит меня больше всего, заключается в том, страдал ли какой-нибудь другой человек когда-либо от подобной болезни? Мне почему-то кажется, что мне было бы легче примириться с ней, если бы я знал, что не одинок. Это не тот случай, когда мучиться за компанию легче; просто мне бы хотелось убедиться в том, что со мной не происходит ничего необыкновенного, и в том, что я страдаю не по своей вине. Я бы с бóльшим терпением сносил эти испытания, если бы знал, что их нельзя избежать.

Я пытался найти случай, похожий на мой. Я проделал серьезную исследовательскую работу... достаточно серьезную, чтобы вызвать подозрения у сотрудницы библиотеки, будь она человеком суеверным. Но нет. Эта толстая старая дева занята только собой, и, по-моему, она думает, что ликантропия — это наука о бабочках. Меж тем мои исследования ни к чему не привели. В заплесневелых старых томах, в больших кожаных переплетах, книгах по психологии зафиксированы только легенды, или рассказывается о безумии. Есть случаи, которые схожи с моим в описанных деталях, но в каждом из них человек был душевнобольным. Физических изменений не происходило, хотя иногда сумасшедший, бедняга, думал, что они реальны. И тем не менее... должно же быть какое-то основание для легенд. Во всех мифах и сказках есть зерно истины. Я придерживаюсь этой точки зрения. Должен ведь я чего-то придерживаться.

Мой дедушка со стороны отца был родом с Балкан. Откуда-то с Трансильванских Альп. Не знаю, имеет ли это какое-то значение, но большинство историй о мнимых чудовищах берут свое начало именно в тех краях. То, что Трансильвания — нездоровая местность, уж это точно. И я чувствую, что болезнь моя — наследственная. Не мог же я подхватить ее где-нибудь. Я всегда был человеком умеренным, чистоплотным. Во всем соблюдаю сдержанность. Я не пью, не курю, не увлекаюсь женщинами и всегда отличался хорошим здоровьем. Поэтому я уверен, что болезнь — врожденная. Я страдаю за грехи своих предков, и это насмешка судьбы — ужасная насмешка злой судьбы, которая наказывает невинного за преступления виновных.

Болезнь передается по наследству через кровь или, что более вероятно, посредством ген. Полагаю, она передается всем детям, то отступая, то выжидая или таясь в одном человеке, потом в другом, и так поколение за поколением, пока раз в столетие... быть может, раз в тысячу лет... не возникают благоприятные условия для того, чтобы она полностью овладела человеком. И тогда она становится опасной, неизлечимой манией, которая обостряется по мере того, как человек стареет; силу она берет у тела, в котором живет и которое пытается разрушить...

Я должен верить в это, и я верю.

Мне не следует думать, будто я уникален и могу каким-то образом нести ответственность за свое состояние. Я должен понимать, что это проклятие появилось на свет вместе со мной, и это так же верно, как то, что я шатен с зеленоватыми глазами и что это предопределено с того времени — кто знает, сколько поколений назад? — когда мой предок совершил какое-то злое деяние, в результате чего вошел в контакт с чем-то заразным, вызвавшим к жизни нашу болезнь. За это я ненавижу своих предков, но благодарен им за то, что это их грех, а не мой. Если бы я знал, что каким-то своим поступком сам вызвал эту болезнь, то эта мысль точно свела бы меня с ума. Да она бы разрушила мой мозг! Этого я очень боюсь. И это иррациональный страх. Но то существо, от которого я страдаю, может кого угодно свести с ума...

2 июня

На прошлой неделе я всерьез подумывал о том, чтобы сходить к врачу. Но об этом и речи быть не может. Конечно, я все время знал, что это лишено всякого смысла, но тот факт, что я готов рассматривать подобную возможность, свидетельствует о том, в каком отчаянии я нахожусь. Мне хочется схватиться за соломинки, пойти на любой риск, если есть хоть малейший шанс на спасение. Но я знаю, что должен вылечиться сам; любое спасение должно прийти изнутри.

Это жена внушила мне мысль о врачах. Естественно, не напрямую. Однажды заметила вскользь что-то насчет психиатров — кажется, что-то прочитала в газете, какую-то непонятную заметку, из которой запомнила это слово, и вспомнила о нем, когда разговаривала со мной, а потом намекнула и на заметку, ничего не говоря напрямую. Что ж, ее план сработал, потому что я и сам думал об этом, но это совершенно невозможно.

Меня задело то, что она заговорила о психиатре, а не о враче вообще. Ей не хуже моего известно, что это физический недуг. Я довольно часто ей об этом говорил. И все же отчасти она права. Никакой врач мне не поверит. Меня сочтут сумасшедшим и все равно отошлют к психиатру. А от психиатра не будет никакого толку, потому что он попытается вылечить несуществующее заболевание. То, что болезнь физического свойства, я могу доказать только одним способом — сделать так, чтобы они стали свидетелями перевоплощения, а этого нельзя допустить никогда!

При этой мысли я впервые за долгое-долгое время рассмеялся. Представляю себя в кабинете психиатра! Дело происходит ночью. Той самой ночью. Я лежу на спине на кожаной кушетке, а он сидит на стуле возле меня. Я рассказываю ему о своей болезни. Он слушает меня внимательно, время от времени кивая. Когда я заканчиваю свои объяснения, он начинает говорить тихим уверенным голосом. Он настоящий профессионал, с лысиной и в очках в золотой оправе. Сидит, положив ногу на ногу и держа блокнот на колене. Разговаривая со мной, он смотрит не на меня, а в свои

записи. И я не смотрю на него. Я смотрю в окно. Я так живо представляю себе эту сцену. Я даже вижу его дипломы, висящие в рамках на стене. Эта стена находится напротив окна, и лунный свет отражается на золотых печатях. Рядами стоят огромные и тяжелые книги. Большой письменный стол. Я все вижу, потом снова перевожу взгляд на окно. Перевоплощение всегда происходит гораздо быстрее и проще, когда я вижу луну, а не сижу в клетке. И вот, чувствую, начинается. Врач продолжает говорить тихим голосом. Наверное, он внушает мне, что все это чепуха, что это невозможно, что это всего лишь плод моего воображения, заблуждение больного мозга. И поворачивается ко мне, чтобы четче донести до меня эту мысль. Заглядывает мне в глаза. И тут его лицо... вот что заставило меня рассмеяться... его лицо изменяется до неузнаваемости. Это холодное интеллигентное лицо ученого растворяется в вечности и превращается в примитивное и испуганное лицо его суеверных предков. А затем...

Не думаю, что это так уж смешно, но приятно посмеяться лишний раз.

3 июня

Сегодня я снова должен отправиться в клетку.

Я боюсь этого. Моя жена тоже боится. Вчера я опять заметил у нее признаки нервозности. Она снова намекнула, что мне нужна помощь. Помощь! Да кто же мне может помочь?! Но она, кажется, этого не понимает. Наверное, она не хочет знать правду. Может, она бы предпочла, чтобы я был сумасшедшим. Но в такие минуты меня беспокоит, в своем ли уме она сама, а не я. Что до меня, то мне остается лишь надеяться, что мне не станет хуже и что я смогу и дальше так жить — нормальной жизнью, кроме одной ночи раз в месяц... Но как же я боюсь этой ночи и этой клетки! Даже когда я больше не я, я все же остаюсь самим собой в том смысле, что у нас одно тело, а чувства и впечатления не покидают меня, пусть они и доставляют мне страдания. Даже сейчас, месяц спустя, я могу вспомнить это чувство, правда, не так отчетливо, как мог бы его вспомнить, если бы продолжал оставаться этим существом, которое по-

мнит, как оно двигается и ведет себя, как бы извлекая из глубин памяти воспоминание о сильной боли в далеком прошлом. Невыносимо думать о будущем. Настоящее я еще могу вытерпеть, а мысли о будущем — нет. А если мне станет хуже...

Но может быть, и лучше. Это возможно. Болезни иногда самоизлечиваются, организм вырабатывает привыкание, антитела и иммунитет. Только на это я и могу надеяться, глядя в будущее,— надеяться на то, что наконец настанет месяц и этого не случится, и тогда я буду знать, что нахожусь на пути к выздоровлению.

Конечно же, у меня не должно быть детей. Даже если я выздоровлю, детей быть не должно. Эта болезнь не должна никому передаться. Моя жена сожалеет об этом. Она хочет детей, но, похоже, не понимает, почему это невозможно, почему иметь детей было бы чудовищно. Думаю, она и вправду предпочла бы, чтобы я был сумасшедшим. Иногда мне даже кажется, что она сомневается во мне... думает, что со мной не все в порядке. Ну разумеется, со мной не все в порядке. То есть... иногда, как мне кажется, она думает, что я безумен. Ну вот еще! Я уже писал об этом в дневнике. Но наверное, я чересчур чувствителен.

И у меня есть на это право.

Я месяц не делал записей. Собирался заполнять дневник каждый день, но писать об этом, когда превращение должно случиться еще нескоро,— слишком тяжело для меня. Я предпочитаю забывать об этом надолго и делаю это так часто, как только могу. Если я думаю о превращении, то это лишь служит мне напоминанием того, что эта ночь снова наступит. Сегодня ночью я собираюсь взять с собой в клетку этот дневник. Хочу записать как можно больше... может, запись окажется полезной. А может, она покажется отвратительной, и только. Но я должен попробовать, я должен узнать о своей беде как можно подробнее. Только так я могу надеяться на то, что найду способ излечиться.

А теперь я должен отдохнуть. Сегодня мне придется тяжело. День ясный и чудесный, и на небе скоро будут сверкать звезды. Идти в камеру в такой вечер будет нелегким испытанием.

3 июня (ночь)

Ну вот, дверь закрыта и заперта. Я прислушался к звуку ее шагов на лестнице, потом хлопнула дверь наверху. Теперь я один в клетке. Чувствую себя хорошо. Сегодня я пришел пораньше. Боялся долго ждать. А хорошая мысль — прихватить с собой этот дневник! Смогу хоть что-то делать, будет хоть чем-то заняться, пока я жду. Все лучше, чем просто сидеть здесь в ожидании, когда это произойдет.

Я пишу и смотрю на свои руки, на ногти. С ними все в порядке. Ничего еще не началось. Пальцы у меня длинные и прямые, а ногти пострижены. Я должен смотреть внимательно, чтобы различить самые первые признаки. Я должен буду описать все во всех подробностях.

Мебели здесь, в клетке, нет. Окажись она здесь, то была бы сломана. Я сижу в одном углу, согнув ноги в коленях и положив на них дневник. Страницы видны плохо. Надо было мне позаботиться о том, чтобы включить лампочку поярче. Лампочка спрятана в углублении в потолке и закрыта железной сеткой. Сетка немного помята, но не припомню, чтобы это сделал я. Да я, пожалуй, такого и не сделал бы. Света в клетке и так хватает. Но раньше я сетку не замечал. Наверное, слишком был занят собой, чтобы обращать на что-то внимание. Но сегодня я пришел раньше...

Клетка бетонная. Стены толстые, дверь железная, с большим засовом. Изнутри стены обиты войлоком. Это, конечно, сделали мы с Хелен. Трудно было бы кому-то объяснить, зачем нам понадобилось обивать стены в подвале войлоком. Кажется, мы сказали рабочему, что бетонное сооружение нужно для нашей собаки. Да он и не особенно интересовался. К тому же и собаки у нас нет. Собаки не любят меня. Я их пугаю. Мне кажется, они чувствуют мой недуг, даже когда я нормален. Это еще одно доказательство того, что болезнь физического свойства. Однажды, правда, я убил собаку, но она представляла опасность, и я был вынужден убить ее.

Здесь спертый, затхлый воздух. Стены, наверное, сырые под войлоком, и тот начал гнить. Скоро нам придется заменить его. Попытаюсь сделать так, чтобы в клетке можно было чувствовать себя лучше. В некоторых местах войлок по-

рван, и его куски валяются на полу. Обивочная материя прочная, толстая и добротная, так что понятно, что мои... его... когти, должно быть, очень мощные и острые. Они вонзаются в эту обивку точно нож в масло. Интересно, а я хоть раз сломал ноготь, разрывая эти стены? Надо бы посмотреть в порванных местах. Это будет доказательством того, что перевоплощение действительно происходит. Потом посмотрю; скорее всего, найду что-нибудь. Я знаю, какая страшная ярость заставляет это существо бросаться на эти стены, какой невероятной силой оно обладает, и кажется, что даже эти крепкие когти должны сломаться под таким напором.

Ох уж эти страшные когти! Я вздрагиваю при одной мысли о них, о том, как они торчат из поджатых, скрюченных пальцев, как рвут и раздирают крепкую обивку... а что они могут сделать с телом! Подумать только, что они могут сделать с горлом человека! Я начинаю дрожать с головы до ног, когда представляю себе эти картины. Я почти чувствую, каково это — вонзить когти в чье-то горло, и это чувство вызывает у меня тошноту. Но оно не уходит, настойчиво преследуя меня. И я вижу, как эти пальцы приближаются, вспарывают белую кожу маленькими полосками, раздвигают их и погружаются в трепещущую, пульсирующую глотку. Я вижу, как когти исчезают, сами пальцы погружаются внутрь, чувствую горячую кровь, брызгающую мне в лицо. Я пробую горячую, соленую кровь, вдыхаю ее запах, пока у меня не начинает кружиться голова и все уплывает. Остается лишь испуганное лицо, которое смотрит на меня снизу вверх. Я вижу, как это лицо меняется, слышу смерть, которая булькает в его горле, а мои клыки меж тем... пока я... пока мои клыки вонзаются в мягкое горло... совсем рядом... мягкая, горячая плоть, и клыки вонзаются в нее... и... разрывают...

4 июня

Я только что закончил чинить дневник. В тех местах, где он порвался, я вынужден был воспользоваться липкой лентой. Должно быть, я порвал его прошлой ночью во время приступа болезни. Не помню, как я сделал это. Не думаю, что это было намеренно, скорее всего в таком состоянии все, что находится под рукой, уничтожается в слепой ярости. Дневник

не был целенаправленно разорван пополам или на четыре части, он просто попался под руку. Обложка разорвана на кусочки, но все страницы еще можно читать. Моя авторучка переломлена надвое, как веточка. Трудно представить себе такую необузданную энергию и силу. Я всегда был сильным человеком, всегда поддерживал хорошую форму путем упражнений и умеренности, но откуда появляется такая мощь после перевоплощения, не поддается моему пониманию. Наверное, все мышцы и мускулатура моего тела меняются, так что метаморфозы происходят и с сознанием, и с телом. Может, у нас не одно тело, а общая небольшая часть мозга, которая все запоминает. Это обнадеживает. Можно думать об этом существе как о существе самостоятельном. И вместе с тем у меня на теле остаются кровоподтеки и раны. Два тела не могут существовать одновременно. Это весьма затруднительно, это за пределами моего разумения, а я человек, мыслящий рационально, даже более рационально, чем большинство мужчин. Много ли нашлось бы мужчин, которые смогли бы противостоять этому существу, с которым борюсь я, и при этом сохранить здравый ум? А вот я горжусь этим. Я человек не тщеславный, но силой разума горжусь.

Я не писал о перевоплощении. Помню, я почувствовал, когда это началось, кажется, я в то время что-то записывал, но этой записи почему-то нет. Последние несколько строк небрежно нацарапаны, буквы слились, и вообще почерк на мой не похож. Наверное, это симптом. Я писал о том, какие сильные у этого существа руки, а потом, кажется, все кончилось на середине предложения. Как я себе представляю, мои пальцы начали сжиматься, пока я писал, этим и объясняется изменение почерка. А вот о перевоплощении ничего нет.

Вчерашнее перевоплощение отличалось от прежних. Не в том смысле, что оно было более впечатляющим, — просто это было что-то другое. Думаю, я достиг новой стадии своей болезни, и болезнь меняется... модифицируется, что ли.

Это существо начинает больше думать. Или я начинаю больше запоминать. Как бы там ни было, на сей раз я отчетливо запомнил некоторые мысли, а вместе с ними и впечатления. Помню это отчаяние, порывы, ненависть и еще

помню обрывки смутных размышлений. Не моих размышлений. Его размышлений. Они ближе к размышлениям человека, то есть человек думал бы именно так. Трудно, правда, представить, что в этом чудовищном теле есть человеческие мысли. Страшно. Не хочу делить с ним свой мозг. Но я помню, что существо старалось мыслить рационально, пытаясь сообразить, как можно выбраться из клетки. Помню, среди метаний оно остановилось, улеглось и стало вращать открытыми глазами, ища слабое место в стенах, в двери. Возможно, оно обдумывало, как бы обманным путем заставить Хелен открыть дверь. Убежать, конечно, невозможно. Мы предприняли все меры предосторожности. Даже если бы оно могло мыслить так же, как я, то и тогда бы не сообразило, как выбраться из клетки.

Но это и есть перемена в ходе болезни — появление мыслительной способности. Возможно, существо становится более нормальным, более похожим на человека. Возможно, я и то существо, которым я становлюсь, делаемся ближе друг другу. Но невозможно сказать, кто из нас движется к этому тесному союзу и то ли болезнь берет надо мной верх, то ли я начинаю излечиваться; не могу определить: это новое развитие — хорошо или плохо... Это вызывает у меня дрожь. Я начинаю обильно потеть, а под ложечкой сосет от страха.

Теперь я спокойнее. Я прилег на несколько минут. Я еще чувствую кровь и пену на губах, хотя и почистил зубы несколько раз. Минувшей ночью я прикусил губу. Она распухла и болит. Не могу избавиться от этого привкуса во рту, — наверное, он у меня в голове. Утром я проснулся и, сглотнув, испытал тошнотворное чувство. Я знал, что не смогу почистить зубы и прополоскать рот, пока не придет Хелен и не выпустит меня. Казалось, я ждал очень долго, хотя откуда мне знать. Время, похоже, не движется, пока оно заперто в этой клетке. Разумеется, время — это конкретная вкличина и оно соотносится с другими величинами, но, возможно, на него влияет моя болезнь. Было бы интересно измерить его, будь такая возможность.

Я уверен, что минувшей ночью это длилось дольше. Совершенно определенно. Возможно, это длилось дольше, по-

тому что у меня осталось больше впечатлений и воспоминаний, но жена сказала, что, когда она постучала утром в обычное время, из клетки никто не ответил. Я всегда отвечаю, что все в порядке, прежде чем она откроет дверь, а в это утро я не ответил, как обычно. Она сказала, что слышала... какие-то звуки... но то был не ответ. Она говорила уклончиво и не сообщила мне, какие именно это были звуки.

Тогда Хелен вернулась наверх и выждала еще час. Представляю себе, как она, должно быть, волновалась и переживала все это время, думая о том, что могло произойти. Бедная женщина. Она так меня любит, но ничего-то не может понять. Она не знала об этой болезни, когда выходила за меня, и для нее это стало страшным ударом. Я благодарен ей за то, что она выдержала это испытание так мужественно. Наверное, она переживает и страдает не меньше, чем я, но по-своему, по-женски.

После того как прошел еще час, она спустилась вниз и снова постучала в дверь клетки. На этот раз я ответил, и она открыла дверь. Она открывала ее очень медленно, и я услышал, как она затаила дыхание, прежде чем заглянуть. Она, наверное, чуть с ума не сошла от страха за меня. Не думаю, чтобы она меня боялась.

Я не помню, когда она постучала в первый раз, и удивился, когда она рассказала мне об этом. У меня осталось смутное ощущение, будто я притаился за дверью, мышцы ног напряжены, руки вытянуты вперед, точно я жду, когда кто-то откроет мне дверь. Но оно очень смутное. Оно могло возникнуть и в любое другое время. Я знаю, что больше никогда так не буду ждать жену.

6 июня

Я очень разволновался, когда подумал о том, что на сей раз это продолжалось дольше, чем в прошлый раз. Дольше, пожалуй, чем когда-либо прежде. Я пытаюсь вспомнить в связи с этим историю своей болезни с самого начала, чтобы можно было проследить, как она прогрессирует и развивается. Я чувствую, что определенно грядет какое-то изменение, и надеюсь, это будет первым шагом к выздоровлению. До сих пор с каждым разом становилось лишь хуже и хуже.

Может показаться, что раз уж это продолжалось дольше, то это лишь еще один шаг к ухудшению, но нельзя не учитывать того, что на этот раз я запомнил мысли существа. Раньше такого никогда не было, во всяком случае с того времени, как со мной начали происходить изменения. Примерно так все и было, когда это началось. Быть может, это первый признак того, что я на пути к прошлой, здоровой жизни, что начался процесс излечения. Это продолжалось дольше, возможно, еще и потому, что все происходило не столь интенсивно. В самом деле, представить себе не могу, что может быть еще хуже, чем сейчас...

Задумываясь о своей жизни, я прихожу к выводу, что не могу точно сказать, когда это началось впервые. Наверное, болезнь развивалась постепенно. Я бы точно запомнил, если бы это свалилось на меня внезапно, неожиданно. Человек с менее твердой памятью, возможно, и вышвырнул бы это из головы, дабы избавиться от ненужных воспоминаний, но я не стал бы так поступать.

Если бы я только мог знать в те дни правду, возможно, нашелся бы и способ противодействия. Сомневаюсь, но, может, и нашелся бы. Однако такие мысли даже и не могли прийти мне в голову.

Я никогда не был суеверным ребенком. Я даже не верил в... существо, которым стал. Я не верил в существование Санта-Клауса, фей, ведьм или эльфов, которые оставляют деньги под подушкой и забирают зубы у маленьких детей. Мои родители тоже не верили во всю эту чепуху и с самого начала говорили мне правду. Так как же мог я верить в существование... не буду писать это слово. Я знаю, что делаю, — не желаю признавать то, что мне известно, словно это признание будет сильнее самого факта. Но ничего не могу поделать, и это не малодушие слабого человека, чей мозг отвергает правду, не бессмысленная уловка. Просто я решительно отказываюсь перенести это слово на бумагу. Я знаю это слово. Думаю о нем. Оно пляшет в моих мыслях, и у меня достаточно мужества для того, чтобы знать, что это слово живет в моем сознании, а я не предпринимаю ни малейшего усилия, чтобы выбросить его вон. По мере сил я живу со знанием этого

факта. Я уверен, что на протяжении всей моей жизни наследственная болезнь была во мне, у меня в крови, что она разносилась по всем капиллярам моего тела, завладевая мною, по мере того как я рос, и становилась все сильнее, выжидая, таясь... Теперь я это знаю, но разве мог кто-нибудь предвидеть это? Это ж не моя вина.

Я всегда был довольно буйным ребенком. Часто сердился, выходил из себя. Но так ведут себя многие дети. Это весьма обычно. Физических изменений, которые могли бы послужить какими-то признаками начинающегося недуга, во мне не происходило. И все же... вспышки гнева, когда я дрался с другими детьми или разбивал свои любимые игрушки... эти вспышки происходили непонятно отчего. Они не были следствием чего-либо, что рассердило бы меня или огорчило; казалось, они происходили без всякой причины, в любое время, и не важно, был ли я в ту минуту счастлив или несчастлив.

Помню, однажды сосед, мальчик моего возраста, но поменьше меня ростом, бросил в меня камень и попал в бровь. Было ужасно больно. Камнем содрало кожу, и струйка крови потекла по моему лицу. Мальчик тогда испугался, потому что сделал мне больно без всякой причины, и еще потому, что я был гораздо сильнее его и мог ответить. Но я не стал этого делать. Я даже не рассердился, что удивило его, потому что он знал о моих вспышках. Я просто смотрел на него и не чувствовал никакого гнева, при этом кровь продолжала идти. Помню, кровь собиралась в уголке рта, и я слизывал ее. У меня слегка кружилась голова — от удара, наверное, — а я стоял, слизывал кровь и ничего не предпринимал. Тот мальчик, быть может, думал, что я боюсь его, ибо не отвечаю, и после того случая стал преследовать меня. Он поджидал меня после школы, бросался в меня камнями, толкал, а иногда бил кулаком. Я никогда не сердился на него. Никогда не хотел наказать его или избить и все его нападки воспринимал без гнева. А он хвастался тем, что терроризирует меня, и все остальные дети смеялись надо мной, но мне было все равно. Мне всегда было все равно, что думают другие. Вот пример того, что иногда во мне трудно было возбудить гнев, даже в тех случаях, когда это было бы совершенно оправданно.

А в других случаях... без какой-либо видимой причины... вспоминаю один вечер. Смеркалось. Я играл со своей любимой игрушкой, с заводным паровозиком. Я долго с ним играл и был вполне счастлив. Но неожиданно схватил его с рельсов, бросил об пол, и тот разбился. Но я продолжал бросать его снова и снова, пока паровозик не разбился на мелкие кусочки. В комнату вошла мать. Она очень рассердилась на то, что я разбил паровозик, и угрожающе заявила, что больше не купит мне ни одной игрушки, но мне, казалось, было все равно. Даже потом, на следующий день, я не жалел о том, что у меня больше нет паровозика. Думая о нем, я чувствовал, что правильно сделал, что разбил его. Я был рад тому, что так поступил. И чувствовал от этого какое-то удовольствие.

Именно непоследовательные поступки, вроде этих двух случаев, отличали меня от других слишком живых детей. Теперь я понимаю, что вспышки, должно быть, проистекали вследствие того же цикла, по которому сейчас развивается моя болезнь, но в то время у меня не было причин думать о какой-либо регулярности своих странных поступков или вычленять какой-то ритм. Не думали об этом и мои родители. Они, наверное, считали, что это издержки переходного возраста, и полагаю, что это не слишком их беспокоило.

О матери я помню немного. Она, по большей части, находилась в тени отца. Это был мужчина большого роста, всегда державшийся прямо, широкоплечий. И строгий. Он был набожный, высоконравственный, и я должен благодарить его за то, что воспитан правильно. Я всегда избегал того, что порочно и безнравственно. Он не раз наставлял меня. Произнося слова своим низким голосом и тыча указательным пальцем мне в сердце, он, исходя из собственного житейского опыта, рассказывал, как ему в жизни приходилось поступать и (что существеннее) чего он избегал. Я смотрел на него снизу вверх, пораженный его знаниями, добротой, его силой, и я всегда старался прожить жизнь, которой он бы гордился. И думаю, мне удалось бы это, если бы не недуг. Я никак не могу допустить, что и отец, наверное, носил в крови ту же болезнь, что этот добродетельный и строгий человек передал проклятие своему сыну, сам того

не ведая. Вот еще одно доказательство того, что это не моя вина, что даже такой замечательный человек, как мой отец, ничего не знал о том, что и он мог быть поражен этой болезнью.

Сколько помню, только один раз мой отец был несправедлив и непоследователен. Только один раз он рассердился на меня. Это случилось, когда я был вынужден убить соседскую собаку, и я так и не смог понять, почему до моего отца не дошло, что я действовал лишь в рамках необходимости.

Собака принадлежала моему врагу, мальчишке, который постоянно изводил меня. Имени его я не помню. Он был так ничтожен, что едва ли стоил того, чтобы я его запоминал. А вот его собаку я помню хорошо. Это был большой и злобный зверь, дворняга с примесью восточноевропейской овчарки. Она частенько сопровождала моего обидчика, и к издевкам своего хозяина добавлялось мерзкое рычание. Пока мальчишка изощрялся в издевках, собака смотрела на меня своими желтыми глазами, высунув язык и дергая мордой, точно действия хозяина доставляли ей большое удовольствие. В такие минуты я не обращал на собаку никакого внимания. Я игнорировал и ее, и хозяина, но если выбирать из них двоих, то собаку, пожалуй, я ненавидел больше. Я знаю, что это заблуждение — верить в то, будто собака лучший друг человека. Это глупое утверждение, принадлежащее сентиментальным и невежественным людям, которых эти звери обманывают. А эта собака была особенно мерзкой тварью, со шкурой в грязных пятнах и с желтыми зубами. Она никогда не нападала на меня, но было видно, что ей бы этого хотелось.

Однажды вечером я возвращался домой из города. Было уже довольно поздно. Наш дом находился в нескольких милях от города. Уж и не помню, что меня задержало в городе до такого позднего часа, но, когда я направился домой, начало темнеть. Должно быть, светила луна, потому что и в темноте все было отлично видно. Мне нужно было пройти мимо дома соседа, поскольку мы жили на одной улице. Делать этого мне, естественно, не хотелось, но, чтобы миновать злополучный дом, мне пришлось бы свернуть и пройти

по дорожке лесом, а я не видел причины, чтобы рисковать понапрасну.

Так вот, иду я мимо их дома, никого не трогаю, как вдруг появляется мой враг. Как обычно, он принялся швырять в меня камнями, но я, не обращая на него внимания, шел дальше. Один камень попал мне в спину, боль пронзила меня. Я знал, что на этом месте будет кровоподтек. Я прошел еще немного, но потом, кажется, сел возле дороги. Я знаю, что думал тогда об этом мальчике, удивляясь, за что он меня так ненавидит, и спустя какое-то время и я начал ненавидеть его. Никогда прежде я не чувствовал ничего подобного по отношению к нему, и, должно быть, все его нападки и швыряние камнями в конце концов и вызвали во мне эту ненависть. И чем больше я сидел, тем больше его ненавидел. Я припомнил все, что он сделал со мной. Вспомнил тот первый раз, когда он разбил мне бровь, и я ощутил на губах собственную кровь. Каким-то образом вкус этой крови сейчас я ощутил гораздо сильнее, чем тогда, когда это случилось. Я знал, что он будет мучить меня всегда, если я не положу этому конец, и я поднялся, направляясь к его дому.

Мой враг стоял во дворе, возле сарая. Увидев меня, он поднял камень и начал издевательски что-то выкрикивать, называя меня непотребными кличками. Оттого что он использует эти грязные слова, я вышел из себя и впервые понял, насколько он дурной. Я не понимал, почему должен был терпеть его раньше, как я мог позволить такому скверному мальчишке досаждать мне. Мне захотелось наказать его за мучения, но еще сильнее мне захотелось наказать его за то, что он такой отвратительный человек, сквернослов и садист. Надо было преподать ему урок.

Я направился прямо к нему. Мой обидчик продолжал издеваться надо мной, пока я не подошел к нему совсем близко, и тут он, должно быть, осознал своим умишком, хотя и не сразу и не до конца, что на этот раз дело обстоит не так, как раньше, и попятился. Я двигался прямо на него, ступая очень медленно. Когда он бросил в меня камень, то попал мне в лицо, но я почти ничего не почувствовал. Он побежал к сараю, а я остался стоять между ним и домом. Помню, как его глазки забегали, ища помощи, пути к спасе-

нию. Я был гораздо больше и сильнее, чем он, — я был больше, чем кто-то еще в школе моего возраста, — и он очень испугался. Но его страх не удовлетворил меня. Мне почему-то еще сильнее захотелось наказать его... Я чувствовал, что он понял, что должен быть наказан за то, что он плохой, и если его не вразумить сейчас, то он будет думать, что поступал правильно. Этого я не мог стерпеть. Я направился в его сторону, и он попытался убежать, но я даже сейчас очень быстр и проворен, а в те дни мог скакать, как дикий кот. Я схватил его двумя руками. Взял за шею и швырнул на землю. Он попытался ударить меня, но я отбросил его ноги в сторону и навалился на него. Он стал колотить меня своими кулачками по лицу, но это были не более чем укусы комара. Я крепко схватил его за горло и начал наказывать его. Я собирался наказать его сильно, в соответствии с содеянными им грехами. Я сжал ему горло, глаза его сделались очень большими, и я почувствовал удовлетворение. Или почти почувствовал — словно оно еще не наступило, но чем сильнее я сжимал ему горло, тем скорее оно приближалось. Казалось, удовлетворение охватывает все мое тело, начиная с кончиков пальцев и приближаясь к предплечьям. Он перестал колотить меня. Он держал меня за запястья и больше ничего не мог сделать. Я вложил всю силу в свои руки и надавил.

Именно в этот момент на меня и напал тот дикий зверь. Я и не видел, как он подкрался сзади. Он был хитрый, злой, и я вспомнил о нем, только когда он бросился на меня. Мне пришлось отпустить свою жертву, и мы с псом покатились по земле. Зверь, конечно, был очень силен, но в схватке один на один против меня он не мог устоять. Я навалился на него, просунул руку под ошейник и потянул. Затянув ошейник вокруг шеи, я задушил собаку. Она успела расцарапать мне зубами плечо, по моей руке потекла кровь, капая на собаку. При виде крови я обезумел. Только тогда я понял, насколько опасным было это животное и что уничтожить его было необходимо. Я потуже затянул ошейник на волосатой глотке. Из пасти высунулся язык. Я ударил собаку головой о землю, так что зубы ее вонзились в язык, который больше не придавал ей насмешливое выра-

жение. Взгляд собачьих глаз был восхитителен! Она понимала, что скоро умрет. Она понимала, что сейчас заплатит за свою злобность. Ее глаза закатились и вылезли наружу, точно два желтых, сваренных вкрутую яйца. Увидев это, я рассмеялся, но, смеясь, не убирал руки с ее горла. Я не отпускал собаку, пока она совсем не околела.

Когда я наконец поднялся, то увидел, что мальчишка пришел в себя и убежал. Наверное, убежал в дом. Мне бы надо было последовать за ним, но я почему-то перестал его ненавидеть. Наверное, решил, что он уже и так достаточно наказан. Я был уверен, что больше он не потревожит меня. Собака лежала неподвижно при лунном свете, точно брошенная тряпка в масляных пятнах. Чувствовал я себя отлично, так, как чувствуют себя после хорошо проделанной работы. На душе было спокойно, и, довольный, я повернулся и пошел домой. Рука у меня заболела только спустя какое-то время.

Утром к нам пришел отец мальчика и поговорил с моим отцом. После того, как он ушел, отец поговорил со мной. Кажется, он был сердит. Я объяснил ему, что это была самозащита, что животное пыталось убить меня, но он почему-то решил, что я первым напал на мальчика, а собака умерла, защищая хозяина. Даже мой отец придерживался всеобщего заблуждения насчет преданности и верности собак, и мне не удалось переубедить его. Я показал ему рану на плече, но все без толку. Казалось, он и вправду верил в то, что я пытался убить мальчика, хотя это и смешно. Но это был единственный раз, когда мой отец был несправедлив, и спустя короткое время он забыл все это.

И никто больше не издевался надо мной и не бросал в меня камнями.

7 июня

Сегодня я встал рано, собираясь поработать над дневником до обеда. Я перечитал отрывок о собаке. Не думаю, что это имеет какое-то отношение к болезни. В конце концов я был принужден пойти на убийство, чтобы спасти себя, и любой человек поступил бы так же. Но этот случай обнаружил в моей натуре и ярость, на которую я способен, и терпение,

которое я обычно проявляю. Поэтому я оставлю эту запись как она есть и продолжу свои усилия по восстановлению в памяти начальных стадий болезни в их последовательности и интенсивности, чтобы они помогли мне предвидеть, каковы будут последующие изменения.

Мои самые сильные впечатления тех ранних лет связаны с лесом. Мы жили за городом в большом старом доме, с окнами, выходящими на лесную опушку. Дом продувался, был холодным и сырым, и мне он не нравился, а вот в лесу мне всегда было хорошо, пока мною вдруг не овладели эти чувства. Я любил ходить в лес один. Я всегда чувствовал себя в безопасности, когда вокруг не было людей. Я и сейчас могу вообразить, как все происходило. Однако воображение неизменно рисует мне картину, освещенную луной. Дневные впечатления не столь сильны, но это, вероятно, оттого, что днем многое отвлекает, и поэтому в памяти фиксируются самые разнообразные ощущения. Но ночью! Помню одну ночь... или это несколько ночей, похожих друг на друга, смешалось в одно впечатление?

Я стоял на небольшой поляне, окруженный высокими соснами. Этот участок леса расположен на небольшом холме, и у подножия холма в тени прятался наш дом. Я видел только верхнюю часть крыши и трубу на фоне неба. На поляне было темно, но вершины деревьев казались белыми от лунного света — серебряные иглы на ветру. Было очень тихо. Несколько пушистых белых облаков плыли по небу, не заслоняя луны. Стоя на этой поляне, я ощутил сильную тоску, какое-то смутное и неопределенное желание. Оно было очень похоже на весеннюю лихорадку, когда ты вынужден сидеть в школе и смотреть в окно на цветы и траву, — только гораздо сильнее. Я должен был что-то сделать, но не знал что. Наверное, тогда я подумал, что это сексуальное желание. Наверное, поэтому и снял с себя одежду. Все снял, даже башмаки и носки, и стоял среди деревьев совсем голый. Было нехолодно, но я дрожал. Одна полоска света пробилась из-за дерева и, казалось, добавила теплоты в холодное лунное сияние, заставлявшее меня трястись. Я стоял, откинув голову и широко раскрыв рот, глядя в небо и дрожа, точно все жилы и нервы моего тела зарядились элект-

рическим током. Не знаю, сколько я так стоял. Наверное, долго, потому что картина на небе переменилась. И вдруг все кончилось. Желание вдруг покинуло меня, и я понял, что кричу. Нет, не кричу... это скорее было похоже на вой или лай. Я замер. Было тихо, темно, мною овладело какое-то странное чувство. Я был совершенно голый, один-одинешенек, и мне было немного стыдно от того, что я делал. Я и сейчас думаю, что на меня нашел какой-то сексуальный порыв. Но при всем, при том я испытал чувство большого облегчения. Одевшись, я пошел домой, и до конца того месяца все было хорошо. Просто отлично. Тихо и мирно. Как я уже сказал, я не знаю, было ли это впечатление одного дня или цепь впечатлений за несколько месяцев и много ночей. Ведь я тогда был очень молод...

Какое-то время я размышлял над тем, что только что написал. Думаю, что такое происходило, пожалуй, не один раз. У меня в голове мелькают образы, будто я, голый, бегаю по лесу или прячусь за деревьями и валунами. Эти воспоминания весьма объективны. Они возникают у меня в голове столь же отчетливо, как и действия того существа в клетке, которые уживаются с другими впечатлениями и переживаниями. Я, впрочем, не думаю, что бегал за кем-то или от кого-то прятался. Я уверен, что был в лесу совершенно один. Я также уверен, что физического изменения не было. Абсолютно уверен. И, как это ни странно, не могу вспомнить, когда в первый раз я перевоплотился или когда я в первый раз понял, что это произошло. Должно быть, это происходило очень постепенно, чтобы у меня в памяти не осталось шокирующего воспоминания.

Первое воспоминание, относящееся к перевоплощению, подсказывает мне, что это произошло в моей собственной спальне, а не в лесу. Должно быть, это случилось позднее. Я сидел на кровати, потом наклонился и посмотрел на свои руки. Кровать стояла возле окна, светила луна, и в комнате было светло и темно одновременно. Руки мои лежали на коленях. Полоска света прошла по ним. Я был голый. Мне казалось, что позвоночник у меня еще более обнажен, чем остальное тело, будто с него содрали кожу. Я смотрел на

руки. Нет, это было не в первый раз, потому что я, кажется, точно знал, чего жду. И помню, как мои ногти стали расти, руки задрожали и потянулись вперед...

Что я делал после этого, не помню.

8 июня

Хелен — хорошая жена.

Не многие женщины смирились бы с тем, что приходится терпеть ей. Я должен быть честен: она не очень привлекательна. Быть может, она вышла за меня, уже отчаявшись найти мужа, но я так не думаю. Полагаю, она любит меня. Иногда меня раздражает то, что она, кажется, не может разобраться в моей болезни, но во всем остальном она хорошая жена. И она, конечно же, знает, что я никогда не причиню ей вреда. Думаю, что я вообще никому не смогу причинить вреда. Я всеми силами стараюсь никого не обидеть. По натуре я скромный, мягкий человек, и оттого еще труднее представить, что наступает время, когда я становлюсь кем-то другим — опасным, жестоким, кровожадным. Однако я научился владеть собою и никогда не причинил никому вреда.

Я обещал Хелен сводить ее куда-нибудь поужинать сегодня вечером. Она очень рада этому. Мы нечасто бываем на людях, меня не интересует легкомысленная светская жизнь, и я предпочитаю оставаться дома. Но иногда стоит пойти навстречу жене. Хелен это нравится, хотя она и согласна со мной, что я прав, ограничив число таких вечеров двумя или тремя в год. Сейчас она одевается. Если не будет поздно, продолжу писать, когда мы вернемся домой.

Ну надо же такому случиться!

Мы только что вернулись домой, и Хелен сразу ушла в свою комнату. Похоже, она злится на меня. Лучше бы я никуда не ходил, да и потакать женским капризам не следует. Женщины не знают жизни.

Начну с того, что, для того чтобы испортить весь вечер, Хелен надела платье, которое, как ей известно, я терпеть не могу. Платье нескромное, не закрывающее плечи, и она в нем похожа на проститутку. Я попытался мягко поговорить с ней,

но, когда я донес до нее эту простую истину, она разобиделась. Почему женщины обижаются на правду, а не на ложь, называемую комплиментами? Это выше моего понимания. Наверняка зеркало могло бы сказать ей то же, что и мои слова. Ну не может же она, в самом деле, думать после стольких-то лет нашего брака, что я — тот человек, который будет льстить ей без повода или что мне наплевать на то, как одевается моя жена. Но все-таки она надела это платье, делающее ее похожей на шлюху, и, прежде чем выйти из дому, мы слегка повздорили. В конце концов я позволил ей остаться в нем, но лучше бы я этого не делал; если бы я только знал, что принесет мне этот вечер.

Когда мы пришли в ресторан и сели за столик, я заметил, что несколько других гостей смотрят на Хелен. Она, казалось, этого не видела. Сидела, радостно улыбаясь и оглядывая помещение. Я уверен: все думали, что она ищет кого-нибудь, кто мог бы пофлиртовать с ней. А что еще можно думать, глядя на то, как она одета? Я счел себя оскорбленным. Могу представить себе, что думали они. Наверное, какая-то вертихвостка, которую я подобрал на улице. Она очень ярко накрасила губы, а стоило ей сесть, колени у нее оказались открытыми. Если бы мне не было так неловко, то стоило бы встать и уйти сразу же. Я решил уничтожить это платье, как только мы вернемся домой, чтобы оно меня больше никогда не позорило. Но самое невероятное, что Хелен, похоже, даже не представляла себе, какие переживания она возбудила в моей душе. Она такая невинная и неопытная. Она оглядывалась, словно ей и вправду было хорошо, а я пытался делать вид, что никого больше не замечаю. Там было еще несколько женщин, одетых так же скверно, а то и еще хуже, чем моя жена, и я тогда понял, что это неподходящее для нас место. Раньше мы там никогда не ужинали, но у заведения была хорошая репутация, так что я оказался обманут. Это было одно из тех безвкусных мест с плюшевыми стенами и свечами, с претензией на то, чтобы выглядеть по-европейски, где за скверную еду берут с посетителей сверх меры. Ненавижу место или человека, которые делают вид, что они не такие, какими являются на самом деле.

Когда подошел официант и немного наклонился над столиком, стоя за спиной Хелен, я был уверен, что он пытается заглянуть ей за вырез платья! Даже сейчас, когда я вспоминаю его сальную улыбку, мне становится не по себе. У него были маленькие усики, вьющиеся волосы — какой-то иностранец, возможно итальянец. У него был акцент, либо он специально говорил с акцентом. Я был зол и недоволен, и стоит ли удивляться, что я вышел из себя, когда он принес мне не тот заказ.

Мне не нравится вычурная, заморская еда. Я заказал обыкновенный стейк с вареным картофелем, без салата. Когда принесли мой заказ, стейк был испорчен каким-то слизистым соусом, и к нему подали картофель со сливками и салат с маслом. Это было отвратительно. В довершение ко всем прочим неприятностям это было уже слишком. Возможно, мне стоило бы сдержаться, хотя у меня и был повод выйти из себя. Возможно, как говорит Хелен, мне и не следовало бросать тарелку в официанта. Но я об этом не жалею. Эти иностранцы должны уяснить, что не имеют права так относиться к приличным людям. Я действовал спонтанно, даже не подумав о том, что делаю. Взял тарелку одной рукой. Официант наклонился ко мне со своей омерзительной улыбкой, и я швырнул тарелку прямо ему в лицо, да так, чтобы в него полетело все, что было на ней. Полагаю, что в тех обстоятельствах это был вполне джентльменский поступок. Я не кричал, не устраивал сцену, не говорил ему ничего. Просто швырнул тарелку в лицо.

И после этого мы ушли. Меня не попросили уйти и, думаю, уважали за то, что я отстаивал свои права, но мы все равно ушли. Когда мы выходили, Хелен плакала, а я шел с высоко поднятой головой, осматривался по сторонам и видел, что все смотрят на нас. Точнее, все смотрели на это непристойное платье, что было на ней. Кто-то усмехался, кто-то был недоволен. Но меня все это мало занимало. Из этой гнусной ситуации я вышел с достоинством.

Хелен, кажется, так и не поняла, что это была целиком и полностью ее вина, но она отправилась прямиком в свою комнату и заперла за собой дверь. Я слышал, как она это сделала. О том, чтобы я это услышал, она позаботилась. Жен-

ские штучки, понятное дело. Да я в ее комнату и так никогда не хожу.

Что ж, полагаю, из этого вечера можно будет извлечь хоть одну полезную вещь. Возможно, происшедшее убедит мою жену в том, что нет никакой необходимости так часто выходить на люди.

9 июня

Утром Хелен все еще продолжала сердиться. Какое-то время она даже не разговаривала со мной. Мне-то все равно, я продолжал думать о проведенном впустую вечере и об этом скверном ресторанишке, где берут слишком много и подают не ту еду. Но тут она заявила, что я взорвался без причины. Без причины! Она даже намекнула на то, что это был симптом моей болезни! В середине месяца! Это говорит о том, что она по-прежнему абсолютно не представляет себе, что это такое. Чтобы удержаться и не накричать на нее, я вынужден был вцепиться в край стола. Вид у меня при этом, должно быть, был весьма злой, ибо она ушла, воздержавшись от дальнейших слов. Казалось, она с трудом сдерживается.

Постараюсь быть более терпимым к ее глупости. В конце концов, нормальному человеку это трудно понять. И когда я вынужден был рассказать жене о своей болезни, для нее это было таким потрясением! Я часто задумываюсь: может, этот шок слегка помутил ее разум? Не очень сильно, но достаточно, чтобы объяснить некоторые вещи, которые она делает, из числа неразумных... так, например, она считает, что платье проститутки, которое было на ней вчера вечером, красивое; вечером, точно подростку, ей хочется уйти из дому, а подлинный и оправданный гнев она принимает за симптом моей болезни. Да, я должен быть терпимее по отношению к ней, бедняжке.

Когда мы поженились, все было не так уж и плохо. Это потом все расстроилось, но ухудшение происходило так медленно, что я держал его под контролем и делал так, чтобы избежать конфликтов. Клетки у меня тогда не было, да она мне и не нужна была. Когда в ней созрела необходимость, прошло уже довольно много времени.

Да, во мне произошли изменения. Я изменился, но не так сильно, как сейчас. Да и полностью все-таки еще не менялся. Я по-прежнему человек. Помню, как я выглядел на тех ранних стадиях, еще до того, как боялся заглянуть в зеркало. У меня было небритое лицо, и больше ничего. Точно я неделю не брился. Зубы были длинные, но мне удавалось скрывать их за губами, так что казалось, будто это они торчат вперед. Хуже всего было с глазами. Это явно были глаза животного, во всяком случае определенно не человечьи глаза. Но не было ничего такого необыкновенного, на что обратил бы внимание тот, кто не знал, как я обычно выгляжу. Он бы просто подумал, что я необычайно безобразен.

В те дни я не терял контроля над собой. Болезнь не могла взять верх полностью, но свирепствовала во мне как лихорадка, и я всегда, хотя бы отчасти, был самим собой. Это было до того, как понадобилась клетка, и до того, как я рассказал Хелен о болезни. Думаю, было неправильно жениться на ней, не сказав ей об этом, но я же не ожидал, что мне будет хуже. Да я уверен, что это не имело никакого значения, — она все равно вышла бы за меня.

В те ночи, когда это происходило, я ложился спать рано и выключал свет. Разумеется, у нас были отдельные комнаты. Я говорил Хелен, что нехорошо себя чувствую, и она не расспрашивала меня. В конце концов она, должно быть, обратила внимание на регулярность моих приступов, ибо однажды очень грубо пошутила насчет ежемесячного недомогания, и мне пришлось прочитать ей строгую лекцию о том, что́ женщины должны говорить своим мужьям, а чего не должны.

Но потом мне становилось все хуже и хуже, и наконец я решил больше не рисковать. Раз в месяц я начал уезжать из города. Ей я говорил, что уезжаю по делам, и думаю, она верила мне. Мои действия не вызывали у нее подозрений и вульгарных шуточек по этому поводу. Она знала, что я не из тех, кто будет содержать любовницу или раз в месяц проводить веселую ночь. Она доверяла мне и не задавала лишних вопросов.

Я отправлялся в какой-нибудь небольшой город милях в тридцати-сорока от города. Каждый месяц я ездил в новый

город. Останавливался в какой-нибудь дешевой гостинице (дешевой, потому что в дешевой гостинице никто не обратит внимания на небритого мужчину) и проводил длинную ночь в грязной и темной комнате. Я никогда не покидал свой номер, как бы нехорошо мне ни было в такую ночь. А мне действительно было нехорошо. Так сильно хотелось выйти на волю! Мне хотелось... сам не знаю чего. Возможно, это было желание снова пробежать по лесу голым. Но я боролся с этим желанием и побеждал его, оставшись в номере. Я всегда запирал дверь изнутри. Было бы лучше, если бы кто-нибудь запирал меня снаружи, но не мог же я просить об этом служащего гостиницы! Это могло вызвать подозрения. Поэтому мне приходилось полагаться на свою силу воли. К счастью, я умею держать себя в руках, и мне удавалось сдержаться. Хотя частенько мне было очень, очень плохо.

Позднее, когда я понял, что болезнь прогрессирует, возникла необходимость соорудить клетку. Я долго обдумывал этот план. Ведь в таком случае мне пришлось бы рассказать о своей болезни жене. Это было самое трудное. Хелен не самая умная женщина на свете, и поначалу она не воспринимала мои слова всерьез. Она мне не поверила, думала, я шучу. Но потом, когда пришел рабочий и взялся за сооружение клетки, она поняла, что я всерьез говорил о своей болезни, но решила, что я схожу с ума. Ну прямо так она не сказала, но я прочел это в ее глазах. Когда мы обивали стены войлоком, она то и дело покачивала головой, точно мы оба выглядим смешно и напрасно теряем время. Это можно понять; я не могу винить ее в том, что поначалу она сомневалась. Теперь-то она догадалась, что к чему. И начинает все понимать, хотя по-прежнему делает глупые ошибки и не видит разницы между физическим недугом и душевным, не отличает нормальное поведение от ненормального. На это нужно время.

Клетка существует у нас уже полгода. Я отправляюсь в нее раз в месяц. Хелен делает свою работу, не задавая лишних вопросов. В целом, она хорошая жена, и если иногда недостаток ума и ее неспособность что-то понять и раздражают меня, то, полагаю, это совершенно нормально для большинства браков, когда один из партнеров столь значительно превосходит другого по умственным способностям.

Я доволен своей женой. Постараюсь терпимее относиться к ее недостаткам. И никогда не причиню ей никакого вреда. Никому не причиню вреда...

9 июня (вечер)

Я был нечестен. И это не дает мне покоя. Я ничего не выдумывал, но не написал о том пьянице, которого встретил в гостинице. Я должен все рассказать, иначе нет смысла вести этот дневник, поэтому я обязан написать и о нем. Во всяком случае не произошло ничего такого, из-за чего я чувствовал бы себя виноватым.

Это случилось в последнюю ночь, когда я уезжал из города, еще до того, как была сооружена клетка. Я уже подумывал о строительстве клетки, но все откладывал из-за Хелен, ибо это означало бы, что мне придется все рассказать ей о своей болезни. Думаю, что именно происшествие с пьяным наконец подвигло меня к принятию решения. Из этого происшествия не вытекает, что я могу быть опасным или что мое умение сдерживать себя слабеет. То, что случилось, — случилось, и все кончилось хорошо, во всяком случае для меня. Я был ни при чем, а то, что произошло с пьяницей, — только его вина.

Гостиница была очень бедная. Я хорошо ее помню, в таком убогом месте я еще не останавливался. Вход в нее обозначался табличкой, висевшей над узкой дверью. Табличка была прибита криво. В коридоре, от входа до самой лестницы, лежал ковер грязно-коричневого цвета, с торчавшими по бокам нитками. Конторка портье находилась в небольшой нише в холле. Я позвонил в колокольчик и подождал, пока служащий выйдет из комнаты под лестницей. Ждать его пришлось долго, и наконец он появился, протирая глаза, при этом рубашка его была не заправлена в брюки. Он зашел за стойку, сунул мне книгу и зевнул прямо в лицо. Отвратительный тип. Я рассказываю все это, чтобы показать, что́ это была за гостиница и какие там, наверное, останавливаются люди, особенно тот пьяница. Таким вообще не стоит жить на свете.

Служащего ничуть не смутило, что я небрит. Я всегда заботился о том, чтобы не бриться пару дней, прежде чем

отправиться в гостиницу, на тот случай, если кто-то увидит меня больным. Ведь это по меньшей мере странно увидеть, что у мужчины так быстро выросла борода, всего-то за несколько часов. Это лишь одна из мелких деталей, которые я старался предусмотреть. Я уверен, что никто никогда ничего не подозревал. В наши дни, в наше время на такие вещи едва ли обращают внимание. Для психиатра я находка.

Служащий и сам был небрит. Он вел себя так, словно все его гости обходились без бритвы. Хотя у меня был чемодан, он потребовал деньги вперед. Я поднялся в свою комнату, закрыл дверь и запер ее, выключил весь свет и лег на кровать. Одежду я не снимал. В номере было единственное окошко — маленькое, грязное, выходящее на кирпичную стену, так что луну я не видел. Когда я не видел ее, изменяться было всегда труднее и гораздо мучительнее и мне приходилось вызывать ее в воображении — большую, желтую, круглую, на черном небе. Мне так хотелось покинуть эту ужасную комнатенку! Помню, как я ждал, как скорее хотел, чтобы перевоплощение произошло, чтобы все это было позади. Я то и дело поднимался, подходил к окну, слонялся по комнате, подходил к грязной раковине и брызгал водой в лицо. А потом, должно быть, я снова оказался на кровати, потому что следующее, что я помню,— это то, что я уже перевоплотился. Лежа на спине, я беспокойно метался, ворочался, стонал. Я был весь в поту. Вся кровать была в поту. Серая простыня подо мной измялась, и одной рукой я ухватился за медную стойку в изголовье кровати. Не своей рукой. Чувствовал я себя прескверно. Точно у меня была лихорадка и начались галлюцинации. Но я сильный человек и старался держаться. Все это время я думал о том, что так скверно я себя еще не чувствовал.

И тут я услышал, как по коридору идет пьяный. Я всегда презирал пьяниц — вообще всякого, кому требуются искусственные стимуляторы в жизни и кто не может быть доволен и счастлив без наркотиков. Этот пьяный громко распевал и топал ногами. Когда он подошел к двери моего номера, я лежал совершенно неподвижно. Наверное, он перепутал комнаты, потому что остановился возле моей двери и попытался ее открыть. Я слышал, как ручка со скрипом поворачивается.

Потом он попробовал вставить в замок ключ, и я услышал, как в замке заскрежетало. Я совсем не двигался. Я лежал, закатив глаза, с пеной на губах. Я слышал, как он ругается и проклинает все на свете, и возненавидел его. Я никогда никого так сильно не ненавидел, как этого пьяницу. И мне пришла в голову ужасная мысль... а что, если в этой дешевой гостинице его ключ откроет мою дверь? Что, если он войдет в номер и увидит меня? Меня переполнили ярость и страх. Я вскочил с кровати и, подлетев к двери, приставил ухо и прислушался. Я слышал его тяжелое дыхание и бормотание. Потом прижался к двери, чтобы он не смог открыть ее. Я чрезвычайно силен, когда я другой, и он не смог бы открыть дверь, которую я подпираю с той стороны. В тех местах, где я щетинистой щекой и руками надавливал на дверь, она казалась мне горячей.

И тут он начал стучать в дверь. Он стучал очень громко, и я боялся, что он всех разбудит, что разразится скандал и служащий, дежурящий в ночную смену, может потребовать, чтобы я открыл дверь и все уладил. Я молча ждал, но внутри у меня все кипело и бурлило, а он продолжал барабанить в дверь.

Кажется, тут-то я ее и открыл.

Я не сделал ему больно. Но я никогда не забуду выражение его лица, когда он увидел меня! Его глаза, рот, кожа... Он отступил на шаг. Я двинулся было за ним, но тотчас понял, что лучше мне этого не делать. Возможно, я ударил его. Не помню. И совершенно неожиданно он упал и превратился в груду тряпок, лежащую на полу и воняющую алкоголем и еще — кровью. С минуту я смотрел на него, при этом мои пальцы повисли в воздухе; потом я взял себя в руки, захлопнул дверь и снова запер ее. Помню, я стоял, прижавшись к двери, и тяжело дышал. Должно быть, я очень испугался. Я был уверен, что, придя в себя, он позовет на помощь и они вломятся в мой номер. Я понял, что должен как можно быстрее снова стать самим собой. Наверное, страх подействовал как катализатор, потому что очень скоро я лежал на кровати и, когда открыл глаза, все было снова в порядке.

Утром служащий был весьма взвинчен. Очевидно, тело только что убрали. Он спросил у меня, не слышал ли я ночью

какой-нибудь шум. Я сказал ему, что, по-моему, кто-то пел в коридоре — какой-то пьяный. Он сообщил, что один из гостей был найден мертвым в коридоре возле моей двери. Я был очень удивлен и попросил рассказать подробности. Очевидно, мужчина умер от сердечного приступа. Это же очевидно! Служащий сказал мне, что мужчина где-то изрядно выпил, а потом стал подниматься по лестнице и сердце не выдержало. Пить очень плохо для сердца. У мужчины был большой шрам на шее, но это, разумеется, результат падения. Как бы там ни было, вот что произошло с пьяным в гостинице, и я тут ни при чем. Вреда ему я не причинил.

11 июня

Боюсь, библиотекарша что-то подозревает! Когда я это понял, то был просто потрясен. Я никогда не считал ее настолько умной, чтобы она могла что-то заподозрить, но теперь вижу, что это было моей ошибкой... Она из тех бестолковых созданий, которые верят в то, над чем умные смеются. Это-то и делает ее особенно опасной. Не знаю, что мне с ней и делать. Больше туда, конечно, не пойду, но если она уже подозревает... Не знаю. Очень не хотелось бы пострадать из-за такой глупой женщины.

Впервые я кое-что заподозрил, когда пришел в библиотеку сегодня. Прошел мимо ее стола, кивнул, она кивнула в ответ, как обычно, но я заметил, что на столе у нее был этот календарь. Я его сразу увидел. Она будто изучала его. Раньше календаря не было. Почему же он появился сейчас? Если он был нужен для того, чтобы вести подсчет, сколько времени взятые книги отсутствуют, то у нее уже давно был бы этот календарь. И потом, в книгах все равно делаются отметки где-то в конце. Нет, я уверен, календарь у нее для того, чтобы следить за днями, когда появляется полная луна!

Я подумал об этом тотчас, как только увидел его, но уверенности у меня не было. Возможно, она и невиновна. Я всегда даю человеку возможность оправдаться. Но когда она затем последовала за мной в темную заднюю комнату...

Это очень тихое и мрачное помещение в задней части библиотеки, где хранятся большие ученые книги. Кажется, здесь мало кто бывает. Я листал какой-то старый фолиант,

когда библиотекарша заглянула сюда. У нее в руках было полно книг, и она сделала вид, будто пришла затем, чтобы расставить их по полкам. Но меня не проведешь. Она смотрела на меня. Когда я повернулся и посмотрел ей прямо в глаза, она покраснела. Она произнесла что-то бессвязное, но я продолжал смотреть на нее. Запихнув книги как попало на полку, она выскочила прочь. У нее отвратительная походка, при которой вызывающе покачивается зад. Она толстуха и неопрятна на вид. Еще нестарая и не замужем. Я не раз видел, как молодые люди разговаривают с ней, когда она сидит за столом, при этом они делают вид, будто их интересуют какие-то книги, но на самом деле они подолгу стоят, склонившись над ней. Уверен, что у нее грязные привычки. И неудивительно, что она никогда не была замужем. При этом на девственницу она не похожа. Но я боюсь того, что она подозревает. Она опасна. Не знаю, что она может попытаться сделать...

Когда я уходил, она попробовала заговорить со мной. Я недолго пробыл в библиотеке, и она заметила это, пытаясь меня разговорить. Она улыбнулась, покраснела, делая вид, будто ее интересует не только собственная персона. Я коротко кивнул библиотекарше и прошел мимо ее стола, ничего не говоря. Я чувствовал, что она смотрит мне вслед, пока не вышел из здания. Я знал, что она хочет поговорить со мной, чтобы побольше разузнать обо мне. Вроде как флиртует, но мотивы у нее другие. Притворство все это. Но с ее стороны ошибочно полагать, будто я из тех мужчин, которым интересны заигрывания.

И все же я должен признать, что, возможно, она и вправду хочет поближе познакомиться со мной. Я знаю, что нравлюсь женщинам, а она глубоко несчастна, и у нее, наверное, мало мужчин. Она еще более некрасива, чем Хелен. Если она просто хочет со мной познакомиться, то мне нечего ее бояться, хотя у меня вызывает отвращение мысль, что женщина может чего-то хотеть от мужчины, который счастливо женат. Женщине, которая на это идет, лучше не жить. Такие женщины не должны портить наше общество.

Возможно, мне лучше не прекращать резко посещения библиотеки. Это может лишь возбудить еще большее подо-

зрение, если уж таковое у нее зародилось. Может, лучше поговорить с ней и разузнать, каковы ее догадки...

15 июня

Сегодня я ходил в библиотеку. Она снова пыталась заговорить со мной. На этот раз я поговорил с ней несколько минут, чтобы просто узнать ее реакцию. Трудно понять, что у нее на уме. Большого опыта общения с такого рода женщинами у меня нет. Мне показалось, что она пытается соблазнить меня. Это чудовищно, но, кажется, так и есть. Я почувствовал облегчение оттого, что она не задавала мне никаких вопросов, из которых можно было бы заключить, будто она подозревает меня, но мне неприятно было видеть, как она себя при этом ведет. Я делал все от себя зависящее, чтобы не позволить ей заметить, как я взбешен. Я с трудом сдерживался, чтобы не закричать на нее, когда она крутила бедрами, стараясь при этом выглядеть скромницей, но тянулась ко мне через стол. На ней был очень уж облегающий свитер. Мужчина в таких случаях задумывается: зачем это женщина так себя ведет? Календарь по-прежнему лежал на столе, но у меня была возможность заглянуть в него, и я увидел, что фазы луны в нем не помечены. Так что теперь я не думаю, что мне стоит ее бояться. Она еще глупее, чем я думал.

Потом я пошел в отдел поэзии и сделал вид, будто читаю какие-то стихи, чтобы сбить ее с толку. Ненавижу стихи. По-моему, поэзия совершенно бессмысленна. Но ее я обманул. Просто я хотел сделать так, чтобы никто не увидел, как я с ней разговариваю, и чтобы ни у кого не возникло ложного впечатления.

24 июня

Ну вот, сегодня библиотекарша обнаружила свои истинные намерения. Все так и есть, как я думал, — это безнравственная женщина. Она и не подозревала, что я болен, а попросту домогалась меня! Полагаю, она частенько соблазняла мужчин. Опыт у нее точно есть.

Днем она опять пошла за мной в хранилище. Было уже поздно, и мы остались одни во всей библиотеке. Я не слышал, как она приближается, а, напрягая зрение, пытался чи-

тать, потому что между высокими полками царит полумрак, и вдруг она оказалась прямо возле меня. Я вздрогнул, сделав какое-то движение, и она захихикала. Не напугала ли она меня, спросила она и, прежде чем я ответил, сказала, что я не должен ее бояться. У нее очень неприятный взгляд; кажется, в глазах отражается душа. Они сверкают. Не в силах удержаться, я заглянул в эти ее ужасные глаза. Это все равно что смотреть на мерцающий огонь... они гипнотизируют. Почему бы это? Почему это высоконравственный мужчина не может оторвать глаз от того, что порочно и исполнено зла? Неужели страх увидеть зло так силен? Но сколько я ни пытался, оторвать от нее взгляд так и не смог, и эта особа приняла мою ненависть за интерес и приблизилась ко мне. Не помню, что она при этом сказала — это было что-то бессмысленное, просто что-то произнесла, улыбаясь. Думаю, она спросила меня, почему я такой скромный и застенчивый. Я ничего не мог ей ответить, не мог заставить себя заговорить с ней. Помню, я открыл было рот, чтобы сказать ей, как я ее ненавижу, но не смог произнести ни слова. И тогда она протянула руку и коснулась моей руки. Она провела пальцами по моей руке, и это было точно прикосновение самого дьявола. Ледяная ненависть переместилась от руки к самому моему сердцу, у меня все поплыло перед глазами: полки, книги, стены, — все исчезло в красном тумане. Я видел лишь ужасное выражение ее лица, которое приближалось ко мне все ближе и ближе.

Думаю, она и в самом деле поцеловала бы меня, не ударь я ее! Не помню, чтобы я велел себе ударить ее, так что это было чисто рефлекторное движение. Самозащита нужна душе, как и вообще любому смертному, и я должен был остановить ее. Я со всей силой, на какую способен, ударил ее по лицу. Раньше я никогда не бил женщину, но о том, что сделал, не жалею. Эта особа — не женщина, не человек. Это мерзость, разжиревший паразит, питающийся человеческими телами.

Ударив ее, я повернулся и ушел. Она не преследовала меня. Ни слова не сказала. Думаю, что она была сражена тем, что я ударил ее. Может, упала, я не видел. Я просто вышел из библиотеки и отправился домой. У меня все еще

дрожат руки. Это было ужасное происшествие, и я знаю, что никогда не забуду этого. Я лишь надеюсь, что сделал нечто полезное, что моя сила и решительность покажут ей, что не каждого мужчину совратят ее отталкивающие прелести.

24 июня (вечер)

Я только что испытал потрясение. Это всего лишь совпадение, не сомневаюсь. Внеся эту запись в дневник, я спустился вниз, чтобы послушать по радио новости. Кто-то убил библиотекаршу! Диктор сообщил, что ее обнаружили в хранилище, между двумя высокими полками. Чей-то сильный удар сломал ей шею. Кажется, это произошло в том самом месте, где она попыталась грязно приставать ко мне. Полагаю, что ее смерть произошла при весьма схожих обстоятельствах. Она, несомненно, взяла за правило преследовать там мужчин и приближалась к ним без малейшей доли стыдливости. Получив от меня отпор, она, должно быть, пришла в отчаяние или огорчилась — не знаю, что там чувствуют похотливые женщины, когда имеют дело с мужчиной, который в силах оказать им сопротивление. Воображаю себе, что с другим мужчиной, которого она попыталась заманить в ловушку, ей пришлось потяжелее. А совпадение состоит в том, что убийца оказался, должно быть, высоконравственным человеком вроде меня и на ее грязные приставания отреагировал со всей яростью, потеряв над собой контроль. Наверное, он не собирался убивать библиотекаршу, хотя ей, конечно, лучше было умереть, просто он ударил ее так же, как я, если не считать того, что несчастный не так, как я, безупречно владел собою и потому нанес слишком сильный удар. Вот что, я думаю, произошло. Но как бы там ни было, мне не жаль эту женщину. Уверен, то, что она умерла, — к лучшему.

Моя жена тоже слышала эти новости. Она спросила у меня, не был ли я в библиотеке в тот день. Я отвечал ей, что был, но убийство, должно быть, произошло после того, как я ушел. Я не сказал ей, что знаю, как это произошло. Это было бы крайне неловко, и я уверен, что Хелен не поняла бы эту женщину и только бы запуталась. Она сказала, что надо пойти в полицию и что я должен им помочь.

Но я ведь никого не видел и ничем помочь не могу. Не хочу впутываться в эту грязную историю и, откровенно говоря, не могу не испытывать сочувствия к этому мужчине. Убийство, конечно, ужасное преступление, но в данных обстоятельствах оно оправданно, а когда подвергаются испытанию моральные устои, то очень легко потерять контроль над собой и сделать что-то такое, о чем в обычных обстоятельствах и речи бы не было. Объяснить этого Хелен я бы не смог. Она не настолько умна, чтобы понять, что в некоторых случаях буква закона не обязательно верна. Я ей просто сказал, что не уверен, что могу быть чем-то полезен полиции, и она согласилась, хотя мне показалось, что она думает, будто я уклоняюсь от своего общественного долга.

Что ж, полиция, несомненно, схватит убийцу. Скорее всего он сам сдастся, когда придет в себя и проанализирует ситуацию, поняв, что убийство было непреднамеренным. В сущности, это была самозащита, ведь у него имеются оправдывающие обстоятельства. Надеюсь, закон не будет чересчур строг к нему, если он расскажет все, как было. Думаю, его нужно будет както наказать, потому что закон есть закон, но, на мой взгляд, им скорее нужно восхищаться, чем считать его преступником. Его единственное преступление состоит в том, что он смог сдержаться, как это было и со мной в схожих обстоятельствах. Но разумеется, я исключительный человек и не надеюсь, что у всех такие же сильные воля и самообладание.

27 июня

Когда мы сегодня с Хелен пили утром кофе, у нас произошел довольно любопытный разговор. Несколько минут она мялась, пытаясь мне что-то сказать, но все не могла решиться. Я думал, она заговорит о том дне, который бывает каждый месяц (этот день снова приближается), или насчет клетки, или, может, начнет уговаривать сходить к врачу. Но нет.

— Этого убийцу так и не нашли, — глядя в окно, сказала она.

То есть того человека, который убил библиотекаршу. Очевидно, полиция не нашла улик. Должно быть, трудно раскрыть непредумышленное убийство, раз нет мотива, а в этом случае мужчина, скорее всего, случайно зашел в библиотеку.

Я поймал себя на том, что тешу себя надеждой, что этот мужчина избежит официального закона, ибо его действия были продиктованы законом более высоким — законом морали.

— Может, и не найдут, — ответил я.

— Тебе не кажется, что лучше все-таки сходить в полицию и сообщить, что ты там был? — робко предложила она.

Я спросил у нее — зачем?

— Ну... ты вполне мог оказаться там почти в то же время, что и убийца. Очевидно, библиотекарша была убита, прежде чем ты пришел домой. Ты мог что-нибудь им рассказать...

— Я тебе уже говорил. Я ничего не видел.

— Ты ведь... не боишься идти в полицию, а? — вдруг спросила она.

И, сказав это, отвернулась. Не знаю, почему она так подумала. Чего мне бояться? Я повторил, что ничего не знаю, а потом сказал ей, что, надеюсь, этот мужчина избежит наказания, потому что библиотекарша была явно плохой женщиной. Я не сказал ей, что та особа пыталась соблазнить меня, но Хелен, кажется, догадалась об этом, потому что посмотрела на меня очень странно, потом вышла из-за стола и отправилась в свою комнату. Смешно себя так вести! Это все от ее буржуазного воспитания. Представители среднего класса придерживаются той нелепой мысли, будто созданные человеком законы более важны, чем сам человек. Не могу понять, как люди могут быть так глупы и так легко поддаваться заблуждению, принимая законы общества, точно это законы Божьи? Они не делают различия между общими, формальными законами и законами, имеющими отношение к конкретной ситуации, между вечными законами Природы, Бога и морали и шаткими, часто несправедливыми законами, которые создают люди, чтобы ограничивать себя и других. Эти предрассудки приводят меня просто в отчаяние. Только подумайте, насколько это применимо ко мне... Если бы кто-нибудь узнал о моем несчастье, меня бы стали презирать, ненавидеть, может, отдали бы под суд и я был бы наказан. Власти, скорее всего, издали бы закон, который определял бы мою болезнь как преступление... Но к чему хорошему это привело бы? Болезни не подвластны государственным законам. Меня

сочли бы преступником, а помочь себе было бы не в моей власти. Вот почему никто не должен знать о моей болезни. Старые, почти забытые предрассудки, страхи и суеверия объединили бы свои усилия с новой силой официальной власти и уничтожили бы меня. Это ужасно. Это происходит повсюду, и ничего с этим не поделаешь. Мне очень горько от этого. Если бы я жил триста лет, меня хотя бы боялись те, кто знал о том, что я существую. Теперь же я попросту объявлен вне закона. Хорошо еще, что я сдержанный человек, а то неизвестно, на что меня могла бы подтолкнуть подобная глупость.

Я всегда чувствую подобную горечь, когда приближается этот час. Я так ненавижу эту клетку...

1 июля

Завтра я снова должен буду отправиться в эту клетку.

Я старался не думать об этом. Даже забросил свой дневник, пытаясь размышлять о других вещах, но это совершенно невозможно. Не могу отогнать эти проклятые мысли, они так мучают меня! Чувствую, что больше этого не вынесу. Даже сейчас, когда я пишу это, мои руки дрожат и я весь в поту. Это так несправедливо — наказывать себя за то, что я болен! Так нечестно мучить себя ради ничего не понимающего общества, которому на тебя наплевать. Не знаю, может, я размышляю таким образом потому, что превращение уже близко, или потому, что я прав. Знаю, у меня могут появляться странные мысли, как только болезнь начнет свой цикл; я это допускаю. И тем не менее мои рассуждения безупречны.

Интересно, ухудшается ли болезнь оттого, что во время приступов я нахожусь в клетке? Раньше я об этом не думал. Наверное, мне это приходило в голову, но казалось слишком близким к рационалистическому размышлению, и я отбрасывал эти мысли в сторону. Но факт остается — мне никогда не было так плохо до того, как я стал заходить в эту клетку. Раньше я всегда контролировал себя. Даже в последний раз, тогда, в гостинице, когда у пьяницы случился сердечный приступ, я смог сдержаться. Смерть пьяницы явилась решающим фактором, чтобы я соорудил клетку, но, оглядываясь назад, я понимаю, что его смерть не имела ко мне никакого отношения; это был ложный фактор. Я действовал, не обду-

мав все тщательно, так и не поняв, что клетка может повлиять на меня и наказать меня, вместо того чтобы я чувствовал себя в ней в безопасности. А теперь я задумываюсь о том, не усугубила ли она мою болезнь. Это кажется разумным. Мне всегда было легче, когда я мог видеть небо, и, как только я стал полностью отрезать себя от внешнего мира, мне стало хуже. Не знаю. Посмотрю, что будет дальше.

Интересно, а может, завтрашнюю ночь стоит провести не в клетке?

3 июля (утро)

Я не в силах описать свои чувства. Я в отчаянии. Я презираю себя. Знаю, это не моя вина, но мне все равно стыдно, и ужас не отпускает меня. Я чувствую, что человеческое тело не может вынести такого над ним насилия, что мое сердце разорвется, мозг растает, все, что я помнил, растечется, и я умру. Но пока я жив. Лучше бы мне умереть. Я задумался о самоубийстве. Даже достал бритву, посмотрел на большие голубые вены на руках и, полагаю, сделал бы это, если бы кровь не напомнила мне о том, что произошло, и даже если бы я почувствовал, как жизненные силы покидают меня, то все равно бы в ту минуту думал о той дьявольской ночи... Так мне себя не убить. Будь у меня снотворное, я бы проглотил несколько таблеток, но у меня их нет. Я никогда не пил таблеток. Я против лекарств.

Теперь я чувствую себя немного лучше. Я продолжаю лежать. Мне кажется, что, отдохнув, я стал смотреть на вещи трезвее. Ответственности я не чувствую. Самоубийство наказало бы меня, а не болезнь, превратившую меня в того, кто совершил это ужасное преступление. Но я все еще горю от самоуничижения, я ненавижу себя. Если бы только я отправился в клетку... но откуда мне было знать? Как я мог себе вообразить, что может произойти? Я мягкий человек; невозможно было знать заранее, что мое тело может быть использовано для того... что произошло. У меня такое чувство, что лучше бы мне взять большой нож мясника и отрубить себе руки по запястье. Зубы бы мне вырвать с корнями. Бог знает, будь это возможно изменить прошлое, то

об этом не было и речи. Да я бы лучше уничтожил себя, чем позволил этому случиться. Но что сейчас об этом говорить? Что сделано, то сделано. Но мне так стыдно!

Придя утром домой, я старался вести себя нормально. Держался так, будто ничего не случилось, хотя только ценой невероятных усилий мне удавалось сохранять спокойствие. Жена ничего не сказала, но я заметил, что она посмотрела на меня очень внимательно. Она даже не спросила, где я пропадал всю ночь, но я все равно сказал, что меня весьма неожиданно вызвали по делу. Не знаю, поверила она мне или нет. В любом случае ни один из нас не упомянул то, что речь идет о... ночи. Быть может, она думает, что в этом месяце ничего не произошло или что я начинаю лучше себя контролировать. Или, может... не хочу писать об этом, но такая возможность существует... может, она думает, что я забыл об этом и болезнь у меня только в воображении. Не знаю. Она вела себя так, словно хотела что-то спросить, но не спросила. Обдумаю это... потом, когда смогу размышлять яснее. Мозг у меня по-прежнему горит, и я в состоянии думать только о том, что произошло минувшей ночью, и ни о чем другом... Передо мной стоит ее лицо... все, что я могу сейчас сделать, — это почистить зубы и извлечь то, что застряло под ногтями.

Рубашку мне пришлось сжечь.

3 июля (день)

Это появилось во всех газетах!

Мне такое и в голову не могло прийти. Наверное, я настолько поражен и запутался в своих ощущениях, так много думал о себе, что забыл об остальном мире. Но естественно, это оказалось на первых страницах всех газет, да к тому же еще и перевран о!

Когда я спустился к ленчу, моя жена уже положила газеты на стол. Они были сложены так, чтобы мне была видна статья о том, что произошло минувшей ночью. Пока я читал газету, Хелен на меня не смотрела. Это хорошо, ибо я не мог сдержать гнев и боль. Тут даже самый сильный человек не смог бы сдержаться. Я уверен, что Хелен знает: я сильный человек. Я лишь надеюсь, что она понимает: все, что

написано в газетах, неверно. Они изобразили дело так, что все выглядит куда хуже, чем было на самом деле, хотя, разумеется, все и так вышло скверно.

Они называют это делом рук сумасшедшего! Сумасшедшего! Нашли самые громкие слова и сделали все, чтобы подать сенсацию, отыскали самые убийственные выражения и дьявольски подробно все описали. И в каждой газете речь идет об акте безумия. Вообще-то газеты должны излагать факты объективно, а не сочинять теории, в которых ничего не смыслят. Но все думают только о тиражах, поэтому и представляют все в самом непристойном виде. Просто злодеи какие-то! Они даже намекают на то, что это было преступление на сексуальной почве! Это вообще никуда не годится. Во всех газетах написано, будто эта женщина подверглась сексуальному насилию! Меня это задело до глубины души. Они зашли так далеко, что написали, будто у нее разорвана одежда, на бедрах кровавые ссадины, живот вспорот, блузка сорвана, белье изорвано в клочья, а интимные места обнажены. Все факты призваны представить дело так, будто над ней было совершено сексуальное насилие. Неужели им не понятно, что одежда может быть разорвана, если человек защищается, как это и было на самом деле. Они что, настолько озабочены, что в любом происшествии стараются найти сексуальную подоплеку? Или игнорируют правду, чтобы продать побольше газет?

Я вне себя! Меня выводит то, что газеты могут быть настолько безответственны! А читающая публика... эти ужасные люди... подумать только — чтобы увеличить тираж, нужно печатать совершеннейшую ложь, нечто сенсационное. Что случилось с нашим обществом?! Мужчины и женщины на самом деле рады читать подобное. Да разве может больной человек надеяться на то, что его примет подобное общество? У меня просто руки опускаются. Я теряю всякую надежду.

Вот эти газеты, у меня в комнате. Они все одинаковые, хотя это разные издания: от дешевых однодневных листков до маститых еженедельников. Но ложь всюду одна и та же. Вот какие заголовки бросились мне в глаза: «Безумец убил женщину в лесу», «Сексуальный маньяк совершил убийство», «Изувеченный труп на тропе любви». А на физическую болезнь нигде и намека нет! Они что, ослепли? Или боятся

посмотреть правде в глаза? Предпочитают писать о душевнобольных, а не о невиновных? Что я могу с этим поделать?

Я подумал было, уж не написать ли мне письмо в каждую из этих газет, рассказав в точности, как все было, и объяснив, что за болезнь меня терзает. Письма они наверняка напечатают, хотя бы только для того, чтобы увеличить тираж, но кто знает, какую гнусную отсебятину они вольны дописать? Я уверен, что они исказят ту правду, которую я изложу. Я уже знаю, что им нельзя доверять. Хотел бы я запереться вместе с редакторами этих скандальных газет у себя в комнате... в клетке, причем в ту ночь, когда все это происходит. Хотел бы посмотреть, как будут меняться их лица, когда они увидят истину, когда поймут, как были не правы, сколько в их газетах недоброжелательства и клеветы. Вот бы им это показать, научить их правде и одновременно заставить страдать за свои ошибки. Это наказание не послужило бы их исправлению, но они именно этого заслуживают. Да им бы...

Нет, я не должен так думать. Чувствую, что сердце у меня забилось как барабан, кровь застучала в жилах. Наверное, это реакция на вчерашнее, какие-то последствия болезни. Наверное, нехорошо позволять себе так думать. Это значит уступать эмоциям, а не бороться с болезнью. Я не должен давать ей шанса овладевать мною, когда в этом нет необходимости. Но почему я так думаю, понятно. Меня вывели из себя и оскорбили люди, которым наплевать на правду, люди, которые заслуживают страданий, люди, которым лучше не жить.

Я слишком возмущен и рассержен, чтобы продолжать писать. Позже напишу им и откажусь от подписки на эти газеты...

3 июля (ночь)

Чувствую себя обязанным рассказать, как все было на самом деле, хотя мучительно переживать весь этот ужас вновь. Возможно, записав все, я смогу снять с себя вину, а может, это только увеличит мое отчаяние... Но я могу сделать только это, честную запись, фиксирующую факты, а там будь что будет. Я должен доказать, что это был акт больного человека, а не отвратительное преступление из-

вращенца. Вот что оскорбляет меня больше всего — чтобы меня называли извращенцем. Сексуальным извращенцем! И именно меня!

Надеюсь, молюсь, что Хелен не верит в то, что пишут газеты. Самой ей не дано думать, у нее лишь есть склонность верить во все то, что она читает, вместо того чтобы составлять собственные мнения, и я с ума схожу при мысли о том, что она, возможно, думает обо мне в свете газетной лжи. Что бы пришлось перенести бедняжке Хелен, поверь она, что я действительно изнасиловал какую-то женщину? Меня приводит в ужас сама мысль о том, что кто-то может думать насчет меня, будто я способен на такой дьявольский акт. Да я возненавижу всякого, кто поверит, будто я способен на это; возненавижу со всей силой. Я всегда был чист и помыслами, и телом. Даже со своей женой я попытался свести наши сексуальные контакты до минимума. Меня никогда нельзя было упрекнуть в больших сексуальных потребностях, и обычно я занимаюсь этим только для того, чтобы удовлетворить Хелен. Мне кажется, она несколько гиперсексуальна, но мне удалось отрегулировать эти моменты и показать ей на собственном примере, что воздержание — достойное основание здоровья и чистоты. Чрезмерное увлечение сексом во всех смыслах так же ужасно, как увлечение наркотиками или алкоголем.

Газеты пошли по абсолютно ложному пути, называя это преступление «происшедшим на тропе любви». Это лишь *совпадение. Клянусь, я не трогал ее каким-либо непристойным способом.* Даже после того, как я перевоплотился, мой моральный кодекс оставался достаточно крепким, чтобы не поддаться подобному искушению, хотя, возможно, какой-то эксцесс и мог произойти. Но вряд ли. У меня к этому не было ни малейшего позыва. На ее месте вполне мог оказаться мужчина. Тот факт, что это была женщина, притом молодая и довольно симпатичная, хотя и вульгарно раскрашенная, не имеет совершенно никакого отношения к тому, что произошло. Клянусь. Я бы никогда, ни при каких обстоятельствах не притронулся к посторонней женщине.

Полагаю, что хоть в одном я должен быть благодарен газетчикам: они все так исказили! Это собьет полицию с толку.

Они будут искать сумасшедшего. Сексуального извращенца. Под это подозрение я никак не подпадаю. Я всегда вел безукоризненную жизнь. И чем больше затянется расследование, тем дальше они будут уходить от истины. В вечернем выпуске новостей прозвучал намек на то, что не исключено существование какой-то связи между этим преступлением и убийством библиотекарши. Темные, невежественные глупцы! Да как им такое в голову могло прийти? Мне этого не понять. Думаю, они отчаялись раскрыть оба преступления и решили все свалить в кучу — так проще. Что ж, до истины им никогда не докопаться, это определенно.

Вижу, что до сих пор не могу писать объективно. Меня по-прежнему раздражают газеты, а события вчерашней ночи все еще слишком свежи в памяти. Завтра напишу все в точности, как это произошло.

6 июля

Я ждал момента, когда совсем успокоюсь и смогу все объяснить последовательно и объективно. До этого я себе не доверял. Но теперь я готов, и расскажу, что же действительно произошло в ту ночь, и выведу на чистую воду этих бессовестных журналистов.

В тот день я отправился на долгую прогулку. Из дому я вышел вскоре после обеда, и до наступления темноты оставалось еще много времени. Хелен, кажется, не догадывалась, какая это будет ночь, либо подумала, что я буду отсутствовать лишь короткое время. Во всяком случае она не расспрашивала меня, когда я уходил. У меня не было ни малейшего представления, где я проведу ночь, но я знал, что должен держаться подальше от этой клетки. Сама мысль о том, что мне снова придется в нее зайти, была нестерпима. Я знал, что должен сторониться города и людей. Я не хотел рисковать. Я думал... то есть убедил себя в том, что... нет, я искренне верил в то, что именно заключение в клетке в последние месяцы столь сильно повлияло на мои изменения. Будучи отрезан от воздуха, неба и луны, я ощущал происходившие во мне метаморфозы острее и из этого сделал вывод, что если в душной клетке приступ болезни протекает

столь интенсивно, то он и захватывает меня полнее. Теперь-то я знаю, что это не так, что сила перевоплощения не зависит от того, сколько энергии оно отнимает, но тогда я искренне думал, что напал на верный путь. Никакой опасности я не предвидел.

Какое-то время я бесцельно бродил по улицам, а потом, ближе к вечеру, стал удаляться от населенных районов. Я двигался к западу. Я не спешил, шел ровным шагом, очень скоро город остался позади, и я оказался на дороге. Это была широкая магистраль. Мимо меня в облаках пыли с шумом проносились автомобили, и это было очень неприятно. Сам я никогда не интересовался машинами. Я предпочитаю ходить пешком или ездить на поезде. Может, я несколько старомоден, но вреда в этом не вижу. В наш век лени и празднолюбия это мне кажется добродетелью. Скоро начало темнеть, и некоторые машины включили дальний свет. Я понял, что пора отыскать место уединения, и свернул на первую попавшуюся мне дорогу, идущую в сторону от магистрали. Дорога была узкой и неасфальтированной. Она вела на север. По обеим сторонам росли деревья, а впереди я увидел лес. Шум автотрассы стихал за моей спиной. На этой дороге движения не было, хотя в пыли еще оставались следы от колес. Я и не знал, что для движения здесь еще очень рано. И конечно же, не знал, что дорога ведет к местной тропе любви. Подобные мысли никогда не посещают меня, и я нахожу их отвратительными. Я не наивен; я знаю, что делается в припаркованных машинах, притом еще до того, как люди женятся. Но я не знал, что приближаюсь именно к такому месту.

Дорога вела вверх и, поднимаясь, то и дело изгибалась и виляла. Я шел, наверное, с час или больше, не встретив ни одного человека. Несколько раз я видел собак. Они рычали и лаяли, но я убыстрял шаг, и они убегали прочь, поджав хвосты и оглядываясь на меня через плечо. От меня убегают даже злые собаки, которые нападают на почтальонов и курьеров. Меня это забавляет. Их хозяева так и не могут понять, отчего это происходит. Одна очень большая восточноевропейская овчарка с минуту стояла на месте, посреди дороги. У нее были очень большие зубы. Я издал гортанный звук, двинувшись быстрее в ее сторону, и она стремительно

бросилась прочь, весьма напуганная. Было так смешно, что я рассмеялся.

Скоро я добрался до вершины холма. Дорога заканчивалась то ли в карьере, то ли в какой-то каменоломне. Я в этом плохо разбираюсь, но мне показалось, что место тут пустынное. К этому времени почти совсем стемнело, и я решил передохнуть. Я присел на плоский камень и ослабил узел галстука. От ходьбы вверх я слегка вспотел, и сидеть тут в полном одиночестве было очень хорошо. На меня нахлынули детские воспоминания. Я был вполне уверен, что перевоплощение произойдет очень легко и я с удовольствием пробегусь по лесу, как уже делал это раньше. Мне и в голову не приходило, что я могу кого-то встретить. Здесь было так безлюдно и так тихо. Звуки леса отличаются от звуков городов, это приятный фон почти как музыка. Я с удовольствием сидел с закрытыми глазами и, думаю, остался бы сидеть там всю ночь и ничего ужасного не произошло бы, если бы не появился автомобиль.

Я услышал его, когда он был еще далеко. Поначалу я решил, что он едет внизу по трассе, но потом мне показалось, будто он приближается. У меня это вызвало раздражение. Я не хотел, чтобы мне мешали, и не понимал, кому нужно ехать ночью на машине в пустынный карьер. Я подождал, пока не убедился, что автомобиль приближается, после чего встал с камня и направился в лес. Я углубился на несколько ярдов в заросли, где меня точно не было видно, и опустился на колени. Земля под ногами была рассыпчатая, сухая и очень сильно пахла.

Еще не совсем стемнело, и с того места, где я притаился, я видел грязную дорогу и карьер. Спустя какое-то время подъехал автомобиль в огромном облаке пыли. Доехав до конца дороги, он остановился. Я ждал, надеясь, что водитель увидит, что тут тупик, и развернется, но вместо этого он выключил двигатель. Это меня очень рассердило. У меня было такое чувство, будто он незаконно ступил на мою землю. Я смотрел на машину из-за кустов и тут понял, что происходит. В машине была женщина. Двое мужчин и одна женщина. Я не мог видеть того, что там происходило, но слышал хихиканье, шепот и тихие голоса. Я понял, что про-

исходит. Гнев наполнил меня. Вонзив пальцы в мягкую землю, я издал гортанные звуки, надеясь, что они уедут. Почему они не уезжают? Но они и не собирались этого делать. Неожиданно наступила темнота, и вышла луна, осветив эту машину, из которой раздавались непристойные звуки. Я хотел было уйти, убежать как можно дальше, но что-то, казалось, удерживало меня. Я не мог сдвинуться с места. Даже не мог оторвать взгляда от этой машины. Думаю, что в это время и произошло перевоплощение, но я и не понял, когда все началось; даже перевоплотившись, я этого не понял.

И тут они стали выходить из машины! Женщина смеялась. Она раскраснелась и была полураздета. Выйдя из машины, она облокотилась на нее, а потом появились и двое мужчин. У одного из них было одеяло, и он расстелил его на земле. Другой стал целовать ее. Я увидел, как его губы впились в ее густо намазанный рот, и клянусь, ей это нравилось. Нехорошая женщина. Я все видел. Я видел, как она снимает белье, поднимает юбку и ложится на одеяло, и потом мужчины ложатся и... по очереди... Не могу писать об этом. Есть вещи, на которые нормальный человек не может смотреть. Но они проделывали с ней это, а я ползал по лесу и видел все, что происходило...

Я контролировал себя. Наверное, эта ужасная сцена, свидетелем которой я был, загипнотизировала меня настолько, что держать себя в руках было особенно трудно. Но я ждал, хотя мне хотелось прыгнуть на этих отвратительных и мерзких созданий, наказать их и положить конец их непристойному действу. Я ждал. Спустя продолжительное время, когда мужчины, кажется, насытили свою похоть, они встали и оделись. Женщина улыбалась. Какое-то время она оставалась лежать на одеяле. Она и впрямь была довольна, точно упивалась собственной безнравственностью! Я смотрел на нее, на эту ее кривую усмешку на губах, на то, как она лежала, откинув голову и задрав колени. Смотрел на ее глотку, выгнутую спину и на белые бедра. Все в ней было гнусно и мерзко. Она была освещена лунным светом и даже попытки не делала, чтобы прикрыться. Ноги у нее были раздвинуты, белье лежало рядом на земле. Даже представить себе не могу, что можно так низко пасть.

И тут случилась странная вещь. Я и не пытаюсь понять ее. Двое мужчин сели в машину. Они смеялись, и один из них высунулся из окна и что-то сказал женщине. Она с испуганным видом вскочила на ноги. Машина тронулась, и женщина попыталась догнать ее. Она была очень огорчена, а мужчины, казалось, были довольны собой. Водитель подал назад, машина развернулась. Женщина умоляюще что-то говорила им. Но они уехали. Один из них помахал ей рукой, а она выругалась им вслед. Ни один достойный человек никогда не повторит этих ее слов. Женщина стояла руки в боки и бормотала слова, которых я никогда прежде не слышал; я даже и смысла их не понимаю, а я взрослый человек. Но все они были непристойного характера, ибо даже в гневе она вела себя непристойно. Никогда не встречал я бо́льшую грешницу, чем эта женщина. Полагаю, что эти двое мужчин, удовлетворив свою похоть, пришли в ужас от того, что наделали, и оставили ее, чтобы наказать за преступление против природы. Это единственное объяснение, которое приходит мне в голову, хотя я и не понимаю, почему они рассмеялись, когда уезжали. Есть некоторые вещи, которых я не понимаю в отношениях между мужчинами и женщинами. Но я понимаю, если что-то не так, а эта женщина вела себя неправильно. Эту женщину нужно было наказать.

Я не собирался причинять ей вреда. Да я и не знаю, что я собирался делать. Я подождал, пока она вернется к одеялу, после чего поднялся и вышел на открытое пространство. Она наклонилась, чтобы поднять свои трусики. Я подкрался сзади. Она подняла одну ногу и начала натягивать трусики. В этот момент я, должно быть, произвел какой-то звук, потому что она резко обернулась ко мне.

Не знаю, кричала ли она. Рот у нее был открыт, но никакого звука я не слышал. Возможно, она была слишком напугана, чтобы кричать, а может, мои уши ничего не слышали. Она отступила на несколько шагов, подняв руки и выставив ладони мне навстречу. Трусики так и остались у нее на лодыжке. Ужас на ее лице был неописуем. Я медленно двигался на нее, царапая когтями землю и обнажив зубы. Когда я придвинулся совсем близко, она упала на землю. Она так ни разу

и не отвела глаз с моего лица. Даже когда я почти склонился над ней, она продолжала смотреть мне прямо в лицо. Казалось, ее страх возбуждает меня. Я хотел всего лишь напугать ее, это точно. Но в страхе есть что-то такое... некий запах... из-за него я потерял контроль над собой. У страха и крови почти один и тот же запах. Я тогда ничего не мог с собой поделать, она сама виновата. Она вынудила меня сделать это, как вынудила тех двоих мужчин совершить непристойный акт. Помню, увидев, как мелькнули ее белые бедра и зашевелились раскрашенные губы, мне захотелось разорвать ее на части и уничтожить, вонзить свои когти в ее плоть, чтобы брызнула кровь и закончилась ее гнусная жизнь.

И тогда я прыгнул на нее.

А она все это время смотрела прямо в мои глаза, пока ее глаза не затуманились. Казалось, она необычайно долго не теряла сознание.

Не помню, что было потом. Не помню, долго ли я ползал по ее телу и что делал с ним. Должно быть, я оставался там какое-то время, если газеты в точности воспроизвели, что стало с ее телом. Хотя конкретно они ничего не рассказали, и я рад, что сам смог написать это, чтобы хоть где-то была написана правда.

Это и есть правда; именно так все и было.

20 июля

В последние две недели я не брался за этот дневник. Даже не читал его. Думаю, что последняя запись истощила мои силы, и потому я был рад, что какое-то время могу не думать о болезни и немного отдохнуть. Это серьезная проблема для современной цивилизации — она оставляет так мало времени для отдыха. К счастью, я не поддался безумной погоне за деньгами, успехом и счастьем. Я рад уже и тому, что могу себе позволить чтобы все это приходило ко мне само собой, а то могу и вовсе без всего этого обойтись. Я неприхотлив, разумен и, несомненно, родился на несколько столетий позже, чем нужно было бы.

Но я не жалуюсь. Я никогда не был расположен к бахвальству, но чувствую, что в конечном счете вынужден буду

пойти даже на то, чтобы смириться и признать свою болезнь на тех же условиях, с какими принимаю все прочие стороны жизни. В конце концов это всего лишь одна ночь в месяце, только двенадцать ночей в году, когда мне приходится страдать. Могло бы быть куда хуже. Многие болезни серьезнее, просто они шире распространены и их принимают как само собой разумеющееся, тогда как моя — уникальна, и кажется, что она страшнее, чем на самом деле. Конечно, она не так плоха, как рак, проказа или слепота. Лишь тщеславие заставляет меня думать, что она ужасна, и я наконец доволен, что подавил в себе подобные мысли и теперь смотрю на свою участь в ее настоящей перспективе. Если это испытание, ниспосланное мне, то я снесу его. Сейчас я настолько счастлив, как не был уже долгое время, потому что впервые так же ясно размышляю насчет своей болезни, как думаю о других вещах. Я принимаю свои мучения так же, как принимаю удовольствия и свое скромное счастье. Я научился жить со своей болезнью, как научился жить с жестоким обществом и глупостью моей жены.

Я перечитал то, что написал минувшей ночью. Все это очень объективно и справедливо, и, думаю, это помогло мне лучше посмотреть на самого себя. Одно я заметил: еще совсем недавно это расстроило бы меня, но теперь это помогает мне лучше разобраться... Когда я писал о том, что произошло, я постоянно упоминал себя как себя, а не как то существо, которым стал. Я понимаю, что это своего рода защита, что так я писал, боясь сказать правду. Ибо, разумеется, он и я — одно и то же. Мы — одно существо, у нас есть различия, мы меняемся, но в основе мы одно и то же. Я даже признаю это сейчас, что говорит о том, насколько ясно я мыслю. Не уверен, отчего именно произошла эта перемена: оттого ли, что я с таким трудом пытался вспомнить все подробности той ужасной ночи, или оттого, что я больше становлюсь им, а он — мною, или же я пишу так исключительно ради легкости стиля и для удобства чтения, — что бы это ни было, по-моему, это хороший симптом. Он говорит о моей искренности и о том, что мне нечего скрывать. В конце концов эта ночь была необычной... чрезвычайной... и стоит ли удивляться, что я запомнил ее намного отчетливее, неже-

ли чем другие ужасные ночи в клетке. Надо подождать, посмотрю, как пойдут дела в этом месяце, когда снова вернусь в клетку. Снова захвачу с собой этот дневник и проведу там побольше времени. Не буду больше рисковать и не уйду из дому. Я не должен делать так, чтобы произошло еще что-нибудь. Но... я не совсем уверен в том, что в данном конкретном случае можно видеть только плохое. Стоит только подумать, скольких молодых мужчин эта женщина совратила бы, скольких бы еще ввергла в грех, распутство, скольких погубила бы... что ж, быть может, я многих спас. И конечно же, этой женщине лучше не жить. Незачем ей жить. Пусть она и молода, но уже состарилась от греха и в своем распутстве никогда не была бы счастлива...

Подумать только — на другой день после того, как это произошло, я и в правду подумывал о самоубийстве! Впрочем, это одни эмоции, что на меня не похоже! Но теперь все хорошо, и в последние две недели я чувствую себя куда лучше, чем чувствовал долгое, долгое время. Трудно найти этому причину, кажется, будто я довершил какое-то дело... будто неожиданно достиг какой-то вершины, добился чего-то, чего мне давно хотелось, а я сам и не знал об этом. И вместе с тем ничего не изменилось. Не понимаю, в чем дело. Должно быть, это нечто неосязаемое, будто сами собою строились какие-то планы, чего я не подозревал, но сами по себе они же и исчезли. Возможно, потрясение оттого, что произошло в ту ночь, прояснило мое сознание. Наверное, так и есть. Я не могу проследить за своими мыслями и эмоциями, но дело обстоит именно так. Это не новое чувство, но новая глубина удовлетворения. Помню, нечто подобное я испытывал, когда был молод. Почти то же я ощущал, когда сломал свою любимую игрушку. Это близко к тому, как я себя чувствовал, когда разделался с той злобной собакой, которая напала на меня. Это весьма любопытный феномен. Весьма любопытно, что три случая, настолько разные, могут вызвать одни и те же чувства. По-моему, это очень интересно...

28 июля

Этот день приближается. Я вполне готов подчиниться. Физически я хорошо подготовлен, сознание ясное, жизнь

я веду чистую, и если мне приходится страдать одну ночь, то едва ли стоит жаловаться на это. Однако мне бы не хотелось, чтобы моя жена вела себя столь своеобразно, как в эти дни. Весь этот месяц она, казалось, была очень далека от меня. Возможно, она и вправду поверила в эти фальшивые газетные сообщения и рассердилась, что я ничего ей не объяснил, но ни словом, ни жестом не выдала себя. Она вообще ничего не сказала об этом. Теперь это уже не самая свежая сенсация, ее сменили новые скандалы, сплетни и новая ложь. Однако каждый день в газетах печаталось маленькое сообщение о том, как идут дела у полиции. Каждый день заявляли, что арест неминуем. У меня это вызывает смех. Очень надеюсь, что они не арестуют какого-нибудь невинного человека. И тем не менее я уверен, что если и арестуют кого-нибудь, то это будет известный извращенец, который виновен куда в более худших преступлениях, чем мое, так что меня это не очень волнует. Наказание за чужой грех совершенно справедливо, если свой собственный грех совершен. Что же до меня... и что до того мужчины, который убил библиотекаршу... я не чувствую за собой никакой вины.

29 июля

Возвращаясь сегодня домой после дневной прогулки, я увидел, как из нашего дома выходит рабочий. Там же стоял грузовик, и мне показалось, что он был из той же компании, которая соорудила для нас клетку. Я спросил об этом у Хелен. Вопрос, кажется, смутил ее, но она сказала, что никакого грузовика и рабочего там не было. Меня это поначалу заинтересовало, и я даже подумал: может, она неверна мне, так странно и тревожно она себя ведет. Но это было бы так ужасно, что лучше бы эта идея вообще не приходила мне в голову. Грех так думать. Я бы и сам мог догадаться, в чем дело. Хелен попросила рабочего что-то сделать для меня, чтобы мне было удобнее в клетке. Может, он поменял обивку или включил более яркий свет. Не могу представить, что бы это могло быть. Конечно, жена хотела сделать мне сюрприз. Наверное, решила придумать что-нибудь такое, что позволило бы мне чувствовать себя лучше, когда я отправлюсь в клетку. Возможно, это и поможет. И вместе с тем я надеюсь, у нее хва-

тило ума логически объяснить рабочему, если он видел клетку внутри, для чего нужна обивка. Даже у невежественных рабочих иногда есть воображение... Полагаю, и они иногда читают газеты. Но ведь имеем мы право на обитые стены в клетке, которая находится в нашем собственном доме, если нам так хочется, и никто не должен спрашивать почему.

Мне сейчас пришло в голову: а может, этот человек заходил для того, чтобы заменить замок на более крепкий? Хелен в последнее время кажется такой странной... Она стала так далека от меня. Возможно, она боится. Бедняга. Я ее понимаю. Надо бы мне попытаться быть с ней помягче, терпимее относиться к ее слабостям. Надо бы выказать какой-нибудь небольшой знак внимания. Возможно, сегодня вечером пойду к ней в спальню. Она всегда кажется мне признательной, когда я это делаю, а я уже давно у нее не бывал. Но это ее вина. Она никоим образом не дает мне понять, что хочет, чтобы я это сделал, а делаю я это только для нее. Возможно, и она стала понимать, что воздерживание более нравственно, чем плотская близость, пусть даже и освященная узами брака.

30 июля

Хелен чудесным образом изменилась.

Разве можно постичь то, что происходит у женщины в голове? Даже у самых простых, лишенных всякого воображения женщин в глубинах мозга подчас сокрыто нечто такое, чего никогда не понять. Я чувствую, что наделен проницательностью, как и любой другой мужчина, что силой разума способен проникнуть в любые логические глубины, и тем не менее ума не приложу, что заставило мою жену настолько измениться. Кажется, это стало проявляться еще задолго до нашего ночного свидания, но минувшей ночью это было особенно заметно. Возможно, все дело лишь в том, что и причины-то никакой нет, а только хаотические обрывки глупеньких мыслей, беспорядочно движущихся в узеньком женском мозгу. Не хочу так думать. Я предпочитаю в жизни хорошо организованный порядок. Но мое сознание открыто и для других возможностей. Так и должно быть, ибо человек с закрытым сознанием будет не в состоянии смотреть на жизнь, как должен делать это тот, кто очутился в моих обстоятельствах. Я бы ничуть не удивил-

ся, если бы узнал, что я единственный человек, который когда-либо был болен этой болезнью и при этом сумел сохранить здравый ум. Может, это и напрасное утверждение, но человек все же должен осознавать свои добродетели, чтобы пользоваться ими. Я горжусь своей скромностью.

Минувшей ночью я решил отправиться в ее спальню. Она рано легла спать, и спустя какое-то время я пошел к ней. Но на этот раз все было по-другому. Когда я открыл дверь ее спальни, Хелен быстро села в кровати, подобрав одеяло до подбородка, и уставилась на меня широко раскрытыми глазами. Мне даже показалось, что она лежала и ждала, когда я приду. Уже одно это странно. И то, как она смотрела... как бы даже со страхом. Едва я дотронулся до нее, как она вся сжалась. Она ничего не говорила, но дрожала у меня в руках и все пыталась рассмотреть мое лицо. Мне не нравилось это ее выражение, этот ее взгляд. Будто ей казалось, что эта ночь была ночью перевоплощения. Может, она перепутала числа. Но ведь должна же она знать, что я-то этого никогда не забываю. Разве может моя жена бояться меня? Результат ли это той чудовищной лжи в газетах, или Хелен мучается от напряжения — возможно, страдает, сочувствуя мне? Может, и так. Она явно становится другой, когда приближается эта ночь, и я должен отправляться в клетку. Я слышал, что любящие часто страдают из-за любимых. Говорят, мужчины испытывают схватки, когда их жены беременны. Может, это что-то в таком же роде. Я предпочитаю думать именно так, потому что мне неприятно думать, будто она боится меня.

Когда мы только поженились, Хелен была очень ласкова со мной. Пожалуй, я даже назвал бы ее страстной. По правде, чересчур страстной, и несколько раз мне приходилось говорить ей: пожалуйста, сдерживай себя хоть немного. Женщина не должна забывать обо всем ради чувственных удовольствий. Не уверен, что это неправильно — получать удовольствие во время интимной близости, но явно неправильно забывать ради него обо всем. Однажды Хелен попыталась взять инициативу в свои руки и несколько раз приходила ко мне и спрашивала, не хочу ли я отправиться к ней в постель. Я вынужден был совершенно твердо наставить ее на этот счет. Вообще-то она не виновата. Она невинна, опыта у нее

нет, и она не понимает, насколько неправильно себя ведет. Несомненно, она пыталась доставить мне удовольствие своим нескрываемым желанием и неприкрытым вожделением. Но мне определенно кажется, что достойная молодая женщина должна инстинктивно понимать, когда ведет себя неправильно, но кто я такой, чтобы судить? Я никогда и не пытался выставлять себя в качестве моралиста, я всего лишь высоконравственный человек, который пытается показать другим, как следует вести себя достойно. Разумеется, мне пришлось быть немного строгим с Хелен, но это ради ее же добра.

Минувшей ночью все было, однако, иначе. Она нисколько не показалась мне требовательной и, кажется, была вполне довольна, когда мы закончили, и я готов был возвратиться в свою комнату. В продолжение всего акта она пристально смотрела на меня с этим своим странным выражением на лице. Мне от этого было очень неловко. Я вообще всегда чувствую себя не в своей тарелке, когда исполняю супружескую обязанность, но на этот раз было еще хуже. Это было... не в своей тарелке — не совсем то, но я не могу найти слов, чтобы описать это ощущение. Меня обуревали чрезвычайно волнующие чувства. Надеюсь, она больше никогда не будет так на меня смотреть. А насчет страха... не знаю, что происходит... но у меня возникает такое ощущение... я представляю себе... что-то неопределенное, зловещее. Это очень трудно точно выразить. Какие-то неясные мысли начинают возникать на поверхности сознания — нечеткие, туманные, темные, пугающие. И опасные. Какие-то смутные образы. Точнее сказать я не могу.

31 июля

Жду завтрашнего дня с привычным страхом и отвращением, но и с некоторым любопытством. Интересно, как события последнего месяца повлияли на мою болезнь. Июль я провел в спокойствии, так хорошо с собой примирился, что ничуть не удивлюсь, если в течении болезни наступит какая-нибудь перемена. Последний месяц мог послужить катализатором и изменить химию этого существа... быть может, к лучшему. Что бы ни произошло, я чувствую, что смогу принять это стоически.

Я бы рассказал Хелен о своих надеждах, если бы она не казалась такой далекой и странной. Но наверное, лучше не говорить, пока я не узнаю точно. Мало толку от того, что возникнут ложные надежды. Этим утром она тоже вела себя своеобразно. Я спустился в холл, чтобы взять перчатки, и, когда обернулся, она выглядывала из-за угла. Из-за угла показалось лишь ее лицо, и она тут же спряталась. Я спросил, не нужно ли ей чего-нибудь, а она, пробормотав что-то, спросила, не собираюсь ли я в подвал? Почему это она так решила? Она знает: я ненавижу подвал и никогда не хожу туда, если в этом нет крайней необходимости. Когда я убедил жену в том, что не пойду туда сейчас, она, кажется, вздохнула с облегчением, так что, скорее всего, она просто перенервничала из-за того, что этот день приближается. Может, она боялась, что все начнется раньше, чем обычно, и мне придется провести в клетке больше времени? Может, даже не одну ночь? Я понимал, насколько это способно тревожить ее, и это говорит о том, что она за меня переживает. Но это также говорит о ее полном непонимании моей болезни.

1 августа

Сегодня меня прямо распирает от избытка сил. После обеда я совершил длительную, бодрую прогулку. Остановился, чтобы посмотреть, как играют дети на площадке. Мне казалось, что я разделяю их интерес к жизни. Я пожалел о том, что не могу иметь детей. Они были такие веселые и беззаботные... Мне даже стало жаль, что когда они вырастут, то столкнутся с житейскими проблемами. Мое детство не было счастливым; по крайней мере мне оно не кажется таким, за исключением нескольких запомнившихся случаев. Но я не завидую другим в этом отношении, потому что из детских лет я достойно перешел в зрелый возраст и могу оглядываться на всю свою жизнь, не жалея ни о чем. Если я о чем-то и жалею, то только о том, что случилось не по моей вине, о тех вещах, которые были предопределены еще до моего рождения. Это, разумеется, самое лучшее для спокойствия человека, когда он может проследить всю свою жизнь в беспрерывной последовательности и убедиться, что ни разу не произошло ничего такого, чего бы ему следовало стыдиться, и ничто не замарало

его прошлого, что вся его жизнь была именно такой, какой он хотел, особенно если у него существовал выбор.

Я едва ли не с нетерпением жду перевоплощения сегодня ночью, я чувствую уверенность в том, что наступит улучшение... или я уже понимаю, что никакого улучшения и не нужно и моя болезнь не такая уж и плохая, как мне казалось? Надеюсь, что существо, которым я стану, сможет разделить мое спокойствие.

1 августа (ночь)

Ну вот, дверь заперта. Хелен поднялась наверх, и я один в клетке. Сегодня Хелен старалась быть очень доброй. Приготовила мой любимый ужин — простая здоровая пища. То и дело смущаясь, она болтала без умолку и старалась выглядеть веселой, чтобы отвлечь меня от того, что должно было вскоре произойти. Я ценю ее жалкие усилия скрасить заботой то, чего она не может понять. Я спустился вниз пораньше, чтобы ей не пришлось волноваться. Я боялся, что она станет переживать, испугается, и мне хотелось избавить ее от этого мучения... да и самому избавиться от того, чтобы все это видеть.

Оказавшись в клетке, я не заметил каких-либо изменений. Я был уверен, что она что-то переделала, но замок тот же, а обивка по-прежнему разорвана в нескольких местах. Может, она приглашала рабочего, чтобы тот составил смету, и работы начнутся в следующем месяце. Надо было мне, впрочем, позаботиться о том, чтобы свет был поярче. Трудно писать, да и в углах темно. Если бы...

Я только что сделал ужасное открытие! Не могу понять, что это означает. Мой позвоночник будто режут холодным ножом, и тело у меня точно лед. Я писал, потом посмотрел на стену и... в стене дыра! Маленькая, я и не заметил ее сразу. Она в углу возле двери, но достаточно большая, чтобы в нее можно было заглянуть... заглянуть в клетку. Раньше этой дырки не было, на полу осталась бетонная пыль, и я понял, что дырку сделали недавно. Вот, наверное, зачем сюда приходил рабочий. Но для чего моя жена попросила сделать эту дырку? Что это на нее нашло? Зачем ей делать такую дьявольскую вещь? Должно быть, она сошла с ума! Навер-

ное, собралась заглянуть в клетку после моего перевоплощения! Но зачем ей это? В это трудно поверить, это чудовищно. Одна мысль, что она увидит меня... увидит, как я становлюсь... не человеком, а кем-то другим. Я ползаю вдоль стены с дыркой, чтобы меня не было видно в нее, но не знаю, что делать дальше... после того как я перевоплощусь. Это существо неразумно, а может, ему на все наплевать. Оно не останется здесь, возле двери, где его не будет видно. Я подумал, а не заткнуть ли мне дырку рубашкой, но боюсь, что рубашка будет изодрана мною в клочья, когда болезнь войдет в свою силу. Да и Хелен может проткнуть дырку палкой. Вот сейчас я в безвыходном положении. Она увидит меня!

Мне стало дурно от страха. Чувствую, что меня сейчас стошнит. Голова кружится. Почему Хелен так со мной поступила? Болезненное любопытство? Или у нее в натуре есть какое-то извращение, чего я прежде не замечал? Или она по-прежнему сомневается во мне и ей нужны доказательства, что я не сумасшедший, что не воображаю себе всего этого? Не знаю. Мысль о том, что она увидит перевоплощение, ужасна, и бог знает какой эффект это произведет на нее! Надеюсь лишь, что она распознает в этом болезнь и, узнав правду, не сойдет с ума. Но она не крепка умом, и я боюсь... Мне знакомы лица тех, кто видел меня перевоплощенным. Пьяница... женщина... На их лицах было выражение безумия, а Хелен не обладает мужеством... я видел страх в ее глазах, даже когда был нормальным. После того, как она прочитала всю эту ложь в газетах, все эти ужасные рассказы об увечьях, расчленениях... и та ночь в постели... и этот страх, отчего лицо у нее становится белым, как луна, как оно меняется и дрожит, пока на нем не остается один только ужас, а все остальное исчезает, и я вижу... чувствую... я чувствую, что этот страх не должен жить... Да как я буду снова смотреть в это лицо после того... когда стану нормальным... когда...

Я услышал, как закрылась дверь.

По-моему, она спускается вниз...

2 августа(?)

Кажется, сейчас утро. Со мной все в порядке, хотя я истощен. Моя одежда разодрана в клочья. Скоро спустится Хелен,

чтобы открыть дверь. Как она будет теперь смотреть на меня, после минувшей ночи? Я умолял ее уйти, но она даже не отвечала мне, просто смотрела на клетку и ждала. Мое нервное возбуждение вызвало болезнь быстрее, чем она должна была прийти, и я совершенно потерял контроль над собой. Она все видела. Я ненавижу ее. Ненавижу за то, что она сделала со мной. Я весь горю от ярости, стыда и ненависти! Когда она откроет дверь, мне придется предпринять огромные усилия, чтобы не ударить ее. Она заслуживает того, чтобы ее ударить. Она заслуживает худшего. За то, что она сделала со мной, никакое наказание не будет слишком жестоким. Она настолько все испортила, что хуже и быть не может. Я отчетливо помню, как в ярости бился о стену, пытаясь вырваться, стремясь разорвать эту дырку, и все это время она стояла там, по ту сторону этого неразрушимого барьера, и видела все. Да она чудовище, ведьма, дьяволица. У меня нет слов, чтобы описать ее...

Август

Какое сегодня число, не знаю. Не могу следить за временем. Кажется, наступила вечность. На дневник мне уже наплевать. Бесполезно теперь вести его. Да и чернила почти закончились. Свет меркнет, и скоро я окажусь в темноте. Возможно, я смогу писать своей кровью, но стоит ли... Мне не нравится кровь, она мне слишком о многом напоминает. И тем не менее, когда я пытаюсь записать что-то, меня это отвлекает. Это мой союзник против безумия. Я могу стерпеть голод и жажду, но не вынесу безумия.

Не могу понять, почему она это сделала со мной. Я больше не ненавижу ее, просто не могу понять. Она спускается и время от времени заглядывает. Раз в день, раз в неделю... Не знаю. Здесь все одно. Никогда ничего не говорит. Не отвечает, если я заговариваю с ней. Иногда издает странные звуки, точно хихикает. По-моему, она безумна. Когда я пытаюсь заговорить с ней, она уходит...

(?)

Я так голоден.

Я пытался есть обивку со стен, но это не помогло. От этого только усиливается жажда. Свет почти погас. Только

стоя прямо под ним, я могу писать. И перед глазами у меня все плывет. Я очень слаб, и у меня кружится голова. Не думаю, что смогу еще что-нибудь написать.

Я знаю, что умру здесь. Я обречен на это. Хорошо еще, что если я умру, то моей вины в том не будет. Я ничего не сделал такого, чтобы это произошло. Я невиновен в причине болезни, как невиновен во всех страданиях в моей жизни. Я страдаю из-за грехов моих предков, а теперь умираю из-за безумия моей жены. Это несправедливо, так не должно быть. Сейчас я должен лечь. Уверен, что писать больше не о чем.

Я знаю, сейчас ночь. Я укусил себя за руку...»

Вот этот дневник я и нашел в комоде моей тетушки. После последней записи было еще несколько исписанных страниц, но они неразборчивы. Возможно, была предпринята попытка писать в темноте, а возможно, чьей-то рукой были внесены какие-то небрежные заметки. Я недолго рассматривал их. Медленно закрыв дневник, я глянул в окно. Шел дождь. Громко прогремел гром, и большой вяз во дворе закачался на ветру, и ветер промчался под облаками. Где-то завыла собака. Я долго сидел, потом поднялся и положил дневник в карман. Было уже поздно. Я вышел в холл и открыл дверь, которая вела в подвал. Я должен, должен побывать там! Какое-то время я колебался, но потом решился и пошел. Воздух в подвале был затхлый, неприятный, и идти туда — все равно что спускаться в могилу, но я пошел.

Клетка находилась в углу, как и говорилось в дневнике. Когда я шел по бетонному полу, шаги мои звучали невероятно громко. Дверь была закрыта на засов, но я быстро поднял его, не задумываясь. Он простонал и с него слетела ржавая пыль. Я попытался открыть дверь, но она не подавалась. Она была закрыта еще и на ключ. Замок был большой, а дверь очень крепкая. Я отступил в сторону и спустя минуту нашел дырку. По краям она крошилась. Я заглянул в нее, но ничего не было видно. В клетке было темно. Повернувшись, я совершенно спокойно прошел по бетонному полу к лестнице. Я твердо решил найти ключ от этой клетки. Я знал, что он, должно быть, хранится где-то в вещах

тетушки Хелен. Когда я ступил на последнюю ступеньку, лестница не выдержала моего веса. Чтобы не упасть, я вынужден был прыгнуть вперед. Приземлился я в холле и неожиданно побежал. Выбежав из дома, я очутился под дождем. Я человек смелый и физически сильный, и в тот день я бежал и бежал, пока не оказался далеко от этого про́клятого дома. Я промок до нитки, пальто осталось в доме.

Это произошло некоторое время назад, и больше я не возвращался в дом, который унаследовал от тетушки Хелен. Когда-нибудь побываю там. Я часто задумываюсь о том, что же сейчас в клетке. Уж точно там нет ничего такого, что причинило бы мне вред. Все это было давно. И тетушка Хелен, должно быть, и сама там побывала, ведь дневник-то у нее. Я внимательно просмотрел старые газеты и нашел отчет о нераскрытом убийстве сотрудницы библиотеки, — наверное, это был тот случай, о котором писал муж Хелен. А может, и нет. Он точно был безумен, и, возможно, все это происходило лишь у него в голове. И все же... не могу не думать о том, что же увидела тетушка Хелен, заглянув в клетку в ту ночь? Может, она впервые поняла, что он сумасшедший, и поэтому оставила его там? Или увидела что-то еще? Что-то такое, что заставило ее сойти с ума?

Как бы там ни было, до правды я уже никогда не докопаюсь. Не думаю, чтобы тетушка Хелен тоже вела дневник. Да меня это и не волнует. Нисколько. Я никогда не был суеверен. Но все-таки я решил, что детей у меня не будет никогда. Потому что, понимаете, с тетушкой Хелен я нахожусь в родственных отношениях по линии браков. А с ее мужем — по крови. Я сын его родной сестры. Я не расстаюсь с этим дневником и иногда снова его перечитываю, пытаясь отыскать истину. Иногда я читаю его длинными белыми ночами, когда луна яркая и круглая и мне совершенно нечего делать, как только сидеть в одиночестве у окна. Живу я один. Я бы хотел завести домашнее животное, но животные не любят меня. Собаки меня боятся. Это мне весьма досаждает. Придется мне вести дневник, чтобы чем-то занять себя в такие ночи. А пока я просто сижу, смотрю на луну, смотрю на свои руки...

СЮЗИ МАККИ ЧАРНАС

Сиськи

Первый роман Сюзи Макки Чарнас (Suzy McKee Charnas) «Прогулка на край света» (Walk to the End of the World), написанный параллельно с работой в Корпусе мира в Нигерии, был опубликован в 1974 году и номинирован на премию Джона У. Кэмпбелла. Отметим, что в это время Чарнас работала также в группе по излечению наркозависимости в средних школах Нью-Йорка. За первым романом последовали книги «По материнской линии» (Motherlines), «Гобелен с вампиром» (The Vampire Tapestry), «Сны Дороти» (Dorothea Dreams), «Фурии» (The Furies) и романы для молодежи «Бронзовый король» (The Bronze King), «Серебряная перчатка» (The Silver Glove), «Золотая нить» (The Golden Thread) и «Королевство Кевина Мэлона» (The Kingdom of Kevin Malone).

Ее замечательный рассказ с эпатирующим названием «Сиськи» представляет собой феминистский взгляд на старинный миф об оборотнях. В 1990 году он получил премию «Хьюго» (Hugo Awards) за лучший рассказ. В опубликованной здесь версии — (первоначально появившейся в антологии Лизы Таттл «Кожа души» (Skin of the Soul) — восстановлен оригинальный финал. Как объясняет писательница: «В „Сиськах" затрагивается то, что заботит добрую половину человечества (менструации, разумеется, а не оборотни), но для таких изданий, как Redbook или Mademoiselle, он оказался не вполне подходящим; Seventeen вообще не хотели бы затрагивать эту тему, а Ms сообщили мне, что не берут фантастику. В конце концов Гарднер Дозуа приобрел рассказ для журнала „Азимов" (Asimov's). Он попросил немного изменить концовку, сделать ее, так сказать, не столь кровожадной. Похожей была и реакция моей падчерицы, заметившей, что Келси слишком уж спокойно говорит о своей волчьей жестокости.

Тогда я напомнила ей: во-первых, о существующей среди молодежи тенденции к очень узкому пониманию морали („То, что мешает жить мне, — просто ужасно, а что бы ни сделал я — все о'кей") и, во-вторых, о поразительной неспособности подростков к сочувствию, что может привести к крайне шо-

кирующим и отвратительным формам поведения, проявляющимся самым непредсказуемым образом, например, в поистине зверской жестокости тинейджеровских банд. Что касается меня, я рада снова увидеть оригинальную концовку рассказа восстановленной, ради тех читателей, которые не склонны идеализировать своих сердитых юных героинь».

В том-то все и дело, что твои мозги вроде и хотят продолжать думать о жалком завтрашнем экзамене по истории, но тело берет над ними верх. И какое тело! Ты можешь видеть в темноте, и мчаться как ветер, и перелетать через припаркованные машины одним прыжком.

Наутро, конечно, за это приходится расплачиваться (но оно того стоит!). Когда я просыпаюсь, у меня все тело словно одеревеневшее, болит и ноет, руки, ноги и лицо грязные, и приходится быстро прыгать под душ, чтобы Хильда не увидела меня такую.

Не то чтобы она могла догадаться, в чем дело, но зачем рисковать? Поэтому я притворяюсь, что мне плохо совсем не поэтому. И тогда она начинает:

— Ну же, дорогая, у всех бывают спазмы, это не повод ныть и жаловаться. Куда же это годится, пытаться увильнуть от школы только потому, что у тебя месячные?

Если бы Хильда мне не нравилась — а она мне нравится, хотя она всего лишь мачеха, а не настоящая мать, — я бы показала ей кое-что такое, что после этого рассталась бы со школой навсегда, и без всякого притворства.

Однако полно людей, которым я бы, пожалуй, показала это.

Этому придурку Билли Линдену я уже показала.

— Эй, Сиськи! — разорялся он в холле прямо рядом с учительской.

Толпа мальчишек, естественно, заржала, хотя Рита Фрай и обозвала его дураком.

Именно с Билли все, в общем-то, и началось, потому что с него всегда начинаются всякие пакости, с него и с этой его огромной пасти. В начале семестра он однажды налетел на меня и заорал:

— Эй, гляньте на Борнштейн, что с ней сделалось за лето! Что это с тобой, Борнштейн? Эй, вы, посмотрите-ка на Борнштейн!

Он ухватил меня за грудь, я стукнула его в плечо, а он ударил меня кулаком по лицу, да так, что у меня от его удара голова чуть не треснула, я была в шоке и разревелась прямо на глазах у всех.

Я хочу сказать, что всегда готова была бороться и драться с мальчишками, потому что для девчонки я довольно сильная. Но это было совсем другое. Он ударил меня со всей силы, чтобы действительно сделать больно, и я так обалдела, будто меня ткнули под ложечку, меня даже затошнило, и еще я до смерти разозлилась и растерялась.

Мне пришлось идти домой с разбитым носом, лежать с запрокинутой головой, прикладывать к лицу завернутый в полотенце лед, и вода капала мне в волосы.

Хильда села рядом на кушетку и погладила меня по голове:

— Мне очень жаль, дорогая, но вообще когда-нибудь тебе нужно было это понять. Вы все растете, и мальчики становятся сильнее, чем станешь когда-либо ты. Если ты дерешься с мальчишками, надо быть готовой к тому, что тебя побьют. Ты должна найти другие способы управляться с ними.

Для полного счастья на следующее утро у меня начались месячные, Хильда старательно объясняла мне про «это» несколько раз, так что я, по крайней мере, сообразила, что произошло. Хильда на самом деле старалась как могла, не впадая при этом в слащавость, но мне было противно слушать о том, что вся эта часть волнующих изменений в моем теле, которые так важны, служит высшей и прекрасной цели — «превратиться в молодую женщину».

Да уж! Все это оказалось таким грязным и отвратительным делом, хуже, чем она говорила, хуже, чем я могла даже вообразить, все эти черные противные сгустки слизи среди пятен розовой крови — я думала, меня вырвет. «Это всего лишь внутренний слой твоей матки», — сказала Хильда. Подумаешь. Все равно гадость.

И еще *запах*...

Хильда пыталась мне помочь, действительно пыталась. Она сказала, что нам надо «отметить это событие», вроде

того, как это делали первобытные люди, как будто это что-то важное, а не просто этакая гадость, ни с того ни с сего свалившаяся вдруг на тебя.

И мы решили убрать Пинки, мою игрушечную собаку, с которой я спала с трех лет. Пинки совсем лысый, он плохо гнется, и вата внутри его немного сбилась в комки после того, как он по ошибке побывал в стиральной машине, и ни за что не скажешь, что когда-то, новый, он был мягким и плюшевым, да к тому же еще и розовым.

Когда в последний раз, еще перед летом, ко мне заходила моя подруга Джерри-Энн, то, увидев Пинки у меня на подушке, она хотя ничего и не сказала, но я уверена, что Джерри-Энн посчитала это ребячеством. Так что я уже давненько подумывала о том, чтобы расстаться с Пинки.

Мы с Хильдой сделали для него отличную коробку, выложили красивыми тряпочками, оставшимися от ее занятий на курсах лоскутного шитья, и я вслух поблагодарила его за то, что он был моим другом столько лет, и мы убрали его в чулан, на самую верхнюю полку.

Я чувствовала себя ужасно, но, если Джерри-Энн решит, что я слишком маленькая, чтобы со мной водиться, это может кончиться тем, что я останусь и вовсе без друзей. Когда ты не слишком-то популярна и те времена, когда ты была тощей и быстрой и все хотели, чтобы ты была в их команде, безвозвратно прошли, приходится об этом задумываться.

Хильда и папа велели мне идти на следующее утро в школу, чтобы никто не подумал, что я испугалась Билли Линдена (хотя так оно и было) или что я позволю ему издеваться надо мной, потому что он такой придурок.

Все исподтишка насмешливо поглядывали на меня и перешептывались, и я была уверена, что это из-за того, что они видят, какая у меня смешная походка из-за этой прокладки между ног, и потому, что они унюхали запах всего того, чего, насколько я знала, еще не происходило ни с кем в нашем восьмом «А». Точно так же как никому больше во всем классе, кроме меня, на самом деле нечего было класть в их дурацкие детские лифчики, вот уж спасибо.

Как бы там ни было, я держалась в стороне от всех, насколько могла, и не разговаривала даже с Джерри-Энн,

потому что боялась, что она спросит, почему я так смешно хожу и плохо пахну.

Билли Линден избегал меня, как и все остальные, за исключением того раза, когда один из его придурковатых дружков нарочно толкнул меня и я налетела на Билли в очереди в столовую. Билли обернулся и заорал, да еще так громко:

— Эй, Сиськи, с каких это пор ты стала краситься черно-синими тенями?

Я не доставила ему удовольствия узнать, что на самом деле он сломал мне нос, как сказал доктор. Хорошо еще, что при этом не заставляют носить повязку. Билли бы весь изострился насчет того, что у меня нос тоже в лифчике, как и сиськи.

Той ночью, когда все решили, что я заснула, я поднялась и сняла с себя трусы и футболку, в которых спала, и стала разглядывать себя в зеркале. Мне не нужно было включать свет. Луна была полная и светила через большое мансардное окно прямо в мою спальню.

Я обхватила себя руками и больно ущипнула, чтобы наказать тело за то, что оно со мной делает.

Как будто этим можно было все остановить!

Неудивительно, что Эди Сайлер из десятого класса уморила себя голодом! Я ее прекрасно понимала. Она пыталась совладать со своим телом, чтобы выглядеть нормально, оставаться тонкой и сильной, какой была и я когда-то — человеком, а не карикатурой, которую обзывают Сиськами.

И тут что-то теплое потекло тоненькой струйкой по внутренней стороне ноги, и я поняла, что это кровь, и это было невыносимо. Я сильно сжала бедра, и крепко зажмурилась, и что-то такое сделала.

Я имею в виду, ощущение того, как это происходит. Я почувствовала, что становлюсь меньше, будто меня сжигает бушующий в костях холодный огонь, и что все мое тело, и мышцы, и хлопающие внутренности, и кожа словно раскаляются добела и отделяются друг от друга, сияя в лунном свете, и что мой облик меняется и центр тяжести перемещается куда-то...

Я подумала было, что падаю в обморок из-за этих дурацких месячных. Так что я повернулась и рухнула на кро-

вать и лишь в тот миг, как упала на нее, поняла, что что-то совсем не так.

Во-первых, мой нос и голова были переполнены такими сумасшедшими, острыми ощущениями, что я даже не сразу поняла, что это запахи, — настолько они были сильнее, чем любые запахи, что я знала до этого. И они были — даже не знаю — *влекущими*, а не противными или отвратительными.

Я открыла рот, чтобы вдохнуть запах еще глубже, и услышала, что забавно пыхчу, как будто до этого бежала, а ведь я этого не делала, и еще часть моего лица сильно выпятилась вперед, и там что-то двигалось — мой язык.

Я облизывалась.

Да уж, в этот миг у меня началась полная, абсолютная паника. Я заметалась по комнате, поскуливая, и тяжело дыша, и слыша, как мои ногти стучат по половицам, а потом забилась в угол и скорчилась там, потому что испугалась, что папа и Хильда услышат и придут узнать, откуда этот шум.

Потому что я слышала их. Я слышала, как скрипит кровать, когда кто-то из них переворачивается на другой бок, и дыхание папы с небольшим присвистом, готовое перейти в храп, и еще я чувствовала их запах, особую струю из ароматов от каждого из них, вроде того десерта из разных сортов мороженого, которое называется «смесь».

Тело мое подергивалось и дрожало от страха и распирающей его энергии, и комната моя — перестроенный чердак, просторный, но кое-где с низким потолком, — комната моя казалась мне клеткой. И еще я до ужаса боялась заметить свое отражение в зеркале. Я прекрасно понимала, что могу там увидеть, и не хотела этого.

Кроме того, мне нужно было срочно пописать, а в таком состоянии я не могла даже и пытаться воспользоваться туалетом.

Поэтому я осторожно открыла дверь плечом и едва не скатилась по лестнице, пытаясь спуститься по ступеням на четырех ногах и раздумывая, как бы это сделать, вместо того чтобы просто позволить телу справиться самому. Я уперлась ладонями во входную дверь, чтобы отворить ее, но мои руки не были больше руками, это были лапы с длинными узло-

ватыми пальцами, покрытыми шерстью, а на концах их торчали толстые черные когти.

В животе у меня словно бомба разорвалась от ужаса, и я вскрикнула. Раздался дрожащий воющий звук, жутким эхом отозвавшийся у меня в черепе. «Джек, что это было?» — сонно спросила наверху Хильда. Я услышала, как отец тяжело ступает по полу их спальни, и стрелой метнулась к подвалу.

Засов на подвальной двери все время соскальзывал, так что теперь я толчком открыла дверь в подвал и полезла вниз, на этот раз лучше справляясь со ступеньками, потому что была слишком перепугана, чтобы думать, как ставить свои новые лапы. Остаток ночи я провела там, жалуясь сама себе (что на самом деле означало тихое поскуливание) и труся рысью вдоль стен, обтираясь о них боками в попытке стереть с себя этот ненормальный облик, а может, просто бегая по кругу оттого, что не могла усидеть на месте. Там было полно запахов и медленно сплетающихся струй теплого и холодного воздуха. Я никак не могла во всем этом разобраться.

Что же касается туалета, то я в конце концов сумела примоститься задом на край водостока возле папиного верстака и помочиться туда. Единственная проблема была в том, что этими своими лапами я не могла открыть кран, чтобы смыть запах.

Потом, около трех часов утра, я очнулась от дремоты, лежа калачиком на голом полу, на открытом месте, где вероятность, что по тебе будут бегать всякие пауки, была чуть поменьше, и ничего больше не увидела, и не почуяла никаких запахов, и поняла, что со мной снова все в порядке, еще до того, как взглянула на свои руки и снова увидела ладони вместо лап.

Я взлетела по лестнице и стояла под душем так долго, что Хильда расшумелась, что я трачу горячую воду, когда у нее с утра полно стирки. Я же просто пыталась отогреть странно окоченевшие мускулы, но объяснить ей что-либо, естественно, не могла.

Было так странно после этакой ночки одеваться и идти в школу. Одно хорошо, менструация прекратилась в этот

же день, и Хильда сказала, что для первого раза это вполне обычно. Так что, должно быть, все пялились на здоровенный зеленый синяк у меня на лице, который поставил мне Билли.

Кончилось все это, разумеется, как обычно. Ну а почему бы и нет? *Они* же не знали, что ночью я была волком.

Жирный Джо выхватил у меня портфель в коридоре возле кабинета естественных наук и перебросил его какому-то парню из восьмого «Б». Мне пришлось бегать за ними, чтобы отобрать портфель, и, конечно, все это было устроено только для того, чтобы мальчишки могли вдоволь повеселиться, глядя, как подпрыгивают груди у меня под блузкой.

Я так рассвирепела, что едва не поймала Жирного Джо, только побоялась, что, если я схвачу его, вдруг он тоже ударит меня, как Билли.

Отец говорил мне: «Не обращай внимания, малыш, все мальчишки дураки в этом возрасте».

А Хильда все лето твердила: «Послушай, это никуда не годится — ходить ссутулившись, сложив руки на груди, наоборот, ты должна расправить плечи и вышагивать с достоинством, как важная особа, гордая тем, что взрослеешь. Просто с тобой это произошло немножко рановато, вот и все, и я готова держать пари, что другие девочки тайком завидуют тебе, с этими их смешными крохотными лифчиками, как будто у них есть что *поддерживать*».

Ей-то хорошо говорить, она уже давно не ходит в школу и небось не помнит, каково это все.

Поэтому я прекратила беготню и ходила вслед за Джо, пока не прозвенел звонок, и тогда вытащила портфель из кустов, куда он его закинул. Я немножко плакала и поэтому спряталась в туалете для девочек.

Там была Стейси Буль, она, как обычно, красила губы и, как обычно, не стала разговаривать со мной, но прибежала суматошная Рита и сказала, что этого дурака и грубияна Джо убить мало, не говоря уже о Билли, который на самом деле подучил его стащить мой портфель. Как обычно!

Рита неплохая, если не считать того, что она и сама аутсайдер, потому что ее младший брат болен СПИДом, и большинство родителей считают, что ей не место в нашей школе.

Так что мы не слишком близки с ней. Я ужасно расстроилась, да к тому же все равно опоздала на математику.

Однако мне нужно было с кем-то поговорить. После уроков я отыскала Джерри-Энн, которая была моей лучшей подругой, начиная с четвертого класса. Ее нигде не было видно, но я нашла ее в библиотеке и сказала, что мне приснился странный сон, будто я — волчица. Джерри-Энн хочет стать психиатром, как ее мама, поэтому она с интересом меня выслушала.

И сказала, что я свихнулась. Утешила!

Вечером я убедилась, что задняя дверь не закрыта на замок как следует, и легла в кровать без одежды — только вообразите, как вы превращаетесь в волчицу в трусах и футболке! — и лежала дрожа, ожидая, чтобы что-нибудь произошло.

Взошла луна и залила светом весь дом, и я снова изменилась совсем как раньше. Кстати, это было ничуть не похоже на то, что показывают в кино: когда человек бьется и вопит и кости ломаются с ужасным хрустом и треском, как вы могли бы напридумывать, если бы знали, что все это должны проделать специальные приспособления перед камерой, чтобы выглядело достоверно, если бы вы были мастером по спецэффектам, а не оборотнем.

Что до меня, то моему превращению не нужно было выглядеть похожим на настоящее, оно и было настоящим. Снова это ощущение, словно таешь и растекаешься, но на этот раз оно вызвало у меня что-то вроде возбуждения. Я бы сказала, что это было жуткое любопытство. Со мной явно происходило что-то, совершенно отличающееся от очередных дурацких физических деформаций по воле каких-то там идиотских гормонов.

Должно быть, я произвела какой-то шум. Хильда поднялась по лестнице к двери моей спальни, но, к счастью, не зашла внутрь. Она высокая, и мой потолок для нее низковат, поэтому она часто разговаривает со мной с лестничной площадки.

Как бы там ни было, услышав, что она идет, я запрыгнула в постель, засунув голову под подушку и отчаянно моля Бога, чтобы ничего не торчало наружу.

Я чуяла ее запах, он был необычный — ее собственный аромат, как бы запах пота, только сладкий, и поверх всего этого запах ее духов, они так и шибали в нос. Я не слышала, что она говорила, потому что очень перепугалась, и еще меня внутри всю трясло от возбуждения и лишь отчасти — от ужаса.

Понимаете, я вдруг с огромным изумлением осознала, что мне больше не надо бояться ни Хильду и никого другого. Я была сильной, мое волчье тело было сильным, и ей достаточно только увидеть меня, чтобы упасть замертво.

Однако когда она ушла — какое же это было облегчение! Мне до смерти хотелось выбраться из-под тяжести одеял, а кроме этого, нужно было чихнуть. И еще я поняла, что та энергия, что бушевала во мне, отчасти была голодом.

Они улеглись — я слышала их голоса в спальне, хотя и не могла разобрать, что они говорят, — и это было то, что надо. Слова теперь не имели значения, я могла бы больше сказать по тону, которым они произносились.

Как я и думала, они собирались заняться этим, и я была права. Я слышала, как они возятся там, прямо сквозь стены, это тоже было что-то новенькое, и мне в жизни еще не было так неловко. И я даже не могла зажать уши руками, потому что мои руки были лапами.

Так что, дожидаясь, пока они уснут, я стала разглядывать себя в большое зеркало на дверце шкафа.

В нем отражалась большая волчья голова с длинной узкой мордой и густым воротником вокруг шеи. Шерсть на воротнике вздыбилась, когда я зарычала и немножко попятилась.

Что было, конечно, глупо, потому что в спальне не было никакого волка, а была я. Но я, наверное, совсем потеряла голову и едва могла свыкнуться с мыслью об одном волке — обо мне в моем волчьем теле, не говоря уже о двух волках — обо мне и моем отражении.

После того как прошел первый шок, это оказалось потрясающе! Я вертелась так и сяк, осматривая себя со всех сторон.

Я была худощавая, с длинными, стройными ногами, сильная, мускулы изящно играли под блестящей шкурой. Вот толь-

ко лапы были чуть больше, чем мне бы хотелось. Но в любом случае четыре большие лапы — это гораздо лучше, чем две большие сиськи!

Морда моя была замечательной, с двумя рядами белых острых зубов и небольшими ясными глазами, сверкающими в лунном свете. Немножко странно было видеть хвост, но я начинала привыкать к нему и вскоре поняла, какой он на самом деле красивый и пышный. Плечи мои стали широкими, их покрывал длинный лоснящийся мех, и я была такой нарядной масти: темной на спине и похожей на расплавленное серебро на груди и на брюхе.

Проблема была, однако, с языком, свисающим наружу. Я с ним намучилась, он выглядел и неприлично, и глупо. Я имею в виду, это был *мой язык*, длиной около фута, и он ловко укладывался поверх моих острых нижних зубов. Именно тогда я поняла, что не могу теперь придавать своему лицу многие выражения,— оно больше похоже было на маску.

Но оно было живое, это было мое лицо, и это были мои черные длинные губы, которые облизывал мой язык.

Без всякого сомнения, это была *я*. Я была оборотнем, как в кино, что крутят перед Хеллоуином. Но ничего похожего на тех уродов, которых на самом деле играют актеры, намазанные целыми фунтами грима. Я была *великолепна!*

Однако мне не хотелось просто прохаживаться тут перед зеркалом, любуясь собой. Я не могла больше оставаться взаперти в этой душной, переполненной запахами комнате.

Когда все утихло и я услышала, что папа и Хильда задышали так, как люди дышат во сне, я выскользнула на улицу.

Темнота была для меня не совсем темной и прохлада была острой, как уксус, но не неприятной. Куда бы я ни направилась, в воздухе ощущались струи запаха, словно волны, и я могла втягивать их своим длинным волчьим носом и перекатывать на языке. Это был совсем иной мир, с доносящимися отовсюду отчетливыми звуками и напоенный сочными, насыщенными запахами.

А еще я могла бежать.

Я побежала, потому что, когда я обнюхивала мешки с мусором, выставленные на обочине, мимо проехала машина

и я здорово испугалась, что меня заметят в свете фар. Поэтому я понеслась по грязному проулку между нашим домом и соседним домом Моррисонов, и — вот дела! — я смогла мчаться почти беззвучно, смогла, не задумываясь, перескочить через их забор. Мои задние лапы были как стальные пружины, и я ловко и точно приземлилась на все четыре конечности, почти не заметив этого, не говоря уже о том, чтобы бояться, как бы не потерять равновесие или не вывихнуть лодыжку.

Боже, я могла бежать сквозь этот холодный воздух, густой и влажный от запахов, могла почти лететь! Это было как в тот последний год, когда у меня спереди не было еще этих сисек, которые подпрыгивают и болтаются, даже когда я просто быстро иду.

А теперь по моему упругому животу тянулись два ряда аккуратных небольших сосков. Я села и осмотрелась.

Затем стала разрывать мусорные мешки, чтобы выяснить, чем из них пахнет, но есть оттуда ничего не собиралась. Меня с души воротило от мысли, что мне вдруг пришлось бы лопать не доеденные другими людьми огрызки сосисок, и корки от пиццы, и жир и кости с их тарелок вперемешку с картофельным пюре и всяким прочим.

Когда мне попадались места, где останавливались и оставляли свои метки собаки, я приседала и тоже метила их мочой, прямо поверх их жалких брызг. Я просто *перебивала* их запах.

Я прыжками пронеслась по огромной лужайке вокруг усадьбы Уэнскомбов, где сроду не ходил никто, кроме азиата-садовника, и прогулялась по их шикарному «БМВ», оставив большие жирные следы на капоте и крыше. Никто не видел меня, никто не слышал меня, я была тенью.

Для всех. Не считая собак, конечно.

Стоял сплошной лай, когда я пробегала мимо, просто настоящая истерика, сначала даже напугавшая меня. Но потом я вдруг вывернула из проулка на Ридж-роуд, там, где стоят большие дома, и наскочила прямо на стаю из шести псов. Хозяева отпускают их гулять на всю ночь и вовсе не боятся, что их может сбить машина.

Они трусили по улице и проверяли мусорные мешки, выставленные на улицу, которые должны были увезти за-

втра. Ветер дул собакам в спину. Когда они увидели меня, один пес тявкнул от неожиданности, и все резко остановились.

Шесть псов. Я испугалась. И зарычала.

Собаки мигом развернулись, толкаясь в спешке, и бросились прочь.

Я не знаю, что бы они сделали, повстречайся они с настоящим волком, но, полагаю, я-то была чем-то особенным.

Я последовала за ними.

Они бросились врассыпную и побежали.

Что ж, я побежала тоже, и это был совсем другой бег. Я имею в виду, я вытягивалась во всю длину и мчалась, и это было просто счастье. Я погналась за одним из псов.

Туда-сюда, эта маленькая, похожая на терьера собачонка попыталась проскочить слева и юркнуть под ворота чьей-то подъездной дорожки, и все это без единого звука — терьерчик мчался изо всех сил, чтобы вопить, а мне просто нравилось бежать молча.

Как раз перед тем, как он смог бы проскользнуть под воротами, я догнала его и не раздумывая вцепилась ему в загривок, оторвала тельце от земли и изо всех сил встряхнула из стороны в сторону.

Я почувствовала, как хрустнула его шея, этот звук отозвался дрожью во всех костях моего черепа.

Я взяла его в пасть, и он показался мне почти невесомым. Я потрусила прочь, держа его в зубах, и под кустом в Бейкерс-парк я зажала его в лапах и впилась зубами в его брюхо, все еще теплое и трепещущее.

Как я уже сказала, я была голодна.

Кровь доставила мне совершенно невероятное наслаждение. Я с минуту стояла, озираясь и облизывая губы, тяжело дыша и упиваясь этим вкусом, потому что была просто ошеломлена им, это было сладостно, как мед или самый лучший шоколад на свете.

И я опустила голову и с чавканьем сожрала эту собачонку, подобно тому как нагибаешься к пицце и жадно поглощаешь ее. Боже мой, я *умирала с голоду*, так что мне было все равно, что мясо после того первого восхитительного укуса оказалось жестким и отвратительно пахнущим.

Я даже вылизала потом всю кровь с земли, не обращая внимания на то, что она была смешана с песком.

Той ночью я съела еще двух собак, одна была привязана бельевой веревкой на грязном дворе, забитом насквозь проржавевшими автомобильными деталями, а другая — толстый старый желтый пес, который громко сопел и слишком медленно двигался. Он был ужасно невкусный, а я к тому времени уже была сыта, так что поела совсем немного.

Я прогулялась по парку, поводя большим черным волчьим носом, и нашла скамейку, на которой мистер Грэнби каждый день сидит и кормит голубей, и ему наплевать, что никто больше не хочет, чтобы эти грязные птицы летали тут и обгаживали автомобили. Я сделала кучу на скамейку, прямо туда, где он всегда сидит.

Потом я пожелала заходящей луне доброй ночи: получилось переливчато — дикое «йоу-оу-оу!». И вприпрыжку поскакала домой, упруго пружиня толстыми подушечками на лапах и вывалив язык, и чувствуя себя просто супер.

Я проскользнула внутрь, взбежала по лестнице и в своей комнате остановилась посмотреться в зеркало.

Такая же великолепная, как прежде, и всего несколько пятнышек крови на шерсти. У меня было достаточно времени, чтобы вылизать их. Я немножко беспокоилась — в смысле, я думала, что вдруг прежняя жизнь не вернется, вдруг после того, как я убивала и ела в волчьем обличье, я теперь в нем навсегда и останусь? Ну что-то вроде того, как если бы вы забрели в заколдованный замок и съели или выпили там чего-нибудь, то все, вы уже никогда не сможете его покинуть. А вдруг, когда наступит утро, я не смогу превратиться обратно?

Ну, тут уж я все равно ничего не могла поделать, и, честно говоря, у меня было такое ощущение, что я не стала бы против этого возражать; оно того стоило.

Когда я привела себя в порядок и почистилась, вылизав в том числе и свой зад (и это в тот момент казалось мне вполне нормальным и правильным), я прыгнула в кровать, свернулась клубочком и тут же отключилась. Когда я проснулась, в глаза мне светило солнце и я снова была собой, в своем собственном обликс.

Было ужасно странно снова завтракать и влезать в свою старую трикотажную рубашку, которая на мне болталась, так что у меня в ней ничего особо не выпячивалось, а Хильда тем временем зевала и шаркала по дому в халате и шлепанцах и вела себя так, будто они с папой ничем таким и не занимались этой ночью, а я-то знала, что это не так.

И плюс к тому было совершенно ясно, что она не имеет ни малейшего представления о том, чем занималась *я*, и от этого у меня было странное чувство.

Одна из вещей, про которые все стараются не рассказывать, заключается, оказывается, в том, что, когда взрослеешь, у тебя появляется все больше секретов от родителей. И уж у меня теперь есть секрет так секрет!

Хильда обращается ко мне:

— Как, ты уже разделалась со сладким попкорном? Честное слово, Келси, мне за тобой не угнаться! И почему бы тебе не надеть в школу что-нибудь получше этой старой рубахи? О, понимаю: для маскировки, верно?

Она вздохнула и, подбоченившись, поглядела на меня вроде бы грустно, но с улыбкой.

— Келси, Келси, — продолжает она, — кабы у меня, когда я была девочкой, была хоть половина того, что есть у тебя, — а я была плоская, как гладильная доска, и из-за этого такая несчастная, я тебе даже передать не могу.

Она и сейчас худенькая и аккуратная, поэтому что она в этом может понимать? Но она говорила от доброго сердца, и в любом случае мне было слишком хорошо, чтобы спорить.

Однако рубашку я менять не стала.

В эту ночь я не обратилась в волчицу. Я лежала и ждала, но, хотя луна и взошла, ничего не изменилось, как я ни пыталась, и через некоторое время я встала, выглянула в окно и поняла, что луна больше уже не такая полная, — она начала убывать.

Я не столько вздохнула с облегчением, сколько огорчилась. Две недели спустя я купила в школьном книжном киоске календарь, посмотрела, когда следующее полнолуние, и с волнением ждала, что же будет.

Тем временем все шло как обычно. Мой подбородок облепили прыщи. Бывало, я смотрелась в зеркало и думала

о своем волчьем лице, покрытом красивой блестящей шерстью вместо прыщей.

Прыщи и я — мы вместе — пошли на вечеринку к Анжеле Дюркин, и на следующий день Билли Линден рассказал всем, что я закрылась в одной из спален в доме Анжелы и занималась там с ним любовью, чего и близко не было. Но поскольку никого из взрослых там тоже не было, а Жирный Джо притащил на вечеринку травку, большинство мальчишек обкурились и все равно не знали, кто, где и чем занимался.

Вообще-то однажды Билли действительно затащил после уроков девчонку из седьмого «Б» в гараж своих родителей, и вместе с двумя дружками они занимались с ней этим, пока она находилась в отключке от наркоты, или, во всяком случае, они так говорили, а ей, так или иначе, было слишком стыдно, чтобы кричать или сопротивляться, и немного погодя она поменяла школу.

Я узнала об этом точно так же, как и все остальные, потому что Билли — самый большой хвастун во всей школе и никогда не знаешь, врет он или нет.

Так что было бы не слишком удивительно, если бы кое-кто поверил тому, что Билли плел про меня. Джерри-Энн перестала со мной разговаривать после этого. Тем временем Хильда забеременела.

В итоге все это окончилось грандиозной речью насчет того, как Хильда волновалась из-за своих биологических часов, и вот они с папой решили завести малыша, и что я не должна беспокоиться, для меня это будет просто забава и хорошая подготовка к тому, чтобы самой потом стать матерью, когда я найду какого-нибудь хорошего парня и выйду замуж.

Ну конечно. Подготовка! Как у Мэри О'Хара из моего класса, которой вечно приходится менять пеленки своей младшей сестре, брр. Мэри подпучивает над всем этим, но уверяю вас, на самом деле она просто ненавидит свое превращение в няньку. Теперь, похоже, дошла очередь и до меня, как обычно.

Единственное, что делало жизнь сколько-нибудь сносной, — это мой секрет.

— Ты сегодня вообще никакая, — сказал мне однажды в столовке Девон Браун, когда Билли был особенно невыно-

сим, пытаясь кидаться от своего стола хлебными шариками, чтобы они угодили мне в грудь. Девон сидел со мной, потому что у него плохо с французским, единственным предметом, с которым у меня порядок, и я помогала ему разобраться с глаголами. Я думаю, он хотел узнать, почему я не расстраиваюсь из-за приставаний Билли. — Что случилось?

— Секрет, — ответила я, размышлая о том, что бы сказал Девон, если бы узнал, что разобраться с французскими словами *«волк»* и *«съесть»* ему помогает оборотень.

— Какой секрет? — не отставал он.

У Девона веснушки, и он довольно симпатичный.

— Это *секрет*, — говорю я, — поэтому я не могу сказать тебе, глупый.

Он напускает на себя важный вид и заявляет:

— Ну, значит, это недолго будет секретом, потому что девчонки хранить секреты не умеют, это все знают.

Ну да, как та девушка, Сара, из восьмого «Б», которую, как оказалось, собственный отец растлевал много лет, но она никогда никому про это не говорила, пока какой-то психолог не понял это по тестам, которые мы все должны проходить в седьмом классе. А до этого Сара хранила свой секрет очень даже хорошо.

А я хранила свой, вычеркивая дни в календаре. Единственное, чего я не ждала с нетерпением, так это месячных. В прошлый раз они начались прямо перед полнолунием.

Когда время пришло, у меня появились спазмы в животе, а на лице вскочили новые прыщи, но месячных не было.

Однако я изменилась.

На следующее утро в школе все говорили про пару принадлежавших Уэнскомбам породистых карликовых шнауцеров, которых кто-то утащил с их двора и растерзал, причем от бедняжек почти ничего не осталось.

Да, когда я услышала, как какие-то мальчишки болтают про то, что мистер Уэнскомб обнаружил в Бейкерс-парк собачьи останки, меня слегка затошнило. И еще я чувствовала себя немного виноватой, потому что миссис Уэнскомб действительно любила этих маленьких собачек, а я об этом как-то совершенно не подумала, когда была волком прошлой ночью и бегала, голодная, в лунном свете.

С этими шнауцерами я была знакома лично, поэтому сожалела о случившемся, хоть они и были надоедливыми и ужасно брехливыми собачонками.

Но черт побери, не надо было Уэнскомбам оставлять их на всю ночь на холоде. И во всяком случае, они богатые, они смогут купить себе новых шнауцеров, если захотят.

И все-таки. Я хочу сказать, собаки ведь всего лишь бессловесные животные. Если они становятся противными, то это потому, что их вот так вот держат на привязи или кто-нибудь делает их такими, и они тут ни при чем. Они не могут просто решить быть хорошими, как может человек. И плюс к этому не такие уж они вкусные, потому, думаю, что получают столько всякой дряни в этих разрекламированных собачьих кормах — и противоглистные добавки, и зола, и рыбная мука, и все такое. Брр.

На самом деле после второго шнауцера меня даже стало подташнивать, и я в ту ночь плохо спала. Так что начнем с того, что я была не в лучшем настроении; и именно в тот день, пока я занималась в спортзале, исчез мой новый лифчик. Позже мне передали записку, где его искать: он был приколот на доске объявлений возле кабинета директора, где все смогли разглядеть, что я пробую носить бюстгальтер с поддерживающими косточками.

Само собой, это, должно быть, Стейси Буль стащила лифчик, пока я переодевалась и стояла к ней спиной, потому что она теперь водит дружбу с Билли и его компанией.

Билли весь день расхаживал и во всю глотку предлагал заключить пари насчет того, когда я начну носить размер «D».

На Стейси мне наплевать, она просто ничтожество. А вот на Билли не наплевать. Он всю жизнь мне испортил в этой школе, с этим своим злобным умишком и большой поганой пастью. Теперь я уже больше не плакала и не лезла в драку, чтобы меня опять побили. Я просто кипела, достаточно он уже мне нагадил, и у меня возникла идея.

Я пошла к дому Билли и ждала на крыльце, пока не вернулась домой его мать. Она велела ему выйти поговорить со мной. Он стоял в дверях и разговаривал через натянутую в проеме противомоскитную сетку, жевал банан и лениво поглядывал по сторонам, будто ему ни до чего на свете дела нет.

И вот он говорит:

— Чего тебе, Сиськи?

А я немного заикаюсь, потому что ужасно волнуюсь, собираясь сказать такую чудовищную ложь, но от этого, наверное, у меня получилось только убедительнее.

Я сказала ему, что хотела бы заключить с ним сделку: я встречусь с ним сегодня вечером, поздно, в Бейкерс-парк, и сниму блузку и лифчик, и разрешу ему делать что угодно с моими грудями, если это удовлетворит его любопытство и он найдет кого-нибудь другого, чтобы приставать к нему, и оставит меня в покое.

— Чего? — переспросил он, уставившись на мою грудь с разинутым ртом. Голос у него сделался писклявым и слюни потекли до самого пола. Он не мог поверить своему счастью.

Я повторила еще раз.

Он чуть не выскочил на крыльцо, чтобы заняться этим прямо сейчас.

— Во блин, — говорит он, уже гораздо тише. — А чего ж ты раньше не сказала? Ты серьезно?

— Конечно, — говорю я, но смотреть ему прямо в глаза не могу.

Через минуту он заявляет:

— Ладно, по рукам. Послушай, Келси, если тебе понравится, так, может, мы потом повторим, а?

А я в ответ:

— Конечно. Только, Билли, одно условие: это секрет, только между мной и тобой. Если ты хоть кому-нибудь скажешь, если кто-нибудь будет сегодня ночью околачиваться рядом...

— Нет-нет, — торопится он, — я никому ни звука, честно. Ни слова, обещаю!

До того как это случится, имел он в виду, потому что если и есть что-нибудь, на что Билли Линден не способен, так это молчать, если он знает какую-нибудь гадость про другого человека.

— Тебе должно понравиться, я знаю, что понравится, — бубнит он, как всегда говоря за других. — Здорово. Даже поверить не могу!

Но он поверил, придурок.

В этот вечер я ела мало, потому что слишком волновалась, и рано ушла наверх делать уроки, так я сказала папе и Хильде.

Потом я дождалась луну, и, когда она взошла, я изменилась.

Билли был в парке. Я чувствовала его запах, запах пота и возбуждения, но держала себя в руках. Я немножко побродила вокруг, тихо, как умела — а это значит на самом деле бесшумно,— чтобы убедиться, что здесь не шастает никто из его дурацких дружков. Хочу сказать, что на его слово я бы не положилась даже за миллион долларов. Я наткнулась на половинку гамбургера, валявшуюся в канаве там, где кто-то останавливался перекусить рядом с Бейкерс-парк. Рот мой наполнился слюной, но мне не хотелось портить аппетит. Я была голодна и счастлива и мысленно напевала что-то вроде «Сахарный пирог и яблочный пудинг...»

Беззвучно, конечно.

Билли сидел на скамейке, руки в карманах, и вертелся, высматривая, не иду ли я — в моем человеческом облике — присоединиться к нему. Он был в куртке, потому что было очень прохладно.

Он даже не задумался, что, может быть, я могу оказаться человеком в здравом уме, а не настолько идиоткой, чтобы сидеть тут, раздеваться до пояса и остаться совсем голой на ветру. Но это же Билли, целиком зацикленный на себе, любимом, и ни капельки не думающий о других. Могу поспорить, единственное, о чем он мог думать: как это будет круто, потискать старушку Сиськи в парке и потом раззвонить об этом по всей школе.

Теперь он принялся расхаживать, пиная шляпки поливальных установок и время от времени быстро оглядываясь и угрюмо хмурясь.

Я понимала, какие мысли начинают крутиться в его головенке,— он думает, что я его обманула. Может, даже подозревает, что старушка Сиськи притаилась где-то рядом, смотрит на него и посмеивается, потому что он попался на ее удочку. Может, старушка Сиськи даже привела с собой кого-нибудь из ребят — полюбоваться на то, какой он дурак.

Вообще-то это могла бы быть хорошая идея, за исключением того, что, попытайся я это сделать, Билли, вероятно, снова сломал бы мне нос или сделал еще что похуже.

— Келси? — сердито окликнул он темноту.

Я не хотела, чтобы он оскорбленно потопал домой. Я придвинулась ближе и немножко пошуршала в кустах, раздвигая ветки плечом.

Тогда он снова заголосил:

— Эй, Келси, уже поздно, где тебя носит?

Я слышала его слова, но прислушивалась в основном к тому небольшому оттенку беспокойства, который мелькал в его голосе, то высоком, то низком, то низком, то высоком, пока он пытался сообразить, что происходит.

Я еле слышно зарычала.

Он замер, уставившись в кусты, и ошарашенно пролепетал:

— Келси, это ты? Отзовись...

Я просто обезумела, я не могла больше ждать ни секунды. Я проломилась сквозь кусты и стремительно кинулась на него.

Он отпрянул с воплем «Что ты!..», заслонив лицо руками, и уже набирал в грудь воздух, чтобы заорать, когда я врезалась в него, словно грузовик на гонках с выбиванием[1].

Я просунула нос мимо его хилых ручонок и яростно вгрызлась в его физиономию.

Он не издал ни звука, кроме влажного, невнятного бульканья, которое я скорее ощущала на вкус, чем слышала, потому что оно оказалось прямо у меня во рту вместе со струей его крови и горячим месивом из мяса и кожи, которое я рвала на куски и глотала.

Он дергался, бил меня, но я едва чувствовала удары сквозь густую шерсть. Я хочу сказать, что он уже не был таким большим и сильным, когда лежал на земле, а я стояла на нем, вся такая поджарая и жилистая от волчьих мускулов. И плюс к тому он был в шоке. Я почуяла, как сильно запахло снизу, когда он разом обделался и обмочился прямо в штаны.

[1] Соревнования, в которых гонщик должен выбить с трассы все остальные автомобили, в том числе путем лобовых столкновений.

Собаки лаяли, но столько людей вокруг Бейкерс-парк держат собак для защиты от грабителей, а собаки так часто поднимают шум, что на них никто не обращает никакого внимания. Это меня не беспокоило. В любом случае я была слишком занята, чтобы обращать на это внимание.

Я зарылась носом в то, что осталось от челюсти Билли, и перегрызла ему горло.

Пусть *теперь* попробует врать про людей.

С его одеждой пришлось повозиться, и мне ужасно не хватало рук. Однако я все же ухитрилась вытянуть его рубашку из-под ремня зубами, а вспороть ему пузо было легко. Вид не самый приятный, но, когда я за него принялась, это оказалось получше, чем обед в День благодарения. Кто бы мог подумать, что такая дрянь, как Билли Линден, может быть настолько *вкусной?*

К этому времени он едва шевелился, и я уже перестала думать о нем как о Билли Линдене. Я вообще перестала думать, я просто засовывала голову все глубже и отрывала восхитительные дымящиеся куски и ела, пока не подобрала все лакомые кусочки, а остальное не начало холодеть.

По пути домой я увидела полицейскую машину, патрулирующую район, как они это делают порой. Я спряталась в тень, и они, конечно, нипочем не увидели меня.

Утром пришлось долго заниматься стиркой, и, когда Хильда увидела мои простыни, она покачала головой и сказала:

— Тебе надо внимательнее следить за графиком своих месячных, чтобы они не заставали тебя врасплох.

В школе все были в курсе, что с Билли Линденом что-то случилось, но что именно, узнали лишь на следующий день. Ребята стояли небольшими кучками, обмениваясь слухами про то, как какой-то дикий зверь растерзал Билли. Мне хотелось подойти и послушать и добавить пару-другую по-настоящему отвратительных подробностей, как в игре, когда запугивают друг друга всякими ужасными и тошнотворными выдумками, чтобы посмотреть, кого первым вырвет.

Но не меня, это уж точно. Я хочу сказать, когда кто-то завел речь про то, что у Билли вся голова была обглодана до черепа, так что даже не могли понять, кто это, если бы

не бесплатный автобусный билет у него в бумажнике, меня лишь немножко замутило. Просто удивительно, чего только люди не выдумают! Но когда я подумала про то, что на самом деле сделала с Билли, мне пришлось улыбнуться.

Было совершенно замечательно ходить по коридорам и не слышать, чтобы кто-то заорал тебе: «Эй, Сиськи!»

И есть еще люди, явно не заслуживающие того, чтобы жить. Например, к Жирному Джо это тоже относится, если он не прекратит прижиматься ко мне в кабинете естественных наук, пытаясь меня пощупать.

Однако вот что забавно: теперь у меня вообще больше нет месячных. У меня лишь немножко тянет живот, побаливают груди, и я становлюсь более раздражительной, чем обычно, — а потом, когда, по идее, должно начаться кровотечение, я превращаюсь.

Так что у меня все хорошо, хотя теперь во время охоты в волчьи ночи я веду себя намного осторожнее. Я держусь подальше от Бейкерс-парк. Пригороды тянутся на многие мили, и там полно мест, где можно поохотиться и успеть вернуться домой к утру. Бегущий волк способен покрывать большие расстояния.

Я внимательно слежу за тем, чтобы убивать только там, где можно спокойно поесть, чтобы никакая полицейская машина не застала меня врасплох, как это легко могло случиться в ту ночь, когда я убила Билли. Я так увлеклась едой в тот первый раз! Теперь я гораздо осторожнее и, поедая свою добычу, всегда начеку.

Хорошо, что это бывает только раз в месяц, и всего на пару ночей. Меня уже окрестили «Убийцей в полнолуние», и, похоже, я держу в страхе весь штат.

В конце концов, думаю, мне придется куда-нибудь уехать, что меня вовсе не радует. Если я сумею продержаться до того времени, когда смогу иметь собственную машину, жизнь станет намного проще.

А между тем в некоторые волчьи ночи мне совсем не хочется охотиться. Обычно я не так голодна, как бывало в первые разы. Я думаю, что аппетит должен кониться довольно долго. Иногда я просто рыскаю по окрестностям и бегаю, боже мой, как я бегаю!

Если я голодна, то порой ем из помоек, вместо того чтобы убить кого-нибудь. Это не слишком весело, но ко всему привыкаешь. Я не против помоек, если время от времени могу добыть замечательное парное мясо, вкусное и сочное. Люди могут быть просто ужасно противными, но они все равно очень вкусные.

Я ведь разборчива. Я выискиваю людей, прячущихся в ночи, как Билли в парке в тот раз. Я так полагаю, что, выходя на улицу в такой час, они просто ищут себе неприятностей, так кто же виноват, если они их находят?! Я сделала для решения проблемы мелкой преступности в Бейкерс-парк больше, чем сотня дурацких сторожевых псов, уж можете мне поверить.

Джерри-Энн не только снова разговаривает со мной, но даже пригласила меня пойти с ней на свидание вчетвером. Какой-то парень, с которым она познакомилась на вечеринке, пригласил ее, а у него есть друг. Они оба из средней школы Фосетт, что на другом конце города. Я очень нервничала, но в конце концов сказала «да». В следующий уикэнд мы идем в кино. Мое первое настоящее свидание! По правде говоря, я и теперь ужасно волнуюсь.

На Новый год я дала себе два торжественных обета.

Один — что начиная с этого дня не буду переживать из-за своей груди, не буду стесняться, даже если парни станут на нее таращиться.

И второй — что никогда больше не буду есть собак.

КИМ НЬЮМАН

Ночью, в сиянии полной луны...

Ким Ньюман (Kim Newman) — одна из восходящих звезд на небосклоне фантастики. Написанный им в 1993 году роман «Анно Дракула» (Anno Dracula), начало которому положила новелла, сочиненная для антологии «Вампиры» (The Mammoth Book of Vampires), стал бестселлером по обе стороны Атлантики и вызвал большой интерес у кинематографистов.

В прошлом полупрофессиональный музыкант (играл на казу[1]) и актер кабаре, Ким Ньюман сделался теперь «свободным художником» — писателем, кинокритиком и телеведущим. Его перу принадлежат такие работы, как «Фильмы ужасов: критический обзор с 1986 года» (Nightmare Movies: A Critical History of the Horror Film Since 1986), роман ужасов «Страшно аж жуть» (Ghastly Beyond Belief), написанный совместно с Нилом Гейманом и удостоенный премии Брэма Стокера (Bram Stoker Award), «Ужасы: 100 лучших книг» (Horror: 100 Best Books), созданный в соавторстве со Стивеном Джонсом, и «Фильмы о Диком Западе» (Wild West Movies). Среди других его произведений — «Во сне» (In Dreams), созданный при участии Пола Дж. Макоули, «Ночной мэр» (The Night Mayor), «Дурные сны» (Bad Dreams), «Яго» (Jago), «Кворум» (Quorum), «Кровавый Красный Барон» (The Bloody Red Baron) и другие, а также целый ряд приключенческих книг под псевдонимом Джек Йовил. Недавно в свет вышли два новых сборника рассказов «Необыкновенный доктор Тень и другие рассказы» (The Original Dr Shade and Other Stories) и «Знаменитые чудовища» (Famous Monsters).

Автор поясняет: «Написав замысловатую историю про вампиров для антологии „Вампиры", я обдумывал идею создать что-нибудь не менее выдающееся и про оборотней и испытал внезапный приступ вдохновения, услышав музыкальную тему из песни Зорро в исполнении „Cordettes"[2], откуда и взято это название. Я должен также воздать должное трем бесценным книгам, давшим возможность выкристаллизовать-

---

[1] Казу – старинный духовой инструмент.

[2] Популярная панк-группа.

ся моим мыслям насчет Лос-Анджелеса, истории Калифорнии и Зорро: это „Кварцевый город: раскопки будущего в Лос-Анджелесе" (City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles) Майка Дэвиса, „К северу от Мехико: испаноязычные обитатели Соединенных Штатов" (North from Mexico: The Spanish Speaking People of the United States) Кэри Макуильямса и „Сказание о Зорро" (The Legend of Zorro) Билла Йенна».

Учитывая энциклопедические познания и эклектические вкусы автора, тех читателей, кто уже знаком с трудами Ньюмана, не удивит то, как мастерски он соединил легендарного головореза и зловещие уличные беспорядки в Лос-Анджелесе в рассказе о мифическом оборотне...

Угнетение — благодаря самой своей сущности — порождает силу, которая сокрушает его. И поднимается на борьбу защитник — защитник угнетенных.

Знак Зорро (1920)[1]

I

— Стью, — начал Гарсиа, — как насчет такой вот *классной идеи?*

Эта идея так и выпирала из-под его полицейской фуражки, превращая внутреннюю сторону ветрового стекла в серебристо-черное зеркало.

— Есть два копа в Восточном Лос-Анджелесе, парень... — Гарсиа ухмыльнулся полисмену по имени Скочмен, не отрывавшему глаз от дороги, а рук — от руля. — ...и они на самом деле *оборотни...* — Полицейский Гарсиа, наполовину испанец, развернулся на переднем сиденье патрульной машины. Вывернув шею, он оглянулся на Стюарта, довольно поблескивая недобрыми черными глазками. — ...а называется вся эта фигня...

Патрульная машина перевалила через «лежачего полицейского», и желудок Стюарта, расстроенный после перелета сквозь несколько часовых поясов, сжался.

---

[1] Фраза из первого полнометражного фильма о Зорро, с Дугласом Фэрбенксом в главной роли. — *Прим. ред.*

— *«Патрульная машина»*.

Может, это был вовсе не «лежачий полицейский». Может, что-то другое валялось на дороге.

Гарсиа хихикал над этой своей отличной идеей, твердя предполагаемое название, словно мантру. Стюарт пожал плечами в сумраке своего заднего сиденья, но сидящие впереди копы его практически не видели. Бесстрастное отражение лица Скочмена скользнуло по ветровому стеклу, когда машина проезжала под одним из редких горящих уличных фонарей.

Когда Гарсиа в первый раз представил ему второго полицейского, Стюарт решил, что он сказал: «Шотландец, мужчина». Наверняка Скочмен[1] подумал, что его ненормальный напарник-киношник, да к тому же еще прибывший из Англии — просто придурок.

— Как тебе это, Стью? Как думаешь, пройдет это в Пеории?[2]

Стюарт снова пожал плечами. За прошлую ночь Гарсиа выдал ему идеи для доброй дюжины фильмов. Фильмов про копов.

— Забирай ее для «Нью фронтир», парень, — настаивал Гарсиа. — *«Патрульная машина»*, парень! Кино про копов-оборотней. Это будет круто. Можем писать на пару. *Коллаборация*, парень. Доход пополам.

Гарсиа завращал глазами, словно комический чикано[3], которого он строил из себя, когда никого не бил. Потом завыл на луну. Она этой ночью была почти полная, до правильного диска не хватало лишь узкой полоски.

Коп носил усы, как у Чича Марина[4], но он был куда более щуплым, чем Чич и Чонг. Ручищи у него были огромные, как у Попая[5]. Лишь в кевларовом пуленепробива-

---

[1] Scotchman *(англ.)* — шотландец.

[2] Одно время город Пеория считался настолько типичным американским городом, что, когда политики решали, насколько популярным будет тот или иной шаг, они часто задавали вопрос: «А пройдет ли это в Пеории?» («Will it play in Peoria?»). — *Прим. ред.*

[3] Чикано — американец мексиканского происхождения.

[4] Чич Марин (Cheech Marin) — американец мексиканского происхождения, комедийный актер, получивший популярность, участвуя в комическом дуэте Чич и Чонг. — *Прим. ред.*

[5] Попай — персонаж комиксов и мультфильмов.

емом жилете тело его выглядело пропорционально сложенным и могучим, как у Шварценеггера.

— Кино про копов-оборотней, парень. Истории про человека-волка все любят. Особенно когда тот воюет со святошами. Вот это класс, парень. Скочмен, а на тебя полнолуние действует?

Скочмен скосил на него глаза и вновь уставился на дорогу. Его отражение в стекле было срезано тенью, и лишь глаза сверкали на затемненной верхней части лица. Он был похож на Бэтмена.

Или на Зорро.

Волосы его были собраны на затылке в конский хвост, как у Стивена Сигала, и тот, казалось, так стянул кожу, что лицо стало плоским и неподвижным, будто морда ящерицы. Полицейский старался выглядеть как можно страшнее. Ему довелось хлебнуть горя и испытаний и, как говорится, побывать на дне.

Это была вторая ночь из трех недель, которые Стюарту предстояло провести вместе с Гарсиа и Скочменом, патрулируя их район. У полиции Лос-Анджелеса были хорошие отношения с «Нью фронтир»; и Рэй Калм, так называемый директор студии, сумел организовать эту стажировку без всякого труда.

Как обычно, у всей встречающей делегации отвисли челюсти, когда английский писатель оказался чернокожим, но это быстро прошло. Большинство встретившихся Стюарту до сего времени копов были или неграми, или латиноамериканцами, или азиатами. Шефом городской полиции только что впервые был назначен японец Ясугиро Рюи. Белые, лосанджелесцы действительно европейского происхождения, были в меньшинстве, они забаррикадировались в безопасных анклавах, укрывшись за табличками «Стой, стреляю», понатыканными посреди газонов.

Машина тихо скользила по темным улицам. У Стюарта было ощущение, что люди так и разбегаются от них прочь. Все дома были изрисованы, и у каждого квартала граффити имели свой стиль. Слои бесчисленных перекрывающихся каракулей накладывались друг на друга. Некоторые называли это искусством, но Стюарту этот разноцветный хаос

представлялся холстом, на котором столько раз расписывались, что не осталось места для картины.

Предполагалось, что он собирает материал для сценария «Крадущаяся тень». В книге (смотрите в кинотеатрах в следующем сезоне!) действие происходило в районе дешевой, муниципальной застройки на севере Лондона, но в кино (в этой фигне, как сказал бы Гарсиа) события было решено перенести в Энибаррио, США. И теперь Стюарт, он же — автор, изучал, как выглядят американские трущобы изнутри. Его бы вполне устроило провести уик-энд с пленками «Boyz N the Hood», «South Central» и парой-другой документальных программ Государственной службы радиовещания о социальных проблемах в Лос-Анджелесе и на том успокоиться. Именно так он и писал свой роман.

Скочмен сбросил скорость, сворачивая с Ван-Несс-авеню. Возле забаррикадированного винного магазина стояли подростки в ярких куртках, переговариваясь на чем-то вроде языка жестов. Даже сквозь армированные стекла Стюарт слышал беспощадный ритм скретч-рэпа[1] из их стерео. Гарсиа вытянул шею, вглядываясь в лица, но Скочмен, казалось, вовсе не посмотрел на них. У этого белого копа была не голова, а компьютер по части портретов преступников и числившихся за ними грехов.

Скочмен повел глазами, не поворачивая головы. Ничего достойного внимания. Мальчишки были черные или полукровки, и у всех у них на одежде были знаки, по которым даже Стюарт мог определить их принадлежность к той или иной банде. Дома, в Британии, он слышал про Уродов и Кровавых, но они уже устарели, давно раскололись на другие группки, вытесняемые новыми волнами этнических и криминальных сообществ. Выслушанная им прошлой ночью лекция о названиях, одежде и нравах лос-анджелесских банд оказалась запутанной и нудной, как доклад о распаде Австро-Венгерской империи.

Стюарт понимал, что должен был бы писать сейчас очередной роман, сидя в своем лондонском уютном кабинете,

[1] Скретч-рэп (scratch-rap) -- букв.: «царапающий, рваный». – *Прим. ред.*

а не таскаться по всей этой Огромной Автостоянке (именно так выглядел с воздуха Лос-Анджелес, когда он впервые увидел его) ради того, чтобы хоть ненамного увеличить прибыль компании по производству ковбойских фильмов, пытающейся выжать некое подобие кассового фильма из «Крадущейся тени» (спрашивайте на видео в следующем сезоне!).

В этом году чернокожие писатели были в моде; даже компании, стоящей в пищевой цепочке Голливуда столь низко, как «Нью фронтир», следовало прикупить себе такого. Негр и британец сразу — это был совсем новый поворот; Рэй Калм поздравлял себя с тем, что сумел заполучить этакую живую диковину в лице Стюарта Финна.

Стюарт вздохнул, вспомнив, как Раймонд Чандлер, один из его кумиров, однажды сказал: «Будь мои книги хуже, меня бы не пригласили в Голливуд. Будь они лучше, я бы туда не пошел».

По крыше вдруг что-то ударило. Внутренние механизмы патрульной машины загудели, словно колокол.

— Пиф-паф, парень, — рассмеялся Гарсиа. — Уличный обстрел. Проверь-ка, что там, Стью.

Стюарт провел рукой по крыше. Она была накрыта бронированным листом с утончениями и перфорированной пенорезиной.

— Можешь нащупать вмятину?

Стюарт не мог.

— Что это было? — спросил он.

— Стальной шарик, — ответил Скочмен. — Мальчишки пуляют ими из ручных катапульт, типа миниатюрных арбалетов. Обычно охотятся на птиц, если прицелиться в щиток, можно продырявить стальной защитный шлем. Эта штука пробивает череп, как грецкий орех мокрую рисовую бумагу.

— Чертовы сопляки, — сказал Гарсиа, впрочем довольно миролюбиво.

— Кто-то обстрелял нашу машину?

— Ну, пока нет следов, это не стрельба. Некогда заниматься писаниной.

Похоже, ни одного из копов это нападение не обеспокоило. Стюарт был уверен, что лондонский полисмен еще как бы отреагировал, запусти кто-нибудь в него стальной

штуковиной со смертоносной силой. Здесь другая культура; он должен примечать все это, пока не узнает ее достаточно хорошо, чтобы перевести «Крадущуюся тень» на ее язык.

Скочмен оценивающе приглядывался к крышам одноэтажных домов, стоящих вдоль улицы. Мальчишка с катапультой, само собой, был где-то там, наверху. Может, это и не стоило упоминания в рапорте, но коп, несомненно, был зол. Одной прекрасной ночью он с ними поквитается.

Благодаря смене часовых поясов Стюарт вполне приспособился к патрульной жизни. Он был бодрым по ночам и сонным днем, как и полицейские. Только чувствовал себя при этом довольно паршиво.

— А у вас там в Англии есть кварталы? — спросил Гарсиа.

Кварталы? Ах да, жилые микрорайоны. Муниципальные дома.

— У нас есть кварталы.

— Как в твоей книжке?

— Ну да.

— Классная книга, парень.

Узнав, что его напарником будет писатель, Гарсиа прочел «Крадущуюся тень». Стюарту, до полусмерти замученному интервью после выхода книги, нечего было добавить насчет своего романа, но Гарсиа продолжал все время заводить о нем разговор:

— Круто, парень. Как, говоришь, назывался тот массив, Бриджуотер-Фарм?

— Бродуотер.

— Да, неслабо.

— Еще бы.

На самом деле Стюарт лишь четыре раза в жизни слонялся от нечего делать по Бродуотер-Фарм, когда ездил с родителями в гости к своим дядюшке и тетушке. Осенью это место было скорее скучным, нежели опасным. Мальчишки потешались над его школьной формой, но и только. Ни пистолетов, ни ножей, ни стальных шариков. Стюарт лишь заметил, что во всех бетонных загородках для мусора контейнеры когда-то горели и были затушены, остались только пятна копоти и густой грязи. Он использовал это в «Крадущейся тени».

— Как тебе это нравится, Скочмен? У них там в Англии есть *баррио!*[1] Убийства из проезжающих автомобилей. Гангстеры, притоны, беспорядки. Весь набор. И про все это есть в книжке Стью. Прочитал бы, парень.

Скочмен, читавший исключительно сводки преступлений, ничего не ответил.

В «Крадущейся тени» речь шла про убийства в северном районе Лондона. Главным героем был молодой чернокожий полисмен (удобное альтер эго самого автора, как все справедливо отмечали), который понимает, что убийца не просто какой-то псих, а некое сверхъестественное воплощение всех социальных страданий на всей земле. Это был не совсем триллер, скорее описание жизни в зашедшем в тупик в конце двадцатого века Соединенном Королевстве. Рэй Калм увидел в нем историю о том, как молодые (и, соответственно, более дешевые актеры) Уэсли Снайпс или Дензел Вашингтон ловят и убивают поганого ублюдка — монстра. Стюарт признавал, что, конечно, можно прочесть это и так, но надеялся сохранить в сценарии хоть часть прежнего смысла.

— Там, откуда Стью, такая же дыра, как наши Джунгли, парень, — заявил Гарсиа. — Просто со своими тараканами...

Стюарт не стал говорить, что его отец был врачом в Бате[2], а сам он — приходящим учеником частной школы. В «Sexey's» (да, это было настоящее название) училась уйма негров и азиатов; членов королевских фамилий или сынков армейских офицеров из Третьего мира, стремительно поднявшихся благодаря дворцовым переворотам.

Нельзя, однако, сказать, что там было легко. Он всегда мечтал учиться в общеобразовательной школе в каком-нибудь бедном районе. По крайней мере тогда, возможно, он не оставался бы до сих пор двадцатитрехлетним девственником.

— Настоящие беспорядки в Британии, парень! — с чувством разорялся Гарсиа. — Убивают копов точно как здесь. Стью, во время последней заварушки в Лос-Анджелесе нас

[1] Баррио — район большого города, населенный преимущественно латиноамериканцами. — *Прим. ред.*

[2] Бат — город на западе Англии (на р. Эйвон), престижный курорт.— *Прим. ред.*

с Скочменом окружили в Джунглях. Толпа перевернула машину, начала бить ногами по окнам... — Он постучал костяшками пальцев по армированному стеклу. — Только они не смогли разбить их. Попытались добраться до бензобака, чтобы поджарить нас, а там пуленепробиваемая пробка с цифровым замком. В конце концов им надоело, и они убрались прочь. Но Скочмен — он запомнил их лица.

Стюарт был членом общества Чарли Азиза, основанного в память о пакистанце, убитом при аресте. Они пытались вытащить из тюрьмы ребят, угодивших туда по сфабрикованным обвинениям в нападении на офицеров полиции. Он подписывал ходатайства и сочинял письма своему члену парламента, но порицал более активные действия. Когда одного из членов общества заподозрили в том, что тот подбросил самодельную бомбу в отделение полиции, он лично написал резолюцию, призывавшую к его немедленному исключению и осуждению.

— Мы наткнулись потом кое на кого из тех уродов. Скочмен, он заставил их раздеться догола и топать по коридору, насвистывая мелодию из шоу Энди Гриффита[1], а мы с ребятами лупили их резиновыми фонарями, парень. Поквитались что надо.

Стюарт слышал такие же истории про лондонскую полицию, только там, по-видимому, заставляли насвистывать что-нибудь из «Dixon of Dock Green»[2]. Жуткий международный полицейский обычай.

— Здесь Джунгли, парень,— гордо заявил Гарсиа.— А мы *звери*. Короли Джунглей. Должны быть ими, чтобы выжить. Вставь это в свой сценарий, парень. Дай тому копу когти, что режут, как бритва, и рык, от которого у злодеев кровь стынет в жилах. Как у нас.

Если уж не писать сценарии для кинофильмов, Гарсиа хотел бы играть в них. Он сказал, что стал копом потому, что первое, что он помнит из телевидения,— Эрик Эстрада

---

[1] Шоу Энди Гриффита — популярный комедийный сериал.

[2] Популярный английский сериал 1960-х годов, в котором полисмены изображались как «добрые друзья» всех граждан. Характерный стиль речи полисменов «Dixon of Dock Green» — фамильярно добродушный: «Привет, друзья, ну и что же тут происходит?» и т. д. — *Прим. пер.*

в CHIP'S[1]. А у Стюарта это были повторы «Фолти Тауэрс»[2].

Патрульной машине был предписан определенный маршрут, но Скочмен вел ее по другому, выбираемому им наугад. Он объяснял это тем, что в джунглях важно быть непредсказуемым, поэтому он и движется своим собственным курсом. Они начинали патрулирование и заканчивали его там, где и полагалось, наведывались по пути в определенные места, но в остальном было множество отклонений от маршрута, которые Скочмен делал, укладываясь при этом в общий график. Он, разумеется, называл его *трафик*.

Они объезжали Лос-Анджелес по квадратам, захватывая как можно больше боковых улочек.

Названия, звучавшие экзотично для Стюарта, когда он находился в родном Бате (Сепульведа, Пико, Фигероа), обернулись на деле не поддающимися описанию улицами, тянущимися на мили, во всех отношениях похожими на Сурбитон-Хай-стрит, только здесь было больше пальм и меньше пешеходов. Их маршрут пролегал в стороне от этих названий, он тянулся от Даунтауна до Юго-Запада, через спорную территорию, именуемую Джунглями. Обитателями ее были в основном чикано, вытеснившие бóльшую часть негров. Гарсиа сказал, что на подходе волна корейцев. Хотел бы Стюарт знать, куда подевались вытесненные.

Переулки большей частью были темными, с разбитыми фонарями и магазинами, прячущими окна за сплошь изрисованными граффити стальными ролл-ставнями. Скочмен поехал медленнее, и Стюарт почувствовал, как хрустят под армированными шинами заграждения на манер шипастых шаров. Дороги были совершенно неухоженные, гораздо хуже, чем в Британии.

Слева взвился вверх огромный ставень гаража, будто его разом сорвали, и из этой пробоины во мраке хлынул свет.

---

[1] Эрик Эстрада (р. 1949) — актер латиноамериканского происхождения, снявшийся в фильме «Дорожная полиция» (CHIP'S — от California Highway Patrol). Фильм завоевал широкую популярность, и Эстрада снялся еще в нескольких фильмах про полицейских.

[2] «Фолти Тауэрс» — популярный комедийный английский сериал о повседневной жизни персонала и жильцов гостиницы «Фолти Тауэрс».

Стюарт вздрогнул: это напомнило ему крышки, откидывающиеся кверху над орудийными батареями пиратского корабля, перед тем как последует залп из всех пушек разом.

Блестящий черный фургон быстро выкатился наружу, пересекая двор перед домом с плавной стремительностью пантеры. Выворачивая на улицу, фургон слегка *задел* носовую часть патрульного автомобиля. Скочмен тормознул, и зубы Стюарта лязгнули.

Гарсиа скороговоркой выругался по-испански.

Фургон скользнул в ночь, разом скрывшись из виду. Благодаря зеркальным стеклам и светоотражающей окраске тьма просто поглотила его. Никакого номерного знака на нем Стюарт не заметил.

— Погонимся за ним? — предложил он.

Ни один из копов не ответил. Свет из гаража по-прежнему заливал их машину.

— Надо бы выйти взглянуть на повреждения, — сказал наконец Гарсиа.

Скочмен кивнул. Он открыл водительскую дверь и выбрался наружу, небрежно опустив руку на пистолет.

— Оставайся тут, Стью, — бросил Гарсиа, также покидая машину.

Стюарт разозлился. Отсиживаясь на заднем сиденье, он не многое узнает, когда захватывающие события происходят снаружи. И в то же время он не был уверен, так ли сильно ему хочется знать, что произошло в гараже.

Копы осматривали задетый фургоном капот. Они оживленно переговаривались, может, даже спорили, но Стюарт не умел читать по губам. Он взглянул на гараж. Тот был ярко освещен, и желтый свет заливал двор. На желтом фоне виднелись красные струйки, и он понял, что дело дрянь. Зная, что еще пожалеет об этом, он открыл дверь и вылез из машины.

II
Из «Песен» Диего

Я родился в дне пути, как тогда измеряли расстояния, от *Эль Пуэбло де Нуэстра Сеньора де ла Рэйна де лос Анд-*

желес де Рио Порциункуло[1]. Моя мать была индианка, отец — иезуит. Женаты они, разумеется, не были. Подобные вещи происходили сплошь и рядом и казались в порядке вещей в нашем забытом богом и людьми уголке империи.

Мой отец окрестил меня Диего и в конце концов, правда нехотя, дал мне свою фамилию. Мать называла меня Лис, в честь своего тотемного зверя. Возможно, вы слышали обо мне под именем, являющимся испанским переводом моего индейского прозвища, *Зорро*.

Это было в 1805 году; за пять лет до Грито де Долорес, когда отец Идальго-и-Костилья[2] призвал к восстанию против испанцев; за шестнадцать лет до конца владычества Мадрида над Мексикой; за сорок три года до того, как по договору Гуадалупе-Идальго[3] Калифорния отошла к Соединенным Штатам; за сорок пять лет до обретения этой территорией статуса штата...

Даже просто проживи я отмеренные мне годы, выпавших на мою долю событий любому хватило бы с лихвой. Но случилось так, что мы — история и я — так сплелись воедино, что стали неотделимы друг от друга.

Моя история не повесть, как рассказывают ее англосы[4], — это корридо[5], песня. Давно перестало иметь значение, что в ней правда, а что нет. С самого начала я был легендой в той же мере, что и живым существом. Зачастую я и сам терял себя внутри этой легенды.

Иногда я — Диего, скрывающийся под маской Лиса; порой я — Лис, таящийся внутри Диего. И в этом правы ваши глупые фильмы. Больше, пожалуй, ни в чем.

---

[1] El Pueblo de Nuestra Señora de la Reina de los Ángeles de Río Porciunculo *(исп.)* — Город Богоматери, Царицы ангелов на реке Порциункуло — название первого испанского поселения на месте нынешнего Лос-Анджелеса.

[2] Мигель Идальго-и-Костилья — священник приходской церкви, в 1810 году возглавил восстание против испанцев, которое окрестили Грито де Долорес.

[3] Договор Гуадалупе-Идальго — американо-мексиканский договор о мире, дружбе и границе (1848). Оформил завершение войны между США и Мексикой.

[4] Англос (Anglo) — американец английского происхождения или белый американец нелатинского происхождения.

[5] Corrido *(исп.)* — сказание или поэма о бедном человеке, романс, народная песня.

Я был рожден если не испанцем, то латиноамериканцем, а умру если не англо, то американцем. В преданиях меня представляют одним из рико[1], который с напыщенным видом слоняется вокруг гасиенды[2] в нелепых, пышных, расшитых одеждах, скачет по возделанным пеонами[3] землям на чистокровном кастильском жеребце да изящно дерется на дуэлях толедским клинком. Такие мужчины встречались реже, чем хотелось бы рассказчикам, и их нечасто доводилось увидеть. Я был из побре[4], из тысячи тех безымянных, кто рождался, всю жизнь копался в земле, и если не умирал от голода, побоев, насилия, то тихо сходил в свою красную глинистую землю.

От рико остались имена (их и доныне носят улицы этого города), но побре исчезали с лица земли, не оставив после себя даже памяти.

Кроме меня.

Старец изменил меня. Я понял это в тот же миг, как он в последний раз коснулся моей руки, и это было подобно удару молнии. Я подумал, что умер, но остаюсь в своем теле, как в западне. Я ощущал тяжесть своих рук и ног, но не мог заставить их двигаться. Потом я понял, что тело мое просто обрело непривычную форму. Немного сконцентрировавшись, я смог двигаться.

Я стал другим.

С раннего детства я гнул спину на полевых работах, руки мои сражались с землей и камнем. Боль стала такой же частью моего тела, как привкус слюны во рту. Теперь боль исчезла. Впервые я получал удовольствие от движения. Даже просто поднести руку к лицу доставляло мне радость.

На фоне неба я увидел свою руку с длинными пальцами и острыми когтями. Она была темной и покрыта редкой шерстью. Кости указательного пальца горели от боли. Мой палец удлинялся, суставы хрустели. Посмотри, у меня ука-

---

[1] Rico *(исп.)* — богач.

[2] Имение, плантация и т. п. в Испании и Латинской Америке.

[3] Пеон — крестьянин в Южной и Латинской Америке.

[4] Pobre *(исп.)* — бедняк, нищий.

зательные пальцы такой же длины, как средние. Это часть той старой истории.

Я больше не чувствовал ночного холода. Одежда на мне где-то стала тесной, где-то болталась, и она нестерпимо мешала мне. Я взглянул на полную луну и увидел не привычный серебряный диск, но светящийся шар, сияющий ярче солнца, переливающийся всеми цветами радуги.

Оглядевшись, я заметил, что тьма рассеялась. Каждый камень, каждая травинка были видны отчетливо, словно при застывшей вспышке молнии. Яркие движущиеся фигурки оказались разными животными. Я видел всякое движение не хуже, чем цвет, и сумел заметить серого кролика, который днем, должно быть, прятался в невысоких кустах такого же цвета.

Я разорвал на себе рубаху, моя густая шерсть поднялась дыбом, когда ночной воздух коснулся загрубевшей кожи, и погнался за кроликом. Зверек двигался медленно, как грязевой поток, я же был быстр, как ястреб.

Быстр, как лиса.

Кроличья кровь была точно перец, опаливший мне язык, точно сок пейотля[1], воспламенивший мой мозг. Мои мощные челюсти с рядами острых зубов способны были разгрызать кости; рот был достаточно велик, чтобы покончить с этим кроликом в три глотка.

Меня захлестнул океан образов, и запахов, и вкусов. Я был затерян в новом мире. Я мог стоять, распрямив спину, как никогда не мог днем, и мог быстро бежать на четырех лапах, высекая когтями искры из камня.

Старец лежал в лунном свете — высохшее тело, конечности как черные палки. Индеец, который, как сказала моя мать, принадлежал Народу, Жившему До Нашего Народа. Казалось, он уже был похоронен в пустыне и целую вечность спустя выкопан из земли. Кожа на его лице превратилась в пергамент. Хотя он был мертв всего несколько мгновений, выглядел он так, будто жизнь покинула его много сотен лет назад.

---

[1] Пейотль — вид кактуса, распространен в местах проживания многих индейских племен запада США и имеет наркотическое действие.

Когда он умер, что-то перешло от этого уставшего старика ко мне. Я, Диего, бежал под луной и сражался с другим зверьем за добычу. Скоро я стану сражаться со зверьем за мой народ.

III

Тонкий голубой дымок гипнотизирующе вился под фонарями. Густой запах обжигал ноздри Стюарта и глаза, словно слезоточивый газ.

Педантичный редактор из «Реал Пресс» не велел ему употреблять название «бездымный порох» (это вещество вышло из обихода), но не смог предложить взамен другого, более современного названия для того непередаваемого запаха, которым воняют выстрелившие ружья. Это было нечто, чего Стюарт никогда не нюхал прежде, это уж наверняка.

В гараже оказалось полным-полно людей. Не было даже ни малейших сомнений насчет того, что все они мертвы. Дальняя стена вся была в щербинах от пуль и в ярких брызгах крови. У стены в ряд лежали молодые мужчины, безвольно разбросав руки и ноги, уронив на грудь головы с изумленным выражением на лицах. Именно так обычно предлагал решать трудовые споры папаша Стюарта — их поставили к стенке и расстреляли.

Естественно, Стюарт тут же сложился пополам и исторг из себя пончики с кофе. В подобных случаях его желудок бывал весьма предсказуем.

Когда Гарсиа и Скочмен нашли его, он стоял на коленях и кашлял над лужицей полупереваренной пищи. С уголков его рта свисали струйки прозрачной горькой слюны. Голова кружилась.

Скочмен присвистнул, Гарсиа выругался.

Стюарт закрыл глаза, но его мысленный фотоаппарат продолжал выдавать моментальные снимки. Окровавленные дыры на ярких куртках, развороченное и сочащееся кровью их мясистое содержимое. Кровавые мазки крест-накрест, будто пальмовые ветви на бетонном полу. Один из людей, совсем мальчишка, висел на цепях, и не просто по пояс голый, но и почти без мышц, до самых костей.

— Этого идиота обрабатывали отдельно, — заметил Скочмен.

Висящий в цепях парень был пухлым; с его освежеванного туловища свисали складки жира. В Стюарте веса было примерно на полстоуна[1] меньше, чем в нем.

Его желудок снова вывернулся наизнанку, но внутри уже ничего не осталось.

— Стью, приятель, — сказал Гарсиа беззлобно, — утрись.

Стюарт нашел носовой платок и вытер мокрое лицо. Потом, облизывая губы, попытался избавиться от отвратительного привкуса во рту.

Теперь, когда его перестало тошнить, пришло время испугаться.

Когда он открыл глаза, все было уже не так плохо. Он сказал себе, что это просто спецэффекты. В кино он видел и похуже.

Руки висящего мальчишки были вывернуты кверху, наверное, выбиты в плечевых суставах, судя по натянутым сухожилиям, и прикованы к цепи над его головой. Запястья были скреплены вместе, словно банки с пивом, неразъемными пластиковыми наручниками. Кто бы ни сотворил с ним это, они знали, что делают.

Скочмен шепотом докладывал в мини-рацию, мельком взглядывая на каждого из мертвецов. Он упомянул, что всем юнцам был сделан контрольный выстрел в голову. Вот откуда такое месиво. Гарсиа рыскал вокруг. Он нашел кое-что из автоинструмента и целый набор каких-то химикатов.

— Похоже на зонк-притон, парень.

Зонк был новейшей синтетической разновидностью наркотика, получаемого из кокаина. Он поступал в город в мягких круглых пластиковых контейнерах, вроде упаковок для кетчупа в виде помидора. Всего одна маслянистая капля на язык обладала силой десяти доз. Искушенные ценители зонка предпочитали закапывать его в нос или в глаза. Не так давно шеф полиции Рюи торжественно провозгласил войну зонку.

Перебив команду изготовителей зонка, убийцы изрешетили из пистолетов и их оборудование. Химическая посуда

[1] Стоун — мера веса, равная 14 фунтам, или 6,34 килограмма.

была побита, от нее едко пахло. Лужицы разноцветных реактивов перемешались и дымились на поверхности стола.

— Небольшой сувенир, — прокомментировал Гарсиа, со щелчком открывая глубокий «самсонит»[1] и демонстрируя плотно уложенные упаковки с зонком. — Пара сотен доз, запросто.

Скочмен окончил доклад. Он сложил мини-рацию и засунул ее в нагрудный карман.

— Работа гангстеров, — определил он. — Эти глупцы все из Калдиарри. Они воевали за сферы влияния с Айзами.

Все мертвецы были облачены в одежду и аксессуары определенных цветов. Шарфы, значки, куртки, полоски на головах... Эмблемой Калдиарри было красное, злое лицо демона. Если судить по этой межплеменной вражде, можно было бы поклясться, что индейцы в Америке победили.

— А разве другая банда не забрала бы наркотик? — спросил Стюарт.

Гарсиа всмотрелся в лицо подвешенного парня и заявил:

— Думается, я узнаю этого придурка. Эскуэре, Эскаланте, Эска — чего-то там...

Скочмен огляделся, мысленно вычеркивая имена из своего криминального списка.

Гарсиа поднял пластиковую бутылку и взвесил ее в руке. Внутри ее находился один-единственный шарик зонка, растворявшийся в жидкости.

— Похоже на бабскую сиську, парень. Правда.

Потребители зонка называли свою отраву «Молоком матери» и говорили, что «сосут грудь Дьявола».

Гарсиа сжал бутылку, и из отверстия брызнула тоненькая струйка беловатой жидкости.

— Никогда не любопытствовал, каково это, а, Стью?

Стюарт испытывал особый ужас перед наркотиками. Когда его сестре было четырнадцать, а Стюарту — одиннадцать, отец застукал Бренду с джойнтом[2] и для острастки устроил им обоим экскурсию в реабилитационную клинику. Ни один

[1] «Самсонит» — товарный знак одноименной компании-производителя чемоданов, «дипломатов», сумок, летней мебели и т. п.

[2] Джойнт — сигарета с марихуаной, обычно самодельная.

из детей Кида не курил с тех пор даже сигарет; Стюарт переживал даже по поводу количества выпиваемого им кофе.

— Что ж, давайте огородим место преступления, развесим таблички «Проход запрещен» да и двинемся в путь, — сказал Скочмен. — Кому положено будут здесь с минуты на минуту.

— Вы так просто бросите этих людей? — переспросил изумленный Стюарт.

— Они никуда не убегут. И никто не будет с ними возиться.

Скочмен в последний раз обвел гараж взглядом. Дым рассеялся.

— Сообщение передано, — сказал он. — Будем надеяться, что оно попадет в нужные руки.

IV
Из «Песен» Диего

У моей матери было четырнадцать детей, про которых мне известно, и по крайней мере пять из них — от моего отца. К своему двадцатипятилетию в живых остался я один. Моих братьев и сестер забрали болезни и Господь.

Отец хотел пристроить меня работать в миссии. Дон Эстебан не желал слышать о том, чтобы учить пеона читать и писать. Я был, по сути, рабом своего патрона[1]. По испанским законам, действовавшим в Калифорнии, мне запрещалось возделывать землю или держать домашнюю живность для собственного пропитания. Мне платили шесть реалов (двенадцать центов на американские деньги) в день. По закону обязанный покупать еду у дона Эстебана, я никогда не видел денег. Как все пеоны, я унаследовал наш семейный долг. Долги моих покойных братьев и сестер, легшие на мои плечи, исчислялись тысячами реалов.

Так обстояли дела при испанцах, так же обстояли они и при мексиканцах; и при американцах все должно было остаться так же.

---

[1] Patrón *(исп.)* — покровитель, господин.

Миссия получала свою десятину от дона Эстебана, который удерживал ее из денег пеонов. Мой отец учил нас быть благочестивыми и покорными, чтобы получить за это награду на небесах.

Однажды в полнолуние, вскоре после своего превращения, я выследил и убил дона Эстебана.

В преданиях, возникших позже, дон Эстебан предстает тираном, размахивающим плеткой направо и налево, спуская шкуру со спин пеонов. То ли одна из моих сестер дожила до девичества и стала красавицей. То ли какая-то из дочерей наших соседей была прехорошенькой и пообещала мне свою руку и сердце. Патрон со спины своего жеребца разглядел эту красоту под слоем грязи, уволок на свою гасиенду и обесчестил. Или же священник выразил кроткий протест по поводу печальной участи пеонов, и был грубо изгнан доном Эстебаном, и замертво повалился в пыль с благочестиво согбенной спиной, в которой торчал метательный нож, по рукоять вошедший в плоть старика. А может, однажды ночью дон Эстебан и его люди обезумели от выпитого и, забавы ради, проехали по деревне, громя жалкие лачуги, в которых мы жили, и паля из однозарядных пистолетов наугад во всякую человеческую тень.

Ничего этого не было. На свой манер дон Эстебан был набожным человеком. Он обращался со своими пеонами так же, как обращался с другой принадлежащей ему домашней скотиной, строго, но заботливо. В основе его богатства лежал наш труд, а вы ведь не станете забивать хорошую лошадь или вола до тех пор, пока они не станут слишком старыми для работы.

Мысль об убийстве дона Эстебана пришла в мой звериный разум. Он был не первым человеком, утолившим мой ночной голод, но стал первым, кого я выслеживал.

Если дом патрона и был гасиендой, то весьма скромной. Она была из камня, но с земляными полами. Когда я вошел, ноги мои ступали бесшумно. Дон Эстебан читал свою Библию при свете камина. Когда я подкрался к нему, он стиснул в руке четки и уставился на меня.

Едва увидев меня, дон Эстебан обгадился. Для моего чуткого носа этот запах был крепким и волнующим.

Своими длинными пальцами я крепко сжал голову патрона и вгрызся ему в горло. Я прокусил тонкое кружево его воротника. Зуб угодил на серебряную пуговицу, и я почувствовал боль. Его невнятная молитва разом оборвалась.

Когда все было кончено, я увидел, что мой кривой ноготь на большом пальце вспорол зигзагом щеку дона Эстебана, пока тот дергался. На смуглой коже повыше бороды появилась красная буква. Буква Z.

Слуга застал меня сидящим на корточках над доном Эстебаном. Как часто бывало, отведав человеческой крови, я впал в забытье, зачарованный игрой языков пламени в камине. Слуга поднял тревогу, и меня погнали в горы.

На следующее утро, когда я в изнеможении вернулся в свою лачугу, пеоны оплакивали кончину патрона. Многие любили дона Эстебана, как собака любит своего хозяина. Колокола миссии звонили по нему. К тому времени отец мой уже умер от лихорадки, и его место занял молодой иезуит Фра Молина.

Двоюродный брат дона Эстебана продал его поместье, и у нас появился новый патрон дон Луис. Он был очень похож на прежнего, и по прошествии нескольких лет мне представилась возможность убить и его. Разумеется, патроны будут всегда. Это понятно. Я не мог истребить все их племя. Еще я убил Фра Молина, который, как я знал, приставал к смазливым деревенским мальчикам. И я убил капитана Кордовы, который повесил Тио Панчо за то, что тот выступал против Церкви. Я убил многих. И продолжаю убивать.

Я привык оставлять своим длинным средним пальцем зигзагообразный знак на телах своих жертв. Другие начали использовать мою метку. Нередко я встречал ее вырезанной на коре дерева или на глинобитной стене.

К тому времени было много разговоров о проклятии и демоне. Старухи, больше индианки, чем испанки, утверждали, что над этой землей всегда висело проклятие. Еще до конкистадоров, когда апачи нападали на поселения, демон убивал участвовавших в набегах. Это были лис, волк, медведь, дикий человек...

Кое-кто говорил, что этот демон на самом деле ангел, что лишь неправедные погибают от его руки. Меня *влекло* к определенным людям: жестоким чиновникам, корыстным священникам, кровожадным разбойникам, свирепым надсмотрщикам. Если я сталкивался с такими при свете дня незадолго до полнолуния, моим измененным глазам казалось, что их тело так и сияет, точно луна. И я мог быть уверен, что ночью наши пути пересекутся.

У дневного меня была жена, Долорес, Лолита. Она скоро состарилась и умерла. Я же не старился и не умирал. Мои сыновья выглядели моими братьями, потом моими дедами, потом они тоже умерли. Немногие говорили об этом вслух, но другие пеоны держались от меня подальше. Похоронив свою Лолиту, я не нашел больше никого, кто согласился бы выйти за меня замуж. Мои внуки избегали меня. И в миссии мне тоже теперь были не рады.

В конце концов меня изгнали из поместья. Те, кто распевал про Ночного Лиса, предпочли отречься от дневного Диего. Я стал своего рода призраком, невидимым для людей, среди которых жил. Хотя я не работал на земле, ни один из надсмотрщиков не делал мне замечания. Хотя добывал пропитание по ночам, никто не спрашивал, почему у меня такой сытый вид. Моя лачуга обветшала, но это меня не беспокоило.

Каждый месяц Лису принадлежало пять или шесть ночей, непосредственно перед, во время и после полнолуния. Только тогда я жил. Я охотился, я отыскивал подруг, я сражался. Порой мне хотелось, чтобы Диего исчез навсегда, обратившись в Лиса. Тогда я смог бы уйти в горы и жить там, вдали от людских забот.

V

— Завтра голубая луна, парень, — сказал Гарсиа, ткнув большим пальцем в небо.

Стюарт озадаченно глянул в широкое окно. Луна в небе была серебряной, как обычно.

— Луну можно назвать голубой, когда второй раз за месяц наступает полнолуние, — объяснил Скочмен. — Од-

но уже было первого числа, а до сентября еще несколько дней.

Так вот что значат слова «при голубой луне»[1]. Стюарт решил, что на улицах Лос-Анджелеса можно узнать больше, чем в мужской школе «Sexey's». Может, ночное патрулирование настолько скучное занятие, что поневоле начинаешь обращать внимание на всякие полезные мелочи.

Правда, сегодняшнюю ночь скучной уж никак нельзя было назвать. Скорее, жуткой.

Гарсиа и Скочмена в «Кофейной остановке» знали. 80-летняя «девушка»-подавальщица со жгуче-черной прической типа «улей» обслужила их, не дожидаясь заказа. Возможно, на закате солнца ей и было восемнадцать, но за эту долгую ночную смену она состарилась. Ни приветствия, ни разговора.

Они не говорили про зонк-притон. Стюарт, с его пустым желудком, был голоден, но мысль о том, чтобы поесть, вызывала у него отвращение. Он обмакнул в чашку пончик, потом высосал из него кофе.

Спиной Стюарт ощущал чьи-то буравящие взгляды. Теперь он знал, каково это — быть из полиции. Даже в полпятого утра в забегаловке было полно народу. Дряхлые старики и взвинченная молодежь. Ночные люди. Он заметил несколько подростков в одежде неброских цветов, почти столь же скромных, как ленточки в память о жертвах СПИДа. Скочмен был единственным *англо* в зале. Стюарт хоть и увидел здесь немало чернокожих, но чуствовал себя пришельцем из космоса.

Он был уверен, эти ночные люди знают, что он не коп. Он чувствовал взгляды, выискивающие, где его свитер оттопыривается над пистолетом. То, что он не коп, не спасет его, если тот черный фургон промчится по улице и кто-то опустит одно из зеркальных стекол и станет поливать «Кофейную остановку» огнем из автоматического пистолета, перебив стекла и изрешетив Гарсиа и Скочмена как нежелательных полусвидетелей. Стюарту достанется за компанию.

---

[1] Once in a blue moon *(англ. идиом.)* — после дождичка в четверг; крайне редко (досл.: «при голубой луне»).

Висящий над прилавком шар с экраном спереди выдавал какие-то мрачные прогнозы на испанском. Метеорологиня с золотистой кожей была порождением интерфейса компьютерной графики, столь популярного в этом сезоне. Америке потребовалось всего пятнадцать лет, чтобы обогнать «Max Headroom»[1]. На экране мелькали кадры транспортной и уголовной хроники, наиболее важные были выделены мигающей красной рамкой.

К копам направился молодой чикано. Он был одет в окованные серебром ковбойские башмаки и обтягивающие черные джинсы. Волосы были укрыты под завязанной узлом на затылке банданой. Сдвинь он бандану на глаза, стал бы похож на мстителя в маске. Хоть он и был чисто выбрит, брови его блестели и топорщились, как усы у Дугласа Фэрбенкса.

— *Добрый вечер,* Вега, — тихо произнес Скочмен по-испански.

Без сомнения, Вега удостоился отдельной карточки в его мысленной картотеке.

Парнишка что-то сказал офицеру Гарсиа, и коп, задумавшись, склонил голову. Припомнив испанский из курса средней школы, Стюарт уловил, что копов приглашают потолковать с кем-то по имени Алькальд. «Алькальд» означало «мэр», но Стюарт догадывался, что Вега всяко не имел в виду Кристину Джут, местного мэра, которая отличалась склонностью к полемике и хотела переименовать город в Лас-Анджелас.

— Алькальд обеспокоен тем, что случилось сегодня ночью с Калдиарри, — объяснил Вега, невозмутимый, но убедительный, как посол самонадеянной сверхдержавы. — Он хотел бы обсудить этот вопрос.

Гарсиа взглянул на Скочмена, который никак не отреагировал. Полицейские разом поднялись.

— Кто такой этот Алькальд? — спросил Стюарт.

— Можно сказать, общественный лидер, — шепнул Гарсиа.

Пока они шагали по выложенному плиткой на манер шахматной доски полу, люди за столиками сдвигались, освобождая проход. Полицейские шли особой походкой, наверное, потому, что на ремнях у них болталась куча всякой

[1] Сериал 1987—1988 годов, США, фантастическая комедия.

всячины. Полицейский кольт «питон» на одном бедре уравновешивала многоцелевая дубинка на другом. У Стюарта, который был ростом почти со Скочмена и выше Гарсиа, было ощущение, что он трусит у них в кильватере, словно младший брат, которому разрешили поприсутствовать на сходке «взрослых» юнцов.

Алькальд с приближенными сидел за столом в самом дальнем алькове. Это был седовласый мужчина, чье гладкое, без морщин, лицо украшала аккуратно подстриженная козлиная бородка, черная, но некрашеная. Его костюм состоял из белого жилета, накинутого поверх блестящей черной рубашки, смуглую шею Алькальда украшал амулет — зуб какого-то зверя. Вокруг него теснились серьезные парни типа Веги, одетые броско, но без явных гангстерских цветов. Все они были латино, кроме девушки с восточными глазами, которую можно было принять и за кореянку, и за вьетнамку.

Если компания Алькальда ела или пила что-нибудь, то официантки давно уже убрали грязную посуду. Алькальд покуривал тонкую сигару. Он улыбнулся полицейским и, говоря по-испански так медленно, что Стюарт без труда мог понять его, пригласил их присаживаться.

Стюарт оказался сидящим на скрипучем стуле, зажатым между Скочменом и полуазиаткой. Он чувствовал, как пистолет копа в кобуре вдавился ему в бедро, и в то же время был притиснут к девушке.

— Нехорошее это дело, то, что произошло, — объявил Алькальд. — Пролилась кровь, загублены жизни...

Стюарт ожидал, что Скочмен как-то прокомментирует то, чем занимались погибшие парни, но коп ничего не сказал.

— Эти Айзы — чертовы идиоты, — сказал Гарсиа. — К этому все шло несколько месяцев.

Алькальд отмахнулся:

— Это не их работа. Они сами пострадали от такого же нападения три ночи назад. Там заметили черный фургон.

— Мы видели... — начал было Стюарт и умолк, когда Скочмен легонько хлопнул его по колену.

— Калдиарри и Айзы обсудили это со мной, — продолжал Алькальд. — Они говорят, что войны не будет.

— Пока они в зонк-бизнесе, война будет, — ответил Скочмен.

Алькальд покачал головой:

— Прискорбно. Этот зонк — отрава, Молоко Дьявола. Ваш шеф Рюи совершенно справедливо хочет, чтобы он исчез с наших улиц.

Вега кивнул, не сводя глаз с Алькальда. Подросток напоминал Стюарту Дила — героя из «Крадущейся тени». Мальчишку, который показывает полисмену, откуда исходит зло.

— Но существуют и другие отравы.

Рассвет просочился в «Кофейную остановку», рассеяв грязный, мертвенный свет потрескивающих потолочных панелей. На лице Алькальда заиграли тени. В Британии время близилось к ночи. Стюарт был до того измучен, что чуть не валился с ног.

Гарсиа и Скочмен поднялись, оканчивая аудиенцию. Стюарт, с большой неохотой оторвавшись от мягкого стула, тоже встал. Они обменялись формальными любезностями на прощание. Полицейские направились к двери и ждущей за нею патрульной машине.

Стюарт задержался на лишнее мгновение, вглядываясь в лица свиты Алькальда. Вега, девушка-азиатка, другие. Он видел, как они напряжены. Кое-что он, возможно, сумеет использовать в сценарии.

За все время аудиенции Алькальд, казалось, вовсе не заметил Стюарта. Его адепты, однако, оборачивались и глазели на него, так что Стюарт не знал, куда глаза девать. Теперь же Алькальд взглянул прямо на него и произнес на чистейшем английском:

— Берегись, черный человек. Это Джунгли.

VI
Из «Песен» Диего

Второго февраля тысяча восемьсот сорок восьмого года, в конце мексикано-американской войны, был подписан договор Гуадалупе-Идальго. Мексика уступала Соединенным Штатам территорию, по размеру превосходящую Германию и Фран-

цию, вместе взятые. Помимо отказа от притязаний на Республику Техас[1], которая была принята в союз напрямую, Мексика отдала Нью-Мексико, Аризону и Калифорнию.

К тому времени я уже ушел из своей деревни. Беглых неонов обычно ловили и наказывали, приводя их обратно в цепях, словно рабов в Южных Штатах. Но патрон, как и все остальные, уже считал меня невидимкой. Я предоставил могилы родных и развалины моей лачуги попечению ветров и песка и ушел звериными тропами. Я кочевал с места на место, никогда нигде не задерживаясь. Долгие голодные месяцы Диего жил ради лунных ночей.

Те, с кем мне доводилось встречаться, относились ко мне с подозрением. Я по-прежнему видел странное сияние вокруг многих людей, и я убивал. Главным образом бандитов; изменников, головорезов. Некоторые с пониманием относились к моему положению; мне предоставляли кров и пищу в домах бедняков, но всегда ненадолго. Несколько лет я провел с индейцами-пуэбло, народом моей матери. Их мое присутствие беспокоило меньше. Кое-кто даже относился к этому не без юмора.

Про Лиса они знали и прежде.

Порой в лунные ночи юные девушки, бывало, совокуплялись с Лисом. С Диего эти девушки были почтительными и послушными, как были бы с отцом или старшим братом своего возлюбленного, но с Лисом они бывали страстными, восторженными, счастливыми. Они носили зигзагообразные царапины как знаки отличия. Я замечал, что у некоторых старух тоже были похожие, давно заживщие отметины, и вспоминал порой о *старце*.

Отдавая Калифорнию, мексиканская сторона полагала, что избавляется от дикого края, где не прекращаются набеги индейцев, а остальное население представлено всего-навсего семью тысячами христианских душ и неведомым количеством дикарей. Они не знали, что *девятью днями раньше* англо по имени Джеймс Маршалл нашел в долине Сакраменто

[1] Республика Техас — провозглашена в марте 1836 года в результате восстания техасских колонистов против мексиканских властей, вошедшего в историю как Техасская революция. — *Прим. пер.*

золото. За три года на эту землю хлынул поток из более чем двухсот тысяч человек. Не все вновь прибывшие были англосы из Штатов; здесь появились и большие шайки гамбузино — опытных мексиканских старателей, которые двинулись к северу от Соноры[1], увеличивая население охваченного «золотой лихорадкой» края.

По преданию англосов, Маршалл ворвался в Форт Саттер, крича: «Золото, золото, золото!» На самом деле слово, которым он воспользовался, было чиспа, что по-испански значит «сверкающие крупицы». Во всем, что касалось золота, англосы ничем не отличались от испанцев. Конкистадоры дали Калифорнии[2] такое имя потому, что надеялись найти здесь золото, а мексиканцам удавалось находить в земле этот драгоценный яд задолго до того, как Маршалл взгромоздился на своего мула. В Неваде англо Комсток готов был уже забросить неудачное золотое месторождение, когда проезжавший мимо старатель-мексиканец сказал ему, что та голубоватая порода, которую он выкидывает прочь, говорит о том, что он наткнулся на богатейшую в мире серебряную жилу.

Золото и серебро — это яд. Я знаю это; однажды, много позже, американец по имени Рейд всадил в Лиса серебряную пулю. Порой я все еще прихрамываю, хотя прошло больше ста лет.

Пустынные земли вдруг наполнились людьми, словно принесенными внезапным ураганом. Я редко бывал один на охотничьих тропах. Я случайно натолкнулся на гамбузинос и скорее от скуки, чем по необходимости, сделался старателем.

Многие гордо заявляют о своих «испанских кровях», словно их предками были *рико*, рожденные на шелковых простынях в Мадриде и посланные в колонии на поиски фортуны

---

[1] Сонора — перевал в горах Сьерра-Невада, на востоке штата Калифорния. В период «золотой лихорадки» 1848 года через него прошли многие переселенцы, прибывавшие в Калифорнию в поисках золота. — *Прим. пер.*

[2] California *(исп.)* — бега, скачки. Существует несколько версий перевода названия штата. По одной из них — «Калифорния» на языках индейцев означает «южный ветер», по другой версии имя этому штату дали действительно конкистадоры, позаимствовав его из испанского романа XVI века «Приключения Эстладиана», где Калифорнией называются райские острова. — *Прим. пер.*

и славы. Действительность же состоит в том, что, когда в тысяча восемьсот пятидесятом году Калифорния стала штатом, больше половины испаноязычного населения прибыло туда в предыдущие два года и это были *гамбузино* в поисках золота. Быть чикано не значит иметь что-либо общее с грандами Арагона или Кастилии; чикано — плоть от плоти потомков старателей, пеонов и индейцев.

Я был старателем, пеоном и индейцем.

Вместе с золотом пришли грабители. Множество привлеченных блеском золота и серебра мужчин и женщин, промышлявших тем, что они выкапывали из мешков других людей то богатство, которое те выкопали из земли. Поселки старателей бурлили от ярости и насилия, а потом, когда месторождение истощалось, превращались в города-призраки. Поселения основывали и покидали. Пустыни были усеяны разными пожитками, брошенными, когда они стали слишком тяжелы.

В конце концов старателей стало больше, чем земных богатств. На многих месторождениях гамбузинос добивались большего успеха, чем англосы, которые покидали Филадельфию или Кентукки ради мифического богатства, не удосужившись даже узнать, к примеру, как на самом деле выглядит только что добытое из земли золото. Многие думали, что выкопают сверкающие кирпичи, смахнут с них пыль и отнесут в банк.

Именно от этих людей я впервые услышал слово «гризер»[1]. Именно этих людей впервые назвал словом «гринго»[2]. Оба эти слова невозможно произнести без привкуса ненависти во рту.

Новорожденное законодательное собрание штата, поигрывая могучими мышцами, остававшееся за англосами, принимало законы под всякими казенными названиями, вроде Акта о гризерах в тысяча восемьсот пятьдесят первом году, который ограничивал права бедноты на то, чтобы столбить за собой участки земли, разводить скот или покупать зем-

[1] Гризер *(англ., презр.)* — житель Латинской Америки или Средиземноморья (с оттенком уничижения). — *Прим. пер.*

[2] Гринго *(исп., презр.)* — иностранец (особенно англичанин или американец) в Латинской Америке. — *Прим. пер.*

лю. Разумеется, законы применялись избирательно. Рико и англосы сливались в объятиях, точно братья после долгой разлуки, при этом каждый норовил нашарить у другого кошелек. Дон патрон никогда не бывал похож на гризера.

Следовало ожидать, что плохо образованные англосы не сумеют разобраться в хитроумных положениях наших новых законов. Документы, хитро составленные так, чтобы склонить чашу весов на их сторону, были истолкованы на местах как дающие законное право убивать мексиканцев и грабить их имущество. В городах назначали шерифов и комитеты бдительности[1], чтобы убивать и грабить.

При свете полной луны золото сверкает так же тускло, как серебро, как лица тех, кого я должен убить. Лис едва не ослеп от серебристо-белого сияния лиц среди огромного количества гринго. Диего быстро понял, что не сможет нанести визит всем, кто заслуживает зигзагообразной отметины на щеке.

Но все же я должен был попытаться.

Был такой человек, по фамилии Мурьета, звали его Хоакин[2]. Он жил, он умер, и он мало что совершил из того, что ему приписывают. Он был старателем, потом разбойником. Изгнанный со своей земли англосами, он совершал налеты на импровизированные банки горнодобывающих компаний, забирая золото, которое ему не позволяли больше добывать своими руками. Подобных ему было множество. Шерифы развешивали листки, предлагающие вознаграждение за всякого человека по имени Хоакин. Хоакинов было немало, и многие из них были бандитами. Когда *гринго* го-

---

[1] Добровольные организации, бравшие на себя полномочия законной власти, в том числе в поселках скотоводов и старателей, в которых часто не было суда, тюрьмы или шерифа. — *Прим. пер.*

[2] Хоакин Мурьета (Hoakin Murieta) — реально существовавшая личность, в середине XIX века грабил американские банки и концерны, пытался поднять антиамериканское восстание. В легендах Хоакин Мурьета превратился в благородного калифорнийского «Робин Гуда». Кроме банды Мурьеты в период «золотой лихорадки» в Калифорнии существовало еще как минимум пять банд, главарей которых звали Хоакинами. Советская рок-опера А. Рыбникова и П. Грушко «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» трактует образ героя в романтическом ключе.

ворили «Хоакин», речь шла о более чем пяти людях, которых звали этим именем.

Я сам был печально известным Хоакином.

Еще один человек, по имени Соломон Мариа Пико, тоже был разбойником. Зачастую не могли решить, это дело рук Хоакина или Пико. Для гринго все мы были одинаковы. Заспиртовав голову Хоакина Мурьеты, они были удовлетворены. Он олицетворял всех нас, скорее легенда, чем человек. Голову «знаменитого разбойника» показывали публике по всей Калифорнии. В качестве дополнительной приманки демонстрировали руку еще одного «отъявленного грабителя и убийцы», Трехпалого Джека.

Но легенду нельзя убить, как человека. Я-то знаю. Многие были убеждены, что Хоакин Мурьета жив. И было много людей по имени Хоакин, готовых занять его место.

VII

Трудно было поверить, что Миллениум-плаза, на пересечении претенциозного торгового пассажа и японского сада, часть того же самого города, что и Джунгли. И вовсе невозможно было поверить, что подвешенный мертвый мальчишка был таким же обитателем Калифорнии, как и эти декоративные создания, пасущиеся здесь повсюду.

Все в этом нежно-розово-голубом аду было новым. Мужчины и женщины в китайских халатах поверх купальных костюмов прохаживались неспешно, с отсутствующими, блаженными улыбками на лицах. Немногие шустрые ретро-особы в костюмах с плечиками двигались быстрее, чем остальное стадо. Немногочисленные громкоговорители в статуэтках Будды и тасманийского дьявола передавали песни китов и мурлыкали напоминания про то, что курение вне помеченных красным зон запрещено.

После каких-то жалких неполных трех часов сна в гостинице, Стюарт оказался в духоте, от которой сразу заболела голова. Атмосфера безмятежности и безопасности, царившая на площади Миллениум, была едва выносима. Стюарт был уверен, что охранники отметили его черное лицо,

мысленно причислив его к наркоманам, и теперь целятся ему в спину из своих маленьких пистолетов с глушителями.

Высоко над аллеями через все небо были натянуты солнцезащитные экраны, солнечный зонтик для Миллениум-плазы. Иначе — парасоль. Стюарт замечал в калифорнийском говоре изрядное количество слов, заимствованных из испанского. На Миллениум-плаза окружающая среда была управляемой, с музыкальными фонтанами и искусственным, пахнущим розами ветерком. Наконец-то была достигнута калифорнийская мечта: кондиционирование уличного воздуха.

Улыбающиеся охранники выглядели здоровенными амбалами в белых доспехах из «Звездных войн». Молодой чернокожий громила с золотой серьгой в носу играл с обвешанными драгоценностями детьми, двигаясь неуклюже, будто наркодилерснеговик[1]. Загорелые мамаши в широкополых шляпах с лентами обменивались попискивающими кредитными картами с автоматом эспрессо. Их дети были одеты как маленькие взрослые, с соответствующими их росту «Роллексами», в этнических тряпках и побрякушках с Родео-драйв[2] и в тысячедолларовых найковских кроссовках.

Уличный рынок для миллионеров, Миллениум-плаза являлась для банковских счетов чем-то вроде неосознанного слабительного. Заманчивые вещицы были выложены напоказ на стендах, словно произведения искусства на выставке. Вставленная в щель карта и набранный цифровой код позволяли оплатить покупку в одно мгновение. Приобретение автоматически будет доставлено по вашему фешенебельному адресу.

Все дома были одинаковы, и Стюарт никак не мог отыскать «Нью фронтир». Он опаздывал на встречу уже на двадцать пять минут и не принадлежал к числу тех сотрудников, кому подобные опоздания дозволены. Ждать должен был он, а не его.

Он пристроился в очередь к стоящему в сторонке электронному указателю. На панели были перечислены компа-

---

[1] Игра слов: snowman — снеговик, Frosty the Snowman — торговец кокаином *(сленг.)*. — *Прим. пер.*

[2] Улица в Беверли-Хиллс, штате Калифорния, знаменитая своими фешенебельными магазинами известных торговых домов США и Европы (главным образом магазины одежды и ювелирных украшений). — *Прим. пер.*

нии, люди и учреждения, какие он только пожелает посетить. Если нажать на кнопку рядом с наименованием, на экране высвечивался маршрут отсюда до требуемого адреса. Команда из папы и сына на всю катушку пользовалась возможностями указателя, решая, какой фильм им посмотреть. Нажав кнопку «кинотеатры», они заставили экран покрыться светящейся сетью, словно электрической паутиной. На Миллениум-плаза было больше сотни кинотеатров, предлагавших свыше сорока фильмов. Указатель предоставлял информацию о фильмах: классификация (автоматически исключая из списка не рекомендуемые детям до семнадцати), время начала сеансов, их окончания, жанр (для подростков, зомби, комедия), кассовый сбор и рейтинг, среднеарифметическое из опроса девяти десятков критиков со всей страны. У Стюарта было такое чувство, будто он стоит на почте с одной маленькой бандеролькой, намертво застряв позади пенсионера, который уже неделю ни с кем не разговаривал и которому теперь для здоровья просто необходимо добрых полчаса проболтать с замотавшимся почтовым служащим.

Дружная семейка (папаша, давно живущий с другой семьей и проводящий определенные решением суда часы со своим сыном) наконец выбрала фильм, заработавший больше всего денег: если его посмотрело столько народу, то, наверное, критики просто чего-то не поняли. Стюарт, стараясь не показывать своего отчаяния, ответил пожавшему плечами и ухмыльнувшемуся отцу такой же ухмылкой, и как бы лениво шагнул к пульту, потом пробежал глазами по столбцам. Там была уйма компаний под названием «Новый что-то»; он отыскал «Нью фронтир» между «Новым фронтом» и «Новыми фруктами». Возле мерцающей точки «вы тут» появилась крохотная закорючка. Офис «Нью фронтир» был как раз на другой стороне площади.

Приглядевшись внимательнее, он сумел разглядеть логотип NF на вывеске, похожей на щит, укрепленный на стене здания. Кратчайший путь туда лежал через заполненную народом лужайку с прудиками.

Проталкиваясь в толпе, Стюарт заметил множество белых доспехов. Громилы собрались вокруг группы поющих женщин в черном. Старые и молодые, своим видом эти жен-

щины никак не подходили для Миллениум-плаза: их одежда была не только немодного цвета, но и вовсе бесформенной. Фигуры не соответствовали худосочному идеалу фотомоделей; у некоторых на лице пробивались усики, другие были заметно накрашены. Толстые лодыжки, бочкообразные талии, злые лица. Они хором пели по-испански. Молодая женщина, укрытая капюшоном, будто фанатичная монахиня, держала плакат, на котором крохотными буквами были написаны сотни имен, почти все из них явно латиноамериканские.

Охранники нервничали, их бронежилеты при движении похрустывали, как надкрылья жуков. Молодой мужчина со знаками различия на нагруднике корректно беседовал с возбужденной ораторшей. Стюарту некогда было вникать, о чем разговор, но какая-то толстуха загородила ему путь и стремительно затараторила на испанском, которого он не мог разобрать, подсовывая ему папку с зажимом для бумаг и ручку. В папке лежал листок, до половины покрытый подписями.

Речь шла о *los Disaparecidos* — пропавших без вести. Обычно это означало политических диссидентов, чье «исчезновение» было организовано государственным полицейским аппаратом. Он понял, кто эти женщины: их матери, жены, сестры, подруги, дочери. Должно быть, протестующие были откуда-то из Латинской Америки. Он огляделся, ища взглядом аргентинское консульство или парагвайскую торговую комиссию.

Женщина все равно не дала бы ему пройти, и он нацарапал свое имя на петиции. Верзила, которого он заметил раньше, с золотом в носу, так сверкнул на Стюарта глазами, словно тот помог его злейшему врагу. Подписавшись, Стюарт сделался лучшим другом могучей дамы. Его заключили в объятия и передали другим женщинам.

Те держали транспарант. «*Comité de los Disaparecidos de los Angeles*», Комитет по делам пропавших без вести ангелов. Нет, Комитет по делам пропавших без вести в Лос-Анджелесе.

Ему было не по себе. Пение сделалось громче, улыбки застыли на лицах громил. Чернокожий охранник свел ладони в защитных перчатках, и между ними с треском проскочил разряд. Ораторша прекратила спор со старшим охранником и присоединила свой голос к песне.

Стюарту удалось пробраться между противоборствующими группами. Офицер заговорил в микрофон, и его усиленный голос загремел, словно трубный глас, приказывая женщинам «разойтись по-хорошему и очистить площадь». Одна из женщин налетела на него и ткнула в бронированную грудь чем-то черным и толстым. Маркер. Одним стремительным движением она пометила офицера жирной черной чертой. Это было похоже на знак Зорро: зигзаг, раз-два-три...

Офицер махнул в сторону повязанной шарфом головы женщины открытой ладонью, словно легонько смазав ее по уху. Раздался треск, и женщина упала на керамические плитки, извиваясь и конвульсивно подергиваясь.

— *Пожалуйста*, разойдитесь по-хорошему и очистите площадь!

Дрожа и борясь с тошнотой, Стюарт выбрался из толпы. Здание опознало его временный пропуск и автоматически распахнуло перед ним двери. Они были из тонированного звукозащитного стекла. Когда они с шипением закрылись, он, оглянувшись, увидел потасовку белых охранников, неуклюжих, как подгулявшие инопланетяне, с черными, как вороново крыло, кричащими женщинами, но самого звука слышно не было.

Тэнси, миниатюрная девушка, представленная ему несколько дней назад в качестве «персонального диспетчера», приветствовала его в вестибюле. Она была красива, просто сногсшибательна — блондинка, украшающая «Нью фронтир», подобно тому как статистки в бикини украшают пляжную сцену в фильме. Тэнси вложила ему в руку бумажный стаканчик с кофе без кофеина и препроводила к лифту. Потом приказала хорошо провести время и отправила в комнату для совещаний.

В комнате для совещаний не было стола, и лишь немногие предметы меблировки могли бы сойти за стулья. Стюарту предложили плюхнуться на надувной пуфик. Башни электронного оборудования вздымались среди диванных подушек, словно кальяны из «Тысячи и одной ночи» в стиле киберпанк. Сферический экран вращался, тихонько наигрывая видеоклип, в котором изображения бормотали что-то из скретч-рэпа.

Рэй Калм, президент «Нью фронтир», сидел на коленях на мате для карате, разложив вокруг себя белое кимоно. В отделанном тесьмой вырезе виднелись поросль седых волос на груди и загорелая жилистая шея. На груди болтались ПЕН-фон, плоский табулятор и всякие иные штуки, словно знаки отличия генералиссимуса. Основу благополучия компании заложили фильмы типа «Грубиян» и «Сожжение из огнеметов в Цинциннати», но своего малюсенького важного статуса «Нью фронтир» добилась благодаря тому, что нашли спонсоров для фильма ужасов «Где погребены тела» и молодежной городской комедии «РЭПтилии». Надежно угнездившись в этой нише среди других участников медиарынка, «Нью фронтир» решила теперь срубить денег, продвигая товар модного нынче жанра, а именно «Крадущейся тени».

Здесь были еще двое: изможденная негритянка с огромным облаком обесцвеченных волос — Эллен Жанетт Шеридан, которая вот-вот должна была подписать контракт и стать режиссером «Крадущейся тени»; толстяк в оранжевом комбинезоне оказался Бронтисом Мачульски, самым богатым подростком из всех встречавшихся Стюарту после школы. Эллен Жанетт прошла путь от рекламных роликов до сиквела «Где погребены тела» и ведущих позиций в рейтингах специализированных журналов, работая с модными комедийными и экен-актерами. Мачульски придумал интерактивное программное обеспечение и инвестировал свои просто неприличные прибыли в покупку «Нью фронтир» (в сущности, он был боссом Калма), разрабатывая идею создания фильмов, связанных с компьютерными играми. «Совместные усилия» — вот был его девиз: фильм может провалиться, но вспомогательная деятельность (игры, побочные товары, кабельное телевидение, лазерные диски, оптовая и розничная торговля) сумеет «продавить» рынок и принести основные деньги.

Пока Калм высказывал свои соображения насчет сценария, Мачульски тыкал по клавишам своего наладонника. Возможно, он составлял список покупок или расстреливал летающие тарелки на экране, кто его знает. Эллен Жанетт ожесточенно хлюпала носом, будто заболевала гриппом. Когда ее представили Стюарту, она удостоила его слабым рукопожатием и объявила, что для него важно не отказывать-

ся от «уличных» привычек, если он намерен и дальше сохранять творческую плодовитость. Гарсиа говорил ему, что зонк в Беверли-Хиллз так сильно разбавляют, что его употребление становится едва ли не законным делом.

В «Нью фронтир» «Крадущуюся тень» притащил Мачульски. Хотя Стюарту ни разу не хватило мужества поинтересоваться, он был уверен, что среди всех имеющих отношение к этому делу парнишка был единственным, кто прочел книгу, а не просто просмотрел отзывы на нее. Эллен Жанетт отказывалась читать что бы то ни было: сценарии, договоры и даже личная корреспонденция должны были быть записаны на микрокассеты, чтобы она могла прослушивать их через наушники, раскатывая по охраняемым районам на своей «древней развалюхе за сто тысяч баксов», винтажном «харлее».

Калм уже слышал про ночное происшествие от своего человека в лос-анджелесском департаменте полиции. Когда он выражал Стюарту свое сочувствие, Эллен Жанетт встрепенулась. Стюарт сбивчиво рассказал им всю историю, пытаясь соблюсти пропорцию между подобающим бессердечием, которого они ждали от автора «Крадущейся тени», и его неподдельно противоречивыми чувствами насчет патрулирования в самом сердце тьмы. Как бы ни неловко ему было признать, он чувствовал, что это поможет ему писать лучше если не этот сценарий, то следующую книгу.

— Висел, будто освежеванная туша? — поежилась Эллен Жанетт. — *О господи!*

— Я видел сюжет в криминальных новостях на сто восемьдесят седьмом канале, — сказал Мачульски. — Похоже было, что парня распяли, вывернув ему руки. — Руки Мачульски поднялись, словно он изображал аэроплан.

— Надо быстрее запускаться с «Зонк-войной», Рэй, — заявила Эллен Жанетт Калму. — Пока события нас не опередили. Сценарий почти утрясли. Еще пару-тройку мелочей вылижем, и Мулдон подпишет.

Мулдон Пец был чернокожим комедийным актером, желающим получить серьезную роль. А «Зонк-война» — проект, вызывавший у Эллен Жанетт гораздо больший энтузиазм, чем «Крадущаяся тень».

Калм продемонстрировал рекламу, вышедшую в «Ежедневном обозрении» и «Голливудском репортере», в которой на все лады объявлялось, что работа над фильмом уже началась. Стюарт решил, что они взяли иллюстрации из старой рекламы «Где погребены тела» и подретушировали их, чтобы они подошли к его роману. Может, они подретушируют и роман, чтобы он подошел к иллюстрациям?

Стюарт, еле сдерживаясь, поинтересовался, есть ли у кого-нибудь замечания по его предварительной версии сценария на четырех листах, которую все они получили три дня назад. Эллен Жанетт ущипнула себя за нос и уставилась в панорамное окно. Калм признался, что его рецензент еще не закончил изучение документа. Мачульски нажал кнопку на своей штуковине, и та с чириканьем выдала кольцо отпечатанной бумажной ленты. Его замечания касались скорее игры, для которой требовалось разнообразие сюжетов, нежели фильма, нуждавшегося в одном-единственном. Одна из особенностей игрового бизнеса в том, что ни от каких черновых набросков сценария никогда не отказываются, они просто становятся еще одним из путей, который могут выбрать игроки, продвигаясь по лабиринту игры.

– Поймите, — начал Калм, — английский в школьной системе Лос-Анджелеса — язык меньшинства. Я был вынужден отправить своих детей в дорогую частную школу, чтобы по возвращении домой они не принялись тараторить по-испански. *Я хотел сказать, это пикарно, если они могут объясниться с прислугой*, но в конце концов выйдет, что они не смогут объясниться со мной. Порой у меня такое чувство, что я последний белый в своем квартале.

Калм понял, что сморозил глупость, и сглотнул. В любом случае Стюарт был сыт по горло необходимостью отвечать за всю свою расу. У британских критиков только и разговоров было что о его цвете кожи, и издатели старались представить его куда более крутым, чем он был на самом деле. Всякий раз, когда в прессе заходила речь о его биографии, родители имели обыкновение журить его за то, что он пытается изображать из себя хулигана из распавшейся семьи, который стучит по клавиатуре текстового процессора, потому что или это, или торговать дурью.

— Именно это должно быть в «Крадущейся тени», — продолжал Калм, оправившись. — Ощущение угрозы от баррио и то, как они тянут свои щупальца к городу, губят его. Как чудовище, как болезнь. Теперь, Стюарт, вы знаете, почему это называют Джунглями. Это великолепный образ, Джунгли, которые разрастаются, поглощая все и вся. Вот за что мне симпатичен ваш проект, так это за возможность высказаться насчет того, куда катится Эл-Эй[1]. Мы не рвемся за «Оскаром», но, возможно, сумеем сделать важное дело.

— Смотрите,— произнесла вдруг Эллен Жанетт,— ну не прелесть ли!

Струи розового и голубого дыма взлетали к солнцезащитным экранам и устремлялись обратно вниз, точно следы невидимого реактивного самолета. Калм пришел в ужас. Он схватил какую-то штуковину и закричал в нее:

— Тэнси, отключи электричество и закупори здание! Там снова газ!

Стюарт взглянул из окна на площадь. Теперь все выглядело расплывчатым и беззвучным. Громилы надели маски с хоботами и поливали струями разноцветного дыма протестующих, которые тряслись и падали, словно в состоянии религиозного экстаза. Публика Миллениум-плаза разбежалась или нацепила респираторы. Некоторых протестантов выволакивали из общей кучи, подергивающихся, несмирившихся, и грузили на электрокар, как в старомодную тележку молочника. Крупная женщина, та самая, с петицией, сумела достаточно долго задержать дыхание в своих могучих легких, чтобы сопротивляться, и ее пришлось оглушить прикосновением электрической ладони полицейского, потом сковать ей руки за спиной пластиковыми наручниками. Папка с петицией, вероятно, безвозвратно затерялась в этой свалке.

— Хоть бы они уже нашли тех чертовых пропавших и избавили нас от этих гарпий, — сказал Калм. — Это уже третий раз за месяц. Должен же быть порядок!

---

[1] LA (al'ai) — разговорно-сленговое название Лос-Анджелеса. — *Прим. ред.*

Стюарт провожал взглядом дым, который обволакивал корчащихся протестантов, красиво вырисовывая свои пастельные волны на черном фоне.

VIII
Из «Песен» Диего

Чиспа-дель-Оро был похож на любой другой поселок старателей. Он растянулся вдоль берегов речушки, в которой мужчины, женщины и дети мыли песок в поисках крупиц золота.

Это случилось за час до того, как солнце совсем село. Я был на ручье, промывал песок водой, гоняя ее в лотке по кругу, надеясь, что в последних красных лучах блеснет то, что упустили мои глаза. По мере того как луна поднималась над линией горизонта, мое зрение изменялось. Вода кружила в лотке тяжело, точно жидкое серебро.

В Диего незаметно входил Лис. Сначала каждое лунное превращение причиняло боль. Теперь я мог становиться Лисом с такой же легкостью, как другие надевают плащ. А если сосредоточиться, то Диего мог сопротивляться Лису и переждать лунную ночь в человеческом облике, хотя и с немалым трудом.

В ту пору у меня была женщина и дети. По меньшей мере один из детей, младший, был моим. Старших братьев малыша произвел на свет мужчина, которого казнили как одного из бесчисленных Хоакинов. Женщина, Джульетта, была частично индейской крови, как почти все мы. Она любила Лиса, но жила с Диего и даже начала относиться с симпатией и к нему тоже. Она пришла ко мне, потому что я уничтожил людей, убивших ее настоящего мужа. Я пометил их своим зигзагом.

Золото потихоньку капало, и я кормил свою семью. Вечерами, когда не было луны, я слушал, как Джульетта играет на флейте, а еще одна женщина — на гитаре. Это было все, чего может желать мужчина; я мечтал состариться и умереть, как другие, оплаканный моими детьми...

Диего почти мог заставить Лиса исчезнуть. Кроме лунных ночей. Тогда я в основном охотился на кроликов.

Один из братьев моего сына потянул меня за рукав, указывая наверх. Речушка бежала через долину, неся золото с гор. Наверху, на краю долины, появились семеро белых мужчин, пятеро из них верхом. У Чиспа-дель-Оро не было проблем с англосами. Мы находились слишком далеко от крупных приисков, и наша добыча была слишком жалкой. Мы мыли в основном шлихи, тонкий золотоносный пласт, и, чтобы извлечь из него золото, требовалось больше терпения и мастерства, чем обычно бывало у большинства англосов.

Семеро, стоявшие на фоне красного умирающего солнца, казались тенями. Но мне их лица виделись каплями сумрачного света. Я велел мальчику подать мне ружье. Он был едва ли в десяти ярдах от меня, когда сзади на шее у него вдруг появилось кровавое отверстие. У одного из мужчин была дальнобойная винтовка, и он умел из нее стрелять.

Я взревел от ярости и почувствовал толчок в грудь, настолько сильный, что он сбил меня с ног. Я выронил лоток и навзничь упал в ручей. Вода струилась вокруг меня, просачиваясь сквозь одежду, смывая волосы с лица.

Всадники подъехали, накрыв мое лицо холодной тенью.

— Гризер еще жив, — сказал один.

— А я, видимо, должен прикончить твоего недобитка, — ответил другой голос, ближе.

Человек опустился рядом со мной на колени, приблизив лицо к моему лицу. Кожа его сияла так ярко, что я не мог различить его черты. Сверкающий нож чиркнул у меня под подбородком. Я захлебнулся кровью, хлынувшей из перерезанного горла.

— Чистая работа, Хендрик, — сказал стрелок. — Еще до рассвета ручей вымоет из него всю кровь.

— Чисто и тихо, — ответил Хендрик.

Я лежал неподвижно, все слыша и чувствуя, но не в силах пошевелиться. Течение не давало краям раны слипнуться. Вода втекала в нее, словно в рыбьи жабры, и выливалась из моего рта.

Хендрик поднялся и снял широкополую шляпу. Он вытащил из внутреннего кармана рубахи маску и натянул ее на голову. Криво, как у пугала, вырезанные дыры для глаз

горели в ночи, точно огоньки свечи. Теперь все они были в масках, эти бандиты.

— Пора вышвырнуть отсюда этих гризеров, — сказал кто-то. — Они поганят реку. Грязные мексикашки.

Налетчики двинулись прочь. Через некоторое время я снова услышал выстрелы, и вопли, и неспешное потрескивание огня.

* * *

Взошла луна, и дыра в моем горле затянулась. Лис выскользнул из мокрой одежды Диего и побежал к Чиспадель-Оро.

Хижины пылали, образовав освещенный круг. Повсюду валялись трупы. Мертвый Фра Джунипперро, наш священник, обмяк, упав на колени, из ран по бокам его головы струилась кровь. У него были отрезаны уши. Хуан Охоа, который бежал на север от солдат Санта-Ана, получил несколько пуль в живот и медленно умирал. Налетчики привязали мою Джульетту к столбу и разорвали на ней одежду. Они насиловали ее по очереди.

Лис выпрыгнул из темноты и вонзил острые как кинжалы когти в горло мужчины, державшего факел. Я швырнул его под ноги остальным. Взмахнув когтистой лапой, я зигзагом вспорол бок одной из лошадей, вырвав кусок мяса и обнажив ее ребра и внутренности. Животное заржало и забилось, заливая мне ноги кровью.

Мне в грудь разрядили пистолеты, и я ощутил словно укусы москитов. Я оторвал голову в маске от тела того мужчины, что стоял на коленях между ног Джульетты, орудуя длинным охотничьим ножом. Моя женщина была уже несколько минут как мертва. Я раздавил его голову, как гнилой грейпфрут.

— Ого, никак потусторонняя тварь, — спокойно произнес Хендрик.

Я убил еще двоих и завыл, кровь моих жертв булькала у меня в горле. Ошметки мяса застряли между зубами.

Один из налетчиков стоял на коленях, он молился и всхлипывал и лил слезы в свою маску. Я ухватил его лапой за грудь, круша ребра своими когтями, и выел его глаза, прямо через ткань его маски.

— Смотри-ка, он *ест*, — сказал Хендрик.

Теперь оставались лишь Хендрик и человек с винтовкой. Стрелок забивал порох в ствол. Он задрал маску выше носа, держа ремешок пороховницы в зубах. Я вскочил, пригнулся и зарычал.

Стрелок был хладнокровен. Он зарядил свое оружие пулей и утрамбовал все это как следует, потом вскинул винтовку и прицелился в меня. Я ухватился за ствол и приставил его к своему лбу. На своем зверином языке я назвал его проклятым гринго, убийцей женщин и детей, человеком без чести...

Он выстрелил, и пуля расплющилась о мой череп. Я ощутил, как обожгло мое покрытое шерстью лицо, но боли не почувствовал.

Исступленный восторг убийства радугой сиял во мне.

Я проделал дыру в его голове своим большим пальцем, потом вставил в эту дыру пороховницу из рога и сунул его голову в огонь. Взрыв получился что надо, он наполнил воздух запахом пороха и крови.

Я выпустил тело стрелка и взглянул на Хендрика. Он медленно аплодировал.

— Значит, ты у нас жутко свирепый, да?

Когда я прыгнул к нему, он сбросил маску. Глаза его все еще горели, но кожа стала грубой и темной, вокруг лица вздыбилась от ярости шерсть.

Я, должно быть, застыл на лету.

— В чем дело, Лис? Ты что, никогда раньше не видел Волка?

Рот Хендрика изменял форму, из него торчали острые зубы. Тело его вытянулось и одежда разлетелась по швам. Из пальцев его перчаток высунулись костяные ножи. Я взвыл и бросился на него, я бросался на него; кусал, рвал на части. Могучие когти вонзились в мой бок.

Мы дрались насмерть, вот только ни один из нас не мог победить.

Хендрик грыз мое плечо, пока лапа не повисла на одной только полоске хряща. Я выбил ему челюсть, свернув ее набок. Оба мы мигом исцелялись и продолжали биться.

Хендрик был крупнее меня, он и стал хозяином положения. В конце концов он победил меня и унизил. Он ткнул

меня лицом в грязь, смешанную с кровью моей женщины, и обдал меня струей едкой мочи. Я ощущал на себе его запах много лет.

С восходом солнца мы оба преобразились. Смертельная ярость покинула меня, хотя солнечный свет явил новые свидетельства зверства, учиненного над моей семьей и моим народом. Мой кроха-сын висел на столбе, подвешенный за ногу.

Хендрик и я — мы не разговаривали, но сидели друг напротив друга в сожженном поселке. Я слушал, как шумит ручей и с треском оседают головешки.

— Жалко мне тебя, гризер, вот что, — сказал Хендрик, перед тем как уйти. — Я стал тем, кем стал, и это мой путь, а на тебе *проклятие*...

Тогда я не понял его слов.

IX

— А вот эта малютка — это уравнитель, — сказал Мулдон Пец. — Самая-современная-и-универсальная-штука: помповое ружье, гранатомет и огнемет разом. Идеальное оружие бунта.

Комик, чья пышная прическа придавала его физиономии сходство с сахарной головой, взвесил в руке уравнитель и принялся позировать с ним. Его рука полностью исчезла внутри оружия. Возможно, он проходил пробы на роль для «Черного Терминатора».

Стюарт смотрел в свою, наполненную экзотической выпивкой с кусочками фруктов, половинку кокосового ореха, пока гости охали и ахали над кучей сверкающих стальных смертоносных игрушек. Он думал, что ружья и ножи, развешенные на стене, — кинореквизит, но Пец так и рвался объяснить, насколько они настоящие.

— А оно заряжено? — выдохнула Летиция Сикс, старлетка с кофейного цвета кожей, втиснутая в обтягивающее коротенькое огненно-красное платье.

— Какой прок в незаряженном оружии, детка?

Пец приплясывал, словно танцуя щимми со своим металлическим партнером, покачивая бедрами в сторону девушки.

Он был одет в сшитый из кусочков кожаный пиджак, украшенный вышитым блестками рычащим львом, мешковатые просвечивающие шаровары, модные (и дорогие) в этом году. Он издал что-то вроде «тра-та-та-та» и обрушил на смеющихся гостей воображаемую смерть.

«Добро пожаловать в Черную Стаю», — подумал Стюарт.

Это была этническая элита: скретч-рэперы, комики-сквернословы, эпигоны Спайка Ли и Уэсли Снайпса, отсортированные по цветовому признаку исполнители в ассортименте: диджеи, политики из низшего эшелона, телекорреспонденты-трансвеститы. Вместо белых красоток на вечеринке присутствовали «шоколадки» вроде Летиции Сикс. Невозможно было не вообразить себе пятóк таких Летиций, только помоложе и не таких потрепанных.

Стюарт побрел из комнаты оружия к бассейну, где полное джакузи было набито молодыми чернокожими сценаристами и режиссерами, дожидавшимися, когда их имя впервые мелькнет в титрах. Все они сгрудились вокруг заполненного дымом хрустального шара. Они сосали торчащие из шара соски и живописали свои прожекты, состязаясь в россказнях о том, какой крутой шпаной были те, кого им удалось сделать.

На этих писаках не было ничего, кроме золота: цепочки, браслеты на руках и ногах, кольца на членах, сережки в носах, узорные пояса. Массовка для негритянского порно *«Клеопатра»*.

— Будьте как дома! — прокричал автор творения «Моя мама — торговка крэком[1]». — Побулькайте с нами, приятель. Тот, кто написал «Зыбкое болото» и сумел выбраться из такой дыры, заслужил свое право на пузыри.

Стюарт не был уверен, идет речь о пузырях в джакузи или в хрустальном шаре. Он, безусловно, чувствовал бы себя не слишком удобно, стянув трусы фирмы «Маркс энд Спаркс» и застряв здесь с этой оравой. Самый неприятный свой жизненный опыт он приобрел подростком на поле для регби.

— Как-нибудь в другой раз, — ответил Стюарт фразой из англо-американского разговорника.

---

[1] Крэк — рафинированная кристаллическая форма героина, сильнодействующий наркотик.

— Вы даже не представляете, что теряете, дружище!

В оружейной комнате (именно здесь, а не за столом люди заканчивали все начатые беседы на этой вечеринке) разглагольствовал Пец. Когда «в очередной раз» время придет, он будет готов со своим уравнителем «защищать мой дом, мой народ».

Пропустив начало, Стюарт не понял, собирается ли Пец защищать свой народ от бунтовщиков или от полиции. Один сценарист, который просмотрел синопсис «Крадущейся тени», зажал его в угол и четверть часа читал ему наставления: Стюарт должен изменить героя, сделав его вместо полицейского гангстером. «Коп — естественный враг черного человека, Финн. Мы должны перестать делать копов героями».

Сочинитель несколько отвлекся от темы, разразившись диатрибой против всех актеров, которые запродались полиции, играя героев-копов: Пуатье, Вупи, Мерфи, Вашингтон. Он как раз прохаживался по «Убийце полицейских», когда кто-то напомнил ему, что Айс Ти играл копа в «Нью-Джек-Сити».

Пец нагрузился еще большим количеством оружия. «Шоколадки» обвешали его пистолетами, словно новогоднюю елку для террористов. Стюарт видел «Эльфийский патруль», последний хит Пеца, и был о нем не самого высокого мнения. Его коронной фразой было «Сука, дерьмо долбаное!», так же назывались его самый продаваемый CD и скретч-рэп-сингл. Пец играл копа в «*Эльфийском патруле*», и Стюарт ехидно подумал, не упомянуть ли об этом во время следующего пассажа сценариста.

Теперь Пец был полностью оснащен — его витрина опустела, и он нацепил на себя все свое оружие, — и ему захотелось веселья. Одна из девчонок, в волосах у которой была пробрита широкая полоса, взгромоздилась на табурет и закапала ему из пипетки жидкость в оба глаза

Стюарт полагал, что накачивать зонком ходячий склад оружия не слишком разумно. Пец одобрительно вопил и потрясал своими пушками, лязгая, как телега старьевщика. Раньше или позже он начнет палить. Если будет не слишком обдолбанным, он сделает это во дворе, потому что это его дом; а если *слишком*, так он может себе позволить поменять потолок или стенку. А может, даже и гостей.

— Слыхали про то, как Мулдон кинул гранату в бассейн Майка Овица? — спросила Летиция.

Всякий раз, как Стюарт оказывался рядом, Летиция была очень мила. Звезда серии «эротических триллеров» «Бархат», спрятанных в видеомагазинах на самых верхних полках с пометкой «Детям до 17 смотреть не рекомендуется». У Стюарта в кармане блейзера лежала карточка Летиции: пластиковая со встроенным чипом, и, если ее погладить, она шептала имя и номер телефона владелицы.

Прошлой ночью: гараж, битком набитый покойниками. Сейчас: бассейны, кинозвезды. Лос-Анджелес его совсем запутал. Город переменчивых настроений.

— Стюарт Финн? — спросил молодой человек в очках с тонкой золотой оправой.

Когда они обменивались рукопожатием, Стюарт понял, что на молодом человеке хирургические перчатки. В последние дни он уже такое видел. Очередная причуда озабоченных сохранением здоровья, АНТК: абсолютно никаких телесных контактов.

— Осмен Коллинз, — назвался тот.

Пальчики Летиции с алыми кончиками скользнули вверх-вниз по пуговицам рубашки Стюарта. Ему подумалось, что уж она-то не боится телесных контактов!

— Я из Реалити-програм, канал сто восемьдесят семь. Криминальные вести. Мы слышали, что вы были на месте происшествия на Обрегон-стрит?

— Обрегон-стрит?

— Гараж.

Стюарт сообразил, что́ Коллинз имел в виду.

— Мы делаем дополнительный репортаж и хотели бы договориться насчет интервью.

Коллинз говорил монотонно и без выражения. Стюарту показалось, что ему неловко.

— Боюсь, что я подписал контракт с департаментом полиции Лос-Анджелеса, — пожал плечами Стюарт. — Одно из условий моего участия в патрулировании: я не должен ничего обсуждать со СМИ.

— Разумеется. Но контракт можно и обойти.

— У меня впереди еще пять ночей, — ответил он, взглянув на свои часы. — На самом деле мне пора. Патрулирование начинается в полночь.

— Насчет Обрегон-стрит есть серьезные вопросы, — настойчиво продолжал Коллинз. — Рюи заявил, что конкретных подозреваемых нет.

Что-то теплое и влажное скользнуло Стюарту в ухо. Язык Летиции. Он ждал этого двадцать три года и теперь должен уматывать. Согласится ли Бархатная Вульва, как она *сама* представилась, подождать до следующего раза?

— Ну, это, конечно, фургон, — сказал Стюарт. — Люди из фургона.

— Какого фургона?

— Черного фургона, что выехал из гаража.

— В сообщениях ничего не говорится о фургоне.

— Ах ты, чтоб тебя! — промурлыкала Летиция уголком рта. — Будь любезен, исчезни.

Коллинз, продолжая обдумывать фургон, исчез.

— Ах вы, британцы, — сказала Летиция, — занялся бы лучше делом.

Крохотная мыслишка (не нужно было упоминать про фургон: нарушение контракта) съежилась у него в мозгу. Другие мысли занимали все больше места, были более важными.

— Эй, — завопил Пец, — Бархатная Вульва, даешь по полной!

Один из его пистолетов, тот, что поменьше, выстрелил, проделав в стене дыру размером с большой палец. Все засмеялись.

Стюарт принес свои извинения.

X
Из «Песен» Диего

Если я мог превращаться, значит, другие тоже могут. Я не слишком удивился, узнав, что я не один такой. Древние предания откуда-то же взялись. Но то, что сказал Хендрик насчет проклятия, сильно меня встревожило. Я понял,

что не знаю, кто я и что я. Но опять-таки, кто из нас может сказать, что до конца понимает все?

Лет, может, через десяток мои пути пересеклись с караваном. Он вез груз женщин: невесты, заказанные по почте для шахтеров Калифорнии, оплаченные вперед утробы, которые должны были принести богатый урожай детишек-англосов. Многие были из далеких уголков Европы. Ирландки, немки, датчанки, венгерки. Даже цыганки. По-английски говорили единицы, не говоря уж об испанском.

Некоторое время я ехал вместе с начальником каравана. Дорога была тяжелая, через пустыню, обжигающе горячую днем и холодную ночью. Были и болезни, и трудности, и лишения, и несчастные случаи. По прошествии месяца я заметил, что лицо одного из погонщиков начало светиться все ярче и ярче. Он пристрастился, как он сам говорил, «дырявить» невест. Если бы начальник каравана не повесил его, я бы его убил.

Среди невест ехала девушка из Сербии, которая одновременно была Кошкой, большой Кошкой. Едва увидев ее, я знал, что она может превращаться. Ее месячный цикл и мой не совпадали, так что Лис никогда не встречался с Кошкой. За свою многовековую жизнь Милена выучила языки; именно это выделяло ее из всех, а не способность превращаться. Она была переводчиком между женщинами и караванной обслугой, и теми, с кем нам случалось встретиться, тоже.

Я спросил Милену, что Хендрик имел в виду, говоря о моем *проклятии*, но она не сумела помочь мне понять, хотя сама, как ей думалось, поняла. Я уразумел лишь, что это чем-то отличается от обычных изменений, вызванных лунным светом, что делает меня не таким, как остальные из превращающегося народа.

— Люди называют нас порождениями тьмы, — объясняла Милена, — и они имеют для этого достаточно оснований. Многие, может, даже большинство, из нас такие же, как этот Хендрик, — звери в человеческом обличье. Наше место во тьме, наша сила — ночная. Но твоя сила — от луны. Лунный свет — это свет солнца, отраженный серебряным зеркалом. Ты — порождение света, возможно, даже пленник света. Я охочусь там, где хочу, потому что кошки не признают правил. Путь, кото-

рым следуешь ты, жестко определен и одинок, потому что ты должен вечно преследовать зло в людях, должен вечно защищать свой народ. При этом ты никогда не сможешь по-настоящему быть со своим народом, потому что ты превращаешься. Я не завидую тебе, Диего, однако признаю, что ты лучше меня, наверное, лучше нас всех.

Вскоре после этого я убил одну немку, даже не зная почему. Лицо ее горело призрачным пламенем, так же тошнотворно и ярко, как лица худших из грабителей или мерзавцев, когда-либо убитых мною. Оказалось, эта женщина задушила двух своих детей и забрала себе их порции воды. Когда мы пересекали пустыню, умерло множество женщин, которых могли бы спасти несколько капель воды.

Начальник каравана сказал, что женщину, должно быть, загрыз кугуар или койот. Цыганки и венгерки бурчали, что они-то знают, что к чему. Я ушел оттуда на следующую ночь, убежал, обернувшись Лисом.

Позднее я услышал историю про караван, который набросился на одну из ехавших в нем женщин и заживо содрал с нее кожу, чтобы проверить, не покрыта ли она с изнанки шерстью.

XI

— А вот еще одна шикарная идея, парень, — сказал Гарсиа. — Этот кон становится знаменитым мексиканским борцом, El Demonio Azul, и тайно...

Жалобный визг оборвал кинематографические фантазии Гарсиа, таким образом система местного оповещения объявляла: «Всем внимание!» Все полицейские в раздевалке уставились на настенный экран. Как и во всех общественных зданиях Лос-Анджелеса, полицейский участок имел собственную интерактивную телестанцию, вещающую из студии на верхнем этаже. Сначала шла реклама: страхование и пенсионные фонды, улучшенная двуязычная подготовка для аттестационных комиссий, зазывные в духе курортных рекламных проспектов, описания окраинных участков, нуждающихся в кадрах, новые виды защитного снаряжения. Потом дежурный сержант в ореоле голубых завитушек на фоне рас-

плывчатых, медленно кружащих вспышек начал передавать сводку полицейских новостей.

Замелькали фотографии. Скочмен смотрел внимательно, легонько кивая всякий раз при виде знакомого лица. Сержант загружал свои патрульные команды новой информацией: кто-то из наркоторговцев поднялся в иерархии вверх, перейдя от изнасилований через вооруженный грабеж к убийству; другие сползли вниз, их кусок наркотического пирога уменьшился, поскольку они уступили свою территорию вновь пришедшим.

— В результате событий прошлой ночью на Обрегон-стрит криминальное сообщество, известное как Калдиарри, вышло из игры, — объявил сержант, к всеобщей радости. На экране появилось нечто похожее на любительскую видеосъемку из гаража, камера кружила вокруг подвешенного парня. С распростертыми руками и упавшей на грудь головой, он казался распятым. Топорная компьютерная графика изобразила свиреную рожу, которую Стюарт видел на куртках мертвых юнцов, перечеркнутую жирным черным крестом. — Это расследование закрыто. Шеф Рюи похвалил работавших на месте происшествия полицейских за службу.

На внутреннем экране инфракрасного порта появились служебные фотографии Гарсиа и Скочмена, и полицейские принялись отпускать шуточки в адрес патрульной команды.

— А фургон нашли? — спросил Стюарт.

— Какой фургон? — удивился Гарсиа, отбиваясь от дружеских объятий.

— Черный фургон, — настаивал Стюарт, чувствуя себя идиотом. Что-то связанное с Обрегон-стрит засело занозой в уголке его сознания. — Ну, той ночью, помнишь?

— Не видел никакого фургона, парень, — заявил Гарсиа, скосив глаза в сторону камеры слежения с изменяемым углом обзора.

Ее направленные микрофоны могли улавливать слова, но лицо его было вне ее поля зрения. Гарсиа выразительно повел глазами.

Стюарт понял, что эту тему лучше оставить.

Множество людей носят по ночам темные очки, тем более такие, что при этом еще и идут с белой тростью. Но эта

слепая девушка размахивала короткоствольным пистолетом. Далеко не столь привлекательный с эстетической точки зрения, как любая вещица с витрины Мулдона Пеца, он все же был способен продырявить человека. Гарсиа выхватил пушку из ее пальцев и сдернул темные очки с носа подозрительной особы. Ее глаза были в красных прожилках, с крохотными желтыми радужками, похожими на гнойные прыщи.

Девушка была просто никакая: третья степень наркотического опьянения.

Приятели девушки отступили и позволили полицейским арестовать ее. Компания гурьбой вывалилась из какого-то паршивого клуба в Джунглях, наделав там достаточно шуму, чтобы администрация все же вызвала полицию. Наверное, смылись не заплатив, и охрана клуба капнула на них в полицию, чтобы та привела их в чувство.

В окнах, узких, как бойницы, пульсировали стробоскопические огни. Группа под названием «Заклятое племя» наяривала скретч-рэп «Сердечный приступ и лоза». Борец сумо в боевых доспехах забаррикадировал дверь, наблюдая, как Гарсиа и Скочмен делают свое дело.

Когда Скочмен подтолкнул наркоманку к патрульной машине и отстегнул от пояса одноразовые наручники, до Стюарта вдруг дошло. Он понял, что так беспокоило его с этой Обрегон-стрит.

Безумные глаза наркоманки налились кровью, она выворачивалась и отбрыкивалась наугад. Она была в короткой юбке и армейских ботинках. Скочмен увернулся от пинка и ткнул ее дубинкой в бок. Раздался треск, запахло озоном. Она была настолько одурманена, что не почувствовала разряда.

— Тот Калдиарри в гараже был в наручниках, — вслух произнес Стюарт, вспоминая жуткую картину. — Его руки были подняты над головой. А на записи в новостях у него руки были раскинуты в стороны, как у пугала. Кто-то снял с него наручники.

— Дело закрыто, — бросил Гарсиа. — Забудь об этом, парень.

Гарсиа вступил в дело и принялся бить наркоманку. Он сгреб ее за ирокез и ударил головой о капот. Ее воинственный пыл угас. Скочмен накинул пластиковое лассо с храповиком

на запястья правонарушительницы и туго затянул его. Разрезать его можно будет только специальными ножницами.

«Какой-то заметавший следы полицейский, должно быть, разрезал наручники на Обрегон-стрит. Они были одноразовые, поэтому их просто выкинули».

Дружок наркоманки стоял в сторонке, он был удивлен, но не шокирован. Похоже, он находил все это вполне забавным. Сражаясь с наручниками, она свернулась клубком, на губах у нее выступила пена. Тротуар, на котором она корчилась, был изрисован из баллончика с краской находящими друг на друга, затертыми очертаниями тел.

— В самый раз для клиники, — заметил Гарсиа, когда она скатилась в канаву, заваленную выдавленными контейнерами из-под зонка, остатками еды на вынос из «Маклиттера» и пустыми коробками.

Скочмен помог девушке подняться и утер ей рот.

Бойфренд засмеялся и потрусил прочь, перебираясь вместе с дружками в очередной клуб. В какую-нибудь из ночей это уже он будет пускать розовые пузыри на тротуаре.

«Зачем было полицейским срезать наручники? Потому, что *наручники* означает *полицейские?*»

Копы покрывают копов, это было первое, что Стюарт узнал за время патрулирования: Скочмен отвлекал его, пока Гарсиа глотал «колеса». Гарсиа прав: он не должен думать об этом, это значит только зря голову ломать.

Подъехала «скорая помощь». Наркоманы считались чем-то средним между преступниками и жертвами и имели право на гарантированную медицинскую помощь. Фельдшер, парень-китаец в темном комбинезоне, спрыгнул на тротуар.

— Почему такая маскировка? — спросил Стюарт.

— В белом становишься слишком удобной мишенью, — ответил фельдшер.

Гарсиа помог ему погрузить наркоманку в кузов. Скочмен закинул следом ее белую трость и темные очки.

Когда «скорая» завернула за угол, Стюарт заметил, что эта машина той же модели, что и фургон с Обрегон-стрит, только в камуфляжной полосатой раскраске, а не тускло-черная.

Охранник — борец сумо глянул в небо, устало опустив плечи под тяжестью бронежилета.

— В Джунглях в полнолуние всегда так, — сказал он. — Оно действует на их гнилые мозги. Лунный свет, он как наркотик.

— Ты чего там притих, Стью? В чем дело?

Стюарт задумался. Он ничего не мог с собой поделать; мысленно он все пытался увязать все факты в один ряд. Та картинка, что, похоже, получалась у него в голове, выглядела ужасно, но остановиться он никак не мог и продолжал раскладывать недостающие кусочки мозаики по местам.

Они ехали по хорошо освещенной улице. Здесь находились клубы и ночные магазины. И тут и там прогуливались пешеходы, лавируя между машинами.

Плакат с именами пропавших без вести в Лос-Анджелесе. Полицейские наручники на парне из клана Калдиарри. Гараж, битком набитый мертвыми наркоторговцами. Закрытое расследование. Фургон, такой черный, что совершенно растворяется в ночи.

Из темноты донеслись выстрелы. Гарсиа вздрогнул.

Всякий раз, как Стюарт включал в отеле телевизор, шеф полиции Рюи говорил о войне наркотикам. Рюи напоминал ему Гомеса Аддамса[1], маленький человечек с хищной улыбкой, в костюме в тонкую полоску. После шефа всегда выступала мэр Джут, предлагая выделить дополнительные средства специальному подразделению по борьбе с наркотиками.

Стюарт мысленно уже окрестил эти спецподразделения. *Командой Смерти.*

— Чертовы Джунгли! — ругнулся Скочмен, ударив по тормозам.

Посреди улицы, подобно баррикаде, торчал перевернутый автомобиль. Два подростка с пистолетами скорчились позади него, ведя перестрелку с кем-то засевшим на низкой плоской крыше.

Пуля угодила прямо в армированное ветровое стекло, но пробить его не смогла. Стреляли с крыши.

---

[1] Гомес Аддамс — главный персонаж популярного пародийно-готического сериала «Семейка Аддамсов». — *Прим. пер.*

— Я им все мозги повышибаю! — проворчал Скочмен, вынимая из зажима помповое ружье.

Он выскочил из машины, низко пригнулся и метнулся через улицу. Гарсиа по рации запрашивал помощь.

Скочмен выпрямился и выстрелил по крыше, ни в кого особенно не целясь.

Гарсиа окончил вызов:

— На этот раз, парень, сиди тут. Голливуд не может позволить себе потерять тебя. Ему нужны все таланты, какие только он может заполучить.

Гарсиа вытащил свой кольт «питон» и выскользнул через боковую дверь.

Гарсиа и Скочмен не возвращались. Стюарт слышал выстрелы, крики и звуки сирены. Рация в патрульной машине потрескивала, но никаких сообщений не было. Он ерзал на скрипучем сиденье и думал о пропавших без вести, вспоминая, как пастельно-удушливый газ обволакивал протестующих женщин на Миллениум-плаза.

Если по каким-то недоступным Стюарту соображениям вы *хотите* иметь Миллениум-плаза, вы должны иметь и Джунгли тоже. Так уж устроен город. Все эти люди на вечеринке у Мулдона Пеца стоят на спинах и головах уличного отребья, кидающегося врассыпную, едва начнется стрельба. Если Пец только сунулся бы к этим бунтовщикам, пусть даже волоча с собой свой драгоценный уравнитель, он бы и семи секунд не прожил, как кто-нибудь взял бы на мушку его ничем не защищенную башку и оборвал его последнюю хохму. И Стюарт Финн не обманывал себя, будто он лучше приспособлен к выживанию в этом Городе Дарвина.

Улица была теперь пуста, словно ее перегородили для киносъемки. Перестрелка ушла куда-то дальше. Гарсиа и Скочмен, должно быть, пустились в погоню. Все остальные благоразумно решили убраться подальше.

Стюарт уже набрался достаточно впечатлений для сценария, и ему хотелось домой. Он может работать в Бате и пересылать страницы в «Нью фронтир» по факсу. Там городской совет, возможно, и бывал недоволен лишними расходами на полицию, но даже самые фанатично настроенные не предла-

гали согнать всех преступников в одно место и всадить им по пуле между глаз.

Кто-то постучал костяшками пальцев по стеклу возле его головы, заставив вздрогнуть. Он выглянул наружу и увидел грудь в черной полицейской форме. Рука в перчатке поманила его пальцем.

Стюарт был озадачен, потом сообразил, что ему предлагают выйти из машины. Он кивнул и толкнул дверь. Та не поддавалась. На внутренней ручке светился зеленый огонек. Как в лондонских такси, задние двери можно было запереть с приборной панели. Чтобы помешать задержанным удрать. Прошлой ночью, на Обрегон-стрит, дверь не была заперта, поэтому он и смог забрести в гараж и увидеть то, что он не должен был видеть.

Он пожал плечами, извиняясь перед типом в униформе. Зеленый огонек погас, и дверь открылась. Замок открыли с пульта дистанционного управления. Стюарт вышел и вгляделся в серебристый щиток защитного шлема. В нем отражалось его собственное лицо с выпученными глазами. Другие люди в униформе, вызванное офицером Гарсиа подкрепление, стояли рядом. У них не было знаков различия, просто черные комбинезоны и защитные шлемы. Стюарт мог понять, что это полицейские, по их увешанным смертоносной всякой всячиной ремням. И по походке, по манере стоять, по повадке. Актеры бы так не сыграли.

Стюарт указал в ту сторону, куда скрылись Гарсиа и Скочмен. Человек в униформе помотал шлемом и положил перчатку на плечо Стюарта, потом резко развернул его лицом к патрульной машине.

Что-то впилось Стюарту в правое запястье, словно собачьи челюсти, и он услышал знакомый треск. На него надели наручники.

Поверх автомобильной крыши он увидел черный фургон, в который садились люди в униформе, и по ногам у него потекло. Он упал, прежде чем тип в униформе успел защелкнуть наручник на втором его запястье, и понял, что визжит.

Он писатель, а не какой-нибудь герой. Ему не спастись. Он станет одним из пропавших без вести.

Продолжая визжать, он сжался и втиснулся под машину. Он зажмурил глаза, но ничего не изменилось. Он видел ботинки. К ним присоединились другие. Загудела рация.

Стюарт понимал, что они осторожничают. Никто не полез за ним, потому что никому не хотелось лечь на землю и получить пулю в случае, если он тут сжимает в руке собственный пистолет и готов продырявить их защитные шлемы. Патрульная машина весила несколько тонн, и поднять ее они не могли. Случайно или инстинктивно, он нашел хорошее убежище.

Что-то маленькое и белое выпало из его кармана и упало на припорошенный песком асфальт возле его щеки. Карточка Летиции Сикс. Она принялась декламировать имя Летиции, адрес, телефон и факс, данные ее представителя и список основных ролей.

Он поднял голову и стукнулся о днище машины. Боль пронзила череп.

Эти полицейские ублюдки подставили его. Гарсиа и Скочмен. Что там насчет пикарной идеи? Тот писака был прав: полицейский — естественный враг черного человека, даже такого черного человека, который окончил привилегированную частную школу и ни в коей мере не был ни хулиганом, ни наркоманом, ни даже проклятым американцем.

Ботинки переместились, цокая каблуками по мостовой. Он услышал, как открывается дверца машины. Пол был бронированный, так что через него они стрелять не смогут. В данный момент он был в безопасности, как черепаха в панцире. Но это ненадолго. Они вполне могут полить улицу бензином и бросить спичку.

Возможно, его отец, как Джек Леммон в «Пропавшем без вести», положит конец существованию лос-анджелесской «Команды Смерти» в порыве политической ярости, порожденной горем. Хотя вряд ли.

Громко заработал двигатель, прямо у самой его головы. Они собирались отогнать машину на несколько ярдов и оставить его без укрытия, точно червяка под поднятым камнем. Он изогнулся, чтобы взглянуть на свои ноги. Машина двинулась, и на них упал лунный свет. Он подтянул к себе руку, чтобы пальцы не расплющило колесом, и ударился локтем о броню.

Лежа, как зверек, подобравший под себя конечности, он ожидал пулю. Ботинки приблизились и окружили его. Он поднял глаза на ноги в черных штанинах, потом на увешанные оружием ремни, на защищенные бронежилетами груди и лишенные выражения серебристые экраны.

Ему вспомнился тот мальчишка с Обрегон-стрит, похожий на распятого. Внезапно он начал молить Бога о пуле. Иначе его так же подвесят и обработают.

Один из команды с треском расстегнул застежку шлема и стащил его с головы. Он был молодой, с невыразительным лицом и зачесанными назад длинными волосами.

— Я всегда предпочитаю работать с открытым лицом, — сказал он.

XII
Из «Песен» Диего

Этот город рос, обступая со всех сторон деревню, где я родился, распуская щупальца по всему штату. Куда бы я ни шел, я все равно оказывался снова в Лос-Анджелесе.

В тысяча девятьсот девятнадцатом году моя *корридо* нагнала меня.

Я продолжал сражаться, убивая владельцев консервных заводов и фруктовых плантаций, которые угнетали мой народ так же жестоко, как любой из *патронов* в прошлом. На самом деле многие были куда хуже: когда есть избыток рабочей силы, потери вполне допустимы. Если избивали организатора профсоюза или замученная работой семья умирала с голоду, их места жаждала занять очередь других несчастных.

Это был год Великой эпидемии инфлюэнцы. В считаные месяцы болезнь выкосила больше моего народа, чем сумел бы самый жестокий тиран-хозяин за всю свою жизнь. И что мог я поделать? Я не в силах был убить болезнь.

Девяносто лет я убивал врагов моего народа. Но я был один. Смертоносный поток бушевал вокруг меня, и он становился шире и стремительнее. Я понимал, как мало могу

сделать, но каждую лунную ночь все равно сражался, убивая снова и снова.

В том году я оставил свой зигзаг на многих шкурах.

Когда созревал виноград, сезонные сборщики объединялись в артели и нанимались на работу. Я был в их числе. Мы переселялись в лачуги, выстроенные возле виноградников, в общие бараки в пригородах.

Во время уборки урожая я нашел у себя под койкой в бараке журнал, оставленный одним из немногих англосов, работавших на виноградниках. Это был еженедельник «All Story», а в нем — третья часть «Проклятия Капистрано», романа Джона Маккалли[1].

Действие происходило в Старой Калифорнии, которой она никогда не была, автор смешал в одну кучу самые разные времена: время миссионеров, время мексиканского владычества, время «золотой лихорадки». Героем этого идиотского вымысла был дон Диего де ла Вега, молодой дворянин, который напялил на себя маску и стал отступником. Этот защитник добродетели и справедливости называл себя Зорро, Лис. В этом Зорро я уловил отголоски историй Хоакина Мурьеты и Соломона Пико. Но в его знаке, который он элегантно чертил острием клинка, а отнюдь не когтем, я узнал себя.

Как все люди, мы рассказывали всякие истории и пели песни. Нет такого, о чем нельзя сложить историю или песню. Я уже явно прокрался в эти легенды, и в пересказах они дошли до этого писателя-англоса. Я не знаю, где МакКалли услышал про зигзаг.

В первый момент я был потрясен, но решил, что эту невразумительную книгу скоро забудут. Насколько я мог судить, она была не слишком хорошей.

На следующий год я был в бегах. Впервые ночные подвиги Лиса не были списаны на какого-нибудь зверя. Имя Диего

[1] Легенда о Зорро впервые была записана в 1919 году Дж. Маккалли, репортером криминальной хроники и беллетристом. Сначала истории о Зорро публиковались в издании «All Story Weekly». Затем они были изданы отдельным романом под заглавием «Проклятие Капистрано», который пользовался феноменальной популярностью.

прозвучало в полицейских расследованиях, и мое описание было передано в агентство Пинкертона, нанятое на деньги тех, кого я убивал. Наука нового столетия наступала мне на пятки.

Я нашел приют в сердце растущего города. В старом районе вокруг только что появившегося, новенького вокзала. В Калифорнию прибывали целые толпы тех, кто хотел работать в кино. Ковбои и красотки разгуливали по улицам, надеясь, что их заметят. Тысячи людей были наняты для «Нетерпимости» Д. У. Гриффитом, который уже царил тогда на съемочной площадке.

В миссии (я вернулся наконец в мир моего отца) я услышал, что киностудия ищет мужчин из моего народа. Они платили до пятидесяти центов в день.

В период между полнолуниями я должен был что-то есть, как и все остальные, так что я пошел на студию «Юнайтед артистс». Толпа рыжеволосых ирландцев и упитанных шведов во всю глотку вопила «карамба!» и «арриба!». Вместе со многими другими меня отобрали «в массовку» в новом фильме Дугласа Фэрбенкса.

В первый же день помощник режиссера, в бриджах и вязаной шапке, выделил меня как «типаж». Мне подыскали костюм, карнавальную пародию на одежду *рико*, и приклеили на губу усы, выдали шляпу и шпагу и отправили на съемочную площадку.

Теперь это называют немым кино, но в съемочном павильоне было шуму больше, чем на фабрике или на поле боя. Воздух звенел от треска декораций, стрекотания камер, криков режиссеров, болтовни массовки и грохота бутафорских разрывов. Небольшие инструментальные ансамбли громыхали, соревнуясь в громкости друг с другом, создавая «музыкальное сопровождение» для любовных, насильственных, трагических и комических сцен.

Декорации Фэрбенкса представляли собой *гасиенду* в Старой Калифорнии или какую-то тому подобную чушь. Появился Дуг, как его все называли,— на удивление маленький человечек, что объясняло, почему многие мужчины, внешне ничем не хуже меня, но более высокие, не смогли получить роль в его фильме. Он был одет в черное, на нем были маска и широкополая шляпа.

Хотя Дуг Фэрбенкс был коротышкой и толстяком, это был настоящий герой, который и выглядел как герой. Его лицо, к моему облегчению, не сияло сверхъестественным светом. Я никогда не убивал никого из знаменитостей, возможно, этим объясняется мое долголетие.

В сцене, где в него стреляют под ослепительными огнями дуговых ламп, Дуг сражался на шпагах со злодеем-офицером (тип, который я помнил слишком хорошо) и окончательно унизил своего поверженного противника, оставив острием клинка на его шее отметину.

После того как поединок был снят несколько раз, на сцену вышел гример и занялся актером, который играл подлого офицера. Я стоял неподалеку, завороженно глядя, как гример делает свое дело, искусно изображая свежую рану. Дуг подошел и довольно ухмыльнулся при виде раны, предположительно нанесенной им.

Это был зигзаг. *Мой* зигзаг.

— Как называется этот фильм? — спросил я у другого статиста.

— «Знак Зорро», — ответил он.

XIII

У Стюарта перехватило дыхание, когда коп-убийца опустился на колени рядом с ним и тяжело уперся ему в грудь ногой в мягком наколеннике. Коп вытянул нож из ножен на своем таком практичном ремне. Зазубренное лезвие засеребрилось в лунном свете.

Этот нож будет последним, что Стюарт увидит в жизни.

Он напечатал роман. Это уже что-то. Год назад он говорил, что, сделав это, смог бы умереть спокойно.

Полицейский занес нож для удара. В самой верхней точке замаха он помедлил на кратчайший миг.

Должно быть, он любил заниматься сексом.

Стюарт заставил себя смотреть не на лезвие, а в глаза своему убийце. И не увидел ничего.

— О чем думаешь напоследок, ниггер?

На этот раз ему не придется добрых двадцать минут размышлять, как правильно ответить.

Потом тяжесть вдруг разом исчезла. Какой-то зверь — большая собака? — вылетел ниоткуда и ударил копа в бок, сбросив его со Стюарта, отшвырнув на тротуар на другой стороне улицы. Они врезались в ролл-ставни ломбарда.

Там, под вывеской с тремя шарами[1], зверь вцепился в копа всеми четырьмя когтистыми лапами. Показалась кровь.

Стюарт сел, слишком потрясенный, чтобы чувствовать боль. Команда Смерти ошеломленно застыла. Зверь двигался слишком быстро, чтобы мозг успел осмыслить то, что видели глаза. Это была не собака, но это был и не человек.

Существо ухватило полицейского за горло и ударило его о ставень ломбарда. Ботинки копа болтались в нескольких дюймах от тротуара. Палец с острым когтем вонзился ему в шею. Кровь брызнула, будто сок из апельсина.

Свободной рукой — это была скорее рука, чем лапа, длинные пальцы оканчивались прочными когтями — зверь разорвал на своей жертве бронежилет и униформу, обнажив белое тело, безволосое и без всяких татуировок. Тремя взмахами руки он начертал знак.

Зигзаг.

Зверь нажал еще сильнее, и голова копа с хрустом отделилась от спинного хребта. Существо отбросило свою жертву.

Команда Смерти выхватила оружие и разрядила его в зверя. Того отбросило на ставень, в его густом рыжем мехе зазияли дыры. У Стюарта заложило уши от невыносимого грохота близкой пальбы. Позабытый всеми, он с трудом поднялся на ноги.

Надо бы было бежать.

...Но он должен был увидеть, что будет дальше.

После долгой согласной стрельбы Команда Смерти прекратила поливать воздух пулями, чтобы взглянуть на свою жертву.

Эй, мужики, похоже на ту тварь, за которой мы гонялись прошлой ночью. Чудище, наверное, сбежало из зоопарка или еще откуда-нибудь...

---

[1] На вывеске ломбарда обыкновенно изображены три золотых шара — вывеска ростовщика (предположит. от герба рода Медичи). — *Прим. пер.*

Зверь еще стоял, опаленный и дымящийся. Его разодранная шкура была пробита и обожжена. Но он не был мертв, не был, казалось, даже ранен.

Стюарт заглянул ему в глаза. Это были какие-то не звериные глаза, совсем не звериные.

— Добейте его в голову! — приказал кто-то.

Появилась винтовка, и красная точка задрожала на лбу существа. Винтовка выстрелила, раздался хруст кости.

— Есть.

Среди густого и более темного меха на месте бровей появилась черная заплата, но глаза были по-прежнему живыми.

— Мать...

Охотник оттолкнулся от ствяня и ринулся в атаку. Кроме мертвого киллера, в команде было семь человек. Двадцать секунд спустя все они были мертвы или умирали.

Стюарт не мог отвести от него взгляда. Охотник был быстр и точен, как грациозный, но смертельно опасный танцор. Великолепные мышцы перекатывались под густой шерстью. Глаза, зубы и когти сверкали серебром. Местами серебро было окроплено красным.

Некоторые коны снова открыли огонь. Другие пытались бежать. Все было бесполезно. Униформы трещали. Булькающие вопли раздавались из раздавленных шлемов. Конечности отрывались от тел, точно прутики от ветки, липкие кольца кишок вываливались из вспоротых когтями животов.

Все мертвецы были помечены зигзагом.

Все закончилось быстрее, чем уши Стюарта перестали болеть от пальбы. Он еще не успел привыкнуть к мысли, что спасен от ножа.

Спасен, но надолго ли?

Человекозверь, который истребил Команду Смерти, приземлился на все четыре лапы среди своих жертв, не обращая внимания на еще слышные стоны. Довольный, с набитым мясом ртом, он стоял прямо, на двух ногах. Окруженный мертвецами, это он был повелителем Джунглей. Широкая грудь поднялась, и охотник завыл на луну.

Вой был вполне звериным, но к нему примешивалась человеческая песнь. Стюарт знал, что на них смотрит мно-

жество глаз — из-за ставней, в окна, из переулков. В Джунглях знали про охотника. Просто не говорили о нем белым.

Песнь охотника окончилась. Он оглядел улицу зоркими никталопическими[1] глазами. Где-то в вышине рубили вязкий воздух вертолетные винты. Новое подкрепление было на подходе.

Стюарт прислонился к патрульной машине. Охотник взглянул на него, свирепо скалясь во всю пасть, все сильнее и сильнее обнажая зубы.

Охотник, сражавшийся за свою добычу, заслужил ее. На этот раз Стюарт перед смертью был спокоен.

Пасть охотника открылась еще шире. Оскал был хищный, как у акулы. Длинная голова охотника дернулась, когда он проглотил то, что жевал. Он направился к Стюарту, в его умных глазах светился явный интерес.

Глаза были знакомыми.

Стюарт понял, что человекозверь не собирается убивать его. Этот охотник нападал только на тех, кто заслуживал смерти.

Теперь охотник был совсем рядом. Стюарт видел человеческое лицо, сокрытое под звериной шкурой, но никак не мог узнать его. Человекозверь засопел, принюхиваясь. Он потянулся потрогать лицо Стюарта. Стюарт увидел безволосую, гладкую ладонь; короткие вьющиеся волоски на пальцах; отполированные, заостренной овальной формы ногти-ножи.

Охотник прикоснулся ладонью к его лицу. Стюарт постарался не вздрогнуть. Они смотрели друг на друга, и каждый что-то видел.

Человекозверь отпрыгнул, развернувшись в воздухе. Он выставил длинный когтистый указательный палец и стремительным движением нацарапал на крыше патрульной машины зигзаг, потом скачками умчался прочь.

Стюарт был на улице один с восемью растерзанными, истекающими кровью трупами.

---

[1] Никталопия — способность видеть и различать окружающие предметы в темноте. — *Прим. пер.*

* * *

Вдруг появилось множество людей, людская волна захлестнула улицу, накинувшись на мертвые тела, будто стая падальщиков. Черный фургон завели, закоротив провода, и куда-то угнали. Тела мигом освободили от пистолетов, ножей, раций, бронежилетов, ботинок, ремней, вообще от всего. Стюарта отпихнули от патрульной машины, и пятеро молодых мужчин со значками уличных банд и инструментом взялись за нее, разбирая автомобиль, словно сборщики на заводском конвейере, движущемся в обратную сторону.

Он брел сквозь мародерствующую толпу, думая о глазах человекозверя. Мир перевернулся для него: на одной земле с ним живут чудесные существа, порождения лунного света.

Вертолет снизился, и улицу залил свет, более яркий, чем свет солнца. Глаза Стюарта обожгла боль, словно он смотрел в эпицентр атомного взрыва. Взвыла сирена.

Кто-то сделал несколько одиночных выстрелов в сторону вертолета, который в ответ обрушил на улицу град пуль с бреющего полета. Пулемет поливал толпу огнем, пули оставляли выбоины в асфальте, пробивали столбы и автомобили.

Стюарту вспомнились апокалиптическая болтовня Мулдона Пеца и негритянский спиричуэл[1], который цитировал Джеймс Болдуин[2].

> Господь явил Ною радугу,
> Знак, что воды больше не будет, а будет огонь...

Все менялось так быстро, что не угнаться.

— Департамент полиции Лос-Анджелеса, — объявил механический голос из вертолета. — Прекратите нарушать общественный порядок...

Вертолет изящно опустился между телами. Полицейские посыпались на землю, без разбору паля во все стороны...

— Прекратите нарушать...

На этот раз Стюарт побежал.

---

[1] Негритянская духовная песня, гимн.

[2] Джеймс Болдуин (1924—1987) — писатель, один из ведущих представителей негритянской литературы. — *Прим. пер.*

XIV
Из «Песен» Диего

— Здорово, pachuco, — приветствовали меня у бара.

Мигель Иностроса вихрем несся по бульвару, пританцовывая на ходу, хлопая широченными брючинами с заложенными у пояса складками. Он был разодет в дрейп[1]: брюки с высоким поясом и широкими штанинами с узкими отворотами; широкополую шляпу с бархатной лентой; пиджак с широченными плечами, сильно зауженный в талии; петля цепочки от часов; остроносые, безупречно сверкающие ботинки.

Мой наряд был не менее диковинным. Мы оба были стилягами, зутерами[2]. Я вскинул руку, и он хлопнул по ней в знак приветствия.

— Бумаги пришли, Диего, — сказал он. — Тебя берут рядовым, первого класса.

Все мы поступали на военную службу. Мне подумалось, что это позволит обойти вопрос об отсутствии у меня свидетельства о рождении. Глотки в Берлине и Токио были не менее достойны внимания Лиса. Я всегда был хищником-одиночкой. Но, возможно, на службе я уже не смог бы оставаться незамеченным.

— Может, скоро ты уже будешь стоять в строю, — ухмыльнулся Иностроса.

Он был славный малый, настоящий пачучос[3], но с некоторой склонностью к политике. Мы познакомились, когда собирали деньги в Фонд Сонной Лагуны для оплаты услуг защитников.

Быть молодым и носить испанскую фамилию в начале сороковых означало быть причисленным желтой прессой

---

[1] Костюм, состоящий из длинного жакета-пиджака и широких брюк (*амер.*). — *Прим. пер.*

[2] Зут — костюм, состоящий из длинного пиджака, мешковатых брюк и широкополой шляпы. Был популярен в 30—40-е годы XX века, особенно среди латиноамериканской и негритянской молодежи больших городов. Носивших его называли зутерами. — *Прим. пер.*

[3] Пачуко (пачучос) — так в США называли молодых латиноамериканцев, вызывающе одевавшихся (зут-костюм) и, как считалось, объединявшихся в банды.. — *Прим. пер.*

к гангстерам. Когда было совершено убийство возле бухты, которую газеты Херста[1] окрестили Сонной Лагуной, были осуждены семнадцать молодых парней. «Уликами» послужили признания, выбитые из обвиняемых. Это дело было доведено до конца, невзирая на следовавшие одна за другой апелляции. Тем, чем «ребята из Скоттсборо»[2] были для негров, а Сакко и Ванцетти[3] — для профсоюзов, Сонная Лагуна стала для чикано.

Рузвельт пообещал латиноамериканцам «политику доброго соседа», но его политика не имела влияния на полицию, суды и городской совет Лос-Анджелеса.

Мы неспешно фланировали по бульвару. Бары были набиты матросами, отпущенными в увольнение в город из Арсенала Чавес-Равин. Все они ожидали отправки за океан. Город суматошно готовился к отражению удара. Перепуганным горожанам мерещились японские субмарины в муниципальных бассейнах и бомбардировщики над Ла-Бриа Тар Пиц.

Иностроса предложил пойти в кино. Там давали двойной сеанс: «Знак Зорро» с Тайроном Пауэром и «Человек-волк» с Лоном Чейни. Я видел оба фильма, но в кинотеатре всегда был народ, зутеры и их подружки. А после мы могли бы собраться компанией и пойти в один из ночных клубов, куда пускали цветных и «мексиканцев».

Было начало июня, и вечер стоял безоблачный. Ветерок пахнул апельсинами. Полнолуние уже прошло.

На углу у переулка околачивался матрос, посасывая сигарету и посматривая вверх и вниз по улице. Я сразу понял, что он стоит на стреме. Его приятели, должно быть, развлекались за мусорными бачками с проституткой.

---

[1] «Херст корпорейшн» — одна из крупнейших издательских корпораций, принадлежит семье Херст. — *Прим. пер.*

[2] Речь идет о трех судебных процессах, проходивших в 1931 году в городке Скоттсборо, шт. Алабама, над девятью неграми-подростками. Дело «ребят из Скоттсборо» [Scottsboro boys] стало известно во всем мире и долгие годы служило сильным аргументом в устах борцов за гражданские права чернокожих. — *Прим. пер.*

[3] Судебный процесс над деятелями итальянского рабочего движения — анархистами Н. Сакко и Б. Ванцетти, в итоге казненными по сфабрикованному обвинению в убийстве. — *Прим. пер.*

Увидев нас, матрос отбросил окурок и оглянулся через плечо. Его лицо слабо светилось, и это потрясло меня. В эти дни мое странное ви́дение было наиболее слабым.

В переулке кого-то били. Мы остановились рядом с матросом и заглянули ему за спину. Пятеро его дружков, в фуражках набекрень, били и пинали ногами парня в костюме зутера.

Матрос крикнул им; его приятели тут же прервали свое занятие и выскочили из проулка. Нас окружили белой стеной.

— Чертовы зутеры! — сплюнул самый мелкий из матросов.

Зутеры в тысяча девятьсот тридцать четвертом году пришли на смену «гризерам».

Военнослужащие-англосы воспринимали зут-костюм как вызов всем мужчинам, одетым в форму. Совершенно необоснованно считалось, что зутеры — это уклоняющиеся от призыва, соблазнители оставленных солдатами дома возлюбленных, сыны фашистской Испании, спекулянты с черного рынка.

— Снимай штаны! — заявил матрос, с силой толкая меня в грудь.

Я зарычал, Лис внутри меня пытался вырваться на волю. Полнолуние только что прошло.

— Скоты проклятые! Ты только погляди, сколько масла в волосах у этого гомика, Костиган.

— Снимай штаны! — повторил Костиган.

Матросы начали рвать на нас одежду. Мы отбивались, но к ним подоспела подмога. По барам пролетел слух, что флотские взялись проучить эту шпану — зутеров. Многие матросы плюс еще солдаты и морские пехотинцы поспешили поучаствовать.

Иностроса отбивался сильнее, чем я. Я так долго полагался на Лиса, а теперь остался один Диего. Лис исчез на целый месяц.

С нас содрали всю одежду до белья и бросили посреди улицы, избитых и окровавленных. Потом приехала полиция и арестовала нас. Когда нас волокли в полицейский фургон, я видел, как толпа людей в форме гонится по бульвару за очередным молодым зутером. Четверым пришлось держать девушку, пока не то двадцать, не то тридцать героев топтали ногами ее кавалера. Она плевалась и брыкалась, ее волосы,

уложенные в высокую прическу, растрепались, а солдатня отпускала шуточки насчет горячих мексиканочек.

К фургону подбежал протестующий англо. Это был владелец бара, и его заведение разгромили матросы. Зутера выбросили из окна.

— Это забота берегового патруля[1], — ответил ему полицейский и отвернулся.

В эту ночь и еще около недели после полчища вояк наводняли город, они нанимали целые флотилии такси и объезжали улицы, выискивая зутеров. Девушек насиловали, парней убивали, но арестовывали лишь *пачуко*. Ни один матрос, солдат или морской пехотинец не был обвинен в каком-либо преступлении. Полиция предпочитала скромно ездить вслед за бандитами и арестовывать избитых ими жертв. Газетные передовицы восхваляли военных, которые «выступили против беззакония». Многие в открытую сокрушались, что по приказу свыше рейды закончились прежде, чем «проблема зутеров» была решена окончательно.

Мигель Иностроса так и не попал в армию; у него отнялись ноги.

В тюрьме я быстро исцелился, и там я, по крайней мере, был защищен от насилия и произвола. Я с гневом узнавал про искалеченных людей и про матерей, которые протестовали против арестов и были за это избиты полицейскими. Городской совет Лос-Анджелеса принял резолюцию, приравнявшую ношение зут-костюма к преступлению.

Я выдержал этот долгий месяц, сознавая, что близится полнолуние. Запоры и решетки моей камеры казались прочными, возможно, достаточно прочными, чтобы удержать Лиса. Лица людей вокруг меня начали светиться. Я понимал, что должен противиться превращению.

Я вспоминал тех матросов в аллее. Некоторые лица просто-таки сияли, а другие — нет. Кто-то верил, что они делают правое дело; наверное, они были хуже тех, кто просто рад был получить возможность пойти и совершенно безнаказанно избить кого-нибудь.

---

[1] Полицейская служба ВМС или береговой охраны.

Меня выпустили через три недели, так и не предъявив никаких обвинений. Лунными ночами я рыскал по улицам, выискивая светящиеся лица и матросские костюмы. Я находил себе жертвы, но ни разу не встретил никого из тех людей, что изувечили Иностросу. Я убивал пьяных вояк, застав их поодиночке. Однажды я наткнулся на двух военных полицейских, насиловавших девушку, и с наслаждением убил их обоих. Девушка видела меня совсем близко, но никому об этом не сказала.

К концу полнолуния я выбился из сил. Я не сделал ничего, хотя пресса и вопила по поводу того, что полиция никак не может поймать «Зорро-убийцу», который метит свои жертвы зигзагом. Те, кто нападал на зутеров, в основном были уже за океаном, обращая теперь свою агрессию против японцев; в течение нескольких лет большинство из них, должно быть, будут мертвы. Не мне было решать, кому из них уцелеть в боях за Гуадалканал или Мидуэй[1]; правые и неправые, хорошие и плохие, все погибали на той войне.

Я устал, и я понял, что Хендрик имел в виду, говоря о *проклятии*. Как бы я ни сражался и ни убивал ради своего народа, сколько бы зигзагов ни оставлял, я не мог поделать ничего.

Я был одиночка, без помощи и поддержки. Зло было слишком безбрежно, и оно не имело лидера. Я не мог защитить даже друзей, вроде Иностросы, не говоря уже о целом народе, целой стране. И все же я видел свечение от лиц тех, кто заслужил смерть, все же я превращался лунными ночами и опять рисовал свой зигзаг.

Когда началась война, я работал на оборонном заводе. В октябре тысяча девятьсот сорок четвертого все обвинения против осужденных по делу Сонной Лагуны были аннулированы апелляционным судом. К тому времени они уже провели в тюрьме два года. После освобождения несколько молодых людей, имевших до этого вполне хорошую репута-

[1] Один из важнейших сражений Второй мировой войны на Тихом океане.

цию, в озлоблении начали совершать преступления и вскоре снова вернулись в тюрьму.

Когда мужчины с испанскими именами вернулись со справедливой войны, без рук и ног или в орденских лентах, и настойчиво потребовали, чтобы их обслуживали в тех барах и ресторанах, что были «не для мексиканцев», положение начало понемножку меняться, хотя бы внешне.

Я начинал чувствовать себя стариком.

XV

От пожаров в Джунглях стало светло. Война с зонком уже переплюнула «Def Con-V»[1]. Витрины лопались одна за другой, когда пламя принималось облизывать их. По сравнению с тем, что творила полиция этой ночью, избиение Родни Кинга[2] было безобиднее штрафа за неправильную парковку.

Стюарт трусил рысью, уходя от «упреждающих бунты репрессалий» вместе с остальными лисами, которых охотники гнали по широким улицам. Никого не арестовывали, приговоры приводились в исполнение прямо на месте.

Будь у него оружие, он бы отстреливался.

Горящие магазины никто не грабил. Люди были слишком заняты спасением своей жизни, чтобы интересоваться великолепным выбором бытовых электротоваров или элитной косметики.

Это не могло быть неким спонтанным планом по поимке человекозверя. Все было слишком масштабно, слишком хорошо организовано. Даже ради такого удивительного существа, как этот повстречавшийся Стюарту охотник, не было нужды посылать сюда целую армию. Ощущение у Стюарта было однозначным: все это спланировано заранее.

Из вертолетов звучали успокаивающие голоса, убеждавшие тех, кто был на земле, сложить оружие и сдаться.

---

[1] Кинофильм (1985), фантастика. — *Прим. пер.*

[2] В 1992 году, после того как коллегия присяжных, полностью состоявшая из белых, оправдала четверых полицейских, избивших молодого афроамериканца Родни Кинга, в Лос-Анджелесе начались погромы и нападения на белых. — *Прим. пер.*

— Вам не причинят никакого вреда.

Никто этому не верил. Наивных наблюдателей больше не осталось. Если тебя подстрелят — извините, но вы, должно быть, были в чем-то виновны.

Какого же черта все это значит?

Стюарт опрометчиво свернул на перекрестке налево и оказался в тупике. Перед ним была стена с пропущенной поверху колючей проволокой. Ему в жизни через нее не перебраться.

Он развернулся, и его нагнала боль. Его легкие и колени просто горели от боли. Прошло семь лет с того дня, когда он в последний раз играл в регби; его единственной физической нагрузкой была ходьба по лестнице, да и то нерегулярная.

— Вот дерьмо! — выдохнул Стюарт, незадачливый писатель, несостоявшаяся звезда Голливуда.

В переулок заскочил полицейский, к его шлему был прикреплен фонарь, похожий на шахтерскую лампу. Благодаря этому обе руки у него были свободны, чтобы держать оружие.

Стюарт сунул руку в карман куртки и вытащил свой паспорт.

— Британский подданный, — сообщил он. — Дипломатический иммунитет, — солгал он. — *Civis romanus sum*[1], — ляпнул он совсем уж от безнадежности.

— Кто там у тебя? — окликнул кто-то с улицы.

— Ниггер под кайфом, — отозвался полицейский через плечо.

Когда невидимый кто-то посоветовал: «Кончай его», Стюарт оттолкнулся от стены и кинулся на копа.

Он ощутил, как дуло пистолета ударило его в плечо, и был уверен, что ранен. Полицейский от неожиданности повалился навзничь. Его пистолет отлетел в кучу мусора.

Стюарт ощупал плечо. Ствол лишь ткнул его в руку, даже не порвав одежды.

Рассвирепев, он уперся коленями копу в грудь и сорвал с него шлем с фонарем. Показалось лицо. Молодое, белое, веснушчатое. Стюарт сжал кулак и изо всех сил ударил копа в нос, потом еще и еще.

---

[1] Я римский гражданин *(лат.)*.

Полисмены — твои друзья, учили его в школе. Полицейский — естественный враг черного человека, сказали ему здесь на вечеринке.

Нечто звериное, сидящее внутри его, побуждало его размозжить этому копу-убийце череп. Он начинал акклиматизироваться в Джунглях.

На Стюарта и полицейского упала тонкая тень. Стюарт поднял глаза.

— Да брось ты эту полицейскую свинью! Просто прикончи, и все! — сказала девушка.

Ярость остыла.

Мочить, кончать, *убивать*...

— Котик, — сказала девушка, нагибаясь.

В свете фонаря Стюарт узнал полуазиатку, что была с Алькальдом. У нее был серебристый пистолетик, и она выстрелила из него копу в лоб.

Стюарт почувствовал, что полицейский умер, его тело выгнулось в последней судороге между ног Стюарта, будто лошадка-качалка.

Он встал, дрожа, разом закоченев.

— Пошли, гангста, — сказала девушка, — давай-ка уберемся с улицы.

Она вывела его из проулка и довела по тротуару до двери. Группы зачистки ушли вперед, безжалостно прочесывая улицы.

Девушка открыла дверь и втолкнула Стюарта внутрь. Они оказались в прихожей, освещенной лишь отблесками фонарей, проникающими через световой люк.

— Эсперанца, — произнес слабый голос, — это ты?

Стюарт взглянул на нее. Она повела плечом:

— Эсперанца Нгуэн. Кое-кто зовет меня Дитя Войны, но это дурацкая шутка.

Девушка откликнулась, назвав себя.

Дверь отворилась, и Эсперанца провела Стюарта в комнату. Компьютеры и портативное издательское оборудование на столах, обложки периодики на испанском в рамках на стенах.

Там уже находился один из парней, которого Стюарт видел в «Кофейной остановке». Бок у парня был окровавлен, его трясло.

— Как он? — спросила Эсперанца, кивнув на Алькальда, полулежащего в просторном кожаном кресле.

— Плохо, блин, *очень* плохо, полное дерьмо! — глухо отозвался раненый парень.

Обескровленное лицо Алькальда было совсем белым. Похоже, его здорово отделали копы. На столе перед Алькальдом стоял старомодный квадратный телевизор, настроенный на программу новостей. Показывали снятые с воздуха виды горящих Джунглей.

На внутренних экранах инфракрасного порта красовались служебные фотографии Гарсиа и Скочмена.

— Из-за чего все это? — спросил Стюарт.

— Из-за тебя, гангста, — ответила Эсперанца.

На экране появилось фото Стюарта с его паспорта. Он терпеть не мог эту фотографию: там он был в своем старом школьном галстуке.

— Говорят, что тебя захватила наркомафия, — сказала она, переводя тарабарщину с экрана. — Два копа убиты, а ты пропал. В городе «оргия убийств полицейских», и шеф полиции Рюи направляет сюда отряды особого назначения.

Камера переключилась на мэра Джут, неправдоподобно хорошо выглядевшую для немолодой уже женщины, поднятой с постели среди ночи.

— Довожу до сведения прессы, — объявила она, — что погибшие офицеры будут представлены к награде. Горожане поддерживают привлечение в город дополнительных сил и деятельность правоохранительных органов.

— Что насчет заложника? — спросил журналист, явно настоящий, а не продукт компьютерной графики.

— Делается все возможное, чтобы найти Стюарта Финна. Я только что связалась с премьер-министром Хеселтайном и заверила его, что лучшие наши оперативники сейчас на улицах и...

— Я за *него* не голосовал, — брякнул Стюарт.

— На данный момент шансов на то, что мистер Финн еще жив, похоже, остается все меньше. Наркобандиты уже продемонстрировали нам свою звериную беспощадность.

Снова включение из студии, и диктор резюмировал:

— Два офицера полиции Лос-Анджелеса, преследовавшие бандитов после неспровоцированного нападения, найдены мертвыми...

Запись на зернистой пленке для домашнего видео показала два обгоревших тела, подвешенных за скованные руки. Камера приблизилась к обожженному лицу. Это был Гарсиа.

— ...а английский писатель, участвовавший с ними в патрулировании, исчез...

Гарсиа и Скочмен подставили Стюарта, а потом подставили их самих. Весь этот бунт был подстроен.

Но зачем?

— Шеф полиции Рюи поклялся...

Алькальд зашелся в кашле. Стюарт понял, что у мужчины сломана по меньшей мере пара ребер.

— Они обрушились на нас как шквал, — сказал раненый парень. — Когда началась вся эта заваруха, они взяли Алькальда. Все было продумано, мать их! По радио я услышал, что других тоже забрали. Не только гангстеров, черт. Других, таких как Алькальд. Тот священник-коммунист, он мертв. И пара женщин из Комитета по делам пропавших без вести. Просто хирургическая точность. Чтобы заткнуть рты всем смутьянам, блин.

Эсперанца была задумчива.

— Всей этой муре насчет единства духа конец. — Парень обвел рукой вокруг. Повсюду были плакаты против наркотиков, программы образовательных кампаний, портреты достойных подражания представителей национальных меньшинств. — Правы были Калдиарри, Дитя Войны. Надо было просто дать им сдачи.

Алькальд умер.

Эсперанца раздумывала. Парень взвешивал в руке пистолет-автомат, ему не терпелось выйти на улицу и подстрелить пару-другую копов. Наконец девушка кивнула, соглашаясь.

— Слушай, гангста, — сказала она, ткнув пальцем в Стюарта, — мы к рассвету умрем, умрем или исчезнем. Но ты, ты должен жить — жить, чтобы показать их ложь. Ты ведь писатель, так? Расскажи об этом. Расскажи всем, как это было на самом деле.

Похоже, можно было смело держать пари, что Стюарту больше не придется работать над сценарием «Крадущейся тени»...

— Ты герой, мужик, — сказал раненый мальчишка. — По тебе сразу видать.

Он был один. Разрывы стихли, хотя перестрелки временами еще вспыхивали. По телевидению взахлеб изливали потоки очередной лжи и повторяли шокирующие снимки отредактированной правды. Было много разговоров об арестованных наркобандитах, но ни слова об убитых общественных лидерах.

Алькальд попал в списки тех, кого надо было убрать. Стюарт сделал вывод, что он пытался подавать пример своему народу, пытался удержать людей от бандитизма, от наркотиков. Мысль о тщетности его усилий повергала Стюарта в отчаяние.

Там, на улицах, были мальчишки, которые поверили Алькальду, они прилежно учились и старались изо всех сил; теперь они были так же мертвы, как наркоманы и бандиты.

И еще он подумал, где же был человекозверь во время этого побоища? Погиб, наверно. Когда по всему городу идут бои, одно маленькое невероятное чудо мало что значит.

Дверь офиса распахнулась.

— Дерьмовая смерть, — вымолвил Стюарт.

В комнату ввалился молодой парень. Это был Вега, один из юнцов Алькальда. Одежда на нем была разодрана. Он явно побывал в переделке.

— Черный человек, — сказал он, глядя на Стюарта, — я устал.

Глаза его сверкнули. Стюарт узнал их и отшатнулся к столу.

Вега улыбнулся; улыбка превратилась в оскал. Острая морда охотника обозначилась на лице Веги и спряталась вновь.

Теперь, когда Стюарт узнал тайну Веги, мог ли человекозверь оставить его в живых? У всех в Лос-Анджелесе есть основания считать, что будет удобнее, если Стюарт Финн умрет.

— Что я такого сделал? — спросил он. — Написал книгу? Голливуд предложил, я взял деньги. Я что, заслуживаю смерти за это?

— Смотря какой будет фильм, — ухмыляясь, ответил Вега.

XVI
Из «Песен» Диего

— Итак, черный человек, вот кто я такой, что я совершил, чем я был и чему научился.

Одни называют меня монстром, другие — героем. Тебя они будут называть так же. Я же точно знаю, что я ни то и ни другое. Я просто глупец. Я знал, что ничего не могу поделать, ничего не могу изменить, кроме себя, но я вынужден был делать хотя бы то, что в моих силах. Многие приняли заслуженную смерть от моей руки, но многие заслуживающие ее ничуть не меньше так и не встретились на моем пути. Я лишь рубил отдельные жалкие деревья среди непрерывно разрастающихся Джунглей.

Тот мертвый бедняга, Алькальд, был лучше меня. Он был человеком мира, знания, любви. Его путь лучше. И все же он убит. Другие, мужчины и женщины доброй воли, убиты тоже. Все так же плохо, как было всегда, и я невыразимо устал. Мои дни подошли к концу, и я не жалею об этом.

Сначала я думал, что убиваю ради своего *народа*. Я ошибался. Я убивал ради *себе подобных*. Чикано, черных, белых, любых. У мне подобных бывает разный цвет кожи. Я за *бедняков*, за нищих, угнетенных, за тех, кем пренебрегают, за неудобных. Я — песня скорби, истинный *грито де долорес*[1].

Мои усилия были тщетны, но я до сих пор не прекращал их.

Ты другой, чем я. Ты смиришься с *проклятием*. Ты станешь бороться с ветряными мельницами, потому что у тебя нет выбора. Будешь стоять по колено в море и кричать волнам «уходите прочь!» Мне искренне жаль тебя, но у меня тоже нет выбора, как не было и в самом начале. Твое лицо

[1] Вопль горя *(исп.)*.

светится, не так, как лица тех, кого я убивал, оно сверкает радужным огнем. *Старец*, должно быть, тоже увидел эту радугу на моем лице.

Живи со своей легендой долго, черный человек...

XVII

— Что ты имеешь в виду? — спросил Стюарт.

— Вот это, — ответил Диего Вега, протягивая хрупкую руку.

По лицу его промелькнула боль. Глаза мальчишки стали древними.

Диего подался вперед и коснулся лица Стюарта.

Вспыхнула электрическая дуга. Стюарт содрогнулся и упал, врезавшись головой в ножку стола. Тело его сотрясалось, и что-то странное растекалось по жилам.

Через некоторое время сознание вернулось. Он не знал, как долго был без сознания. *Сказание*, которое поведал ему Диего Вега, отпечаталось в его мозгу, словно память этого человека перешла от него к Стюарту в миг электрического разряда.

Он пополз по полу и отыскал тело. Диего Вега был мертв; старик, высохший, как мумия. Но и в смерти черты его лица не обрели покоя. Больше в доме никого не было.

Стюарт стоял, удивляясь тому, как изменился он сам.

Пока Диего говорил, доносящийся из Джунглей шум стал другим. Меньше было выстрелов и взрывов, больше сирен и вертолетного гула. Они не обращали внимания на телевизор, а тем временем мерцающие изображения насилия исчезли. Улицы брали под свой контроль спецподразделения.

Стюарт понимал, что ему надо выбираться из офиса. Его ищут. Он должен отыскать подходящий способ вернуться из Джунглей. Для этого нужна публика, желательно телевизионщики. Мэр Джут заявила, что он, вероятно, мертв, и многие ее подчиненные без колебаний превратили бы ее предположение в констатацию факта.

Дверь пинком распахнули, и в комнату ввалились трое копов, держа наготове поблескивающие пушки.

Стюарт, страдая от происходящих с ним непонятных мучительных перемен, приготовился умереть. Он умрет, так и не раскрыв свой дар.

— Это он, — сказал коп. — Финн, британец.

Они вели его, полужертву-полутрофей. Офицер обстоятельно докладывал по мини-рации.

Джунгли были укрощены. Трупы исчезли. Теперь повсюду наводили порядок. Группы людей растаскивали сожженные автомобили, выискивали уцелевших и преступников, даже собирали стреляные гильзы, точно уборщики мусора.

Перенесенное Стюартом потрясение было слишком сильным, чтобы он чувствовал усталость. Несколько раз за прошлую ночь он думал, что стал другим человеком. Теперь он действительно был им. Он вспоминал голос Диего, одновременно настойчивый и неуверенный, и его *песню*, которая была и обучением, и подготовкой.

Мелкие бизнесмены вздыхали над дымящимися развалинами своих магазинчиков. Плачущие матери искали трупы сыновей. На обведенных мелом контурах трупов лежали похоронные венки. Вокруг стояли полицейские с бумажными стаканчиками кофе. Репортеры рыскали в поисках интервью с пожарными и копами.

И все жаждали услышать историю Стюарта.

Его потащили туда, где целая свора охотников за новостями совала камеры и микрофоны прямо под нос кучке должностных лиц. Здесь были полицейские в форме, с перепачканными во время акции лицами, и серьезные, улыбающиеся высокопоставленные особы. Он узнал шефа полиции Рюи и мэра Джут.

Их лица сияли, словно лунный свет.

От этого сияния Стюарта затошнило. Он стиснул кулаки и ощутил, как его острые, прочные ногти впиваются в кожу. Его указательные пальцы удлинялись и странно ныли в суставах. Боль не была неприятной, она только говорила о нарастающих изменениях во всем существе Стюарта Финна.

Толпа раздалась и приветствовала Стюарта. На него обрушили сотни вопросов, но какой-то тип, которого Стюарт

никогда в жизни не видел, объяснил, что «мистер Стюарт совершенно измучен после этих ужасных испытаний, но позже он ответит на все серьезные вопросы».

Стюарт понял, что, прежде чем ему позволят что-нибудь сказать, его ждет детальный допрос.

Шеф полиции Рюи и мэр соперничали за право пожать ему руку. Мэр, которая была на голову их выше, победила. Стюарт, ошеломленный тем, что голова ее была заключена в почти непроницаемый, похожий на осиное гнездо кокон света, ответил на рукопожатие мэра Джут.

Он до крови оцарапал ей ладонь и улыбнулся.

— Прошу прощения, — извинился он.

— Эта чудовищная ситуация больше не повторится, — твердил шеф полиции журналистам. — Когда сегодня вечером взойдет луна, все будет совсем иначе.

— Это верно, — заметил Стюарт.

Покачнувшись, будто бы от слабости, он задел окровавленной рукой крышу бронированной полицейской машины. Она была теплой от августовского солнца.

Диего Вега проговорил почти целый день, тем временем незаметно умирая, а что-то внутри его собиралось, чтобы совершить *скачок*. Теперь вечерело, а за вечером надвигалась ночь.

Улыбка Стюарта стала еще шире, он провел языком по зубам и ощутил их непривычную остроту.

— Как бы ни хныкали сердобольные политики[1], — говорил Рюи, разводя руками, — зло повсюду вокруг нас. И зло должно быть уничтожено. Те, кто творит его, должны быть наказаны.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Стюарт.

Он взглянул на испачканную им машину. Его метка уже подсыхала. Его кровавый знак.

Зигзаг.

---

[1] Презрительная кличка ультралибералов, введенная в политический обиход ультраконсерваторами. — *Прим. пер.*

ДЖО ФЛЕТЧЕР

Лунное сияние

Джо Флетчер (Jo Fletcher) – писательница, также работает рецензентом и редактором-консультантом в различных британских издательствах. Ведет постоянную колонку в изданиях «Science Fiction Chronicle» и «The British Fantasy Newsletter». Вместе со Стивеном Джонсом участвовала в выпуске антологии «Газовый свет и привидения» (Gaslight and Ghosts), публиковалась в составе антологии «Теперь мы больны» (Now We Are Sick). Ее эссе были опубликованы в сборниках «Власть страха» (Reign of Fear), «Пир страха» (Feast of Fear), «Джеймс Герберт: преследуемые ужасом» (James Herbert: By Horror Haunted) и «Величайшие тайны мира» (The World's Greatest Mysteries).

Слышишь, дети ночи поют?
Им неведом покой и уют,
Жажда крови во тьму их зовет,
На охоту, вперед.

Свет мучительно яркой луны –
И они, жаждой крови полны,
К небесам обращают свой вой
С задранной головой.

Полнолунье проклятье таит,
Свет луны, восходящей в зенит,
Заставляет их облик менять
И в ночи убивать.

Тише тени во тьме проскользнут,
Только желтым глаза их сверкнут,
Быстро жертву настигнет в ночи
Смерть – кричи не кричи.

На рассвете, роняя с клыков
Клочья пены и кровь, из волков
Превратятся обратно в людей,
Разбегутся скорей,

Чтобы ночи ждать, трепеща,
Под покровом ее плаща
Вновь являть собой страшные сны
В ярком свете луны.

«Introduction: Even a Man Who is Pure in Heart...» copyright © 1994 by Stephen Jones.

«Twilight at the Towers» copyright © 1985 by Clive Barker. Originally published in *Books of Blood Volume 6*. Reprinted by permission of the author.

«The Dream of the Wolf» copyright © 1984 by Scott Bradfield. Originally published in *Interzone* 10, Winter 1984/85. Reprinted by permission of the author.

«Night Beat» copyright © 1973 by Ramsey Campbell. Originally published in *The Haunt of Horror*, No. 1, June 1973. Reprinted by permission of the author.

«The Werewolf» copyright © 1975 by R. Chetwynd-Hayes. Originally published in *The 4th Armada Monster Book* (as by Angus Campbell). Reprinted by permission of the author.

«Rain Falls» copyright © 1994 by Michael Marshall Smith.

«Guilty Party» copyright © 1988 by Stephen Laws. Originally published in *Fear* No. 2, September-October 1988. Reprinted by permission of the author.

«Essence of the Beast» copyright © 1994 by Roberta Lannes.

«Immortal» copyright © 1994 by Mark Morris.

«Cry Wolf» copyright © 1974 by Basil Copper. Originally published in *Vampires, Werewolves & Others*. Reprinted by permission of the author.

«Rug» copyright © 1994 by Graham Masterton.

«The Whisperers» copyright © 1994 by Hugh B. Cave. Originally published in slightly different form in *Spicy Mystery Stories*, April 1942. Copyright © 1977 by Carcosa. Reprinted by permission of the author and the author's agent.

«And I Shall Go in the Devil's Name» copyright © 1994 by David Sutton.

«The Foxes of Fascoum» copyright © 1994 by Peter Tremayne.

«One Paris Night» copyright © 1992 by Karl Edward Wagner. Originally published in *Grails: Quests, Visitations and Other Occurrences*. Reprinted by permission of the author.

«Soul of the Wolf» copyright © 1994 by Brian Mooney.

«The Hairy Ones Shall Dance» by Manly Wade Wellman copyright © 1938 by the Popular Fiction Publishing Company. Originally published in *Weird Tales*, January, February and March, 1938. Reprinted by permission of the author's executor, Karl Edward Wagner.

«Heart of the Beast» copyright © 1994 by Adrian Cole.

«Wereman» copyright © 1990 by Les Daniels. Originally published as «By the Light of the Silvery Moon» in *Borderlands*. Reprinted by permission of the author.

«Anything But Your Kind» copyright © 1994 by Nicholas Royle.

«The Nighthawk» copyright © 1982 by Dennis Etchison. Originally published in slightly different form in *Shadows*. Copyright © 1978 by Charles L. Grant. Reprinted by permission of the author.

«The Cell» copyright © 1969 by David Case. Originally published in *«The Cell (and Other Stories)»*. Reprinted by permission of the author.

«Boobs» copyright © 1989, 1990 by Suzy McKee Charnas. Originally published in slightly different form in *Isaac Asimov's Science Fiction Magazine*, Vol. 13, No. 7, July 1989. Reprinted by permission of the author.

«Out of the Night, When the Full Moon is Bright...» copyright © 1994 by Kim Newman.

«Bright of Moon» copyright © 1994 by Jo Fletcher.

Содержание

Вступление. ДАЖЕ ТОТ, КТО СЕРДЦЕМ ЧИСТ...
Пер. В. Полищук 7
Клайв Баркер. СУМЕРКИ НАД БАШНЯМИ
Пер. С. Теремязовой 11
Скотт Брэдфилд. СОН ВОЛКА. *Пер. О. Александровой* 50
Рэмси Кэмпбелл. НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО. *Пер. В. Двининой* . 82
Рональд Четвинд-Хейс. ОБОРОТЕНЬ. *Пер. Т. Казаковой* 89
Майкл Маршалл Смит. И РАЗВЕРЗНУТСЯ ХЛЯБИ НЕБЕСНЫЕ. *Пер. Т. Казаковой* 103
Стивен Лауз. ПОСЛЕ ВЕЧЕРИНКИ. *Пер. Н. Киктенко* 115
Роберта Лэннес. ЗВЕРИНАЯ СУЩНОСТЬ. *Пер. И. Богданова* 133
Марк Моррис. БЕССМЕРТНЫЙ. *Пер. И. Богданова* 158
Бэзил Коппер. ПЛАЧЬ, ВОЛК. *Пер. И. Тарасенко* 183
Грэм Мастертон. КОВЕР. *Пер. Н. Киктенко* 194
Хью Б. Кейв. ШЕПТУНЫ. *Пер. В. Полищук* 212
Дэвид Саттон. Я ПРИДУ ВО ИМЯ ДЬЯВОЛА
Пер. И. Русаковой 230
Питер Тримейн. ЛИСЫ ФЭСКОМА. *Пер. И. Русаковой* 246
Карл Эдвард Вагнер. ОДНА НОЧЬ В ПАРИЖЕ
Пер. И. Русаковой 273
Брайан Мунн. ДУША ВОЛКА. *Пер. И. Русаковой* 287
Мэнли Уэйд Веллман. «И КОСМАТЫЕ БУДУТ СКАКАТЬ ТАМ...» *Пер. И. Богданова* 319
Адриан Коул. СЕРДЦЕ ЗВЕРЯ. *Пер. В. Двининой* 401
Лес Дэниэлс. ОБОРОТЕНЬ. *Пер. В. Двининой* 418
Николас Ройл. МЫ С ТОБОЙ КРОВИ НЕ ОДНОЙ
Пер. Н. Алешиной 425
Дэннис Этчисон. НОЧНОЙ ХИЩНИК. *Пер. И. Русаковой* . . . 445
Дэвид Кейс. КЛЕТКА. *Пер. И. Богданова* 464
Сюзи Макки Чарнас. СИСЬКИ. *Пер. Е. Ластовцевой* 532
Ким Ньюман. НОЧЬЮ, В СИЯНИИ ПОЛНОЙ ЛУНЫ...
Пер. Е. Ластовцевой 556
Джо Флетчер. ЛУННОЕ СИЯНИЕ. *Пер. В. Полищук* 635

Литературно-художественное издание

ОБОРОТНИ

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Светлана Белова
Редакторы Ольга Александрова, Александра Банченко, Ольга Рейнгеверц, Инна Сергиенко
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ирина Киселева, Елена Орлова, Людмила Ни
Верстка Александра Савастени

Подписано в печать 01.08.2008.
Формат издания 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Гарнитура «Петербург».
Усл. печ. л. 33,8. Тираж 10 000 экз. Изд. № 46. Заказ № 10701.
Издательский Дом «Азбука-классика».

ООО «Фантастика»
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Антология «Оборотни» — новый сборник из серии «Лучшее» — собрала под своей обложкой поистине уникальные образцы жанра хоррор, как современные, так и ставшие уже классическими. Клайв Баркер, Скотт Брэдфилд, Грэм Мастертон, Марк Моррис, Ким Ньюман и другие замечательные авторы представляют на суд читателей свои рассказы, многие из которых были написаны специально для этой антологии и на русском языке выходят впервые.

Кто они, скрывающиеся под личиной зверя, разрушающие, убивающие тех, кого любят? Кто они, терзаемые угрызениями совести в человеческом облике? Обреченные меняться в полнолуние, ведомые своими инстинктами, они рядом, они живут среди нас, и ты никогда не узнаешь, кто следующий...

ISBN 978-5-91377-046-2

www.azbooka.ru